

ВНѢШНІЙ БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора при кор. Академіи Художествъ въ Берлиѣ.

ТОМЪ III.

ИСТОРІЯ ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЯ И УТВАРИ

(СЪ XIV СТОЛѢТІЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ).

Съ 900 отдѣльными изображеніями, рисованными Ф. Вейсомъ.

ЧАСТЬ II-я.

СЪ 16-го СТОЛѢТІЯ.

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Издание К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія Т. Рязъ, у Яузской части, домъ Медынцевой.
1879.

ВНѢШНІЙ
БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора имп. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

ТОМЪ III.

Съ 900 отдѣльн. изображеніями, рисованными Ф. Вейсомъ.

МОСКВА.
Типографія Т. Рису, у Яузской части, д. Медынцева.
1879.

ИСТОРІЯ ОДЕЖДЫ, ВООРУЖЕНІЯ И УТВАРИ

ОТЪ 14-ГО СТОЛѢТІЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора кор. Акад. Художествъ въ Берлинѣ.

Часть II-я.

СЪ 16-ГО СТОЛѢТІЯ.

Съ нѣмецкаго В. Чаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія Т. Риезъ, у Яузской части, домъ Медынцовой.
1879.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящею книгою заканчивается третій и послѣдній томъ русскаго изданія сочиненія Вейса: *Kostümkunde*. Какъ въ этой 2-й, такъ и въ предшествовавшей ей 1-й части 3-го тома перевода сдѣланы нѣкоторыя отступленія отъ нѣмецкаго подлинника, и переводчикъ считаетъ себя обязаннымъ указать ихъ. Во первыхъ, частію выпущены, частію сокращены слишкомъ пространныя подробности, не представляющія общаго интереса; напр. выдержки изъ хроникъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ, постановленій городскихъ властей, перечни именъ нѣмецкихъ художниковъ и ремесленниковъ и т. п., и нѣкоторыя повторенія, введенныя авторомъ очевидно только для того, чтобы не нарушать внѣшней симметріи принятыхъ имъ рубрикъ: напр. при описаніи отдѣльных частей облаченія, вооруженія. Во вторыхъ, въ настоящей 2 части опущены историческіе обзоры 17-го и 18-го столѣтій (въ началѣ 3-го и 4-го отдѣловъ сочиненія): заключая въ себѣ очеркъ по необходимости очень бѣглый, исторіи этихъ двухъ столѣтій, знакомой каждому образованному читателю, по крайней мѣрѣ въ главныхъ ея чертахъ, обзоры эти имѣютъ только отдаленное отношеніе къ главному предмету сочиненія — исторіи внѣшняго быта, и могли быть выпущены безъ всякаго вреда для ясности и полноты послѣдней, тѣмъ болѣе, что поскольку возникновеніе и видоизмѣненіе различныхъ формъ внѣшняго быта обуславливалось развитіемъ историческихъ событій и движеніемъ культуры вообще, это разъяснено авторомъ при самомъ описаніи этихъ формъ. Во всемъ остальномъ переводчикъ старался какъ можно ближе держаться подлинника, хотя и не считалъ нужнымъ передавать его съ дословною точностью, на томъ основаніи, что переводимое сочиненіе уже по своему содержанію не требовало такой буквальной передачи.

Мартъ. 1879.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Внѣшній бытъ 16-го столѣтія.

Историческій обзоръ стр. 1—11.

А. ОДЕЖДА.

(А. 2. Вооруженіе. А. 3. Священ. облаченіе).

І. Испанія, Франція и Англія, Нидерланды.

Испанія. стр. 11—22.

Костюмъ отъ 1500 до 1550: Законы противъ роскоши и вліяніе двора 12. Упадокъ туземной промышленности; матерія; изобрѣтеніе вязаного трико 13.

Мужской костюмъ 13 (его покррой, отдѣлка и цвѣтъ 14; обувь 14; верхняя одежда 14; головные уборы, прическа и принадлежности мужск. костюма 15).

Женскій костюмъ 15 (покррой и отдѣлка; лифъ и юбка 16; головной уборъ и прическа 17; обувь 17; mantilla, перчатки, вѣрь и украшенія 18).

Костюмъ отъ 1550 до 1600: мужской высшихъ классовъ: 18—20 (брыжи и маншеты; плащъ; манера носить шпагу и кинжалъ); женскій 20—21 (вліяніе французской моды на его измѣненія). Костюмъ среднихъ классовъ 22. Траурная одежда 22.

Франція и Англія. стр. 23—54.

Францискъ І и Генрихъ VIII; характеристика ихъ дворовъ 23. Усиленіе роскоши и мѣры противъ нея 24—25. *Костюмъ отъ 1500 до 1550:* мужской 26—29; женскій. 29—33 (испанскій кост. 29; убранство головы 31; обувь, перчатки, опахала 32) *Костюмъ отъ 1550 до 1600* (Екатерина Медичи и ея дворъ 33; Генрихъ III и его mignons 34; придворная жизнь 35; Генрихъ IV и его дворъ 36; законы противъ роскоши 36. Обычай авглійскаго двора; запретительныя постановленія 37; изобрѣтеніе вязальнаго станка 38) — мужской кост. *отъ 1550 до 1574:* 38—39; *отъ 1574 до 1589* (кост. Генриха III и его mignons) 41—43; *отъ 1589 до 1600* (вліяніе Италіи; кост. Генриха IV) 44—45; — женск. кост. *отъ 1550 до 1574* (вліяніе на него Екатерины Медичи и ея дочери Маргариты 45—46; покррой его 46; vertugadins и др. подкладки 47; фрезы 47; ratins, кальсоны, вязанные чулки, маски (loups), носовые платки 47); *отъ 1574 до 1589* (измѣненія покроя 48; рукава и gigots 49; различныя формы воротника 50; прическа, головные уборы, обувь и принадлежности дамскаго туалета 50, Брантомъ о Маргаритѣ Наваррской 51); *отъ 1589 до 1600* (неумѣренное обнаженіе груди и плечъ и вызванная имъ папская булла 52; юбки для верховой ѣзды 53; grisettes 53; обувь и прическа 53). Траурная одежда 54.

Нидерланды. стр. 54—57.

(Вліяніе Франціи и Испаніи 55—56; „Geusen“ 57).

II. Германія, Скандинавскія земли и Швейцарія; Италія.**Германія, Скандинавія и Швейцарія,** стр. 57—91.

Постановленія противъ роскоши 57. Вліяніе Германіи на Швецію и Данію и на Швейцарію 58. *Костюмъ отъ 1500 до 1550*: мужской 60 (мода на прорѣзы 60—62; *mi-parti* 62; верхняя одежда (Schaube) и ея виды 63—65; головные уборы 65; обувь (утиные носы и медвѣжьи когти) 66; прическа и борода 67); женскій — 67 („нѣмецкая“ мода 67; покрой лица и Goller 68; поясъ 68; головн. уборъ и обувь 69; прическа 69). Усилевіе щегольства 70. Мѣры противъ роскоши и уставъ объ одеждѣ 71—75. Подобныя же мѣры въ Швеціи и Швейцаріи 75. Жалобы на безобразіе одежды 77.—*Костюмъ отъ 1550 до 1600*: мужской 77 (прорѣзы 77; шаровары (pluderhosen) 78; костюмъ ландскнехтовъ 78; *mi-parti* 79; мѣры противъ Pluderhose 79; приближеніе къ испанскимъ и французскимъ формамъ 81; брюжи и маншеты 82; верхняя одежда 83; шляпы и бареты 83; обувь 84; перчатки 84; прическа 84); женскій 84 (его неуклюжесть 84; верхнее и нижнее платье 84; юпки на обручахъ 85; фрезы 86; Goller 87; кальсоны и чулки 87; обувь 87; плащъ 87; головные уборы 87; вуаль 88; прическа 88). Траурная одежда обоихъ половъ 88. Щегольство 89. Драгоценныя вещи 90. Косметики 90. Постановленія для поддержанія сословныхъ различій костюма 91.

Италія, стр. 91—104.

Костюмъ отъ 1500—1550 г.: мужской 91 (кафтанъ и фасонъ рукавовъ 92; прорѣзы 92; обувь 92; длинная одежды 93; головные уборы 93); женскій 93 (фасонъ и отдѣлка платьевъ 93; головные уборы и прическа; маски 94). *Костюмъ отъ 1550—1600* (усвоеніе иноземныхъ формъ): мужской 94 (кафтанъ и куртка, фасонъ рукавовъ, трико и полуштаны, обувь 95; длинная одежды, плащи, домашнее платье 95; головные уборы, прическа и борода 96); женскій 96 (медленное измѣненіе его подъ вліяніемъ иноземныхъ формъ 96; его общій характеръ 97; мѣстныя особенности 97; обувь, кальсоны и чулки 99; головные уборы 99; прическа 100; бѣленіе волосъ 101; вуаль, маска 101; перчатки опахала, носовые платки, блокхолеры, муфты 102; богато костюмовъ 102; куртизанки 102). Траурная одежда 103. Деревенскіе костюмы 103.

III. Польша, Венгрія и Россія.**Польша,** стр. 104.

Положеніе страны и вѣтшивіи вліянія 104. Мужской костюмъ 105 (его общій характеръ 105; кафтанъ 105; верхняя одежда 105; обувь 106; головныя покрываши и манера носить волосы 106); женскій 107.

Венгрія, стр. 107.

Турецкое вліяніе 107. Мужской костюмъ 107; женскій — 110.

Россія, стр. 110.

Мужская одежда 110 (кафтанъ, фезъ, длинный кафтанъ 111; шапки 112; обувь 112); женская 112. Распоряженія относительно иностранцевъ 113.

IV. Турція, стр. 115.

Своеобразность культуры османлисовъ 115. Костюмъ вообще, матеріи, цвѣта 115. Мужская одежда 117 (штаны, рубашка, куртка 117; кушакъ, верхнее платье 118; обувь 121; чалма 121; другіе головные уборы 123; волосы и борода 123; драгоценныя вещи, чотки, носовой платокъ 123); женская одежда 123 (установленіе ея Магометомъ 123; штаны, рубашка, бешметъ, казакія 124; верхняя одежда (вереджъ) и покрывало (марамъ) 125; обувь 126; головной уборъ 126; прическа 127; украшенія и косметики 127). Трауръ 128.

Одѣяніе государей и должностныхъ отличія, стр. 128—137.

Короновальный нарядъ и церемоніальная одежда германскихъ императоровъ 128. Королевскій орнатъ 128. Орнатъ курюрстовъ 129. Орнатъ королей французскихъ 130, — англійскихъ 130, — испанскихъ 131, — итальянскихъ государей 132; — русскихъ царей и царицъ, королей венгерскихъ и польскихъ 132. Придворный костюмъ 132.

Должностныя отличія: вообще 133; — во Франціи 133 (костюмы должностныхъ лицъ, ученыхъ и врачей); — въ Англіи 134; — въ Германіи и Скандинавскихъ земляхъ 135; — въ Италіи 136.

2. Оружіе и вооруженіе, стр. 137—165.

Оборонительное вооруженіе 137 (цолное, половинное и ландскнехтовъ). Измѣненіе отдѣльныхъ его частей: *отъ 1500 до 1550 г.* (бургундскій шлемъ 138; Sturmhaube 139; воротникъ 139; наплечники 139; налокотники 140; перчатки 141; нагрудникъ и наспинникъ 141; набедръ 141; наколѣнники и поножи, башмаки 143; щитъ 144); *отъ 1550 до 1600 г.* (каска 145; воротникъ, наплечники, локотники, перчатки 145; нагрудникъ и наспинникъ 146; поножи 146; щитъ 146). Выдѣлка и отдѣлка вооруженія 147. Знаменитые оружейники 148. Конское вооруженіе 149. — Турнирное вооруженіе 149. — Нападательное вооруженіе: *отъ 1500 до 1600 г.*: мечъ и его различныя формы, рапира 152; Panzerstecher 153; кинжалъ и стилетъ 153; коше и дротъ 153; древковыя оружія (партизаны, алебарды, Glaiven, Spetum, Sponton) 153; утренія звѣзды или кропила 153; боевыя цѣпы, вилы, молоты, топоры, палицы 154; простой лукъ и самострѣлы 155. Ручное огнестрѣльное оружіе 155 (фитальный, колесный и испанскій замокъ 155—6); пищаль, мушкетъ, аркебуза, esoprette 157; пистолетъ 157; ружья заряжающіяся сзади и духовыя 158. — Военное устройство 158. Постоянное войско 159; ополченіе 159; ландскнехты 160. Герольды 161.

Вооруженіе Русскихъ 162; Поляковъ, Венгровъ и Турокъ 163 (стрѣльцы и янычары 165).

3. Облеченіе духовенства, стр. 166—179.

Вліяніе новаго умственнаго и художественнаго направленія. Италія его исходный пунктъ 166. Измѣненіе облеченія въ формѣ и украшеніяхъ 166. Противодѣйствіе нововведеніямъ 167. Католическое облеченіе: чулки, башмаки, нарамникъ, альба, поясъ, стола, ручникъ 167; далматика и туницелла, перчатки, перетонъ, митра 168; жезлъ, лента, оплечникъ, наперсный крестъ 169; мантия, стихарь, баретъ, almutium 170. Кардинальское облеченіе 170. Облеченіе различныхъ духовныхъ чиновъ 170. Отличительныя одежды нѣкоторыхъ духовныхъ степеней 171. Обыкновенная одежда католическаго духовенства 172. Борода 174. — Облеченіе и одежда протестантскаго духовенства. Взглядъ Лютера на внѣшности богослуженія 175. Лютеранское духовенство 175; реформатское въ Швейцаріи 176. — Реформація въ Англіи и ея вліяніе на измѣненіе облеченія англійскаго духовенства 177. Обыкновенная одежда протестантскаго духовенства 178. — Монахи и іезуиты 179.

Б. У Т В А Р Ь.

Утварь отъ 1500 до 1600 г. стр. 179—255.

Стиль Возрожденія (ренесансъ) 179. Орнаментъ, его характеръ и разнообразіе 180. Гротескъ 180. Архитектурный орнаментъ 181. Памятники античной утвари какъ образцы 181. Отношеніе утвари къ архитектурѣ 182. Распространеніе ренессанса внѣ Италіи и его мѣстныя видоизмѣненія: въ Испаніи (ювелирный стиль) 183; во Франціи 184; въ Германіи и Скандинавскихъ земляхъ 185; въ Англіи 187; восточная Европа 187. — Складъ общественной жизни въ различныхъ странахъ: въ Италіи 187; въ Испаніи и Франціи 188; въ Нидерландахъ, Германіи, Скандинавскихъ земляхъ 189; въ Англіи, Швейцаріи 190. Города 191.

Искусства и ремесла 191. Отдѣленіе искусства отъ ремесла и вліяніе этого отдѣленія на развитіе послѣдняго 191. Пониженіе ремесленности; ремесленное сословіе 192. Выдѣленіе личности 193. — Состояніе отдѣльныхъ ремеселъ: ювелирнаго и золотыхъ-дѣлъ-мастерства 193; эмальернаго искусства 196; граненія драгоценныхъ камней и рѣзбы на нихъ 196; рѣзбы изъ слоновой кости 197; рѣзбы по дереву 197 (рѣзные потолки 197; наборная работа 198; cabinets и kunstschränke 199); кузнечнаго и слесарнаго 199 (рѣзба по желѣзу 200); жестяничнаго 201; оловяничнаго 201; литейнаго 202. Обработка стекла и стеклянныхъ издѣлій 202. Гончарное мастерство 204 (Италія: майолики и фаянсы 205; медячсовскій фарфоръ 206. — Франція: каменная посуда (grès cérame) 206; faïence Henry II 207; Паласы 207. — Германія и Нидерланды 208. Англія 209). — Тканье ковровъ 209. — Вышиванье 210. — Тисненая кожа 210. — Росписныя панели, стѣнные зеркала, часы 210.

Взаимное отношеніе утвари церковной и свѣтской 211. Убранство домовъ: въ Италіи 211, въ Испаніи и Франціи 212; въ Нидерландахъ 212; въ Англіи, Швеціи, Даніи и Норвегіи 212; въ Германіи 213; въ Швейцаріи 213.

Домашнія утвари: сосуды и посуда 215 (настолиники 216; раковины 218: „серебряныя общества“ 218; солонки 218; кувшины 219; кружки 220; питьевые сосуды 221;) зазданный кубокъ, willkommen 223; стеклянные сосуды 224, майоликовые, фаянсовые; изъ слоновой кости 225; подносы 225, блюда, конфектницы 226). Столовые приборы 226. Показаны блюда (живые пастеты) 227. — Мебель (ея отдѣлка 226; кресла, стулья, софы 227; столы 223; пюпитры 229; герозитогія 230; запасные столы и буфеты 230; горки 230; сундуки и шкафы 231; кабинеты 231; туалетъ 232; кровать 233; убранство постели 234). — Освятительные приборы 235. Постаменты для часовъ 235. Солнечные часы 236. Зеркала 236. Каминныя принадлежности, разные мелкіе приборы 236.

Церковная утварь 237. (Свщ. сосуды: потиръ, дарохранильницы и реликваріи 237; купели и чаши для св. воды 237. — Канделябры, подсвѣчники, люстры 238. — Епископскія и клиросныя сидѣнья; кафедръ и алтари 238).

Игральныя приборы 239: карты 239; шахматы 239). — Музыкальныя инструменты 240. (Современное состояніе музыки и ея вліяніе на форму и устройство инструментовъ 240. Органъ 241. Духовые инструменты: флейта, гобой, фаготъ и др. 242. Мѣдные инструменты: рога, тромбонъ, serpent 242. Ударные инструменты 243. Струнные инструм.: Trummscheidt, Psalterium, цимбалы, клавиесинъ, лютня, гитара 243; мандолина, теорба, цитра 244. Смычковые инструм. 244.

Земледѣльч. орудія, рыболовные и охотничьи снаряды 244. Экипажи и повозки 244. Ызда въ экипажахъ 245. Сани 247. Повозки для кладь 247).

Воинскій снарядъ 248. (Состояніе артиллерійскаго дѣла 248; пушки 248; осадныя и полевые орудія 250; основаніе артиллерійскихъ училищъ 250; различные виды орудій 251; артиллерійскіе снаряды 252; запряжка 252).

Орудія наказанія 253. (Инструменты пытки 253; виды смертной казни 254).

Погребальная утварь 255.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Внѣшній бытъ 17-го столѣтія.

А. ОДЕЖДА.

Испанія стр. 256—260.

Костюмъ вообще 256. Ограничительныя постановленія 258. Мужской костюмъ 259; женскій 259. Украшенія, прическа и головные уборы 260. Траурная одежда 260.

Франція стр. 261—280.

Измѣненіе костюма, его причины и характеръ; законы противъ роскоши 261. *Костюмъ отъ 1600 до 1650 г.*: мужской 261 (прическа, парикъ 262; отложные воротники 263; камзолъ 263; панталоны 264; обувь 264; верхняя одежда 265; перчатки, faveurs, шпага, трость 266; цвѣтъ костюма 266); женскій 266 (прическа и головные уборы 267; покррой платья 267; кружевные воротники 267; обнаженіе шеи и груди 268; фасоны лифа, рукавовъ и юбки 268; цвѣтъ и матерія 269; обувь 269; faveurs и мушки 270; украшенія и мелкіе принадлежности туалета 270). — *Костюмъ отъ 1650 до 1700 г.*: (развитіе промышленности и усиленіе роскоши 271): Мужской 271 (подражаніе дѣтскому костюму Людовика XIV 271; дальнѣйшія измѣненія 272; прическа 273; галстукъ 273; украшенія 273; измѣненія костюма въ 70-хъ годахъ 274); женскій 276 (верхняя роба и нижнее платье 276; фасонъ лифа 277; убранство головы 277; прическа à la Fontange 278; измѣненія въ костюмѣ съ 1685 г. 278; высокая куафюра 279; косметики, пудра, мушки, личной пластырь 280; часы, муфты и пр. 280).

Нидерланды стр. 281—286.

Бельгия и Голландія; французское вліяніе. Мужской костюмъ 281 (его характеръ и особенности); женскій 283 (вліяніе нравовъ и обычаевъ 284; особенный головной уборъ—*huik* 285). Постановленія противъ щегольства 285.

Англія стр. 286—290.

Мужской костюмъ 286 (его приближеніе къ французскому; роскошь герцога Боклингема; усиленіе вліянія франц. формъ при Карлѣ I 286; модные цвѣта и матеріи 287; отдѣлка 287). Костюмъ пуританъ и индепендентовъ 287. Костюмъ при Карлѣ II 288; женскій 288 (его модное измѣненіе; костюмъ пуританокъ; костюмъ вышившихъ гословій 289; подражаніе французскому 289; дальнѣйшія измѣненія при Яковѣ II и Вильгельмѣ III 290).

Германія стр. 290—304.

Распространеніе французскихъ обычаевъ и модъ и сопротивленіе ему въ большихъ городахъ; костюмъ въ этихъ городахъ: мужской 290; женскій 291. Щегольство и модничанье (сатирическія сочиненія: *Allmodischer Teuffel*, *Alamode Teuffel* и др.) 293. Законы противъ роскоши и уставы объ одеждѣ 302.

Швеція и Данія стр. 304—306.**Швейцарія** стр. 306.**Италія** стр. 306.**Восточная Европа** стр. 307.**Одѣяніе государей и должностныхъ отличія.** Стр. 308—312.

Одѣяніе государей въ Германіи, Англіи и Франціи 308. Придворные и официальные костюмы: во Франціи 309; въ Англіи 311; въ другихъ странахъ 311.

2. Оружіе и вооруженіе стр. 312—322.

Оборонительное вооруженіе 312 (шлемъ и каска 313; латы 314; перчатки, набедры, шпоры 314); отдѣлка вооруженія 314.—Военная одежда 315.—Нападательное вооруженіе 316 (мечъ, сабля, палаши, пика 316; древковые оружія 317; штыки 317). Огнестрѣльное ручное оружіе 317. Военное устройство 319. Постоянныя войска 320. Наружный видъ войскъ 320. Составъ армій 320. Обмундировка войскъ 321.

3. Облеченіе и одежда духовенства стр. 323—325.

Католическаго 323; англиканскаго 324 (диссентеры и нонконформисты 325); протестантскаго 325.

Б. У Т В А Р Ь.**Утварь** (отъ 1600—1700) стр. 326—354.

Новое направленіе ренессанса 326; Италія какъ исходный его пунктъ: Лоренцо Бернини; стиль барокко 327. Борромини и его продолжатели (Гуарини) 328. Видоизмѣненіе новаго формообразованія внѣ Италіи: въ Испаніи 328; во Франціи 329; въ Голландіи 329; въ Англіи, Германіи и скандинавскихъ земляхъ 330.—Домъ (жилище); его характеръ; обособленіе дворца 330.—Искусство и ремесло; ихъ взаимное отношеніе 331.—Золотыхъ-дѣлъ-мастерство 331. Эмальирное искусство 332.—Рѣзьба изъ слоновой кости (токарный станокъ) 333.—Вещи изъ янтаря, перламутра, коралла, черепахи, кокоса 334.—Рѣзьба по дереву (столярное мастерство; шкафы) 334. Булевская работа 335.—Кузнечное, мѣдничное, литейное и оловяничное мастерство 335 (рѣзьба по желѣзу и изъ желѣза 335).—Обработка стекла и стеклянные издѣлія 337 (зеркальное стекло 337; распиливаніе стекла; цвѣтные флюсы; рѣзьба по стеклу, гравированіе 338).—Гончарное производство 338 (майолики 338; фаянсъ; опыты надъ составленіемъ форофоровой массы 339).—Ткацкое мастерство (Гобелины) 339.—Вышиваніе; тисненая кожа 339.—Убранство комнатъ 340.

Столовая утварь 340 (судки, питьевые сосуды 340; кружки; кувшины 342; чайная и кофейная посуда 343; столовая посуда: соусники, террины, солонка—343; столовые приборы 343; показныя блюда 343).—Мебель 344 (ея

формы и отдѣлка 344. Сидѣнія 345; столы 345; шкафы, сундуки, баулы 346; туалетъ, постель 346). — Освятительные приборы 346. — Утварь церковная 347.

Игральные приборы 347 (биллиардъ 347; карты 347; тавлейныя игры 348).

Музыкальные инструменты 348 (органъ 348; духовые инструм. 348; струнные: clavicimbalum 349; арфа 350).

Экипажи и повозки 350 (устройство экипажей 350; ихъ распространеніе — въ Испаніи, Франціи 350; въ Германіи, Скандинавіи, Швейцаріи, Россіи 351. Brouette 352).

Войскій снарядъ 352 (усовершенствованіе артиллеріи, картечь, цѣпныя ядра 352. Кожаныя пушки 352. Пушечные патроны 353. Успѣхи артиллерійскаго дѣла во Франціи 353).

Орудія наказанія 354 (Христіанъ Томазіи противъ пытки).

Погребальная утварь 354.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВНѢШНІЙ БЫТЪ 18 СТОЛѢТІЯ.

А. О Д Е Ж Д А.

Франція: *Костюмъ отъ 1700 до 1750 г.* мужской 356 (кафтанъ 356; матерія и цвѣтъ 357; верхніе сюртуки и гетры 357; камзолъ 357; жабо и маншеты 358; панталоны, чулки, обувь 358; головные уборы и прическа: коса, кошелекъ, различные виды париковъ 358; шляпы: треугольная и claque 359; перчатки, трость, шага, табатерка 359); женскій 359 (фижмы и шлейфы 360; противники ихъ 360; корсажъ 361; верхнія одежды 361; модныя матеріи 361; прическа 361; обувь: ratins 362; щегольство, румяна и бѣлила, украшенія 363; утренній костюмъ 363). — *Костюмъ отъ 1750 до 1790 г.* (измѣненія въ немъ и ихъ причины 363); Мужской 364 (различные фасоны кафтана: фракъ 364; камзолъ, жилетъ 364; модныя матеріи и цвѣта 364; штаны; панталоны, обувь 365; прическа 365; шляпы 366; принадлежности 367); женскій 367 (вліяніе на него фаворитокъ и королевы Маріи Антуанеты 367; юшка 367; верхняя роба 368; cul и postiche 368; лѣвъ и рукава 369; сагасос 369; подражаніе мужск. кост. 369. Верхнія одежды 370. Модные фасоны и матеріи и ихъ названія 370. Прическа 371. Головн. уборы 372. Принадлежности туалета 373). *Костюмъ отъ 1790 до 1804:* особые костюмы появившіеся въ это время (якобинскій, санкюлотскій, фригійскій и др. 374 — 375); античный костюмъ 375. Muscadins, incroyables, merveilleux, 376. Мужской кост. 377 (фракъ, сюртукъ, жилетъ, жабо, enlotte 378; обувь 379; прическа и шляпы 380; мелкія правдаежн. костюма: серьги, муфты, часы 380). Женскій кост. 380 (измѣненія въ немъ 380; прическа и головн. уборы 381; подражаніе античному 381—383; обувь 384). *Костюмъ отъ 1804 до 1815:* новыя формы 384. Мужской кост. 385; женскій 385.

Измѣненія костюма въ остальной Европѣ подъ вліяніемъ французскихъ модъ и борьба модныхъ формъ съ національными 387.

Испанія: Распространеніе французскихъ формъ и законы противъ роскоши 389. Попытки Филиппа V отнѣнить національный костюмъ 389. Мужскій костюмъ 389. Обнаженіе шеи и груди 389. Распоряженія Карла III противъ національной одежды 390. Возрастающее вліяніе французскихъ формъ 390. Костюмъ горожанъ: мужской 390; женскій 391. Пудра и парики 391.

Нидерланды: Дворъ и высшее общество 392. Современное описаніе нидерландскихъ костюмовъ: мужского 391; женскаго 391.

Англія: Подражаніе французскимъ формамъ и противодействие ему 393. Борьба обоихъ направленій 393. Мнимо-самостоятельныя англійскія формы: мужской костюмъ 394; женскій 395. Вліяніе революціи и возвращеніе къ формамъ 16 и 17 столѣт. 395.

Швеція и Данія: Попытка Густава III ввести общій національный костюмъ 395. Подражаніе французскимъ формамъ въ Даніи 396. Общій характеръ костюма 396.

Германія: Господство франц. формъ 396. Поученія духовенства и свѣтская сатира 397. Распространеніе франц. формъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ: въ Австріи 397; въ Саксоніи 398; въ Баваріи, Вюртембергѣ и Ганноверѣ 398; въ Пруссіи 398 (роскошныя привычки Фридриха I и вліяніе ихъ на общество 399; запретительные указы 399; Фридрихъ Вильгельмъ и его образъ жизни 399; принятія имъ мѣры противъ щегольства и модничанья 399; мужской костюмъ 400; женскій 400. Щегольство кружевами и бордюрами 401. Отношеніе Фридриха II къ господствующему вкусу 401. Военный отпечатокъ мужскаго костюма 401) Усвоеніе англофранцузскихъ формъ и уклоненія отъ нихъ. 401. Прекращеніе модныхъ сообщеній изъ Парижа и вліяніе его на женскій костюмъ 402. Мѣстныя моды 402. Попытки ввести національный костюмъ 403.

Швейцарія: Слабое распространеніе въ ней иностранныхъ формъ. Постановленія властей противъ щегольства и модничанья. Костюмъ мужской и женскій 404.

Италія: Возрастающее вліяніе французскихъ формъ и его послѣдствія 404. Отзывы путешественниковъ о костюмахъ въ Генуѣ, Венеціи, Римѣ, Неаполѣ 405—406.

Польша и Венгрія: Французскія моды и національный костюмъ. Пристрастіе къ французскому. Венгерскіе магнаты 406—407.

Россія: Распространеніе западноевропейской манеры одѣваться въ теченіи 18 столѣтія 407. Образъ жизни и одежда различныхъ классовъ населенія въ Петербургѣ 407; тоже въ Москвѣ 408.

Одѣяніе государей и должностныхъ отличій: стр. 409—412. Измѣненіе короновальнаго наряда въ Россіи и Франціи 409. Франц. императорскій орнатъ 410. Придворный и должностной костюмъ въ различныхъ государствахъ 410. Возстановленія государственно-должностныхъ отличій во Франціи Директоріею и описаніе отдѣльныхъ костюмовъ 411. Офиц. костюмы имперіи 412.

2. Оружіе и вооруженіе, стр. 413—417.

Упрощеніе оборонительнаго вооруженія: каски и кирасы (офицерскій значокъ) 413. Составъ нападнаго оружія (введеніе тесака) 414. Ручное огнестрѣльное оружіе 415. Обмундировка войскъ: прусскихъ при Фридрихѣ Вильгельмѣ I и Фридрихѣ II 416. Дальнѣйшія преобразованія обмундировки 417.

3. Облеченіе и одежда духовенства (католическаго и протестантскаго) стр. 418.

Б. У Т В А Р Ь.

Утварь вообще стр. 418.

Города и городскіе дома 418. Убранство домовъ 419. Положеніе ремесленности вообще 420. Машинная и ручная работа (паровыя машины) 421. Гончарное мастерство (открытіе фарфора 422; распространеніе фарфоровыхъ издѣлій 423; каменная посуда: Веджвудъ 423; персидскій фаянсъ 424).—Стеклянные издѣлія (развитіе стекольнаго производства 424; шлифованіе и граненіе стекла 425; зеркальныя стекла 425).—Золотыхъ-дѣлъ-мастерство: во Франціи 426, въ Италіи, Испаніи и Германіи 427; мелкія золотыя и серебряныя издѣлія 428.—Ювелирное искусство и рѣзьба на камняхъ 429.—Обработка низшихъ породъ камней 430.—Выдѣлка металической утвари (луженіе и муравленіе 430; жестяное мастерство 431; лакированіе жестяныхъ издѣлій 431).—Костяныя, янтарныя, перламутровыя и пр. издѣлія 431.—Столярное мастерство (булевскій способъ 432; фанерная работа 432; лакированная мебель 432).—Тканье ковровъ 432.—Выдѣлка обоевъ (изобрѣтеніе бумажныхъ и клеенчатыхъ обоевъ) 433.—Часы, зеркала, картины и силузты (ихъ обдѣлка) 433.

Стиль „рококо“ 435; формы столовой утвари 435; питьевыя сосуды 436.—Мебель - рококо 436.—Возвращеніе къ античному формообразованію 437. Подражаніе китайскому 438. Формы мебели 440.—„Стиль имперіи“ 441.—Дальнѣйшее измѣненіе формообразованія 442.

Отдѣлъ второй.

Внѣшній бытъ въ 16 столѣтія.

Историческій обзоръ.

Сущестующій строй народнаго быта не могъ устоять передъ великими событіями, въ быстрой послѣдовательности совершившимися въ исходѣ пятнадцатаго вѣка. Стѣмена посягнувшая наукою со времени ея возрожденія на почвѣ глубокаго изученія классической древности (съ 1453) пустили уже сильные ростки, которые требовали простора для своего дальнѣйшаго развитія. Изобрѣтеніе книгопечатанія подготовило умы къ болѣе точному изслѣдованію и указало дорогу всеобщему стремленію освободиться отъ оковъ уже отжившихъ преданій. Тѣсный союзъ науки съ книгопечатаніемъ вызвалъ къ жизни новую силу—общественное мнѣніе, сломилъ всесиліе папства и сдѣлалъ возможнымъ избавленіе отъ духовнаго гнета церкви. вмѣсто покорнаго принятія на вѣру потребовалось убѣжденіе. Убѣжденіе дало мысли силу осуществиться въ дѣйствіи (1517). Сужденіе и рѣшеніе стали дѣломъ личнаго разумѣнія и личной совѣсти.—Открытіе новыхъ странъ расширило умственный горизонтъ, пробудило духъ пылливости и оживило фантазію. вмѣстѣ съ этимъ родилось желаніе ближе познакомиться съ вновь открываемыми землями. Сокровища, которыя эти земли доставляли въ такомъ чрезвычайномъ изобиліи, обогащали и вмѣстѣ возбуждали корыстолюбіе. Они направили предпримчивость на новыя пути, которые вели къ нимъ. Торговые центры, до тѣхъ поръ единственные представители торговли, должны были покориться давленію обстоятельствъ. Даже сильный ганзейскій союзъ не могъ устоять передъ ними и скоро рушился (1548). Торговля стала всемірною и сдѣлалась посредницею въ сближеніи удаленныхъ одинъ отъ другаго народовъ. Возрастающее богатство купческаго сословія увеличивало сумму общаго благосостоянія. Наслажденія и потребности стали разнообразнѣе и вмѣстѣ утончѣнѣе, внѣшняя жизнь сдѣлалась красивѣе и пріятнѣе, искусства и ремесла оживились и распространились. Цеховая кабала смягчилась, улучшенія и изобрѣтенія быстро умножались; единичная сила сливалась съ собирательной для блага и пользы общаго. Художественныя формы установились по типу, который онѣ получили въ Италіи, по такъ называемому «стилю Возрожденія». Постепенное его распространеніе за предѣлами Италія

открыло художественному чувству новое поприще дѣятельности. — Въ изобрѣтеніи пороха властители пріобрѣли самую дѣйствительную опору своей власти. Теперь, когда оковы стараго отжившаго преданія были разбиты, они стали легче видѣть пути къ достиженію своихъ цѣлей. Ихъ властолюбію открылось болѣе простора. Города оказались безсильными отстаивать долге свое преобладаніе. Франція со временъ Людовика XI (1461—1483) не знала другой воли, кромѣ воли ея государя; Англія также подчинилась неограниченной власти своего короля, послѣ того какъ Генрихъ II (1499) сломилъ могущество бароновъ; Испанія была вся во власти Фердинанда Католическаго (1492); Италія, по смерти Лоренцо Медичи ставшая добычею партій, должна была почти невольно покориться скипетру Испаніи (1505); въ Германіи, всё еще продолжавшаяся борьба князей изъ за власти должна была тоже признать надъ собою главенство императора (съ 1493); Данія и Швеція, сѣясь одолѣть другъ друга, утратили послѣдніе остатки своей самостоятельности (за 1520); Россія, освободившаяся отъ деспотизма монголовъ, признавала надъ собою власть самодержавнаго государя. Вездѣ властителямъ удалось подчинить себѣ народы, сплотить ихъ въ отдѣльныя политическія единицы и утвердить надъ ними свою власть. Государственные цѣли стали совершенно другія, государственные интересы сосредоточивались въ особѣ государя. Теперь уже не народы, а государи, по своему личному благоусмотрѣнію, рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ. Судьбы Европы опредѣлялись прежде всего завоевательными войнами и войнами за престолонаслѣдіе. Эти войны въ свою очередь вызывали соперничество въ отдѣльныхъ государствахъ и изоцряли ихъ обоюдную бдительность. Чтобы обезпечить свое существованіе, они должны были заботиться о поддержаніи равновѣсія и для этого вступали въ различные союзы. — Мѣсто прежняго войска обѣзанныхъ службою ленниковъ, заступили свободные наемники и отчасти постоянное войско, заведенное нѣкоторыми государями. Среднее сословіе уже давно сознавало себя освобожденнымъ отъ воинской повинности и отвыкло отъ военной службы. Оно пріобрѣло для своей самостоятельности довольно шаткое обезпеченіе, но за то для своихъ мирныхъ занятій несомнѣнно благодѣтельное спокойствіе. Ему предстояла только одна борьба — борьба за свободу мѣтнія и вѣрованія, и эту борьбу, которую незамедлили раздѣлить нѣкоторые государи и тамъ, гдѣ это было чуждо, поддержать даже мечемъ, оно сдѣлало своею неотложною задачею. Въ Италіи и Испаніи подобная борьба не могла развиться: подавленная въ самихъ начаткахъ она повліяла на эти страны только посредственно, своими послѣдствіями.

Первенство въ средѣ европейскихъ государей выпало на долю Габсбурговъ. Когда Карль, государь Нидерландовъ, внукъ Фердинанда Католическаго и Максимилиана I, принявъ наслѣдіе своихъ обоихъ дѣдовъ (1517 и 1519 гг.), онъ соединилъ подъ своимъ скипетромъ Бургундію, Арагонію, Кастилію, Наварру, Сицилію, Сардинію, Неаполь, Америку и германскую императорскую корону. Обширность этихъ владѣній, къ которымъ въ 1527 г. прибавилась Богемія и большая часть Венгріи, побудили его передать управленіе Австріею, однакожъ подъ его собственною верховною властію, брату своему Фердинанду. Ему же самому предстояло упрочить свое господство въ Испаніи. Здѣсь, одержанною имъ съ помощію дворянства по-

бѣдою при Вилларатъ (1522), онъ заставилъ *communes*’овъ, а съ ними и всю Испанію, подчиниться своей власти, и сдѣлался такимъ образомъ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ государей Европы. Испытать его могущество пришлось прежде всѣхъ Франціи. Старинное соперничество обоихъ государствъ изъ-за обладанія Италіей, усиленное теперь соперничествомъ изъ-за первенства, разгорѣлось съ новою силою. Но уже битва при Павіи (1525), предавшая короля французскаго, Франциска I, въ руки его противника, рѣшила вопросъ о первенствѣ въ пользу Испаніи. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ обратившейся въ непрерывную борьбою Франціи съ Испаніей (до 1547), и распространеніемъ реформаціоннаго движенія, и были главными факторами, которые дали направленіе и форму подготовлявшемуся повсемѣстно перевороту въ существующемъ порядкѣ вещей. Преобладаніе Испаніи упрочило и расширило ея вліяніе на остальную Европу. Ея борьба съ Франціею уже сама по себѣ послужила поводомъ къ различнымъ союзамъ и черезъ это не только взаимно сблизила государства южной Европы (Испанію, Францію, Италію, Швейцарію и Турцію), но втянула въ ихъ кругъ и Англію. Между тѣмъ реформація, перейдя за предѣлы Германіи, разлилась по Пруссіи, Даніи, Швеции, Нидерландамъ, Франціи и проникла даже въ Богемію, Польшу и Венгрію. Шотландія тоже открылась ей, и Генрихъ VIII англійскій, хотя не столько изъ внутренняго убѣжденія, сколько по внѣшнимъ поводамъ, объявилъ себя (въ 1532) ея сторонникомъ.

Переворотъ такой важности, измѣнившій весь строй жизни народовъ, не могъ не оказать рѣшающаго вліянія и на складъ ея внѣшнихъ формъ. Будучи по своей сущности произведеніемъ свойственныхъ каждому народу особенностей въ образѣ мыслей и чувствованій, формы эти необходимо были захвачены широко разлившимся потокомъ коренныхъ измѣненій. Пока народныя группы жили болѣе или менѣе разрозненно, внѣшняя ихъ жизнь могла развиваться соотвѣтственнѣе свойственнымъ каждой группѣ народнымъ особенностямъ. Но уже преобладаніе Франціи и за нею Бургундіи если не совсѣмъ уничтожило такую обособленность внѣшняго быта, то по крайней мѣрѣ значительно ослабило её. Сама Франція, хотя и непосредственная наслѣдница Бургундіи во всемъ что касалось внѣшней жизни, не смогла долѣе оставаться оригинальною въ этомъ отношеніи и удержать за собою доставшуюся ей роль законодательницы моды. Уже при Людовикѣ XI и еще болѣе при Карлѣ VIII (1483—1498), она вполне подчинилась итальянскому вліянію. Тоже самое, но въ меньшей степени случилось и въ Испаніи, чему много способствовала война Фердинанда Католическаго за обладаніи Италіей и его господство въ этой странѣ.

Италія была сѣдалищемъ искусства, а со времени переселенія въ нее греческихъ ученыхъ (въ 1453 г.), сдѣлалась и расадникомъ науки. То и другая пользовались особеннымъ покровительствомъ папъ, и въ то время какъ внѣитальянскій міръ, разорвавъ съ старинными формами, отыскивалъ себѣ новыхъ, они успѣли укорениться такъ прочно на итальянской почвѣ, что продолжали развиваться даже и подъ напоромъ внѣшнихъ бурь, сообщая всей итальянской жизни отпечатокъ свѣжей и богатой задатками образованности. Если вліяніе ихъ сказалось во Франціи сильнѣе чѣмъ въ Испаніи, то это зависѣло отъ свойственной французамъ большей воспримчивости и

умственной живости. Испанія, окрѣпнувъ въ борьбѣ съ невѣрными и гордая тѣмъ что ратовала во славу своего Бога и своей церкви, стала еще замкнутѣе для вы́шнихъ вліяній. Между тѣмъ, какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи, безусловно подчиненныхъ римской церкви, образовательное вліяніе Италіи не столько распространялось въ глубь, сколько разливалось по поверхности и потому самому тѣмъ рѣшительнѣе коснулось вы́шней стороны жизни. Такимъ образомъ вы́шній бытъ обѣихъ странъ сложился по особенной смѣшанной формѣ, образовавшейся изъ соединенія туземныхъ формъ съ итальянскими и потому, не смотря на свою цѣльность, представлявшей въ частности свойственныя каждой странѣ особенности.

Иначе было въ Германіи и другихъ странахъ. Германія, со времени Максимилиана I-го сблизившаяся съ Италіею, подчинялась ей непосредственному вліянію гораздо въ меньшей степени чѣмъ Италія и Франція. Итальянскій обычай не соответствовалъ германскому народному духу, и если принимался въ нѣкоторыхъ вы́шностяхъ жизни, то немедленно подвергался передѣлкѣ въ германскомъ духѣ. Но за то тѣмъ рѣшительнѣе было вліяніе, которое Италія производила на Германію посредственно. Здѣсь вліяніе это, совершенно противоположно Испаніи и Франціи, распространялось преимущественно въ глубь. Германія усвоила себѣ итальянскую науку и положила её въ основаніе какъ своего общаго дальнѣйшаго развитія, такъ и своего вы́шняго быта и его формъ. Легкомысліе и распущенность смѣнились постепенно глубокою серьезностію, которая поддерживалась и усиливалась возрастающимъ сопротивленіемъ, встрѣчаемымъ новымъ ученіемъ, а также и постоянными нападеніями турокъ, отразить которыя обѣ христіанскія партіи считали своею священною обязанностию. Вы́шняя жизнь стала строже, ея формы спокойнѣе и достойнѣе. Прежняя разнуздавшая и часто безпредметная веселость обратилась въ родъ тяжеловатаго юмора, переходившаго иногда въ рѣзкую и грубую сатиру. Все это, конечно, совершилось не вдругъ, а постепенно и не безъ колебаній и уклоненій. Стремленіе къ свободѣ не всегда умѣло тотчасъ же находить себѣ предѣлъ и мѣру. Тѣмъ не менѣе ни крайности крестьянской войны (1524—35) и преслѣдованіе анабаптистовъ въ Вестфаліи (1533—35) съ одной стороны, ни возникшія (съ 1525 г.) разногласія въ средѣ новаго ученія, съ другой, не совратили народной жизни съ того пути, на который она разъ вышла, ибо не единичный произволъ судилъ и рѣшалъ эти событія, а разумніе всего народа, общественное мнѣніе.

Другія страны, большею частью соплеменные Германіи, или вовсе были недоступны непосредственному вліянію Италіи, или испытали его въ весьма незначительной степени. Въ Даніи, Швеціи и Норвегіи германскій обычай сохранился почти въ совершенной неприкосновенности; онъ проникъ также въ Богемію, Моравію и отчасти въ Польшу, а на сѣверозападъ распространился до Фландріи. Только во Фландріи, бургундскихъ Нидерландахъ, и въ Англіи онъ былъ частію затененъ французскимъ вліяніемъ, а частію, какъ въ Нидерландахъ, болѣе или менѣе вытѣсненъ. Совершенно согласно съ этимъ сложился и бытъ этихъ странъ: въ однихъ совершенно сходно съ нѣмецкимъ, въ другихъ съ сильною примѣсью французскихъ формъ. Но такое смѣшеніе было преимущественно вы́шнее, оно лежало на поверхно-

сти, между тѣмъ какъ ядро оставалось чисто германскимъ. Новое ученіе было принято съ одинаковою готовностью какъ во Фландріи, такъ и въ Германіи. Его вліяніе на внѣшнюю жизнь въ этихъ странахъ опредѣлилось въ значительной степени существовавшими тамъ формами этой жизни. Тамъ, гдѣ эти формы наиболѣе приближались къ нѣмецкимъ, оно развивалось наравнѣ съ ними, а гдѣ, какъ въ Нидерландахъ и Англіи, онѣ имѣли особый, отличный отъ нѣмецкихъ, характеръ, оно весьма медленно и постепенно подчиняло ихъ себѣ и измѣняло. — Нидерланды, привыкнувъ подъ французско-бургундскимъ господствомъ къ изобильной и веселой жизни, упорно держались ея, несмотря на то что Карлъ истребленіемъ у нихъ анабаптистовъ напомнилъ имъ, что они не самовластная страна, и въ тоже время далъ понять каковы тѣ узы, которыя соединяютъ ихъ съ Испаніей. — Въ Англіи вѣкъ располагала воля государя. Подчиненный ему безусловно народъ, издавна привыкнувъ слѣдовать во всемъ что касалось внѣшностей жизни французскимъ образцамъ, еще болѣе утвердился въ этой привычкѣ при Генрихѣ VIII, чему особенно способствовали непрерывныя войны этого короля съ Франціей, а затѣмъ его союзъ съ Карломъ V противъ Франціи и другой, съ Франціей противъ Испаніи. Отпаденіе Генриха VIII отъ католицизма сначала не могло измѣнить этого направленія, такъ какъ оно было дѣломъ его личной воли и, кромѣ того, весьма мало измѣнило внѣшнія формы богослуженія.

Во Франціи, гдѣ также какъ и въ Англіи воля государя была закономъ, новое ученіе, поскольку оно было распространено въ этой странѣ, тоже осталось почти безъ всякаго замѣтнаго вліянія на внѣшнюю жизнь. Къ тому же Францискъ I, своимъ рыцарскимъ поведеніемъ, своимъ непринужденнымъ и благосклоннымъ обхожденіемъ, своею любовью къ искусствамъ и роскоши и умѣемъ выказать всѣ эти качества самымъ блестящимъ образомъ, пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь въ народѣ; а такъ какъ его тѣсныя сношенія съ Испаніей, его пребываніе тамъ въ плѣну оказали на него довольно прочное вліяніе, то черезъ него вліяніе Испаніи отразилось и на всей странѣ. Кромѣ того, онъ былъ и остался вѣрнымъ сыномъ старой церкви, и если изъ государственныхъ соображеній входилъ въ сношенія съ нѣмецкими протестантами и даже вступалъ въ союзъ съ турками, то все таки онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы даже только терпѣть новое ученіе въ своемъ государствѣ. Вдобавокъ, глубокое значеніе и дѣйствительность новаго ученія были сильно ослаблены во Франціи тѣмъ, что оно незамедлительно сдѣлалось средствомъ для политическихъ партій къ достиженію ихъ политическихъ цѣлей. Воздѣйствіе его на внѣшнія формы жизни началось лишь тогда, когда оно открыто возстало противъ гнета, который постоянно тяготѣлъ надъ нимъ. Но при существующемъ порядкѣ вещей, борьба эта привела не къ обоюдному соглашенію враждовавшихъ религіозныхъ партій какъ въ другихъ странахъ, а къ еще сильнѣйшему ихъ разединенію. Католическая партія, къ которой принадлежалъ и король, еще тѣснѣе примкнула къ Испаніи, по крайней мѣрѣ во внѣшностяхъ своего быта. Противная партія, тоже осталась вѣрна въ этомъ отношеніи испанскому обычаю, отъ котораго не могла отрѣшиться въ силу давней привычки. Не безъ вліянія на все это осталась и господствовавшая во Франціи большая

свобода отношеній обоихъ половъ, которая, при усиливавшемся вліяніи женщинъ, не замедлила переступить границы допускаемаго нравственностью.

Въ Испаніи, всей народной жизни, внутренней и внѣшней, дано было новое направленіе Фердинандомъ Католическимъ. Освобожденіе отъ мавританскаго владычества и возстановленіе государства оживили всѣ лучшія качества испанскаго народа, его истинно рыцарскую гордость, его мужество и энергію, но не надолго. Послѣ минутнаго подъема народнаго духа послѣдовало цѣлое вѣка продолжавшееся пригнетеніе его. Сначала истребленіе мавровъ и евреевъ, отнявшее у страны главнѣйшія рабочія силы, затѣмъ неумолимая преслѣдованія инквизиціи совершенно поработили народъ и остановили въ немъ всякое движеніе впередъ по пути прогресса. Господство католицизма было обезпечено; всякая мысль объ освобожденіи отъ него заглушалась въ самомъ зародышѣ. Когда Карлъ V, вслѣдствіе побѣды при Вилларарѣ, сдѣлался повелителемъ всего королевства, безусловное подчиненіе ученіямъ католической церкви и ея представителей было уже повсюду совершившимся фактомъ. Карлъ V самъ былъ вѣрнымъ сыномъ этой церкви, и какъ онъ вооружался противъ свободы мышленія, также точно, и даже съ большею ревностью, возставалъ опъ противъ политическихъ стремленій къ свободѣ. Онъ обратилъ свой мечъ противъ нѣмецкихъ протестантовъ только тогда, когда въ несогласіи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ князей увидѣлъ возмущеніе противъ своей власти, какъ императора. Въ самой же Испаніи онъ сразу и навсегда положилъ конецъ всякимъ стремленіямъ къ политической свободѣ. У народа была отнята всякая возможность свободной дѣятельности и ему осталось только замкнуться въ себѣ самомъ. Онъ не могъ даже пользоваться тѣми сокровищами, которыя въ избыткѣ предлагалъ ему новооткрытый свѣтъ, ибо сношенія съ тѣми странами были затруднены для испанцевъ, и этимъ дана возможность иностранцамъ присвоивать себѣ ихъ продукты. Такими же безумными мѣрами была стѣснена и ремесленность. При всемъ наружномъ блескѣ страна бѣднѣла, и ея повелитель, богатѣйшій изъ всѣхъ государей, почти никогда не могъ добыть столько денегъ, сколько ему требовалось для его цѣлей. Соотвѣтственно направленію, данному испанской жизни Фердинандомъ Католикомъ, сложились и ея внѣшнія формы. Стариная рыцарская гордость лишилась своей благороднѣйшей опоры — сознанія собственной силы и свободы проявлять еѣ. Мужественность и энергія уступили мѣсто безотвѣтной покорности и легко возбуждающейся раздражительности. Потребность умственнаго развитія заглухла подъ давленіемъ церкви и превратилась въ глупое самодовольство. Прежняя гордость стала высокомеріемъ, и старалась замѣнить чисто внѣшними приѣмами, неподатливую *grandezza*, утраченную ею искренность. Какъ внутренняя жизнь становилась все мельче, такъ точно суживалась внѣшняя и обѣ вмѣстѣ постепенно дошли до состоянія оцѣпенѣнія недоступнаго никакимъ впечатлѣніямъ. Вліяніе Франціи прекратилось, италіанское вліяніе тоже мало по малу ослабѣло. Но эта невозмутимая замкнутость имѣла въ себѣ нѣчто внушающее и въ нѣкоторой степени соотвѣтствовала той духовной серьезности, которой новое религіозное направленіе требовало отъ своихъ приверженцевъ. И чѣмъ болѣе эта неподвижность возрастала, тѣмъ сильнѣе было ея вліяніе. — При Филиппѣ II (1556 — 1598), закоренѣломъ фанатикѣ,

поставившемъ себѣ задачею совершенно истребить духъ, замерли и послѣдніе остатки жизнеспособности въ народѣ. Какъ нѣкогда Фердинандъ, онъ началъ свое царствованіе кровавымъ истребленіемъ христіанскихъ потомковъ мавровъ въ Валенсіи и Гранадѣ, вслѣдствіе чего страна опять лишилась до полумилліона самаго трудолюбиваго населенія. Не смотря на то что государственная казна была раззорена, онъ продолжалъ стѣснять произвольными мѣрами торговлю и промышленность. Заключенный имъ въ 1559 г. союзъ съ Франціею, единственно въ видахъ истребленія въ ней ереси, начатое съ 1567 г. преслѣдованіе Нидерландовъ съ цѣлю возвращенія ихъ католической церкви, сверхъ того, дорого стоившіе походы на африканскій берегъ, жестокія усобицы въ Арагоніи (1540 — 1593) и наконецъ, безуспѣшныя вооруженія противъ Англіи, довели финансы государства до такого плачевнаго положенія, что Филиппъ не былъ даже въ состояніи обратить въ свою пользу доставшеся ему по счастливой случайности обладаніе богатою Португалліею. Всё, что осталось послѣ Карла V дѣйствительно способнаго къ постепенному возрожденію, все это окончательно замерло при Филиппѣ. По смерти его (1598 г.) Испанія осталась безъ населенія, безъ торговли и промышленности, доведенная до нищеты и съ государственнымъ долгомъ во 150 милліоновъ.

Это внутреннее омертвѣніе испанскаго народа отразилось и на его внѣшней жизни: она остановилась и оцѣпенѣла въ своихъ формахъ. Тѣмъ не менѣе и эти оцѣпенѣвшія ея формы нашли себѣ доступъ сначала во Францію, а затѣмъ въ Англію и распространились въ этихъ обѣихъ странахъ, преимущественно однакожъ во Франціи, населеніе которой въ огромномъ большинствѣ все еще сочувствовало Испаніи во взглядѣ на религіозный вопросъ. Содѣйствіе Филиппа въ дѣлѣ истребленія ереси, усилило религіозный фанатизмъ, который въ придворныхъ партіяхъ нашелъ для себя благодарную почву, а въ Катеринѣ Медичи слишкомъ удобное орудіе для кроваваго осуществленія своихъ темныхъ замысловъ. Почти тридцати-двухъ лѣтънее (съ 1562 до 1594) преслѣдованіе и истребленіе протестантовъ, начатое Катериною и обратившее короля Карла IX въ трусливаго убійцу, а въ Генрихѣ III воспитавшее жалкаго развратника, могло только благопріятствовать распространенію во Франціи испанскаго обычая, даже несмотря на хозіиничанье въ ней погрязавшихъ въ безнравственности фаворитокъ. Католическая партія принимала его преимущественно въ силу того, что онъ исходилъ изъ единовѣрной ей Испаніи; но и противной партіи онъ нравился, потому что согласовался съ пріобрѣтенной ею въ борьбѣ нравственной строгостью и крѣпостью. Такимъ образомъ обѣ партіи усвоили его себѣ, только измѣнивъ каждая по своему. Господство испанскаго обычая продолжалось до Генриха IV (1589) и даже нѣкоторое время при немъ до счастливой перемѣны, которой Франція была обязана мудрымъ мѣропріятіямъ самого короля и его министра Сюлли.

Въ Англіи усвоенію испанскаго обычая особенно содѣйствовало возстановленіе католицизма Маріею, отринутою супругою Филиппа (1553—1558). Если онъ и не подходилъ вообще къ духу народа, то по крайней мѣрѣ своею чисто внѣшнею стороною соотвѣтствовалъ его природной холодности и замкнутости до такой степени, что былъ принятъ имъ безусловно. Даже весе-

лая, остроумная и либеральная Елизавета должна была подчиниться ему вмѣстѣ съ своимъ дворомъ

Нидерланды, гдѣ испанскій обычай былъ извѣстенъ со временъ Карла V, имѣли возможность ближе узнать его при Филиппѣ и въ лицѣ его самого (1555—1559). По отъѣздѣ короля, представителями Испаніи, а слѣдовательно и ея обычая, въ Нидерландахъ остались — Маргарита Пармская, ея совѣтники Перрно и Гранвелла, ихъ приближенные и свита и испанскій гарнизонъ. Какъ ни противна была свободолюбивымъ нидерландцамъ испанская натянутость и жесткость, и какъ ни старались они не допускать ихъ въ свой бытъ, онѣ всё таки мало по малу проникли въ него. Сначала испанскій обычай былъ принятъ, хотя и невольнo, высшимъ дворянствомъ; которое по своему положенію не могло уклониться отъ сношеній со дворомъ; затѣмъ, когда онъ сталъ привычнымъ въ высшихъ слояхъ общества, съ нимъ начали осваиваться и прочіе слои. Распространеніе же и утвержденіе его между ними совпадаетъ съ намѣстничествомъ герцога Альбы (1567), который былъ болѣе чѣмъ кто либо способенъ къ этому. Одно его появленіе подавляло всякое радостное чувство, всякое движеніе души, всякую самостоятельную мысль. Онъ вездѣ и отъ всѣхъ требовалъ безусловнаго подчиненія его нраву. Непоколебимость, съ какою онъ преслѣдовалъ свою цѣль и уничтожалъ всѣ встрѣчавшіяся препятствія, его желѣзное спокойствіе и, болѣе всего, убѣжденіе въ правотѣ своихъ поступковъ, убѣжденіе, заставлявшее его хвалиться, что въ теченіе шестилѣтняго своего управленія онъ казнилъ во славу Божію и святой церкви 18600 человекъ — всё это заставило народъ уйти въ себя и истребило въ немъ всякую живость. Въ это короткое время вліяніе испанскаго обычая достигло такой силы, что народъ съ трудомъ могъ освободиться отъ него. Полное освобожденіе послѣдовало впрочемъ только тогда, когда народнымъ рѣшеніемъ (1581) Филиппъ былъ объявленъ лишеннымъ верховной власти надъ Нидерландами, и заключенъ союзъ (1596) съ Генрихомъ IV и Елизаветою англійскою, съ помощію котораго былъ уничтоженъ испанскій флотъ и правительницею Нидерландовъ признана дочь Филиппа, Изабелла Евгенія Клара. При въѣздѣ Изабеллы и ея супруга герцога Альберта въ Брюссель (1599), тамъ уже настолько успѣли отвыкнуть отъ всего испанскаго, что натянутая пышность, окружавшая правительницу, вызвала всеобщее неудовольствіе.

Въ Германіи религіозная борьба окончилась въ пользу протестантовъ, миромъ заключеннымъ въ Аугсбургѣ (1555). Миръ этотъ, по которому Карлъ V отказался отъ правленія и императорскую корону получилъ его братъ Фердинандъ I (1556), доставилъ странѣ почти шестидесятилѣтнее спокойствіе. По смерти Солимана II и при быстромъ упадкѣ его царства, миновалось и опасность нападенія Турокъ. Подъ кроткимъ и мудрымъ правленіемъ Максимилиана II (до 1576) изгладились и послѣдніе слѣды феодализма, а военная сила государства возрасла настолько, что начали вооружаться противъ Порты (1569). Рудольфъ II (до 1612) жилъ для науки и искусства. Слабый и неспособный царствовать, онъ подпалъ вліянію іезуитовъ, которыми и было брошено сѣмя той войны, которая продолжалась цѣлыхъ тридцать кровавыхъ лѣтъ. — Такое положеніе дѣлъ не могло быть особенно благоприятно распространенію испанскаго обычая. Тѣмъ не менѣе

при Карлѣ V онъ былъ принятъ владѣтельными особами и ихъ приближенными, не остался конечно безъ вліянія и на другія сословія, не затемнивъ, однакожъ, нигдѣ общихъ вѣсѣмъ народныхъ особенностей. Напротивъ того, соединившись съ ними онъ произвелъ, въ среднемъ сословіи, смѣшанную форму, которая затѣмъ, вслѣдствіе вполнѣ измѣнившихся обстоятельствъ, продолжала развиваться сама изъ себя. Основною чертою ея было — удобство при нѣкоторой чинной строгости наружной. Упорно преслѣдуемая цѣль была достигнута. Устремленныя дотолѣ на нее силы начали раздѣляться и направляться каждая по своему пути. Прежде всего научныя изслѣдованія становились всё многостороннѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтали извѣстную школьную сухость. Возбужденный къ самостоятельности разумъ овладалъ чувствомъ. Идеализмъ исчезъ, значеніе признавалось за одной дѣйствительностью. Изучая её, впадали нерѣдко въ безплодныя умствованія. И тайныя науки (астрологія, алхимія и др.) находили также себѣ почитателей. Даже и новое ученіе заразилось, по крайней мѣрѣ отчасти, схоластицизмомъ. Въ средѣ протестантскаго духовенства возникали нерѣдко несогласія и распри, и большею частію изъ мелочей. Вмѣстѣ съ этимъ оно заботилось объ упроченіи своего вліянія и ради этого по своему угнетало умы. Добродушіе и веселость уступили мѣсто желчности и утрату ихъ не могли замѣнить ни остроуміе, ни появившаяся сатира. На общественное положеніе стали имѣть вліяніе, кромѣ происхожденія, образованіе и имущество: съ одной стороны всё усиливающееся умственное уравниеніе, съ другой, увеличивающаяся внѣшняя разрозненность сословій. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ мысли, появилось самое узкое, самое ограниченное самодовольство, воплотившееся въ мѣщанской и филистерской замкнутости. Всё это конечно отразилось и на внѣшней жизни нѣмцевъ, придавъ ей характеръ пятачугости, которая однакожъ по натурѣ своей была совершенно отлична отъ испанской оцѣпенѣлости и развѣ только нѣсколько напоминала её. — Тѣже самое происходило и въ другихъ странахъ съ нѣмецкимъ обычаемъ, принявшихъ новое ученіе, и тѣже опасности угрожали имъ со стороны католицизма. Какъ въ Германіи при Рудольфѣ II, такъ въ Швеціи при Іоаннѣ (1586), а въ Польшѣ при Сигизмундѣ (1594), іезуиты пытались было утвердить свое господство. Изъ Швеціи они были изгнаны, но имъ удалось овладѣть Польшею, король которой былъ ими воспитанъ, и вовлечь её въ войну, которая продолжалась почти 50 лѣтъ и вмѣстѣ съ внутренними раздорами быстро повела страну къ упадку (по смерти Сигизмунда Вазы, въ 1632 г.).

Несмотря на то что Италія осталась вѣрна католической церкви и что большая ея часть современіи Фердинанда Католическаго повиновалась испанскому скиперту, испанскій обычай распространялся въ ней (за исключеніемъ развѣ Неаполя и (позднѣе) Милана) очень медленно и усваивался даже и высшимъ сословіемъ крайне неохотно. Принятію его противорѣчила свобода воззрѣній, которую сохраняли италіяницы благодаря своей научной и художественной дѣятельности, цвѣтущей ремесленности и торговлѣ, и дальнѣйшему развитію которой способствовали постоянныя и тѣсныя сношенія съ иностранными войсками, почти постоянно (съ 1508) сходявшимися въ Италію. Все, что было ими усвоено изъ испанскаго обычая, касалось только частныхъ, а

не самыхъ формъ жизни. Относительно послѣднихъ Италія, какъ наиболѣе образованная страна того времени, осталась образцомъ для другихъ странъ.

Венгрія осталась почти свободною отъ виѣшнихъ вліяній. Даже и послѣ того, какъ по договору Фердинанда I съ Солиманомъ, а затѣмъ Максиміліаномъ II (1569), она была присоединена къ Австріи, заисключеніемъ Седмиградія, нѣмецкій обычай едва проникъ въ нее. Седмиградія, сохранилась еще самобытіе, такъ какъ была еще болѣе удалена отъ иноземныхъ соприкосновеній и вдобавокъ еще въ концѣ столѣтія имѣла собственного государя—Баторія (1598—1606).

Россія, освободившись отъ монголовъ и снова ставъ самостоятельною, только еще начинала осваиваться съ своимъ новымъ положеніемъ. Привычка къ монгольскимъ порядкамъ, поддержанная сношеніями съ казанскими и астраханскими татарами до совершеннаго изгнанія послѣднихъ (1584), привилась настолько прочно, что оставить её было нелегко. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по западной окраинѣ стала проявляться склонность къ припятию западнаго, именно нѣмецкаго обычая. Вообще же въ странѣ не было почти вовсе средствъ для распространенія умственнаго образованія и ои явились пераще, какъ когда избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова возвратило ей спокойствіе и обезпечило ея цѣльность.

Измѣненіе одежды и утвари шло не вездѣ параллельно съ измѣненіями виѣшней жизни и не всегда въ соотвѣствіи съ ними. И та и другая продолжали развиваться каждая согласно съ тѣми условіями, которыя на нее вліяли. На образованіе костюма вліяніе Испаніи было, правда, наиболѣе сильно, но отнюдь не рѣшительное, и за исключеніемъ Франціи и Англіи, обнаруживалось и пріобрѣтало значеніе очень медленно. Такъ напр. во всей Италіи (кроме Неаполя и Милана) и въ Нидерландахъ оно получило выраженіе не раще половины столѣтія. Въ Италіи, особенно въ Венеціи, гдѣ наслажденіе искусствами способствовало развитію чрезвычайно привлекательной чувственности, костюмъ получилъ характеръ свободы и отчасти даже пышности, которому умѣли подчинить даже и модную въ то время натынутость. Въ Германіи и родственныхъ ей странахъ онъ былъ отчасти тоже преимущественно націоналенъ, отчасти принялъ въ себя различныя иноземныя особенности, представляя такимъ образомъ смѣшанный костюмъ, имѣвшій съ испанскимъ только то общее, что и ему также была свойственна строгая опредѣленность. Не одно только испанское вліяніе наложило на костюмъ отпечатокъ однообразія, но и вызванное обстоятельствами серьезное настроеніе. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно опредѣлялся личнымъ вкусомъ; который если вообще и подчинялся общепринятому въ цѣломъ, то все-таки проявлялся въ частностяхъ. Роскошь и щегольство, благодаря развитію торговли, усиливались и распространялись между всѣми сословіями безъ исключенія. Вслѣдствіе этого, уже съ начала столѣтія стали вездѣ появляться подробные указы противъ роскоши, которые, не смотря на повтореніе и усиленія ихъ, имѣли такъ же мало значенія, какъ и прежнія подобныя постановленія. — Утварь и ея украшенія продолжали заимствовать свои формы отъ

архитектуры. Поэтому они опредѣлялись теперь исходившимъ изъ Италіи стилемъ Возрожденія. Почти въ той же мѣрѣ какъ стиль этотъ смѣшивался съ туземными архитектурными формами, или сохранялся чистымъ, складывались и формы утвари. Воздѣйствіе его на костюмъ могло только выразиться въ упрощеніи его главныхъ линій. Уничтоживъ въ немъ, не всегда впрочемъ къ выгодѣ естественныхъ формъ тѣла, всё свободное, непокорное (какъ складки и сборки), оно не мало усилило и безъ того уже внесенную въ него одеревенѣлость и накрахмаленность.

А. О д е ж д а. ¹

І. ИСПАНІЯ, ФРАНЦІЯ И АНГЛІЯ; НИДЕРЛАНДЫ.

И с п а н і я.

Измѣненіе костюма и вообще внѣшняго быта началось только при Карлѣ V, когда побѣдою при Вилларфъ (1522 г.) онъ укрѣпилъ за собою испанскій престолъ. Пасколько содѣйствовали этому собственныя привычки Карла,

¹ Изъ новыхъ сочиненій, описывающихъ костюмъ 16 вѣка или его начала, кромѣ перечисленныхъ выше (ч. I, стр. 35), назовемъ еще слѣдующее: *Costumes historiques des XVI, XVII et XVIII siècles dessinés par E. Lechevallier Chevignard, gravés par M. Léopold Flameng. Avec un texte par M. Georges Duplessis de la Bibliothèque impériale. Paris.* — Оригинальные источники письменные и художественные становятся обильнѣе и точнѣе. Они заключаются, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій, городскихъ постановленій, законовъ противъ роскоши, проповѣдей, сатирическихъ сочиненій, путешествій, записокъ и пр., въ произведеніяхъ современныхъ живописцевъ, скульпторовъ, граверовъ, также какъ и въ иллюстрированныхъ изданіяхъ того времени, изъ коихъ первое изъсто принадлежитъ нѣмцамъ. Эти источники продолжаютъ во вторую половину столѣтія, но подъ вліяніемъ возникшаго тогда стиля Возрожденія склоняются къ подражанію древнеримскимъ формамъ и чрезъ это становятся менѣе точны. Съ другой стороны, вслѣдствіе той же причины, является стремленіе ознакомиться съ костюмомъ различныхъ народовъ и утилизировать это знакомство. Составляются сборники костюмовъ, (*Trachtenbücher*), составители которыхъ ставятъ себѣ также задачу возстановить, по доступнымъ имъ памятникамъ, костюмы прошедшихъ временъ. На первый разъ эти попытки ограничиваются однимъ древнеримскимъ костюмомъ. Къ наиболее поучительнымъ изъ этихъ сборниковъ принадлежатъ: *Omnium fere gentium nostrae aetatis habitus, nunquam ante hoc editi. Ferd. Bertelli aeneis typis exudebat Venetiis a. 1563 (2 изд. 1569). Recueil de la diversité des habits de tous les pays d'Europe, Asie, Afrique et Isles sauvages, le tout fait après le naturel. Paris: Rich. Breton. 1567. Omnium fere gentium nostraeq. aetatis nationum habitus et effigies. In eosdem Joannis Slupery Herzelenis epigrammata. Adjecta ad singulas icones gallica tetrasticha. Antw. r. piae. 1572 (Abraham de Bruyn) Equitum descriptio, quomodo equestres copiae, nostra hac aetate, in sua armatura, per cunctas, videlicet Europae, Asiae et Africae, regiones etc. 1576. (J. Amman) Trachtenbuch: darin fast allerley vnd der fürnembssten Nationen, die heutigen Tags bekannt sein, Kleidungen: beyde wie es bey Manns- und Weibspersonen gebreuchlich etc. Gedruckt zu Nürnberg bey Hans Weigel Formschneider. Anno 1577. A. de Bruyn. Trachtenbuch 1578. (Wapen des heil. römischen Reichs Teuscher Nation etc. Jetzund wiederum auff neuw in Truck verfertigt. Gedr. zu Frankfurt a. M. 1579) J. Boissard Habitus*

вывезенныя имъ изъ Нидерландовъ, и предпочтеніе которое онъ оказывалъ Нидерландцамъ, поручая имъ важнѣйшія должности, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, пышность, которую онъ незамедлялъ ввести при своемъ дворѣ, была настолько значительна сравнительно съ умѣренностью его предшественника (Фердинанда Католика), что не могла не оказать вліянія на общій тонъ. Придворный штатъ былъ умноженъ учрежденіемъ новыхъ придворныхъ должностей, расходъ на королевскій столъ, составлявшій при Фердинандѣ 15,000 мараведи, увеличенъ до полутора ста тысячъ. Примѣру двора послѣдовало и общество: роскошь стала распространяться во всѣхъ сословіяхъ; ограничивающіе её законы потеряли окончательно всякое значеніе. Уже въ 1534 году оказалось нужнымъ возобновить въ болѣе строгой формѣ запрещеніе носить парчи и золотыя и серебряныя вышивки. Тѣмъ не менѣе цѣль, которая имѣлась при этомъ въ виду, была и на этотъ разъ не достигнута. Запрещенія, правда, сначала послушались, но постарались найти запрещенному замѣну еще болѣе дорогую. Въмѣсто золотыхъ вышивокъ, стали отдѣлывать платья вырѣзными и выстроченными украшеніями, постоянно увеличивая ихъ объемъ и количество. Въ постановленіи 1537 г. нарочито упоминалось, что «новоизобрѣтенныя украшенія и (нашитыя) бордюры стоятъ обыкновенно дороже, чѣмъ само платье». Такъ какъ шолковыя украшенія были запрещены, то ихъ замѣнили украшеніями изъ тонкаго сукна, стоявшими не дешевле. Потребленіе шолка однакожъ все увеличивалось. Туземное шелководство было не въ состояніи удовлетворить запросу, несмотря на возрастающій добытокъ шолка, и шолковыя фабрики не могли обойтись безъ иностраннаго сырца. Ввозъ этого продукта оставался однакожъ по прежнему запрещеннымъ. — Мало по малу государственныя чины начали сами сознавать несостоятельность такихъ законовъ, и вредъ причиняемый ими. Въ 1552 г. они внесли предложеніе объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій и въ томъ числѣ запрещенія ввозить шолкъ, и получили въ отвѣтъ, что правительство считаетъ нововведенія неумѣстными. Въ 1555 г. они возобновили свое ходатайство, прося въ немъ также и отмѣны прежнихъ постановленій объ одеждѣ, такъ какъ «опытъ показалъ, какъ безплодны подобныя мѣры и какъ точное исполненіе ихъ угнетаетъ ремесленность». На этомъ основаніи они просили, чтобы предоставлено было

variarum orbis gentium. 1581. A. de Bruyn. Habits des diverses nations de l'Europe. Asie etc. Anwers 1581. Casare Vasellio Habiti antichi e moderni di tutto il mondo. In Venetia 1589 (недавно вновь издано въ Парижѣ). Im Frauenzimmer wirt vermeldt von allerley schönen Kleidungen und Trachten der Weiber etc. Jetzund erst durch den weltberühnten Jost Amman. Frankfurt a. M. 1586 (того же рисовальщика: Cleri totius romanae ecclesiae subjecti habitus nunc primum a Jodoco Ammano expressi. Francof. 1585; Kunst-und Lehrbüchlein für die ansehenden jungen etc. ibid. 1581; Eigentliche Beschreibung aller Stände auff Erden etc. ibid. 1598.) P. Bertelli. Diversarum nationum habitus centum et quatuor iconibus in aere incisus diligenter expressi. Patavii 1594. J. Bussemacher Reyter (Cöln 1590). (Giovani Guerra) Varie acconciature di testa usate da nobilissime dame in diverse città d'Italia (s. a. et l). Trachten-oder Stammbuch: Darinnen alle fürnemste Nationen, Völkern, Manns und Weibs Personen in ihren Kleydern artlich abgemalt etc. Gedrukt zu St. Gallen durch Georg Straub. 1600. Album amicorum habitus mulierum omnium nationum Europae tabulis ac scutis vacuis in aere incisus adornatum. Lovan. 1606.

каждому одѣваться, какъ онъ хочетъ; только извѣстныя украшенія оставались бы по прежнему запрещенными.

Когда вносились эти предложенія, туземная промышленность находилась въ такомъ упадкѣ—и главнымъ образомъ, благодаря прежнимъ превратнымъ мѣрамъ самихъ же чиновъ, — что и при благопріятныхъ условіяхъ она не скоро бы поправилась. Чины сами ходатайствовали о запрещеніи вывоза въ Америку, который былъ очень значителенъ, и хотя ходатайство ихъ не было вполне уважено, однакожъ вывозъ былъ настолько ограниченъ, что иностранцы получили возможность овладѣть вполне эту чрезвычайно выгодною вѣтвью торговли. Ограничивая вообще вывозъ, государственныя чины покровительствовали ввозу. Разрѣшеніе привозить заграничныя шолковыя матеріи, уронило туземныя шолковыя фабрики. Полотняная торговля уже издавна была въ рукахъ иностранцевъ, преимущественно Французовъ и Нидерландцевъ. Только производство шерстяныхъ издѣлій шло успѣшно, но всё-таки и оно настолько не удовлетворяло запросу на шерстяныя матеріи, который былъ чрезвычайно великъ, что изъ одного только Брюгге привозилось на пятьсотъ тысячъ дукатовъ суконъ. — Къ числу немногихъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ это время испанскою ремесленностью, принадлежитъ отчасти и вязанье. Прежде всего оно было примѣнено къ мужскому костюму, именно: прежніе сшитыя изъ отдѣльныхъ частей панталоны были постепенно оставлены и замѣнены вязаными (трико).

Мужской костюмъ почти вполне сохранилъ тотъ типъ, который ему былъ усвоенъ въ началѣ столѣтія. При Карлѣ V онъ состоялъ изъ узкаго, но не совсѣмъ обтяжнаго камзола (pourpoint), съ мелкими прорѣзами и буфами, вмѣсто прежнихъ большихъ, изъ узкихъ въ обтяжку штановъ, съ надѣтыми поверхъ нихъ болѣе просторными полуштанами; изъ распахнутаго верхняго платья въ родѣ нѣмецкой Schaubе, тупоносыхъ башмаковъ и плоской шапки. До своего вступленія на испанскій престолъ, Карлъ одѣвался по (бургундо—) нѣмецкой модѣ, въ длинный наглухо застегнутый камзолъ съ большимъ четырехугольнымъ вырѣзомъ вокругъ шеи. По утвердившись въ Испаніи, онъ принялъ и тамошній вышеописанный костюмъ, который вполне закрывалъ шею и дополнялся небольшимъ слоеннымъ воротникомъ. Въ такомъ костюмѣ, богато отдѣланномъ, представленъ онъ на портретахъ писанныхъ Тиціаномъ (фиг. 205).

Въ такомъ видѣ оставался мужской костюмъ (по крайней мѣрѣ высшихъ классовъ) до самой смерти Карла V, до половины столѣтія. Последовавшія за тѣмъ измѣненія его не затронули его основной формы, а ограничились тѣмъ, что верхняя одежда замѣнилась длиннымъ или короткимъ плащомъ, а баретъ шляпой, и кромѣ того измѣненіемъ формы и цвѣта прорѣзовъ,

Фиг. 105.

буфовъ и обшивокъ на камзолѣ и полуштанахъ. Прорѣзы дѣлались или всѣ продольные или всѣ поперечные, или же продольные и поперечные вмѣстѣ, и притомъ ихъ прорѣзывали на самой матеріи платья и подбивали снизу буфами, или и прорѣзы и буфы только нашивались на платье. Иногда они дѣлались сплошные, такъ что камзолъ и полуштаны казались разрѣзанными на ленты, и края разрѣзовъ соединялись на извѣстныхъ опредѣленныхъ разстояніяхъ лентами, пуговицами, или просто сшивались (фиг. 205). Рукава и полуштаны было въ обыкновеніи простегивать болѣе или менѣе толсто. Полуштаны доходили иногда почти до колѣна, иногда только до половины ляшки и имѣли перенятую отъ французовъ *braguette* (фиг. 205), которая и оставалась въ употребленіи до конца столѣтія. Обшивки или бордюры, которыми обшивали камзолъ и полуштаны, отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ вышитыхъ на нихъ орнаментовъ. Самыми любимыми были: мавританскій орнаментъ, состоявшій изъ арабесокъ, и роскошный готическій листьями, каждый отдѣльно или въ соединеніи. Эти бордюры или вышивались на самомъ платьѣ, или на отдѣльныхъ кускахъ или полосахъ бархата или шолковой матеріи, или даже сукна—у тѣхъ, кому была воспрещена существующими постановленіями бархатная и шолковая отдѣлка. Вышивки эти исполнялись чрезвычайно искусно изъ золота, серебра и цвѣтной пряжи. Камзолъ обшивали ими по нижнему краю, по воротнику и по борту; полуштаны тоже по нижнему краю. Иногда обводили ими и края прорѣзовъ, и даже промежутки между прорѣзами, такъ что матерія камзола почти исчезала подъ ними.—Что касается цвѣта одежды, то уже при Карлѣ V, въ особенности при дворѣ, прежде любимые свѣтлые цвѣта постепенно замѣнились темными, хотя костюмъ не сдѣлался отъ этого одноцвѣтнымъ. Обыкновенно камзолъ и полуштаны дѣлались одного цвѣта, но было также въ обычаѣ носить ихъ и различнаго цвѣта и даже одѣваться такъ, что каждая часть костюма была другого цвѣта, чѣмъ остальные. Вышитыя бордюры естественно отличались цвѣтомъ отъ платья; подкладка, которою подбивали прорѣзы и которая выставлялась изъ нихъ, тоже была другого цвѣта чѣмъ платье, также какъ и узкая фуфайка, надѣвавшаяся подъ камзоломъ, который на груди обыкновенно оставляли раскрытымъ, застегивая только у ворота и у талии (фиг. 205).—Пожное «трико», которое изготовляли изъ шолка или шерсти, осталось безъ измѣненій.

Сапоги хотя и были извѣстны, но носили ихъ рѣдко. Знатные надѣвали ихъ только для верховой ѣзды, для охоты и тому подобныхъ случайностей, обыкновенно же ходили въ башмакахъ. Мода на тупоносую обувь, перешедшая изъ Франціи, продержалась въ Испаніи не долго, и уже въ концѣ царствованія Фердинанда Католическаго замѣнилась остроносою. Башмаки носили безъ каблукъ, суконные, бархатные, шолковые (гораздо рѣже кожаные), различнаго цвѣта и украшенные обшивками, прорѣзами и небольшими буфами.

Похожая на нѣмецкую *Schaube*, верхняя одежда доходила до колѣнъ, а въ послѣдствіи была еще укорочена (фиг. 205 — 210). Ширина ея зависѣла отъ формы рукавовъ камзола, которые иногда чрезвычайно толсто подбивались въ плечахъ. Обыкновенно она дѣлалась безрукавною, съ проймами для продѣванія рукъ, но иногда къ ней пришивали и рукава, по меньшей

мѣръ такой же длины какъ и она сама, и съ прорѣзами по срединѣ для рукъ. Шили её чаще всего изъ сукна, иногда изъ шелковой матеріи и бархата, на мѣховой подкладкѣ, которая отворачивалась вокругъ шеи широкимъ воротникомъ (фиг. 205). Если вмѣсто мѣховой, брали подкладку изъ какой нибудь матеріи, то выбирали ее отличнаго отъ верха цвѣта. Отдѣлка этой одежды состояла также изъ широкаго бордюра, которымъ обкладывали ее по нижнему краю. Иногда вся одежда покрывалась сѣткою изъ золотыхъ, серебряныхъ или цвѣтныхъ шнурковъ, усаженною красивыми пуговками.

Баретъ, большею частью бархатный, былъ очень плоскъ и весьма умеренной ширины, съ узкимъ твердымъ околышемъ (фиг. 205). Украшеніемъ ему служили тоже вышивки, жемчугъ, камни и т. п., иногда также и короткое перо, прикрѣпленное сбоку аграфомъ. Въ тридцатыхъ годахъ столѣтія этотъ головной уборъ былъ вытѣсненъ шляпой. Шляпы дѣлались изъ того же матеріала какъ и бареты, на жесткой подкладкѣ, на которую верхняя матерія натягивалась продольными складками. Онѣ имѣли форму суживающагося къверху цилиндра съ закругленною верхушкою и очень узкими полями (фиг. 208; 209). Все украшеніе ихъ состояло изъ узкой ленты или шнура вокругъ тульи.

Употребленіе перчатокъ распространялось все болѣе и болѣе, такъ что при Карлѣ V онѣ сдѣлались необходимою принадлежностью туалета. Впрочемъ ихъ рѣдко надѣвали, большею же частью просто держали въ рукѣ. Онѣ дѣлались шерстяныя и шелковыя (позднѣе вязаныя) и различнаго цвѣта.

Такимъ же дополненіемъ костюма были мечъ и кинжалъ. Мечъ носили на портупеѣ, которая застегивалась вокругъ талии. Къ ней же прикрѣпляли (съ правой стороны) и кинжалъ, обыкновенно цвѣтными шнурками, съ густыми и длинными кистями на концахъ (фиг. 205). Красивой и возможно дорогою отдѣлкой этого оружія и прибора къ нему, особенно любили щеголять. Около половины столѣтія старинный мечъ начали постепенно замѣнять тонкою и длинною шпагою.

Волоса носили коротко стриженными; подстригали тоже коротко бакенбарды и бороду, которую виизу легко заострили. Усы, напротивъ, съ 40 годовъ стали отпускать длиннѣе противу прежняго. Впрочемъ не всѣ и теперь носили бороду; многіе продолжали брить ее, какъ и прежде.

Женскій костюмъ времени Фердинанда (фиг. 206 а. в) подвергся измѣненію уже въ первые годы царствованія Карла V, главнымъ образомъ вслѣдствіе болѣе строгаго этикета, введеннаго этимъ государемъ при своемъ дворѣ. Карлъ высоко ставилъ строгую нравственность и самъ лично былъ мало чувствителенъ къ женскимъ прелестямъ, или покрайней мѣрѣ старался казаться такимъ. Въ торжественной процессіи, встрѣтившей его при вѣздѣ его въ Антверпенъ, (1520) находились также знатнѣйшія и красивѣйшія дѣвицы города, одѣтыя въ однѣ только чрезвычайно прозрачныя платья изъ тончайшаго крепа; «но императоръ не удостоилъ даже и взглянуть на нихъ», говоритъ Альбрехтъ Дюреръ, присутствовавшій при этой встрѣчѣ.

Прежде всего придворныя дамы должны были отказаться отъ обнаженій шеи и плечъ (фиг. 206 а), и прикрывать эти части, какъ это до сихъ поръ было принято только пожилыми женщинами, если же и встрѣчалось между молодыми, то весьма рѣдко (фиг. 206 в; фиг. 207). Затѣмъ была

оставлена отдѣлка платьевъ прорѣзами, буфами и бантами. Вмѣстѣ съ этимъ были уничтожены и шлейфы; подъ укороченую юпку стали надѣвать особый, тогда же изобрѣтенный, каркасъ, на которомъ её растягивали во

Фиг. 206.

всю ея ширину; лифъ былъ сѣуженъ и обхватывалъ станъ не дѣлая складокъ. Всё это вмѣстѣ взятое придавало женскому платью крайнюю накрахмаленность, которая особенно правилась Маріи Португальской, первой супругѣ Филиппа II, умершей въ 1545 году (фиг. 207). Только рукава верхняго платья, которые до самой половины столѣтія носили очень длинными и широкими (оставляя нижніе рукава попрежнему узкими), складывались въ обильныя поперечныя и долевые складки.

Лифъ такихъ платьевъ (скроенный вмѣстѣ съ юпкой или отдѣльно отъ нея) выстегивался ватой такъ, что почти совершенно скрывалъ возвышеніе груди, даже при самой тугой шнуровкѣ. Шею и плечи закрывали шемизеткою, на столько плотною, или такъ густо заштою вышивками, что изъ подъ нея незамѣтно было и признака кожи. По вороту ее обшивали узкимъ воротничкомъ, похожимъ на мужской. — Верхнее платье дѣлалось распашное, или всю длину, или отъ талии внизъ; въ первомъ случаѣ оно до талии застегивалось на пуговицы. Нижнее платье было всегда глухое. Ихъ обыкновенно носили различнаго цвѣта и различной матеріи, и отдѣлывали, только по краямъ, обшивкою въ одинъ или нѣсколько рядовъ. Кромѣ длинныхъ висячихъ рукавовъ, которые опушали и подбивали иногда мѣхомъ, носили рукава болѣе узкіе и стали появляться рукава съ нѣсколькими перехватами, и рукава съ небольшими прорѣзами. Такихъ фасоновъ рукава-

дѣлались у нижняго платья, если верхнее было безрукавное, съ однѣми проймами — мода, которая была скоро оставлена. Во всякомъ случаѣ, рукава нижняго платья дѣлались длинные, до самой кисти руки. У кисти къ нимъ подшивали узенькія плоскія маншеты (фиг. 207).

Поясъ носили двухъ родовъ: утѣренной длины, сдѣланный изъ какой нибудь матеріи въ видѣ мягкаго круглаго валика, перехваченнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и длинный, падавшій концами до полу (фиг. 206 а. b). Первый, какъ не подходившій къ общему характеру костюма, скоро вышелъ изъ моды. Остался послѣдній, который дѣлался изъ цвѣтной кожи (сафьяна), которую также обтягивали бархатомъ, съ украшеніями изъ золота, серебра, жемчуга и драгоценныхъ камней. Въ послѣдствіи весь поясъ состоялъ изъ отдѣльныхъ металлическихъ украшеній соединенныхъ между собою въ видѣ цѣпи, откуда и получилъ свое названіе *châtelaine*.

Фиг. 207.

Прическа и головные уборы — куафюра вообще — стала строже и разнообразнѣе. Въмѣсто свободно распущенныхъ волосъ — прежде очень любимая мода (фиг. 206 а), стали носить спущенные вдоль щекъ круглые бандо — прическа, ради ея степенности, называвшаяся *cofia de raras* (фиг. 206 b). Вскорѣ однакожъ она была оставлена и замѣнилась еще болѣе строгой — волосы раздѣляли проборомъ и на затылкѣ нѣсколько взбивали (фиг. 207), или зачесывали ихъ назадъ и скалывали шпильками. Различныя украшенія, которыми убрали прежде волосы, встрѣчались все рѣже, или, какъ небольшіе очень красивые чепчики, перешли къ низшимъ классамъ, конечно въ упрощенной формѣ (фиг. 206 а; сравн. фиг. 157 а—b). Оставлены были только головные обручи различныхъ формъ и вѣнки изъ живыхъ или искусственныхъ цвѣтовъ. — Изъ головныхъ уборовъ модными стали небольшія низенькія шапки съ узенькимъ околышемъ, и высокія шляпы похожія на мужскія. Тѣ и другія дѣлались изъ шолковой матеріи или бархата, съ вышивками, шпурками и перьями. Въмѣстѣ съ этими уборами продолжали носить вуаль, или надѣвали его какъ самостоятельный головной уборъ. Въ послѣднемъ случаѣ его прикрѣпляли надъ лбомъ такъ что онъ спускался на плечи какъ *mantilla*. Пожилыя женщины носили его темнаго цвѣта и такого объема, что онъ завертывался въ него какъ въ плащъ. У дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ онъ былъ короче, до колѣнъ, и если не бѣлый, то какаго нибудь свѣтлаго цвѣта. Вуали дѣлались изъ очень тонкой шолковой или другой прозрачной матеріи и по краямъ обшивались вышивкою каймой и фольгою.

Обувь женская состояла изъ легкихъ башмаковъ, подобныхъ во всемъ мужескимъ, но еще красивѣе и наряднѣе отдѣланныхъ. Башмаки на высокихъ подошвахъ были почти совсѣмъ оставлены въ высшихъ сословіяхъ и

замѣнились низкими туфлями, которыя надѣвали сверхъ обуви, какъ калоши. Остальныя сословія удержали ихъ какъ удобную для грязи и сырости обувь, а публичныя женщины обратили ихъ въ нарядную принадлежность своего туалета. — Также и перчатки женскія отличались отъ мужскихъ одною только отдѣлкою. Иногда края ихъ вырѣзывались городками или сплавлялись въ родѣ маншетъ. И дамы, также какъ мужчины, носили перчатки большею частью просто въ рукѣ, не надѣвая ихъ (фиг. 211).

Лѣтомъ и въ хорошую погоду носили мантилью (*mantilla*), въ холодную и дурную надѣвали длинный плащъ изъ плотной матеріи, обыкновенно темнаго цвѣта и безъ отдѣлки. Плащъ также какъ и мантилью накидывали на голову.

Украшенія остались прежнія. Изъ нихъ особенное значеніе получилъ въ 30-хъ годахъ столѣтія вѣеръ, сдѣлавшійся около этого времени необходимою принадлежностью женскаго костюма. Онъ дѣлался изъ цвѣтной шолковой матеріи, натянутой на проволочную рамку въ формѣ небольшого флага, или изъ перьевъ расположенныхъ полукругомъ (слѣдов. былъ еще нескладной); ручка была металлическая, изъ рѣдкаго дерева, или слоновой кости.

Когда Филиппъ II вступилъ на престолъ (1556 г.), наклонность къ роскоши и щегольству укоренилась уже такъ глубоко, что не поддавалась никакимъ ограниченіямъ. Филиппъ самъ чувствовалъ это, и въ указѣ своемъ, обнародованномъ въ 1563 году, снова дозволилъ женщинамъ обшивать платья золотыми и серебряными бордюрами, носить пуговицы изъ этихъ металловъ, даже жемчугъ и драгоцѣнные камни и всякаго рода шолковыя ткани, только съ условіемъ не распространять этого разрѣшенія на прислугу. Однакожъ и этотъ указъ и послѣдовавшіе за нимъ не достигли цѣли. Правда, что и богатство, которымъ располагала нація, пока дурныя распоряженія правительства не уничтожили его вполнѣ, было чрезвычайно. Безъ преувеличенія можно сказать, что со времени открытія Америки до смерти Филиппа II (1598) ежегодно получалось болѣе 20 милліоновъ *pesos duros*, то есть столько, сколько до этого времени поступало можетъ быть въ теченіи столѣтія. Впрочемъ и начавшійся затѣмъ упадокъ благосостоянія ни мало не содѣйствовалъ къ уменьшенію роскоши. Напротивъ того, несмотря на него и на враждебное отношеніе къ ней Филиппа II, она продолжала усиливаться до вступленія на престолъ Филиппа III (1598—1621).

Съ этого времени начинается упрощеніе костюма вообще и мужскаго въ особенности, крайнейней мѣрѣ въ отношеніи покроя и отдѣлки. Примѣръ былъ поданъ самимъ Филиппомъ III. Онъ любилъ одѣваться въ чорный шолкъ или бархатъ, съ шолковою отдѣлкою на бархатномъ платьѣ, и съ бархатною на шолковомъ. Ни безполый камзолъ раскрытый на груди, ни распашная подбитая мѣхомъ верхняя одежда ему не нравились. Въмѣсто перваго онъ носилъ обыкновенно, и главнымъ образомъ ради приличія, недлинный кафтанъ или казакинъ, застегнутый до верху, а послѣднюю замѣнялъ неширокимъ и недлиннымъ плащемъ. Въ такомъ костюмѣ, съ обтяжными трико на ногахъ, покрытыми на бедрахъ кругло взбитыми полуштанами, а отъ колѣна до ступни узкими наножниками на пуговицахъ, съ высокою шляпою на головѣ представленъ онъ на портретѣ, находящемся въ бібліотекѣ Эскуриала (фиг. 208). (Наножники въ родѣ гетръ были

вѣроятно введены только теперь, когда вошло въ употребленіе трико, и надѣвались для защиты ногъ отъ холода). — Несмотря однакожь на при-

Фиг. 208.

Фиг. 209.

мѣръ короля, даже и самые приближенные къ нему лица неохотно подчинялись любимой имъ простотѣ. Въ числѣ ихъ былъ и его сынъ, инфантъ донъ Карлосъ (фиг. 210), который, несмотря на то что былъ дурень собой, рыжеволосъ и хромень на одну ногу, любилъ наряжаться и до самой своей насильственной смерти (1568 г.) носилъ нелюбимый его отцомъ костюмъ: богато отдѣланный камзолъ и роскошную, очень короткую верхнюю одежду подбитую мѣхомъ (фиг. 210; ср. фиг. 205).

Фиг. 210.

Дальнѣйшія перемѣны, происшедшія въ мужскомъ костюмѣ до конца столѣтія, касались одиѣхъ только частныхъ. Прорѣзы и буфы были совершенно оставлены или нашивались фальшивые и то въ небольшомъ количествѣ. Рукава стали носить уже съ довольно высокими наплечниками. Грудь простегивали такъ что она выпячивалась дугою и спускалась ниже талии — мода, которая позднѣе была доведена въ Нидерландахъ до крайности. Камзолъ и кафтанъ носили застегнутыми наглухо отъ талии до шеи. Брыжи

и маншеты увеличились въ объемѣ, но пока еще довольно умѣренно (фиг. 209). Такіе брыжи по ихъ сходству съ кочанымъ салатомъ (*lechuga*) назывались *lechugillas*.

На ногахъ продолжали по прежнему носить трико, сверхъ котораго иногда надѣвали напояники или гетры, но это встрѣчалось рѣдко. Болѣе всего измѣнились верхніе полуштаны. Они стали короче, такъ что едва доходили до половины бедра, и сверхъ того подбивались такъ туго что не дѣлали никакихъ складокъ, а походили на двѣ круглыя подушки. Обычная *braguette* была удержана.

Распашная верхняя одежда была постепенно такъ укорочена что потеряла всякое значеніе и поэтому была замѣнена въ 70-тыхъ годахъ плащомъ. Плащи носили длинныя (фиг. 209) и короткіе, однакожъ обыкновенно послѣдніе, съ застѣжками на груди. Ихъ тоже постепенно укорачивали и обуживали и притомъ шили изъ плотной матеріи, такъ что они почти безъ складокъ покрывали туловище только по бедра.

Шляпа съ высокой тульей и узкими полями вытѣснила почти все остальные головные уборы (фиг. 205 и 209). Волосы стали носить еще короче, бороду подстригали еще заостреннѣе, усы закручивали вверху. — Шпага и кинжалъ продолжали составлять необходимую принадлежность костюма благороднаго испанца. Къ концу столѣтія вошло въ обычай шпагу носить не сбоку, а спереди, и притомъ давать ей почти горизонтальное положеніе, а кинжалъ, принявшій теперь форму стилета, не привѣшивать, а просто затыкать за шпажную портулю.

Подобныя же измѣненія произошли и въ женскомъ костюмѣ, на который кромѣ того имѣла вліяніе женитьба Филиппа II на дочери Генриха II французскаго, Елизаветѣ (1559). Молодая и прекрасная, Елизавета, вмѣстѣ съ своею сестрою Маргаритою, была законодательницею моды при французскомъ дворѣ, въ Испаніи же ей пришлось отказаться отъ этой роли, такъ какъ покрій одежды былъ установленъ придворнымъ этикетомъ и не могъ быть измѣняемъ по личному произволу. Чтобы вознаградить себя за это стѣсненіе, которое ей было непривычно, Елизавета старалась всячески разнообразить отдѣлку своихъ платьевъ и никогда не надѣвала платья, какъ бы драгоценно оно ни было, болѣе одного раза¹. Впрочемъ ей лично Филиппъ позволялъ нѣкоторыя отступленія отъ этикета. Такъ напр. довѣ согласился, чтобы для встрѣчи съ своею матерью (въ 1565 г.) она приказала изготовить себѣ туалетъ совершенно по своему вкусу, но прибавлялъ къ этому, что имѣющіе сопровождать ее кавалеры и дамы должны быть одѣты согласно установленнымъ правиламъ. Вѣроятно не безъ участія Елизаветы, конечно косвеннаго, было издача Филиппомъ и то постановленіе, которымъ снова разрѣшались женщинамъ разнаго рода уборы и прикрасы въ костюмѣ. Какъ бы то ни было, въ одномъ отношеніи по крайней мѣрѣ Елизавета явилась и въ Испаніи законодательницею моды, именно въ отношеніи роскошной отдѣлки туалета. Ея платье, головной уборъ, башмаки, вообще все

¹ P. de Bourdeille de Brantôme. Mémoires: les Dames illustres. Leyde 1661. p. 196 sqq.

части туалета, были покрыты украшеніями изъ золота, жемчуга, драгоценныхъ камней и т. п., какъ это видно и по ея современному миниатюрному портрету (фиг. 211). Всѣ эти украшения, также какъ и шейныя цѣпочки, пояса, кольца и т. п. вещи, были превосходной работы и въ чистомъ стилѣ Возрожденія.

Вообще же измѣненія въ женской одеждѣ были незначительны и касались главнымъ образомъ лифа и рукавовъ верхняго платья, покроя котораго, также какъ и исподняго, остался тотъ же — гладкій и колоколообразный.

Лифъ стали носить теперь совершенно закрытымъ вплоть до шеи, которая вдобавокъ закрывалась жесткимъ воротникомъ. Вокругъ талии и на плечахъ дѣлался родъ выпуска (фиг. 211; сравн. фиг. 207), который или оставляли гладкимъ или отдѣлывали прорѣзами, или (выпрочеиъ только на плечахъ) давали ему форму плоскихъ валиковъ. Лифъ дѣлался иногда, а впоследствии большею частью, распашной спереди, но его все-таки носили наглухо застегнутымъ, также и распашное верхнее платье постоянно застегивали до низу. Длинные и широкие рукава верхняго платья были совершенно оставлены, частью значительно сжужены. Кромѣ того вошли въ употребленіе и другіе фасоны рукавовъ — короткіе съ разрѣзами по безъ буффовъ, и длинные до кисти, прорѣзные, какъ бы составленные изъ болѣе или менѣе широкихъ полосъ и спереди иногда совершенно открытые пачиная съ плеча. Такіе рукава обыкновенно не надѣвали на руку, а оставляли висячими (фиг. 211). Брыжи и маншеты постепенно приняли значительные размѣры, какъ и мужскіе.

Данное нами описаніе относится преимущественно къ костюму высшихъ сословій, тѣмъ не менѣе въ общихъ своихъ чертахъ оно приложимо и къ костюму среднихъ зажиточныхъ классовъ, которые всегда старались по возможности подражать во всемъ первымъ. Разница между костюмомъ тѣхъ и другихъ конечно была, но въ сущности она заключалась не столько въ покроѣ одежды, сколько въ ея отдѣлкѣ и качествахъ матеріи, которыя у послѣднихъ необходимо были скромны. При этомъ надобно замѣтить, что только жители большихъ городовъ, постоянно видѣвшіе передъ собою знатныхъ особъ, могли перенимать ихъ одежду и дѣйствительно перенимали её. Не такъ было въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ удаленныхъ отъ главныхъ центровъ и, при отсутствіи правильныхъ сообщеній, разобщенныхъ какъ отъ нихъ

Фиг. 211.

такъ и другъ отъ друга. Костюмъ тамошняго населенія, также какъ и деревенскаго, гораздо долѣе сохранялъ свой старинный покрѡй и если частью измѣнялся, то совершенно самостоятельно.

Мужчины носили длинные полуштаны доходившіе до колѣна и туго простеганные (сравн. фиг. 205), впрочемъ безъ буфовъ, и узкій въ обтяжку камзолъ съ прорѣзами на груди и нерѣдко съ нововведенными наплечными валиками. Старинный широкій кушакъ и шерстяное четырехугольное одѣяло вмѣсто плаща были также удержаны во многихъ мѣстахъ. Только накрахмаленные брыжи были охотно и повсемѣстно приняты даже и нисшими классами, которые и продолжали ихъ носить далеко за половину 17-го столѣтія. «Эта эмблема серьезной важности — замѣчаетъ кардиналь Альберони.¹ дѣлающая сдержаннымъ сама малѣйшее движеніе тѣла, значитъ много въ Испаніи. Каждый извозчикъ не менѣе града перваго класса озабоченъ тѣмъ, чтобы не измять своихъ брыжей; и поселянинъ предпочтетъ десятокъ луковицъ, которыя онъ можетъ собрать, не снимая съ себя тщательно накрахмаленнаго воротника, тысячѣ мѣръ пшеницы, если для того чтобы получить ихъ, ему пришлось бы только на полгода отказаться отъ этого величественнаго украшенія». — Голову покрывали низкою шляпою съ широкими мягкими полями; носили также и высокую городскую шляпу.

Женщины многихъ мѣстностей также удержали различныя особенности своего стариннаго костюма, напр. шейный вырѣзъ на верхнемъ платьѣ и головную сѣтку. Съ другой стороны, ими допущены были и нѣкоторыя нововведенія соотвѣтствовавшія общему направленію вкуса. Шею начали закутывать платкомъ вплоть до подбородка, или надѣвать на нее болѣе или менѣе широкіе брыжи; при этомъ и платье стали шить такъ, что оно обтягивалось безъ складокъ. Вообще, женщины и нисшихъ классовъ заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы казаться какъ можно привлекательнѣе и нарядомъ и манерами. Въ этомъ отношеніи особенно славилась севильянки. «Онѣ не носятъ суконныхъ мантилій — говоритъ о нихъ Моргадо² — а только изъ тонкой тафты или покрайней мѣрѣ саржи. Въ ихъ костюмѣ много шолку и золотого и серебрянаго шитья. Онѣ очень любятъ всякаго рода благовонія, чрезвычайно опрятны, необыкновенно вѣжливы, и красиво убраны золотомъ и жемчугомъ. Во всѣмъ королевствѣ онѣ славятся своимъ веселымъ характеромъ и своимъ изящнымъ обращеніемъ. Весело смотрѣтъ на нихъ, когда онѣ проходятъ мимо, держась прямо и коротко шагая по своему обычаю, и закрываютъ себѣ лицо мантилей, выглядывая изъ подъ нея однимъ глазомъ». Пожилыя почтенныя доньи усвоили себѣ въ послѣдствіи привычку надѣвать на носъ очки, даже и безъ надобности, а только для того чтобы казаться почтеннѣе.

Трауръ соблюдался очень строго: ³ траурный костюмъ состоялъ изъ чернаго саржеваго платья, полотняной мантили доходившей до колѣнъ и бѣлаго длиннаго вуаля. Поверхъ всего накидывался черезъ голову широкій плащъ изъ черной тафты, настолько длинный, что сзади онъ спускался до земли; въ

¹ Юлій Альберони (1664—1752) былъ посланникомъ герцога Пармскаго при дворѣ Филиппа V, испанскаго. — ² Historia de Sevilla. Sevilla, 1587. — ³ Ср. C. Meiner's Geschichte des weiblichen Geschlechts. Hannover. 1800. III, 52.

дорогѣ, надѣвалась большая черная шляпа подвязывавшаяся у подбородка. Мужчины одѣвались тоже въ черное и не носили никакихъ украшеній.

Въ исходѣ столѣтія, при вступленіи на престолъ Филиппа III (1598—1621), появились нѣкоторыя, весьма впрочемъ незначительныя нововведенія, вызванныя преимущественно французскимъ вліяніемъ (см. ниже).

Франція и Англія.

Францискъ I (1515—1547) и Генрихъ VIII, англійскій (1509—1547), вступившіе на престолъ въ молодыхъ лѣтахъ, были оба красивы собой, тщеславны, преланы женщинамъ и въ высшей степени наклонны къ роскоши. Францискъ I, выросшій въ счастливое царствованіе Людовика XII, поставилъ себѣ задачею довести французскій дворъ, уже и безъ того значительно увеличенный его предшественникомъ, до высшей степени блеска. Генрихъ не отсталъ отъ него, но ему недоставало тѣхъ личныхъ качествъ, которыя болѣе всего привлекаютъ массу и которыми такъ счастливо былъ одаренъ Францискъ. Образованный болѣе научно, чѣмъ эстетически, съ характеромъ переменчивымъ, капризнымъ и деспотическимъ, Генрихъ заботился только о своей собственной особѣ и о небольшомъ кругѣ своихъ приближенныхъ. Францискъ, хотя тоже любившій серьезныя занятія и умѣвшій цѣнить науки, считалъ однакожъ искусство единственнымъ средствомъ могущимъ облагородить жизнь. Онъ вызвалъ изъ Италіи множество художниковъ, преимущественно живописцевъ и скульпторовъ. Великолѣпныя зданія, воздвигнутыя по его приказанію, были построены большею частью французскими архитекторами, но всё-таки въ духѣ итальянскаго возрожденія. И Францискъ считалъ себя главою и средоточіемъ своего королевства, и онъ сводилъ всё его окружающее къ своей собственной личности, но этимъ самымъ онъ способствовалъ въ свою очередь всестороннему преуспѣянію и оживленію цѣлаго.— Тотчасъ при вступленіи на престолъ онъ, подобно Карлу V, началъ съ того, что значительно увеличилъ придворный штатъ и вообще издержки на содержаніе двора. Склонный къ чувственнымъ удовольствіямъ, онъ сдѣлалъ свой дворъ театромъ непрерывныхъ празднествъ и — слѣдуя примѣру Анны Бретонской, но не съ такимъ чистымъ намѣреніемъ — сборнымъ мѣстомъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ знатныхъ женщинъ королевства. Необыкновенное великолѣпіе придворныхъ празднествъ, роскошная обстановка большихъ охотъ, которыми король, какъ превосходный стрѣлокъ, предавался съ страстнымъ увлеченіемъ, утонченность его стола, вскорѣ стали далеко извѣстны ¹ и подстрекали къ губительному подраженію. Но самую характерную черту всей этой придворной жизни составляли женщины. Брантомъ, говоря о наклонности короля привлекать ко двору женщинъ, и лѣтиво скрашивая её, какъ онъ скрашиваетъ и многое другое, замѣчаетъ, что король «поступалъ такъ, будучи убѣжденъ, что дамы составляютъ единственное украшеніе дворовъ, что дворъ безъ женщинъ все равно что садъ безъ цвѣтовъ и похожъ скорѣе на дворъ восточнаго сатрапа, чѣмъ христіанскаго ко-

¹ B. de Brantôme. *Memoirs: Les hommes illustres, et les grands Capitaines etc.* Leyde 1666. I., 267.

роля» и прибавляетъ свое собственное мнѣніе въ такихъ словахъ: «короче сказать, дворъ безъ дамъ есть дворъ безъ двора». Другіе конечно смотрѣли на дѣло иначе. Они не скрывали своихъ опасеній по поводу того, что «дворъ сталъ обычнымъ сборнымъ мѣстомъ женской знати и чрезъ это обратился въ образцовую школу всякаго соблазна и расточительности для всей Франціи».

Роскошь, а съ нею вмѣстѣ и долги разрослись быстро. Гдѣ главную роль играютъ женщины, а слѣдовательно неослабно поддерживается и желаніе нравиться, тамъ выше всего цѣнятся вышнее убранство. Какъ ни была уже богата одежда, она стала еще роскошнѣе и драгоценнѣе. Самъ король былъ настоящимъ инициаторомъ въ этомъ дѣлѣ, и не только въ отношеніи мужскаго пола, но и женскаго, такъ какъ очень часто, по случаю большихъ праздниковъ, онъ дарилъ нѣкоторымъ придворнымъ дамамъ драгоценнѣйшіе туалеты. Брантомъ увѣряетъ, что онъ самъ еще видѣлъ множество такихъ подарковъ. При всемъ томъ, щегольство выражалось гораздо болѣе въ богатствѣ матерій, въ цѣнности украшеній и отдѣлки и въ большомъ количествѣ платьевъ, чѣмъ въ разнообразіи и перемѣнѣ ихъ покроя. Въ отношеніи послѣдняго продолжали еще держаться тѣхъ формъ, которыя выработались подъ итальянскимъ вліяніемъ, и только въ концѣ двадцатыхъ годовъ начали по немногу отступать отъ нихъ, чтобы вскорѣ затѣмъ поочиниться совершенно вліянію испанскихъ модъ, перенесенію которыхъ во Францію отчасти способствовало и пребываніе короля въ плѣну въ Испаніи, продолжавшееся годъ. «Испанскія и итальянскія дамы всегда любили дорогія благовошія и богатые туалеты гораздо болѣе, чѣмъ французскія, которыя и переняли отъ нихъ всѣ эти прескрасныя изобрѣтенія» — эти слова Брантома,¹ сказанныя, правда, о нѣсколько позднѣйшемъ времени, могутъ быть отнесены и къ тому періоду, о которомъ идетъ рѣчь. — Спросъ на дорогія матеріи удовлетворялся теперь преимущественно туземными фабриками, которыя трудами двухъ генуэзцевъ — Турчетти и Панись (1525) были настолько усовершенствованы, что могли изготовлять (особенно Лионскія съ 1536 г.) шелковыя матеріи неуступавшія лучшимъ итальянскимъ. Это было конечно не малымъ выигрышемъ для общаго благосостоянія, такъ какъ огромныя суммы, которыя прежде переводились въ Италію, оставались теперь внутри страны. Производство шерстяныхъ матерій и суконъ развивалось не менѣе успѣшно, преимущественно въ Провансѣ, Дофинѣ и Лангедокѣ. Были сдѣланы также удачныя попытки перенести во Францію выдѣлку узорочныхъ голландскихъ суконъ и фландрскихъ ковровъ. Для матерій все еще предпочитались цвѣта яркіе. Такъ продолжалось до 30-хъ годовъ, когда слѣдуя примѣру короля стали все болѣе и болѣе ограничиваться сочетаніемъ чернаго, бѣлаго и золота. Самыми любимыми матеріями для платьевъ были узорочныя сукна, шелковыя ткани и бархаты, частію одноцвѣтный, частію протканый золотомъ или серебромъ. Тоже самое было и въ Англіи, хотя здѣсь подобная роскошь пока еще не распространялась далѣе самаго высшаго круга. При свиданіи Франциска I съ Генрихомъ VIII въ 1520 году, оба короля явились окруженные такимъ великолѣпіемъ, что

¹ B. de Brantôme. *Memoirs: Les vies des Dames galantes*. Leyde, 1666. I, 263.

и самое мѣсто гдѣ происходило свиданіе было названо «парчевымъ полемъ» (the field of the cloth of gold или le champ du drap d'or). По словамъ хрониста Голля (Hall), на Генрихъ была надѣта «удивительно драгоценная одежда изъ травчатой серебряной парчи, густо протканной золотомъ, спадавшая широкими и упругими складками». При въѣздѣ Франциска I въ Парижъ, на немъ была дорогая верхняя одежда изъ серебряной парчи; большинство тѣхъ, которые его сопровождали или выѣхали ему навстрѣчу, были одѣты въ половинчатые костюмы: придворные—изъ золотой парчи и бѣлаго атласа, маршалы—изъ золотой и серебряной парчи, начальники стражи—изъ золотой парчи и краснаго бархата, кавалеры—изъ краснаго и чернаго бархата усыпаннаго блестками, гвардія лучниковъ—изъ бѣлаго сукна и такого же атласа съ серебряными лиліями и въ шапкахъ съ большими перьями; почетные горожане явились въ бархатныхъ одеждахъ краснаго и чернаго цвѣта». Бархатъ былъ самой любимой матеріей и цѣнился такъ высоко, что его употребляли для подарковъ на раду съ другими драгоценными вещами. Такъ, между прочимъ, кошеталь бурбонскій, по случаю крестинъ своего сына, одѣлъ въ бархатъ пятьсотъ дворянъ и, кромѣ того, подарилъ каждому изъ нихъ по тройной золотой цѣпочкѣ на шею, что, взятое вмѣстѣ, составило такой щедрый подарокъ, что даже Францискъ I нашелъ его нѣсколько оскорбительнымъ для себя.¹ Несмотря на свою любовь къ роскоши, Францискъ I, следуя примѣру своихъ предшественниковъ издалъ нѣсколько постановленій противъ щегольства, которыя однакожь оказались такъ же мало дѣйствительными, какъ и всѣ прежнія. Указомъ 1543 года онъ запретилъ подѣ штрафомъ въ 1000 ливровъ всѣмъ мужчинамъ, какого бы званія они ни были, носить протканныя золотомъ или серебромъ матеріи и отдѣлывать платье золотыми и серебряными обшивками. Это постановленіе было возобновлено Генрихомъ II въ 1547 г. и распространено и на женщинъ, за исключеніемъ принцессъ и дамъ королевы. Вскорѣ затѣмъ, въ 1549 году, было обнародовано еще болѣе подробное постановленіе, запрещавшее всякаго рода золотыя и серебряныя украшенія на одеждѣ, за исключеніемъ пуговицъ, и одежды изъ красной шелковой матеріи, которая дозволялось носить только прицамъ и принцессамъ. Духовнымъ, мѣщанамъ и женамъ закововѣдовъ запрещался бархатъ, а ремесленникамъ—шолкъ. Подобныя постановленія издавались и въ Англіи. Однимъ изъ нихъ (1533) ношеніе дорогихъ матеріи присвоивалось исключительно особамъ королевской фамиліи и высшему дворянству, по отношенію же къ остальнымъ сословіямъ дозволенные издержки на костюмъ соразмѣрялись съ ежегоднымъ доходомъ каждаго отдѣльнаго лица.² Уже въ 1542 появилось здѣсь на заглавномъ листѣ одной книги, какъ сатирическій намекъ на частую перемѣну моды, изображеніе человѣка съ большими ножницами въ одной и съ кускомъ сукна въ другой рукѣ³—фигура часто повторявшаяся во Франціи и въ Германіи на заглавіяхъ такъ называемыхъ книгъ о нарядахъ (Trachtenbücher).

¹ Brantôme, Oeuvres. A la Haye, 1740. IV, 281. — ² Cp. W. Fairholt. Costume in England. London 1846. p. 247, и J. R. Planché British Costume. Lond. 1849. p. 234 sqq. — ³ R. Planché въ назв. сочин. на заглавномъ листѣ къ „Andrew Borde's Introduction to Knowledge (1542)“.

Въ мужскомъ костюмѣ, введенные при Людовикѣ XII прорѣзы съ буфами и широкій четырехугольный вырѣзъ у ворота съ заложеннымъ въ него сплюснутымъ нагрудникомъ, такъ наз. *chemise froncée*, продержались до половины столѣтія, особенно въ Англіи, гдѣ они очень понравились. Францискъ, повидимому, первый отступилъ отъ этой моды и началъ носить кафтанъ или камзолъ съ высокимъ воротомъ на испанскій манеръ. Современные портреты представляютъ его въ камзолѣ и того и другаго покроя (фиг. 212). Къ послѣднимъ принадлежитъ портретъ писанный Тиціаномъ,

Фиг. 212.

когда, судя по лицу, королю могло быть около 40 лѣтъ¹ (на всѣхъ другихъ портретахъ онъ моложе). До верху закрытый камзолъ сталъ теперь моднымъ, а прежшій фасонъ былъ совершенно оставленъ. Въ тоже время камзолъ стали носить короче и уже, опять таки придерживаясь испанской моды. Прорѣзы и буфы дѣлались преимущественно на груди и рукавахъ, остальная отдѣлка заключалась по прежнему въ вышивкахъ и бордюрахъ, нерѣдко также и въ дорогихъ пуговицахъ и металлическихъ украшенияхъ. Сплюснутый нагрудникъ, ставшій теперь ненужнымъ, былъ замѣненъ отчасти безрукавною курткой, въ родѣ жилета (когда верхній камзолъ на груди открывали), отчасти узкимъ воротничкомъ (при застегнутомъ камзолѣ). Обычная *braguette* была значительно увеличена и иногда даже украшалась широкимъ бантомъ, вслѣдствіе чего кафтанъ или камзолъ стали теперь носить безъ исключенія распашной отъ талии внизъ. Вскорѣ затѣмъ разрѣзъ былъ продолженъ кверху до самой шеи, что заставило надѣтый подъ камзолъ жилетъ отдѣлывать богаче прежняго, такъ какъ онъ былъ теперь болѣе на виду. Наконецъ и жилетъ стали дѣлать съ разрѣзомъ, сначала небольшимъ у шеи, а потомъ и вдоль всей груди, и надѣвать подъ него нарядный нагрудникъ. Рукава носили по испанской модѣ съ широкими буфами на плечахъ (ср. фиг. 205). Генрихъ VIII, до конца 30-хъ годовъ, носилъ кафтанъ стариннаго покроя, какъ это видно по картону, изготовленному Гольбейномъ около 1537 года для несуществующей уже болѣе фрески для замка Уайтголла (фиг. 213). Другіе, позднѣйшіе портреты представляютъ его въ болѣе узкой одеждѣ. Современные портреты разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, преимущественно изъ королевскихъ приближенныхъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что описанный выше костюмъ былъ

¹ Этотъ портретъ (грудной) находится въ луврской галлерей. Онъ переданъ на фиг. 212 по гравюрѣ Ж. Мугеау и пользуясь изображеніемъ у Herbé (*Costumes français*). Писанъ ли онъ съ натуры или, какъ принимаетъ Kugler (*Gesch. der Malerei* 2 Aufl. II, 48) съ медальона, для нашей цѣли не важно. Другой портретъ Франциска I, тоже грудной, съ обнаженной шеей, принадлежитъ берлинскому музею.

принять и англійской знатю и сталъ у нея самымъ моднымъ. Особенно характерно представленъ онъ на портретъ Генри Гоуарда, графа Сёрри, писанномъ, какъ полагають, Гольбейномъ младшимъ ¹ (фиг. 214, ср. фиг. 212)

Фиг. 213.

Остальныя части костюма подверглись также нѣкоторымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе чего явилось нѣсколько особенныхъ отличныхъ отъ испанскаго фасоновъ. Таковъ былъ между прочимъ фасонъ верхнихъ полуштановъ, хотя и упрощенный сравнительно съ прежнимъ, но не сѣуженный какъ бы того требовала испанская мода, а широкій сборчатый. Эти полуштаны дѣлались такой длины что доходили до икръ, но когда ихъ надѣвали, то края ихъ собирали на шнурокъ на половинѣ ляжки такъ что они спускались почти до колѣна, образуя вокругъ ноги широкія вздутыя складки. Въ отличіе отъ несборчатыхъ туго подбитыхъ штановъ, называвшихся *tonnelets*, сборчатые штаны называли *trousses* (фиг. 214). Въ началѣ сороковыхъ годовъ на нихъ стали нашивать (по длинѣ) широкія жесткія полосы, обыкновенно

¹ Ср. А. Woltmann. *Holbein und seine Zeit*. Lpzg. 1868. II, 345; 474. По помѣткѣ на гравюрѣ, сдѣланной съ этого портрета Скривеномъ, оригиналъ находился въ Виндзорской галлерей, а по W. Fairholt (*Costume in England*, p. 242) — въ галлерей Hampton Court

другаго цвѣта и матеріи чѣмъ самые штаны, вслѣдствіе чего послѣдніе получали нѣкоторое сходство съ *tonnelets*. Подъ верхними полуштанами продолжали носить длинные обтяжные панталоны сшитые изъ матеріи, такъ

Фиг. 214.

какъ шелковые вязанные панталоны (трико), какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, составляли еще рѣдкость. Полагають, что они прежде стали извѣстны въ Англіи. Генрихъ VIII получилъ одни такіе панталоны изъ Испаніи, впрочемъ уже незадолго передъ смертью (1547). У его сына, Эдуарда VI (1547 — 53), были тоже одни триковые панталоны, полученные имъ изъ Испаніи же. Во Франціи Генрихъ II первый явился въ такихъ панталонахъ на свадьбѣ своей сестры въ 1559 году.

Вошедшую въ моду, около 1500 года, тупоносую обувь продолжали носить еще довольно долгое время. Въ особенности она была любима въ Англіи, гдѣ фасонъ этотъ до такой степени утрировали, что королева Марія (1553—1558) нашла нужнымъ запретить его. Францискъ I и Генрихъ VIII тоже предпочитали тупоносую обувь и носили её даже и тогда, когда модною сдѣлалась красивая узконосая испанская обувь (фиг. 212; 213; 214).

Подражаніе испанскимъ модамъ проявилось всего рѣшительнѣе въ верхнихъ накидныхъ одеждахъ и въ головныхъ уборахъ. И въ тѣхъ и въ другихъ слѣ-

довали въ точности испанскимъ образцамъ. Во Франціи, гдѣ при Францискѣ I любили щеголять тальей, распашную верхнюю одежду носили подпоясанную (фиг. 212). Короткіе плащи дѣлались большею частью бархатные или изъ двойной шолковой матеріи. По краямъ ихъ обшивали бордюромъ и небольшоими пучечками разноцвѣтныхъ лентъ. — Изъ головныхъ уборовъ любимымъ былъ баретъ, вытяснвшій вскорѣ и щеголеватый *toque de Florense*, — вѣроятно родъ не очень высокой, богато украшенной шапки. Баретъ (французскій) походилъ во всемъ на испанскій, но былъ вообще плоче и шире. Впрочемъ вскорѣ (съ 40-ыхъ годовъ) появилась другая форма барета, менѣе широкая, съ узкими отогнутыми къ низу полями и сдѣлалась общепотребительною (фиг. 214; ср. 213). Украшенія барета составляли шнуры, аграфы, цуговки, вышивки, а главнымъ образомъ перо (обыкновенно бѣлое), которое или отгибалось вокругъ барета или было прикрѣплено съ боку. Иногда къ барету прикрѣплялся вертикально цѣлый пучокъ перьевъ. Шляпа, высокая какъ и испанская, имѣла широкія поля, которыя съ одной стороны (съ правой) обыкновенно отгибали къ верху. Шляпы тоже иногда украшали перьями. — Перчатки (изъ кожи, шерсти и шолка), простыя или вышитыя, иногда съ прорѣзами, носили различныхъ цвѣтовъ, преимущественно свѣтлыхъ и даже бѣлаго. Лучшими перчатками считались привозимыя изъ Испаніи.

До начала двадцатыхъ годовъ волосы на головѣ носили умѣренной длины подрѣзанные скобкой, а бороду брили — какъ это было уже и при Людовикѣ XI. Съ двадцатыхъ годовъ голову стали стричь гладко, а бороду отпускать и подстригать. Поводомъ къ такой перемѣнѣ послужила, какъ рассказываютъ, рана въ голову, полученная Францискомъ I (въ 1521) при игрѣ въ снѣжки. Для лѣченія рапы оказалось нужнымъ остричь гладко волосы на головѣ короля; въ замѣнъ этого онъ отпустилъ себѣ бороду, а его примѣру последовали и придворные. Эта мода вскорѣ была принята и при англійскомъ дворѣ, но тамъ ея придерживались не такъ строго какъ при французскомъ, а совершенно по произволу или брились, или носили бороду, полную или подстриженную (фиг. 213; 214; 212).

Измѣненія женскаго костюма происходили еще медленнѣе. Свободныя и строенныя тѣла болѣе соотвѣтственныя формы, принатыя имъ при Карлѣ VIII и его ближайшихъ наследникахъ, при особенномъ содѣйствіи супруги Людовика XII, Анны Бретанской, (фиг. 215 а—с) такъ полюбили въ знатной дамской средѣ, что она съ трудомъ рѣшалась отказываться отъ нихъ ради испанской моды, даже и тогда, когда изъ одного уже приличія ей приходилось не отвергать последней. Впрочемъ Францискъ I ни мало не стѣснялъ дамъ своего двора въ ихъ вкусахъ, и всѣ его постановленія противъ роскоши касались однихъ только мужчинъ. Этого мало. Наперекоръ принятому обычаю, онъ позволилъ даже вдовамъ принимать участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ, напр. въ танцахъ, и носить цвѣтныя платья.

Поэтому, испанскій неуклюжій костюмъ, принятый при французскомъ дворѣ уже въ двадцатыхъ годахъ, оставался еще долго параднымъ костюмомъ, который надѣвали при какихъ нибудь особенно торжественныхъ случаяхъ, и то лишь сама королева и самыя приближенныя къ ней придворныя дамы.

Когда Элеонора австрійская, вдова Эмануила португальскаго, въѣзжала въ Бордо какъ невѣста Франциска I (въ 1530 г.), она была одѣта совершенно по испанской модѣ. На головѣ у нея былъ родъ чахла или сѣтки (crespine) съ золотыми привѣсками (papillons), унизанной рубинами и такой длинной, что она касалась пола; сверхъ этой сѣтки была надѣта

Фиг. 215.

красивая шапочка изъ яркокраснаго бархата, осыпанная драгоцѣнными камнями и украшенная бѣлымъ перомъ. Въ ушахъ сверкали два драгоцѣнныхъ камня величиною въ грецкій орѣхъ. Узкое верхнее платье было яркокраснаго бархата, на бѣлой шолковой подкладкѣ, богато отдѣланное золотыми и серебряными вышивками, и съ высокими буфами на плечахъ. Шею закрывалъ гофренный воротникъ съ шемизеткой. Исподнее платье было бѣлое шолковое, отдѣланное вокругъ серебромъ и драгоцѣнными камнями.

Принявши испанскій костюмъ, французскія дамы тотчасъ же измѣнили его по своему вкусу, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частяхъ. При низкомъ лифѣ, или лифѣ съ глубокимъ четырехугольнымъ вырѣзомъ, онѣ оставляли шею или совершенно открытою, или прикрывали узенькой обшивкой по краямъ вырѣза (фиг. 216 с; ср. фиг. 207); если же и надѣвали шемизетку съ высокимъ гофрированнымъ воротникомъ, то обыкновенно носили еѣ нѣсколько раскрытою спереди (фиг. 216 а). Рукавамъ верхняго платья давали различныя фасоны, частію совершенно отличныя отъ испан-

скихъ, иногда даже прибавляли къ нимъ особые широкіе рукава изъ богатой матеріи или дорогого мѣха (фиг. 216 с; а. b). Верхнее платье дѣлалось не узкое и закрытое, какъ испанское, а съ широкою юпкой, распашной отъ талии внизъ, и съ низкимъ лифомъ, верхній край котораго вырѣзывался полукругло (фиг. 216 а). Въ такомъ, нѣсколько измѣненномъ видѣ (фиг. 216 b), испанскій костюмъ былъ принятъ Клавдіей, первой супругой Франциска I-го (вступ. съ нимъ въ бракъ въ 1514 и умершей въ 1524) и не измѣнялся до половины столѣтія. Ею носила также и сестра короля, Маргарита Валуа (1492—1549), довольно долго жившая съ нимъ въ Мадридѣ во время его плѣна (фиг. 216 а), и Элеонора австрійская (ум. 1558), его вторая супруга (фиг. 216 с).

Соединеніе испанскаго покроя съ прежнимъ, болѣе свободнымъ и полнымъ, породило новую форму, которая занимала середину между ними. Верхнее платье (распашное или закрытое) дѣлалось гораздо свободнѣе въ лифѣ и полнѣе въ юпкѣ, которая нерѣдко бывала такъ длинна, что образовала родъ шлейфа. Рукава, умѣренна широкіе и недлинные, оканчивались у плечъ болѣе или менѣе высокими буфами (фиг. 217 b). Въ такомъ платьѣ представлена на одной, вѣроятно современной картинѣ, Маргарита французская, меньшая дочь Франциска I (фиг. 217 а).

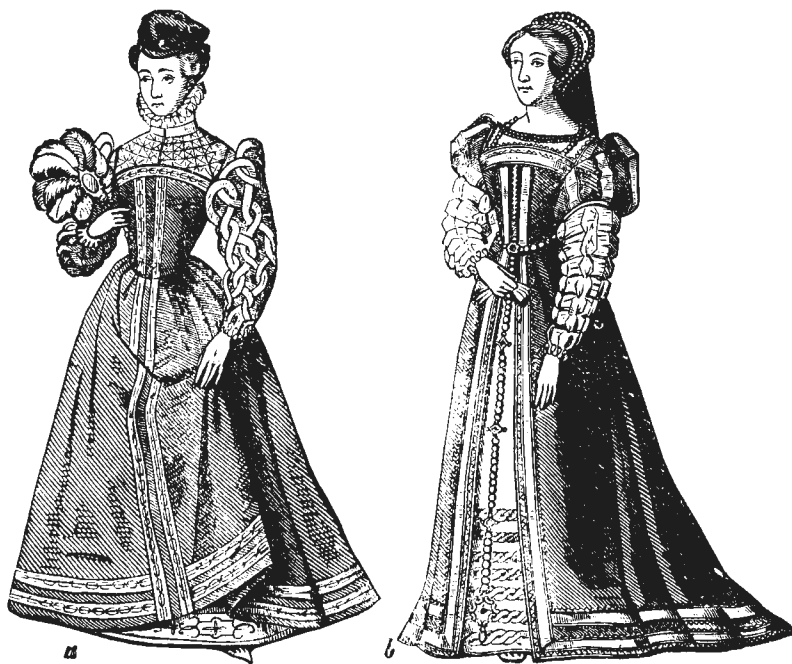
Особенно прихотливы были французскія дамы относительно убранства головы. Онѣ носили волосы отчасти по прежнему въ локонахъ (фиг. 215), отчасти по испанской модѣ, съ проборомъ посрединѣ головы, расчесанные гладко, или спущенные вдоль щекъ и сзади поднятые. Головные уборы состояли изъ разной формы шапочекъ, или въ родѣ небольшого барета, или круглыхъ и твердыхъ, покрывавшихъ только заднюю часть головы, и низкихъ шляпъ съ узкими полями и вуалемъ. Всѣ эти уборы отдѣлывались золотыми украшеніями, жемчугомъ, драгоценными камнями и т. д., и кромѣ того, перьями. Самая отдѣлка измѣнялась по временамъ года: зимою носили шапочки *à la française*, весною *à l'espagnole*, лѣтомъ *à la turque*. Очень понравился введенный Элеонорою австрійскою въ 1533 простой головной уборъ, названный *à la Ferronière*. Онъ состоялъ изъ золотого обруча, украшеннаго спереди замкомъ изъ драгоценныхъ камней въ богатой

Фиг. 216.

золотой оправѣ. — Эти же самые уборы были приняты и въ Англіи, но вмѣстѣ съ ними тамъ продолжали еще долго (до конца 40-хъ годовъ) но-

Фиг. 217.

сить и старинный треугольный наголовникъ съ длиннымъ вуалемъ, прикрѣпленнымъ къ нему сзади (фиг. 218 а b; ср. фиг. 76 а—с).

Фиг. 218.

Въ обуви, употребленіи перчатокъ, опахалъ и т. д., а также и въ щегольствѣ золотыми и другими украшеніями и дорогими матеріями, вплоть придерживались испанскихъ обычаевъ. Особенно любимымъ украшеніемъ были богатые пояса и длинныя цѣпочки или снурки изъ жемчуга и драго-

цѣнныхъ камней; ихъ обвивали вокругъ шеи и распускали по плечамъ и на груди (фиг. 216 а—с).

Смерть Франциска I (1547) не произвела почти никакой перемѣны въ обычаяхъ и вѣтшей жизни французскаго двора. Генрихъ II (1547—1559) и его супруга, Екатерина Медичи, не только не ограничили вошедшей въ обычай роскоши, но даже старались усилить её. Катерина, сначала вѣроятно изъ личнаго честолюбія, а впоследствии изъ политическихъ видовъ, сама поощрала распущенность придворныхъ нравовъ и какъ-бы возвела её въ то, что называется «хорошій тонъ». Во время своихъ путешествій, она постоянно окружала себя свитой изъ нѣсколькихъ сотъ дамъ и дѣвицъ знатнѣйшихъ фамилій и настаивала на томъ, чтобы придворные господа имѣли во всякое время свободный доступъ къ ней самой и въ комнаты ея дамъ. Соблазну открывались настежь двери. Придворные распутничали и называли свой Дворъ настоящимъ раемъ, въ которомъ дамы были богинями. Благодаря вліянію, которое Катерина сумѣла удержать за собой въ послѣдовательныя царствованія ея трехъ сыновей: Франциска II (до 1560), Карла IX (до 1574) и Генриха III (до 1589), она оставалась до самой своей смерти (1589) главною руководительницей какъ въ государственныхъ дѣлахъ, такъ и во всемъ, касавшемся вѣтшей жизни французскаго двора. Францискъ II не измѣнилъ распоряженій своего отца, и если супруги Карла IX и Генриха III, Елизавета Австрійская и Луиза Лотарингская, слѣдуя испанскому обычаю, устранили своихъ дамъ отъ общества придворныхъ кавалеровъ, да и самъ Генрихъ III былъ строгимъ подражателемъ испанскаго придворнаго этикета, то всё это въ сущности не повело ни къ чему, такъ какъ Катерина продолжала держать свою дамскую свиту и для того чтобы подчинить обоимъ королямъ своему вліянію, умѣла подстрекать ихъ къ самымъ неумѣреннымъ и расслабляющимъ удовольствіямъ. Поощряемая ею, роскошь при дворѣ, а вскорѣ и во всѣхъ слояхъ общества, развивалась непомѣрно во время царствованія Карла IX. Сама Катерина, овдовѣвъ, не носила ни цвѣтныхъ платьевъ, ни дорогихъ нарядовъ, а одѣвалась въ черное и преимущественно по испанской модѣ; но дамы ея свиты должны были блистать самыми роскошными туалетами. Эти вѣрныя орудія интригъ Катерины и были распространительницами роскоши, вовлекая въ нее и знатныхъ мужчинъ, желавшихъ поправиться имъ. Всѣ паперерывъ старались перешеголять другъ друга богатствомъ костюма. Неговоря уже о томъ, что теперь не носили никакихъ другихъ матерій кромѣ самыхъ дорогихъ, пышность нарядовъ возвышалась еще ихъ отдѣлкою и множествомъ дорогихъ украшеній искуснѣйшей работы, которыми просто обременяли себя, особенно дамы. Явилась даже поговорка, что дворянство носить всѣ свои доходы на плечахъ. Если же повременамъ, какъ напр. въ продолженіи церковныхъ смутъ, и возвращались къ болѣе простому костюму, выбирая для него преимущественно матеріи скромныхъ цвѣтовъ, бѣлаго, чернаго, коричневаго и т. д., то это было только случайнымъ уклоненіемъ, которое притомъ же не распространялось за предѣлы протестантской среды, вообще старавшейся отличаться отъ противной ей партіи болѣею простотой въ жизни и обстановкѣ. Католики, а слѣдовательно также и дворъ и всѣ къ нему принадлежавшіе, не отступали отъ привычнаго порядка или же скоро опять возвращались къ нему.

При Генрихѣ III придворная жизнь и обстановка приняла совершенно особый, извращенный характеръ. Отъ природы слабый, безмѣрно тщеславный и безсильно сластолюбивый, преданный всякимъ противуестественнымъ порокамъ, онъ заставилъ своихъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ какъ бы помѣняться ролями. Самымъ любимымъ его занятіемъ было завивать волосы себѣ и королевѣ, гладить и гофрировать свои и ея воротнички, что онъ исполнялъ съ такою тщательностью, что въ день своей коронаціи и бракосочетанія пропустилъ изъ-за этого часъ, назначенный для церковнаго торжества, такъ что обѣдня была начата позже и вслѣдствіе этой задержки за ней забыли прочитать *Te Deum*¹⁾. Не меньшее удовольствіе доставляло ему разсматриванье своихъ драгоценныхъ вещей, которыя онъ любилъ часто мѣнять и передѣлывать. На празднествахъ онъ являлся большею частью одѣтымъ почти по-женски, иногда даже прямо въ костюмъ амазонки, съ открытой грудью и шеей обвитой длиннымъ жемчужнымъ ожерельемъ; впрочемъ и въ обыкновенное время онъ ходилъ всегда разряженный какъ кокетливая женщина. Ему подражали и его любимцы (*mignons*), которыхъ онъ третировалъ какъ метресъ. Расточительность ихъ не знала границъ, и король нерѣдко долженъ былъ до такой степени ограничивать издержки на столъ, что придворные просто голодали. Его противоестественная привязанность къ этимъ мignons была такъ сильна, что съ однимъ изъ нихъ, Мотиномомъ, онъ думалъ было сочетаться формальнымъ бракомъ. И между придворными дамами развилась такая же неестественная любовь къ своему полу; и онѣ также нерѣдко появлялись, особенно на празднествахъ, одѣтыми по мужски. На одномъ празднествѣ, устроенномъ королемъ въ Плесси-лѣ-турѣ, прислуживавшія дамы были наполовину обнажены, наполовину одѣты по мужски, для чего было употреблено на шестьдесятъ тысячъ ливровъ шолковой зеленой матеріи. На банкетѣ, данномъ королевою-матерью въ Шенонсо, прислуживали красивѣйшія и знатнѣйшія изъ придворныхъ дамъ, тоже «полуобнаженные и съ распущенными волосами, какъ певѣты». Этотъ банкетъ стоилъ двѣсти тысячъ ливровъ. Большая часть придворныхъ празднествъ были въ сущности оргіями, на которыхъ царили необузданная чувственность и безграничная расточительность. По случаю свадьбы герцога Жуанса (Joense) съ Маргаритою Лотарингскою, сестрою королевы (1581), Генрихъ III далъ въ теченіе семнадцати дней семнадцать празднествъ, которыя нисколько не уступали самымъ великолѣпнымъ празднествамъ прежнихъ герцоговъ бургундскихъ и стоили (на нынѣшній день) около шести милліоновъ. Костюмы участвовавшихъ соответствовали обстановкѣ; нѣкоторые изъ нихъ стоили до десяти тысячъ талеровъ. *Pierre de l'Etoile* замѣчаетъ по этому поводу, что даже пажы и низшіе служители были одѣты въ бархаты и протканые золотомъ и серебромъ ткани. Разумѣется, этотъ случай былъ исключительнымъ. Но и вообще отъ всѣхъ принадлежавшихъ ко двору или имѣвшихъ доступъ на его непрерывныя увеселенія требовалось, чтобы они являлись постоянно въ особенно дорогихъ костюмахъ и притомъ мѣняли бы ихъ ежедневно. Это разорительное требованіе придворнаго этикета обратило

¹⁾ P. de l'Etoile. Journal de Henri III., ou memoires pour servir à l'histoire de France. A la Haye 1744. I. S. 179 ff.

на себя вниманіе секретаря венеціанскаго посольства, въ бытность его въ Парижѣ (1577), такъ что онъ даже нашолъ умѣстнымъ упомянуть о немъ, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ особенностяхъ костюма, въ своемъ донесеніи синьоріи. «Въ Парижѣ — пишетъ онъ — не только безпрестанно мѣняютъ покрой платья, но и носятъ его не менѣе странно и причудливо. На придворнаго не обращаютъ вниманія, если у него нѣтъ поменьшей мѣрѣ двадцати пяти или тридцати различныхъ костюмовъ, и если онъ не мѣняетъ ихъ ежедневно». Эта мода на постоянное переодѣванье вызвала такое же сатирическое изображеніе, какое уже гораздо ранѣе по такому же поводу появилось въ Англіи (см. выше стр. 25).

Какъ бы то ни было, поведеніе Генриха III и его двора было все таки исключительнымъ и если, продолжаясь пятнадцать лѣтъ, оно не могло не оказать вліянія на общество и не вызвать подражанія въ различныхъ его слояхъ, то тѣмъ не менѣе, какъ бы велико ни было число этихъ подражателей, они все таки составляли незначительное меньшинство. Большинство же напротивъ того очень хорошо понимало всю неестественность и глубокую пагубность такого образа жизни. Уже вскорѣ по воцареніи Генриха III, въ 1576 году, явился памфлетъ, въ которомъ его называли, намекая на его любимыя занятія: *Goudronneur des collets de sa femme et friseur de ses cheveux* (гладильщикомъ воротничковъ своей жены и ея волосочосомъ), *mercier du Palais* (мелочнымъ торговцемъ двора) и пр. Подобныя сатирическія выходки множились. Въ другомъ памфлетѣ озаглавленномъ: *Description de l'isle des Hermaphrodites* (Описаніе острова гермафродитовъ) извращенная придворная жизнь была представлена въ смыслѣ приведеннаго заглавія. Нашлись также и въ средѣ духовенства люди, которые возмущались придворнымъ безпутствомъ и у которыхъ доставало мужества открыто высказываться противъ него. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицали они его съ каедръ и нисколько не стѣснялись представлять дворъ какъ шутовское глумленіе надъ народною нищетою. Одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ, Морисъ Ноуссѣ, весьма уважаемый за независимый образъ мыслей, рѣшился отвѣтить самому герцогу Жюайезу когда тотъ, оставивъ его на улицѣ, потребовалъ отъ него объясненія насчетъ подобной проповѣди: «Я несомненно правъ, что заставляю народъ смѣяться, потому что иначе безграничная расточительность вашего высочества заставила бы его плакать горькими слезами». Раздраженный этими словами герцогъ поднялъ было уже руку чтобы ударить проповѣдника, но слыша ропотъ стѣснивагося вокругъ народа, счелъ за лучшее опустить ее и молча удалиться.

Вступленіе на престолъ Генриха IV (1589) положило конецъ придворному безпутству. Однакожъ, если новый король и не раздѣлялъ позорныхъ слабостей и противоестественныхъ вкусовъ своего предшественника, то онъ все таки не въ меньшей степени поддавался естественному влеченію къ женскому полу и былъ не менѣе его, хотя конечно иначе, одержимъ личнымъ тщеславіемъ. Одаренный превосходными качествами — храбрый, съ добрымъ сердцемъ, справедливый и человѣчный, онъ такъ открыто и такъ нестѣсняясь обзаводился любовницами и мѣнялъ ихъ, что господство фаворитокъ при дворѣ еще болѣе укоренилось. Правдивость отъ этого тоже, конечно, не выиграла, а скорѣе на оборотъ: каждый настоящій придворный, изъ такъ называемыхъ

dangereux, считалъ для себя дѣломъ чести добиться благосклонности самыхъ красивѣйшихъ дамъ. вмѣстѣ съ этимъ издержки на удовольствія и наряды скорѣе увеличились, нежели уменьшились. Но всё это стало теперь иначе, и сравнительно съ тѣмъ, что было при Генрихѣ III, все приняло болѣе свободный, подвижный, и даже привлекательный, по крайней мѣрѣ по внѣшности, характеръ. Всѣ увеселенія устраивались преимущественно или по инициативѣ дамъ, или для нихъ. Знатныя дамы блистали роскошными нарядами, а изъ мужчинъ главнымъ образомъ тѣ, которые желали пріобрѣсти ихъ благосклонность. Генрихъ IV любилъ чтобы его любовницы одѣвались роскошно и изящно, другія дамы старались подражать имъ въ этомъ, и такимъ образомъ женскій костюмъ становился все богаче. Pierre de l'Etoile видѣлъ у одного золотошвея въ Парижѣ матерію, которую мадамъ де-Ланкуръ сторговала за 1900 ливровъ, но это было бездѣлкой сравнительно съ той суммой, которую маршалъ де-Бассомпьеръ заплатилъ за костюмъ заказанный имъ по случаю крестинъ Дофина. Костюмъ былъ изъ лиловой парчи съ золотыми пальмовыми вѣтвями и вышитъ жемчугомъ, котораго пошло пятьдесятъ фунтовъ. Одно шитье стоило шестьсотъ ливр. а всё платье — шестнадцать тысячъ. Самъ король одѣвался со вкусомъ, но просто. Если онъ и надѣвалъ богатое платье, то лишь по какому нибудь особенному случаю или чтобы угодить своимъ фавориткамъ. Когда послѣ сраженія при Кутра (1587), ему принесли богатый костюмъ убитаго въ этой битвѣ герцога Жюайезъ, его противника, онъ замѣтилъ, что однимъ только комедіантамъ позволительно чваниться богатствомъ своего наряда: «il ne convient qu'à des comédiens de tirer vanité des riches habits qu'ils portent».

Правительство между тѣмъ продолжало свои безплодныя усилія къ обузданію роскоши. Карлъ IX, тотчасъ по вступленіи на престолъ въ 1566 году, издалъ постановленіе, которымъ онъ запрещалъ всѣмъ своимъ подданнымъ употреблять для чего бы то ни было позолоченое желѣзо, свинецъ и дерево, и покупать иностранныя благовонія. Это постановленіе было первымъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ же, но болѣе строгихъ постановленій, которыя онъ издалъ одно за другимъ (1561, 1563, 1565 и 1573) и которыя были затѣмъ подтверждены и возобновлены Генрихомъ III (въ 1576, 1577 и 1583). Они касались всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и духовенства, и въ тоже время предписывали ремесленникамъ и купцамъ не изготовлять и не продавать запрещенныхъ вещей и матерій, угрожая ослушникамъ высокою пеней¹⁾. Надобно полагать, что эти постановленія не исполнялись, иначе ихъ не стали бы такъ часто возобновлять. Впрочемъ, по поводу послѣдняго постановленія (1583), Pierre de l'Etoile сообщаетъ, вѣроятно какъ исключительный случай, что за нарушение его, превъ съ своей стражей арестовалъ однажды пятьдесятъ или шестьдесятъ молодыхъ женщинъ изъ хорошихъ фамилій и отвелъ ихъ въ Fort-Levesque, гдѣ ихъ и продержали до слѣдующаго утра. Вскорѣ затѣмъ, при возобновленіи

¹⁾ Первое изъ этихъ постановленій, послужившее основаніемъ для всѣхъ остальныхъ, перепечатано дословно у A. Debay. *Les modes et les parures chez les Français etc.* Paris 1857. p. 95.

Лиги (1585), среди ея партизановъ вошло въ моду одѣваться какъ можно проще, ради контраста съ королевской партіей. Очевидецъ пишетъ — «теперь въ Парижѣ на всѣхъ видишь сукно вмѣсто шолка и шолкъ вмѣсто золота». Но мода эта продолжалась недолго, да притомъ же она и не была принята всѣми: люди близкіе ко двору продолжали одѣваться такъ же роскошно какъ и прежде; доказательство — упомянутый выше дорогой костюмъ герцога Жюафезъ. Поэтому и Генрихомъ IV были изданы новые законы противъ роскоши, первый въ 1589, затѣмъ въ 1601 и въ 1606 годахъ. Но по совѣту Сюлли онъ взглянулъ на дѣло иначе и совершенно противоположно прежнимъ постановленіямъ. Онъ дозволилъ предметы роскоши всѣмъ тѣмъ сословіямъ, которымъ они прежде были запрещены, и запретить ихъ тѣмъ, которымъ они были дозволены. Въ его постановленіи говорится: «Мы запрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ носить на себѣ италянскія кружева, золото, жемчугъ и брилліанты, исключая публичныхъ женщинъ и монашескихъ, которыхъ мы считаемъ слишкомъ низкими для того чтобы удостоить ихъ чести нашего вниманія».

Въ Англіи подражаніе французскому обычаю (за исключеніемъ, разумѣется, сумасбродствъ заведенныхъ Генрихомъ III) продолжалось и по смерти Генриха VIII. Исконное представленіе о величіи особы государя сохранилось здѣсь неколебимо и коренилось такъ глубоко, что даже девятилѣтнему Эдуарду VI знатнѣйшіе сановники прислуживали при столѣ на колыняхъ, тогда какъ во Франціи этого уже не дѣлали и пажи. Взаимныя отношенія придворныхъ дамъ и кавалеровъ были здѣсь тоже нравственнѣе, потому что сдерживались уваженіемъ къ святости брака, которое хотя иногда и нарушалось, но все таки было еще на столько сильно, чтобы не дать развиваться чему-нибудь даже и отдаленно похожему на такой явный развратъ, какой господствовалъ при французскомъ дворѣ. Щегольство однакожъ процвѣтало и здѣсь и въ такой степени, что объ англійскомъ дворянствѣ можно было сказать какъ и о французскомъ, что оно носить на себѣ всё свое имущество. При Эдуардѣ VI (до 1553), когда умы были сильно возбуждены осуществленіемъ реформации и различными бѣдствіями, дороговизной, недостаткомъ работы и возстаніями въ средѣ сельскаго населенія, и въ продолженіи короткаго но кроваваго царствованія Маріи (до 1558) роскошь была сравнительно умѣренна. Но какъ только взошла на престолъ Елизавета и положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему, она быстро стала возрастать. Елизавета сама любила вѣщій блескъ, и при всемъ своемъ умѣ, была настолько тщеславна, чтобы заботиться объ украшеніи собственной особы. Она одѣвалась великолепно и всегда такъ, какъ будто бы имѣла въ виду побуждать сердца. На аудиенціи французскому посланнику и маршалу фонтъ-Бироу, на ней было платье, надъ которымъ трудилось сто человѣкъ въ теченіи трехъ недѣль. Когда она умерла, послѣ нея осталось не менѣе трехъ тысячъ платьевъ. Законы противъ роскоши и уставы объ одеждѣ появлялись въ Англіи рѣже чѣмъ во Франціи. Въ сущности всѣ они сводились на постановленіе Генриха VIII, которое оставалось въ полной силѣ и только дополнялось различными прибавленіями, касавшимися преимущественно мелочей. При Маріи была запрещена туфляная обувь и нѣкоторые головные уборы; при Елизаветѣ тоже головные уборы и кромѣ того, высокіе воротники и длинныя шпаги. Голов-

нымъ уборамъ придавалась особенная важность вслѣдствіе того что они служили отличительнымъ признакомъ сословія по отношенію къ женскому полу; но еще болѣе дорожили правомъ оставаться съ покрытой головой даже и въ присутствіи государя. Это право было даровано Маріей графу Суссексъ. Елизавета была упряма и всего менѣе расположена терпѣть небрежное отношеніе къ ея приказаніямъ. Когда она замѣтила, что ея запрещеніе соблюдается слабо, она приставила особыхъ надсмотрщиковъ, которые должны были обламывать и обрѣзывать тѣ шаги и воротники, которые превосходили назначенную мѣру. Изъ различныхъ ремеслъ, при ней возникшихъ и ею покровительствуемыхъ, главное мѣсто принадлежитъ вязальному мастерству. Въ 1564 году во всей Англіи былъ только одинъ вязальщикъ, Уильямъ Райдеръ. Постепенно это мастерство перешло къ женщинамъ и уже десять лѣтъ спустя имъ занимались даже въ деревняхъ и болѣею частью дѣти. Когда въ 1579 королева пріѣхала въ Норвичъ, она была встрѣчена тамошними дѣвочками, которые были разставлены въ два ряда, и въ первомъ ряду пряли шерсть, а во второмъ вязали изъ нея чулки. Въ 1589 г. магистеръ Уильямъ Ли въ Кембриджѣ изобрѣлъ «станокъ вязальный» — «удивительную машину, которая въ одну минуту дѣлаетъ нѣсколько сотъ петель». Но такъ какъ правительство и ручные вязальщики не дали хода этому изобрѣтенію, то Ли, по призыву Генриха IV, вскорѣ уѣхалъ во Францію и впоследствии поселился тамъ въ Руанѣ.

Покрой одежды вообще и ея отдѣлка оставались безъ измѣненія до половины столѣтія, а въ Англіи на десять лѣтъ дольше. Съ этого времени началось болѣе близкое подражаніе испанской модѣ вмѣстѣ съ замѣтovanіемъ нѣкоторыхъ особенностей итальянскаго и даже швецкаго костюма: рядомъ съ камзолами à l'espagnole, вошли въ употребленіе камзолы (pourpoints) à l'allemande, à la suisse и à la wallone.

Фиг. 219.

b

Во Франціи мужской костюмъ очень скоро сталъ совершенно похожъ на испанскій, въ особенности у высшихъ классовъ, примѣру которыхъ не замедлили впрочемъ последовать и зажиточные люди средняго класса. На портретѣ Генриха IV, снятомъ съ него въ 1557 г., когда онъ былъ еще принцемъ Наварры и Леона (фиг. 219), онъ представленъ въ точно такомъ же костюмѣ, (кромѣ накладки), какъ и Донъ-Карлосъ, инфантъ Испаніи, на своемъ портретѣ (фиг. 210). Этотъ еще старинный и довольно свободный покррой былъ позднѣе, при Филиппѣ II, измѣненъ въ совершенно узкій, почти обтяжной, который тотчасъ же былъ принятъ и во Франціи. Уже Генрихъ II въ послѣдніе годы своей жизни носилъ костюмъ совершенно такой же (фиг. 220) какъ Филиппъ II (фиг. 208), но онъ рѣдко одѣвался въ одно черное, а обыкновенно въ черное съ бѣлымъ, и высокую шляпу замѣнялъ

баретомъ. Францискъ II и Карлъ IX (до 1574) не отступали отъ этой формы и она при нихъ была господствующею. Это не помѣшало впрочемъ появиться рядомъ съ ней различнымъ побочнымъ формамъ, которыя уже при Карлѣ IX значительно размножились, искажаясь иногда до безобразнаго. Началось шитье, которымъ незначительными измѣненіями частностей. Къ узкому камзолу, который всегда носили застегнутымъ до верху, были прибавлены полы; рукава стали подбивать ватой или во всю длину ихъ, или только вокругъ плечъ, и ошлецы спаружи обшивать валикомъ или широкою складкою; иногда на рукавахъ дѣлались прорѣзы, также какъ и на самомъ камзолѣ, или шились полосы. Толсто выстеганные подушкообразные полуштаны носили различной длины, обыкновенно однакожъ не длиннѣе какъ до половины бедра; на нихъ тоже дѣлались прорѣзы, но гладкіе, безъ буффовъ. И безъ того уже слишкомъ видный гульфикъ (*bragnette*) былъ еще увеличенъ, такъ что раздвигалъ собою полы камзола. Трико пока еще не вошло въ общее употребленіе, а замѣнялось панталонами въ обтяжку, въ родѣ длинныхъ выше колѣна чулковъ, не вязаныхъ, а сшитыхъ, такъ называемыхъ *bas de chausse*. Точно также и воронкообразный, крѣпко накрахмаленный и сплошной воротничокъ (или *collet godronnée*) только еще началъ входить въ моду. Короткій плащъ дѣлался иногда съ высокимъ стоячимъ воротникомъ и длинными висячими рукавами. Любимымъ головнымъ уборомъ оставались плоскіе бареты; высокую испанскую шляпу съ узкими полями носили мало. Обувь стала легче и остроносе; на башмакахъ все еще дѣлались прорѣзы съ буфами. Прическа не измѣнилась. Затѣмъ появились было камзолы съ довольно длинными полами и подобнымъ ватю брюхомъ (ихъ называли *ventrus*); но они скоро исчезли и уже къ 1570 полы камзола укоротились до узенькой обшивки вокругъ талии. Рукава стали уже, а валики и складки вокругъ плечъ увеличились въ объемъ и перѣдко дѣлались безобразно велики. Иногда къ шитью пришивались висячіе рукава. Объемъ верхнихъ полуштановъ тоже увеличился (фиг. 221 а. b) и уже въ концѣ шестидесятихъ годовъ, они получили форму шарообразныхъ или продолговатокруглыхъ подушекъ, закрывавшихъ погу до половины бедра. Гульфикъ (*bragnette*) напротивъ того постепенно уменьшился. Въ семидесятихъ годахъ, сверхъ панталонъ въ обтяжку стали носить вязаные чулки, доходившіе до колѣнъ, гдѣ они перевязывались лентами, такъ что теперь, кромѣ полныхъ панталонъ во всю длину ноги (*culotte, chausses, pantalons, breeches*), различались: подобные ватю верхніе полуштаны (*trousse, tonneau, tonnelle*), узкіе въ обтяжку панталоны (*haut de chausse*) и чулки (*bas de*

Фиг. 220.

chausse)* Носили ихъ обыкновенно разногo цвѣта. Брыжи и маншеты стали нѣсколько шире. Короткій плащъ, безрукавный или съ рукавами, снабжался иногда небольшимъ капюшонъ (capot). Отъ совершенно вытѣснилъ распашную, подложешую мѣхомъ одежду, которая теперь тоже

Фиг. 221.

превратилась въ узкую накидку съ проймами для рукъ, и съ высокимъ стоячимъ воротничкомъ. Изъ головныхъ уборовъ продолжалъ преобладать баретъ и появились различныя новыя формы шляпъ, въ томъ числѣ низкая шляпа съ округлой тульей и широкими прямыми полями.

Съ воцареніемъ Генриха III (1574), существовавшія формы костюма не могли конечно тотчасъ же измѣниться, но женскія привычки самого короля и его любимцевъ и ихъ до крайностей доходившая страсть къ нарядамъ и украшеніямъ скоро нашли себѣ подражателей и въ придворныхъ кругахъ,

* Trouse и haut de chausse вовсе не различныя части костюма, а только различныя названія одной и той же части, т. е. верхнихъ штановъ закрывавшихъ бедра; эти штаны и назывались собственно haut de chausse, названіе же trousse и другія обозначаютъ лишь ихъ различныя формы, остальная часть ноги отъ половины бедра съ ступнею включительно была одѣта въ chausse — узкіе въ обтяжку панталоны, сначала сшитые а потомъ вязанные (трико); сверхъ нихъ надѣвали bas de chausse или просто bas, т. е. чулки. Только такъ становится понятнo дальѣйшее измѣненіе haut de chausse и превращеніе ихъ въ короткіе покрывные штаны, также какъ и исчезновеніе chausse, и замѣна его одними чулками.

и не только въ высшихъ, но отчасти и въ остальныхъ сословіяхъ. Почти одни протестанты и солидные изъ гражданъ держались совершенно въ сторонѣ отъ этого вліянія. До неестественности извращенная страсть короля къ нарядамъ, сказывалась во всей его паружиности, даже и тогда когда онъ не являлся одѣтымъ по женски, какъ это иногда случалось. На головѣ небольшой совершенно желскій токъ (toque) украшенный перьями, жемчугомъ и брилліантами; подкрашенные волосы, завитые en bichons, какъ ихъ тогда носили женщины; въ ушахъ дорогія серьги; парумяненныя щеки и небольшіе усы; на шеѣ широкіе брыжи, грудь обвѣшанная жемчужными нитками; камзолъ въ обтяжку, спереди вырѣзанный мысомъ и стянутый насколько можно въ талии, съ туго выстеганными рукавами, окончивающимися мелко сложенными маншетами; на рукахъ перчатки. Въмѣсто широкихъ верхнихъ полунтановъ, узенькій сборчатый валикъ, подъ нимъ не очень широкіе, къ низу суживающіеся, подбитые ватой панталоны по колѣно; на ногахъ чулки и чрезвычайно узкіе остроносые башмаки; и какъ дополне-

Фиг. 222.

ніе всего — короткій плащъ и шпага. Малость рукъ и ногъ, пѣжность и бѣлизна кожи — всё усилено искусственными средствами. Король употреблялъ постоянно духи. Разсказываютъ, что онъ купилъ у одного восточнаго врача рецептъ пластыря для уничтоженія мотехей и заплатилъ за это пріобрѣтеніе 3000 ливровъ. Но и одѣтый менѣе женственно онъ казался все-таки разряженнымъ (фиг. 222 а). Герцогъ Сюлли, войдя къ нему разъ (1586)

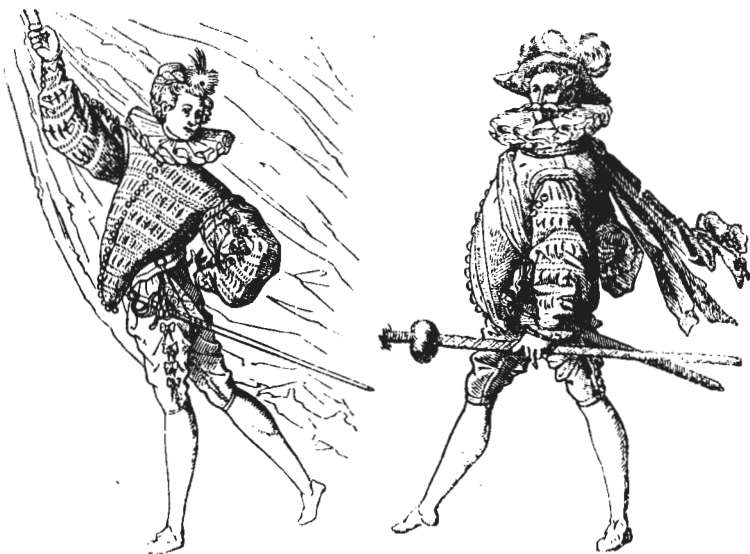
въ кабинетъ, нашолъ его ¹ «при шпагѣ, въ короткомъ плащѣ и въ токъ; на шеѣ у него висѣла на широкой лентѣ небольшая корзинка наполненная щенятами. Онъ держалъ себя совершенно неподвижнымъ и во время разговора съ герцогомъ не шевельнулъ ни рукой, ни ногой, ни головой». Его фавориты (*mignons*) не уступали ему въ щегольствѣ. По разсказу *Pierre de l'Etoile*, они завивали и причесывали свои волосы совершенно по женски; ихъ крѣпко накрахмаленные и мелко сплюснутые воротники были такъ огромны и такъ плотно охватывали шею, что головы ихъ казались какъ бы положенными на блюдо (фиг. 222 b). Одѣвались они преимущественно въ яркіе цвѣта. Бѣлый, свѣтлоголубой, розовый и т. д. атласный костюмъ; отдѣланный разноцвѣтными лентами, шурками и т. д. былъ самымъ любимымъ. Въ упомянутомъ выше сатирическомъ памфлетѣ: *Description de l'isle des Hermaphrodites*, франтовство фаворитовъ осмѣивается въ такихъ выраженіяхъ: «Каждый обитатель острова гермафродитовъ можетъ одѣваться какъ ему угодно, лишь бы одѣвался роскошно и отнюдь не соображаясь ни съ своимъ положеніемъ, ни съ своими средствами. Какъ бы ни была дорога матерія сама по себѣ, платье изъ нея сшитое необходимо должно быть отдѣлано золотыми и серебряными вышивками, жемчугомъ и камнями, въ противномъ случаѣ мы объявляемъ его непристойнымъ. Чѣмъ похожѣе на женскій будетъ костюмъ покроемъ и отдѣлкой, тѣмъ онъ лучше и сообразнѣе съ нашими обычаями. Однакожъ, каковъ бы ни былъ костюмъ, его не слѣдуетъ носить долѣе мѣсяца, кто носитъ дольше, тотъ заслуживаетъ презрѣнія какъ скряга и человѣкъ безъ вкуса,..... поэтому мы рекомендуемъ нашимъ друзьямъ обзавестись искусными и изобрѣтательными портными, съ которыми бы они могли придумывать постоянно новыя костюмы». Совершенно согласно съ этимъ описываетъ *Vigénère* двухъ знатныхъ франтовъ: «На одномъ камзолъ сидитъ совершенно въ обтяжку, словно наклеенный, короткій и съ узкими рукавами; шляпа *à l'albanaise*, съ высокой заостренной тульей и чуть видными полями; длинные штаны (*anaxyrides marinesques*) во вкусѣ *Marini*, по провансальской модѣ (*greguesques*); длинный и широкій плащъ (*tabaré*) волочащійся по землѣ, и рубашечной воротникъ, простой, по величинѣ съ *jocondate* и съ зубчатыми краями (*à barbacane*). Другой одѣтъ въ широкій камзолъ, выстеганный рубцами, и спереди оканчивающійся мысомъ, толсто набитымъ, круглымъ и полнымъ, какъ крупъ лошака, и доходящимъ почти до колѣнъ; висячіе рукава похожи на штаны *Инократа*; широкополая шляпа (*sombrère*) плоская какъ блюдо, съ прямыми полями въ полтора фута ширины; на ногахъ вмѣсто полуштановъ небольшой валикъ со сборками *à coupons de saigre*, и узкіе штаны *en flûte d'Allemagne*; небрежно накинутый легкій плащикъ, недлиннѣе какъ до пояса; на шеѣ брыжки похожіе на жерновъ, сплюснутые трубками *en choux crepus* (ср. фиг. 223 a. b).

Вліяніе придворныхъ модъ на костюмъ вообще выразилось въ измѣненіи покрою нѣкоторыхъ его частей. Камзолъ спереди былъ удлиненъ мысомъ, въ талии сильно стянутъ (для чего иногда подъ шмъ носили корсетъ изъ

¹ M. de Bethune, Duc de Sully. Memoires. Loudres, 1747. 1, 103.

китоваго уса) и весь толсто выстеганъ, также какъ и рукава, очень широкіе у плечъ и сѣуживающіеся къ кисти; валики и складки вокругъ плечъ частью удалены, частью увеличены; разрѣзные висячіе рукава снабжены посерединѣ застѣжками (Венеціанскій секретарь отмѣтилъ какъ особенность, что одинъ рукавъ носить разстегнутымъ, а другой застегнутымъ). Полуштанцы (trousse) сократились въ узкій валикъ, панталоны выстеганы также какъ и рукава. Гюльфикъ (braguette) совсѣмъ оставленъ. Камзолъ и штаны

Фиг. 223.

отдѣлявались, вмѣсто прорѣзовъ, лентами и шнурками, перѣдко съ буфами между швами. Чулки, сшитые и вязаные шелковые, стали обыкновеннѣе; пошнже кольца они заворачивались валикомъ съ красивыми городками. Моднымъ цвѣтомъ для чулокъ былъ бѣлый, такъ какъ въ день коронаціи короля на немъ были бѣлые шелковые чулки. У молодыхъ щеголей было въ обычаѣ вновь купленные чулки давать обновлять дамамъ ихъ сердца. Обувь стала изящнѣе; башмаки стали украшать на подъемѣ баштомъ, и начали входить въ моду полусапожки (brodequins) съ пуговицами или шнуровкой. Даже и высокіе сапоги, которые надѣвали почти только для верховой ѣзды, получили болѣе красивую форму. На ряду съ брыжами стали появляться простые отложные воротнички, и гладкіе паруканники рядомъ съ машетами (фиг. 222 а). Къ головнымъ уборамъ прибавились новыя формы. Шляпы были очень различныхъ фасоновъ — высокія, низкія, круглыя, овальныя съ узкими и широкими полями; изъ бархата, шелка, сукна, войлока, и всѣхъ цвѣтовъ, преимущественно однакожъ чорнаго, сѣраго или бѣлаго, съ перьями и другими украшеніями. Жесткая испанская шляпа стала тоже входить болѣе въ моду, также какъ samaille — капюшонъ съ короткой пелериной и gessille — сѣтка, которую однакожъ надѣвали подъ шляпу. Длинные плащи, были снова приняты щеголями и измѣнены соотвѣтственно господствовав-

шему вкусу. Ихъ носили съ рукавами и безъ нихъ, иногда съ копушономъ. Короткіе плащики укоротились еще болѣе, такъ что едва закрывали талью. Ихъ дѣлали большею частью съ небольшимъ воротникомъ и отворотами (фиг. 222 b), и безъ рукавовъ; носили ихъ обыкновенно на одномъ плечѣ. Волоса продолжали стричь по прежнему. Усы закручивали кверху, бакенбарды и бороду стригли и тоже заостряли (*babiche en point*). Румяна и духи употребляли безъ мѣры. Духами не только опрыскивали волосы, платье, перчатки и обувь, но примѣшивали ихъ даже къ кушаньямъ и пахиткамъ. Сверхъ всего этого записные щеголи, особенно англійскіе, ввели въ моду лоршеты (*pocket-looking-glass*), а французскіе — бархатныя и шелковыя маски. — Въ Англіи одѣвались совершенно такъ же, съ тѣмъ только различіемъ, что камзолы носили тамъ съ полами довольно длинными, а полуштаны по колына и широкіе.

При Генрихѣ IV (1589), какъ при дворѣ такъ и во всемъ обществѣ, начинается вступать въ свои права нѣкоторая, но крайній мѣрѣ сравнительная простота. Самъ король (какъ его

Фиг. 224.

представляетъ портретъ писанный Порбусомъ: фиг. 224) одѣвался болѣе на итальянскій манеръ, какъ въ отношеніи покроя одежды такъ и въ отношеніи ея цвѣта, и примѣръ его если не уничтожилъ, то все таки значительно умѣрилъ существовавшія крайности щегольства. Пестрота и женоподобность прежняго костюма замѣнились болѣею строгостью покроя и цвѣта. Теперь одѣвались преимущественно въ темныя цвѣта — черный, сѣрый, коричневый, темнокрасный и фіолетовый, съ очень умѣренною примѣсью бѣлага и другихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Камзолъ стали дѣлать свободнѣе, не выстегивали толсто и не затягивали на талы; острокопечный выпускъ спереди (брюхо) былъ отброшенъ; узкая обшивка вокругъ талы превратилась снова въ полы умѣренной длины.

Корсеты изъ китоваго уса исчезли. Рукава дѣлали узкіе, но не стеганные, съ широкими плотно прилегающими плечевыми складками и валиками, которые однаковѣжъ вскорѣ были оставлены. Широкіе подушко-образные полуштаны постепенно уступили мѣсто сборчатымъ, не стеганнымъ (фиг. 224), а къ концу столѣтія появились полуштаны прямые безъ оборокъ, съ разрѣзомъ съ боку (фиг. 225) — фасонъ, заимствованный вѣроятно изъ Нидерландовъ (см. ниже). Вязаныя панталоны и чулки становились все обыкновеннѣе. Поски обуви были нѣсколько закруглены и каблучки стали выше. Розетки на башмакахъ дѣлались больше и къ самымъ башмакамъ на подъемѣ пришивался подвижной клапанъ съ застежками. Брыжжи и маншеты уменьши-

лись въ объёмѣ, но за то теперь стали носить брыжжи двойные, тройные, иногда четверные и болѣе. Изъ головныхъ уборовъ прежде всего исчезли токи, какіе носили *mignons*, и ихъ шапочки, и замѣнились шляпою различныхъ фасоновъ (фиг. 224, 225). Низкая шляпа съ широкими полями была особенно любима. Ее носили съ приподнятыми съ одного бока полями (какъ и самъ король) и съ пучкомъ страусовыхъ перьевъ, бѣлыхъ — любимый цвѣтъ Генриха IV. На ряду съ короткими торчащими плащами (фиг. 225) вошли снова въ моду длинные плащи съ рукавами и воротникомъ или безъ нихъ. Ихъ накидывали на правое плечо, пропускали подъ лѣвую руку и связывали на груди лентами и шнурками съ кистями. Волосы носили короткіе и взъерошенные, или длинные (ниже ушей), зачесанные назадъ. Король рано посѣдѣлъ — придворные стали поддѣлывать себѣ стѣдину пудрою и вѣскорѣ (съ 1594 приблизительно) обыкновеніе пудриться распространилось и въ обществѣ. Усы по прежнему носили закрученными вверхъ; щеки брили, на подбородкѣ оставляли небольшую остроконечную бородку, названную по имени короля *Henri quatre*. Употребленіе масокъ (*lours*) было весьма распространено, благодаря преимущественно безпрестаннымъ любовнымъ приключеніямъ требовавшимъ таинственности. Ихъ надѣвали не только при выходѣ изъ дому, но и въ обществѣ, какъ кто хотѣлъ. Король присутствовалъ даже въ тайномъ совѣтѣ въ маскѣ, и вообще гдѣ бы онъ въ ней ни появлялся одна только Габріэль д'Эстрѣ (его любовница) имѣла право снять съ него маску, чтобы поцѣловать его.

Законодательницами женскихъ модъ во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія были: Катерина Медичи, супруга Генриха II (до 1559) и ея меньшая дочь, Маргарита, съ 1572 г. супруга Генриха IV. Старшая дочь Катерины, Елизавета (род. 1545), славившаяся своимъ изысканнѣмъ вкусомъ и изобрѣтательностью въ нарядахъ, была выдана замужъ за Филиппа II испанскаго (въ 1559) и потому вліяніе ея на французскія женскія моды было непродолжительно. Ей приписываютъ, какъ замѣчастъ Брантомъ, изобрѣтеніе разнѣзныхъ рукавовъ на проволочномъ каркасѣ (*manches fendus avec des fers*), которые въ Испаніи назывались *puntos*. — Катерина Медичи до своего вдовства одѣвалась чрезвычайно богато, но все-таки настоящимъ источникомъ, откуда выходили всѣ женскія моды и вся женская роскошь, была не она сама, а постоянно ее окружавшая блестящая толпа молодыхъ и красивыхъ женщинъ, въ средѣ которыхъ воспиталась, при дворѣ своихъ братьевъ Франциска II и Карла IX, и дочь ея Маргарита.

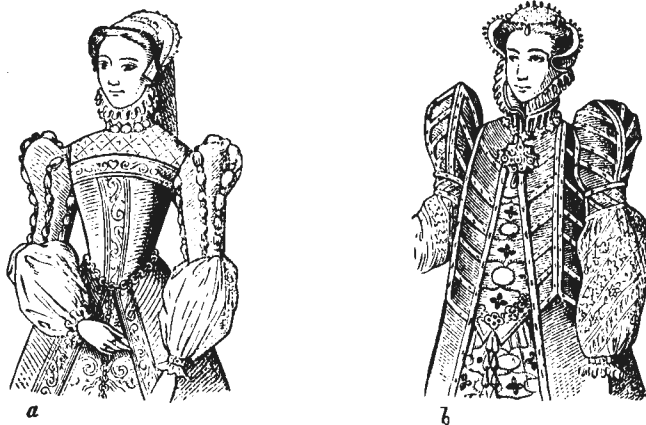
При Генрихѣ II вошли въ моду умѣренно широкія верхнія платья съ гладкою тальсю и шлейфомъ (ср. фиг. 217 а. b). Широкія, почти колоколо-

Фиг. 225.

образныя робы не были однакожъ совершенно оставлены, но удержались до Генриха III, преимущественно, впрочемъ, въ качествѣ церемоніальной, какъ бы форменной придворной одежды. Эти робы носили широко распахнутыми спереди, такъ чтобы надѣтое подъ ними платье было какъ можно больше на виду (фиг. 216 а—с), тогда какъ другія платья обыкновенно застегивались спереди (фиг. 217 а). Измѣненія верхняго платья ограничивались уолько лифомъ и рукавами. Уже при Францискѣ I и лифъ и рукава были тирощены и имъ дана форма болѣе согласная съ строеніемъ тѣла, а поому и болѣе удобная. Но Катеринѣ эта простота не особенно нравилась: она предпочитала искусственность и въ ней полагала всю красоту. Поэтому она снова ввела въ моду шпурованье и подшитый китовымъ усомъ исподній лифъ или корсетъ (*corsets*). Ей нравились также открытыя шея и плеча,

Фиг. 226.

вслѣдствіе чего вырѣзъ лифа былъ увеличенъ настолько что открывалъ половину груди, которая вдобавокъ еще приподнимали посредствомъ *demi-gusset*. Всё это конечно не мѣшало и теперь очень многимъ носить высокіе лифы или, при низкомъ лифѣ, закрывать шею вплоть до подбородка тонкимъ воротничкомъ. — Рукава носили все еще довольно широкіе съ слошными долевыми прорѣзами, заложеными небольшими буфами; но мода склонялась къ узкимъ рукавамъ съ буфами на плечахъ. Иногда такіе рукава доходили только до локтя, и подъ нихъ надѣвались длинныя и довольно широкіе рукава изъ очень тонкой матеріи, оканчивавшіеся у кисти манжеткой. Такіе рукава носила еще и сама Катерина Медичи (фиг. 226 b), и молодая герцогиня д'Этампъ, оставшаяся любовница Франциска I (фиг. 226 а). Буфы на плечахъ дѣлались то выше, то ниже, то уже, то шире и большею частью туго набивались (фиг. 227 а). Почти одновременно съ этими плечевыми подушками стали входить въ моду другого рода подушкообразныя подкладки. Уже при Генрихѣ II, когда носили узкія сборчатые платья со шлейфомъ, нѣкоторыя дамы начали искусственно увеличивать себѣ заднюю часть талии. Эта мода, которую безъ церемоніи называли *fessue*, быстро распространилась и продержалась до Карла IX. Затѣмъ

такимъ же образомъ стали искусственно увеличивать объемъ бедръ. Всё это дѣлалось съ помощью подушекъ соответственной формы, которыя подвязывались подъ платьемъ. Такъ какъ раздвинутыя такимъ образомъ юбки не уступали въ объемѣ настоящимъ фижмамъ, то ихъ называли такъ же, какъ и тѣ — *verdugadins* и *verdugales* — названія, которыя позднѣе производили (скорѣе въ шутку) отъ *vertus gales* (галльскія добродѣтели) и *vertus gardiens* (охранители добродѣтелей). Всѣ эти подкладки были переняты и въ Англію и тамъ еще усовершенствованы (при Елизаветѣ: съ 1558 г.). — Упорно державшаяся мода на высокіе плюшевые воротники, или фрезы, обратила ихъ въ самую нарядную часть дамскаго туалета. Катерина дала итальянцу Винчолу даже исключительное право изготовлять и продавать ихъ; а Елизавета англійская, въ 1564 году, вызвала изъ Голландіи нѣкую Дингамъ ванъ-деръ-Плассе единственно для того, чтобы чистить и крахмалить свои воротники. Форма этихъ воротниковъ оставалась до Карла IX прежняя, незначительно мѣняясь (фиг. 226 а. b; сравн. фиг. 216 а; фиг. 217 а). Въ прическѣ и головныхъ уборахъ не произошло никакихъ особенныхъ перемѣнъ. — Обувь измѣнилась въ томъ отношеніи, что башмаки стали теперь иногда носить съ небольшими каблучками, а дамы побольшаго роста прибѣгали даже къ извѣстнымъ уже давно въ Испаніи башмакамъ на высокой подошвѣ. Ихъ называли *patins*. Съ этого же времени (если не раньше) началось употребленіе кальсоновъ. Вязаные чулки явились гораздо позднѣе. Въ Англіи первая надѣла ихъ, какъ говорятъ, королева Елизавета. — Уже при Генрихѣ II (до 1559 г.), французскія дамы переняли отъ итальянскихъ маски (*loupes*) для защиты лица отъ холода, и носовые платки. Эти послѣдніе не замедлили превратиться въ роскошную и изящную принадлежность туалета. Ихъ дѣлали изъ дорогихъ матерій, украшали богатыми вышивками и обшивками, и обыкновенно душили. Такіе платки, богато отдѣланные и пахнущие, назывались *mouchoirs de Venus*. — Употребленіе бѣлизъ и румянъ постоянно усиливалось; при дворѣ оно было такъ обыкновенно, что на даму, которая не бѣлилась и не румянилась смотрѣли какъ на выходящее изъ ряду вонъ явленіе. Такими исключеніями были, по словамъ Брантома, герцогиня Валентинуа, любовница Генриха II, и (позднѣе) маршальша д'Омонъ.

При Карлѣ IX (до 1574) щегольство дорогими матеріями и богатой отдѣлкой продолжало усиливаться и распространяться, несмотря на законодательныя противъ него мѣры, но въ отношеніи фасоновъ и покроя появилось сравнительно мало новаго. Изобрѣтательность на время истощаясь, и оживилась снова, когда руководительницею вкуса явилась Маргарита, сначала какъ королева Наваррская (съ 1572). До тѣхъ же поръ оставались при существующихъ формахъ, слегка измѣняя ихъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, или ограничивались простымъ подражаніемъ иностраннымъ модамъ. По разсказу Брантома, вдова Франциска II, Марія Стюартъ (фиг. 227 с), носила то французскій, то шотландскій, итальянскій или испанскій костюмъ; дамы при большихъ празднествахъ, въ костюмѣ и убранствѣ подражали овдовѣвшей герцогинѣ Лотарингской, Христинѣ датской. Однимъ изъ существенныхъ измѣненій женскаго костюма при Карлѣ IX было то, что непристойная задняя подушка (*fessue*) была оставлена, но за то, какъ бы въ

замѣвъ ея, увеличены боковыя, набедренныя подушки. Это расширение юбки приняло наконецъ такіе размѣры, что уже въ 1561 году король нашелся вынужденнымъ ограничить особымъ постановленіемъ ширину ея двумя локтями. Буфы на плечахъ подверглись также нѣкоторому измѣненію въ формѣ. Теперь ихъ стали дѣлать въ видѣ туго набитыхъ шарообразныхъ или круглыхъ сплюснутыхъ подушекъ (фиг. 227 с). вмѣстѣ съ этимъ были приняты узкіе рукава. Низкіе лифы остались, но плеченый, узко охватывавшій шею воротничекъ, съ пелериною закрывавшею грудь, былъ замѣненъ высокимъ воротникомъ, который поднимался изъ-за спины въ видѣ раскрытаго и слегка выгнутаго вѣера (фиг. 227 в). Эти воротники дѣлались на станкахъ про-

Фиг. 227.

волочныхъ или изъ китоваго уса, и по краю отдѣлывались кружевомъ или прошивкой. Ихъ называли *lacs* или *point-courré*. — Модною прическою сдѣлалась прическа *en bichons* (фиг. 227 а. в). Къ головнымъ уборамъ прибавились красивыя острокопечныя шапочки (*chapeçons*) шелковыя, бархатныя или парчевыя, и плоскія четырехугольныя шапочки, которыя носили надвинувъ на лобъ. Первыя украшали иногда *à la Béarnaise*, т. е. прикалывая съ боку пучекъ бѣлыхъ перьевъ, послѣднія — большимъ прозрачнымъ вуалемъ, бѣлымъ или чернымъ, который обвивали вокругъ шеи и рукъ. — «Когда Катерина Медичи (около 1572) везла свою дочь Маргариту къ королю Наварскому, какъ нареченную его невесту, она остановилась для отдыха въ Коньякѣ. Всѣ мѣстныя дамы явились привѣтствовать королеву и увидѣвъ ея дочь, пришли въ восторгъ отъ ея красоты. Обрадованная этимъ королева попросила Маргариту показаться дамамъ въ самомъ богатомъ изъ своихъ нарядовъ. Исполняя желаніе матери, Маргарита вышла къ нимъ одѣтая въ платье изъ серебряной парчи съ открытыми висячими рукавами и съ бѣлымъ покрываломъ на богато убранныхъ волосахъ. Этотъ нарядъ придавалъ царственной невестѣ такое величіе и вмѣстѣ такую прелесть, что ее скорѣе можно было принять за богиню, чѣмъ за земную королеву. Дамы опѣмѣли отъ восторга, и даже королева-мать сказала: дочь моя, ты одѣлась превосходно! Я хочу поскорѣе износить свои платья — от-

вѣчала Маргарита — чтобы не везти ихъ съ собой назадъ, когда я вернусь опять во Францію; тогда я запасусь только ножницами и самыми модными и красивыми матеріями, чтобы быть всегда одѣтой по послѣдней модѣ. Королева-мать отвѣтила ей на это: что говоришь ты, дочь моя! кто же, какъ не ты сама, изобрѣтаетъ самыя красивыя моды. Гдѣ бы ты ни была, дворъ всегда будетъ подражать тебѣ. — Такъ и случилось. По возвращеніи ея во Францію, самымъ моднымъ всегда считалось то что носила королева Маргарита» (Brantôme. Dames illustres. p. 211 sq.). — При коронованіи Елизаветы Австрійской, супруги Карла IX, принцессы ея свиты были въ платьяхъ съ шлейфами длиною до семи локтей; шлейфъ самой Елизаветы имѣлъ двадцать локтей длины. Всѣ дамы ѣхали верхомъ, а шлейфы ихъ несли за ними пажи. Это былъ, впрочемъ, исключительный случай.

При Генрихѣ III (до 1589) широкія и гладко распяленные колоколоподобныя робы, которыя носила еще сама королева Луиза Лотарингская (фиг. 227 б)

Фиг. 228.

какъ парадный костюмъ, были постепенно оставлены замѣнились платьями, которыя были тоже широки, но дѣлали складки, и только на бокахъ были толсто подбиты. Станъ теперь затягивали въ узкій корсетъ, сплошь выложенный китовымъ усомъ. Лифъ, совершенно въ обтяжку, удлинился спереди мысомъ подобно мужскому камзолу (фиг. 222 а); соответственно былъ углубленъ и вырѣзъ лифа (фиг. 228), такъ что изъ подъ него видѣнъ былъ край корсета, который поэтому обшивали красивой оборкой или закладывали нагрудникомъ. Узкіе рукава съ высокими наплечниками исчезли совершенно и замѣнились умеренно широкими и длинными до кисти рукавами, выстеганными поперечными, отъ плечъ къ низу постепенно утончающимися рубцами или валиками (bourrelets). Иногда эти рукава расширяли у плечъ болѣе чѣмъ на полфута и называли ихъ рукавами à gigots. Къ подобнымъ рукавамъ всегда прибавлялись верхніе спереди разлѣзные рукава, которые противъ локтеваго сгиба застегивались аграфомъ (фиг. 229);

иногда такихъ застежекъ было нѣсколько и верхній рукавъ тогда плотно охватывалъ нижній.

Стойчій вѣерообразный воротникъ (фиг. 227 б) былъ значительно увеличенъ въ вышину и кромѣ того удлинненъ, такъ что теперь онъ огибался вокругъ шеи по вырѣзу лифа. Рядомъ съ нимъ явилась новая плоская фре-

Вейсъ vi.

за съ клинообразнымъ вырѣзомъ спереди (фиг. 228), а затѣмъ, въ осьмидесятихъ годахъ, вѣроятно изъ Англіи перенесенная, двойная фреза съ клинообразными вырѣзами спереди и сзади, такъ что она поднималась по обѣимъ сторонамъ головы, какъ крылья бабочки. — Волосы причесывали *en bichons* и носили приспособленные къ этой прическѣ токи (*toques*) съ перьями (фиг. 228). Перья прикрѣплялись различно: *à la Guelfe* или *à la Gibelline*. Королева Маргарита придумала прикрѣплять перья прямо надъ лбомъ, такъ что они изгибаясь свѣшивались концами напередъ. Это называлось *adonizer*. Мода эта, которую Генрихъ III находилъ смѣшной, была однакожь охотно принята. Кромѣ токовъ, продолжали носить бархатные *chaperons* и другой формы шапочки. *Chaperons*, присвоенные исключительно благороднымъ дамамъ, были приняты и женщинами средняго сословія. Послѣдовало распоряженіе, запрещавшее послѣднимъ бархатные головные уборы и обязывавшее ихъ носить лишь суконныя шапочки. Точно также поступила въ Англіи королева Елизавета. Она запретила людямъ средняго сословія шляпы, присвоенныя одному дворянству, и велѣла носить простыя шапки мѣховыя или изъ бѣлаго сукна: англійскимъ знатымъ дамамъ очень понравилась испанская мужская шляпа, и онѣ приняла еѣ въ число своихъ головныхъ уборовъ.

— «Чтобы щеголять и кальсонами, ихъ изготовляли изъ золотой и серебряной парчи и другихъ матерій *très proprement et mignonement*». Имъ давали фасонъ короткихъ по колѣно штановъ, и дополняли чулками изъ цвѣтнаго шёлка или изъ бѣлаго *filet de Florence*. Чулки были шитые и вязаные, но тѣ и другіе обтягивали ногу совершенно гладко. Форма обуви не измѣнилась; дамы небольшого роста носили *ratins* (башмаки на высокой подошвѣ) отъ одного до двухъ футовъ вышины. Перчатки иногда отдѣлывались чрезвычайно богато: на одномъ придворномъ балѣ королева Маргарита имѣла на себѣ перчатки, осыпанныя брилліантами. Ихъ обыкновенно парфюмировали; въ Англіи такія надушонныя перчатки назывались *sweet-washed*. — Употребленіе масокъ значительно возросло. Ихъ дѣлали изъ чорнаго шёлка или бархата и прикрѣпляли снурками, которые перекрещивали на затылкѣ и подвизывали подъ подбородкомъ. Концы снурковъ укрѣплялись какимъ нибудь драгоценнымъ камнемъ или, всего чаще, жемчужиной. Изъ остальныхъ принадлежностей дамскаго туалета, помимо цѣпочекъ, колецъ, серегъ, и пр. заслуживаютъ вниманіе вѣеры (*eventoirs*) Они дѣлались изъ слоновой кости, золота, серебра, перьевъ (преимущественно павлиньихъ) и перѣдко отличались истинно художественнымъ выполненіемъ. Къ прежнимъ формамъ вѣеровъ прибавилась вновь изобрѣтенная — полукруглой складной вѣерь (фиг. 228). Такой вѣерь изъ перламутра, осыпанный жемчугомъ и драгоценными камнями, подарена къ новому году Маргарита Наваррская Маргаритѣ Лотарингской (фиг. 228); онъ стоилъ 1200 талеровъ. Къ концу осьмидесятихъ годовъ вошло въ обычай носить вѣерь у пояса на длинной цѣпочкѣ или на снуркѣ. Такимъ же образомъ носили на себѣ маленькія круглыя зеркальца въ богатой оправѣ и часы (*montre*); — эти послѣдніе, изобрѣтенные въ Нюрнбергѣ, были еще очень неуклюжи, круглой или янцообразной формы, почему ихъ и называли обыкновенно нюрнбергскимъ янцомъ (*oeuf de Nuremberg*). — Какое участіе

во всѣхъ этихъ превращеніяхъ костюма принимала Маргарита, сказать трудно; но во всякомъ случаѣ влияніе ея на современныя моды было значительно. Брантомъ всегда съ восторгомъ говорить о ея красотѣ и объ ея умѣньи одѣваться къ лицу: «Чтобы ни надѣла наша прекрасная королева — шляпу или чепчикъ или большое покрывало, — во всемъ она одинаково была прекрасна. Она прикрашивала всё какимъ нибудь новымъ изобрѣтеніемъ и когда ей подражали дамы, то къ нимъ оно шло далеко не такъ хорошо какъ къ ней. Я часто видѣлъ её въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ богатой обшивкой, и въ креповомъ или газовомъ вуалѣ небрежно брошенномъ вокругъ головы — и никогда не бывала она прекраснѣе. Пусть восхваляютъ сколько хотятъ древнихъ богинь и царицъ — передъ нашей королевой всѣ онѣ показались бы простыми горничными (и т. д.). Видѣлъ я её также на праздникѣ, который королева-мать давала въ Тюльери польскимъ посланцѣмъ. Въ тотъ разъ на ней было бархатное платье тѣлеснаго цвѣта, густо обшитое фольгой (*fort chargée de clinquant*), и головной уборъ изъ той же матеріи, обшитый драгоценными каменьями и украшенный перьями (и т. д.). Затѣмъ случилось мнѣ видѣть королеву на первомъ собраніи чиновъ въ Блуа (1576), въ тотъ самый день, когда король, ея братъ, произнесъ свою рѣчь. Она была одѣта въ черное платье съ оранжевыми полосами (и т. д.). Иногда она показывалась въ своихъ природныхъ волосахъ, которые были чернаго цвѣта и которые она умѣла прекрасно и всегда разнообразно причесывать; большею же частью она носила красивый парикъ (и т. д.). Каковъ бы ни былъ фасонъ ея платья, ея прекрасная шея и грудь оставались всегда открытыми. Рѣдко также носила она маску. Съ открытымъ лицомъ явилась она разъ на церковной процессіи въ Блуа. Ея прекрасная голова была убрана такимъ множествомъ жемчуга и драгоценныхъ камней, что казалось будто она хотѣла поспорить съ блескомъ звѣздъ на небѣ. Ея высокій и роскошный станъ казался еще величественнѣе отъ платья изъ золотой матеріи еще доселѣ невиданной во франціи; эту матерію шѣкто Грантонъ получилъ отъ турецкаго султана и, по возвращеніи своемъ во Францію, поднесъ королевѣ. Она не выдержала бы тяжести этого платья, каждый локоть котораго стоилъ сто ливровъ, еслибы не была такъ сильна. Она была въ немъ цѣлый день, и сопровождала процессію съ такимъ достоинствомъ и съ такою граціею, что мы отъ этого не могли молиться».

Непринадлежавшія ко двору дамы не уступали въ щегольствѣ придворнымъ. Не имѣя права носить платья изъ парчи, онѣ выписывали себѣ изъ Флоренціи и Милана платья непарчевыя, но которыя тѣмъ не менѣе стоили до 500 тал. а съ отдѣлкой разными *pourfileuses*, *passemens*, *franches tortils*, *canetilles* и т. д. вдвое дороже. Даже и женщины средняго сословія, когда имъ запрещены были бархатныя шапочки, и велико носить сукошныя, отдѣлывали эти послѣднія такъ богато, что иная подобная шапочка стоила до тысячи талеровъ.

Моды временъ Генриха IV (1589) были въ сущности дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ существовавшихъ формъ, но не въ сторону упрощенія ихъ, какъ это, по почину самаго короля, произошло въ мужскомъ костюмѣ, а напротивъ — въ смыслѣ ихъ утрировки и передѣлки въ новыя еще болѣе

странныя формы, изъ которыхъ многія, безъ сомнѣнія, были обязаны своимъ происхожденіемъ изобрѣтательности Маргариты Наварской, ставшей теперь королевою Франціи. — Вырѣзь лифа и безъ того уже настолько глубокой, что обнажалъ груди до половины (фиг. 229 b), былъ углубленъ за середину лифа. Этотъ фасонъ, чрезвычайно нравившійся королевѣ Маргаритѣ (фиг. 229 a), былъ невозможенъ безъ нагрудника, и

Фиг. 229.

дѣйствительно при немъ носили нагрудникъ, по обыкновенію изъ очень тонкой, и вдобавокъ еще прорѣзью расшитой матеріи, такъ что онъ гораздо болѣе давалъ угадывать, чѣмъ скрывалъ то что было подъ нимъ. Обнаженіе груди сопровождалось обнаженіемъ плечъ и рукъ и приняло такіе размѣры, что Папа Иннокентій IX (1591) буллою предписалъ всѣмъ дамамъ закрывать грудь, плечи и руки до кисти непрозрачною матеріею, подъ страхомъ отлученія отъ церкви. — Рукава *à gigot* были замѣнены болѣе узкими, но тоже выстеганными рукавами (фиг. 229 a b). Висячіе рукава тоже стали дѣлать уже прежняго, а въ исходѣ столѣтія были снова введены плотно прилегающія плечевыя складки (фиг. 230 b). — Юбка стала шире и безобразнѣе. Оставляя ей прежнюю длину, ея поднимали физжами такъ, что она растягивалась вокругъ талии колесомъ, окружность котораго иногда доходила до 12 футовъ. Это колесо покрывали плоскою звѣздообразною сплосною оборкою изъ той же матеріи, изъ какой было сдѣлано платье (фиг.

229 а. б; фиг. 230 а. б). Въ Англіи относительно объема юпки былъ нѣсколько умѣреннѣе и плоскую оборку замѣняли небольшимъ плоскими бѹфомъ. Затѣмъ появились тамъ широкія (не на фижмахъ) и длинныя юпки для верховой ѣзды. — Всѣ прежніе фасоны воротниковъ и фрезъ остались (фиг. 230 а), но открытые спереди высокіе стоячіе воротники стали еще

Фиг. 230.

выше, иногда такъ что поднимались выше головы. Нерѣдко ихъ дѣлали теперь сплошь кружевные и прошивали тонкими золотыми и серебряными нитями (фиг. 229 а б; фиг. 230 б). Въ среднемъ сословіи, гдѣ было въ обычаѣ закрывать грудь и шею, знатныхъ дамъ за ихъ обнаженную грудь называли обыкновенно *dames à gorge nue*, а эти послѣднія прозвали дамъ средняго сословія, но обуви сѣраго цвѣта, которую тѣ преимущественно носили, *grisettes*. — Модною обувью сдѣлались *mules de Venise*, съ красивыми коблукками и съ розеткою на подъемѣ или на носкѣ. — Въ прическѣ и убранствѣ головы произошли важныя перемѣны. Прическа *en bichons* исчезла, а съ нею вмѣстѣ и легкій *toque*. По примѣру королевы Маргариты (фиг. 229 а) волосы стали завивать въ локоны, которые располагались рядами и зачесывались назадъ; или ихъ взбивали въ округлый или кеглеобразный тупей (фиг. 229 б), дополняя недостатокъ собственныхъ волосъ въ случаѣ нужды фальшивыми косами или парикомъ. При этомъ волосы обыкновенно пудрили. Въ границахъ этихъ двухъ главныхъ формъ прически допускались всевозможныя видоизмѣненія ся съ помощью разныхъ приспособленій, напр. проволочнаго стапка, или прикрасъ, какъ-то: лентъ, бантовъ, обручей и т. п. Всѣ эти разнообразныя прически имѣли свои названія — *à boucles frisées*, *à passe fillons*, *à oreillettes*, *à escofions*, *à l'espagnol*. При такой убожкѣ волосъ головныя уборы утратили свое настоящее значеніе и обратились въ принадлежность прически. Изъ нихъ особенно любимъ былъ уборъ называвшійся *coiffe plate à oreilles pendantes* — небольшая шапочка съ обшивкою изъ золотыхъ жолудей. Носили также уборы въ видѣ тюрбановъ съ бѣлыми или цвѣтными перьями. Маски сдѣлались частью туалета, которая требовалась приличіемъ, но имъ стали чаще давать форму широкихъ очковъ (фиг. 229 б). — Изъ драгоценныхъ туалетныхъ вещей, какъ то: цѣпочекъ, серегъ, колецъ и пр. очень люби-

мы были вновь появившіяся очень изящныя вещицы въ формѣ медальоновъ (*medaillons à figures* и *enseignes*—медальоны съ девизами), небольшихъ флакончиковъ и футлярчиковъ, которые носили на себѣ на цѣпочкахъ. О богатствѣ тогдашняго дамскаго гардероба, какъ въ отношеніи количества, такъ и въ отношеніи качества платьевъ и уборовъ, даетъ понятіе составленный по приказанію Генриха IV списокъ вещей оставшихся послѣ Габріэли д'Эстрэ, его любовницы, умершей въ 1599. Въ этомъ списокѣ значится между прочимъ не менѣе девятнадцати богато отдѣланныхъ плащей, множество исподнихъ юпокъ (*cotillons*) изъ турецкой золототканной матеріи, верхнія робы изъ плотнѣйшаго атласа цвѣта ржаного хлѣба (*couleur de pain bis*), на шелковой подкладкѣ яркочернаго цвѣта, и большое количество платьевъ для верховой ѣзды.

Траурная одежда подверглась также многократнымъ измѣненіямъ въ покроѣ и цвѣтѣ. Прежній траурный цвѣтъ французскихъ королей — красный или фіолетовый, былъ замѣненъ чернымъ при Генрихѣ III. Когда умерла его любовница Марія Клевская (1574), онъ нѣсколько дней къ ряду носилъ черную одежду, по которой были вышиты серебромъ слезы, черепа и *brandons estoints* (потухшія головни). Но еще прежде измѣненія цвѣта траурной королевской одежды, измѣнился ея покрой: еѣ стали дѣлать длиннѣе прежняго, иногда чрезмѣрной длины. При погребеніи Генриха II (1559), сынъ его Францискъ II шолъ за гробомъ въ фіолетовой одеждѣ и такой же мантин, шлейфы которыхъ длиною въ тридцать локтей несли приицы королевскаго дома. — Женщинамъ предоставлялось выбирать для траурной одежды бѣлый, черный или коричневый цвѣтъ, но имъ запрещались цвѣта сѣрый, фіолетовый и голубой. Не могли онѣ также носить никакихъ драгоценныхъ камней въ волосахъ или на головныхъ уборахъ, но ихъ кольца, пояса, зеркальца, молитвенники могли быть ими украшены. По смерти Генриха II, его любовница, герцогиня Валентиуа, одѣвалась исключительно въ черное съ бѣлымъ, не закрывая впрочемъ своей шеи. Этотъ траурный костюмъ былъ съ тѣхъ поръ принятъ при дворѣ и продержался болѣе 40 лѣтъ. Вдова Франциска II, Марія Стюартъ, прибавила къ нему большой бѣлый вуаль. При Карлѣ IX знатныя дамы замѣнили черный цвѣтъ коричневымъ; ихъ траурныя платья были покрыты вышеупомянутыми эмблемами — слезами, черепами и т. д.; эти эмблемы онѣ носили также на ожерельяхъ и браслетахъ. По истеченіи извѣстнаго срока эмблемы замѣнялись портретомъ умершаго, окруженнымъ слезами, который носили на груди. Такъ продолжалось до Генриха IV, когда былъ окончательно принятъ для траура исключительно черный цвѣтъ.

Нидерланды.

Въ Нидерландахъ придерживались преимущественно французскихъ модъ. Но съ другой стороны тамъ еще не изгладились слѣды непосредственнаго вліянія роскошнаго Бургундскаго двора, и не осталось безъ дѣйствія и послѣдовавшее затѣмъ сближеніе Нидерландовъ съ Германіею и Испаніею. Постоянно возрастающее благосостояніе народа, поддерживая присущую ему склонность къ вышнему блеску, давало ему вмѣстѣ съ тѣмъ и возмож-

ность удовлетворять этой склонности. Слѣдствіемъ этого было то что онѣ охотно перенимали иноземныя образцы, измѣняя ихъ соотвѣтственно своимъ привычкамъ и вкусамъ, если это оказывалось нужнымъ. Такимъ образомъ нидерландскій костюмъ выработался на основѣ бургундскихъ формъ по испанско-французскимъ образцамъ, но съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ особенностей. Такъ въ мужскомъ костюмѣ эти особенности сказались въ удержаніи обоихъ типовъ одежды, короткой и узкой, и длинной и широкой, а также и половинчатой одежды — *mi-parti*. Среднее сословіе — буржуазія — носило преимущественно длинную и широкую одежду. Дворянство, подчиняясь вліянію двора, приняло, хотя неохотно и очень постепенно, доверху застегивающіеся кафтаны (вмѣсто своихъ прежнихъ съ широкимъ вырѣзомъ у ворота) и круглую фрезу. Точно также неохотно рѣшилось оно измѣнить свою прическу — коротко остричь, на лбу прямо подрѣзанные, а сзади длинные волосы, и замѣнить высокою испанскою шляпою свой мягкій баретъ съ перьями. — Женщины также удержали прежній свободный покрой платья. Онѣ носили длинные юбки, и хотя шнуровались, но лишь насколько это было нужно для красоты талии; шею и грудь закрывали воротниками и пелеринами изъ тонкой матеріи, съ кружевными обшивками и т. д. Испанскія робы на фижмахъ не нашли себѣ сочувствія даже и между знатными дамами. Въ прическѣ и головныхъ уборахъ, также какъ и вообще въ костюмѣ, старались по возможности избѣгать всего, что отзывалось натянутостью и чопорностью.

Фиг. 231.

Такъ продолжалось до половины столѣтія, а въ среднихъ классахъ и долѣе. Съ поступленіемъ Нидерландовъ подъ власть Филиппа II (1555—

1559) въ нихъ началось господство испанскихъ модъ по крайней мѣрѣ въ средѣ высшаго сословія, которое принимало ихъ однакожъ неохотно, стараясь соединить съ болѣе свободными французскими формами.

Деспотическое управленіе Альбы (1567—1573), истребивъ въ народѣ всякое расположеніе къ веселости, наложило и на его одежду мрачный отпечатокъ. Въмѣсто свѣтлыхъ пестрыхъ одеждъ явились одноцвѣтныя темныя, и всё что еще оставалось въ нихъ свободного и подвижнаго замерло и окоченѣло въ испанской чопорности. Но это притѣсненіе было непродолжительно. Какъ только Альба былъ отозванъ изъ Нидерландовъ, въ нихъ проснулася прежняя любовь къ свободѣ и самостоятельности. Тѣмъ не менѣе костюмъ надолго сохранилъ на себѣ слѣды этого грознаго времени. Онъ утратилъ и послѣдніе остатки того что еще было въ немъ народнаго, и совершенно уюдобился испанско-французскому. Даже и тѣ нелѣпыя формы послѣдняго, которыя были придуманы Генрихомъ III и его фаворитами (фиг. 231 а. b; фиг. 233 а. b), были здѣсь перешиты, впрочемъ только не-

Фиг. 232.

большимъ кружкомъ молодыхъ щеголей. Женщины оказались въ этомъ отношеніи умѣреннѣе мужчинъ: принявъ французскія моды, онѣ отбросили все, что было въ нихъ крайняго и извращеннаго. Политическія обстоятельства до такой степени потрясли промышленность Нидерландовъ, что съ тѣхъ поръ вся торговля и все богатство стали сосредоточиваться въ Голландіи. При такихъ условіяхъ какъ вообще внѣшній бытъ голландцевъ, такъ и въ частности ихъ костюмы обогатились многими новыми формами, которыя если не всѣ, то болѣею частью, распространились во всѣхъ слояхъ общества, соотвѣтственно упрощаясь. Голландскій костюмъ сталъ, какъ и нидерландскій, подражаніемъ французскому съ удержаніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ

особенностей (фиг. 233; 232, ср. фиг. 225). — Когда нидерландскіе дворяне соединились (1565) подъ названіемъ нищихъ (Geusen) въ союзъ, имѣвшій цѣлю уничтоженіе инквизиціи, они выбрали для себя соотвѣтствующій

Фиг. 233.

этому названію костюмъ, состоявшій изъ сѣрой монашеской рясы съ сумою черезъ плечо. На шеѣ они носили медаль, на одной сторонѣ которой было изображеніе короля окруженное надписью: *en tout fideles au roi*, а на другой, двѣ руки держащія суму и слова «*jusqu'à porter la besace*».

II. ГЕРМАНІЯ, СКАНДИНАВСКІЯ ЗЕМЛИ И ШВЕЙЦАРІЯ; ИТАЛІЯ.

Германія, Скандинавія и Швейцарія.

Утвержденное на аугсбургскомъ сеймѣ 1500 г. всѣми нѣмецкими государами и прочими властями распоряженіе о приведеніи въ исполненіе состоявшихся на фрейбургскомъ сеймѣ постановленій относительно излишней роскоши

въ одеждѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ лишь то, что нѣкоторыя, и то немногія, правительства дѣйствительно обнародовали упомянутыя постановленія или дали отъ себя подобныя имъ предписанія, но сущность дѣла отъ этого не много выиграла. Ибо даже и въ такихъ небольшихъ владѣніяхъ, гдѣ наблюденіе за вѣншимъ поведеніемъ было легче, исполненіе всѣхъ этихъ предписаній со стороны населенія продолжалось недолго. Ихъ обходили, и власти, не имѣя возможности постоянно слѣдить за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, должны были наконецъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ подобныя нарушенія. Молчало пока и высшее правительство и возобновило обсужденіе этого вопроса на сеймѣ собравшемся въ Аугсбургѣ въ 1530 году.

Между тѣмъ нѣмецкая манера одѣваться распространилась въ Даніи и Швеціи. Въ Даніи распространеніе ея началось, по мнѣнію хрониста Гвитфельда (Hvitfeld), около 1502 года и поводомъ къ нему послужило то, что многіе датскіе дворяне присутствовали на двухъ блестящихъ празднествахъ, данныхъ въ этомъ году по случаю бракосочетанія брата короля датскаго, герцога Фридриха, съ сестрою курфюрста Іоахима Бронденбургскаго, Анною, и самого курфюрста съ датскою принцессой Елизаветой. «Въ то время» — жалуется хронистъ¹ — «никто изъ дворянъ не носилъ золотыхъ цѣпочекъ. Это право было предоставлено однимъ князьямъ, господамъ, графамъ и рыцарямъ. Но при бракосочетаніи въ Стендалѣ у насъ въ первые увидѣли, что саксенскіе и маркскіе дворяне носятъ на шеѣ цѣпочку, на которой висятъ два и даже три золотыхъ кольца, и стали подражать имъ. Здѣсь упоминается объ этомъ лишь для того чтобы показать въ какомъ изобиліи и роскоши мы теперь живемъ сравнительно съ прежнимъ. Дворянство пышнѣе ударилось въ щегольство золотыми вещами и тѣ которые теперь воспитываются среди такой роскоши убѣждены что и всегда такъ было. Смилуйся надъ нами Господи!» Около 1527 нѣмецкій костюмъ сдѣлался обычнымъ и въ Швеціи, по крайней мѣрѣ въ средѣ высшаго сословія. Въ жалобѣ, поданной въ этомъ самомъ году королю Густаву Эриксоу взбунтовавшимися далекарліянами², они упрекали его тѣмъ, что «при дворѣ носятъ вырѣзные платья на иностранный манеръ». Король отвѣчалъ на этотъ упрекъ что «всякій воленъ портить свои платья». — Въ такомъ же жалобномъ тошѣ пишетъ швейцарскій хронистъ Іогаанъ Штумпфъ (ум. 1566) о вторженіи иноземныхъ обычаевъ въ Швейцарію³: «Древніе Гельветы и въ пищѣ и въ одеждѣ были просты и умѣренны. Теперь же у насъ тотъ живетъ неприлично, кто не одѣвается на иноземный манеръ и не ѣстъ иноземныхъ кушаньевъ. Предки наши одѣвались плохо, матеріи для одежды ткали сами, нѣкоторыя изъ чистой шерсти, нѣкоторыя пополамъ со льномъ и грубыя; а теперь ни въ одной землѣ не одѣваются такъ нарядно какъ въ Гельвеціи. Золото, серебро, бархатъ и шолкъ видишь на людяхъ всѣхъ званій; а вдобавокъ военные возвращаясь съ войнъ въ чужихъ земляхъ

¹ Cp. L. v. Holberg. Dänische Reichshistorie. 2 Aufl. (1775) I, 797. — ² Olaf Dalins. Geschichte des Reiches Schweden etc. Greifswald 1756 — 63, III, 122. —

³ I. Штумпфъ родился въ 1500 году. Первое изданіе его хроникъ появилось подъ заглавіемъ: Gemeiner löblicher Eydgenossenschaft Stetten, Landen und Völkern Chronik-wirdiger thaaten beschreybung etc. durch I. Stumpffen. 1548 Zürich. 2 Tble. Fol.

всегда приносить съ собою новые обычаи и обыкновенно новые пороки и папаста, какъ напр. оспу, богохульство, пьянство, моду на разсѣченные платья (съ прорѣзами) и т. д. — О самихъ Пѣмцахъ по этому же поводу высказываетъ Себастьянъ Франкенъ¹: «одежду мѣняютъ каждый день, долго не носятъ. Еще у всѣхъ на памяти длинноногая обувь, короткое и узкое платье и шапки съ бахромой. А теперь все носятъ по новому и все наоборотъ — просторно, длинно, широконосо. Женская одежда теперь богаче, но приличіе и похулить ее не за что, кромѣ какъ за глупое излишество».

Этотъ переворотъ совершился въ Германіи тѣмъ же путемъ какъ и современное ему измѣненіе костюма въ западныхъ странахъ: привычныя формы

Фиг. 234.

(начала столѣтія) частью были удержаны, частью измѣнялись сообразно съ господствующимъ направленіемъ вкуса. Починъ сдѣлали мужчины: удержи-

¹ Chronica. Zeitbuch und Geschichtsbibell von anbegyn bis in dis gegenwertig 1531 jar etc. durch Sebastianum Francken von Wörd. 1531 (было также нѣсколько изданій подъ заглавіемъ Weltbuch). Ср. Germania. Von des gantzen Teutschlands, Teutschen Völker Herkommen, Namen, Händeln, guten und bösen Thaten etc. Aufa new mercklich gemehret und gebessert durch S. Francken von Wörd. 1539.

вая прежнія формы, они приступили къ видоизмѣненію ихъ различными нововведеніями.

Прежде всего имъ подвергся короткій и узкій камзолъ, съ прорѣзами и буфами на рукавахъ (фиг. 234 d). Эта отдѣлка съ рукавовъ была перенесена на самый камзолъ, а потомъ и на длинные панталоны съ верхними полуштанами (фиг. 104 a—c). Затѣмъ распространили её на кафтаны и на верхнюю одежду (Schaube), также какъ и на головные уборы и обувь.

У испанцевъ, французовъ и англичанъ мода на прорѣзы возникла въ средѣ высшихъ сословій, отъ которыхъ её уже перенимали остальные; въ Германіи же она прямо вышла изъ народа, и была вызвана практической потребностью. Узкая обтяжная одежда не могла правиться дѣятельной молодежи и ратнымъ людямъ, особенно послѣднимъ. Она не соответствовала ни ихъ ремеслу, которое требовало возможно большей свободы движеній, ни ихъ привычной безцеремонности. Потому то они первые обратили въ украшеніе то, къ чему вначалѣ заставляла ихъ прибѣгнуть потребность¹.

Сначала были сдѣланы прорѣзы на узкихъ рукавахъ камзола, на тѣхъ ихъ частяхъ, которыя закрывали суставы, именно на плечахъ и локтяхъ, подобнымъ же образомъ были прорѣзаны или вырѣзаны и узкіе въ обтяжку панталоны, прежде всего на коленномъ суставѣ (фиг. 234 a), а затѣмъ вдоль лягвей и подъ бедрами (фиг. 235). Такъ какъ панталоны надѣвали прямо на тѣло, то изъ приличія и для защиты отъ холода прорѣзы закладывались матеріей, обыкновенно легкой, которую можно было удобно взбивать буфами. Между ландкнехтами, вообще мало стѣснившимися приличіями, были конечно и такіе, которые или по бѣдности, или просто изъ своего рода хвастовства не закладывали прорѣзовъ, а выставляли напоказъ свое голое тѣло, иногда даже просто обнажали ту или другую голень засучивая панталоны. Какъ бы то ни было, мода на прорѣзы была обязана своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ ратнымъ людямъ и развилась между ними до такой степени, что приближенные Максимилиана I (ум. 1519) совѣтовали ему принять противъ нея строгія мѣры. Императоръ былъ снисходительнѣе и отвѣчалъ на это, что «бѣднымъ людямъ за ихъ жалкую жизнь можно дать и потѣшиться немного». — Верхніе полуштаны (Oberschenkelhose), надѣвавшіеся сверхъ панталонъ, какъ недавно появившаяся новостъ были еще мало распространены въ началѣ столѣтія — ихъ носили только богатые молодые щеголи. Но такъ какъ они представляли

Фиг. 235.

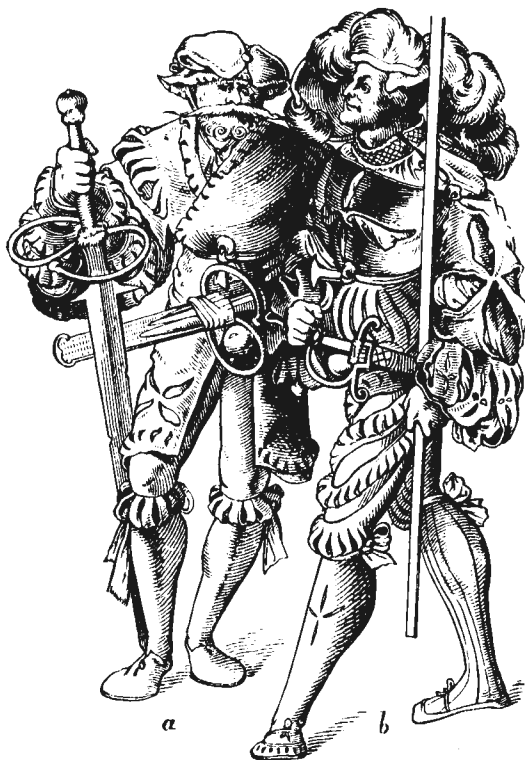

¹ Ср. J. Falke. Die deutschen Trachten- und Modenwelt. II, 30.

то удобство, что дѣлали излишнею верхнюю часть панталонъ, которая вдобавокъ часто разрывались противъ колѣннаго сустава гдѣ дѣлались на нихъ прорѣзы, то военные и ремесленники и вообще люди неимѣвшіе возможности по роду своихъ занятій обращаться бережно съ платьемъ, охотно переняли эту часть костюма отъ свѣтскихъ щеголей, или вѣриѣ — превратили свои длинные панталоны въ полуштаны и паголенки или чулки, связывая ихъ подъ колѣномъ тесемками или лентами (фиг. 235).

Прорѣзы, дѣлавшіеся первоначально на извѣстныхъ мѣстахъ въ видахъ удобства движеній, ставъ модою, постепенно покрыли всѣ части костюма, кромѣ чулокъ, на которыхъ они дѣлались очень рѣдко и то лишь спереди (фиг. 236 в). Прорѣзы у колѣна получили форму буфа съ вертикальными раз-

Фиг. 236.

рѣзами (фиг. 236), а на другихъ мѣстахъ имъ давали форму поперечныхъ и продольныхъ полосъ (фиг. 236 в; 237, в) и различныхъ фигуръ — треугольниковъ, квадратовъ, крестовъ, звѣздъ, цвѣтовъ, листьевъ, арабесокъ, размѣщая ихъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ нерѣдко такъ, что всё вмѣстѣ взятое представлялось въ видѣ сѣтки. Да оно и дѣйствительно было сѣткою, связанною изъ лентъ различной длины и ширины, которыя въ свою очередь были различнымъ образомъ прорѣзаны. У шнуръ края прорѣзовъ были вырѣзаны фигурами, а свободныя мѣста между

прорѣзами усажены бантами, розетками, цвѣтами и т. д. У другихъ прорѣзы были стянуты лентами завязанными въ банты, концы которыхъ были вырѣзаны зубчиками¹. Эта отдѣлка была перенесена и на гульфикъ (*braguette*), который впоследствии стали тоже обшивать бантами (фиг. 237, 238 а). — Сочетаніе красокъ въ такомъ костюмѣ доходило до поразительной пестроты. Матерія, которою закладывали прорѣзы или которая выпячивалась изъ нихъ, выбиралась всегда другаго цвѣта чѣмъ та, изъ которой было сшито платье, и притомъ цвѣта рѣзко противоположнаго, что особенно правилось. Свѣтлые цвѣта — желтый, красный, голубой, соединяли съ чернымъ, коричневымъ, темнофіолетовымъ. Кромѣ того, для усиленія пестроты иногда подкладку прорѣзовъ не вездѣ равномерно буфировали, а только мѣстами и притомъ совершенно произвольно или придерживаясь извѣстнаго порядка. Вдобавокъ ко всему, нѣкоторыя такъ же неумѣренно примѣняли и половинчатость (*mi-parti*) какъ въ цвѣтѣ, такъ и въ матеріи и формѣ (ср. фиг. 237 а. b).

Фиг. 237.

Умноженіе прорѣзовъ на рукавахъ узкаго камзола повело къ постепенному ихъ расширенію отъ плеча до кисти. Иногда впрочемъ прорѣзы на рукавахъ замѣнялись нашитыми полосами (фиг. 237 а). Вообще же рукава отдѣлывали какъ и полуштаны, тоже разполосно, съ прорѣзами и буфами (фиг. 236; 238 b). Камзолъ и кафтанъ дѣлались пока съ цѣльной грудью (т. е. нераспашными отъ шеи до талии). Воротной вырѣзъ

¹ Множество образцовъ этой отдѣлки собрано въ названномъ выше (стр. 11) сочиненіи: *Warpen des heiligen römischen Reichs etc.*, первое изданіе котораго появилось въ 1545 году.

обшивался рубцомъ. Обычай ходить съ открытой шеей продолжался до 30 годовъ (фиг. 234 в. с.), несмотря на то что уже ранѣе было принято закрывать шею пелеринкою или манишкою изъ тонкой плюсовой матеріи (фиг. 236 а в; 237 а в). Короткій камзолъ сдѣлался исключительно одеждою ландкнехтовъ. Такъ какъ имъ неудобно было надѣвать сверхъ него верхнюю одежду, то для защиты отъ холода они выстегивали свои камзолы. Это было перенято и невоенными, которые стали выстегивать и свои камзолы и кафтаны. У кафтановъ юбка была удлиннена почти до колѣна и

Фиг. 238.

расширена, а въ концѣ тридцатыхъ годовъ еѣ начали дѣлать распашною отъ талии (фиг. 238 в; 239 а). Тогда же появились распашные камзолы на застежкахъ (фиг. 239 в), а по примѣру ихъ вскорѣ стали дѣлать и кафтаны раскрытыми на груди, слѣдов. совершенно распашными.

Верхняя накидная одежда (Schaube), теперь уже совершенно вытѣснившая старинный Tappert, подвергалась тѣмъ же самымъ измѣненіямъ какъ подобныя ей накидныя одежды Французовъ, Испанцевъ и Англичанъ (фиг. 234 с; 238 а; 239 а, в; 240 а, в). Рукава ея дѣлались здѣсь еще объемистѣе и съ большимъ количествомъ прорѣзовъ и буфовъ. Но въ такой формѣ еѣ носили только высшія сословія и богатая молодежь¹

¹ Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ модниковъ своего времени былъ нѣмѣцъ Матвій Шварцъ изъ Аугсбурга. Начиная съ 23 года своего возраста (ок. 1514) онъ какъ только дѣлалъ себѣ новый костюмъ, снималъ съ себя очень тщательный акварельный портретъ, который снабжалъ соответственными примѣчаніями. Эту коллекцію онъ дополнялъ по памяти своими портретами въ различныхъ костюмахъ которые онъ носилъ отрокомъ, ребенкомъ и даже младенцемъ. Коллекція начинается портретомъ его матери когда она была еще беременна, затѣмъ слѣдуетъ онъ самъ въ ко-

(фиг. 239 b); люди же средняго класса оставались при прежней безрукавной *Schaube* съ проймами для рукъ (фиг. 240 b). Дѣлали ее также съ очень длинными и очень широкими рукавами, имѣвшими разрѣзы посрединѣ, (фиг. 240 a) въ которые пропускали руки. Въ двадцатыхъ годахъ состоятельные люди стали носить *Schaube* на мѣху и съ широкимъ мѣховымъ же воротникомъ шалью. До того времени такую роскошь позволяли себѣ только знатное дворянство и очень богатые изъ средняго сословія, да и изъ нихъ немногіе. Еще около 1520 г. нѣкто Гансъ Френцель купилъ

Фиг. 239.

себѣ близъ Гёрлица помѣстье за триста дукатовъ и за *Schaube* на куньемъ мѣху ².

Цвѣтъ *Schaube* и ея отдѣлка были различны и въ этомъ отношеніи она получила значеніе отличительнаго признака различныхъ званій и сосло-

лыбели и т. д. Все собраніе составляетъ томъ въ слишкомъ 140 листовъ и обнимаетъ періодъ времени отъ 1500 до 1560 года. Подобное же собраніе оставилъ послѣ себя и отецъ Матвѣя. Оба собранія находятся въ брауншвейскомъ музеѣ. Большая таблица, содержащая въ себѣ около ста костюмовъ различныхъ народовъ, исполненныхъ акварелью по заказу Шварца—отца, сохраняется въ кор. кабинетѣ гравюръ въ Берлинѣ. Подробное описаніе обоихъ собраній было въ первые дано въ небольшомъ сочиненіи озаглавленномъ: „Mathäus und Veit Conrad Schwarz nach ihren merkwürdigsten Lebensumständen und vielfältig abwechselnden Kleidertrachten etc. beschrieben und mit Anmerkungen erläutert von Elias C. Reichard. Ein Beitrag zur Geschichte der Kleidermoden, zur Beförderung der Menschenkunde und zur Kenntniss der deutschen Sprache des 16. Jahrhunderts. Magdeburg 1786“. Сочиненіе вышло безъ рисунковъ, за полное изданіе которыхъ съ объясненіями взялась „Die Galerie altdeutscher Trachten, Gebräuche etc. aus den vorigen Jahrhunderten etc. Leipzig. Industrie-Comptoir“, но остановилась на 2 тетради, давъ всего 9 (раскрашенныхъ) таблицъ.

² C. G. Künffer. Abriss der Oberlausitzischen Geschichte. III, 53.

вій. Государи и Князья носили *Schaube* изъ краснаго или фіолетоваго бархата или атласа, на собольемъ, горностаевомъ, а рѣже и на куньемъ мѣху (фиг. 239 а. б), и для торжественныхъ случаевъ длинную до ступней (въ первой четверти столѣтія); у вышнаго дворянства и рыцарства она была красная, у богатыхъ горожанъ черная или коричневая на темномъ мѣху или на строй куницѣ (фиг. 240 а. б); ученые носили её длинную чернаго

Фиг. 240.

цвѣта, подложенную темнымъ мѣхомъ и съ небольшимъ воротникомъ. (фиг. 241). Въ такомъ видѣ и такомъ значеніи, постепенно впрочемъ ослабѣвавшемъ, одежда эта продержалась до половины столѣтія, когда она была вытѣснена другими формами и осталась почти исключительно одеждою ученаго сословія и старыхъ людей. Ремесленникамъ, если они не были самостоятельными мастерами, *Schaube* не позволялась, какъ неподобающая ихъ званію роскошь; молодежь, даже и имѣвшая право носить её, предпочитала ей болѣе легкія плащеобразныя накидки (фиг. 234 а; фиг. 238 а).

Подобное *Schaube* значеніе получили и головные уборы. Всѣ разнообразныя формы шапокъ, шляпъ, шапочекъ, были теперь совершенно вытѣснены баретомъ, и частью совсѣмъ исчезли, частью перешли въ искаженномъ видѣ (фиг. 234 а—d) къ нисшимъ сословіямъ, которымъ съ 1518 г. во многихъ мѣстахъ было запрещено носить баретъ. Но въ концѣ двадцатыхъ годовъ, несмотря на запрещеніе, баретъ всё таки сдѣлался общимъ головнымъ уборомъ и съ этого времени прошолъ черезъ рядъ измѣненій, въ которыхъ принимали участіе всѣ сословія. Обыкновенно его дѣлали очень плоскимъ, съ широкимъ, болѣе или менѣе жесткимъ околышемъ (фиг. 238 а). Ландскнехты и щеголи носили бареты очень широкіе, иногда сшитые изъ разноцвѣтныхъ кусковъ, отдѣланные прорѣзами, шну-

ками, бантами и перьями, преимущественно страусовыми (фиг. 236 b; 238 b). Ремесленникамъ эти перья были запрещены, а въ нижней Австріи съ 1518 г. и дворянамъ не дозволялось украшать свои бареты перьями дороже 10 гульденовъ. Знатные предпочитали небольшіе бареты съ узкимъ околышемъ, которые къ концу тридцатыхъ годовъ мало по малу получили форму шапочки окруженной валикомъ (фиг. 239 a b). Они носили ихъ большею частью краснаго цвѣта. У мѣщанъ баретъ превратился въ низкую

Фиг. 241.

шапку съ торчащими или опущенными полями, чернаго или темнаго цвѣта, отороченную пестрымъ шнуркомъ; такой же формы и цвѣта баретъ носили и учепы, но безъ оторочки (фиг. 240 a; 241). — По старому обычаю подъ баретомъ носили небольшую шапочку (ермолку); у знати и богатыхъ людей средняго сословія эти шапочки были необыкновенно роскошны — изъ бархата, шолка или золотыхъ шнурковъ съ жемчугомъ, драгоценными камнями и т. п., такъ что въ послѣдствіи сочтено было нужнымъ запретить такіа богато отдѣланныя шапочки людямъ незнатнаго происхожденія. Исключительное господство барета продолжалось до сороковыхъ годовъ, когда снова появились различныхъ формъ шапки и уже настоящія шляпы.

Обувь съ самаго начала столѣтія становилась тупоносою. Даже и утиные носы (Entenschnäbel), смѣнившіе (съ 1480 г.) длинноносую обувь, едва дотянули до двадцатыхъ годовъ (фиг. 234 a—d; фиг. 235). Кто слѣдовалъ современному вкусу, тотъ носилъ Bärenklauen (медвѣжьи когти), Ochsen- und Kuhmäuler (бычачьи и коровьи морды) — вновь изобрѣтенные фасоны обуви (фиг. 236 b; 237; 238 a; 239; 240 a; 241). По мѣрѣ того какъ передняя часть башмака увеличивалась и расширялась, задняя — суживалась и уменьшалась, такъ что уже въ двадцатыхъ годахъ башмаки дѣлались такъ низки (мелки), что едва держались на ногѣ (фиг. 237), и поэтому прикрѣплялись къ ней завязкой на подъемѣ (фиг. 236 b). Отдѣлка прорѣзами была перенесена и на обувь и сосредоточена на носкахъ (фиг. 236 b). Башмаки изготовлялись изъ кожи, бархата, шолковой и шерстяной матеріи краснаго, голубаго, желтаго, и др. цвѣтовъ, обыкновенно одноцвѣтные, но также и двуцвѣтные (mi-parti), хотя рѣдко. Сапоги дѣлались съ широкими округлыми носками, изъ кожи натуральнаго цвѣта, съ наѣточкою по краю голенища. Ихъ надѣвали только для верховой ѣзды, на охотѣ и въ походѣ.

Отдѣлка прорѣзами не миновала и перчатокъ. Прорѣзы дѣлали на пальцевыхъ суставахъ и подкладывали цвѣтною матеріей (фиг. 239 a. b).

Волосы продолжали вообще носить по прежнему (фиг. 234 a—d), но вмѣстѣ съ этимъ стали появляться нѣкоторыя измѣненія въ прическѣ.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ было принято волосы спереди подрѣзывать горизонтально, а на вискахъ подстригать округло спуская къ затылку, и при этомъ гладко расчесывать на всѣ стороны (фиг. 238 b). Эта стрижка называлась *Kolbe*. Нѣкоторые щеголи продолжали завивать свои волосы (фиг. 238 a), а другіе, особенно ландскнехты, предпочитали стричь ихъ какъ можно короче (фиг. 234 a. b. d; 235; 236 a. b.). Въ сороковыхъ годахъ волосы стали носить вообще коротко остриженные или по крайней мѣрѣ значительно короче прежняго (фиг. 239 a. b; 240).

Въ исходѣ столѣтія стало появляться расположение отпускать бороду, но вслѣдствіе давно утраченной привычки носить её, оно выразилось такими странными попытками, что насмѣшникамъ не стоило большаго труда осмѣять ихъ. Гейлеръ фонъ-Кайзербергъ (1498) называлъ эти затѣи просто дурачествомъ: «Есть иные дураки, которые носятъ половину бороды вмѣсто цѣлой другіе только усы, третьи оставляютъ по кусочку на каждой щекѣ: — каждый, хочетъ носить что нибудь особенное» (Половина бороды значить полная борода прямо отрѣзанная до половины у подбородка). Если борода была достаточно длинна, то её даже заплетали въ косу. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ всѣ эти фасоны бороды уступили мѣсто полной бородѣ, которую носили или во всю ея длину (фиг. 240 b; 241), или подрѣзывали то прямо — среднее сословіе, то нѣсколько вогнуто — преимущественно дворяне (фиг. 239 a). Впрочемъ и теперь многіе брились гладко, или носили только бородку, или только усы. Носившіе одни усы составляли пока еще меньшинство.—

Женскій костюмъ измѣнялся въ постоянномъ соотвѣтствіи съ мужскимъ, не впадая однакожъ въ крайности послѣдняго. Тѣ странности мужскаго костюма, изобрѣтеніе которыхъ принадлежатъ прямо ландскнехтамъ, перешли на женскій только въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Юбка по самому характеру своему была неудобна для прорѣзовъ, потому ихъ и не пытались на ней дѣлать, а дѣлали только на лифѣ и главнымъ образомъ на рукавахъ.

Борьба вновь появившихся формъ съ существующими продолжалась, какъ и въ мужскомъ костюмѣ, до двадцатыхъ годовъ и разрѣшилась тѣмъ, что верхнее платье (роба) было спереди значительно укорочено, шлейфъ его тоже уменьшенъ и мало по малу совсѣмъ оставленъ (кромѣ парадныхъ платьевъ) и талія снова спущена до бедръ. Подолъ юбки обрѣзывали спереди прямолинейно, такъ что, доставая до полу, онъ только что закрывалъ ступни. Этотъ фасонъ вскоре сталъ извѣстенъ и въ Германіи подъ названіемъ «нѣмецкой» моды и нашелъ себѣ тамъ подражательницъ. Потерявъ въ линіи, юбки выиграли въ ширинѣ и полнотѣ: ихъ стали дѣлать на столько широкими, что для удобства при ходьбѣ и при танцахъ съ одной стороны приподнимали (фиг. 242 b).

Впрочемъ это дѣлалось также и для того чтобы показать нижнее или исподнее платье, которое отдѣлялось также богато какъ и верхнее, а у настоящихъ щеголихъ даже богаче: онѣ отдѣляли его широками оборками, иногда прорѣзами и буфами отличнаго отъ платья цвѣта, и мѣхомъ (фиг. 243). Низкій лифъ продолжали носить до половины тридцатыхъ годовъ, особенно молодыя женщины — (фиг. 242 a; ср. фиг. 112 c —

113 с), но и онѣ стали уже прикрывать себѣ грудь пелеринкою или шемизеткою съ фрезой изъ очень тонкой матеріи или полотна, отдѣланой вышивками и блестками. Онѣ ввели даже особый небольшой воротникъ въ родѣ пелерины, такъ наз. *Goller*, который накидывался на плечи и на груди застегивался (фиг. 242 б). Къ концу тридцатыхъ годовъ закрытая

Фиг. 242.

грудь и шея стали общимъ правиломъ и требованіемъ приличія даже и у молодежи. Слѣдствіемъ этого было измѣненіе покроя лифа, который дѣлался теперь гораздо выше и дополнялся шемизеткой съ двойной или тройной широкой фрезой (фиг. 243). Вмѣстѣ съ лифомъ измѣнился и фасонъ рукавовъ: ихъ стали взбивать у плечъ и отдѣлывать прорѣзами, а надъ локтевымъ сгибомъ обшивать маншетой, или перехватывать нѣсколькими цвѣтными буфами (фиг. 243; ср. фиг. 242 б). Этотъ фасонъ продержался до 1545 г. и затѣмъ замѣнился болѣе простымъ. Несмотря на то что при высокомъ лифѣ *Goller* становился излишнимъ, его все-таки продолжали носить, какъ нарядную принадлежность туалета (фиг. 242 б).

Такое же значеніе имѣлъ и поясъ, который иногда, и теперь чаще прежняго, замѣняли широкою лентою завязанною спереди или съ боку большимъ бантомъ (фиг. 242 а; 243). Вообще же пояса дѣлались какъ и прежде кожаные, бархатные и металлическіе въ видѣ цѣпи. Къ поясу привѣшивали на цѣпочкахъ разныя красивыя вещицы — ключи, кошельки, готовальни съ столовыми и швейными приборами (ср. фиг. 112 с; 113 б).

Также мало измѣнился и плащъ, оставаясь по прежнему одеждою, которую надѣвали единственно для защиты себя отъ непогоды; но онъ сталъ общеупотребительнѣе, замѣнивъ собою старинныя верхнія одежды въ родѣ Schaubе, которыя если и не были еще совѣмъ оставлены, то все таки все болѣе и болѣе выходили изъ употребленія (ср. фиг. 111 с).

Иначе было съ головными уборами: они подверглись значительному измѣненію. Всѣ существовавшія ихъ формы уступили мѣсто круглому чепцу (Haarhaube) и почти совершенно мужскому барету, изъ которыхъ послѣдній въ исходѣ двадцатыхъ годовъ остался единственнымъ моднымъ головнымъ уборомъ (фиг. 243). Даже и такъ любимый вуаль былъ почти оставленъ и если его еще носили, то значительно уменьшеннымъ сравнительно съ прежнимъ.

Обувь женская принимала тѣже формы какъ и мужская, отличаясь отъ нея лишь большею красавіею. Нѣкоторую особенность представляла обувь знатныхъ дамъ и дѣвицъ города Цюриха, какъ это видно изъ письма ихъ согражданина, Алоизія Орелли къ своему брату, отъ 1555 г.¹ «Небольшое и въ сущности вовсе недорогое украшеніе — пишетъ онъ — добровольно предоставлено (freiwillig überlassen) женамъ здѣшнихъ дворянъ, имѣнитыхъ гражданъ и вообще женщинамъ древнихъ родовъ: небольшіе золотые или серебряные наконечники (Schnäbeln) на носкахъ обуви. Такихъ наконечниковъ здѣсь не носить никто, кромѣ взрослыхъ дѣвицъ высшихъ сословій. Между тѣмъ знатная въ башмакахъ съ наконечниками такъ пріятлива и мила съ своими знакомыми и сосѣдками безъ наконечниковъ (unbeschnabelten), что между ними не замѣчается никакого различія званій и эта небольшая привилегія становится совершенно необходима. Къ тому же и пользуются ею только при особенно нарядномъ костюмѣ».

Перчатки въ общемъ не измѣнились и гораздо рѣже чѣмъ мужскія отдѣлывались прорѣзами съ цвѣтною подкладкою. Но теперь болѣе чѣмъ прежде требовалось отъ нихъ, чтобы онѣ хорошо обтягивали руку, поэтому ихъ если не всегда, то большею частью дѣлали съ пуговками или завязками.

Несмотря на то, что въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія женская прическа не имѣла ничего особенно бросающагося въ глаза, она все-таки настолько не нравилась строгому страсбургскому моралисту Гейлеру Кайзербергу, что онъ высказалъ о ней въ 1498 г. такое рѣзкое сужденіе: Третья потѣха этихъ умицъ — украшать себѣ волосы, завивать ихъ и дѣлать длинными, прибавляя къ своимъ собственнымъ чужіе, взятые съ мертвыхъ и хва-

Фиг. 243.

¹ Aloysius von Orelli, Ein biographischer Versuch von S. v. Orelli. Zürich. 1797.

статься ими. Теперь женщины носятъ баретки и шапочки какъ мужчины, и расхаживаютъ съ распущенными ниже пояса косами; а вуали свои онѣ распядываютъ двумя подставками на подобіе бычачьихъ роговъ». — Съ измѣненіемъ головныхъ уборовъ исчезли и всѣ подобныя странности прически. Молодежь разумѣется отказывалась отъ нихъ не совсѣмъ охотно и напр. долго еще продолжала носить распущенные и закинутые на спину волосы. Но въ исходѣ двадцатыхъ годовъ эта прическа сдѣлалась принадлежностью вѣнчальнаго наряда, вообще же съ этого времени волосы стали подвизывать на затылкѣ и покрывать чепцомъ (Haarhaube), оставляя нѣсколько выходящихъ локончиковъ на лбу и вдоль щекъ (фиг. 242 а. b; фиг. 243). Если не надѣвали чепца, то волосы перевязывали лентой или заплетали въ мелкія косы, а въ деревняхъ обыкновенно въ двѣ длинныя косы, опущенныя вдоль спины.

Щегольство матеріями и дорогими вещами постоянно возрастало какъ между мужчинами такъ и въ средѣ женщинъ. Быстрое развитіе ремеселъ, въ особенности золотыхъ-дѣлъ-мастерства, не мало этому способствовало. Мужчины были въ этомъ отношеніи гораздо умѣреннѣе женщинъ, которыя постоянно вдавались въ крайности и вызывали этимъ рѣзкія порицанія со стороны проповѣдниковъ. Даже Лютеръ не выдержалъ и назвалъ женщину бѣшеннымъ животнымъ, которое никакія убранства не могутъ насытить. — Бархаты, атласы, тончайшія сукна всевозможныхъ цвѣтовъ, дорогія полотна, и даже парча сдѣлались такъ же обыкновенны у богачей бюргеровъ, какъ и у людей высшаго круга. Такъ какъ плетеніе кружевъ (на коклюшкахъ) было перенесено въ Германію изъ Италіи (Венеціи) не ранѣе 1536 г. и только съ этого времени стало распространяться и совершенствоваться (особенно въ Швейцаріи),¹ то до тѣхъ поръ тратились не малыя суммы на выписку кружевъ изъ Венеціи.

Украшенія въ собственномъ смыслѣ — дорогія вещи изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней выдѣлывались теперь въ стилѣ возрожденія съ такимъ искусствомъ, что работа цѣнилась въ нихъ во много разъ дороже матеріала. Очень любимы были длинныя и толстыя шейныя цѣпочки различныхъ фасоновъ: ихъ носили по нѣскольку — по три, по четыре и т. д., вмѣстѣ съ нитками жемчуга и т. п. (фиг. 242 а); затѣмъ перстни и кольца, пояса съ ихъ привѣсками, фермуары, аграфы и другія украшающія принадлежности туалета, не менѣе искусной работы².

Такое усиленное распространеніе щегольства не могло не вызвать противодѣйствія со стороны властей, тѣмъ болѣе что оно грозило стереть вѣшнія сословныя отличія. Это послѣднее обстоятельство было подвергнуто серьезному обсужденію на сеймѣ въ Аугсбургѣ въ 1530 году и относительно его принять рядъ мѣръ, которыя и были внесены въ утвержденный на этомъ же сеймѣ новый полицейскій уставъ (neue Kais. Ordnung und Reforma-

¹ Такъ сказано въ предисловіи къ Nüw Modelbuch, напечатанномъ, безъ означенія года, въ Цюрихѣ печатникомъ Christoff Froschower. — ² Какъ на прекрасные образцы кодакъ тогдашней работы можно указать на обручальное и вѣнчальное кольца Лютера. Ср. объ этомъ Berlepsch. Chronik der Gold- und Silberschmiedekunst. S. 193. (съ рисунками).

tion guter Polizei im heiligen römischen Reiche: новое императорское установление и преобразование хорошей полиції въ священной римской имперіи). Вскорѣ послѣ этого подобныя постановленія появились и въ Швейцаріи, напр. въ Цюрихѣ въ 1532 году. Такъ какъ упомянутыя мѣры оказались неэффективными, то онѣ были снова пересмотрѣны и подтверждены на слѣдующемъ сеймѣ, тоже въ Аугсбургѣ, собранномъ въ 1548 Карломъ V, и властямъ предписано привести ихъ въ исполненіе въ годичный срокъ подѣ штрафомъ двухъ марокъ золота. Въ первой редакціи постановленія поставлялось главнымъ образомъ на видѣ, что исполненіе указанныхъ мѣръ предписывается въ тѣхъ видахъ, чтобы «каждое сословіе имѣло свое отличіе». Во второй редакціи или повтореніи, къ этому мотиву былъ прибавленъ другой, болѣе важный, нѣкоторымъ образомъ религіозный мотивъ, которымъ и начинается самый уставъ: «Такъ какъ черезъ чинѣнное щегольство одеждою отнимаются у нѣмецкой націи громадныя деньги, а также возбуждается зависть, ненависть и недоброжелательство и этимъ нарушается христіанская любовь, и такъ какъ неумѣренное распространеніе его уничтожаетъ всякое различіе между княземъ и графомъ, графомъ и дворяниномъ, дворяниномъ и мѣщаниномъ, мѣщаниномъ и крестьяниномъ, то мы согласились съ курфюрстами, князьями и чинами издать нижеслѣдующій уставъ для одежды, который имѣетъ быть въ точности исполняемъ, подѣ страхомъ наказанія и взысканія». Затѣмъ слѣдуютъ статьи:

«Статья I (X):¹ О крестьянахъ.² Постановляемъ, приказываемъ и дозволяемъ (setzen, ordnen und wollen wir) чтобы крестьяне и рабочіе или подешники деревенскіе не носили никакихъ другихъ матерій кромѣ внутренняго, то есть нѣмецкой націи издѣлія, (so in Teutscher Nation gemacht) и шили себѣ кафтаны не длиннѣе какъ до половины икръ и не шире шести складокъ (въ юпкѣ). Однакожъ они могутъ носить штаны изъ люндскаго, лирскаго и мерлинскаго сукна, и камзолы плисовые, но безъ широкихъ рукавовъ и безъ всякихъ разрѣзовъ, прорѣзовъ и вырѣзовъ. 2. Затѣмъ, мы хотимъ, чтобы они не носили ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни шолка, ни вышитыхъ воротниковъ у рубахъ, а также и нагрудниковъ, страусовыхъ перьевъ или шолковыхъ подвязокъ, башмаковъ съ вырѣзами и баретовъ, а шляпы и шапки. 3. Не позволяли бы носить всего этого и своимъ женамъ и дѣтямъ, которымъ должно быть запрещено носить воротники, лифы, покрывала съ золотой оторочкой, серебряныя и золотыя пояса, кораллы, чотки, золото, серебро, жемчугъ

¹ Статья I устава объ одеждѣ и ст. X „полицейскаго устава“, по первой редакціи (1530 года).—² Говорится, разумѣется, о зажиточныхъ крестьянахъ, имѣвшихъ постоянныя сношенія съ городами. Таковы были въ особенности очень богатые Höfner (одинъдворцы) въ южной Германіи, уже въ 13 стол. отличавшіеся нарядностью одежды (ср. Вн. б. Т II, 2, стр. 205). Простые крестьяне жили чрезвычайно бѣдно и грубо. Въ Мюнстерской космографіи (Münsters Cosmographie) 1545 года говорится о нихъ: „Sie führen ein gar schlecht und niederträchtig Leben. Ein Zwilchgippe, zwen Bundschuh und ein Filzhut ist ihre Kleidung: „живутъ они очень плохо и скудно; тиковый кафтанъ, пара башмаковъ и войлочная шляпа — такова ихъ одежда). Sebastian Franck въ своей Weltbuch vom Jahre 1531⁴ замѣчаетъ: Баварцы одѣваются обыкновенно въ голубое, особенно деревенскіе жители, и носятъ большіе сапоги чѣмъ штаны („Die Baiern sind gemeinlich in Blau gekleidet, sunderlich was auf dem Lande wohnt, tragen mehr Stiefel denn Hosen“).

и шолковыя платья; только дочери ихъ дѣвицы могутъ носить въ волосахъ шолковую ленточку. 4. Точно также женамъ ихъ дозволяется надѣвать и носить самое большее суконый воротникъ и никакого другого мѣха, кромѣ простаго барашковаго, козьяго или другой подобной простой подкладки.

Статья II (XI): О мѣщанахъ (Bürgern) и городскихъ обывателяхъ. Такъ какъ въ городахъ обыкновенно бываетъ три разряда обывателей — простые мѣщане и ремесленники, купцы и промышленники, (Kauf- und Gewerbsleute) и члены городского совѣта и иные родовитые люди, живущіе своими доходами, то мы постановляемъ и приказываемъ, чтобы простые горожане, ремесленники и простые торговцы не носили золота, серебра, жемчуга, бархата или шолка, вышитаго, отдѣланнаго вырѣзами или обшивками платья, также баретовъ, и никакихъ дорогихъ мѣховъ, а довольствовались бы прилично своему званію одеждою на простомъ какомъ нибудь мѣху, лисьемъ, барашковомъ, хорьковомъ. 2. Также должны соблюдать въ своей одеждѣ ихъ жѣны и дѣти. Впрочемъ, жѣнамъ ихъ позволяется носить золотое кольцо, недорогое однакожь пяти или шести гульденовъ, безъ камней, воротникъ вышитый шолкомъ, покрывало съ золотой обшивкой (позументомъ) не шире двухъ пальцевъ, атласную или камчатную пелерину, поясъ не дороже 10 гульденовъ, отдѣланный серебромъ, но безъ позолоты; а дѣвушкамъ бархатную головную ленточку съ серебромъ безъ позолоты. 3. Подмастерья и работники не должны носить золота, серебра, шолку, прорѣзовъ и вырѣзовъ на платьѣ, а одѣваться такъ какъ это выше указано для городскихъ ремесленниковъ. 4. Еслибъ такой ремесленникъ былъ выбранъ въ городской совѣтъ, то долженъ одѣться какъ ниже показано для купцовъ.

Статья III (XII): О купцахъ и промышленникахъ (Gewerbsleute). Городскимъ купцамъ и промышленнымъ людямъ запрещается носить бархатъ, камку, атласное или шелковое платье, золото, серебро, жемчугъ, шелковые, золотыя и серебряныя шапочки; но имъ позволяется носить камлотовый кафтанъ и шелковый камзолъ, но не бархатный и не кармазиннаго атласа и безъ позументовъ, и золотое кольцо. Не могутъ они также носить сукна дороже двухъ гульд. локоть, ни подкладывать свою одежду куньимъ (развѣ только горлатнымъ), собольимъ или горнастаевымъ мѣхомъ. 2. Жѣны ихъ должны держаться тѣхъ же правилъ и не употреблять на оторочку платья болѣе двухъ локтей бархата, шолка, атласа или камки (Damast). 3. Дозволяется имъ носить поясъ въ двадцать гульденовъ, на покрывалѣ кайму шириною въ пять пальцевъ, бархатный или шелковый воротникъ (пелерину) съ золотыми застежками, не дороже двадцати гульденовъ. 4. Дочерямъ ихъ дѣвицамъ разрѣшается головная ленточка въ десять гульденовъ.

Статья IV (XIII). О горожанахъ, состоящихъ членами городского совѣта, родовитыхъ или знатнаго происхожденія и живущихъ своими доходами. 1. Они должны сообразоваться въ одеждѣ съ сказаннымъ о купцахъ и промышленникахъ, съ тѣмъ отличіемъ, что имъ дозволяется носить кромѣ того: камлотовые кафтаны съ бархатною оторочкою, на которую однакожь не должно употреблять болѣе трехъ локтей бархата, на подкладку куній, а не иной болѣе дорогой мѣхъ; бархатный и шелко-

вый камзолъ, за исключеніемъ кармазиноваго, и шелковую шапочку. 2. Дозволяется имъ также носить на рукѣ золотое кольцо, но не дороже пятидесяти гульденовъ. 3. Ихъ жены должны одѣваться какъ купеческія, но онѣ могутъ оторачивать свои платья бархатомъ или шелкомъ (но не кармазиномъ) въ количествѣ не болѣе четырехъ локтей, и носить золотую цѣпь цѣною до пятидесяти гульденовъ и поясъ не дороже тридцати гульденовъ.

Статья V (XIV): О дворянахъ. Дворяне не должны одѣваться въ бархатъ и кармазинный атласъ, но самое большее въ камку (Damast) и подобныя шелковыя матеріи съ бархатною отдѣлкою не болѣе какъ изъ шести локтей. Дозволяется имъ носить золотое кольцо и шапочку (Haarhauben) а также цѣпочку не дороже 200 гульденовъ, но не иначе какъ обматывая еѣ шнуркомъ; или продѣвая его черезъ нее, какъ ведется изстари. 2. Гофмейстеръ, канцлеръ, маршалъ или совѣтникъ какого нибудь государя, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ дворянству, имѣетъ право одѣваться одинаково съ дворянами, какъ выше указано. 3. Исключаются однакожь рыцари (Ritter), которые могутъ носить золотую цѣпь безъ шурка—открыто, но она не должна быть дороже 400 гульденовъ. Дозволяется имъ также кушій и другіе подобныя мѣха для подкладки. 4. Женщинамъ-дворянкамъ разрѣшается имѣть 4 шелковыхъ платья и открыто носить ихъ и надѣвать, именно: одно бархатное, остальные три изъ камки (Damast) и подобныхъ шелковыхъ матерій, но не болѣе четырехъ, однакожь безъ жемчуга, серебра и золота. Если бы онѣ захотѣли отдѣлать ихъ каймою, то могутъ сдѣлать еѣ изъ жемчуга или серебра, но только вокругъ ворота (doch oben herum) и не шире осьмой части локтя. Но женамъ рыцарей дозволяется кайма изъ золота (золотого галуна?), но тоже вокругъ ворота и не шире осьмой части локтя. 5. Если бы у иныхъ оказалось болѣе платьевъ, чѣмъ симъ предписывается, и онѣ пожелали бы сохранить ихъ для своихъ дѣтей и дочерей, то это имъ не запрещается. 6. Дозволяется имъ также носить баретъ и золотой чепецъ (gulden Hauben), но съ тѣмъ чтобы отдѣлка его стоила не дороже сорока гульденовъ. 7. Благородной дамѣ дозволяется носить на себѣ разныхъ украшеній, кромѣ колець, на двѣсти гульденовъ, но не болѣе. 8. Также золотыхъ галуновъ и поясовъ не болѣе какъ на 40 гульденовъ.

Статья VI (XV): О докторсахъ. Доктора и ихъ жены могутъ и должны носить платье, украшенія, цѣпочки, золотыя кольца и прочее, сообразно съ ихъ званіемъ и вольностями (ihrem Stand und Freiheit gemäss).

Статья VII (XVI): О графахъ и господахъ (Herrn): Графы и господа не должны носить золотой или серебряной парчи (Brokat), но только бархатныя кармазинныя и другія шелковыя платья, но безъ золотыхъ галуновъ, кромѣ рыцарей. 2. Они могутъ носить золотыя цѣпи не дороже 500 гульденовъ и всякаго рода мѣха, кромѣ соболя и подобныхъ мѣховъ. 3. Ихъ сунругамъ дозволяется носить всякаго рода шолковыя платья, съ золотой или серебряной оторочкой, но никакихъ драгоценностей и пѣпочекъ дороже 600 гульденовъ, ни цѣльной золотой или серебряной парчи; онѣ должны воздержаться отъ ношенія всего этого ради отличія отъ высшаго, чѣмъ ихъ, званія.

Статья VIII (XVII): О лошадиной сбруѣ. 1. Такъ какъ найдено что много лишняго тратится и на сбрую, то симъ постановляемъ, чтобы отнынѣ впредь никто не держалъ сбруи дороже двухъ гульденовъ и сбруи съ мѣднымъ наборомъ, кромѣ рыцарей и докторовъ; а также графы и рыцари не имѣли бы сбруи изъ бархата, шолковой матеріи или сукна, или отдѣланной золотомъ и серебромъ, исключая курфюрстовъ, князей и равныхъ имъ по сану, которымъ по ихъ княжескому званію такая сбруя дозволяется. 2. Если кто либо отъ своего князя, господина или другой знатной особы получить въ подарокъ какую нибудь одежду или драгоценность, то ему должно быть дозволено носить ихъ, лишь бы при этомъ не было обмана съ его стороны. 3. Такъ какъ настоящій уставъ предпринятъ съ тою цѣлію, чтобы предотвратить всякія излишества и роскошь въ одеждѣ, то если бы какой либо курфюрстръ, или князь, или иная власть захотѣли ввести или уже ввели, для блага своихъ владѣній, болѣе строгія и подробныя постановленія, чѣмъ здѣсь изложенныя, то они вольны это сдѣлать, не стѣняясь настоящимъ уставомъ. 4. Никто не долженъ также ради точнаго исполненія этого устава входить въ долги при выдачѣ замужъ или женитьбѣ своихъ дѣтей, но можетъ, смотря по своимъ средствамъ, снабдить ихъ одеждою и по низшему противъ указаннаго разряду, но не по высшему. 5. Мы постановляемъ и приказываемъ въ особенности, чтобы всѣ архіепископы, епископы и прелаты заставляли подчиненныхъ имъ духовныхъ являться въ церкви и на улицѣ въ приличной ихъ званію одеждѣ, какая требуется церковными правилами, и оставить негодующее имъ щегольство. 6. Предписываемъ также избѣгать бесполезныхъ издержекъ на золоченіе мѣди, дерева и камня, какъ это было доселѣ, а золотыхъ дѣлъ мастерамъ запрещаемъ подобное золоченіе подѣ штрафомъ десяти гульденовъ: надъ исполненіемъ сказаннаго каждая власть имѣетъ строжайше наблюдать.

Статья IX (XVIII): О рейтарахъ (reisige Knechte): не могутъ они носить никакой шелковой одежды и ничего золотого или позолоченаго на шапкахъ или рубашкахъ, а должны довольствоваться той одеждою, какая имъ будетъ дана согласно съ мѣстными обычаями тѣмъ, кому они служатъ. Тѣ изъ нихъ, кто захочетъ одѣваться на свой счетъ, могутъ носить платье самое большее изъ лундскаго сукна, и то безъ прорѣзовъ и вырѣзокъ.

Статья X (XIX): О военныхъ: 1. Военный, если онъ дворянинъ или рыцарь, можетъ и долженъ одѣваться такъ, какъ вышепостановлено для дворянъ и рыцарей. Если же онъ низшаго званія, но занимаетъ должность капитана, фендриха, Musterherr'a, или другую подобную, то ему разрѣшается одѣваться какъ выше указано для родовитыхъ горожанъ. Если же онъ простой солдатъ, то, во владѣніяхъ своего господина, онъ имѣетъ одѣваться согласно своему званію и настоящему уставу. Но ратникъ наемный (Söldner), или капитанъ, когда онъ находится въ походѣ и представить паспортъ или документъ доказывающій это, можетъ одѣваться какъ ему удобнѣе. 2. Горные рабочіе, работающіе въ вольныхъ рудникахъ и имѣющіе свой уставъ, въ границахъ своего рудника должны подчиняться этому уставу. Если они находятся при рудникахъ имѣющихъ городскія права, то должны слѣдовать предписаніямъ настоящаго нашего устава. 3. Писцы въ канцеляріяхъ не должны носить шелковой одежды, золота или серебра, кромѣ

золотого кольца. 5. Секретарь, казначей (castener), фохтъ, выборный, кураторъ, если они не изъ дворянъ, приравняются въ одеждѣ къ родовитымъ горожанамъ.

Ст. XI (XX): О публичныхъ женщинахъ. Такъ какъ много соблазну въ священной имперіи порождается тѣмъ, что безчестныя женщины ходятъ въ шелку, золотѣ, серебрѣ и другихъ подобныхъ нарядахъ, отчего многія честныя женщины и дѣвицы совращаются съ добраго пути и уничтожается всякое различіе между честными и безчестными, мы строго приказываемъ, чтобы безчестныя женщины не смѣли носить ни нарядныхъ платьевъ, ни украшеній, ни чего либо отороченнаго золотомъ, но каждая одѣвалась бы по обычаю страны, надъ чѣмъ мѣстныя власти должны имѣть особенное наблюденіе и не допускать этого.

Ст. XII (XXI). Власти должны также прилежно слѣдить за тѣмъ, чтобы палачи и живодеры носили такое платье, по которому другіе могли бы ихъ узнавать; и—

Ст. XIII (XXII). Объ одеждѣ евресвъ. — чтобы и евреи имѣли нашитый на кафтанъ или шапку на видномъ мѣстѣ желтый кружокъ, который имъ долженъ служить отличіемъ.—

Серьезность, съ которой высшія власти отнеслись къ составленію этого устава, не осталась безъ послѣдствій. Мѣстныя начальства должны были покрайней мѣрѣ показать свою готовность озаботиться введеніемъ его. Тамъ гдѣ постановленія сейма 1530 г. не были еще приведены въ исполненіе, поспѣшили исправить это упущеніе, а гдѣ были уже приняты соответственныя мѣры, тамъ онѣ были усилены въ смыслѣ новаго устава. Такъ между прочимъ было въ Готѣ, гдѣ курфюрстъ Юганъ Фридрихъ уже въ 1545 г. издалъ новый уставъ объ одеждѣ, изъ котораго однакожъ изъяты были графы, бароны, дворяне, доктора и совѣтники — впредь до новыхъ распоряженій. И въ Швеціи и въ Швейцаріи начали принимать болѣе строгія мѣры: въ Швеціи, гдѣ еще въ 1546 г. Густавъ Эриксонъ ограничился простымъ увѣщаніемъ обращеннымъ ко всѣмъ сословіямъ—«избѣгать роскоши, особенно въ одеждѣ», въ 1569 г. были издапы различныя постановленія, изъ коихъ касавшіяся одежды и правовъ духовенства были составлены совершенно въ католическомъ духѣ сунруги Юганна III. До исхода столѣтія они были нѣсколько разъ возобновляемы и каждый разъ строже прежняго. О жителяхъ Цюриха Орелли писалъ въ 1555—75 годахъ: «Время отъ времени приходится принимать мѣры противъ неприличнаго и неестественнаго покроя одежды, въ особенности штановъ: сначала противъ шароваръ (Plunderhosen), затѣмъ противъ черезъ чуръ узкихъ панталонъ, противъ испанскихъ съ прорѣзами и пестрою шелковою матеріею подбитыхъ панталонъ, на которыхъ рыцари и дворяне придумали вышивать свои турнирные шлемы и гербы, и у которыхъ гульфики сдѣланы по-старинному подушкой. Эта мода осталась, такъ какъ за нее не полагалось никакого взысканія, и мы находили еѣ очень забавной. Огромныя двойныя и тройныя фрезы должны были уступитъ мѣсто простымъ. Какъ мужчинамъ не дозволялось распяливать на себѣ одежду, такъ точно запрещено было и женщинамъ и дѣвицамъ подвязывать подъ платье большія круглыя подушки или, если онѣ хлопотали о прочности, желѣзные обручи, которыми онѣ себя такъ обезображивали, что

отъ талии книзу получали шарообразный видъ. Теперь онѣ ходятъ опять такими, какими ихъ создала природа. Перенятые ими у мушницъ стеганные рукава, которые бывали иногда толще чѣмъ сама женщина, имъ тоже запрещены». — «Носятъ правда и теперь шелковые и бархатныя платья, но они рѣдки и большею частью достались отъ родителей; законъ запрещаетъ однакожъ обшивать ихъ золотыми и серебряными снурками, какъ то дѣлалось прежде, запрещаетъ также шелковые плащи, а замужнимъ женщинамъ вышитые жемчугомъ и драгоценными камнями наголовники (головные платки), которые дѣйствительно стали очень дороги».

Нигдѣ однакожъ не появлялось такъ много и такихъ подробныхъ постановленій относительно одежды, какъ въ Германіи. Мало по малу каждый владѣтельный князь, каждое начальство, каждая городская община, даже и самая мелкая, стали считать въ числѣ своихъ обязанностей изданіе такихъ постановленій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, также какъ отчасти и въ имперскихъ городахъ, удалось добиться исполненія ихъ, хотя на нѣкоторое время; вообще же дѣйствіе ихъ было незначительно и не могло имѣть прочнаго вліянія на дальнѣйшее видоизмѣненіе костюма. Гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи было постоянно возроставшее испанское или вѣрнѣе французское вліяніе, а съ другой стороны—измѣнившееся общее настроеніе, ставшее болѣе серьезнымъ и сдержаннымъ по окончательномъ утвержденіи новаго ученія. То и другое, дѣйствуя одновременно, освободили костюмъ вообще отъ многихъ излишествъ и даже придали ему мало по малу характеръ сдержанности, чопорности, противоположный его прежнему характеру. Превращеніе это совершилось однакожъ очень медленно и началось съ высшихъ классовъ, которые уже въ сороковыхъ годахъ усвоили себѣ французскія моды если не вполне, то отчасти (фиг. 239 а. b ср. фиг. 205). Остальные классы начали слѣдовать ихъ примѣру не ранѣе половины шестидесятыхъ годовъ, и съ этихъ поръ начинаются постоянныя возобновленія законовъ противъ роскоши вмѣстѣ съ усиленными жалобами проповѣдниковъ на введеніе иноземныхъ обычаевъ и одежды¹. Вотъ что говоритъ

¹ Большая часть этихъ жалобъ имѣли въ виду новомодныя шаровары (Pluderhosen). Въ 1555 году, суперинтендентъ и франкфуртскій профессоръ Андрей Мускулусъ высказалъ рѣзкое порицаніе этой части костюма даже въ проповѣди, которую въ слѣдующемъ году напечаталъ и издалъ подѣ заглавіемъ: „Vom zerluderten, Zucht- und Ehrverwegenen pludrigen Hosenteufel; Vermahnung und Warnung. Эта проповѣдь была издана еще два раза, въ 1557 и въ 1563 году. Примѣру Мускулуса послѣдовали другіе проповѣдники и издали свои поученія подѣ подобными же заглавіями. Такимъ образомъ въ короткіе промежутки появилось множество различныхъ демоновъ: „ein Tanzteufel, Gesindteufel, Saufteufel, Hurenteufel, Hoffahrsteufel, Neid-, Spiel-, Schmeichel-, Sorgen-, Lügen- und Lästerteufel“ и т. д. Всѣ они были собраны и изданы книгопродавцемъ Фейерабендомъ подѣ заглавіемъ: Theatrum diabolorum въ 1569; затѣмъ, съ прибавленіемъ къ нимъ новыхъ четырехъ демоновъ, въ 1575 въ ин-фоліо, а когда онъ весь разошелся, снова изданы, съ прибавкою еще десяти демоновъ, уже въ 2 большихъ фоліантахъ. — Противъ Pluderhosen и вообще модныхъ платьевъ писали еще: J. Strauss Elsterberg: Wider den Kleider-, Pluder-, Paus- und Kraus-Teufel; Lucas Oslander: „Von hoffertiger ungestalter Kleydung der Weibs- und Mannspersonen; Cyriakus Spangenberg: „Von der Frauen Hoffarth und ihren Töchtern“ и другое: „Wider den Hoffahrtsteuffel, der jetziger Zeit solchen pracht, vbermut, vnmass, vppigkeit vnd leichtfertigkeit in der Welt treibet mit vberflüssiger vnd vnziemlicher Kleydung. Kurz und einfältig durch Joach. Westphalum, Is-lebensem etc.; Joh. Spangenberg. Ehelicher Ordenspiegel“. и и. др.

одинъ изъ нихъ, магистеръ Вестфаль: «Если мы взглянемъ что дѣлается на свѣтѣ, то увидимъ, что почти у каждаго народа, у каждой націи и страны есть свой собственный извѣстный костюмъ;—только у насъ, нѣмцевъ, нѣтъ ничего своего, а одѣваемся мы всячески — и по волошки, и по французски, по венгерски, и чуть еще не по турецки, и изъ-за большой своей глупости не умѣемъ придумать ничего своего. Кто можетъ перечислить всѣ тѣ странные покрои и моды, которые смѣнились въ эти послѣдніе тридцать лѣтъ?... Кроили и перекраивали штаны на разные манеры и такая срамная, отвратительная одежда вышла изъ нихъ, что честному человѣку становится страшно и возмутительно. Никакой воръ на висѣлицѣ не мотаеся такъ отвратительно, не растерзанъ такъ и не истрепанъ, какъ теперешніе штаны нашихъ желѣзѣдовъ и буяновъ; тѣфу, срамота! (Denn kein Dieb am Galgen so hässlich hin und wieder bommelt, zerludert und zerlumpt ist, als die jetzigen Hosen der Eisenfresser und Machthansen, pfui der Schande!). Подъ послѣдними достойный магистеръ разумѣлъ кромѣ щеголей и забіякъ, главнымъ образомъ ландскнехтовъ, которымъ даже утвержденный на сеймѣ 1530 г. уставъ разрешалъ одѣваться какъ имъ хочется.

Около половины столѣтія отдѣлка прорѣзами была доведена въ мужскомъ костюмѣ до такихъ размѣровъ, что жалобы на его безобразіе были вполне основательны. До сихъ поръ измѣняли только форму и расположеніе про-

Фиг. 244.

рѣзовъ, слегка выпуская сквозь нихъ подкладку. Теперь наоборотъ—количество прорѣзовъ уменьшилось, но размѣры ихъ значительно увеличились и подкладка выпускалась сквозь нихъ такими массами, что висѣла вездѣ мѣшками. Дѣлалось это главнымъ образомъ на рукавахъ и штанахъ и сначала, до 1553 года, въ размѣрахъ сравнительно довольно умѣренныхъ (фиг. 244 а—с), но затѣмъ было доведено до такого преувеличенія, особенно на штанахъ, что поражало даже современниковъ. Необъятной ширины шаровары изъ какой нибудь тонкой матеріи, обыкновенно шолковой, схватывали нѣсколькими вертикально положенными на нихъ суконными или бар-

хатными полосами и въ промежутки между ними выпускали весь излишекъ шолоковой матеріи, такъ что она широкими мѣшками висѣла вокругъ ногъ *). По извѣстіямъ современниковъ эти штаны, названные Pluderhose, были изобрѣтены ландскнехтами между 1553 и 1555 гг. ¹. Мѣстомъ изобрѣтенія Нюренбергская хроника называетъ лагерь курфюрста Морица магдебургскаго. Напротивъ того, въ стихотвореніи, напечатанномъ (2-мъ изданіемъ) въ 1555 г. подъ заглавіемъ: ein new klaglied eines alten Deutschen Kriegsknechts, wider die grewliche vnd vnerhörte Kleidung der Pluderhosen (новая жалобная пѣснь стараго нѣмецкаго солдата на мерзкую и неслыханную одежду Pluderhose), — говорится, что они были изобрѣтены въ Брауншвейгѣ. Во всякомъ случаѣ это было чисто нѣмецкое изобрѣтеніе, и притомъ протестантское, на что и указывали проповѣдники. Одинъ изъ нихъ, упомянутый Андрей Мускулусъ, въ своей проповѣди по поводу этой моды говоритъ между прочимъ: кто хочетъ видѣть такіе штаны (solche unflehtige, bubische und unzüchtige Pluderteufel) тотъ ищи ихъ не у католиковъ, а иди въ тѣ города и земли, что называются теперь лютеранскими и евангелическими; тамъ онъ насмотрится на нихъ до тошноты и омерзѣнія, такъ что у него защемитъ сердце и онъ задрожитъ отъ ужаса, какъ передъ какимъ нибудь морскимъ чудищемъ (dass ihm auch das Herz darüber wehe thuen und dafür als für dem greulichsten Meerwunder sich entsetzen und erschrecken wird).

Ландскнехты довели этотъ покррой до крайностей. Они носили шаровары такой длины что они спускались до лодыжекъ, хотя края ихъ были подвязаны выше колѣна, и такой ширины что на нихъ шло до тридцати локтей матеріи (Фиг. 245 а. в.). Въ названной стихотворной жалобѣ говорится, не безъ преднамѣреннаго преувеличенія конечно, о шести локтяхъ верхней матеріи и о девяти локтяхъ подбоя или подкладки, и кромѣ того, о гульфикѣ съ телячью голову (ein Latz, wol eines Kalbskopffs gros, Kartecken ² drunder schweben, Seiden on alle mass). Въ такомъ родѣ отдѣльвались иногда и рукава, но вообще размѣры ихъ были скромнѣе. Прорѣзы на камзолахъ шли обыкновенно сверху книзу и были такъ часты и велики, что камзолъ казался изрѣзаннымъ въ ленты. При этомъ костюмъ ландскнехты носили высокія островерхнія шляпы, густо убранныя перьями, и, въ странномъ противорѣчій къ неумѣренной полнотѣ остальной одежды, чрезвычайно узкій и короткій испанскій плащикъ, тоже отдѣланный небольшими прорѣзами по борту (фиг. 245 а. в.). Въ такомъ видѣ описанный костюмъ продержался у военныхъ до уничтоженія наемныхъ войскъ: въ

*) По Köhler (Die Trachten der Völker in Bild und Schnitt) эти шаровары надобно себѣ представлять состоящими изъ двухъ частей: очень широкихъ и длинныхъ шелковыхъ шароваръ вложенныхъ въ менѣ широкія и длинныя штаны изъ сѣтчатыхъ прорѣзами, въ которые и выступаютъ большими дутыми складками весь излишекъ шолоковой матеріи, не помѣщающійся внутри верхнихъ штановъ. Пер.

¹ J. Scheible: Die gute alte Zeit, geschildert in historischen Beiträgen. H. A. Berlepsch. Chronik vom ehrbaren und uraltem Schneidergewerk. S. 78. J. Falk e. Die deutsche Trachten- und Modewelt. II, 33. — ² Очень тонкая шолоковая матерія, похожая на такъ называемую по городу Аппазу — „Rasch“.

Германиі до начала девятинадесятих годовъ, въ Швейцаріи нѣсколькими десятиками лѣтъ долѣе. Почти одновременно съ его появленіемъ исчезла разнополосность, такъ наз. *mi-parti*, удержавшись только въ костюмахъ парадныхъ и въ официальной одеждѣ пизшихъ городскихъ чиновъ. Только въ Швейцаріи ее продолжали еще нѣкоторое время носить и наемные ратники.

Фиг. 245.

Несмотря на чрезвычайное безобразіе этого ожесточенно преслѣдуемаго проповѣдниками костюма, онъ началъ распространяться въ различныхъ классахъ общества какъ только появился. Его носили студенты и ремесленники, какъ это видно изъ упомянутой *new Klagelied*, носили и бюргеры, и молодёжь изъ дворянъ. Ни оцнѣ значительныя издержки, которыхъ онъ требовалъ, ни насмѣшки, ни самыя запрещенія не могли остановить его распространенія. Въ Даніи положено было разрѣзывать такіе шаровары на всякомъ, кто въ нихъ покажется на улицѣ. Нѣкоторые государи думали вѣрнѣе достигнуть цѣли, сдѣлавши новую моду смѣшною. Такъ напр. курфюрстъ браденбургскій Іоакимъ II велѣлъ схватить нѣсколько такихъ шароварниковъ (*Lumpenhösler*) и, посадивъ въ клѣтку, три дня къ ряду выставлять на показъ народу, а передъ клѣткой заставлятъ играть музыкантовъ. Нѣсколько дворянъ были имъ наказаны за ношеніе модныхъ шароваръ тѣмъ, что по его приказанію имъ тихонько развязывали шароварный поясъ, отчего шаровары тотчасъ же сваливались и они, очутившись голоногими среди улицы, становились потѣхою прохожихъ. Такія наказанія устрашали конечно на время, но скоро забывались. Наслѣдникъ Іоакима II, Георгъ Вильгельмъ былъ вынужденъ даже въ уставѣ основанной имъ (1574) монастырской школы упомянуть о запрещеніи носить учителямъ короткое отороченное платье съ городками и шаровары (*Pluderhosen*), а ученикамъ—короткіе плащи, длинные штаны съ прорѣзами, такіе же башмаки и остроконечныя шляпы съ перьями. Въ другихъ мѣстахъ были сдѣланы даже нѣкоторыя уступки въ пользу запрещенной моды. Такъ между прочимъ въ

Брауншвейгъ постановленіемъ 1579 г. было разрѣшено употреблять на шаровары двѣнадцать локтей шолковой матеріи, въ Магдебургѣ (1573) — городскимъ старостамъ, родовитымъ горожанамъ, лучшимъ изъ членовъ ремесленныхъ корпорацій и зажиточнымъ людямъ — до 18 локтей, а въ Ростокѣ (2585), но только дворянамъ, отъ 12 до 14 локтей. — Духовенство съ своей стороны, чтобы положить конецъ «богохульной» модѣ, не останавливалось даже передъ чудеснымъ и въ назиданіе слушателей возвѣщало съ кафедръ, что въ 1583 г. въ Укермаркѣ овца обьягчилась двумя ягнятами и кускомъ мяса въ видѣ шароваръ, а въ другомъ мѣстѣ родился ребенокъ съ ногами такъ образованными, какъ будто на нихъ надѣты шаровары. Несмотря однакожь на всё это, «непотребные чертовы штаны» оставались въ модѣ почти такъ же долго, какъ и между нѣмецкими ландскнехтами.

Не одно духовенство отнеслось враждебно къ новоизобрѣтенному костюму. Между бюргерами и дворянами было тоже не мало такихъ которые его не одобряли и если носили, уступая давленію современнаго вкуса, то въ формѣ болѣе умѣренной. Вслѣдствіе этого появились рядомъ съ настоящими Pluderhosen подобные имъ, но гораздо меньшихъ размѣровъ шаровары, которые занимали какъ бы середину между ними и прежними полуштанами съ прорѣзами (фиг. 246 а; ср. фиг. 244 а—с; 245 а—b). Иные

Фиг. 246.

щеголи, конечно, позволяли себѣ и въ нихъ нѣкоторыя излишества, но всё они ограничивались утолщеніемъ выпуска вокругъ талии, и слишкомъ бросающеюся въ глаза отдѣлкою гульфика, или мѣшечка, бантами. Эти шаровары дѣлались обыкновенно не длиннѣе какъ до половины бедра, рѣдко до колѣна, потому при нихъ надѣвали узкіе по-колѣно панталоны и чулки. Тѣ и другіе распространялись всё болѣе и болѣе (фиг. 246), такъ что

длинные обтяжные панталоны остались принадлежностью придворного испанско-французского костюма. Впрочем и при дворах не все их носили, а в начале девятых годов они были и там оставлены. Шолковые вязаные штаны (трико) явились сравнительно довольно поздно. Еще в 1569 г. маркграф Иоганн Кюстринский сдѣлалъ за ношеніе ихъ выговоръ тайному совѣтнику Бартольду фонъ-Мондельсло въ такихъ словахъ: «Бартольдъ, у меня тоже есть шолковые чулки, но я ихъ надѣваю только по воскресеньямъ и въ праздники»; даже в 1583 г. они считались настолько рѣдкими и дорогими, что въ Магдебургѣ было просто запрещено носить ихъ. Тѣмъ не менѣе употребленіе ихъ мало по малу распространилось настолько, что впредь ношеніе ихъ запрещалось только извѣстнымъ разрядамъ служащихъ лицъ.

При всемъ томъ уже съ 1565 г. въ костюмѣ, преимущественно высшихъ классовъ, начинается приближеніе къ испанскимъ и французскимъ модамъ, т. е. большая натянутасть, чопорность одежды вообще (фиг. 219 до 222). Видъ этихъ классовъ испанскій покроемъ принимался весьма слабо и медленно. Тѣмъ не менѣе ненавистные Pluderhosen постепенно замѣнились болѣе скромными формами полуштановъ съ легкими складками (фиг. 210; 219), или гладкими, безъ складокъ, выстеганными полуштанами (Pumphosen: фиг. 222). Эта перемѣна нѣсколько успокоила строгихъ порицателей, которые хотя и не вполне одобряли новыя формы и давали имъ насмѣшливыя прозвища въ родѣ spanische Heerpauken и Schlumperhose, — но все таки единогласно считали ихъ болѣе приличными. Одинъ изъ нихъ, Иоганнъ Штраусъ, сознается даже, что «Pumphosen» красивы, если сдѣланы не очень широкими и безъ клапана. Но ему не нравится, что ихъ набиваютъ шерстью такъ, что въ нихъ становишься похожъ на мѣшокъ съ соломой. На пару штановъ, говоритъ онъ, нужно шерсти съ трехъ телячьихъ шкуръ (Man muss drei Kälberhäut zu einem Paar haben). Возмущаетъ его также и то, что клапанъ (d'Strotzer, wie sie es nennen) у нихъ слишкомъ замѣтенъ, и что въ нихъ дѣлаются карманы для того, будто бы, чтобы совать въ нихъ всякую всячину, подобно мошенникамъ (man machet Diebsäck drein, dass man wie die Spitzbuben, allerlei Gattung bald hineinrauffen mag).

Не меньшимъ преслѣдованіямъ подвергался и камзолъ (Wamms: фиг. 246 а. в), которымъ замѣнили кафтанъ съ болѣе или менѣе длинными полами, какъ неподходящій къ неумѣренно широкимъ Pluderhosen. Болѣе всего не нравилось въ немъ то, что онъ сидѣлъ слишкомъ гладко (такъ какъ дѣлался стеганный) и главное, что не закрывалъ ненавистнаго клапана (Iatz) ¹. Но и другія особенности камзола вызывали рѣзкія порицанія со

¹ Въ упоминаемой „new Klaglied“ и т. д., стихъ 16 и слѣд. говорится, что прежде шили кафтаны, которые закрывали клапанъ, а теперь его выставляютъ на показъ да еще убираютъ разноцвѣтными лентами, такъ что каждой порядочной дѣвушкѣ хочется плюнуть, когда она попадается ей на глаза. Вотъ эти стихи:

„Vorzeiten macht man rücke, das man den Iatz bedeckt,
Itzund so muss er blecken, auch sind darunder gesteckt,
Viel Farben maucherlein, haben sie drein gespickt,
Das billich möcht anspeien, ein Jungfraw dies anblickt.“

стороны строгихъ цензоровъ общественныхъ нравовъ, въ томъ числѣ и названныхъ выше Андрея Мускулуса и Іоганна Штрауса: его шолковая подкладка, его пуговицы, слишкомъ большой воротникъ и рукава «такіе большіе и широкіе, что ихъ едва можно посить на себѣ». — Позднѣе, когда нѣкоторые щеголи изъ подражанія французскимъ и нидерландскимъ модамъ стали посить камзолы съ круглыми туго набитыми плечами (фиг. 246 а. b) и толсто выстеганною клинообразно спускавшеюся ниже талии грудью (фиг. 223 а. b; 232 а. b), прозванною здѣсь Gänsebauch (гусиное брюхо), и это нововведеніе было не менѣе строго осуждено и осмѣяно. Прекрасный нарядъ — восклицаетъ Андрей Озіандеръ младшій, діаконъ въ Урахѣ — эти отвратительныя длинныя гусиныя брюха, которыя начинаются у самой шеи и свѣшиваются много ниже пояса, какъ оконный фонарь (Erker) на домѣ, который онъ того и гляди перетянетъ».

Брыжки (Kröse) со второй половины столѣтія были отдѣлены отъ сорочки и обращены въ самостоятельную часть костюма, причемъ и размѣры ихъ значительно увеличились (ср. фиг. 239 b; 240 а; 244 а). Іоганнъ Штраусъ не преминулъ высказать и о нихъ свое мнѣніе: «хотя сама сорочка сшита и не изъ дорогой матеріи, а иногда и просто изъ холста, но къ ней все таки надѣваютъ брыжки (Krauss oder Gekröss), очень дорогіе и такіе высокіе и широкіе, что они почти совсѣмъ закрываютъ уши и голова выглядываетъ изъ нихъ какъ изъ мѣшка. И крахмалятъ ихъ такъ туго, что они торчатъ совершенно прямо, не гнутся. Посятъ также итальянскіе и испанскіе воротники съ множествомъ висящихъ спурочковъ. Старинный фасонъ воротниковъ и рубашекъ, какъ на примѣръ на портретахъ прежнихъ саксонскихъ государей, теперь уже больше негодится. Спереди изъ-подъ рукавовъ должны высовываться маншеты, какъ адскій огонь вырывающійся изъ вѣхъ оконъ (wie das höllische Feuer zu allen Fenstern heraus-schlägt)». Несмотря однакожъ на все это, въ исходѣ столѣтія брыжки дѣлались такихъ размѣровъ и такой формы, что ихъ въ шутку называли мельничными жерновами (Mühlstein-Krägen).

Нѣсколько благосклоннѣе отзывался тотъ же Іоганнъ Штраусъ о верхнихъ одеждахъ. Верхнія одежды, говоритъ онъ, теперь, слава Богу, пристойны и заслуживаютъ похвалы: хорошій кафтанъ (Bürgerröck) зимою и лѣтомъ, особенно длинный и благоприличный (erhbar) плащъ съ рукавами или безъ нихъ, къ лицу всякому, и молодому и старому. Но далѣе онъ жалуется что эти «благоприличные» кафтаны и плащи начинаютъ выходить изъ моды, и вмѣсто ихъ появляются палетки, которыя дѣлаются черезъ чуръ куцыми (Puffjacken, die sind gar auf die Kürze abgerichtet), и спереди открытыми для того, чтобы видны были пуговицы на камзолѣ и многое другое. Подъ этими куцыми палетками Штраусъ разумѣлъ укороченную Schaubе и вошедшій въ употребленіе короткій и узкій (испано-французскій) плащъ (фиг. 245 b; 246 а). Обѣ эти одежды становились все болѣе и болѣе похожими одна на другую и въ восьмидесятыхъ годахъ не представляли почти никакого различія, такъ какъ обѣ дѣлались съ широкимъ, большею частью стоячимъ, воротникомъ и подбивались и оторачивались мѣхомъ или матеріею цвѣта отличнаго отъ верха (фиг. 246 а; 247 b). Съ старинною Schaubе онѣ имѣли общаго одни только широкіе рукава или вмѣсто нихъ

проймы для рукъ (фиг. 247 а. b). Верхняя одежда такого покроя называлась теперь *Harzkarpe*, а если она дѣлалась очень короткою, до начала бедръ, — *Puffjaske*. О короткихъ плащахъ Озіандеръ (1586 г.) говорить, что «самыми модными считаются такіе, которые доходятъ только до пояса и обшиты такимъ широкимъ бордюромъ, что почти нельзя разсмотрѣть изъ какой матеріи они сдѣланы. Носятъ такой плащикъ (*Man-telin*) подобравъ подъ правую руку или свѣшеннымъ съ лѣваго плеча, для того чтобы нельзя было хорошенько разглядѣть, есть ли на такомъ кав-

Фиг. 247.

леръ плащъ, или онъ безъ плаща, въ камзолѣ и штанахъ.» — Длинная *Schaube* осталась у стариковъ, ученыхъ, и, въ качествѣ официальной одежды, у бургомистровъ и другихъ городскихъ властей.

Изъ головныхъ уборовъ, шляпы и баретъ были самыми распространенными. Измѣненія, которымъ въ теченіи этого времени подвергся баретъ, были двоякого рода: съ одной стороны объемъ его уменьшился настолько, что онъ превратился въ очень небольшую плоскую шапочку, а съ другой — верхушка его была удлинена и онъ принялъ видъ колпака или мягкой шляпы съ узкими полями (фиг. 244 а — с). Въ этой послѣдней формѣ онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ испанскою шляпою (фиг. 209, фиг. 208; фиг. 225), которая вскорѣ затѣмъ и была принята высшими классами и въ осьмидесятыхъ годахъ окончательно замѣнила у нихъ баретъ. Въ неходѣ столѣтія появились шляпы французскаго и нидерландскаго фасоновъ и развой формы шапки съ мѣховою опушкой (ср. фигг. 224; 233; 246 b; 247 b). Украшенія головныхъ уборовъ измѣнились мало противу прежняго, только отдѣлка перьями была постепенно совсѣмъ оставлена или покрайней мѣрѣ сведена къ очень скромнымъ размѣрамъ.

Съ 1550 г. обувь ¹ приняла болѣе соответствующую ногѣ форму, вза-мѣнивъ прежней широконосой, сохранивъ впрочемъ усвоенную ей отдѣлку прорѣзами, причемъ еѣ нерѣдко выстрачивали бархатомъ или шолкомъ и оковывали серебромъ. Иоганнъ Штраусъ высказывается о новомодной обуви такъ: «башмаки носятъ не прежняго фасона, а испанскаго, лакейскаго (Lakeisch), съ прорѣзами и разрѣзами, чтобы скорѣе могла вытекать изъ нихъ вода. Хотя лѣтомъ такіе разрѣзанные и прорѣзанные башмаки очень полезны; но каблуки на нихъ ни къ чему не пригодны, кромѣ развѣ одного щегольства». Сверхъ башмаковъ носили родъ туфель на высокой деревянной подошвѣ и безъ пятки. Стукъ, который щеголи производили этими туфлями вызывалъ частныя жалобы: молодые люди, говорить тотъ же современникъ, волочать за собой эти туфли и стучать ими какъ шестидесятилѣтнія старухи.

Какъ особый видъ перчатокъ появились около этого времени такъ наз. Hentzsken — рукавицы съ широкими и длинными до локтя раструбами изъ сукна или кожи. Штраусъ не упускаетъ случая замѣтить, что иные и лѣтомъ носятъ Hentzsken такой длины, что ихъ хватило бы на пару прямыхъ рукавовъ.

Волосы продолжали носить большею частью коротко остриженными по испано-французской модѣ. Иные щеголи и спереди причесывали ихъ кверху, такъ что они торчали у нихъ «какъ иглы у ежа, или какъ щетина у свиньи когда она разсердится»; другіе оставляли ихъ на затылкѣ и на вискахъ «длинными и косматыми» (ср. фиг. 233 а. b).

Женская одежда не только оставалась вѣрна принятому ею съ 1535 г. характеру тугости и застегнутости, но постоянно усиливала его. Высокій и обтянутый лифъ поднялся теперь до самого подбородка, едва оставляя мѣсто узенькой фрезѣ; рукава еще болѣе обтянулись вокругъ рукъ, разширившись на плечахъ въ высокіе наплечники, замѣнявшіе прежніе прорѣзы и буфы. Это закутываніе себя, какъ и всякая мода, было многими доводимо до крайности и потому вызвало такія же порицанія какъ и прежнее противоположное ему излишнее обиаженіе шеи и груди: его объясняли суетнымъ побужденіемъ сохранить нѣжность кожи, или просто лицемѣрнымъ желаніемъ придать себѣ возможно скромную наружность; на этомъ основаніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противъ него принимались запретительныя мѣры. Тѣмъ не менѣе, по отзывамъ даже такихъ строгихъ судей, какъ Штраусъ, женскій костюмъ «сталъ благоприличнѣе и, кромѣ безразсуднаго излишества, въ немъ было мало достойнаго порицанія».

Носили по прежнему два платья, верхнее и нижнее. Верхнее дѣлалось или закрытое спереди (нераспашное) или съ распашной юпкой, или наконецъ распашное сверху до низу и совѣтъ безъ талии (ср. фиг. 226 а. b). Чтобы придать полноту юпкѣ, еѣ подкладывали какой нибудь толстой матеріей, обыкновенно войлокомъ, или растягивали металлическими обручами (Springer). Всѣ эти фасоны были подражаніемъ испано-французскимъ мо-

¹ Ср. Н. А. Berlepsch. Chronik vom ehrbaren Schuhmachergewerk etc S. 116 ff.

дамъ. Какъ туземное изобрѣтеніе появились укороченныя верхнія платья съ юлкою въ мелкихъ сборкахъ и растянутою съ боковъ (фиг. 248 b). При-

Фиг. 248.

нятыя для выѣзднаго туалета, они продержались недолго и скоро исчезли. Платья съ распахнутою юлкою назывались узкими, а совѣтъмъ распахныя широкими. У послѣднихъ рукава дѣлались обыкновенно узкіе и короткіе, или даже одни только буфы на плечахъ вмѣсто рукавовъ, иногда однакожь и очень длинныя, доходившіе до-полу, съ боковыми проймами для рукъ. Хотя эти платья застегивали только у ворота, но дѣлали ихъ съ пуговицами вдоль всего борта, и при богатой вообще отдѣлкѣ, шерѣдко подбивали мѣхомъ. Они тоже просуществовали недолго и уже въ семидесятыхъ годахъ встрѣчались весьма рѣдко. Узкія или полураспахныя платья, во всемъ сходныя съ современными французскими (фиг. 216 а—с; 217 b; 226 а; 227 bc), сохранили ту особенность, что никогда не дѣлались со шлейфомъ, который въ Германіи вообще составлялъ исключительную принадлежность вънчального и параднаго костюма. — Металлическіе обручи и проволока, которыми растягивали юлку вмѣсто полосъ войлока, употреблявшихся прежде для этой цѣли, были нововведеніемъ, которое повидимому не заслужило особеннаго одобренія серьезныхъ людей. Подъ юбки подкладываютъ обручи

Фиг. 249.

(Springer), чтобы онѣ топырились во все стороны и сидѣли бы колоколомъ, замѣчаетъ Штраусъ; а Озіандеръ (1586 г.) выражается такъ: совѣтъ новая выдумка, говоритъ онъ, распяливать подолы юбокъ старыми корзинами (т. е. камышемъ отъ старыхъ корзинъ) или даже проволокой, что прежде дѣлалось войлокомъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Магдебургѣ въ 1585 г. и еще ранѣе въ Цюрихѣ, юбки на обручахъ были прямо запрещены. Тѣмъ не менѣе ихъ все-таки продолжали носить и не только не уменьшали ихъ объема, но къ концу столѣтія, слѣдуя вновь появившейся во Франціи модѣ, еще болѣе увеличили его (фиг. 229 а. б).

Фиг. 250.

Покрой лифа и рукавовъ почти со всеѣмъ неизмѣнился. Лифъ, удлиненный спереди мысомъ, дѣлался съ небольшимъ четырехугольнымъ вырѣзомъ, который всегда закрывался плотнымъ полотнянымъ воротникомъ съ фрезой. Иногда сверхъ лифа носили родъ спенсера, который охватывалъ талію въ видѣ широкой ленты доходившей до груди и спереди зашнуровывавшейся или застегивавшейся на крючки (фиг. 248 а). У рукавовъ измѣнялись только плечевые буфы, которые дѣлались то выше, то ниже, то круглѣе, то плосче, и т. д. (фиг. 248 ab; фиг. 249; ср. фиг. 217 b; 226 ab; 227 c). Вообще же объемъ ихъ зависѣлъ отъ объема фрезы: чѣмъ шире становилась фреза, тѣмъ меньше дѣлались буфы.—Мода на большія фрезы тоже не избѣжала порицаній. Паче всего—говоритъ Озіандеръ—заимствовали мы отъ иноземцевъ и выучились у нихъ дѣлать большія и толстыя фрезы изъ дорогаго тонкаго полотна. Фрезы эти крахмалятъ и гладятъ горячимъ утюгомъ. И щеголяетъ иная красивой фрезой, хоть рубашка на ней и толстая. Такую фрезу подкладываютъ серебряной или другой какой проволокой чтобы она прямо держалась, какъ подпираютъ столбами развѣсистыя липы: такъ одна мода родитъ другую.

Goller или Koller — паридный воротникъ, о которомъ говорилось выше (стр. 68) продолжали носить и теперь при небольшой фрезѣ или въ его первоначальной формѣ пелерины (фиг. 242 b), или въ формѣ короткаго плащика съ тугими, торчащими складками (фиг. 250 b), или наконецъ въ формѣ безрукавной курточки (фиг. 249). Эти курточки и были тѣ «Schäublein и Herznäpplein, обрѣзанныя по поясъ», которые такъ не нравились тогда Штраусу.

Съ закрытымъ платьемъ или съ платьемъ съ распашною юшкою надѣвали всегда фартукъ. Его дѣлали обыкновенно полотняный, но также и изъ черной шолоковой матеріи и отдѣлывали вышивками, прошивками и обшивками. Отдѣлка эта становилась постоянно богаче и наконецъ доведена была до такой роскоши, что и противъ нея издавъ былъ законъ. Такія же ограждающія мѣры были приняты и противъ излишне-роскошной отдѣлки носовыхъ платковъ (Facillettein, отъ итальянскаго: fazzoletto), которые теперь заняли важное мѣсто въ женскомъ туалетѣ. Въ Магдебургѣ около 1583 г. была установлена цѣна платкамъ для каждаго сословія. Это относилось главнымъ образомъ къ очень дорогимъ платкамъ, которыми, по пришему обычаю, дарили другъ друга обрученные.

То обстоятельство, что въ шѣмецкихъ книгахъ о костюмахъ (Trachtenbücher), даже изданныхъ около 1600 г., указывается какъ на особенность итальянскихъ женщинъ, что онѣ носятъ кальсоны, заставляетъ предполагать, что употребленіе этой принадлежности туалета было мало распространено между шѣмцами женщинами. Но чулки — сначала, какъ это было и вездѣ, сшитые, а въ концѣ семнадцатаго вѣка вязаные — онѣ носили почти всѣ и притомъ очень нарядные, такъ какъ ихъ упрекали за то что онѣ слишкомъ ярко вышиваютъ стрѣлки на своихъ чулкахъ, даже «лиліями». Разумѣется не менѣе нарядны были и подвязки, которыми такіе чулки подвязывали.

Относительно обуви можно замѣтить лишь то, что она принимала тѣ же формы какъ и мужская, и что дамы, подобно мужчинамъ, носили сверхъ башмаковъ туфли (Trippen, какъ ихъ называли); испанскіе же, а позднѣе и во Франціи введенные башмаки на высокихъ подошвахъ имъ не нравились.

Плащъ, который надѣвали только для защиты отъ непогоды, измѣнился въ общемъ весьма мало. Лѣтній плащъ, изъ легкой матеріи, дѣлался весь въ мелкихъ продольныхъ складкахъ, безъ воротника и съ плотно охватывавшимъ шею воротомъ. Въ дурную погоду его накидывали на голову, для чего верхній край плаща иногда подкладывали проволокой или китовымъ усомъ, такъ что онъ растягивался надъ головой въ родѣ зонтика. Зимніе плащи дѣлались изъ толстой матеріи или на мѣху, и съ большимъ воротникомъ, стоячимъ или отложнымъ, который совершенно закрывалъ голову (фиг. 250 a).

На головѣ носили баретъ и чепецъ или чахолъ (Haarhaube), каждый отдѣльно или оба вмѣстѣ. Женскій баретъ, постоянно уменьшаясь въ объемъ подобно мужскому, превратился къ концу 60-хъ годовъ въ модную круглую шапочку (фиг. 248 a; фиг. 249), и въ очень малыхъ размѣровъ шляпу (фиг. 250 a). «Переняли мы отъ итальянцевъ — жалуются

одинъ современникъ — маленькія бархатныя шляпочки (kleine sammetine Hütlein); ихъ носятъ женщины не для того чтобы покрывать ими голову, а единственно для красоты и щегольства: онѣ такъ малы, что не покрываютъ и четвертой части головы». Эти шляпы отдѣлывали золотыми и серебряными шнурами, жемчугомъ, драгоценными камнями и перьями. Такимъ же образомъ (кромѣ перьевъ) убирала и чепцы (Haarhaube), которые покрывали всю голову, или оставляли наружѣ только волосы на вискахъ (фиг. 249; 250a). Кромѣ того носили еще шапочки съ мѣховою опушкой (фиг. 250 b), широкія богато отдѣланныя повязки (фиг. 248 a), и простые полотняные чепцы, а съ 1580 г. уже давно принятые во Франціи круглыя шапки съ углубленіемъ надъ лбомъ (фиг. 226 b; 227 b).

Вуаль (Stürze) снова получилъ значеніе, съ тѣхъ поръ какъ закутыя себя вошло въ моду и стало считаться признакомъ скромности. Вуали носили изъ тонкой, но не всегда прозрачной черной и бѣлой матеріи, иногда также желтого и свѣтлыхъ цвѣтовъ, съ серебряными и золотыми полосками.

Волосы въ большинствѣ случаевъ совѣмъ прятали подъ чепчикъ, если же оставляли открытыми на вискахъ, то завивали ихъ локонами или зачесывали гладкими руло (фиг. 249; 250 a). Даже невѣсты при вѣнчальномъ нарядѣ не всегда носили волосы распущенными, а заплетали ихъ въ косы и обвивали вокругъ головы (фиг. 248 a). Въ шестидесятыхъ годахъ дѣвушки средняго класса стали причесываться по крестьянски, т. е. заплетали волосы въ двѣ косы, которыя спускали вдоль спины (фиг. 248 b). Эта прическа скоро сдѣлалась модной; у кого собственные волосы были жидки, тѣ носили фальшивыя косы; явилось даже особенное предпочтеніе къ бѣлокурымъ волосамъ, и породило искусственное измѣненіе природнаго цвѣта волосъ. Это бѣленіе волосъ (Bleichen), какъ его называли, и накладныя косы навлекли на женщинъ не мало рѣзкихъ упрековъ въ суетности. Такъ продолжалось до 1585 г., когда вошедшія въ моду большія фрезы заставили щеголихъ отказаться отъ косъ и принять высокую французскую прическу. — Очень любимымъ головнымъ украшеніемъ, особенно при празднествахъ, были вѣнки изъ живыхъ или искусственныхъ цвѣтовъ. — Ношеніе масокъ не нашло себѣ сочувствія у нѣмецкихъ женщинъ.

Траурный костюмъ обоехъ половъ сталъ еще строже. Цвѣтъ его остался по прежнему черный; у женщинъ впрочемъ допускался бѣлый вуаль. Въ началѣ траура носили длинный черный плащъ съ капюшономъ (Gugelkarpe), который спускался на лицо, почти совѣмъ закрывая его; затѣмъ надѣвали менѣе длинный плащъ съ капюшономъ выкроеннымъ такъ, что онъ закрывалъ нижнюю часть лица, а глаза и носъ оставлялъ наружѣ; наконецъ такой же плащъ, но безъ капюшона, и на головѣ шляпу. Въ 1560 г. Матвѣй Шварцъ (см. выше) носилъ по богатомъ негоціантѣ аугсбургскомъ, Антонѣ Фуггерѣ, траурный костюмъ, состоявшій изъ длиннаго волочащагося плаща съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, чернаго наглухо застѣгнутаго камзола и высокой шляпы. Женщины надѣвали тоже длинный черный плащъ и закрывали себѣ лицо вуалью. Если же онѣ замѣняли вуаль повязкой, то обертывали ею голову вплоть до глазъ и длинные концы ея, доходившіе до земли, распускали спереди одинъ возлѣ другаго.

Щегольство дорогими матеріями и украшеніями не только не уменьшилось, но постоянно усиливалось, несмотря на всё ограничительные законы, и если роскошь вообще никогда не доходила въ Германіи до такихъ размѣровъ, какъ въ другихъ странахъ, то сравнительно была всё таки очень значительна. «Теперь всякій мѣщанинъ, всякій мастеровой и работникъ поровить одѣться въ бархатъ и шелкъ; плись и простое сукно кажутся имъ уже недовольно нарядными. У иныхъ мужа и жены всего какихъ нибудь десять гульденовъ за душой, а платья на нихъ надѣто на двадцать или на тридцать гульденовъ на каждомъ». — Распространенію щегольства между людьми небогатыми много содѣйствовало развитіе различныхъ производствъ, доставлявшихъ сравнительно недорогія, хотя и менѣе доброкачественныя матеріи: бархатныя, шелковыя, полотняныя и т. д. Высокодобротныя матеріи стоили и теперь очень дорого, а нѣкоторыя изъ нихъ, напр. протканныя золотомъ или серебромъ бархатъ и атласъ, стали такъ рѣдки, что ихъ можно было достать съ большимъ трудомъ и только за очень дорогія деньги. Мѣха, запросъ на которые постоянно возрасталъ, тоже значительно вздорожали даже и въ скандинавскихъ земляхъ. Шведскій король, Іоаннъ III, приказалъ въ 1573 году всемъ фогтамъ (Vögten) Норланда купить и доставить въ королевскую мѣховую казну всё сорты бѣличьихъ и горнастаевыхъ мѣховъ. — Въ восьмидесятихъ годахъ стала распространяться между высшими классами французская мода щеголять не только богатствомъ костюмовъ, но и возможно частою переменою ихъ, вслѣдствіе чего имѣть отъ двадцати до тридцати различныхъ костюмовъ съ соответствующимъ количествомъ шляпъ, перчатокъ и проч. стало считаться въ исходѣ столѣтія не болѣе какъ только приличнымъ. — Главную отдѣлку платья составляли вышивки: вышивались цвѣты, гирлянды, буквы, имена и девизы, послѣдніе обыкновенно на груди или на одномъ изъ рукавовъ, чаще всего на правомъ. Богато отдѣланный костюмъ стоилъ до 600 и болѣе талеровъ. Цвѣтъ костюма, преимущественно мужского, измѣнился сравнительно съ прежнимъ: всё свѣтлыя и яркія краски (кромѣ бѣлой) замѣнились въ немъ темными — черною, коричневою, сѣрою, темнофіолетовою и т. д.

Менѣе развито было щегольство въ Швейцаріи. Орелли пишетъ о Цюрихѣ: «Здѣшнія женщины склонны къ нарядамъ; онѣ любятъ богатые шелковыя и бархатныя платья и украшенія. Но такъ какъ случаи надѣвать ихъ представляются рѣдко, то часто бываетъ, что мать оставляетъ свое нарядное платье дочери, а та передаетъ его своей дочери. При нарядномъ платьѣ женщины носятъ на шеѣ и вокругъ пояса тяжелыя золотыя цѣпи, которыя у очень богатыхъ осыпаны жемчугомъ и драгоценными камнями. При домашнемъ платьѣ цѣпи эти серебряныя и у хозяйки дома на нихъ висятъ ключи, а у дочерей — ножницы»... «Если позволяютъ средства, хозяйка дома старается заготовить какъ можно больше бѣлья, и когда она заготовила его въ достаточномъ количествѣ, тогда мужъ покупаетъ ей золотую цѣпочку — она должна беречь ее на чорный день»... «Золотыя вещи и наряды, перешедшіе по наслѣдству отъ родителей и дѣдовъ, считаются въ семьѣ какъ свидѣтельство ея благосостоянія и цѣнятся выше, чѣмъ вновь купленные... Жена зажиточнаго ремесленника не позволить себѣ надѣть уборъ, какой носить равная ей по средствамъ жена дворянина или

чиновника; её удерживаетъ отъ этого не столько запрещеніе, сколько нѣ-котораго рода совѣстливость.... Зажиточный горожанинъ, если онъ не дво-ришинъ и не членъ совѣта, не носитъ шелковыхъ и бархатныхъ платьевъ и дорогихъ мѣховъ; но ихъ не носятъ и дворяне и ратсгеры, если они не богаты, и всё таки ничего не теряютъ отъ этого въ уваженіи со-гражданъ». —

Самостоятельныя украшенія, или различныя украшающія принадлежности туалета, стали разнообразнѣе. Къ существовавшимъ уже вещамъ прибави-лись какъ совершенно новыя — поясные часы (Gürteluhren), небольшія зеркальца, флаконы и золотыя коробочки для духовъ, которыя всѣ привѣшивали къ поясу, разнаго рода медальоны, головные обручи съ привѣсками и т. п. Но важнѣе было не столько увеличеніе числа этихъ вещей, сколько постоянно совершенствовавшееся ихъ исполненіе. Каждый мастеръ старался изобрѣсти что нибудь новое и воплотить соответствующее назначенію вещи. Другіе художники, живописцы и рисовальщики, принимали также участіе въ этихъ изобрѣтеніяхъ. Составленные ими рисунки или проекты украшеній они издавали въ гравюрахъ и политинажахъ или отдѣль-ными листами, или книгами, такъ наз. Kunstbücher, которыми могли пользоваться и руководиться и менѣе способные. Въ матеріалѣ не было не-достатка. Кромѣ вышеупомянутыхъ, вновь изобрѣтенныхъ вещей, пояса съ ихъ принадлежностями, шейныя цѣпочки, ожерелья, аграфы, головныя бу-лавки, серьги, чотки, кольца и перстни, ножницы, рукояти книжаловъ и мечей, оправы всякаго рода, представляли обширное поле изобрѣтательности и искусству мастеровъ. Особенный интересъ представляли вещи назначаемыя для подарковъ, такъ какъ было принято придавать имъ какой нибудь алле-горическій смыслъ. Звѣзда и розетка, каждая отдѣльно или соединенныя посредствующими звеньями, эмальированныя звѣзды, золотыя, рубиновыя, брилліантовыя розы, цѣпочки изъ брилліантовъ, коралловые, брилліантовые, жемчужные цвѣты, листья, вѣтки, кресты, сердца, и т. п. были самыми изысканными украшеніями. За весьма рѣдкими исключеніями, даже и самые знатные и богатые люди имѣли ихъ у себя въ очень небольшомъ коли-чествѣ. Въ этомъ отношеніи нѣмцы далеко отстали отъ французовъ и испанцевъ, какъ ихъ упрекали въ склонности къ роскоши и подража-тельности. Доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ драгоцѣнныя вещи принцессы Анны Прусской (1594) стоили 14,633 марокъ, а вещи единственной дочери ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, Вильгельма (1589), оцѣнивались только въ 420 гульденовъ. — употреблеііе косметическихъ средствъ, въ особенности женщинами, распространялось всё болѣе и болѣе. Изготовленіемъ ихъ занимались преимущественно аптекари, изъ которыхъ иные печатали рецепты своихъ составовъ въ особыхъ книжкахъ — *Recept-bücher*. Эти книжки содержали въ себѣ наставленія какъ приготовить румяна, краску для волосъ, зубные порошки, различныя эссенціи для сохра-ненія цвѣта лица, благовонныя мыла для бороды и головы, масла, спирты (*Aquaviten*), розовую и другія благовонныя воды и духи. Для составленія духовъ рекомендовались особенно мускусъ и амбра. Духи носили при себѣ или въ видѣ порошка въ шелковыхъ мѣшечкахъ, или въ формѣ шариковъ такъ наз. *Poma-ambrä*, *Bisam* — и *Thesemknöpfchen*, составъ кото-

рых измѣнялся для каждаго времени года. Употребленіе духовъ было чрезвычайно распространено: ими пропитывали не только платье, но и всѣ принадлежности туалета — перчатки, носовые платки, вѣеры, вѣнки и пр.

Постановленія властей относительно сословныхъ различій костюма оставались также безплодны, какъ и принимаемыя ими мѣры для ограниченія роскоши. Даже въ Швейцаріи и Скандинавскихъ земляхъ, гдѣ высшія сословія отличія соблюдались сравнительно строже, они начинаютъ быстро сглаживаться съ послѣдней четверти столѣтія, и шведскій король Юаншъ III, въ короткій промежутокъ четырехъ лѣтъ, издаетъ два новыхъ постановленія (1585 и 1589), которыми мѣщанству воспрещалось носить бархатъ и шолкъ «чтобы отъ этого не поднялись они въ цѣнѣ, такъ какъ и дворянство имѣетъ въ нихъ пужду, а теперь перѣдко должно довольствоваться меньшимъ количествомъ бархатныхъ и шолковыхъ платьевъ, чѣмъ мѣщанство,» и т. д. Но ничто не помогало. И здѣсь, какъ и вездѣ, каждое сословіе старалось ни въ чемъ не отстать отъ другихъ, даже отличиться передъ ними насколько возможно. Герцогъ въ своей Страсбургской хроникѣ, издавшей въ 1592 г., говоритъ по этому поводу: «Въ концѣ концовъ, всякій старается теперь перещеголять другихъ платьемъ и почетомъ, въ особенности тѣ, кому это не подобаешь. Этимъ порокомъ заражены всѣ, отъ высшихъ до послѣдняго крестьянина. Потому-то и идетъ вездѣ такая неурядица».

Италія.

Въ Италіи переходъ костюма къ новымъ формамъ совершался очень медленно. Несмотря на постоянныя сношенія съ Испанією, Францією и Германією, тамъ долго еще продолжали держаться прежде усвоенныхъ формъ даже и въ такихъ городахъ, какъ Венеція, Римъ, Флоренція. Нѣкоторая уступчивость иноземному вліянію стала замѣчаться въ костюмѣ не ранѣе 30 годовъ, но и она долго еще выражалась не столько въ подражаніи чужому, сколько въ постепенномъ отрѣшеніи отъ издавна принятаго. — Страсть итальянскихъ женщинъ къ дорогимъ матеріямъ и богатымъ уборамъ нисколько не уменьшалась, а скорѣе усиливалась, благодаря развитію и усовершенствованію производствъ доставлявшихъ эти и другіе предметы роскоши. Между тѣмъ и здѣсь не было недостатка въ законахъ противъ роскоши, которые, однакожъ, оказывались такъ же мало дѣйствительными, какъ и вездѣ.

Измѣненіе началось съ мужского костюма. Сохраняя усвоенный ему покрой, онъ постепенно освободился отъ всѣхъ причудливыхъ излишествъ и прикрасъ которыми былъ обремененъ, какъ то сборокъ, зубчатыхъ краевъ, прорѣзокъ и буфовъ (фиг. 133—135). Затѣмъ произведены были нѣкоторыя измѣненія и въ самомъ покроѣ. Кафтаны, какъ глухіе (т. е. нераспаханные) съ прямымъ или четырехугольнымъ воротомъ (фиг. 129, 136), такъ и распаханные съ высокимъ воротомъ (фиг. 127 с), стали уже въ лифѣ такъ что почти не дѣлали на немъ складокъ, которыя остались только на юбкѣ, и то въ меньшемъ противу прежняго количествѣ (фиг. 251 а фиг. 238 b). Обѣ формы ворота остались, но предпочтеніе отдавалось

четыреугольному, который теперь стали углублять до половины груди и закладывать тонкимъ нагрудникомъ съ круглою фрезю. Фасонъ рукавовъ измѣнился мало: узкіе во всю длину руки или съ буфами отъ плеча до локтя были самыя употребительныя (фиг. 127 с; 128 а—с). Всѣ дальнѣйшіе фасоны были видоизмѣненіями послѣдняго и состояли въ томъ, что буфы удлинялись иногда до кисти и потомъ перехватывались въ нѣсколькихъ мѣстахъ образуя двойные, тройные и т. д. буфы (фиг. 251 а);

Фиг. 251.

или же по длинѣ ихъ дѣлались прорѣзы, которые закладывались цвѣтною латерією; или наконецъ они совсѣмъ отдѣлялись отъ рукава и превращались въ самостоятельныя верхнія полу — или цѣльные рукава, которые пбыкновенно дѣлались разрѣзные и застегивались на одну или нѣсколько луговиць (фиг. 251 b; ср. фиг. 128 а—с). Впрочемъ прорѣзы встрѣчались теперь рѣдко и то лишь на груди и сшинѣ, и въ очень умѣренномъ количествѣ. Ихъ замѣнила отдѣлка поперечными или продольными полосами различной ширины, промежутки между которыми заполнялись шитьемъ (фиг. 251 а). Но и эта отдѣлка была скоро оставлена и сохранилась только въ видѣ бордюра по краямъ и швамъ кафтана (фиг. 251 b).

Точно также прорѣзы почти совсѣмъ исчезли и съ панталонъ, какъ длинныхъ, такъ и короткихъ, если же ихъ иногда и дѣлали, то располагали съ такимъ вкусомъ, что они дѣйствительно казались украшеніемъ (фиг. 251 а). Подкладывали ихъ цвѣтною шелковою матерією и еще лучше тонкимъ полотномъ.

Обувь приняла и здѣсь расширенную форму (фиг. 251 а. b), которая однакожъ никогда не доходила до уродливой ширины, и вдобавокъ была скорѣ оставлена и замѣнена прежнею формою, болѣе сообразною съ строеніемъ ногъ.

Длинная и широкая одежда осталась почти совершенно такою же, какою и была. Единственная переменъ состояла въ томъ, что теперь носили только верхнюю длинную одежду, надѣвая её сверхъ обыкновеннаго платья, а не верхнюю и нижнюю вмѣстѣ. Не вездѣ впрочемъ было такъ. Въ Венеціи напр. высшіе классы одѣвались не иначе, какъ въ длинную одежду верхнюю и нижнюю. Носили эти одежды различнаго цвѣта, но мало по малу для отличія отъ официальной одежды, цвѣтъ которой былъ установленъ для каждой должности, стали носить ихъ обѣ одного цвѣта — чорнаго.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о плащахъ и другихъ накидкахъ. Всѣ они сохранили свои прежнія формы плаща (фиг. 136) и болѣе короткой безрукавной одежды съ проймами по бокамъ, въ родѣ нѣмецкой *Shaube* (фиг. 127 с). Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ, какъ въ Венеціи, еще носили длинную и широкую одежду, плащъ былъ собственно говоря лишній и потому его надѣвали рѣдко. Но тамъ, гдѣ обыкновенная (не официальная) одежда была короткаго и узкаго покроя, напр. въ Миланѣ, Римѣ и Неаполѣ — городахъ наиболѣе подверженныхъ иностраннымъ вліяніямъ, плащъ сдѣлался необходимою одеждою.

Изъ головныхъ уборовъ постепенно исчезли одинъ за другимъ: головныя повязки съ длинными концами (фиг. 126 а. b), шляпы съ завороченными полями (фиг. 124 с; 135), высокія шапки (фиг. 132 е), капуцы и подушкообразные наголовники, въ видѣ кольца. Впрочемъ эти послѣдніе, въ болѣе красивой формѣ и уменьшенныхъ размѣрахъ, долго еще оставались въ употребленіи подъ названіемъ *balzo* (фиг. 251 а); затѣмъ остались безъ измѣненія простыя шапочки (фиг. 128 с; 129), бареты (фиг. 125—127), и низкія узкополюя шляпы (фиг. 1346). Новаго въ этомъ отношеніи не прибавилось ничего; только въ тридцатыхъ годахъ появились плоскія шапки съ узкимъ отогнутымъ кверху околышемъ и родъ колпаковъ, оплетенныхъ шнуркомъ на подобіе сѣтки.

Въ женскомъ костюмѣ измѣненіе началось замѣною длинныхъ, волочащихся и широкихъ платьевъ (фиг. 143 а—d) платьями болѣе короткими, доходившими только до полу и неимѣвшими шлейфа, распашными во всю длину или только начиная съ талии (фиг. 143 е; 144 а. b). Шлейфы однакожъ не были совсѣмъ оставлены, но размѣры ихъ значительно уменьшены, такъ что очень длинный шлейфъ даже и у параднаго платья сталъ теперь рѣдкимъ исключеніемъ. Платье скроенное цѣльно, то есть не отдѣляя юбки отъ лифа (фиг. 143 с), предпочиталось раздѣльно скроенному. Покрой лифа не измѣнился, точно также и вырѣзъ лифа сохранилъ свою прежнюю четырехугольную форму, ставъ можетъ быть лишь нѣсколько глубже. Шею и грудь обыкновенно оставляли обнаженными, а иногда закрывали пелеринами изъ тонкой матеріи, спереди открытыми и по краямъ обшитыми красивой оборкой, или совсѣмъ раскрытыми и съ фрезой, какъ у мужчинъ (ср. фиг. 251 а). — Рукава стали проще и однообразнѣе и приняли форму приближающуюся къ мужскимъ, съ буфами постепенно уменьшающимися отъ плеча къ кисти. Рукава нижняго платья стали дѣлать теперь очень узкими и также какъ рукава верхняго платья обшивать манжетами (разумѣется если они были на виду). — Отдѣлка платьевъ шитьемъ,

вышивками и металлическими украшеніями въ формѣ пуговицъ, застежекъ и т. п. стала богаче, также какъ и различныя принадлежности костюма, напримѣръ пояса, вѣеры (въ видѣ шолковаго черыреугольнаго флага, или изъ перьевъ), отдѣлывались еще роскошнѣе чѣмъ прежде.

Въ женскихъ головныхъ уборахъ произошло тоже самое что и въ мужскихъ: многія формы ихъ исчезли, другія еще держались, но лишь затѣмъ чтобы вскорѣ уступить мѣсто новымъ. Къ этимъ доживавшимъ формамъ принадлежали высокіе цаголовники изъ тонкой матеріи на проволочномъ станкѣ (*gabbie*), рогатыя повязки и подобныя мужскимъ кольцо-образныя валики: *balzi* (фиг. 151 а; ср. фиг. 137 а; 138). *Balzi* держались дольше всѣхъ, какъ и у мужчинъ, но вмѣстѣ съ прочими формами были вытѣснены шапочками, шапками и чепцами. Впрочемъ, употребленіе головныхъ покрывшекъ всякаго рода въ смыслѣ уборовъ, постоянно уменьшалось, а всё болѣе входило въ обычай ходить съ открытой головой и красоваться ея природнымъ украшеніемъ. Вслѣдствіе этого появились самыя разнообразныя прически, различавшіяся даже по мѣстностямъ. Всѣ онѣ сводились впрочемъ къ двухъ типамъ: косъ обвитыхъ вокругъ головы, и локоповъ. Голову убрали нитями жемчуга, подвѣсками изъ оправленныхъ въ золото драгоценныхъ камней и просто золотыми обручами, вѣнками, бантами. Вуаль получилъ тоже значеніе головнаго украшенія. Наконецъ явился и модный цвѣтъ волосъ—бѣлокурый, а вмѣстѣ и средства измѣнять въ него темные волосы. Ношеніе масокъ было довольно распространено.

До сихъ поръ измѣненія костюма, какъ мужского такъ и женскаго, состояли главнымъ образомъ въ переработкѣ его прежнихъ формъ съ очень слабымъ заимствованіемъ чужеземныхъ. Но съ половины столѣтія вліяніе этихъ послѣднихъ начинаетъ проявляться гораздо рѣшительнѣе, сначала, конечно, въ большихъ городахъ — Миланѣ, Римѣ, Флоренціи, Неаполѣ, которые находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, а отсюда распространяется и далѣе. Иноземныя, или вѣрнѣе французскія формы, такъ какъ преобладающее вліяніе осталось за ними, были однакожь приняты въ Италіи не безусловно, а съ значительными ограниченіями, такъ какъ всё несоотвѣтствовавшее народному вкусу было изъ нихъ выдѣлено и удержано многое изъ своего, что, вмѣстѣ съ случайными сближеніями съ нѣмецкими формами, дало въ результатѣ формы болѣе свободныя чѣмъ тѣ, по которымъ онѣ образовались. Такъ было во всей Италіи, кромѣ областей завятыхъ французами и испанцами, гдѣ испанскія или французскія моды были приняты въполнѣ, по крайней мѣрѣ высшими классами, и Венеціи и южной Италіи, въ которыхъ старинный костюмъ сохранился долѣе чѣмъ гдѣ нибудь.

Въ мужскомъ костюмѣ закрытые кафтаны со широкимъ воротомъ и сборною юпкою (фиг. 251 а) исчезли уже ранѣе названнаго выше времени; остались распаханные кафтаны и такія же куртки, тѣ и другія на пуговицахъ (фиг. 252 ab). По французской модѣ ихъ дѣлали на стеганой подкладкѣ, вслѣдствіе чего они получили большую полноту и грудь у нихъ удлинилась, не принимая однакожь такой уродливой формы какъ у французскихъ и голландскихъ кафтановъ (ср. фиг. 223 и 232). Кафтанъ мало по

малу былъ вытѣсненъ курткой и остался лишь у среднихъ классовъ и какъ официальная одежда нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, напр. оруженосцевъ (*scudieri*) венеціанскаго дожа (фиг. 252 а). Куртка для выхода дѣлалась съ выпускомъ вокругъ талии, въ родѣ очень укороченныхъ фалдъ, а для дома безъ выпуска (фиг. 252 б). Какъ кафтанъ, такъ и куртку носили обыкновенно застегнутыми до верху. Рукава были вообще узки, расширяясь нѣсколько у плечъ, но буфы (фиг. 251) были совсѣмъ оставлены. Иногда нашивали на плечахъ узкіе валики, но это дѣлалось рѣдко. Прорѣзъ больше не дѣлали. Только молодые люди носили иногда кафтаны или куртки съ прорѣзами на груди. Большихъ фрезъ и маншетъ, какъ во Франціи, не носили, а вмѣсто нихъ небольшіе гладкіе воротники и нарукавники (фиг. 252 б).

Погн одѣвали въ трико и полуштаны, короткіе до половины бедра и короче, или болѣе длинныя до колѣна. Въ первомъ случаѣ ихъ носили по французской модѣ, въ видѣ двухъ болѣе или менѣе туго набитыхъ валиковъ (фиг. 252 а); во второмъ они походили на нѣмецкія *pumphosen* (фиг. 252 б) умѣренной ширины. Обѣ эти формы были одинаково употребительны, но предпочтеніе отдавали простымъ широкимъ полуштапамъ по колѣно, которые иногда отдѣлывали цвѣтными наискось нашитыми полосками, усаженными рядомъ мелкихъ пуговокъ. *Pluderhose* итальянцы предоставляли нѣмцамъ и швейцарцамъ, не замѣтывая отъ нихъ также и широкихъ *Schlumperhose* (фиг. 225).—Башмаки носили на довольно толстой подошвѣ и съ низкими каблучками; на подъемѣ нашивали бантъ или розетку.

Длинные и широкіе одѣянія оставались при этомъ почти во всеобщемъ употребленіи и безъ всякаго измѣненія въ покроѣ (фиг. 120 а б). Въ Ломбардіи—правовѣды и врачи, а въ Венеціи сверхъ того еще дворяне, носили и верхнюю и нижнюю одежды длинныя, т. е. тунику и таларъ (*Zimarra*). Купцы и мѣщане большею частью одинъ таларъ (сверхъ обыкновеннаго костюма). У знатныхъ венеціанцъ одежды эти были шелковыя чернаго цвѣта. Таларъ, зимою на мѣху, дѣлался распашной и застегивался у ворота. По старинному обычаю съ нимъ носили столу (фиг. 120 б) — широкую ленту перекинутую черезъ правое или лѣвое плечо, смотря по сану и званію.

Вмѣсто плащей съ капюшономъ стали теперь входить въ употребленіе плащи съ широкимъ отложнымъ воротникомъ (пелериной) и широкими рукавами. Люди, проводившіе большую часть времени на открытомъ воздухѣ, носили плащи съ воротниками доходившими до колѣнъ и длиннѣе. Накидки въ родѣ нѣмецкой *Schaube* стали дѣлать тоже съ довольно широкимъ отложнымъ воротникомъ (шалью) и прямыми рукавами (фиг. 252 а). Для зимы ихъ подкладывали мѣхомъ, также какъ и плащи. Высшія сословія, въ особенности знатная молодежь, носили кромѣ того плечевые плащи испано-французскаго фасона, лишь нѣсколько длиннѣе и просторнѣе, для того чтобы красивѣе ими драпироваться. Изъ перечисленныхъ одеждъ слѣдуетъ прибавить, мало отличавшіяся отъ нихъ покроємъ, болѣе легкія распашныя одежды различной длины съ рукавами или безрукавныя, и въ томъ числѣ длинный таларъ изъ суконной матеріи на шелковой подкладкѣ, съ короткими или иногда съ

висячими разрѣзными рукавами, употреблявшійся исключительно для домашняго костюма (фиг. 252 б).

Изъ прежнихъ головныхъ уборовъ весьма немногіе удержались до конца столѣтія или далѣе, и то лишь у среднихъ и высшихъ классовъ, большая же часть уже гораздо ранѣе уступили мѣсто баретамъ и круглымъ шляпамъ съ узкими полями, которые въ свою очередь были почти совершенно вытѣснены въ шестидесятыхъ годахъ испано-французскими шляпами

Фиг. 252.

и плоскими или коническими шапками съ узкимъ околышемъ (ср. фиг. 208 и 209). Высшія сословія постоянно носили такъ называемый *tozzo* — сборчатую круглую шапку (фиг. 252 а; ср. фиг. 220). Легкія шапочки въ родѣ феса употребляли теперь только въ домашнемъ обиходѣ (фиг. 252 б; ср. фиг. 128 с; 134 с).

Въ причeskѣ и ношеніи бороды высшее общество сначала слѣдовало испанской модѣ, но съ семидесятыхъ годовъ стали носить бакенбарды, обыкновенно кругло подстриженные. Молодые люди носили или одни бакенбарды или одни усы, а старики полную бороду.

Еще ограниченнѣе было вліяніе иностранныхъ формъ на женскій костюмъ, даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ которыя находились подъ властью Испаніи и Франціи. Такая устойчивость его можетъ быть отчасти объяснена и большею отчужденностью итальянскихъ женщинъ, преимущественно дѣвицъ, отъ публичности, отъ мужского общества, отчужденности, которая стала нѣсколько ослабѣвать только въ исходѣ столѣтія. Полною свободою въ этомъ отношеніи пользовались однѣ только куртизанки (*cortigiane*), игравшія впрочемъ очень видную роль въ общественной жизни большихъ городовъ, Венеціи, Флоренціи и Рима. Честныя женщины и дѣвушки, и въ особен-

ности знатныхъ фамилій (какъ это между прочимъ было замѣчено и Монтэнемъ, 1533 — 1592),¹ сидѣли дома, иногда показываясь у окна или на балконѣ, и только очень рѣдко выѣзжали въ театръ или на прогулку. Съ мужскимъ обществомъ онѣ встрѣчались лишь на придворныхъ празднествахъ, но даже и на нихъ, во время стола, дамамъ прислуживали ихъ мужья, которые становились позади ихъ стульевъ.

Монтэнъ, которому прославленная красота итальянокъ пришлось не совѣтъ по вкусу, не могъ помириться и съ свободнымъ, широкимъ покроємъ ихъ одежды. Привыкнувъ къ французскимъ обтянутымъ платьямъ, онъ нашелъ что у итальянокъ лифъ недовольно плотно охватываетъ талью, не довольно отчетливо обрисовываетъ ея контуры, и что мужчины въ Италиі слишкомъ любятъ полные женскіе бюсты. Но и онъ, также какъ и Брантомъ, не могъ не сознаться что итальянки превосходятъ француенокъ въ граціи и умѣньи одѣваться. Онъ нашелъ ихъ манеру держать себя (*contenance*) достойнѣе и граціознѣе (*a plus de majesté, de mollesse et de douceur*), складки ихъ одеждъ живописнѣе, ихъ уборы и отдѣлку ихъ костюма драгоцѣннѣе, чѣмъ у француенокъ. Хотя въ отношеніи драгоцѣнности украшеній и отдѣлки платьевъ француженки и испанки едва ли уступали итальянкамъ, но безспорно, что послѣднія превосходили и тѣхъ и другихъ изяществомъ вкуса. Менѣе всего нравились имъ широко-растянутыя юшки на фижахъ. Послѣднихъ онѣ вовсе не носили, а замѣняли нѣсколькими, надѣтыми одна на другую юсками, слегка накрахмалеными.

Покрой платья измѣнился мало. Верхнее платье выкраивалось по прежнему цѣльнымъ, безъ отдѣленія лифа отъ юбки. Какъ видоизмѣненіе его, появилось короткое распашное на пуговицахъ верхнее платье, съ особеннымъ вырѣзомъ ворота и фасономъ рукавовъ. Но этотъ покрой остался мѣстнымъ. Короткія верхнія платья носили исключительно въ Падувѣ, Брешии, Болоньи и Неаполѣ; — въ первыхъ трехъ городахъ они дѣлались до половины ногъ, съ тальей или безъ нея и распашныя; въ Неаполѣ — немного ниже колѣнъ, безъ талии и съ застежками на юпкѣ. — Воротъ вырѣзывался широко и дугою, талья, вообще длинная, спереди удлиннялась мысомъ, иногда округленнымъ (фиг. 253). Лифъ носили спереди раскрытый (особенно въ Венеціи: фиг. 254), съ подложеннымъ подъ него нагрудникомъ съ шнуровкою; или же онъ дѣлался закрытый до верха (фиг. 253) и съ высокимъ накрахмаленымъ воротникомъ (въ Тосканѣ), или съ прорѣзами по бокамъ и съ рядомъ пуговокъ спереди (въ Фріаулѣ). — Различные фасоны рукавовъ верхняго и нижняго платья остались; удержались даже и вздутые рукава съ перехватами (фиг. 253). Но покрой верхнихъ рукавовъ (которые рѣдко надѣвались на руку, а служили собственно для красоты) сталъ весьма разнообразенъ. Въ Римѣ ихъ носили очень длинныя до земли, разрѣзные и къ низу суживающіеся; въ Брешии такой же длины и формы, но неразрѣзные; въ Бергамо — длинныя до земли, съ разрѣзами до локтя или во всю длину, и съ пуговицами вдоль разрѣза; во Флоренціи тоже

¹ Michel de Montaigne. Journal du voyage en Italie par la Suisse et l'Allemagne. A Rome et se trouve à Paris 1774.

такіе длинныя, но шире, съ разрѣзами и на мѣху; въ Копильяно — короче и уже; въ Неаполѣ — до колѣнъ и съ разрѣзомъ отъ плеча до кисти. Въ

Фиг. 253.

Фиг. 254.

Венеціи эти рукава утратили свою пастоящую форму и превратились въ длинныя и узкія полосы (фиг. 257). Круглыя валики на плечахъ значи-

Фиг. 255.

Фиг. 256.

тельно уменьшились въ объемѣ и въ послѣдствіи были замѣнены обшивкою изъ кружевъ (фиг. 254, 255, 258).

Собственно верхнія одежды, помимо нѣкоторыхъ неважныхъ различій, все приближались къ типу плаща или мантии. Въ Неаполѣ это были длинныя распашныя накидки съ широкими рукавами; въ Римѣ — настоящіе плащи безъ рукавовъ; въ Генуѣ — большіе платки, накидывавшіеся на одно плечо и на другомъ застегивавшіеся пряжкой (фиг. 255); въ Сіенѣ — длинныя и очень широкія накидки, въ которыя завертывались съ головой; въ Брешии и Бергамо — такія же накидки, иногда изъ тонкой прозрачной матеріи (фиг. 256), связанныя нижними своими концами спереди; въ Венеціи — родъ длинныхъ распашныхъ кафтановъ, съ узкими проймами для рукъ, для зимы обыкновенно на мѣху (фиг. 257).

Фиг. 257.

Обувь измѣнялась тѣмъ менѣе, что ее все болѣе старались не показывать. Брантомъ¹ замѣтилъ, что итальянскія дамы, подобно испанкамъ, тщательно прятали свои ноги. Это происходило отъ того, что все онѣ изъ желанія казаться выше, носили башмаки на высокихъ колодкахъ, высота которыхъ доходила до одного фута, иногда и болѣе. Эта обувь была такъ распространена, что встрѣчая даму въ обществѣ трудно было судить о ея естественномъ ростѣ (ср. фиг. 254). Нѣкоторыя изъ богатыхъ куртизанокъ носили такіе высокіе подбашмачники, что не иначе могли ходить въ нихъ какъ поддерживаемыя подъ руки служителями. Отличны отъ такихъ башмаковъ были башмаки на высокихъ подошвахъ, надѣвавшіеся сверхъ обыкновенныхъ въ дождливую погоду (фиг. 255). Одновременно съ распространіемъ высокой обуви, возрастало и употребленіе кальсоновъ и чулокъ, въ особенности между куртизаниками, которыя обратили эти скромныя принадлежности туалета въ богатый, бросающійся въ глаза нарядъ² (фиг. 258). Кальсоны дѣлали преимущественно изъ цвѣтного шелка или бархата и по краямъ и швамъ отдѣлывали шитьемъ или обшивали узорчатымъ бордюромъ. Чулки носили только бѣлые, изъ очень тонкой прозрачной ткани, которая особенно отличнаго качества изготовлялась во Флоренціи.

Что касается головныхъ уборовъ, то какъ уже было сказано выше, употребленіе ихъ значительно уменьшилось, но не вездѣ въ одинаковой сте-

¹ Dames galantes I, 342. — ² Въ королевскомъ кабинетѣ гравюръ въ Берлинѣ есть несколько изображеній итальянскихъ куртизанокъ, очень хорошей итальянской работы конца 16-го столѣтія. Одежды написаны отдѣльно и наложены на фигуры такъ одна на другую такъ, что каждую изъ нихъ можно отворачивать. Отворотивъ верхнее платье видишь цвѣтные кальсоны и бѣлые чулки; если отогнуть кальсоны, то оказывается — отсутствіе сорочки. Это послѣднее можетъ казаться достаточнымъ на дѣломъ свидѣтельствомъ того, что еще и въ шестнадцатомъ столѣтіи употребленіе сорочки въ нашемъ смыслѣ было далеко не всеобщимъ даже и между людьми состоятельными, а что и они болѣею частью ложились спать совершенно раздѣтыми. Ср. къ этому А. Berlepsch. Chronik vom ehrbaren und uralten Schneidergewerk. S. 134 и (объ обычаяхъ спать нагишомъ) J. Scheible. Die gute alte Zeit etc. II, 740.

пени. Въ иныхъ мѣстахъ они были почти совсѣмъ оставлены, въ другихъ удержались только нѣкоторыя ихъ формы и даже нашли себѣ доступъ иностранныя. Въ южной Италіи, Сардиніи, Флоренціи и Сіенѣ, для защиты отъ солнца продолжали носить широкія соломенные шляпы¹. Въ этихъ же двухъ городахъ, также какъ въ Пизѣ, Неаполѣ и Миланѣ, кромѣ соломенныхъ шляпъ, изъ прежнихъ головныхъ уборовъ остались чепцы и шляпы

Фиг. 258.

съ круглою тульею, и были приняты французскія шляпы и высокіе бареты (tozzo), совершенно похожіе на мужскіе, съ тою только разницею, что ихъ надѣвали иногда (преимущественно въ Сіенѣ) сверхъ наброшеннаго на голову покрывала. Но и во всѣхъ этихъ мѣстахъ по примѣру прочихъ областей, особенно Венеціи, большинство женщинъ предпочитало ходить съ непокрытою головою, или только накрывать её вуалемъ.

Относительно прически, одинъ изъ современниковъ (Vecellio) замѣчаетъ, что въ 1550 г. вошло въ обычай носить длинныя локоны и обычай этотъ просуществовалъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Но и въ теченіи этого времени конечно не всѣ причесывались одинаково, а измѣняли пріятную прическу

какъ кому лучше правилось², такъ что должны были появиться множество разновидностей ея и переходныхъ формъ, отъ простыхъ завитковъ вокругъ лба (фиг. 259) и гладкого или слегка взбитаго пробора съ зачесаннойверху косою (фиг. 253; 256) до разнообразнѣйшихъ комбинацій этихъ двухъ причесокъ съ длинными локонами и банто. Необходимую принадлежность каждой прически, какова бы она не была, составляли различныя украшенія, напр. жемчужныя напизки, цвѣтные камни, золотыя подвѣски или tremolì, искусственные или натуральныя цвѣты, небольшіе вѣнички съ зубцами въ формѣ лилій и т. д. Изъ различныхъ причесокъ всегда одна какая нибудь выбиралась предпочтительно передъ остальными и становилась на время модною, не только въ мѣстѣ ея происхожденія, но и внѣ его. Въ Римѣ напр. носили волосы гладко зачесанными назадъ, съ перехваченною лентою косою и вуалемъ, или расчесанные на обѣ стороны волосы взбивали кверху, убирали жемчугомъ, позументами и т. п., охватывали золотымъ обручемъ и на самой макушкѣ прикалывали серебряными будавками бантъ изъ широкихъ лентъ, концы которыхъ спускались по спинѣ. Эта прическа называлась сапасса. Въ Веронѣ, также и въ Падуѣ, Мантуѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Ломбардіи, волосы на вискахъ взбивали тупею,

¹ B. de Brantôme. Dames galantes I, 117; 203. — ² Ср. рисунки въ упомянутомъ въ началѣ главы сочиненіи Джіов. Гуэрра.

по сторонамъ заплетали въ бандо, которые укладывали спирально вокругъ ушей, а сзади зачесывали вверхъ и украшали бантомъ; въ Романъ ихъ мелко завивали, а косу свертывали въ высокій конусъ, и покрывали либо длинною сѣткою спускавшеюся до плечъ, либо вуалемъ; въ Венеціи по обѣимъ сторонамъ головы дѣлали изъ волосъ два коническихъ возвышенія а косу свертывали въ широкій узелъ, изъ котораго иногда выпускали нѣсколько локоновъ (фиг. 254; 258). Эта прическа, которою носившія её дамы хотѣли подражать богинѣ Цѣломудрія, представляемой съ полулуніемъ на до лбомъ, сдѣлалась самою любимою во всей Италіи. Съ половины столѣтія стала распространяться и въ Италіи мода на бѣлокурые и золотистые волосы, возникшая тоже въ Венеціи, гдѣ уже давно темноволосыя дамы открыто упражнялись въ искусствѣ измѣнять натуральный цвѣтъ своихъ волосъ въ бѣлокурый. По словамъ Вечелліо, это бѣленіе волосъ производилось ими, не безъ значительнаго неудобства, на плоскихъ крышахъ домовъ. Въ бѣлой длинной одеждѣ (*schiavonetto*), окруживъ голову, для защиты лица и шеи отъ солнца, широкимъ соломеннымъ ободомъ, онѣ садились на самое жгучее солнце, и держа въ одной рукѣ зеркало, другою мочили себѣ, съ помощью прикрѣпленной къ рукоятки губки, висящія черезъ соломенный ободъ волосы тѣкимъ растворомъ. Эту операцію онѣ повторяли ежедневно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, пока волосы ихъ не принимали желаемого цвѣта (для чего обыкновенно требовалось нѣсколько мѣсяцевъ). У кого волосы были очень жидки, тѣ носили фальшивыя косы или парики.

Не менѣе разнообразна была и манера носить вуаль (*fazzuolo*). Вуаль дѣлался обыкновенно изъ прозрачной бѣлой или черной, шолковой или льняной ткани и по краямъ обшивался кружевами, блестками и т. п. Размѣры его были очень различны: носили вуали въ которые можно было заворачиваться съ головы до ногъ. Носили его или накинутый на голову, или на плечи, на подобіе плаща (ср. фиг. 256), или приколотый къ косѣ, что особенно любили молодыя дѣвушки и что къ нимъ очнь шло (фиг. 259). Въ многихъ мѣстахъ Ломбардіи, особенно въ Падугѣ, нижніе концы вуаля съ обѣихъ сторонъ приподнимали и завязывали или скрѣпляли пряжкою на поясѣ; въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Конильяно, его пропускали подъ правую или лѣвую руку и пристегивали на противоположномъ плечѣ, какъ плащъ; и т. д. — При постепенномъ возрастаніи употребленіи настоящихъ масокъ изъ чернаго бархата или шолка, во многихъ мѣстахъ еще оставалось въ обычаѣ закрывать себѣ лицо четверугольнымъ кускомъ чернаго крепа, повязаннымъ на лобѣ.

Фиг. 258.

Перчатки, бѣлыя или свѣтлыхъ цвѣтовъ, носовые платки (*fazzoletti*), съ вышитыми или отдѣланными кружевомъ краями, опахала, какъ прежнихъ формъ, такъ и складныя, поясныя сумки, коробочки и флаконы для духовъ и т. п. вещи продолжали по прежнему составлять существенную принадлежность полного дамскаго туалета (ср. фиг. 253 и слѣд.). Къ нимъ были прибавлены— блохоловы, состоявшіе изъ шкурки какого нибудь пушнаго звѣрка (бѣлки, хорька и пр.), болѣе или менѣе красиво отдѣланной, которую носили на цѣпочкѣ¹, и (исключительно для зимняго времени) муфты цилиндрической формы, подложенныя или отороченныя мѣхомъ.

Какъ ни умѣренны въ своихъ издержкахъ были итальянскія женщины въ домашнемъ быту, онѣ тѣмъ не менѣе старались отличиться богатствомъ своихъ нарядовъ всякій разъ, когда имъ можно было показываться публично. Вечеліо сообщаетъ, что въ Венеціи благородныя дамы, приглашенныя участвовать въ празднествахъ даваемыхъ въ честь иностранныхъ высокопоставленныхъ особъ, могли одѣваться какъ кому пришло, что при другихъ обстоятельствахъ имъ запрещалось существовавшими постановленіями. Это началось съ необыкновенно блестящихъ празднествъ, которыя были предложены Генриху III въ проѣздъ его чрезъ Венецію (1574) на пути изъ Польши во Францію, гдѣ его ожидалъ трюфъ, — и главнымъ образомъ съ того изъ этихъ празднествъ, для котораго были собраны въ большомъ залѣ городского Совѣта до двухъ сотъ знатнѣйшихъ и красивѣйшихъ дамъ города. Всѣ онѣ явились одѣтыми въ бѣлое и своею граціею и блескомъ своихъ туалетовъ совершенно очаровали короля и его спутниковъ. — Иногда дамы заставляли вышивать на своихъ парадныхъ платьяхъ различныя эмблемы, которыя онѣ сами сочиняли. Такъ напр. одна знатная красавица въ Павіи явилась на большомъ балѣ въ голубомъ атласномъ платьѣ, на которомъ были вышиты, въ предостереженіе ся безчисленнымъ обожателямъ, зажженныя свѣчи и летающія вокругъ нихъ бабочки, нѣкая уже съ опаленными крыльями, — и каждому кто спрашивалъ её о значеніи такого страннаго украшенія, объясняла его съ шаловливой откровенностью². — Пожилыя женщины одѣвались конечно и при подобныхъ случаяхъ проще и скромнѣе, а дома обыкновенно ходили въ черномъ платьѣ, не шелковомъ и не бархатномъ, а шерстяномъ, или камлотовомъ, съ короткимъ шлейфомъ, но съ открытою или полуоткрытою шеєю; голову накрывали чернымъ вуалемъ.

Одежда куртизанокъ (*cortigiane*) почти вездѣ была опредѣлена постановленіями, которыя однакожъ онѣ всеми мѣрами старались обходить и успѣвали въ этомъ. По указу Пія V (1566—1572), куртизанки въ Римѣ, для отличія отъ честныхъ женщинъ, не иначе могли показываться на улицахъ, какъ въ длинномъ шелковомъ платьѣ съ надѣтой сверху него нераспашной верхней одеждой изъ черной саржи (*roscia*), подпоясанной широкимъ кушакомъ, и съ длиннымъ до пояса вуалемъ на головѣ, спущеннымъ на лобъ вплоть до глазъ и завязаннымъ на груди. Въ Болоньѣ одежду ихъ составляло длинное распашное верхнее платье безъ талии, на груди застегнутое, съ

¹ Ср. Hefner von Alteneck, *Trachten des christlichen Mittelalters* III. Tafl. 103; 104. — ² B. de Brantôme. *Dames galantes*. I, 130.

умѣренно широкими разрѣзными рукавами, завязанными бантами, и черный платок накинутый на голову и заколотый подъ подбородкомъ. Въ другихъ мѣстахъ онѣ одѣвались опять иначе. Но и въ Римѣ, гдѣ за ними особенно строго наблюдали, онѣ постоянно нарушали предписанныя правила, а по смерти Пія V и советѣмъ перестали подчиняться имъ, а одѣвались по собственному вкусу, большею частью также богато, какъ дамы знатнѣйшихъ фамилій. Въ другихъ городахъ было тоже самое, такъ что касавшіяся ихъ постановленія были оставлены въ силѣ только для простыхъ публичныхъ женщинъ, содержимыхъ въ домахъ терпимости и потому болѣе доступныхъ надзору. Монтанъ нашолъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ куртизанокъ въ Венеціи, и въ числѣ ихъ стоятъдесять такихъ, которыя жили такъ роскошно, какъ принцессы; а самыхъ бѣдныхъ и наименѣе привлекательныхъ во Флоренціи. Здѣсь онѣ выходили къ дверямъ своихъ домовъ, тогда какъ въ Венеціи и Римѣ онѣ показывались только въ окнахъ. Болѣе всего удивился онъ умѣнью римскихъ куртизанокъ скрывать свои природныя недостатки и придавать еще болѣе очарованія своимъ прелестямъ. Тома Гарцони (Thomaso Garzoni), внимательный наблюдатель своихъ соотечественниковъ, въ своемъ подробномъ изображеніи куртизанокъ, касается и этой ихъ стороны¹: «Иногда видишь такую сударыню (madonna) стоящую у окна съ задумчиво склоненною головою; волосы у нея спереди подняты вверхъ, на шеѣ золотая цѣпь, на рукахъ браслеты, пальцы всѣ въ кольцахъ, въ ушахъ жемчужныя серьги, въ рукѣ цвѣты, и вся она такъ разряжена и расписана, что глазъ нехочется отъ нея отвести» и т. д.

Траурная одежда обоихъ половъ была черная, за немногими исключеніями которыя себѣ позволяли изрѣдка женщины. Мужчины носили длинный плащъ (въ началѣ траура съ шлейфомъ) и круглую шапку, вмѣсто бархатнаго пояса — кожаный, и вмѣсто башмаковъ сандалии (ср. фиг. 126 а. б). Въ Венеціи и въ большихъ городахъ Ломбардіи, мужская траурная одежда состояла изъ длиннаго и широкаго распашнаго кафтана, на груди застѣгнутого, съ широкими суживающимися книзу рукавами и длиною пелериною; на головѣ баретъ обвитый крепомъ. — У женщинъ траурный костюмъ состоялъ изъ длиннаго плаща и длиннаго чернаго вуаля на головѣ. Но уже около 1500 г. въ Венеціи многія женщины вмѣсто траурнаго плаща носили длинное платье изъ черной камки, бархата или шолка, и подъ нимъ другое цвѣтное, обыкновенно темнокоричневое, а иныя и вовсе не надѣвали траура, а одѣвались какъ обыкновенно. Вдовы носили вуаль и накидку, у которой спереди были нашиты бѣлыя полосы, а на плечахъ по куску желтой матеріи; голову покрывали чепцомъ изъ бѣлаго газа; въ Венеціи вдовы одѣвались советѣмъ въ черное, безъ всякихъ украшеній. Свое намѣреніе снять трауръ онѣ выражали тѣмъ, что къ траурному платью пришивали шлейфъ; а тѣ которыя располагали снова вступить въ бракъ, надѣвали какое нибудь украшеніе и спускали нѣсколько съ головы своей вдовій вуаль.

Поселяне одѣвались различно, смотря по мѣстностямъ. Вблизи большихъ городовъ, особенно въ Верхней Италіи, деревенскія женщины одѣвались по

¹ Th. Garzoni piazza universale. Schauplatz aller Professionen, Künste, Handwerke etc. Aus dem Italienischen übersetzt. Frankfurt 1641 (mit vielen Holzschnitten von J. Amman). S. 682 sq.

городски. Монтанъ съ удивленіемъ рассказываетъ, что въ окрестностяхъ Флоренціи и Лукки поселенки одѣваются какъ благородныя дамы, также граціозно танцуютъ какъ тѣ, и что у нихъ щегольская обувь и прекраснѣйшія соломенные шляпы. Въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ городовъ, онѣ одѣвались частью по старинному обычаю, частью носили костюмъ представлявшій смѣшеніе старинныхъ формъ съ новыми. Во многихъ мѣстностяхъ южной Италіи женщины носили туникоподобное платье съ рукавами узкими или широкими, закрытый или открытый спереди корсетъ, сверхъ юбки родъ фартука расшитаго узорами, соломенную шляпу съ высокою тульею и широкими опущенными полями, на ногахъ короткіе кальсоны и башмаки, или ходили босыми. Въ окрестностяхъ Пезаполя, въ Гаэтѣ и на островахъ Искіи, Прочидѣ и Капри, женскій костюмъ сохранился и до сихъ поръ такимъ какимъ онъ былъ въ разсматриваемое время. — Мужской костюмъ состоялъ тоже изъ туникоподобнаго или распахнутаго кафтана съ рукавами различной ширины, отчасти, какъ въ окрестностяхъ Рима и въ Верхней Италіи, изъ узкой куртки, широкихъ короткихъ шароваръ, и короткаго плаща; на ногахъ чулки и тяжелые башмаки или саногі; на головѣ острокопечная шляпа.

III. польша, венгрія и россия.

Постоянныя внутреннія смуты и опустошительныя набѣги крымскихъ татаръ, почти непрекращавшіеся въ продолженіи пятнадцатимаго царствованія короля Александра (до 1506), довели Польшу до печальнаго состоянія, которое отражалось на всей ея государственной и общественной жизни, равно какъ и на костюмѣ ея обитателей. Господствовавшее въ послѣднемъ нѣмецкое вліяніе было ослаблено усиливающимся вліяніемъ восточныхъ формъ. Склонныя отъ природы къ вѣшнему блеску, Поляки тѣмъ охотнѣе усвоивали эти формы, что вкусъ къ нимъ былъ развитъ въ нихъ прежними ихъ сношеніями съ восточными народами и не менѣе послѣднихъ любившими роскошь Венграми. Усвоеніе это совершилось конечно не вдругъ. Почти непрекращавшіяся войны, которыя вела Польша при Сигизмундахъ I (1506—1546) и II (1546—1572) съ Татарами и Русскими, вмѣстѣ съ возстановленіемъ при Сигизмундѣ I внутренняго порядка и усиленіемъ государства покореніемъ Валахіи (1551) и присоединеніемъ всей Литвы, вліяніемъ своимъ на поднятіе народнаго духа, содѣйствовали образованію костюма вполне соответствовавшаго характеру народа. Потому-то, установившійся разъ, костюмъ польскій оставался долгое время недоступнымъ никакимъ вѣшнимъ вліяніямъ. Да и обстоятельства по смерти Сигизмунда II сложились такъ, что вліянія эти не могли имѣть мѣста. Выбранный въ короли польскіе французскій принцъ Генрихъ Валуа (1574) царствовалъ всего четыре мѣсяца, а преемникъ его Стефанъ Баторій (1574—1586) Трансильванскій самъ одѣвался по польски. Поэтому, когда преемникъ его Сигизмундъ III, принцъ

шведскій (1586—1632), задумалъ по возвращеніи своемъ изъ Швеціи, гдѣ онъ наследовалъ корону, ввести при своемъ дворѣ нѣмецкіе обычаи, то это удалось ему сдѣлать лишь въ тѣсномъ кругу его приближенныхъ, да и въ немъ по отношенію къ природнымъ полякамъ въ сущности только принудительно.

Въ своей установившейся теперь формѣ мужской костюмъ представлялъ нѣчто среднее между прежнимъ національнымъ и восточнымъ костюмомъ (фиг. 260; 261 а).

Фиг. 260.

Кафтаны (журанъ), замѣнившій камзолъ, соответствовалъ (руско-) татарскому кафтану. Вначалѣ такой же длинный, какъ и тотъ, онъ постепенно былъ укороченъ до колѣнъ и даже выше ихъ. Онъ былъ распашной, съ длинными умеренной ширины рукавами, и дѣлался изъ узорчатой шелковой матеріи или парчи. Носили его обыкновенно застегнутымъ на груди до пояса, или только подпоясаннымъ, или советмъ нараспашку съ отвороченными полами, концы которыхъ назадъ связывались (фиг. 260 а). Иногда вмѣсто него надѣвали родъ широкой куртки (kamiselka), доходившей до половины бѣдръ и имѣвшей короткіе рукава (ср. фиг. 260 с).

Верхнюю одежду составляли длинные и широкіе кафтаны съ рукавами (suknā) и накидки тоже съ рукавами или безрукавные. Последнія сохранили издавна усвоенный имъ западноевропейскій покррой (фиг. 261 а), между тѣмъ какъ первые измѣнились на восточный манеръ. Впослѣдствіи ширина ихъ нѣсколько уменьшилась и первоначально широкіе и длинные

рукава ихъ были укорочены до локтя, по старославянскому обычаю, но сами они сохранили свою восточную длину до ступней и восточный способъ застегиванья съ помощью шнурковъ и пуговицъ (фиг. 260 а); кромѣ того ихъ изготовляли по восточному обыкновению изъ цвѣтной матеріи (большею частью сукна), и подбивали и опушали мѣхомъ.

Съ этими широкими и длинными восточными кафтанами продолжали носить западноевропейскіе, плотно обтягивавшіе ногу длинныя панталончулки,* (фиг. 260 с; 261 а) и только въ исходѣ столѣтія начали ихъ замѣнять, слѣдуя западнымъ обычаямъ, узкими же короткими панталонами и чулками (фиг. 260 а). — Обувь состояла изъ башмаковъ и полусаножекъ цвѣтной или узорочной кожи, на высокихъ каблукахъ или безъ каблуковъ.

Головные покрывшки представляли опять смѣшеніе восточныхъ и туземныхъ формъ. Это были высокія островерхія шапки съ мѣховымъ околышемъ (фиг. 260 в. с), и цилиндрическія плоскодошныя шапки, въ родѣ старославянскаго клобука, съ околышемъ или безъ него. Тѣ и другія украшали пучкомъ соколиныхъ или цаплиныхъ перьевъ.

Восточное вліяніе отразилось и на манерѣ носить волосы: вошло въ обычай голову брить совершенно, какъ татары и турки, оставляя лишь

Фиг. 261.

небольшую прядь волосъ на макушкѣ; усы, напротивъ того, по старинному туземному обыкновению, отращивали длинныя, бороду брили, или носили небольшую остроконечную подстриженную бородку.

* Т. е. одѣвавшіе и голень и всю ступню, какъ чулки.

Женскій костюмъ, въ противоположность мужскому, видоизмѣнялся самъ изъ себя, оставаясь свободнымъ отъ иноземныхъ вліяній, не только восточныхъ, но и западныхъ (фиг. 261 b. c). Всѣ измѣненія его состояли лишь въ томъ, что лифъ, который теперь кроился отдѣльно отъ юбки, стали дѣлать тѣснѣе, съ глубокимъ треугольнымъ вырѣзомъ и узкими рукавами вмѣсто прежнихъ широкихъ (фиг. 261 b), и еще въ томъ, что къ нему были прибавлены короткія накидки, отчасти въ формѣ широкой куртки съ широкими разлѣзными полурукавами (фиг. 261 c), отчасти въ формѣ пелерини довольно сходной съ нѣмецкимъ Goller (фиг. 261 b). На головѣ носили плоскія или высокія кольцеобразныя шапки, простыя и мѣховыя. Волосы заплетали въ косы, которыя обвивали вокругъ головы и закрывали челомъ (замужнія женщины), или носили спущенными вдоль спины (дѣвушки). — Въ исходѣ столѣтія дамы высшихъ сословій начинаютъ обращаться къ западноевропейскимъ модамъ, даже заимствуютъ отъ нихъ широкія юбки на фишкахъ.

Положеніе Венгріи по смерти Владислава II (1516) было также неутѣшительно, какъ и Польши. Послѣ того какъ Людвигъ II за непринятіе предложеннаго ему Солиманомъ II перемирія понатился потерю Далмаціи и Бѣлграда, а вскорѣ затѣмъ и жизнью въ сраженіи при Могачѣ (1526), турки сдѣлались распорядителями судебъ Венгріи и вліяніе ихъ на нее продолжалось не ослабѣвая до смерти Солимана (1566). При послѣдникахъ его, Селимѣ II (до 1574), Мурадѣ III (до 1595) и Мухаммедѣ III (до 1603), Максимилиану (1562—1576) и Рудольфу I (до 1612) удалось освободить страну отъ притѣсненій турокъ, но вліяніе послѣднихъ успѣло укорениться настолько прочно, что уже не могло быть совершенно изглажено. Оно до такой степени вѣдрилось въ народъ, что въ исходѣ столѣтія была сложена пѣсенка, въ которой говорилось «что во всемъ римскомъ государствѣ нѣтъ народа, который былъ бы такъ похожъ во всемъ на турокъ, какъ венгерцы».

Венгерцы дѣйствительно многое переняли у турокъ; но одежда ихъ, уже съ самаго начала имѣвшая восточный характеръ, подъ турецкимъ вліяніемъ могла только сдѣлаться похожѣе на собственно турецкую.

Знатные Венгры въ началѣ столѣтія носили длинныя и широкіе кафтаны безъ тали, съ шнурами и пуговицами на груди для застегиванья (фиг. 262), и съ длинными рукавами, которые они насучивали на руку складками. У верхняго кафтана, обыкновенно подложеннаго мѣхомъ, на рукавахъ иногда дѣлались прорѣзы, въ которые просовывали руки. Вмѣстѣ съ этими длинными одеждами носили также и болѣе короткія и узкія, похожія на польскія, съ узкими рукавами доходившими только до кисти руки (фиг. 265 a. c). Впослѣдствіи эти послѣднія одежды сдѣлались наиболѣе употребительными, а широкія и длинныя остались лишь въ значеніи официальной парадной одежды. Еще позднѣе вошли въ употребленіе настоящіе польскіе кафтаны съ короткими до локтя рукавами, какъ это видно по портрету Стефана

Фиг. 262.

Баторія отъ 1576 г. (фиг. 264). Всѣ эти кафтаны (верхніе) носили на

Фиг. 263.

мѣху и большею частію съ большими мѣховыми воротниками, не смотря на время года. Носили также, слѣдуя въ этомъ турецкому обыкновенію,

родъ короткихъ плащей изъ тигровыхъ шкуръ, скроенныхъ или въ нату-
ральному ихъ видѣ (фиг. 265 с).

Эти плащи, обыкновенно подла-
женные и отороченные цвѣтною
матерію, застегивали золотыми
застежками.

Штаны или панталоны Вен-
герцы, подобно Полякамъ, носили
на европейскій манеръ. Въ
этомъ отношеніи они ничего не
замѣтывали отъ Турокъ, а скорѣе
сами Турки, по крайней мѣрѣ
нѣкоторые изъ нихъ, были ихъ
подражателями (см. ниже).

Обувь состояла изъ цвѣтныхъ
башмаковъ и высокихъ по колѣ-
но сапоговъ съ широкими голени-
щами (фиг. 265 в).

Головные покрывшки были
очень разнообразны — простыя
повязки, капуцы, высокія и низкія
шапки съ мѣховымъ околышемъ
или мѣховыя (фиг. 262; 265б),
преимущественно же плоскодонныя
шапки съ завороченнымъ кверху,
спереди или съ боковъ разрезаннымъ
околышемъ, украшенныя

Фиг. 264.

Фиг. 265.

перьями (фиг. 263; 265 а). Благородные носили на шапкахъ большею частью

(по турецкому обыкновению) одно перо, очень широкое и такое длинное, что оно спускалось до половины спины.

Волосы, которые еще въ началѣ столѣтія носили умѣренной длины (фиг. 262), стали въ послѣдствіи брить, также какъ Турки, Татары и Поляки, оставляя подобно послѣднимъ короткую прядь на макушкѣ. Бороду нѣкоторые брили, оставляя одни усы, другіе, слѣдуя старому обычаю, носили полную бороду.

Ко всему этому надобно прибавить, что Венгры любили шеголять оружіемъ, которое считали лучшимъ украшеніемъ, и потому почти всегда носили на себѣ. Эта любовь къ оружію не была имъ сообщена турецкимъ вліяніемъ, а составляла одну изъ ихъ народныхъ особенностей.

Женскій костюмъ — насколько позволяютъ судить немногія изображенія его изъ конца столѣтія — подобно польскому женскому костюму остался свободенъ отъ восточнаго или турецкаго вліянія, а скорѣе обнаруживалъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ приближеніе къ западноевропейскимъ, именно нѣмецкимъ, формамъ.

Уже выше было сказано, что Русскіе сохранили свой старинный костюмъ почти безъ всякихъ измѣненій до начала осьмнадцатаго столѣтія, а въ южныхъ областяхъ отчасти и до настоящаго времени (ч. I. стр. 259). Дальнѣйшее подтвержденіе этому находимъ, между прочимъ, въ описаніи путешествія барона Сигмунда Герберштейна, совершеннаго имъ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка¹, а для первой половины семнадцатаго столѣтія, подробныя замѣтки объ этомъ предметѣ, собранныя Адамомъ Олеаріемъ въ предпринятомъ имъ тогда путешествіи въ Московію и Персію². Эти замѣтки мы и приводимъ здѣсь словами автора, въ дополненіе къ сообщенному нами выше и какъ объясненіе нѣкоторыхъ наглядныхъ изображеній изъ шестнадцатаго вѣка*: «Одежда мужчинъ Русскихъ почти похожа на Греческую: они носятъ рубашки широкія, но короткія, едва достигающія до сидѣнья и безъ отложнаго ворота около шеи; на спинѣ, внизъ отъ плечъ, подшивается подкладка, въ видѣ треугольника, вышитаго краснымъ шолкомъ, у нѣкоторыхъ подъ мышками, и снизу по обѣимъ сторонамъ, вышиваютъ довольно красиво ластовицы изъ красной тафты. У богатыхъ воротъ рубашки шириною въ дюймъ, разрѣзъ напередѣ и рукава вышиты разноцвѣтными шелками, иногда же золотомъ и жемчугомъ, и въ такомъ случаѣ рукава эти выпускаютъ изъ-подъ рукавовъ кафтана; въ томъ мѣстѣ гдѣ воротникъ рубашки сходится, пришиваются двѣ жемчужныя, серебряныя или золотыя, застежки. Штаны или порты носятъ они вверху широкіе, собран-

¹ S. v. Herberstein. Rerum Muscoviticarum commentarii. Antwerpiae 1557 (Нѣмецк. переводъ Г. Панталеона изд. въ Баденѣ 1563). — ² A. Olearius. Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung. Zum Andern mahl herausgegeben im Jahre 1656 (первое изданіе появилось въ 1647 г.)

* Нижеслѣдующее передаемъ въ переводѣ П. Барсова: „Олеарія. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію“ и т. д. Перев. съ нѣмецкаго П. Барсова Москва 1870. Стр. 159—164. Пер.

ные на тесьмѣ, на которой они распускаютъ ихъ шире или стягиваютъ уже, смотря по надобности. Поверхъ рубашки они носятъ узкіе кафтаны похожіе на наши фуфайки, только длинныя до колѣнъ и съ длинными же рукавами, стянутыми у кисти и собранными въ нѣсколько складокъ; сзади, у шеи, на кафтанѣ дѣлаются воротники, длиною и шириною въ $\frac{1}{4}$ локтя, снизу подбитые бархатомъ, а у знатныхъ парчею, и воротники эти выпускаются изъ-подъ верхнихъ кафтановъ и твердо стоятъ подъ затылкомъ. Одежду эту они называютъ кафтаномъ (Kafftan). Сверхъ этого кафтана нѣкоторые надѣваютъ еще другой, длинный до икръ, называемый у нихъ ферязью (Feres). Оба эти нижніе кафтаны шьются изъ полуситца, кишдяка, тафты, камки, или атласа, смотря по достатку. Ферязи подбиваются ватой. Сверхъ ферязи надѣвается еще болѣе длинный кафтанъ, достигающій до пятъ; но этотъ кафтанъ надѣваютъ сверхъ первыхъ двухъ только тогда, когда выходятъ со двора. Такіе верхніе кафтаны шьются вообще изъ голубо-фіолетоваго, темно-коричневаго, или темно-зеленаго сукна, а также изъ пестраго атласа или парчи (фиг. 266 а. б). — Всѣ послѣдняго рода,

Фиг. 266.

т. е. парчевые, кафтаны хранятся обыкновенно въ Великокняжескихъ кладовыхъ и ссужаются только сановникамъ и почетнымъ Боярамъ, которые наряжаются для присутствіи при торжественныхъ представленіяхъ (ср. фиг. 267).

«У верхнихъ кафтановъ назади, т. е. на плечахъ, дѣлается широкій воротникъ, спереди и по бокамъ разрѣзы обшитые золотомъ а иногда и жемчужнымъ шнуркомъ, на которомъ висятъ длинныя кисти. Рукава у этихъ

кафтановъ почти такой же длины, какъ и самые кафтаны, но чрезвычайно узкіе; надѣвая ихъ, рукава эти собираются на руки во множество складокъ, такъ что едва возможно бываетъ высунуть изъ нихъ руки наружу; иногда въ ходьбѣ рукава эти распускаются съ руки во всю ихъ длину, такъ что висятъ гораздо длиннѣ рукъ (ср. фиг. 267 а). Холопы и мошенники въ такихъ рукавахъ перѣдко скрываютъ камни, или дубинки, съ которыми нападаютъ, особенно ночью, на проходящихъ и убиваютъ ихъ.

«Русскіе все носятъ на головахъ шапки, князья и бояре, или государственные совѣтники (царскіе думные), когда выходятъ на торжественныя собранія, — изъ черной лисицы, или соболя, вышиною въ локоть ($\frac{3}{4}$ аршина);

Фиг. 267.

въ другое же время — бархатныя, на подобіе нашихъ, подбитыя черною лисицей, или соболемъ, съ небольшою опушкою изъ того же мѣха, и по обѣимъ сторонамъ обшитыя золотомъ или жемчужнымъ шнуркомъ. Простой народъ лѣтомъ носитъ бѣлыя войлочные шляпы, а зимою суконныя подбитыя обыкновеннымъ (бараньимъ) мѣхомъ шапки (Scharken).

«Все Русскіе, также какъ и Поляки, носятъ короткіе сапоги, съ длинными острыми носками, изъ юфти, или изъ персидскаго сафьяну. О кордуанѣ (греческой кожѣ) они ничего не знаютъ. Женщины, особенно дѣвицы, носятъ башмаки съ весьма высокими, въ четверть локтя каблукми, подбитыми снизу кругомъ маленькими, красивыми гвоздиками; въ такихъ башмакахъ онѣ

не могутъ и ходить много, потому что должны ступать только на цыпочки едва касаясь земли передками башмака.

«Женское платье похоже на мужское, только верхнее у нихъ шире нѣсколько, а шьется изъ того же сукна; богатая женщины обшиваютъ свои платья спереди, сверху до низу, позументами и другими золотыми тесьмами, нѣкоторыя окаймляютъ ихъ шнурками и кистями, остальные наконецъ разукрашиваютъ большими серебряными и оловянными пуговицами (фиг. 268 а, б). Наверху, у плечъ, рукава платьевъ имѣютъ отверстія въ которыя можно было бы просовывать руки, и въ такомъ случаѣ самые рукава остаются висащими. Женщины не носятъ вовсе кафтановъ, а тѣмъ болѣе четырехугольных высоко подъ затылкомъ стоящихъ воротниковъ. Рукава въ женскихъ рубашкахъ дѣлаютъ въ 6, 8 и 10 локтей, а если рубашки шьются изъ чистаго полуситца, то и длиннѣ, но узкіе и собираемые на

руки во множество складокъ. На головахъ женщины носятъ развалистыя, широкія шапки парчевыя, атласныя или камчатныя и обшитыя золотою каймой, нѣкоторыя разукрашиваютъ ихъ золотомъ и жемчугомъ съ опушкою изъ боброваго мѣху, волосъ котораго опушаютъ и закрываютъ у нихъ болѣе половины лба. Взрослыя дѣвицы носятъ большія лисьи шапки.

Фиг. 268.

«Въ прежнее время Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иностранцы, служившіе у Великаго Князя, или по торговымъ дѣламъ своимъ жившіе въ Москвѣ, должны были носить платье и всю одежду, сшитыя на русскій образецъ, для того чтобы тѣмъ оградить ихъ отъ ругательствъ и оскорбленій чернаго народа. Но назадъ тому годъ, пылкій патріархъ измѣнилъ это, и именно по слѣдующему случаю: однажды, когда въ городѣ былъ большой торжественный ходъ, въ которомъ принималъ участіе самъ патріархъ, благословляющій обыкновенно по улицамъ народъ, толнящійся вокругъ, нѣсколько нѣмцевъ, стоявшіе также въ толпѣ между русскими, отвѣчали на благословеніе патріарха не такими низкими поклонами, какъ Русскіе. Патріархъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на нихъ и узнавъ, что то были Нѣмцы, сказалъ: «Не подобаетъ недостойнымъ чужестранцамъ, по невѣдѣнію моему ихъ, получать мое благословеніе». И потому, чтобы впредь онъ могъ узнавать ихъ и различать отъ Русскихъ въ толпѣ, онъ издалъ строгій приказъ всемъ иностранцамъ, чтобы они немедленно перестали носить русскія одежды, и ходили бы въ своихъ, ихъ странъ свойственныхъ, платьяхъ. Какъ ни трудно было нѣкоторымъ изъ иностранцевъ немедленное исполненіе такого строгаго приказа, тѣмъ не менѣе, не желая навлечь себѣ несправедливости, они поспѣшили возможно скорѣе его исполнить. Многіе изъ

Вейсъ VI.

нихъ, по недостатку матерій и другихъ принадлежностей одежды, для изготовленія новаго платья, а также и потому, что портные не могли немедленно построятъ эти новыя платья, поставлены были въ затруднительное положеніе, такъ какъ обязанные ежедневною службою при царскомъ дворѣ, они не могли явиться туда не навлекши на себя неудовольствія. Поэтому каждый хватался за то что было у него ближе подъ рукою. Иные надѣли на себя отцовскія, дѣдовскія, можетъ быть даже прадѣдовскія или иныхъ друзей, платья, изъ которыхъ часть еще при Грозномъ прибыла въ Москву, вмѣстѣ съ привозомъ въ нее древнихъ Ливонцевъ, и хранилась тамъ въ сундукахъ до сего времени. Когда одѣтые такимъ образомъ, эти иностранцы прибыли въ свое собраніе, то появленіе ихъ причинило немало смѣху, не потому только, что платье на нихъ было уже старо и вышло изъ обыкновенія, но и потому что на одномъ платьѣ было уже очень широко, а на другомъ коротко и узко. Въ настоящее время всѣ иностранцы, какой землѣ они ни принадлежали бы, должны носить свои народныя платья для того, чтобы ихъ можно было отличить отъ Русскихъ».

«Въ Москвѣ живетъ князь по имени Никита Ивановичъ Романовъ, знатнѣйшій и богатѣйшій изъ бояръ послѣ царя и близкій его родственникъ, преселый бояринъ, большой любитель нѣмецкой музыки. Онъ имѣетъ особенное расположеніе не только ко всѣмъ иностранцамъ, преимущественно же къ Нѣмцамъ, но даже и къ ихъ платью, такъ что построилъ себѣ польское и нѣмецкое платье, въ которыхъ, ради своего удовольствія, и выезжаетъ иногда на охоту, не обращая вниманія на замѣчанія патріарха; но на эти равно и другія замѣчанія его, по поводу нѣкоторыхъ противурелигіозныхъ поступковъ, князь всегда давалъ короткіе и рѣзкіе отвѣты, такъ что наконецъ патріархъ долженъ былъ хитростью похитить у князя иностранныя платья, и такимъ образомъ лишить его возможности одѣваться въ нихъ....

«Они (мужчины въ Россіи) придаютъ большое значеніе длиннымъ окладистымъ бородамъ и толстымъ брюхамъ, и потому обладающіе ими пользуются большимъ почетомъ отъ другихъ.... Волосы на головѣ только одни ихъ попы или священники носятъ длинныя, распущенныя по плечамъ, всѣ же остальные коротко подстриженныя. Знатные бояре подбѣриваютъ ихъ даже бритвою и считаютъ это украшеніемъ. Но какъ скоро кто провинится въ чемъ предъ Его Царскимъ Величествомъ, или узнаетъ что онъ подъ опалой, то отпускаетъ себѣ длинныя, перасчесываемыя волосы на все время, пока бываетъ въ немилости».

«Женщины въ Россіи средняго роста, вообще стройныя, нѣжны лицомъ и сложеніемъ, по въ городахъ всѣ румянятся, и такъ грубо и замѣтно, что, глядя на нихъ, подумаешь будто кто вымазалъ ихъ рукою полною муки и потомъ кисточкой намазывалъ имъ щеки красной краской. Брови и рѣсницы они также подкрашиваютъ черною, а иногда коричневою краскою.—Замужнія женщины волосы носятъ подобранные подъ шапочкой, взрослые же дѣвочки заплетаютъ ихъ въ косы, которыя спускаютъ вдоль спины, и на концахъ ихъ вплетаютъ красныя шелковыя ленты. У дѣтей моложе 10 лѣтъ, какъ у дѣвочекъ, такъ и у мальчиковъ, волосы стригутъ на всей

головѣ, оставляя только по локону по обѣимъ сторонамъ; дѣвочки же въ отличіе отъ мальчиковъ носятъ въ ушахъ большія серебряныя или мѣдныя кольца (сережки)».

IV. турція.

Когда Мухаммедъ II (1451—1480), завоевавъ Константинополь (около 1453), завершилъ разрушеніе византійской имперіи, національное развитіе османовъ было уже давно закончено. Не смотря на то, что уже Мурадъ I Гази (1360—1389) имѣлъ въ своей власти почти всю Грецію, даже перенесъ въ 1361 г. свою резиденцію въ Адрианополь, что Баязетъ I (1389—1402) бралъ дань съ Константинополя, а Мурадъ II (1421—1451) распространилъ свои завоеванія до предѣловъ Венгріи, что самъ Мухаммедъ II, уже изъ Константинополя, угрожалъ Венеціи и Генуѣ и опустошилъ всю страну до Краины и Штиріи, и наконецъ, что Солиманъ II (1519—1599) захватилъ часть Венгріи, османы продолжали жить по стародавнему обычаю, оставаясь нечувствительными къ вліянію культуры покоренныхъ ими странъ. Какъ истые сыны Востока, они уже по природѣ своей были неспособны усвоить себѣ западную культуру и измѣнить свой образъ жизни согласно ея требованіямъ, но кромѣ того этому противились: ихъ религія — исламъ, не допускающій никакихъ отступленій даже и во внѣшностяхъ, и усиленное постоянными побѣдами сознаніе своего собственнаго воинскаго превосходства. Но если османы не поддались вліянію западныхъ народовъ, то они стали уже очень рано подражателями болѣе развитыхъ, чѣмъ они сами, народовъ Востока — Арабовъ и Персовъ¹. При Солиманѣ I (1402—1410), Музѣ (до 1413) и Мухаммедѣ I (до 1421) они окончательно овладѣли всею Малою Азіею, а побѣды Селима II (1512—1519) доставили имъ владычество надъ Египтомъ, Меккою и Мединною и отодвинули восточную границу османскаго государства до Тигра. Новопокоренныя страны представили османамъ блестящее зрѣлище чисто внѣшней пышности, и они, склонные какъ все восточные народы къ чувственнымъ удовольствіямъ и наружному блеску, сдѣлались ревностными подражателями ея. Накопленіе несметныхъ сокровищъ, доставшихся имъ въ добычу, давало имъ возможность удовлетворять этой склонности и вскорѣ дворъ ихъ повелителей превзошелъ въ пышности и великолѣпіи дворы государей арабскихъ и персидскихъ.

Также было и съ ихъ костюмомъ. Хотя достовѣрные свидѣтельства о немъ (изображенія его) имѣются лишь начиная съ конца 15-го вѣка²,

¹ Ср. Внѣшн. бытъ нар. Т. II. ч. 1. стр. 160 и слѣд. — ² Къ самымъ рѣдкимъ подобнымъ свидѣтельствамъ принадлежатъ, кромѣ отдѣльныхъ изображеній турецкаго костюма, довольно впрочемъ сомнительныхъ, на картинахъ нѣкоторыхъ итальянскихъ и нидерландскихъ мастеровъ конца 15 столѣтія, нѣсколько изображеній его исполненныхъ на мѣди и на деревѣ А. Дюреромъ и другими современными ему художниками. Изъ большого количества сочиненій содержащихъ достовѣрные описанія и изображенія его, мы назовемъ: *Die Türkische Chronica*

тѣмъ не менѣе можно кажется принять, относительно его происхожденія, что онъ образовался изъ смѣшенія и постепеннаго слитія собственной первоначальной (вѣроятно татарской) формы съ арабо-персидскими формами. Доказать этого миѣнія нельзя, но въ пользу его говоритъ почти совершенное сходство турецкаго костюма съ древнимъ арабо-персидскимъ (какъ это видно по нѣкоторымъ сравнительно очень раннимъ изображеніямъ), и еще то, что онъ, подобно послѣднему, сохранилъ свою установившуюся форму, почти безъ всякихъ существенныхъ измѣненій, до настоящаго времени (въ особенности у простаго народа). — Постановленія, которыя появлялись время отъ времени, въ особенности при Салимѣ II и его ближайшихъ преемникахъ, касались главнымъ образомъ отдѣлки одежды, менѣе ея покрою, и затѣмъ — головныхъ уборовъ, какъ вѣшнаго отличія для обозначенія званія, сана, народности и религіи.

Изъ множества матерій, изъ которыхъ изготовлялась одежда, главную роль изстари играли различныя шолковыя ткани (тафта, атласъ), шерстяныя (сукно), бумажныя, льняныя (батистъ, муслинъ) и, преимущественно со временъ Мухаммеда II, — мѣха; затѣмъ разные сорта цвѣтной кожи (сафьянъ и др.). Въ отношеніи цвѣта одежды вообще придерживались тѣхъ цвѣтовъ, которые носилъ самъ «пророкъ», именно — бѣлаго, чорнаго и зеленаго, иногда съ примѣсью краснаго. Чорный цвѣтъ впрочемъ не правился османамъ и они советѣмъ перестали носить его еще при Орконѣ, и даже султаны исключили его изъ своей собственной одежды и одежды своихъ союзниковъ. Мурадъ I и Мухаммедъ II почти всегда одѣвались въ одно бѣлое. Бѣлый и зеленый цвѣта были приняты также и для войска и какъ признакъ званія и сана; официальный костюмъ великаго визиря былъ бѣлый шолковый, муфтія — бѣлый суконный; паши трехбунчужныя одѣвались въ зеленый шолкъ, улемы, духовные и правовѣды — въ зеленое сукно.

von irem vrsprung anfang vnd regiment biss uff diese zeit sampt yrn kriegem vnd streyten mit den christen erbärmlich zu lesen. Strassburg 1508. Turkey Chronica. Glaube, Gesetz, Sitten. Von einem Siebenbürger, so da ynn der Türckey gefäncklich bracht vnd vier jar nachmals dar gewonet. Zwickau 1530. G. Antonio Menevino. Trattato de costumi e vita de Turchi. con figure 4^a. Firenze 1548. Nicolas de Nicolay. Quatre premiers livres des navigations et peregrinations orientales. à Lion 1568. (въ пѣм. перев. съ оригин. фигурами вышла въ Нюрнбергѣ 1572; въ итальянск. пер. Франц. Флори, — въ Венеціи 1580; затѣмъ въ 4^о, подъ заглавіемъ: Les navigations, peregrinations et voyages faits en la Turquie par Nic. de Nicolay Dauphinois, seigneur d'Arfeville etc. avec 60 figures au naturel etc. en Anvers 1576). E. G. Hapelio. Thesaurus exoticorum oder eine mit ausländischen Raritäten etc. wohlversehene Schatzkammer etc. Hamburg 1688. Salomo Schweigger, Reisebeschreibung aus Deutschland nach Constantinopel; mit Figuren. Nürnberg 1608. Ricaut. Beschreibung von dem jetzigen Zustand des ottomanischen Reichs; mit vielen Kupfern. 1672. Le Hay. Recueil de cent estampes représentant les différentes modes des nations du Levant, dessin. par ordre de Mr. Ferriol etc. en 1707 et 1708. Paris 1714. Muradgea d'Osseon. Tableau général de l'Empire ottoman etc. 1787. 2 vols fol. F. A. Olivier. Voyage dans l'Empire ottoman, l'Egypte et la Perse (1793—1798). Paris 1800. J. v. Hammer. Neue türkische Staatskleider-Ordnung im Jahre 1829 (in Hormayr's Archiv 1829 № 51). F. Dupré. Voyage à Athènes et Constantinople, ou collection de portraits, de vues et des costumes grecs et ottomans. Paris 1825. Recueil des differents costumes des principaux officiers etc. de la Porte etc. 96 planches. Paris. A. Alph. Galerie royale des costumes etc. de l'Empire ottoman (оба соч. безъ означ. года) Jean Brindisi. Ellicei attica. Musée des anciens costumes tures. Constantinople 1856. 19 feuilles.

Частные лица могли одѣваться въ тотъ цвѣтъ, какой имъ правился, но носить зеленый тюбанъ было и осталось неприкосновенною привилегією мировъ, потомковъ Али и единоплеменниковъ Могамеда.

Мужская одежда, также и высшихъ классовъ, состояла (и состоитъ) изъ штановъ, рубашки, камзола съ курткой или кафтаномъ, кушака, верхняго кафтана, простыхъ или двойныхъ башмаковъ и двоякаго головнаго убора.

Фиг. 269.

Штаны (дзагшинъ), которые надѣваются прямо на тѣло и завязываются или стягиваются вокругъ пояса снуркомъ съ вышитыми концами, подверглись нѣкоторому измѣненію вѣроятно еще ранѣе 16-го столѣтія и можетъ быть даже въ подражаніе западнымъ формамъ. Первоначально, вѣроятно, широкіе и длинныя, какъ у Арабовъ (фиг. 269), они были укорочены и превращены, въ особенности въ войскахъ (у янычаровъ и др.), въ умѣренно широкія полуштаны по колѣно, дополняемые чулками съ подвязками (фиг. 271; 272). Но вмѣстѣ съ этимъ ихъ продолжали носить и прежняго широкаго покроя или свободно спущенными на обувь, или собранными на снурокъ у лодыжекъ, или даже у колѣна, такъ что они спускались на ступни вздутыми, мѣшкообразными складками (фиг. 270 б). Шили ихъ изъ тонкой шолоковой матеріи, а позднѣе (какъ и нынѣ) также изъ полотна и бумажной матеріи.

Рубашка (камисъ), носимая сверхъ штановъ, доходитъ до половины икръ, иногда до лодыжекъ, и имѣетъ длинныя, большею частью широкіе, рукава. Рубашки дѣлаются изъ шолка, полотна или муслища, а также изъ тонкой полушолоковой и полубумажной полосатой ткани.

Камзолъ (субунъ), безъ воротника, доходитъ до бедръ, рѣдко ниже, спереди раскрытъ и густо усаженъ по бортамъ пуговицами; дѣлается обыкновенно изъ цвѣтнаго сукна (синяго или краснаго) и пестро расшивается или оторачивается. Камзолъ, также какъ и надѣваемая сверхъ него нѣсколько болѣе длинная и длиннорукавная куртка (суджери), вошли въ употребленіе кажется не ранѣе конца 16-го вѣка. До тѣхъ поръ вмѣсто нихъ носили, и теперь еще часто замѣняющій ихъ, длинный и широкій кафтанъ или куфтанъ, съ широкими и большею частью очень длинными, у краевъ разлѣчными рукавами (фиг. 270 а. б; 273 б; 274 а; ср. фиг. 269). Онъ дѣлается изъ довольно плотной одноцвѣтной или полосатой полу-

бумажной и полушолковой матеріи и носится или застегнутымъ на пуговицы, или просто запахнутымъ. Если не ранѣе, то съ начала шестнадцатаго столѣтія кафтанъ этотъ, для большаго удобства, или вырѣзывали спереди довольно широкимъ четырехугольникомъ, такъ что полы его доходили до колѣнъ, а иногда только до половины бедръ, (фиг. 270 b), или полы его заворачивали и прикрѣпляли къ поясу (фиг. 270 a), или наконецъ — какъ янычары (фиг. 271 a—c) — собирали назадъ въ широкія складки. Военные носили часто кафтанъ съ короткими до локтя рукавами, или безъ рукавовъ съ одними проймами.

Фиг. 270.

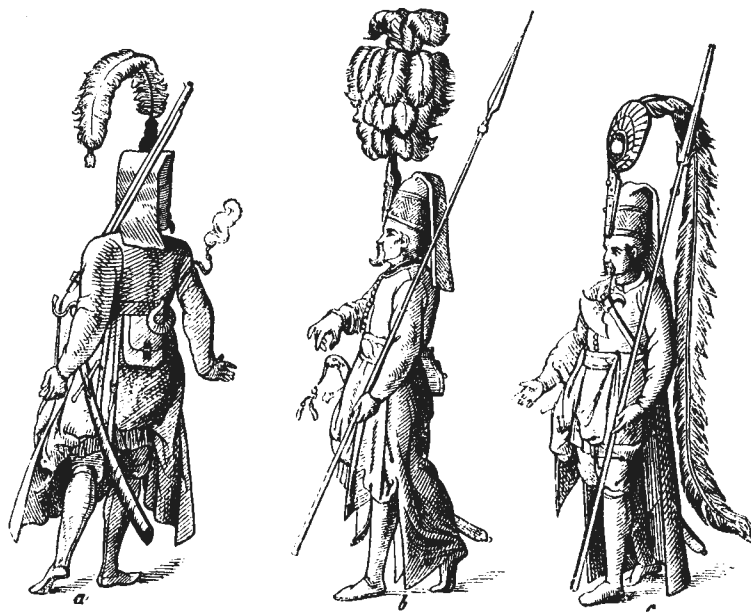

Кушакъ (гезимъ), который носятъ по камзолу и кафтану, но никогда по курткѣ, съизстари дѣлался и до сихъ поръ дѣлается изъ большого куска узорчатой шолковой матеріи или изъ шали, и на концахъ обшивается бахрамою и кистями. Въ войскѣ кушакъ замѣнялся поясомъ изъ кожи или другой твердой матеріи съ металлическою оковкою, или просто ремнемъ.

Верхнее платье (вередже, фередже) было собственно официальною одеждою и надѣвалось лишь при торжественныхъ случаяхъ поверхъ остального платья, какъ его носятъ и до сихъ поръ. Оно сохранило свой старинный покрой и представляетъ длинную и широкую одежду съ длинными и широкими, иногда разрывными рукавами (фиг. 273 a; ср. фиг. 269). Въ качествѣ официальной одежды, оно было или шолковое или сукошное и различалось по цвѣту и отдѣлкѣ, смотря по званію и должности носившаго. Какъ обыкновенное верхнее платье оно дѣлалось, какъ и теперь, изъ толстой шерстяной матеріи синяго или зеленого цвѣта. Со времени взятія Константинополя, эту одежду подкладываютъ и оторачиваютъ дорогимъ мѣ-

хоть и носить большую часть года, какова бы ни была погода. Въ 16 столѣтіи и до позднѣйшаго времени это платье дѣлалось иногда съ полу-

Фиг. 271.

рукавами, иногда съ проймами и узкими, доходившими до полу, висячими рукавами (фиг. 274 b); носили его также безъ мѣхової подкладки (фиг.

Фиг. 272.

274 а), иногда съ неширокимъ откладнымъ воротникомъ и съ пуговицами и шнурами на груди (фиг. 274 b).

Кромѣ длинной верхней одежды носить также, конечно изстари известную,

Фиг. 273.

болѣе узкую и короткую верхнюю одежду (джибэ; бенишъ), подобную

Фиг. 274.

употребляемой Персіанами (фиг. 275 а; сравн. фиг. 272 а; 273 а), а

въ холодную и дождливую погоду широкіе плащи изъ верблюжьяго сукна соответствующіе арабскимъ абайэ и кемли (фиг. 276 а, в, с; ср. фиг. 273 в).

Обувь состоитъ изъ легкихъ ботинокъ въ родѣ носковъ изъ желтаго сафьяна (мездъ) или такихъ же туфель (пайшушь, башма); для выхода изъ дома — изъ башмаковъ съ загнутыми носками (терлицъ; маркубъ)

Фиг. 275.

или широкихъ полусапогъ (йджи), тѣ и другіе изъ толстаго краснаго сафьяна. Только улемы носятъ башмаки темносиняго цвѣта.

Головной уборъ (дульбеидъ, тульбеидъ или тюрбанъ) всегда былъ и остался самою значительною частью турецкаго костюма. Указанная пророкомъ манера носить тюрбанъ, по которой у однихъ конецъ его долженъ спускаться на лобъ, у другихъ на плечо, была удержана калифами и перешла къ османамъ, у которыхъ она и теперь соблюдается потомками пророка. По свидѣтельству самихъ османовъ, ихъ стариннымъ головнымъ уборомъ была круглая или четырехугольная войлочная шапка (калпакъ) съ мѣховымъ околышемъ. Такія шапки изъ краснаго сукна (таджъ-хорасанъ) носили еще султаны Османъ I и Орканъ. Тюрбанъ же обвернутый бѣлымъ муслиномъ сталъ общеупотребителенъ только со временъ Мухаммеда II, а различные виды тюрбана, какъ отличительнаго признака званій и сословій, были установлены Солиманомъ II и Мурадомъ III, постановленіе котораго относительно головныхъ уборовъ, изданное въ 1583 г., оставалось въ силѣ

до позднѣйшаго времени (1829)¹. Помимо всѣхъ вышнихъ различій собственно тюбанъ (или чалма) состоитъ изъ болѣе или менѣе высокой шапки различной формы — круглой, полукруглой, цилиндрической, грушевидной, конической, гладкой, или рубчатой, и обернутаго вокругъ нея очень длиннаго куска муслина или шелковой матеріи, которая иногда замѣняется шалью. Шапка бываетъ преимущественно краснаго цвѣта, а самый тюбанъ — бѣлаго,

Фиг. 276.

кромѣ эмировъ, у которыхъ онъ зеленый. Украшеніемъ тюбану служатъ драгоценныя камни, жемчужныя понизи, и перья, прикрѣпляемые спереди или сбоку. Очень любимы были цаплиныя перья, пристегнутыя дороною пряжкой. Першое украшеніе тюбана подлежало очень точнымъ опредѣленіямъ: султанъ носилъ на своемъ тюбанѣ три пера усыпанныхъ брилліантами, великій визирь — два, остальные сановники по одному такому перу; изъ писшихъ чиновниковъ ише вообще не могли носить перьевъ, другіе должны были носить извѣстное количество менѣе дорогихъ перьевъ.

Чрезвычайное разнообразіе представляли перьяныя панашы у отдѣльныхъ частей войскъ, въ особенности у янычаръ (фиг. 271 а — с). Подъ тур-

¹ Ср. особенно Murad gea d'Ohsan. Tableau général de l'Empire otoman ес. 11, 134. J. O. Hammer. Neue türkische Staatskleider-Ordnung im Jahr 1829 (Hormary's Archiv 1829 № 51). В. К. Niebuhr (Reisebeschreibung nach Arabien etc. Kopenhagen 1774 Taf XIX — XXIII) приводитъ не менѣе 46 различныхъ головныхъ уборовъ, а J. Dallaway (Reise nach Constantinopel etc. Aus dem Englischen. Berlin u. Hamburg 1801. S. 80). замѣчаетъ, что у Турокъ существуютъ законы противъ роскоши и каждое ремесло отличается отъ другихъ по тюбану, и что этихъ различій такъ много, что драгоманъ очень давно живущій въ Константинополѣ увѣрялъ автора что и половина ихъ ему неизвѣстна.

баномъ носить круглую шапочку (фесъ), которую оставляютъ на головѣ и спявши тюбанъ, напримѣръ дома, такъ какъ ходить съ непокрытой головой вообще не принято.

Кромѣ тюбановъ есть множество другихъ головныхъ уборовъ (каукъ), которые тоже различаются цвѣтомъ, формою и отдѣлкою, смотря по званію, народности и т. д. и подлежать особымъ постановленіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, относящіеся къ шестнадцатому столѣтію, отличались странностью формы (ср. фиг. 272 а—b), которую еще и до сихъ поръ отчасти сохраняютъ. Иные получили свою форму вслѣдствіе извѣстнаго замѣчательнаго событія. Такъ напримѣръ высокая шапка (ускіуфъ) янычаръ съ падающей на спину верхушкой (фиг. 271 а — с) была подражаніемъ рукаву одежды святаго дервиша, положенному имъ на голову одного изъ начальниковъ этого войска въ знакъ благословенія при его учрежденіи. — Для предохраненія себя отъ насѣкомыхъ (мухъ, комаровъ и проч.) носятъ головныя покрывала (синекликъ) изъ кисеи или очень тонкой шелковой матеріи. До введенія зонтиковъ (въ 18 столѣтіи), въ дождливую погоду надѣвали особую головную покрывку, раскрывавшуюся на подобіе зонта. «Эта покрывка» замѣчается о ней Швейгеръ въ своемъ путешествіи въ Константинополь въ 1577 г. — «которую надѣваютъ сверхъ тюбана, чтобы его не мочило дождемъ, со складками, такъ что её можно складывать, и дѣлается изъ такой же матеріи изъ какой у насъ шьютъ бареты. Всѣ такія покрывки краснаго цвѣта».

Слѣдуя указанію «пророка» волосы на головѣ брѣютъ, оставляя лишь небольшую прядь на макушкѣ (пиза). Обычай этотъ, какъ разсказываютъ, ведется только со временъ Османа I. Борода, напротивъ того, какъ самое благородное украшеніе мужчины, составляетъ предметъ самого заботливаго ухода. Но временамъ были издаваемы строгія предписанія опредѣлявшія формы бороды для различныхъ званій и состояній, равно какъ и право носить её.

Изобиліе драгоценныхъ вещей которыми покрывали себя, особенно при торжественныхъ случаяхъ, турецкіе сапожники и знатные при Солиманѣ II и къ которымъ принадлежало богато-отдѣланное оружіе, постепенно исчезло. Уже давно всѣ украшенія, даже и у богатыхъ людей, ограничиваются перстнемъ, обыкновенно серебрянымъ, оправленнымъ въ серебро книжаломъ (хонджаръ) и такой же саблею (у тѣхъ кто имѣетъ право носить оружіе), и чотками о девяти шарикахъ по числу именъ Аллаха (фиг. 269; фиг. 273 b). — Носовыя платки носятъ въ поясѣ или заткнутыми за поясъ.

Женскій костюмъ былъ указанъ самимъ «пророкомъ». Онъ повелѣлъ всѣмъ женщинамъ — за исключеніемъ старухъ — опускать покрывало ниже ворота ихъ платья и никому, кромѣ ближайшихъ родныхъ, не показывать своего лица, и закрывать свои ноги, чтобы никто не могъ видѣть ихъ наготы. Этому предписанію турецкія женщины слѣдуютъ и до сихъ поръ. Такъ какъ для строгаго исполненія его, онѣ (вѣроятно уже недавно) носятъ штаны, то одежда ихъ имѣетъ сходство съ мужскою (фиг. 277; ср. фиг. 269), и отличается отъ нея немногимъ, главнымъ образомъ — головнымъ уборомъ и употребленіемъ обязательнаго покрывала.

Штаны, носимые какъ и мужчинами непосредственно на тѣлѣ, дѣлаются обыкновенно изъ цвѣтной (большою частью желтой, также полосатой) шелковой и бумажной матеріи, кисеи и полотна. Сверхъ штановъ надѣвается рубашка, полотняная или изъ цвѣтнаго, даже чорнаго, крепа, такого же покроя какъ и мужская, только нѣсколько короче. Верхнія одежды состоятъ изъ шелковаго, расшитаго узорами бешмета съ умѣренню широкими рукавами, нѣсколько короче рубашечныхъ, и надѣваемого сверхъ него шолковаго же казакина съ широкими цѣльными или полурукавами, доходящаго до лодыжекъ (фиг. 278 а, b; фиг. 280 а, b). Первый соответствуетъ курткѣ, а послѣдній кафтану мужчинъ. Но у женщинъ обѣ одежды кроются такъ, что оставляютъ открытою грудь, которая только на половину прикрывается однимъ рубашечнымъ воротникомъ (бурунджекъ) и послѣдній, т. е. казакинъ, дѣлается иногда очень длинный и съ разрѣзами на бокахъ до самыхъ колытъ (фиг. 279 а, b). Впрочемъ этотъ покрой кажется новаго происхожденія, и въ 16 столѣтіи еще не былъ въ употребленіи (ср. фиг. 278 а, b; фиг. 280 а, b; фиг. 281).—

Фиг. 277.

Фиг. 278.

Подпоясываются шолковымъ кушакомъ или цвѣтнымъ поясомъ, отдѣланнымъ серебромъ или золотомъ.

Выходя изъ дому, накидываютъ на себя длинный и широкій суконный

Фиг. 279.

кафтанъ (вереджъ) съ широкими рукавами и двумя карманами спереди, или
родъ плаща (фиг. 281 b) изъ черной шелковой матеріи, съ большимъ

Фиг. 280.

четыреугольнымъ отложнымъ воротникомъ, обыкновенно зеленого цвѣта

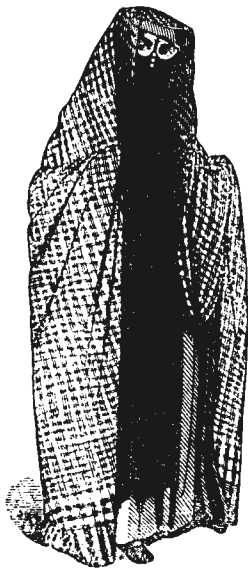
(только у армянокъ и гречанокъ темнаго); голову и лицо закрываютъ покрываломъ (марама), составленнымъ изъ двухъ длинныхъ и широкихъ полосъ бѣлой кисеи, изъ которыхъ одну подвязываютъ подъ подбородкомъ, а дру-

Фиг. 281.

гую навязываютъ поперекъ лица, закрывая ею ротъ и носъ вплоть до глазъ (фиг. 281 b; ср. фиг. 280 a; 281 a). Кроме того, носятъ шапочки съ прикрѣпленнымъ къ нимъ четырехугольнымъ вуалемъ изъ чорнаго газа или чорныхъ конскихъ волосъ, закрывающимъ всё лицо до подбородка (фиг. 278 a; фиг. 280 a). Женщины среднихъ классовъ носятъ очень длинное покрывало и полосатый шерстяной плащъ (фиг. 282).

Фиг. 282.

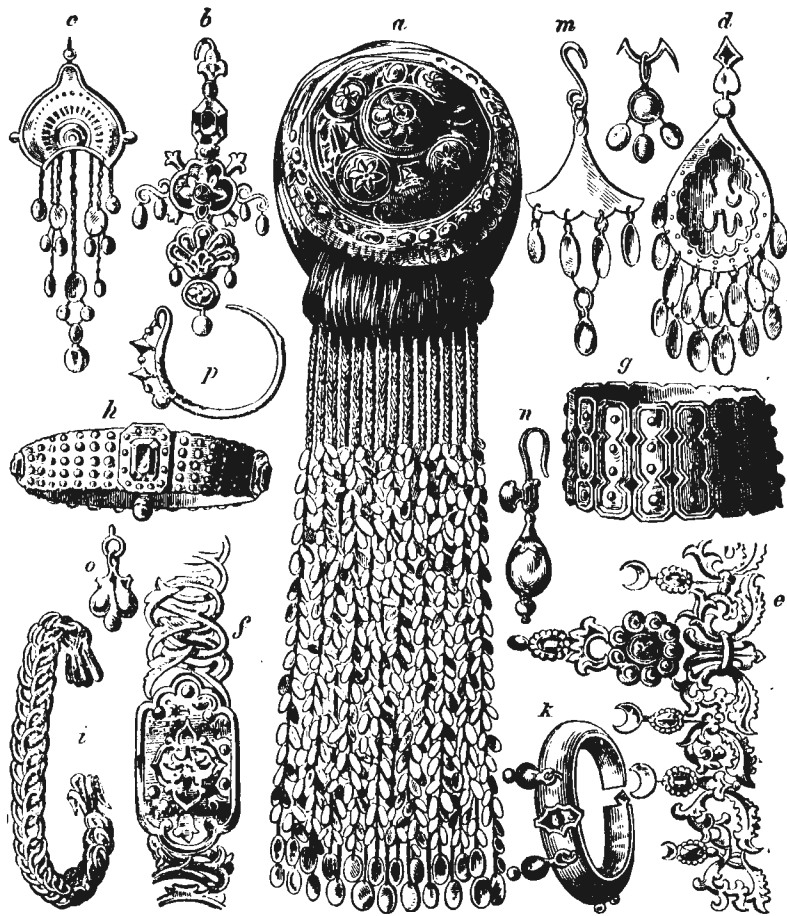
Обувь женская сходна съ мужской. Дома женщины носятъ туфли (башма) изъ желтаго сафьяна, или деревянныя подошвы на подставкахъ (кубкабъ фиг. 278 b) — родъ обуви издавна употребительный; а выходя изъ дома надѣваютъ башмаки (терликъ, налумъ) или полусапожки (йджи), тѣ и другіе изъ краснаго сафьяна, на высокихъ каблукахъ и съ металлической обдѣлкой.

Еще въ 16-мъ вѣкѣ и даже позднѣе женскій головной уборъ походилъ на мужской тюрбанъ (фиг. 278 a; 280 b). Но съ конца семнадцатаго вѣка женщины стали носить на головѣ небольшія шапочки (заджишъ), шелковыя, бархатныя или парчевыя, украшенныя бантомъ, лентой, жемчужной ниткой, — или просто обертывать голову кускомъ кисеи или шалью (фиг. 279 a. b). Шапочки или фесы богатыхъ женщинъ

убираются драгоценными камнями, золотыми украшениями, жемчугомъ, перьями и т. д.

Волосы составляли всегда предметъ особой заботливости турецкихъ женщинъ; поэтому у нихъ и до сихъ поръ въ обыкновеніи дома ходить съ распущенными волосами или только перехваченными лентою, а для выхода

Фиг. 283.

изъ дому заплетать ихъ въ косы (йрмази), которые онѣ или прячутъ подъ головнымъ уборомъ (какъ это всегда дѣлалось до конца 17 столѣтія: фиг. 278 и 279), или вкладываютъ въ шелковый или парчевой чахолъ. Въ косы вплетаютъ различныя украшенія, снурки и т. п.

Что касается украшеній въ тѣсномъ смыслѣ (дорогихъ вещей) и косметиковъ, то они чрезвычайно разнообразны. Всѣ они ведутъ свое начало изъ глубокой древности и отчасти даже до сихъ поръ сохранили свой старинный характеръ. Къ числу дорогихъ вещей принадлежатъ: небольшія плоскія шапочки, вычеканенныя изъ серебра или золота и украшенныя

цвѣтными снурками (фиг. 283 a); различныхъ формъ привѣски (фиг. 283 b c d m), серьги (фиг. 283 n o), ножные и ручные браслеты (фиг. 283 g h i k), кольца, ожерелья (фиг. 283 f e), аграфы и т. д.; также и драгоцѣнные вѣтра, шелковые въ формѣ четырехугольнаго флага съ вышитыми по немъ узорами, или составленные изъ перьевъ. — Изъ косметиковъ, кромѣ различныхъ драгоцѣнныхъ маселъ, благовонныхъ эссенцій, бѣлилъ и румянъ, особенно употребительны: хэннэ—красноватый сокъ растенія Лавзонїи (al-henna, al-kanna) для крашенья погтей, а иногда и пальцевыхъ суставовъ, и черная краска, приготовляемая изъ сажы (al-kohlun) — для подкрашиванья бровей и рѣсницъ. Нѣкоторыя женщины носятъ мушки, налѣпляя ихъ большею частью только на лобъ, и татуируютъ себя (по древнеарабскому обычаю) руки и грудь разнообразными фигурами.

Носить трауръ у турукъ не въ обычаѣ. До 17 стол. мужчины иногда надѣвали въ знакъ траура темнаго цвѣта кафтанъ, а знатные выпускали изъ-подъ тюбана полосу черной тафты въ три пальца ширины.

Одѣяніе государей, должностныя отличїа, вооруженіе и оружіе, облаченіе духовенства.

Одѣяніе государей и должностныя отличїа.

Въ общемъ, одѣяніе государей сохранило усвоенныя ему формы, измѣнившіеся лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ, что однакожъ не имѣло замѣтнаго вліянія на его общій складъ.

Короновальный парядъ германскихъ императоровъ, также какъ и ихъ церемоніальная одежда, въ которой они являлись на сеймахъ и другихъ торжественныхъ собранїяхъ, установились окончательно и на продолжительное время при Максимиліанѣ I (1493). Последняя была нѣкоторымъ образомъ упрощеннымъ подражаніемъ первому, но все таки очень богата (фиг. 287 a): темнофіолетовые шитые золотомъ башмаки, широкая и длинная нижняя одежда изъ бѣлой шелковой матерїи (?), темнолиловая верхняя одежда безъ рукавовъ, съ одними проймами для рукъ, доходящая нѣсколько ниже колѣна, широкая бѣлая пелерина, орденская цѣпь золотого руна, маптїа изъ золотой парчи, съ золотыми застежками, выложенная по бортамъ драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и пр., свѣтложелтые отороченныя пурпуромъ перчатки, коропа, окруженная вѣнцомъ изъ листьевъ, съ поперечной скобой по срединѣ и бѣлымъ раздвоеннымъ верхомъ, скипертъ и держава. Королевскій орнатъ, вѣроятно около того же времени получившій свою окончательную форму (фиг. 287 b), имѣлъ съ императорскимъ то общее, что и къ нему принадлежали парчевая маптїа и бѣлая пелерина;

остальные же его части составляли: нижняя одежда съ длинными узкими рукавами, парчевая же какъ и мантия, темнолиловые чулки, черные башмаки, желтые перчатки, украшенныя каждая драгоценнымъ камнемъ, корона, составленная изъ листового вѣща и двойной скобы, безъ верха, скипетръ,

Фиг. 284.

меньшаго размѣра чѣмъ императорскій, и держава ¹. Орнатъ курфюрстовъ (фиг. 284 с) установился кажется по смерти Максимилиана, и состоялъ изъ длиннаго распашаго кафтана съ разрезными рукавами, подбитаго горностаемъ, горностаевою пелерины, плоской шапки опушенной тѣмъ же мѣхомъ и лиловыхъ перчатокъ: кафтанъ и шапка у четырехъ свѣтскихъ курфюрстовъ были темнокраснаго бархата, а у трехъ духовныхъ пунцоваго сукна ².

¹ Къ короновальному наряду чешскихъ королей принадлежатъ: корона о четырехъ перекрещивающихся скобахъ, сдѣланная по приказанію Карла IV, мечъ св. Вячеслава и красная шапочка. Ср. „Das Kön. Böhmische Krönungs-Ceremonial“ etc. Mit Kupfern. Frankfurt und Leipzig 1723. — ² Въ очень рѣдкомъ сочиненіи: Glaubliche Offenbarung, wie vil fürtrefflicher Reich vnd Kayserthumb auff erdtlich gewesen, wo das Römisch Reich her kömmt u. s. w. zu eeren dem grossmächtigsten Carolo dem fünfften Röm. Kayser angezeigt (Oppenheim 1532) fol., на послѣднемъ листѣ представлены, насколько мнѣ извѣстно въ первый разъ, всѣ семь курфюрстовъ и всѣ въ одинаковомъ одѣяніи — въ длинныхъ кафтанахъ съ широкимъ горностаевымъ воротникомъ и въ высокихъ шапкахъ отороченныхъ горностаемъ; кафтаны впрочемъ не распашныя и безъ рукавовъ, а съ одними проймами для рукъ (этотъ покрой удержался и впоследствии, до конца столѣтія, въ орнатѣ духовныхъ курфюрстовъ). У каждаго изъ свѣтскихъ князей надѣта по воротнику толстая золотая цѣпь; а на курфюрствѣ богемскомъ, вмѣсто шапки корона. Сообразно съ этимъ слѣдуетъ исправить сказанное мною, разумѣется предположительно, въ прежней части моего труда. (См. Вѣщн. б. нар. Т. II. ч. 2 стр. 217).

Орнатъ королей французскихъ остался почти безъ измѣненій, какъ это показываетъ очень тщательно исполненная миниатюра, изъ второй половины столѣтія, представляющая Франсиска I на тронѣ (фиг. 285). На королѣ темносиіе бархатные башмаки вышитые золотыми лиліями, длинная шолковая нижняя одежда розоваго цвѣта, съ длинными до кисти и пещирокиими рукавами, темносиія бархатная (или атласная) верхняя одежда съ довольно

Фиг. 285.

широкими полурукавами, вся вышитая лиліями, голубая бархатная мантия тоже вышитая золотыми лиліями, подбитая горностаемъ и съ горностаевымъ воротникомъ, на головѣ корона, въ одной рукѣ скипетръ, въ другой «жезлъ правосудія» украшенный эмблемою присяги. — Французскія королевы, при торжественномъ возведеніи ихъ въ этотъ санъ, являлись въ мантии, подобной королевской и съ такой же отдѣлкой, но съ очень длиннымъ шлейфомъ, и въ вышитомъ лиліями платьѣ, но безъ короны, которую, по старому обычаю, онѣ могли надѣвать по совершеніи надъ ними миропомазанія въ Сентъ-Дени¹.

Въ Англіи королевскій орнатъ сохранилъ форму давшую ему Ричардомъ III и Генрихомъ VII. Его составляли: длинная шолковая туника яркочраснаго цвѣта, шитая серебромъ, подложенная горностаемъ, мантия изъ темнокраснаго или пурпуроваго бархата, короша, держава, мечъ, золотыя шпоры и два скипетра, изъ которыхъ на одномъ былъ золотой голубь. Совершенно

таковъ же былъ и орнатъ королевы, съ тою только разницею что туника замѣнялась въ немъ шолковымъ платьемъ съ длиннымъ шлейфомъ. Такую же разницу, тоже обусловливаемую поломъ королевы, какъ женщины, представляла и передача (во время коронованья) меча и шпоръ: принявъ шпоры и мечъ, королевы ихъ не надѣвали на себя, а отдавали обратно, первыя немедленно, а послѣдній—подержавъ нѣсколько минутъ въ рукѣ².

¹ Cp. L. Lalame. Journal d'un bourgeois de Paris. Paris 1854. p. 416 sq. —

² Cp. Vollständige Beschreibung der Ceremonien, welche sowohl bei den englischen Crönungen überhaupt vorgehen, besonders aber bei dem höchst beglückten Crönungsfeste Ihro Königl. Königl. Maj. Maj. Georgi II. und Wilhelminae Carolinae von Gross-Britannien, Frankreich und Irland etc, Hannover 1727.

Въ Скандинавскихъ государствахъ по видимому не было еще установленнаго королевскаго орната и въ описываемый періодъ, и покроемъ одеждъ и формою инсигній онъ былъ подражаніемъ орнату нѣмецкихъ королей¹. Покрайней мѣрѣ корона, скипетръ и держава для коронованія шведскаго короля Эриха XIV (1560 г.) были заказаны въ Антверпенъ; оттуда же были доставлены мечъ, кинжалъ, поясъ и самыя одежды, также и матерія для туалетовъ королевскихъ принцессъ. Золотая корона была осыпана брилліантами, рубинами и жемчугомъ и украшена круглымъ сафиромъ на верхушкѣ. Въ числѣ королевскихъ одѣяній находилось одно очень роскошное (нижняя одежда или мантия?), бѣлое съ лиловымъ, по воротнику и бортамъ украшенное золотомъ и драгоценными камнями, а между нарядами для принцессъ были парчевыя и вышитыя платья.

Придворнымъ чинамъ предписано было имѣть на себѣ одежду бѣлую съ голубымъ, изъ бархата, атласа, тафты или сукна, смотря по степени каждаго; чиновники канцелярій должны были одѣться въ черное съ бѣлымъ, а музыканты въ желтое. Когда короновался Сигизмундъ (1594), онъ отправился въ церковь, гдѣ должна была совершаться церемонія коронованія, верхомъ на богатоубранной лошади, одѣтый въ бѣлую одежду и красную бархатную мантию на рысѣемъ мѣху, и съ вѣнцомъ на головѣ. Карлъ IX (короновался въ 1604) шолъ пѣшкомъ подъ балдахиномъ, въ бѣломъ орнатѣ роскошно убранномъ драгоценными камнями и шитьемъ. За нимъ слѣдовали — послѣдній принцъ Густафъ Адольфъ и принцы Карлъ Филиппъ и Іоаннъ, одѣтые одинаково — въ бѣлыхъ кафтанахъ, длинныхъ мантияхъ темпוליловаго бархата подложенныхъ горностаемъ, въ такихъ же шапкахъ, сверхъ которыхъ были надѣты вѣнцы. Къ королевскимъ инсигніямъ, кромѣ державы, скипетра, короны, меча и кольца, принадлежали еще: государственная печать, золотой ключъ и *carecant* (*carcan*) — ожерелье съ золотую цѣпью. Особенность короновальнаго церемоніала составляло то, что высшій сановникъ королевства (*Drotset*) надѣвалъ на короля одну за другою три короны.

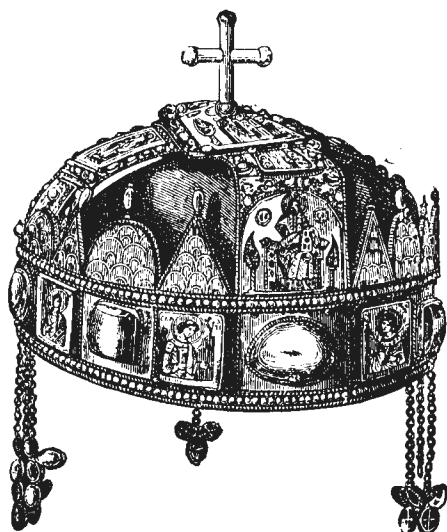
Испанскіе короли были обязаны короноваться въ каждомъ изъ королевствъ вошедшихъ въ составъ испанской монархіи, и притомъ по установленному въ каждомъ изъ послѣднихъ особому церемоніалу, которымъ опредѣлялись и формы короновальнаго орната, по крайней мѣрѣ его внѣшняго убранства, въ которомъ важную роль играли вышитые гербы отдѣльных королевствъ. Но уже Карлъ V ввелъ орнатъ, походившій на германскій императорскій, — длинную бѣлую нижнюю и болѣе короткую пурпурную верхнюю одежды, съ парчевой мантией и прочими принадлежностями. Въ такой мантии, украшенной вышитыми на ней гербами королевства и подбитой горностаемъ, съ горностаевымъ же отложнымъ воротникомъ, по которому надѣта цѣпь золотого руна, представлены Карлъ V и его сынъ Филиппъ II на ихъ надгробіяхъ въ Эскуріалѣ. Старинный вѣнецъ испанскихъ

¹ См. Olaf Dalins. Geschichte des Reiches Schweden etc. III, 414; 236; 436, въ зрору: J. O. Möller. Historische Nachricht von den Feierlichkeiten und Gebräuchen, die in ältesten Zeiten beim Antritt der Regierung schwedischer Könige erfordert wurden. Stralsund 1772.

королей, съ зубцами въ формѣ листьевъ, былъ замѣненъ Филиппомъ II короною съ двумя перекрещивающимися скобами и крестомъ утвержденнымъ на яблокѣ надъ ними, какъ у французскихъ королей. Португальская короша сохранила свою старинную форму вѣнца (ср. фиг. 159).

Въ Италіи, одѣяніе государей, по крайней мѣрѣ Папы, въ его качествѣ свѣтскаго властителя, и дожей Венеціи и Генуи, сохранило свои прежнія формы. Измѣнился нѣсколько присвоенный остальнымъ итальянскимъ владѣтелямъ герцогскій орнатъ, въ томъ отношеніи, что съ половины столѣтія онъ сталъ ближе походить на нѣмецкій королевскій. Такъ напр. орнатъ

Фиг. 286.

герцога, или, съ 1569 г., великаго герцога тосканскаго состоялъ изъ широкой нижней одежды изъ золотой парчи, парчевой же мантіи съ горностаевой пелериной и золотой короны¹.

Остались безъ измѣненій орнаты русскихъ царей и царицъ (ч. I, стр. 264), королей польскихъ и королей венгерскихъ. Необходимую принадлежностью орната послѣднихъ была корона св. Стефана (фиг. 286). — Турецкіе султаны не короновались, а вмѣсто коронаціи, ихъ опоясывалъ саблею Османа муфти или шейхъ танцующихъ дервишей въ мечети Энсари или Эйюбъ въ Константинополѣ².

Эрцгерцоги, герцоги, пфальцграфы и другія владѣтельныя особы, вступая въ управленіе своими землями, стали избѣгать церемоній подобныхъ коронаціи и почти вовсе не возлагали на себя присвоенныхъ имъ изстари регалій, а являлись даже и при большихъ торжествахъ въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ, конечно очень богатомъ. Ихъ вѣнцы и короны вошли въ составъ ихъ гербовъ и остались на нихъ³.

Напротивъ того, при многихъ дворахъ, даже и мелкихъ князей, постоянно существовалъ придворный костюмъ, установленный для принадлежавшихъ ко двору дворянъ и придворныхъ служителей. Но теперь и этотъ костюмъ

¹ Caes. Vecellio. *Habiti antichi e moderni etc.* Venetia 1589. — ² Ср. J. V. Hammer. *Des osmanischen Reichs Staatsverfassung.* I, 476; J. Chardin. *Le couronnement de Soliman, troisième roi de Perse.* Paris 1671. — ³ Ср. о князьяхъ и прочихъ чинахъ германской имперіи чрезвычайно интересное сочиненіе: *Triumph und eigentliche Contrefactur, wie und welcher gestalt, auch in was ordenung, und vnterschiedlicher sonderlicher manier der Allerdurchlauchtigste etc. Fürst und Herr, Herr Maximilian der Andere auf den Reichstagen und anderen fürstlichen versammlungen geritten ist. Anfangs durch den fürtrefflichen etc. Mahler Johann Bockspurger von Salzburg disponirt. Hernacher aber der Römischen kaiserl. Majestät zu ehren durch Michael Peterle, illuministen zu Prag, mit sonderm fleiss in druck verfertigt etc.* (1565) gr. q. fol.

въ покрѣ сообразовался съ общепринятымъ, а цвѣтъ его только въ рѣдкихъ случаяхъ обуславливался цвѣтами герба владѣтеля, и такъ же рѣдко этотъ самый гербъ на немъ нашивался или вышивался.

Должностные отличія частью оставались безъ замѣтныхъ перемѣнъ, частью измѣнялись и умножались по мѣрѣ расширенія и усложненія администраціи. Вообще же колебанія ихъ продолжались далеко за половину столѣтія, а въ нѣкоторыхъ даже большихъ государствахъ перешли и въ слѣдующее столѣтіе. Ранѣе чѣмъ гдѣ нибудь на костюмъ должностныхъ лицъ было обращено вниманіе во Франціи и Англіи. Во Франціи уже вскорѣ послѣ смерти Франциска I (1547) были составлены на этотъ счетъ извѣстные постановленія, которыя, впрочемъ, какъ и позднѣйшія постановленія издашныя при Карлѣ IX (1561), имѣли преимущественно характеръ отрицательный, то есть указывали, что королевскимъ чиновникамъ носить недозволялось. Окончательно же офиціальныи костюмъ сложился при Генрихѣ III (1514 — 1589), который началъ съ того, что установилъ для членовъ парламента офиціальную одежду гораздо болѣе богатую сравнительно съ прежнею и болѣе согласную съ строгимъ этикетомъ введеннымъ имъ при французскомъ дворѣ¹.

Въ Англіи и въ Испаніи, также какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, въ этомъ отношеніи слѣдовали, по всей вѣроятности, примѣру Франціи. Въ Италіи и въ Германіи, раздробленныхъ на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, имѣвшихъ каждое свой собственный административный персоналъ, однообразіе офиціального костюма было невозможно, поэтому тамъ всё пока оставалось по прежнему, кромѣ развѣ того, что въ Германіи высшимъ сановникамъ имперіи была присвоена особая офиціальная одежда различавшаяся по занимаемымъ ими должностямъ. Въ Польшѣ и Венгріи офиціальныи костюмъ былъ вѣроятно подражаніемъ нѣмецкому, хотя и не безъ примѣси національныхъ особенностей; въ Россіи парадная одежда сановниковъ хранилась въ царской палатѣ и выдавалась имъ исключительно только на время какого либо торжества; въ Турціи главнымъ отличіемъ служила чалма при болѣе или менѣе богато изукрашенной національной одеждѣ.

Почти вездѣ въ Европѣ офиціальныи костюмъ государственныхъ чиновниковъ состоялъ изъ широкой и длинной нижней и такой же верхней одежды, частью стариннаго покрою, и различался цвѣтомъ; городскіе чиновники, особенно въ Германіи, носили обыкновенное платье, отличавшееся отъ общепотребительнаго только извѣстнымъ цвѣтомъ нѣкоторыхъ своихъ частей.

Во Франціи отличительными цвѣтами были черный, красный и частью лиловый: черный для ежедневной офиціальной одежды, красный для парадной, надѣваемой при торжествахъ. Королевскіе чиновники были обязаны постоянно носить установленную для нихъ одежду: президентъ тайнаго совѣта — бархатные кафтанъ, плащъ и шапку, и шелковые панталоны — все чернаго цвѣта; адвокаты и судебные пристава (*huissiers*) тоже всё черное; первые, кромѣ того, отличались шляпой съ мѣховымъ околышемъ, а послѣдніе шпагою, которая была дана имъ въ замѣнъ

¹ Etienne Pasquier. Oeuvres completes. Paris 1723. II, 1414.

письменнаго прибора, отличавшаго ихъ прежде. Эта ежедневная одежда въ торжественныхъ случаяхъ замѣнялась красною. При Генрихѣ II, *maréchal de l'Hôpital* носилъ тоже черную одежду, состоявшую изъ длиннаго кафтана съ узкими рукавами и длинной же распашной верхней одежды съ широкими рукавами. При торжественномъ вѣздѣ Генриха въ Парижъ (ок. 1559) *maitre des requets de l'hotel* и *audiciens* были одѣты въ черное платье, а служители (*laquais*) канцлера и накъ назыв. *chauffescires* (приготовлявшіе воскъ для государственныхъ печатей) въ яркочерный бархатъ, государственные секретари — въ длинныя мантии краснаго бархата. Официальный костюмъ совѣтниковъ состоялъ изъ черной нижней и красной верхней одежды и черной четырехугольной шапки; костюмъ купеческаго старшины — изъ черной же нижней и лиловой верхней одежды и тоже четырехугольной шапки; костюмъ президента парламента — изъ черной нижней и красной очень длинной верхней одежды, подбитой бѣлымъ мѣхомъ, раскрытой во всю длину на бокахъ и съ горностаевой пелериной, и круглой шапки; костюмъ канцлера — изъ длинной голубой или лиловой нижней одежды съ широкими рукавами, небольшоимъ стоячимъ и широкимъ отложнымъ воротникомъ изъ бѣлаго мѣха, и голубой или лиловой круглой шапки съ плоскимъ дномъ. Этотъ послѣдній костюмъ при Генрихѣ IV былъ значительно измѣненъ: канцлеру была дана красная мантия съ капюшономъ, подложенная и опушенная горностаемъ, а на плечахъ обшитая золотыми шнурами, и парчевая круглая шапка (*mortier*).

Ученые и учащіеся, также и врачи, одѣвались тоже въ черное. Только ректоръ университета отличался, по старинному обычаю, длинною голубою верхнею одеждою съ широкими рукавами и капюшономъ, подложеннымъ бѣлымъ мѣхомъ, и голубою четырехугольною шапкою. По распоряженію парижскаго университета студенты должны были носить черный подпоясанный кафтанъ и красные или лиловые (обтяжные) штаны. Но они такъ мало подчинялись этому распоряженію, что носили вопреки ему даже большія бороды и поясные ножи. Они корчили изъ себя удалцовъ — замѣчаетъ Монтанъ — и нарочно ходили перьями, съ накинутыми кое-какъ плащами, надвинутыми набекрень шапками и въ испачканныхъ чулкахъ.

Въ Англіи были приняты официальными два цвѣта: черный и красный — первый для судебнаго персонала и учонаго сословія, послѣдній для всѣхъ высшихъ чиновниковъ. Что касается покроя официальныхъ одеждъ, то онъ оставался во многихъ случаяхъ старинный. Такъ напр. официальный костюмъ нѣкоторыхъ судебскихъ должностей оставался почти до половины столѣтія почти такимъ же, какимъ онъ былъ при Эдуардѣ III. Онъ состоялъ изъ длинной нижней одежды съ узкими рукавами, изъ длинной же и широкой верхней одежды, закрытой или разрѣзанной на бокахъ отъ плечъ до низу, подложенной мѣхомъ или безъ мѣховой подкладки, съ круглой мѣховой или отороченной мѣхомъ пелериной или съ капюшономъ въ видѣ воротника, и изъ гладкой круглой шапочки. На находящемся въ Базелѣ эскизѣ Ганса Гольбейна къ семейной картинѣ¹ фамиліи

¹ Сама картина болѣе не существуетъ, но извѣстна по гравюрамъ сдѣланнымъ съ нея Христіаномъ Мехелемъ въ Базелѣ 1787. Нѣсколько экземпляровъ гравюры были исполнены въ краскахъ.

Мора, отецъ, Джонъ Моръ, представленъ въ костюмѣ адвоката: въ длинной нижней и длинной закрытой верхней одеждѣ съ широкими рукавами и большимъ капюшономъ на подобіе воротника и въ невысокой похожей на баретъ шапкѣ. Судя по надгробному изображенію Ричарда Гарнура, судьи *common bench at Westmynster*, изъ временъ королевы Маріи (1553—1558), должностной костюмъ этихъ судей состоялъ изъ нижней одежды съ узкими рукавами и короткими маншетами, изъ длинной и довольно широкой верхней одежды, подпоясанной узкимъ поясомъ, съ очень широкими разрывными рукавами и круглой закрытой вокругъ пелериной съ узкою фрезею и золотою цѣпью, изъ маптіи широко распахнутой спереди и четырехугольной шапки съ прямымъ околышемъ, надѣтой сверхъ круглой плотно охватывающей голову шапочки. — На упомянутой семейной картинѣ Моровъ представленъ между прочимъ и Томасъ Моръ (или Морусъ), какъ канцлеръ и членъ тайнаго совѣта. Костюмъ, присвоенный первой изъ этихъ должностей, составляли: фіолетовая нижняя одежда съ узкими отъ плечъ до локтя вздутыми рукавами, длинная распахная верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими полурукавами, подложенная бѣлымъ мѣхомъ и съ отложнымъ воротникомъ того же мѣха; сверхъ воротника золотая цѣпь съ привѣшенной къ ней двойной розой, красная четырехугольная шапка, надѣтая на коричневую шапочку, бѣлые обтяжные панталоны и черныя башмаки. На другой картинѣ, тоже Гольбейна, изображающей дарованіе Генрихомъ VIII льготной грамоты соединенному цеху брадобрѣвъ и хирурговъ¹, старины цеха одѣты въ длинныя одежды темнаго цвѣта, отороченныя мѣхомъ, и круглыя шапочки; на нѣкоторыхъ изъ остальныхъ фигуръ видны длинныя и широкія одежды съ вздутыми у плечъ рукавами и съ длинною лентою прикрѣпленною на правомъ плечѣ. На картинѣ, представляющей какъ Эдуардъ VI передаетъ лорду меру и альдерменамъ Лондона актъ объ учрежденіи *Bridewell* — или *Christ-Church Hospital*, кромѣ названныхъ чиновниковъ и одного кавалера подвязки представленъ и начальникъ тайнаго архива канцлерскаго суда (*master of rolls*). Лордъ меръ и альдермены одѣты въ широкія темнокрасныя одежды такого же покроя какъ стариныя судейскія, а начальникъ архива въ длинную темнофіолетовую верхнюю одежду съ широкими золотыми петлицами и пуговицами спереди и на рукавахъ отъ плеча до локтя; на рукахъ у него перчатки съ такими же петлицами на длинныхъ раструбахъ, на головѣ шапочка.

Въ Германіи и Скандинавскихъ земляхъ для официальной одежды были приняты тоже черныя и красныя цвѣта (красныя, впрочемъ, замѣнялись здѣсь большею частью фіолетовымъ). Напротивъ того, длинныя одежды были мало въ употребленіи, а вмѣсто ихъ носили одежды покроя старинной *Schaube*, длинной или укороченной, и круглыя или четырехугольныя бареты (фиг. 240, 241). За исключеніемъ немногихъ высшихъ должностей, какъ напр. имперскихъ совѣтниковъ, которые носили длинную опушенную дорогимъ мѣхомъ *Schaube* и длинную верхнюю одежду, остальные государственные чиновники одѣвались въ общепринятую тогда *Shaube*, которая, смотря по

¹ Съ оригинала находящагося въ Лондонѣ въ *Barbershall* срисована и гравирована Б. Барновъ въ 1736 г.

должности носившаго, была бархатная, или суконная, или шелковая, на мѣховой подкладкѣ и съ мѣховымъ воротникомъ, или безъ нихъ. Существеннымъ отличіемъ чиновниковъ были пожалованныя имъ цѣпи съ портретомъ государя¹. Высшія городскія власти, какъ напр. члены городского совѣта и др., носили также общепринятую *Schaube* обыкновенно темнаго цвѣта и опушенную темнымъ мѣхомъ²; тогда какъ нисшіе чиновники городского управления—городскіе старосты (*Stadtvögte*), полицейскіе служители, были обязаны носить разноцвѣтно-половинчатую одежду цвѣтовъ городского герба, или же обыкновенную, но съ городскимъ гербомъ вышитымъ на груди или на плечѣ, или металлическую бляху съ этимъ гербомъ.

Относительно официальныхъ отличій, установившихся силою обычая въ Италіи, достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ для сравненія съ тѣмъ что было уже сказано выше объ этомъ предметѣ (ч. I, 224). Такъ, между прочимъ, официальный костюмъ римскаго сенатора и венеціанскаго рыцаря имѣли нѣкоторое сходство съ стариннымъ герцогскимъ одѣяніемъ: темноцвѣтная узорукавная нижняя одежда, длинная распашная верхняя одежда съ широкими рукавами, зимою на мѣху, а для торжественныхъ случаевъ изъ золотой парчи. Такова же была одежда и остальныхъ высшихъ сановниковъ съ тѣмъ только различіемъ, что у нотаблей, прокураторовъ и совѣтниковъ, она была фіолетовая, а у предсѣдателя совѣта Десяти и у канцлера—красная. Адмиралъ носилъ длинную спереди раскрытую и подпоясанную тунику фіолетоваго или краснаго цвѣта, съ длинными суживающимися къ низу рукавами, фіолетовый плащъ съ проймами для рукъ, красные трико и похожую на фесъ круглую шапку; генералъ (въ военное время)—длинную со шлейфомъ нижнюю одежду съ широкими рукавами, плащъ застегнутый на правомъ плечѣ и плосковыпуклую развалистую шапку—все это краснаго цвѣта, плащъ и шапка съ золотымъ шитьемъ; начальникъ городской полиціи (легко вооруженныхъ *zaffi* и *sbirri*)—узорукавную нижнюю одежду, красную на груди застегнутую тунику съ широкими полурукавами, длинную распашную верхнюю одежду фіолетоваго цвѣта, съ проймами для рукъ, и круглую шапку;—одежда шести оруженосцевъ (*scudieri*) Дожа была описана выше (стр. 95 фиг. 252 а).—Одежда магистратовъ Флоренціи состояла изъ темной туники съ вздутыми рукавами, нѣсколько болѣе длинной распашной верхней одежды изъ чорнаго моаре, съ боковыми проймами, и круглой шапки; костюмъ ректора Падуанскаго университета составляли: красные полусапожки, шелковые трико кармазиннаго цвѣта и сверхъ нихъ такого же цвѣта сборчатые полушаровары, доходившіе до половины бедра, шелковый кармазиннаго цвѣта камзолъ обшитый золотомъ, длинная мантия изъ золотой парчи съ широкими рукавами и капюшономъ подбитомъ мѣхомъ, золотая цѣпь на шеѣ и чорный баретъ съ наушниками и назатыльникомъ. Правовѣды, или судьи, и врачи въ Лом-

¹ Ср. выше приведенный (стр. 72) уставъ объ одеждѣ, статья IV (XIII) и V (XIV).—

² Въ современномъ раскрашенномъ Сборникѣ костюмовъ (*Trachtenbuch*) Вейгеля (1875), Лейпцигскій ратсгерръ одѣтъ въ чорный камзолъ съ узкими рукавами, фіолетовые трико и въ чорную *Schaube* подложенную куньямъ мѣхомъ, а Кельнскій ратсгерръ представляетъ въ чорныхъ трико, темнофіолетовомъ камзолѣ и короткой чорной *Schaube* съ узкими рукавами и безъ мѣховой подкладки.

бардіи носили длинную черную нижнюю одежду съ длинными и широкими рукавами, зимою — суконную или бархатную, лѣтомъ — изъ флорентійскаго моаре (*ormesino di Fiorenza*), сверхъ нея черную шелковую одежду, нѣсколько ниже колѣна спускавшуюся и подпоясанную шелковымъ поясомъ, и не очень высокую плюшевую шапку. По старинному обычаю всѣ невоенные чиновники, дворяне и ученые носили при своихъ одеждахъ вышеописанную столу (*stola*), которая такимъ образомъ составляла ихъ отличительный признакъ и различалась, сообразно съ званіемъ и положеніемъ носившаго, по цвѣту (чернаго, краснаго или фіолетоваго) и отдѣлкѣ.

Оружіе и вооруженіе.

Оборонительное вооруженіе (доспѣхъ) было почти повсемѣстно ¹ доведено до такой высокой степени цѣлесообразности, что съ этой стороны едва ли еще возможны были какія нибудь улучшенія. Всѣ дальнѣйшія его усовершенствованія могли быть направлены лишь на то, чтобы увеличить его подвижность, какъ въ отдѣльных частяхъ, такъ и въ цѣломъ, и въ этомъ отношеніи было сдѣлано и дѣлалось не мало попытокъ, черѣдко очень замысловатыхъ, которыя хотя и привели къ преобразованію отдѣльных частей вооруженія, но какой нибудь перемѣны въ общемъ его составѣ произвести не могли. Существенныя измѣненія, которымъ оно подверглось, коснулись и его формы, и его отдѣлки. Та и другая обуславливались современнымъ вкусомъ, а форма сверхъ того еще измѣненіями костюма и, главнымъ образомъ, быстро возраставшимъ распространеніемъ и болѣе искуснымъ употребленіемъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Чтобы по возможности сдѣлать доспѣхъ способнымъ сопротивляться дѣйствію огнестрѣльныхъ снарядовъ, всѣмъ частямъ его стали давать форму болѣе округлую чѣмъ угловатую, выбивать на немъ сплошные продольные желобки или каннелюры (*Pfeifen* или *Riefeln*) и усиливать его прочность накладками и скрѣпами. Но когда убѣдились, что достаточнаго сопротивленія дѣйствію огнестрѣльнаго оружія вообще нельзя достигнуть — начали откидывать одна за другою тѣ части доспѣха, которыя казались теперь менѣе важными, и такимъ образомъ мало по малу упростили по частямъ всё вооруженіе. Появилось такъ называемое половинное вооруженіе. Составъ такого вооруженія былъ очень различенъ: обыкновенно оно состояло изъ шлема, нашейника (*Halsberg*), иногда съ короткими паручами, закрывавшими руку до локтя, и кирасы, снабженной или набедрами (цѣльными или висячими, т. е. закрывающими переднюю часть бедра), или короткою юлкою (*Schooss*). Подобно этому

¹ См. выше ч. I: (Франція, Англія, Нидерланды) стр. 106, (Германія и Сканд. земли) стр. 178, (Италія) стр. 226, (Испанія) стр. 253. Къ приведеннымъ въ указанныхъ мѣстахъ сочиненіямъ прибавимъ еще слѣдующія: F. Ritter von Hauslab: Ueber die charakteristischen Kennzeichen der geschichtl. Entwicklungs - Abschnitte der Kriegertracht vom XVI bis XIX Jahrh. Wien 1864. — Sibald David Scott: The British Army: its Origin, Progress, and Equipment. London and New-York 1868. 2 vols (съ политическими). Charles Boutell. Arms and Armour in Antiquity and the middle Ages. Also a descriptive Notice of modern Weapons. Translated from the French of M. P. Lacombe, etc. London and New-York. 1869 (съ рисунками).

было, очень распространенное въ послѣдствіи, вооруженіе ландскнехтовъ, съ тою только разницею, что шлемъ замѣнялся въ послѣднемъ простымъ шишакомъ безъ забрала, но лишь у пѣхотинцевъ, конные же ратники имѣли настоящій шлемъ (съ забраломъ) и цѣльные панножники. — Впрочемъ нѣкоторые рыцари, даже изъ богатыхъ, продолжали по привычкѣ вооружаться по прежнему въ цѣльный доспѣхъ, но они и теперь уже составляли исключеніе, а съ конца двадцатыхъ годовъ столѣтія старинное цѣльное вооруженіе совсѣмъ исчезаетъ.

Одновременно съ этимъ преобразованіемъ вооруженія, выдѣлка его и отдѣлка всякаго рода украшеніями достигли высокой степени совершенства, особенно въ Германіи, благодаря содѣйствію талантливыхъ художниковъ, такъ что описываемый періодъ можетъ по справедливости быть названъ самою блестящею порою вооруженія ¹.

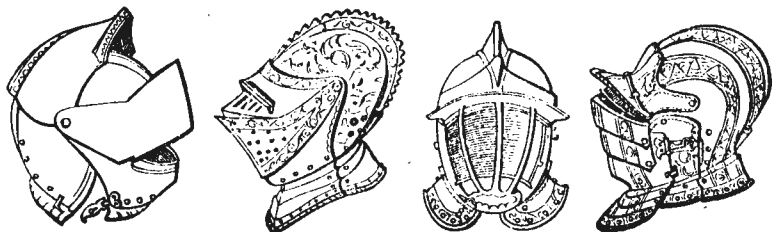
Главнѣйшія измѣненія, пронесенныя въ формѣ различныхъ частей вооруженія въ первой половинѣ столѣтія состояли въ слѣдующемъ:

Прежде всего, въ первое же десятилѣтіе, бывшій въ общемъ употребленіи шишакъ — *salade* или *Schallern* (фиг. 92 a b) былъ замѣненъ вновь изобрѣтеннымъ бургундскимъ шлемомъ — *bourguignon*, *bourginot* или *bourginet*, который былъ одновременно принятъ какъ во Франціи и Англіи, такъ и въ Германіи, и оставался долго въ употребленіи. Забрало его, первоначально состоявшее изъ двухъ частей — налобника и набородника, двигавшихся на общемъ шарнирѣ (фиг. 92 c, d), было скоро разбито на три части, т. е. отъ налобника отдѣлена часть назначенная для защиты глазъ, такъ что теперь весь шлемъ распадался на 4 части: наголовникъ, покрывавшій голову, налобникъ, наглазникъ и набородникъ, которые все вращались вокругъ шарнировъ въ видѣ пуговицы, устроенныхъ на бокахъ шлема (фиг. 287, a). Затѣмъ, набородникъ былъ въ свою очередь раздѣленъ по ширинѣ на двѣ равныхъ половины, которыя соединялись съ головою частью посредствомъ двухъ длинныхъ шарнировъ и на нихъ растворялись подобно дверцамъ, а спереди замыкались крючками. Вмѣстѣ съ этими бургундскими шлемами, — которые имѣли еще ту особенность, что плотно охватывали шею и посредствомъ окружавшей ихъ нижній край выпуклости врѣзывались въ воротникъ латы, — постепенно вошли въ употребленіе шлемы, снабженные непосредственно прикрѣпленнымъ къ нимъ нашейникомъ для защиты шеи и затылка (фиг. 287 b). Этотъ нашейникъ или воротникъ былъ составленъ изъ нѣсколькихъ — обыкновенно двухъ или трехъ — узкихъ металлическихъ полосокъ и раскрывался съ боковъ вмѣстѣ съ набородникомъ (фиг. 287 b). Забрало этихъ шлемовъ, также какъ и прежнихъ бургундскихъ, выковывалось такъ, что профиль его напоминалъ морду животнаго, болѣе всего морду обезьяны (фиг. 287 b; ср. фиг. 92 c d), почему и самые шлемы называли обезьянными (*Affenhelm*), а забрало ихъ иногда и дѣйствительно давали форму головы какого нибудь животнаго, чаще всего фантастическаго.

¹ Ср. особ. J. H. von Hefner-Alteneck. *Original-Entwürfe deutscher Meister für Prachtrüstungen französ. Könige. Mit fotogr. Nachbildungen.* München (безъ года); и S. Rush Meyrick. *Description of a German suit of armour, made for Henry VIII, now in Tower of London* (From the *Archaeologia*, Vol. XXII). London 1828.

Въ 20-хъ годахъ появился новый родъ головного вооруженія: Карпе, Haube или Sturmhaube. Онъ былъ какъ-бы упрощеніемъ настоящаго шлема и состоялъ изъ одной головной части безъ забрала, но съ наушниками, назатыльникомъ и палобинкомъ. Наушники были подвижны на шарнирѣ и продырявлены, а палобинкъ и назатыльникъ выкованы вмѣстѣ съ главною частью или неподвижно къ ней припаяны. Позднѣе, въ 40-хъ годахъ, къ этимъ шишакамъ прибавлено было рѣшетчатое забрало, которое можно было снимать (face-guard; фиг. 287 с), или забрало составленное изъ нѣсколькихъ поперечныхъ пластинокъ, которое по желанію прикрѣплялось крючками или пряжками (фиг. 287 d), такъ что такой шишакъ можно было превратить въ полный шлемъ, или въ полшлемъ (съ рѣшетчатымъ забраломъ), или носить совсѣмъ открытымъ. Подъ шлемы и вообще всякаго рода головное

Фиг. 287.

вооруженіе постоянно надѣвалась толсто простеганная шапка изъ какой нибудь мягкой матеріи.—Для защиты шлема отъ ударовъ, посрединѣ его, въ направленіи отъ затылка ко лбу, выковывался гребень, снабженный трубочкой, въ которую вставлялся султанъ изъ перьевъ. Гребень этотъ, у бургундскихъ шлемовъ довольно плоскій, у настоящихъ шлемовъ и шапокъ (Hauben) дѣлался обыкновенно значительной вышины и ширины, а позднѣе (около половины столѣтія) къ нему стали прибавлять (чаще всего у шапокъ) еще два болѣе низкихъ гребня, по одному съ каждой стороны. Султанъ, которымъ уже и прежде благородные рыцари любили украшать свои шлемы, достигъ около половины столѣтія неумѣренной величины, но затѣмъ сталъ снова уменьшаться и притомъ перѣдко появлялся уже и на шлемахъ простыхъ ратниковъ.

Воротникъ (Halsberge)—если онъ не былъ выкованъ вмѣстѣ съ самимъ шлемомъ, а надѣвался отдѣльно, какъ при бургундскомъ шлемѣ—состоялъ изъ поперечныхъ пластинокъ, соединенныхъ между собою на подобіе чешуи и окружалъ всю шею вплоть до подбородка. Обыкновенно онъ дѣлался вмѣстѣ съ короткими наплечниками, тоже пластинчатыми, и надѣвался всегда подъ кирасу (ср. фиг. 288, 289 и слѣд.).

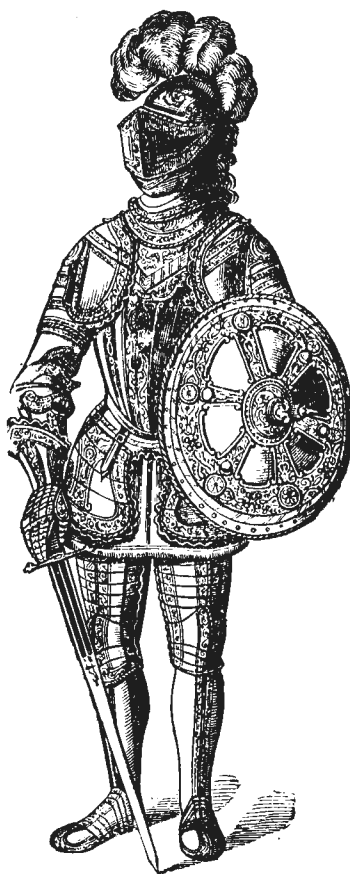
Наплечники, прикрѣпившіеся къ воротнику пряжками или штифтами, съ одной стороны были сдѣланы удобоподвижныя посредствомъ дальнѣйшаго ихъ расчлененія, а съ другой увеличены въ объемѣ, такъ что переднія ихъ крылья доходили до середины груди, а заднія до половины спины. Они или гладко прилегали къ плечамъ (фиг. 288, 289) или — что стало чаще встрѣчаться начиная съ 20-хъ годовъ — заворачивались на плечахъ попереч-

нымъ гребнемъ (Stosskragen, Stauchen; passe-garde) отъ 2 до 4 дюймовъ вышины (фиг. 291, 292 и слѣд.; ср. фиг. 89). Переднее крыло праваго наплечника дѣлалось обыкновенно нѣсколько уже лѣваго, такъ что не закрывало подмышечной впадины, — для того чтобы удобнѣе было вкладывать въ нее копьѣ. Въ случаѣ, когда сражались безъ копья, подмышечную впадину закрывали круглой бляхой (palette, tasset, roundel), обыкновенно снабженной посредию кеглеобразнымъ остриемъ (фиг. 288). У наплечниковъ безъ переднихъ крыльевъ, послѣднія замѣнялись двумя такими бляхами (фиг. 293 а; ср. фиг. 84 а и фиг. 86 а, с).

Фиг. 288.

Фиг. 289.

Вооруженіе верхней части руки состояло иногда изъ однихъ поперечныхъ пластинокъ, сѣблленныхъ вмѣстѣ и охватывавшихъ руку со всѣхъ сторонъ. — Палокотники дѣлались очень просторные, а наружные ихъ щитки, или раковины, возможно широкіе. Вгибая внутрь передній край раковины, её какъ бы раздвигали на двѣ чашки или на два листа (фиг. 288, 291), и внутренніе края этихъ листовъ соединяли вмѣстѣ поперечнымъ узкимъ обручемъ, служившимъ защитой для локтеваго сгиба (фиг. 289). Впослѣдствіи

этотъ обручъ былъ откинутъ и замѣнялся или кольчужною сѣткой, или нѣсколькими узкими поперечными пластинками. Вооруженіе предплечія осталось прежнее, т. е. наручъ, составленный изъ двухъ продольныхъ пластинокъ соединенныхъ шарниромъ и смыкающихся крючками или пряжками. Иногда, по весьма рѣдко, къ верхнему его краю прикрѣплялись нѣсколько поперечныхъ пластинокъ.

Перчатки и рукавицы, съ длинными заостренными или прямыми раструбами, изготовлялись изъ толстой кожи и металлическихъ пластинокъ, которая наподобіе чешуи покрывали наружную часть руки и пальцевъ. Не всегда обѣ перчатки одного и того же доспѣха были одинаковы, а очень часто правая перчатка дѣлалась удобоподвижнѣе (т. е. изъ большаго числа и болѣе мелкихъ пластинокъ), чѣмъ лѣвая. — О необыкновенной изобрѣтательности въ изготовленіи искусственныхъ рукъ свидѣтельствуется, вмѣстѣ съ многими другими подобными работами, сохранившаяся до сихъ поръ «железная рука» Гёца Берлихингенскаго ¹.

Нагрудникъ всё еще выковывался обыкновенно изъ одного листа (фиг. 289; ср. фиг. 89 и слѣд.; фиг. 118 а). Впрочемъ теперь начали дѣлать нагрудники, нижняя половина которыхъ составлялась изъ нѣсколькихъ подвижныхъ поперечныхъ чешуй, а поздиѣ и цѣльные такимъ образомъ составленные нагрудники (a suite of splints). До двадцатыхъ годовъ форма нагрудника была кругло-выпуклая, бочковатая, иногда только съ едва замѣтнымъ рубцомъ посрединѣ нагрудника, но съ тѣхъ поръ рубецъ этотъ стали выковывать по прежнему въ острое ребро (фиг. 118 с), особенно у тѣхъ нагрудниковъ, которые не были каннелированы (фиг. 288). Подъ правой подмышкой къ нагруднику придѣлывался откладной на шарнирѣ крючокъ для копья (queue, lance-rest).

Наспинникъ выдѣлывался соответственно нагруднику и смыкался съ нимъ на плечахъ и съ боковъ штифтами, крючками и пряжками. — Составленный изъ поперечныхъ пластинъ подолъ кирасы сталъ дѣлаться короче прежняго (фиг. 80 и 90 b, ср. фиг. 288), а вскорѣ былъ и совсѣмъ откинутъ (фиг. 290 и 291).

Набедры, прикрѣплявшіяся спереди къ кирасѣ посредствомъ штифтовъ или пряжекъ, стали теперь дѣлать не изъ одной цѣльной доски, а изъ нѣсколькихъ, слегка выгнутыхъ поперечныхъ пластинокъ (фиг. 288 и 289, ср. фиг. 89 и слѣд.), и притомъ, если онѣ назначались для половиннаго доспѣха, при которомъ ихъ надѣвали сверхъ обыкновенныхъ широкихъ полуштановъ, значительной ширины и съ закругленнымъ нижнимъ краемъ (ср. фиг. 289 и 293 а). Пространство между набедрами закрывалось кольчужной рубахой, которую еще часто надѣвали подъ кирасу, или особымъ кольчужнымъ передникомъ, или оставалось не закрытымъ (фиг. 288, 290,

¹ Ch. v. Mechel. Die eiserne Hand des tapfern deutschen Ritters Götz von Berlichingen, wie selbige noch bei seiner Familie in Franken aufbewahrt wird, sowohl von aussen als von innen dargestellt. Berlin 1815. fol. — G. Fincke. Abbildung und Beschreibung von alten Waffen und Rüstungen etc. von Llewelyn Meyrick. Pl. LXVII, 1. 2, в вообще: K. Geissler. Abbildung und Beschreibung künstlicher Hände und Arme, nebst einer Vorrede von Prof. Dr. Jörg. Leipzig 1817.

293; ср. фиг. 289, 89, 118 с).—Съ двадцатыхъ годовъ начали дѣлать и у доспѣха такой же клапанъ (braguette), какой было тогда принято носить у штановъ. Онъ выковывался изъ желѣза и прикрѣплялся къ кирасѣ

Фиг. 290.

Фиг. 291.

посредствомъ внутренняго крючка или подвижнаго шарнира (фиг. 290, 291; ср. фиг. 214 и 236).

Перѣдко набедры вовсе не надѣвались, а замѣнялись полами надѣтаго подъ кирасу камзола, или подвязаннымъ подъ нее сборчатымъ передникомъ (фиг. 291 и 292 а). Такие передники и съ такими же складками дѣлались даже изъ желѣза (lamboys, lambeau) и прикрѣплялись къ поясу кирасы. Такъ какъ они заходили за колѣна, то чтобы было возможно въ нихъ садиться верхомъ, у нихъ дѣлались спереди и сзади полукруглые вырѣзы ¹. — Вообще въ описываемое время, особенно въ тридцатыхъ годахъ сто-

¹ Прекрасный образецъ такого передника представляетъ находящееся въ Амбразеровомъ музеѣ въ Вѣнѣ, до послѣдняго времени ошибочно такъ называвшееся вооруженіе Микрава и Курюрета Албрехта Бранденбургскаго. Ср. E. von Sacken. Die K. K. Ambraser-Sammlung etc. I, 170 и прекрасный снимокъ у J. von Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters. III, Taf. 48.

лѣтія, при выдѣлкѣ вооруженія старались подражать, насколько это было возможно по качеству матеріала, формамъ принятой тогда одежды, и выдѣлывали на немъ буфы, прорѣзы и т. п. (фиг. 293 а, с, ср. фиг. 237 а) даже придѣлывали къ кирасѣ заднюю, сѣдалищную часть (culette:

Фиг. 292.

фиг. 293 с). Пробовали также составлять и цѣлые доспѣхи изъ однихъ только пластинокъ, сдѣланныхъ между собою на подобіе чешуи; но такіе доспѣхи оказались неудобными, такъ какъ при сильныхъ движеніяхъ, особенно туловища, чешуи нагрудника и наспинника легко заворачивались одна на другую и оставляли незащищенные мѣста для ударовъ. — При всемъ этомъ, многіе продолжали еще употреблять старинную чешуйчатую брону, особенно во Франціи и Англіи, а въ Италіи (въ Венеціи) похожее на *jazerin* или *corazin* вооруженіе изъ бархата, шолка или подобной матеріи на металлической подкладкѣ; если же вѣрить картинамъ и рисункамъ изъ первой четверти столѣтія, то не была совсѣмъ оставлена и туника, надѣвавшаяся сверхъ вооруженія (фиг. 292 b, 87, 117, 146 а, 160 b).

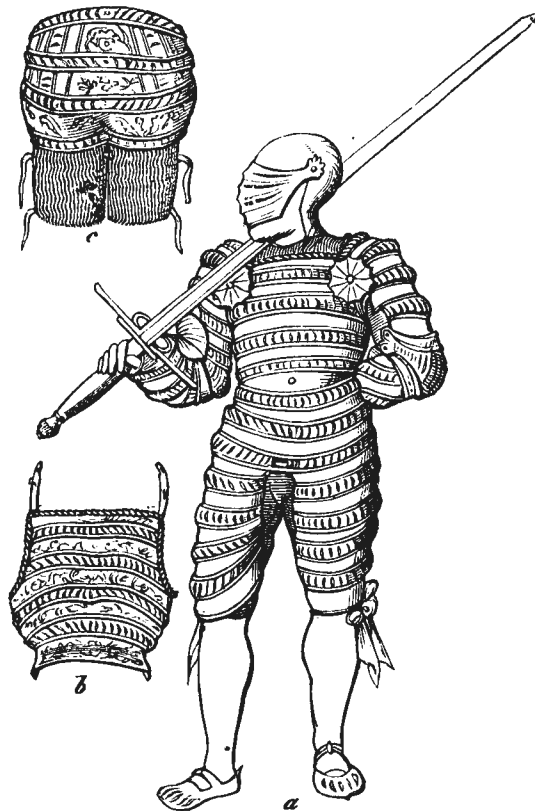
Наколѣнники и поножи остались почти безъ измѣненій. Первые исполнѣ соответствовали налокотникамъ, какъ формою, такъ и устройствомъ, а послѣдніе, подобно наручамъ, составлялись, какъ и прежде, изъ двухъ смыкавшихся вмѣстѣ досокъ, съ одной или двумя поперечными подвижными пластинками у нижняго края. На задней половинкѣ поножей дѣлался прорѣзъ для шпоръ, такъ какъ теперь шпоры пристегивались къ обуви, а не сверхъ поножей, какъ прежде.

Башмаки обыкновенно составлялись изъ цѣльнаго носка и такой же пятки, связавшихъ широкою пластинкою на подъемѣ и нѣсколькими попе-

речными пластинками (фиг. 288, 289, 291). Форма ихъ сообразовалась съ приятою формою обыкновенной обуви.

Щитъ — почти утратившій свое значеніе оборонительнаго оружія — сохранилъ усвоенную ему круглую форму (фиг. 289). Щиты дѣлались по прежнему металлическіе, или деревянные, обтянутые кожей съ металлическими накладками и украшеніями. Внутренняя сторона щита выстилалась толстой подкладкой, или къ ней придѣлывалась стеганая подушка съ поперечными рем-

Фиг. 293.

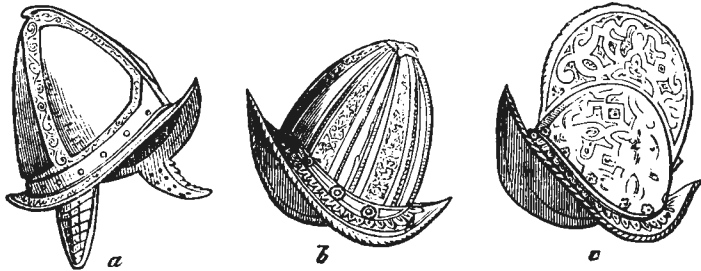

нями, подъ которые продѣвали руку. Къ ободу щита прикрѣплялся крѣпкій шнурокъ или ремень, на который щитъ вѣшали черезъ плечо или закидывали на спину, когда онъ былъ ненуженъ. Маленькіе ручные щиты имѣли только одну рукоятъ и на внутренней сторонѣ близъ обода крючокъ, за который ихъ вѣшали на рукоятъ меча и такъ носили. Вмѣстѣ съ этими щитами оставался въ употребленіи и большой деревянный, обтянутый нѣсколькими кожами, четырехугольный щитъ—target; tartsche.

Съ начала столѣтія вошло въ обыкновеніе края главнѣйшихъ частей доспѣха выковывать витымъ рубцомъ, на подобіе шнурка, а края поперечныхъ пластинъ, верхнихъ и нижнихъ, — легкимъ волнистымъ изгибомъ.

Съ конца 40-хъ годовъ полный доспѣхъ началъ мало по малу выходить изъ употребленія и уже въ половинѣ 70-хъ встрѣчался какъ рѣдкое исключеніе. Его замѣнилъ половинный доспѣхъ, состоявшій изъ одной кирасы надѣтой на кольчугу съ длинными рукавами (фиг. 295). Тѣмъ не менѣе въ теченіи этихъ лѣтъ различныя части вооруженія снова подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ въ отношеніи формы:

Фиг. 294.

«Бургундскій» шлемъ былъ почти совершенно вытѣсненъ настоящимъ шлемомъ и въ особенности каскою. Въ тоже время начала входить въ употребленіе новая, вѣроятно испанская форма каски, подъ названіемъ *morian* (*morian*, *murgion*—мавританская шапка). Первоначально это была болѣею частью янцобразная, позднѣе болѣе округленная шапка (или скорѣе шляпа) съ полями, спереди и сзади остроконечно загнутыми вверху, сначала безъ гребня и съ подвижными щечниками (фиг. 294 а б), а потомъ съ гребнемъ, перчаткою очень высокимъ, но безъ щечниковъ, и съ трубкой для султана (фиг. 294 с). Каски принадлежали преимущественно къ вооруженію пѣхотинцевъ, а именно — къ вооруженію всадниковъ.

Фиг. 295.

Воротникъ дѣлался или вмѣстѣ съ наплечниками, составленными изъ нѣсколькихъ поперечныхъ полосъ (фиг. 295 а), или безъ нихъ (фиг. 296 с). Въ первомъ случаѣ его надѣвали съ кирасой безъ рукавовъ, въ последнемъ съ полными латами.

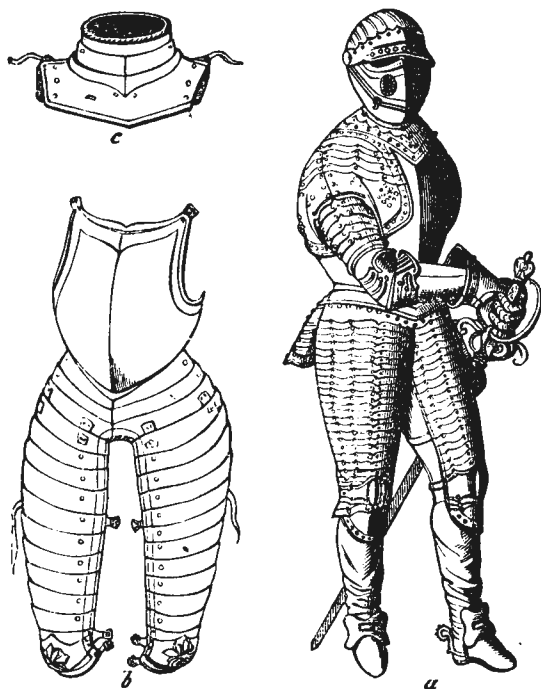
Такъ какъ конь, какъ боевое оружіе, вышло изъ употребленія, то переднія крылья наплечниковъ были уравнены въ объемъ, или замѣнялись широкими бляхами. Локотники стали меньше и уже, съ очень небольшими раковинами, а позднѣе и совсѣмъ безъ нихъ. Перчатки въ последнюю

четверть столѣтія стали дѣлать съ длинными и очень широкими раструбами (ср. фиг. 296 а).

Нагрудникъ удлинился и ребро его или гребень сталъ острѣе, а съ 1570 г., въ подражаніе тогдашнему модному фасону камзола, выпятился въ такъ наз. тогда гусиное брюхо (Gansbauch: ср. фиг. 223 а, b; 232 а, b). Къ наспиннику стали теперь чаще и чаще придѣлывать довольно объемистый подолъ изъ поперечныхъ пластинъ (фиг. 296 а).—Чешуйчатая броня, или бригантины (brigantines), и корзины (corazine) встрѣчались еще мѣстами, но казались уже странными.

Общеупотребительныя теперь половищныя набедры (Diechlinge, закрывавшія ляжку только спереди) стали дѣлаться значительной ширины, такъ какъ надѣвались сверхъ шароваръ. Вмѣстѣ съ этимъ онѣ увеличились и въ длину, такъ что заходили за колено; ихъ можно было по желанію и укорачивать, даже на половищу, отдѣливъ нѣсколько поперечныхъ пластинокъ, изъ которыхъ онѣ были составлены (фиг. 296 а, b).

Фиг. 296.

Поножи и желѣзную обувь стали чаще замѣнять высокими сапогами изъ толстой кожи, и шпоры—очень тяжелые и съ большими колесцами—пристегивать на сапогъ (фиг. 296 а, 295 а).

Щитъ снова получилъ свое прежнее значеніе, которое и сохранилъ до половины осьмидесятыхъ годовъ (фиг. 295 с). Измѣненій въ немъ никакихъ не произошло, кромѣ того, что въ большихъ щитахъ стали дѣлать нѣсколько круглыхъ или чаще—очень узкихъ отверстій.

Съ цѣлью сдѣлать латы непроницаемыми для огнестрѣльнаго оружія, ихъ выковывали все толще и толще, вслѣдствіе чего, конечно, онѣ становились все тяжелѣе и въ послѣднюю четверть столѣтія нерѣдко вѣсили гораздо болѣе ста фунтовъ, даже вѣсъ одного шлема или одной каски доходилъ иногда до 25 фунт. и болѣе.

До конца 40-хъ годовъ вооруженіе дѣлалось предпочтительно свѣтлое, изъ полированной стали, рѣдко вычерненное съ свѣтлыми полосами. Съ 50-хъ годовъ стало входить въ обычай носить его или совсѣмъ черное, иногда съ выплешными на немъ наискось полосками, или совсѣмъ синее (вороненое). Но такъ какъ почти около этого же времени былъ изобрѣтенъ способъ придавать стали ровный свѣтлокоричневый цвѣтъ, то его стали примѣнять и къ выдѣлкѣ вооруженія и тѣмъ охотнѣе, что свѣтлокоричневая сталь несравненно лучше череной и вороненой гармонировала съ золотыми насѣчками, которыми украшали вооруженіе. Однакожъ, съ конца осьмидесятихъ годовъ черная и синія окраска снова взяла верхъ надъ свѣтлокоричневой.

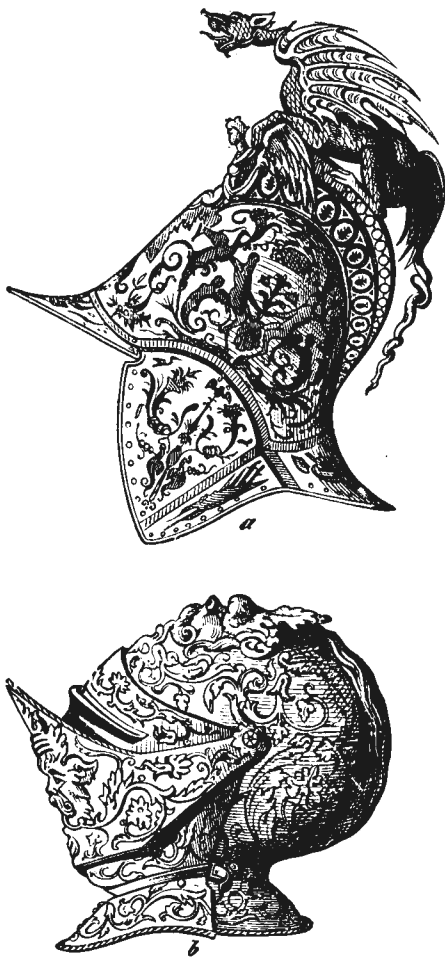
Что касается собственно отдѣлки вооруженія, то для исполненія на немъ различныхъ украшеній употреблялись все извѣстные уже въ концѣ 15 вѣка пригодные для этой цѣли способы (какъ то: насѣчка, рѣзьба, золоченье, гравированье и мн. др.) и нѣкоторые вновь открытые. Изъ послѣднихъ особенно часто примѣнялось гравированье посредствомъ вытравливанья, изобрѣтенное около 1510 г. вѣроятно Албрехтомъ Дюреромъ или несомнѣнно имъ усовершенствованное. Этимъ способомъ можно было получить рисунокъ или украшеніе углубленно или выпукло. Въ первомъ случаѣ мѣсто, назначенное для рисунка, покрывалось мягкой, легко-твердѣющею массою, не-распускающеюся отъ крѣпкой водки, и желаемый рисунокъ выскабливался на массѣ иглою до самаго металла, затѣмъ все окружали восковою стѣнкою, наполняли образовавшееся углубленіе крѣпкою водкою, и оставляли стоять до тѣхъ поръ, пока водка не выѣдала на металлѣ проскобленный рисунокъ. Чтобы получить украшеніе выпукло, оно само покрывалось нерастворимою массою, которую обыкновенно разжижали и намазывали кисточкою.

Само собою разумѣется, что такимъ образомъ отдѣланное вооруженіе могли пріобрѣтать, кромѣ государей, одни только очень богатые люди¹, поэтому оно всегда было довольно рѣдко; до половины же тридцатыхъ годовъ даже сами государи и знатнѣйшіе рыцари, особенно въ Германіи, хотя и славившейся своими оружейниками, довольствовались простымъ, полированнымъ или желобчатымъ, вороненымъ и черненымъ вооруженіемъ. Все украшеніе такого вооруженія, если оно вообще на немъ было, состояло изъ простыхъ или фигурныхъ коймъ и полосъ, насѣченныхъ золотомъ или выгравированныхъ на немъ мѣстами (фиг. 289, 291, 293). Съ конца тридцатыхъ годовъ, кромѣ вытравленныхъ украшеній, стали отдѣлывать вооруженіе выпуклыми орнаментами чеканной работы. Этотъ способъ, особенно любимый во Франціи и Италіи, былъ уже давно извѣстенъ и нѣмецкимъ

¹ Такъ, между прочимъ, оружейникъ Деизерій Кольманъ за изготовленіе нѣкоторыхъ частей доспѣха для Филиппа Испанскаго (1552) получилъ 600 кронъ. Прекрасно вычеканенное оруженіе, находившееся въ Дрезденскомъ цвингерѣ, стоило не менѣе 14000 таллеровъ. Berlepsch, Chronik der Feuerarbeiter. p. 111.

оружейникамъ, которые владѣли имъ въ такомъ совершенствѣ, что даже короли Франціи, Испаніи и Англіи нерѣдко заказывали имъ свои особенно дорогія вооруженія. Сначала чеканныя украшенія располагали на доспѣхѣ мѣстами, обыкновенно посрединѣ каждой отдѣльной его части, (фиг. 295 а — с), но скоро стали покрывать ими весь доспѣхъ. Такимъ образомъ

Фиг. 297.

отдѣлывали преимущественно парадные доспѣхи, пользуясь при этомъ и всѣми другими способами отдѣлки, такъ что подобный доспѣхъ нерѣдко представлялъ художественное соединеніе всего, что могло быть исполнено въ этой области. Господствовавшій тогда стиль возрожденія, съ его необыкновеннымъ обиліемъ формъ и ихъ неисчерпаемымъ разнообразіемъ, былъ особенно благоприятенъ для такой отдѣлки. Все что могла придумать изобрѣтательность художника — всякаго рода листовыя украшенія, арабески, животныя, маски, гении, оружіе (большею частью въ видѣ трофеевъ), фигурныя изображенія, какъ изъ римской міоологіи, такъ и изъ земной жизни Христа, изъ древней и новой исторіи — словомъ все, что только можно было представить, соединялось въ разнообразныя, но всегда полныя смысла сочетанія и употреблялось для украшенія. Изъ значительнаго числа сохранившихся вооруженій такой роскошной отдѣлки, которая достигла своей высоты около половины столѣтія и затѣмъ начала постепенно падать, мы приведемъ здѣсь каску Франциска I (фиг. 297 а) и одинъ богато украшенный шлемъ (фиг. 297 б) — и тотъ и другая изъ перваго періода, а изъ втораго — ка-

ску же (фиг. 298 а) и morion (фиг. 298 б), украшенія котораго исполнены уже съ меньшимъ вкусомъ. Изъ оружейниковъ особенно славились своимъ искусствомъ въ Италіи: Сераф. Брешиано, Бьянкарди, Фил. Нигроли, Пиччинини, Пьяти, Пик. Ромеро; въ Испаніи: Франц. Алкосеръ, Діон. Корріентесъ, Ант. Руицъ, Юл. де-Рей, де-Лукарде; во Франціи: Ант. Жакаръ, Кюрсинъ; въ Германіи: Дезидер. Кольманъ, Францъ Гросшедель, Мартинъ Гоферъ, Андр. Юнггауеръ, Кунцъ Лохнеръ, и др. —

Конское вооруженіе, введенное въ Германіи Максимиліаномъ I, подверглось подобнымъ же измѣненіямъ и улучшеніямъ, какъ и рыцарское. Составныя его части (перечисленныя выше, ч. I, стр. 119) остались тѣже, но устройство нѣкоторыхъ было измѣнено: нашейникъ (cervical; Kanz) стали теперь дѣлать весь изъ узкихъ поперечныхъ пластинъ; точно также и заднюю часть конской брони рѣдко выковывали изъ большихъ листовъ, а составляли тоже изъ узкихъ пластинокъ, заканчивая её иногда какою нибудь фигурою въ родѣ фантастическаго животнаго или звѣриной головы; къ наголовнику, вверху между ушами, придѣлывали трубочку, куда вставлялся султанъ изъ перьевъ (panache); кромѣ того, на нагрудникъ (poitrail) и на боковыхъ частяхъ (bardes) выбивались полушаровидныя выпуклости, имѣвшія цѣлю ослаблять удары при сшибкѣ двухъ всадниковъ (фиг. 299).

Фиг. 298.

Сѣдла дѣлались по прежнему очень крѣпкія, обитыя желѣзомъ, съ высокою переднею лукой и такою же сѣнкою, отъ которыхъ шли до самого края сѣдла родъ крыльевъ, служившихъ опорой ногѣ и вмѣстѣ защитой отъ ударовъ. — Съ половины столѣтія къ конской бронѣ прибавленъ былъ желѣзный парыльникъ; богато отдѣланныя попоны (palefrois, capereations), которыми убирали вооруженныхъ коней, употреблялись только для турнировъ и торжественныхъ процессій; въ военное время ихъ замѣняли такимъ же образомъ скроенныя попоны изъ толстой кожи (parga, porsche).

Вмѣстѣ съ боевымъ вооруженіемъ измѣнялось и вооруженіе употреблявшееся на турнирахъ¹. Образовалось четыре рода турнирнаго вооруженія,

¹ Объ этомъ вооруженіи, также какъ и о различныхъ родахъ турнировъ преимущественно въ 16 столѣтіи, см. A. Frenzel. Der Führer durch das historische Museum zu Dresden, S. 64; E. von Sacken. Die k. k. Ambraser-Sammlung. S. 87. Изъ множества относящихся сюда сочиненій (изъ коихъ очень многія приведены у Frenzel'a) мы укажемъ здѣсь на слѣдующія иллюстрированныя: Ritterliche Reuterkunst, worinnen deutlich begriffen wie man zuvorderst die Ritterliche und adeliche Uebung der Reuterey bevorab in Teutschland, mit musterhaftigem Geschmuck, Kitterspiel, Mumerey, Kleydung u. s. w. so dero beydes in Schimpff und Ernst abhängig gebrauchen urd unterscheiden möge. Frankfurt 1584. fol. Turnier-Buch Herzog

изъ коихъ два для коннаго турнира и два для пѣшаго. Для пѣшаго поединка употреблялось обыкновенно боевое вооруженіе (фиг. 292), иногда съ прибавленіемъ къ нему большого, плоскаго или выпуклаго, книзу заостреннаго щита, или такое же вооруженіе, но съ особыми прибавками къ нему для защищенія лица, груди и правой руки.

Фиг. 299.

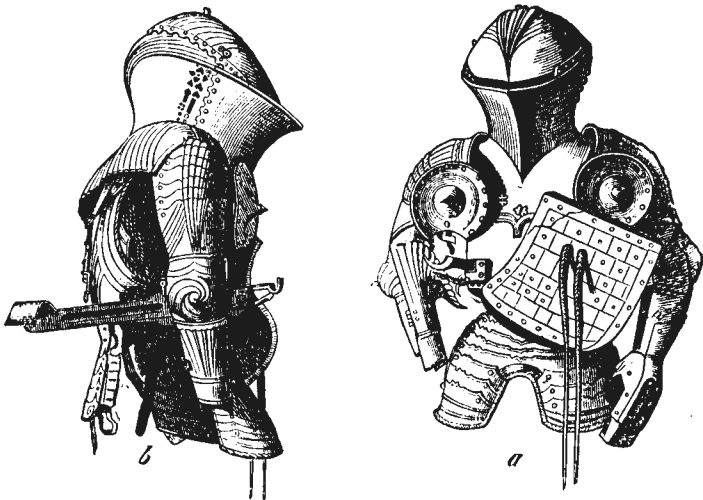
Вооруженіе для коннаго поединка было двухъ родовъ — тяжелое и легкое*. Въ тяжеломъ главную роль игралъ закрытый шлемъ, нижнюю свою часть привычавшійся къ латамъ (фиг. 300 a b; ср. фиг. 92 i). Затѣмъ къ нему принадлежали: наплечники съ задними крыльями и большими круглыми бляхами вмѣсто переднихъ крыльевъ; наручи, изъ коихъ правая была снабжена большою выгнутою бляхою на локтевомъ сгибѣ, а лѣвая такою же бляхою (раковиною) на локтѣ; желѣзная рукавица для лѣвой руки, такъ какъ правая была защищена щиткомъ коня

Wilhelms IV. von Bayern, von 1510—1515 — in Steindruck (farbig) nachgegeben von A. Sennfelder mit Anmerkungen von Schlichtergroll. München 1818—1828. fol. transv. Jacob Burgmayer's Turnier-Buch nach Anordnung Maximilians I. Herausg. von J. H. von Heiner-Altenack. Frankfurt a. M. 1853. fol. Der Rittersaal. Eine Geschichte des Ritterthums, seiner Gebräuche und Sitten. Artistisch erläutert von F. M. von Reibisch, historisch beleuchtet von F. von Kottenkamp. Frankfurt a. M. 1842.

* Авторъ называетъ ихъ: der schwere Stechzeug и der Rennzeug. Мы перевели первое — тяжелымъ, послѣднее — легкимъ вооруженіемъ, единственно потому, что въ составъ перваго входятъ болѣе отдѣльныхъ частей, чѣмъ въ составъ втораго, хотя послѣднее на цѣлыхъ десять фунтовъ оказывается тяжелѣе перваго. Пер.

(*vamplatte*; см. ч. 1. стр. 121); нагрудникъ, къ правой сторонѣ котораго былъ привинченъ очень крѣпкій крюкъ, служившій опорой для коня (фиг. 300 б), а къ лѣвой пристегнуть четырехугольный небольшой щитъ (фиг. 300 а); наконецъ, спина была защищена наспинникомъ состоявшимъ изъ узкой пластины, а нижняя часть туловища — короткимъ подоломъ. Такое вооруженіе вѣсило отъ 68 до 70 фунтовъ. — Конскую броню составляли — стальной налобникъ, закрывавшій и глаза, и толсто набитый соломой нагрудникъ. Лошади на турнирахъ убирались обыкновенно длинными, всю лошадь до копытъ закрывавшими попонами, богато расшитыми разными эмблемами, девизами и пр. — Единственнымъ нападательнымъ оружіемъ было конье отъ 14 до 15 футовъ длиною, съ тупымъ тройнымъ концомъ.

Фиг. 300.

Легкое вооруженіе состояло изъ шапки, похожей на открытый шлемъ 15 столѣтія (фиг. 92 а. б), набородника (*mentonnière*) закрывавшаго шею и подбородокъ, нагрудника съ крюкомъ для коня и короткимъ подоломъ, и втораго набородника такой величины, что вмѣстѣ съ нижней частью лица онъ закрывалъ почти все туловище (*grande garde*). Обыкновенный вѣсъ такого вооруженія составлялъ отъ 80 до 82 фунтовъ. Конская броня при этомъ вооруженіи была такая же, какъ и при тяжеломъ, но сѣдло употреблялось особаго устройства — безъ спинки и съ двумя толстыми загнутыми внутрь крыльями по обѣимъ сторонамъ передней луки, для защиты ногъ всадника. — Нападательнымъ оружіемъ служило тоже конье, но съ острымъ концомъ и особымъ щиткомъ, прикрывавшимъ верхнюю часть руки.

Что касается нападательнаго оружія, то почти всѣ доселѣ существовавшіе виды его, за исключеніемъ немногихъ оказавшихся бесполезными при распространеніи огнестрѣльнаго оружія, оставались въ употребленіи до половины столѣтія, и притомъ безъ особенно существенныхъ измѣненій въ формѣ.

Мечъ во всѣхъ своихъ формахъ продержался почти до конца сороковыхъ годовъ. Перемѣны, сдѣланныя въ немъ за это время, состояли въ томъ, что клинокъ его сталъ длиннѣе и уже, а перекладина, теперь болѣею частью съ загнутыми внизъ концами, была преобразована въ эфесъ прибавкою къ ней (къ одной наружной ея сторонѣ или къ обѣимъ сторонамъ) одного или двухъ горизонтальныхъ колецъ (фиг. 291 и 293), а иногда кромѣ того еще скобы, которая шла отъ передняго конца перекладины до головки рукояти и защищала руку (фиг. 290; ср. фиг. 214; 236 b; 238 a). Этотъ простой эфесъ во второй половинѣ столѣтія былъ значительно усовершенствованъ: прямая и длинная перекладина была замѣнена короткою, изогнутою эсомъ (S) съ пуговками на концахъ, число скобъ было увеличено, такъ что онѣ образовали родъ сквозной корзинки со всѣхъ сторонъ защищавшей руку (фиг. 296; ср. фиг. 220; 223 a). Въ семидесятыхъ годахъ стали входить въ употребленіе (уже ранѣе этого времени извѣстныя во Франціи и Испаніи) длинныя шпаги или рапиры, какъ ихъ называли, которыя были въ сущности видоизмѣненіемъ стариннаго французскаго *estoc*—оружія съ очень узкимъ трехъ или четырехграннымъ клинкомъ. Эфесъ рапиры состоялъ изъ прямой перекладины, иногда съ одною только вертикальною скобою безъ боковыхъ колецъ, но всегда съ чашеобразнымъ щиткомъ подъ нею для защиты руки (фиг. 224). Оружіе это очень скоро замѣнило собою мечъ вездѣ, кромѣ боя. — Вмѣстѣ съ измѣненіемъ формы меча измѣнилась и мапера носить его. Прежде его носили прямо или, если онъ былъ очень длиненъ, слегка наискось и на длинной портунѣ (фиг. 290; 291; 295; ср. фиг. 214, 238 и др.), теперь же, особенно при широкихъ и толсто набитыхъ полштанахъ, портунею стали подтягивать короче, такъ что рукоять меча или рапиры совершенно перевѣшивалась напередъ, а клинокъ принималъ очень наклонное, иногда почти горизонтальное положеніе (фиг. 245 a. b; фиг. 222—225). — Солдатскій мечъ, въ противоположность рыцарскому, сталъ короче и шире и къ концу сороковыхъ годовъ превратился въ родъ большого пожа (*gainpain*, *gaigne-pain*; *bread-earner**: фиг. 245 a; 236). Если у такого пожа было одно лезвіе, то онъ назывался *kordelatsch*, *gardelatz*, *cordelas*, *coltellaccio*, *cultas*; если же, сверхъ того, клинокъ его былъ изогнутъ на подобіе сабельнаго, его называли *Dusägge* (отъ его первоначальнаго славянскаго названія—тесакъ). Впрочемъ эта послѣдняя форма стала извѣстна довольно поздно и вообще употреблялась въ бою очень рѣдко. — Къ солдатскому оружію принадлежалъ также очень большой и тяжелый (двуручный) мечъ съ прямымъ или извивистымъ клинкомъ (*flamberge*) до шести футовъ длины (фиг. 293), и съ прямой загнутой на концахъ перекладиною, безъ ручной скобы, но съ серповиднымъ подъ нею крюкомъ для принятія ударовъ (фиг. 236 a). Такіе мечи носили безъ поженъ, положивъ на плечо; они оставались въ употребленіи до половины столѣтія. Изъ остальныхъ видовъ холоднаго ору-

* Едва ли это названіе (которое можно перевести словомъ „кормилецъ“ — то что кормитъ, что добываетъ хлѣбъ человѣку) относилось именно къ этой формѣ меча. Солдаты тогдашній, т. е. наемный ратникъ, могъ очень хорошо называть кормильцемъ свой мечъ какой бы онъ формы не былъ, потому что дѣйствительно кормился мечомъ, какъ необходимымъ оружіемъ своего ремесла — войны. Пер.

жія, нѣкоторые, какъ напр. такъ наз. *Panzerstecher* и *Bohrschwert* (штыкоподобныя оружія съ граненымъ или круглымъ узкимъ клинкомъ для пробиванія латы) продержались до 80-хъ годовъ, а другіе до конца столѣтія. — Настоящая сабля употреблялась и теперь почти исключительно Поляками, Русскими, Венгерцами и Турками.

Съ распространеніемъ рапиры, общеупотребительный до сего времени двулезвийный широкій книжалъ сталъ всё чаще замѣняться тонкимъ стилетомъ съ открытою (безъ скобки) рукоятью и щитковиднымъ эфесомъ, пока наконецъ не исчезъ совершенно даже и въ своей формѣ *misericorde* (см. ч. I, 121), когда вышли изъ употребленія и досчатая лата. Въ это послѣднее время стали выдѣлывать книжалы съ прорѣзными узорчатыми клинками и появились даже книжалы съ тройнымъ клинкомъ, раскрывавшимся отъ нажатія пружины. Въ началѣ столѣтія вошло въ обыкновеніе, въ особенности между знатными, привѣшивать книжалъ къ поясу на длинномъ шнурѣ съ кистями или на богатой цѣпочкѣ (фиг. 213 и 214; ср. фиг. 291). Вообще же его носили у самого пояса на правомъ боку, или за спиной (фиг. 290; ср. фиг. 235); стилетъ большею частью затыкали за поясъ, иногда прятали подъ камзолъ (за-назуху).

Конье, какъ рыцарское боевое и турнирное оружіе и какъ оружіе конницы, осталось безъ всякихъ измѣненій. Точно также и конье пѣшихъ ратниковъ сохранило свою прежнюю длину (отъ 10 до 18 фут.) и свойственную ему форму простой крѣпкой шки (фиг. 234 b; 245 a). Дротъ (метательное конье), напротивъ того, исчезъ совершенно изъ боевого употребленія и удержался лишь въ рыцарскихъ играхъ и какъ охотничье оружіе.

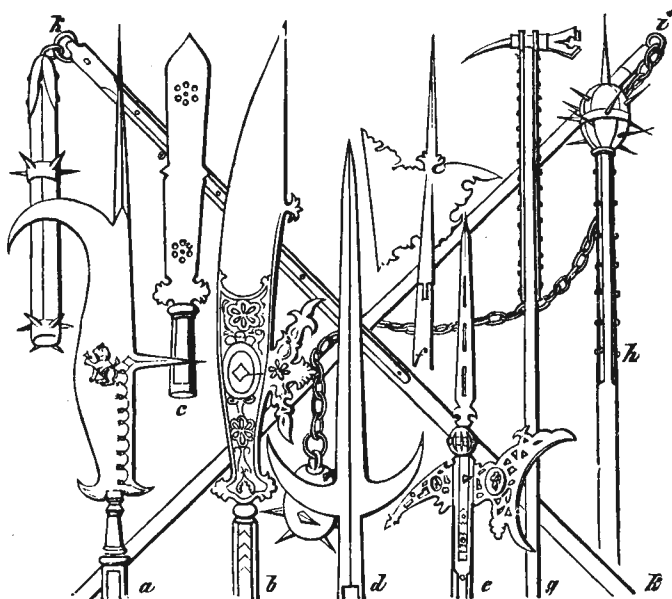
Различной формы съकुція и колюція оружія на длинныхъ древкахъ остались по прежнему вооруженіемъ одной только пѣхоты, но получили болѣе правильное распредѣленіе между ея частями. Они носили различныя названія, смотря по формѣ клинка пасаженнаго на древко, которое обыкновенно имѣло отъ 6 до 8 фут. длины: оружія съ длиннымъ и широкимъ серповиднымъ или пожевиднымъ клинкомъ съ отдѣляющимися отъ него остріями и зубцами назывались *Glaiven*, *Glefen* или *Cousen* (фиг. 301 a. b); съ плоскимъ къ верху расширяющимся клинкомъ — *voulge* или *boulge*, также *Spetum* и (съ болѣе короткимъ клинкомъ снабженнымъ двумя боковыми зазубринами) *Sponton* (фиг. 301 c); съ длиннымъ остроконечнымъ клинкомъ съ двумя обращенными вверхъ серповидными рогами или «ушами» по бокамъ — партизанами (*pertuisanes*; *Partisanen* и *Runkonen* или *Ronsarden*: фиг. 301 d); тѣ, которыхъ клинокъ имѣлъ форму топора или сѣкиры съ крюкомъ или молоткомъ на обухѣ, — алебардами: *Halbarten*, *Hallebarden* или *Helmbarten* (фиг. 301 e. f). Въ предѣлахъ этихъ основныхъ формъ допускались различныя измѣненія; такъ напр. клинки алебардъ дѣлались то съ прямымъ лезвіемъ, то съ полукруглымъ, то съ серповиднымъ, или съ выгравированными на нихъ узорами, съ позолотой и т. п.

Вмѣстѣ съ этими оружіями оставались въ употребленіи далеко за половину столѣтія такъ называвшіяся утреннія звѣзды (*Morgensterne*) или крошкы (*holywater sprinklers*) — усаженные остріями желѣзные шары

прикрѣпленные цѣпью къ длинной рукояти, и подобаго же устройства тяжелые боевые цѣпы или молотила (фиг. 301 h. i. k), равно какъ и давно уже извѣстныя боевыя вилы о трехъ зубцахъ съ загнутымъ среднимъ зубцомъ.

301

Фиг. 260.

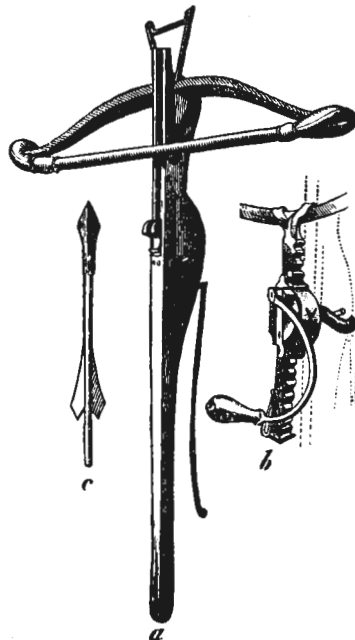
Боевыя молоты, топоры и перенятые отъ восточныхъ народовъ палицы или булавы (Pusikan; Buzogany, обыкновеннѣе — Kürissbengel — фиг. 176 a. b. c) остались какъ боевое оружіе только у Швейцарцевъ и у конницы, у послѣдней до тѣхъ поръ пока не были замѣнены сѣдельными пистолетами (что послѣдовало въ половинѣ столѣтїа); за этими исключенїями, они употреблялись еще нѣкоторое время только на турнирахъ, или ихъ носили просто для красоты при богатомъ вооруженїи. Вскорѣ затѣмъ они обратились въ знакъ отличїя главнокомандующихъ арміями и тогда дѣлались очень малыхъ размѣровъ (фиг. 291; 299; ср. фиг. 175 c. d. e), но во второй половинѣ столѣтїа и въ этомъ послѣднемъ качествѣ ихъ стали все чаще замѣнять простымъ жезломъ (фиг. 295; 245 b).

Вслѣдствїе быстрого распространенїа и постояннаго совершенствованїа ручнаго огнестрѣльнаго оружіа, простой лукъ былъ почти повсемѣстно оставленъ, за исключенїемъ Англіи, гдѣ лучники (archers) продолжали еще составлять особую часть арміи. Самострѣль (арбалетъ) продержался нѣсколько долѣе — до половины столѣтїа, и за это время въ немъ были сдѣланы нѣкоторыя усовершенствованїа. Обыкновенно очень узкій прикладъ его былъ расширенъ на манеръ ружейнаго, снарядъ для натягиванїа тетивы (фиг. 302 b) упрощенъ; самый лукъ стали теперь дѣлать исключительно стальной, — а болты съ короткимъ и толстымъ стержнемъ и широкимъ четырехграннымъ остриемъ. Появилась даже новая форма самострѣла, подѣ

названіемъ *Baläster*, назначенная преимущественно для охоты. Этотъ ново-изобрѣтенный самострѣлъ былъ очень легокъ, весь изъ желѣза, за исключеніемъ приклада, съ двойной тетивой, и стрѣлялъ пулями или шариками, которые вкладывались въ небольшую стѣтку прикрѣпленную къ тетивѣ (отсюда и нѣмецкое названіе его: *Kugelschnepper*).

Что касается ручного огнестрѣльнаго оружія¹, то оно еще долго, почти до конца столѣтія, сохраняло свою первоначальную неуклюжесть и тяжеловѣсность — по крайней мѣрѣ какъ армейское оружіе, — несмотря на то, что уже въ двадцатыхъ годахъ было изобрѣтено совершенно новое, болѣе цѣлесообразное устройство замка. Это зависѣло отъ того, что старинная тяжелая пищаль съ фитильнымъ замкомъ (фиг. 303 а) была привычнѣе солдатамъ, а во вторыхъ отъ того, что новоизобрѣтенный замокъ былъ гораздо сложнѣе, искусственнѣе, слѣдовательно стоилъ значительно дороже и введеніе его въ войскѣ потребовало бы слишкомъ большихъ затратъ. Замокъ этотъ, изобрѣтенный между 1510 и 1518 въ Аугсбургѣ или Нюрнбергѣ, затѣмъ улучшенный Нюрнбергцемъ Вольфомъ Дюннеромъ и въ исходѣ столѣтія снова усовершенствованный тамошними оружейниками Куфусомъ и Рекнагелемъ, получилъ названіе колеснаго (*Radschloss*: фиг. 303 б. в.). Устройство его было слѣдующее: непосредственно подъ сквозною полкою* съ откидною крышкой было придѣлано довольно широкое зубчатое колесо, которое заводилось (настораживалось) ключемъ; курокъ, съ ввинченнымъ въ него кусочекъ твердаго сѣраго колчедана, помѣщался за полкою и спускался на встрѣчу стрѣляющему (а не отъ него, какъ у позднѣйшихъ замковъ): отъ нажатія пружины (собачки) колесо срывалось съ завода и начинало быстро вращаться, крышка полки отскакивала, курокъ спускался и ударялъ о нее, и происшедшія отъ удара искры зажигали порохъ на полкѣ. Этотъ замокъ почти никогда не остѣкался и первое время былъ даже запрещенъ въ иныхъ

Фиг. 302.

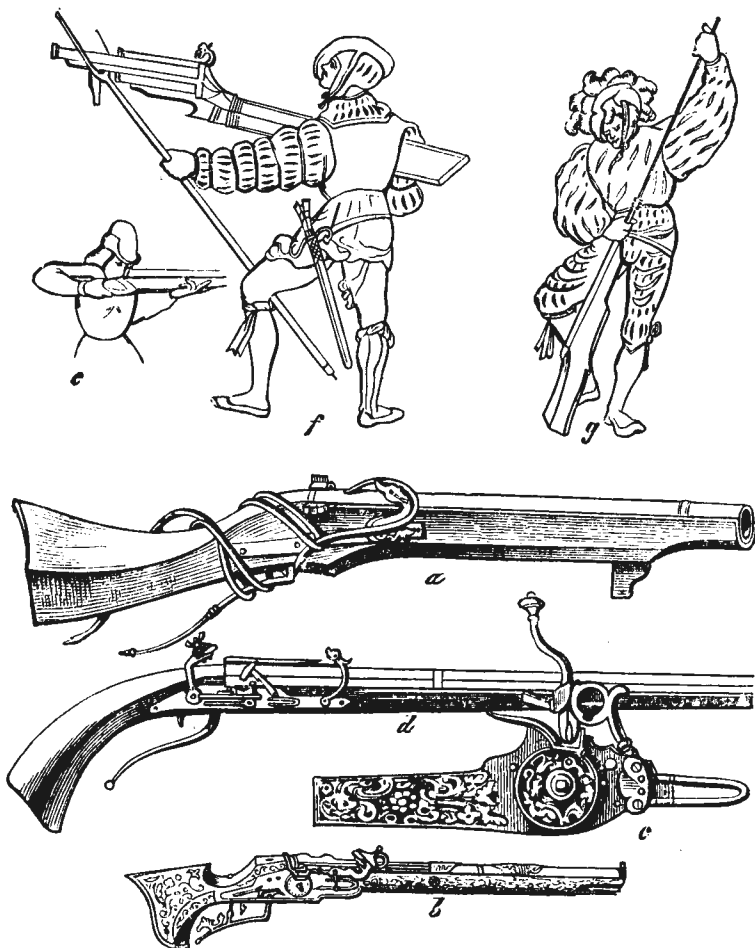

¹ Сверхъ перечисленныхъ (ч. I, 123) см. еще слѣдующія сочиненія: E. Weyden. Die Erfindung des Schiesspulvers und der Feuerwaffen 1844 J. Schön. Geschichte der Handfeuerwaffen. Mit 32 Tafeln. Dresden 1858, и Essenwein. Zur Geschichte der Feuerwaffen (въ „Anzeiger für Kunde der Deutschen Vorzeit“) 15 Jahrg. 1866. Nr. 7 und 8. Mit Abbild.)

* ..unter einer bodenlozen Pfanne. Слѣдоват. порохъ попадалъ и на колесо, которое при быстромъ вращеніи задѣвало за кремь и тоже производило искры, такъ что когда остѣкался курокъ, порохъ на полкѣ, или втрѣ — въ полкѣ, зажигался искрами происходящими отъ соприкосновенія зубцовъ колеса съ кремнемъ. Потому то и говорится ниже, что этотъ замокъ почти никогда не остѣкался. Пер.

мѣстахъ, какъ опасный. Вѣроятно по его образцу былъ устроенъ въ Испанскихъ Нидерландахъ еще новый замокъ, названный испанскимъ и занимавшій какъ бы средину между фитильнымъ и колеснымъ. Въ немъ курокъ (тоже съ кускомъ колчедана) помѣщался впереди полки, подлѣ которой находился родъ молоточка повертывавшагося на шарнирѣ (фиг. 303 d): спу-

Фиг. 303.

щенный курокъ ударялъ о головку молоточка, который опрокидывался назадъ. Иногда этотъ замокъ соединяли съ фитильнымъ, чтобы обезпечить себя на случай осѣчки (фиг. 303 d). — Изобрѣтенный въ началѣ столѣтя въ Нюрнбергѣ и затѣмъ усовершенствованный уже названнымъ выше Доннеромъ¹ способъ вытягивать стволы, вмѣсто того чтобы, какъ дѣлалось до

¹ О немъ писалъ современникъ его Иоганъ Нейдорферъ („Nachrichten von den vornehmsten Künstlern und Werkleuten“ etc. Nürnberg 1828, S. 24), что Доннеръ приобрѣлъ большую извѣстность своими ружьями, стволы которыхъ онъ выковывалъ изъ желѣза и потомъ высверливалъ и отдѣлывалъ. и каждый стволъ помѣчалъ своимъ знакомъ и именемъ. Доннеръ умеръ въ 1552 г.

тѣхъ поръ, выковывать ихъ на сердечникѣ, далъ возможность изготовлять пищали всякой длины и всякаго калибра, а вскорѣ затѣмъ и съ нартѣзными стволами. Вмѣстѣ съ этимъ и деревянные части ихъ стали дѣлать легче, въ особенности прикладъ получилъ болѣе удобную для прицѣла и болѣе изящную форму (фиг. 303 b).

Такія усовершенствованныя оружія, какъ само собою разумѣется, стоили дорого и потому изготовлялись сравнительно въ небольшомъ количествѣ для людей богатыхъ, которые притомъ же употребляли ихъ преимущественно для охоты, рѣже для войны, тѣмъ не менѣе усовершенствованіе ихъ не осталось безъ вліянія на устройство настоящаго армейскаго оружія — старинной пищали съ фитильнымъ замкомъ, которую теперь тоже стали выдѣлывать различной длины и различнаго калибра и съ болѣе легкимъ и удобнымъ ложемъ. Напротивъ того, нѣкоторые особые виды ручнаго огнестрѣльнаго оружія сохранили до конца всю свою первоначальную неуклюжесть. Таковы были между прочимъ такъ наз. *Ladenbüchsen* — пищали о двухъ, трехъ и болѣе стволахъ, до такой степени тяжелыя, что изъ нихъ стрѣляли не иначе какъ съ помощью вилкообразной подпорки (фиг. 303 f). Такимъ образомъ къ половинѣ столѣтія выработались двѣ главныхъ формы ручнаго огнестрѣльнаго оружія, которыя и были повсемѣстно приняты для вооруженія войскъ: мушкетъ со стволомъ относительно короткимъ и настолько легкій, что изъ него можно было стрѣлять съ руки (ср. фиг. 303 e. g), и аркебуза (*Hackenbüchse*; *arquebuse*), стволъ которой имѣлъ до 5 фут. длины и которая была такъ тяжела, что стрѣлять изъ нее безъ подпорки (сошки) было невозможно. По извѣстіямъ, эти сошки (*furchesfières*, *forquines*) были впервые введены во Франціи Францискомъ I, въ 1544 г., а мушкеты — въ испанско-нидерландскомъ войскѣ герцогомъ Альбою въ 1567 г. Въ Англіи, при Елизаветѣ, существовали три рода мушкета: легкій (*caliver*), широкоствольный (*carabine*) и тяжелый (*dragon* или *musketon*). Въ Германіи, кромѣ мушкета и аркебузы, употреблялись еще короткоствольныя (отъ 1 до 1½ фут.) ружья очень большого калибра — «въ куриное яйцо» — заряжавшіяся 12-ю и болѣе (до 15) пулями. Не ранѣе, какъ въ исходѣ столѣтія, нѣкоторые отдѣленія конницы были вооружены короткими мушкетами съ колеснымъ замкомъ. — Порохъ носили въ металлическихъ или деревянныхъ обтянутыхъ кожей пороховницахъ. Каждый стрѣлокъ имѣлъ при себѣ двѣ пороховницы — большую, съ крупнымъ порохомъ для зарядовъ, и маленькую, съ мелкимъ — для полки. Большая пороховница дѣлалась трехугольной съ металлической трубкой, которая служила вмѣстѣ и мѣркой для заряда и задвигалась внутри пружинною заслонкою. Мушкаты носили только маленькую пороховницу съ мелкимъ порохомъ для заправки, а вмѣсто большой — готовые патроны въ деревянныхъ трубкахъ, вложенныхъ въ родъ кожаного пояса, который перекидывался черезъ плечо.

При Францискѣ I появился во Франціи, подъ названіемъ *petrinal* (*poitrinal*) или *scopette* (*escopette*), новаго рода мушкетъ, очень короткій, но настолько еще тяжелый, что изъ него стрѣляли при помощи надѣтой на грудь перевязи, къ которой онъ былъ прикрѣпленъ. Настоящій (ручной) пистолетъ сталъ распространяться съ половины сороковыхъ годовъ, послѣ

изобрѣтенія колеснаго замка, который сдѣлалъ возможнымъ его устояство. Первоначально пистолеты дѣлались значительной величины и рукоятъ ихъ оканчивалась круглой головкой, которая вскорѣ была измѣнена въ овальную. Вообще, какъ въ формѣ, такъ и въ отдѣлкѣ этого оружія господствовало большое разнообразіе, увеличивавшееся еще тѣмъ, что иногда съ пистолетомъ соединяли какое нибудь холодное оружіе — мечъ, кинжалъ, молотокъ и т. п. — Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о ружьяхъ заряжающихся сзади, стволъ которыхъ для заряжанья отъивчивался: они появились въ исходѣ столѣтія; и о духовыхъ ружьяхъ, изобрѣтенныхъ въ 1430 г., въ Нюрнбергѣ Гутеромъ (Guter). Эти ружья были усовершенствованы тамъ же Юганномъ Лобфингеромъ, но всѣ старанія приспособить ихъ къ военному дѣлу остались безуспѣшны: они оказались настолько же слабѣе огнестрѣльнаго ружья, насколько балестры или самострѣлы стрѣлявшіе шариками дѣйствовали слабѣе настоящихъ самострѣловъ.

Благодаря постоянно возобновлявшимся войнамъ между Испанією и Францією, и стараніямъ императора Максимилиана I, военное устройство¹ во многихъ отношеніяхъ постепенно совершенствовалось, хотя развитіе его шло медленно. Арміи по прежнему составлялись изъ наемныхъ ратниковъ, неохотно подчинявшихся дисциплинѣ и нерѣдко причинявшихъ болѣе вреда странѣ, которой они служили, чѣмъ непріятелю, съ которымъ они должны были сражаться. Нѣкоторые государства содержали также отряды постоянного войска, такъ назыв. гвардію, но отряды эти были еще слишкомъ малочисленны, и участіе ихъ въ настоящемъ военномъ дѣлѣ слишкомъ исключительно для того, чтобы они могли послужить прочной основой для правильной военной организаціи. Съ этой стороны все ограничивалось пока образованіемъ регулярной пѣхоты, настоящаго значенія которой однакожъ еще не сознавали и потому не умѣли ею пользоваться надлежащимъ образомъ. Общепринятый тогда пѣхотный строй былъ таковъ, что почти никакія быстрыя движенія при немъ не были возможны. Распространеніе огнестрѣльнаго оружія обнаружило всѣ недостатки существующаго военного устройства и вмѣстѣ съ тѣмъ все настоятельнѣе стала чувствоваться необходимость въ постоянномъ войскѣ. Появились талантливые военачальники, сумѣвшіе отрѣшиться отъ преданія, и энергически принялись за преобразование старыхъ и введеніе новыхъ военныхъ порядковъ. Герцогъ Оранскій въ Голландіи и Сюлли во Франціи развили систему постоянныхъ армій и значительно усовершенствовали самое расчлененіе войска, пока еще преимущественно по отношенію къ осадной войнѣ. Обойтись безъ наемныхъ войскъ

¹ Сверхъ названныхъ на стр. 137 сочиненія Гауслаба и Давида Скотта, см. еще: *Kriegswesen im 16. Jahrhundert*, (v. Hormayr's Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunst, 1828, Nr. 132). J. G. Hoyer, *F. Sforza I., Herzog von Mailand. Darstellung des Kriegslebens im Mittelalter*. 2 Th. Magdeburg 1846; изъ современныхъ сочиненій, изъ коихъ нѣкоторые иллюстрированы, Leonhard Fromsperger, *Kriegsbuch. Von Kaiserlichen Kriegs Rechten, Malefiz und Schuldhändeln, Ordnung und Regiment. Mit schönen Figuren* Frankfurt a. M. 1556 (поздн. изд. 1573 и 1593). *Kriegs Discurs von Bestellung dess gantzten Kriegswesens et weilandt dess Edlen Teutschen Helden Herrn Lazarussen von Schwendi, Freiherrn zu Hohen Landsperg etc. an Tag geben*. Frankf. a. M. 1593. Camillo Agrippa. *Trattato di Scienza d'Arme*. Venetia. 1568.

было и теперь еще невозможно, и они продолжали играть свою роль въ остальныхъ странахъ, но Франція къ этому времени считала у себя 14 тысячъ постоянного войска, Голландія до 20 тысячъ, и по крайней мѣрѣ въ этихъ двухъ странахъ было положено прочное начало его дальнѣйшему приращенію. Къ этому же времени относится образованіе въ Голландіи и Англіи военной морской силы.

Организаціи войска соотвѣтствовалъ и наружный видъ составлявшихъ его ратниковъ. Въ наемныхъ войскахъ каждый одѣвался какъ хотѣлъ, однакообразіе соблюдалось только въ оружіи, по которому они раздѣлялись на отряды (полки) — алебардщиковъ, меченосцевъ и т. д. Позднѣе, принадлежавшихъ къ одному отряду стали отличать особымъ знакомъ, но ничего подобнаго нашей обмундировкѣ не существовало. Только при торжественныхъ церемоніяхъ, участвующія въ нихъ войска одѣвали иногда въ одинаковую одежду, но даже и въ такихъ случаяхъ подобнаго рода обмундировка была рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ, между прочимъ, при вѣздѣ эрцгерцога Фердинанда Австрійскаго въ Штуттгартъ въ 1522 г., онъ былъ встрѣченъ депутатами Вюртемберга, которыхъ сопровождало 60 всадниковъ въ красной съ желтымъ разнополосной одеждѣ, съ коньями и въ каскахъ, и горожанами въ числѣ 600 человекъ въ такой же одеждѣ и въ латахъ¹.

Хотя государи и военачальники постоянно заботились о томъ, чтобы ихъ войско, туземное (ополченіе) или наемное, было хорошо вооружено, и по временамъ издавали на этотъ счетъ особыя распоряженія, но чаще всего должны были, покоряясь обстоятельствамъ, удовлетворяться тѣмъ вооруженіемъ, которое каждый ратникъ приносилъ съ собою. Когда курфюрстъ Фридрихъ и братъ его Іоаннъ въ 1494 г. потребовали отъ города Готы ратниковъ¹, они предписали тамошнему магистрату имѣть наготовѣ всѣхъ годныхъ людей, — «съ хорошими латами, шишаками, пищалями, самострѣлами, цѣпами (Flegeln) и другимъ хорошимъ оружіемъ, а также на каждые десять человекъ по крѣпкой повозкѣ со всякимъ боевымъ запасомъ, и сверхъ того нѣсколько полевыхъ пушекъ съ достаточнымъ количествомъ пороха и ядеръ (каменныхъ)». Постановленіемъ сейма, утвержденнымъ королемъ шведскимъ Густавомъ Эрикономъ въ 1526 г., предписывалось² чтобы рыцари, енископы и дворяне содержали съ каждыхъ четырехсотъ марокъ* по шести вооруженныхъ ратниковъ — трехъ конныхъ, вооруженныхъ латами, пищалями или копьемъ и для каждой лошади цѣною въ 30 марокъ, съ полной сбруей, и трехъ пѣшихъ съ самотрѣлами, алебардами и пищалями. Этотъ же король первый завелъ въ Швеціи въ 1542 г. постоянную гвардію въ 6000 человекъ; но и при немъ остальное войско набиралось частью изъ земскаго ополченія, частью изъ наемныхъ ратниковъ. Еще въ 1565 шведскій же король Эрикъ XIV счелъ необходимымъ предписать «чтобы каждый дворянинъ былъ вооруженъ съ ногъ до головы, а всадники были бы на хорошихъ коняхъ, въ панциряхъ, и съ исправнымъ

¹ J. Scheible. Die gute alte Zeit etc. W. von Reinöhls Sammlungen, I, 122. —

² A. Galetti. Geschichte und Beschreibung des Herzogthums Gotha I, 247. —

³ Olaf Dalins. Gesch. des Reiches Schweden. III, 113.

* von jeder vierhundert Mark.

оружіемъ, пистолетами у сѣдла и со щитами». Подобныя предписанія повторялись вездѣ во второй половинѣ столѣтія, но большею частью не достигали своей цѣли. Какъ ни старались, напримѣръ, особенно въ Германіи, добиться того, чтобы въ наемныхъ войскахъ по крайней мѣрѣ алебардщики имѣли на себѣ половинное вооруженіе съ каскою и желѣзнымъ нагрудникомъ, тѣмъ не менѣе у большинства ихъ не было никакого оборонительнаго вооруженія, кромѣ желѣзной шапки, или нагрудника, или даже просто куска кольчуги обращеннаго въ воротникъ (фиг. 245 а b). Только въ послѣдней четверти столѣтія стало замѣтно нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи, въ особенности у конницы, которая теперь усвоила себѣ половинное вооруженіе вмѣстѣ съ шлемомъ.

Дружины вольныхъ ратниковъ (ландскнехтовъ) процвѣтали преимущественно въ Германіи и Швейцаріи, особенно въ послѣдней, которая доставляла не только самыхъ сильныхъ, но и наилучше вооруженныхъ солдатъ. О швейцарцахъ писалъ уже соотечественникъ ихъ Юг. Штумпфъ въ своей швейцарской хроникѣ: «все сословія Гельвеціи способны къ военному дѣлу, и дворяне, и горожане, и крестьяне, даже священники, и тѣ не отстаютъ отъ нихъ. Все мужское населеніе какъ бы самою природою назначено для войны, потому-то въ странѣ такъ много воиновъ, что ихъ достанетъ на все войны. Король французскій постоянно держитъ 100 отборныхъ ратниковъ изъ швейцарцевъ, единственно для охраны своей персоны. Также и папы много лѣтъ держали въ Римѣ и Болонѣ швейцарскую гвардію по 200 человекъ, пока Римъ не былъ взятъ войсками Карла V. Въ 1542 г. папа Павелъ нанялъ 600 человекъ швейцарцевъ на 3 года и размѣстилъ ихъ въ Римѣ, Флоренціи, Болонѣ и Анконѣ по 150 человекъ въ каждомъ городѣ и платилъ по 4 кроны въ мѣсяцъ и по два платья въ годъ на человека». Въ такомъ же смыслѣ писалъ и Орелли между 1550 и 1575 г. о гражданахъ Цюриха. «Здѣшніе проповѣдники подобно прочимъ гражданамъ имѣютъ у себя панцирь и копьѣ, которые красуются у нихъ въ домѣ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, а то и въ рабочемъ кабинетѣ. Богословъ Лафатеръ, красивый собой мужчина, обладаетъ такимъ дорогимъ вооруженіемъ, какое развѣ можно найти только у рыцаря. И это дѣлается не изъ пустаго щегольства. Духовные запасаются оружіемъ для того, чтобы въ случаѣ надобности идти лично на защиту отечества. При штурмѣ они смѣшиваются съ остальными гражданами и вмѣстѣ съ ними бѣгутъ занять назначенныя имъ мѣста. Это прекрасное зрѣлище и оно произвело на меня сильное впечатлѣніе, особенно когда я подумалъ о кинжалахъ и ножахъ, которые прячутъ подъ своими сутанами итальянскіе духовные и бьютъ ими изъ-подтишка, вмѣсто того чтобы протянуть руку. Безъ шпаги на боку ни одинъ проповѣдникъ тамошній не всходитъ на кафедру».... «Простонародье здѣшнее предпочитаетъ красивый панцирь нарядному платью и держитъ его всегда отлично вычищеннымъ. Богатые граждане, которые сами или которыхъ предки служили въ военной службѣ, любятъ щеголять собраніями разнообразныхъ и красивыхъ вооруженій. У иныхъ офицеровъ, бывшихъ въ миланскихъ походахъ, есть цѣлыя оружейныя палаты, въ которыхъ не мало отнятаго у французовъ оружія въ видѣ трофеевъ. И не только сыновья этихъ офицеровъ не продаютъ ничего изъ этого наслѣдства, но даже ихъ дочери гордятся

имъ и считаютъ его лучшимъ приданымъ, какое онѣ могутъ принести своимъ будущимъ мужьямъ».... «Стараясь ограничить роскошь, власти смотрятъ сквозь пальцы на щегольство дорогимъ оружіемъ. Но для того чтобы граждане не были обманываемы при покупкѣ оружія, поставлены два эксперта, которые обязаны испытывать доброкачественность оружія, какъ изготовляемаго на мѣстѣ, такъ и привознаго; на забракованномъ оружіи они пробиваютъ дыру».... «Ношеніе кинжаловъ въ городѣ и его округѣ запрещается, но кто отправляется въ чужія владѣнія, тотъ можетъ вооружиться какъ ему угодно».... «Каждый гражданинъ долженъ обѣщать подъ присягой не продавать своего панциря и оружія, если онъ не замѣнилъ ихъ другими. Это предписаніе строго соблюдается, ибо и въ мирное время никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что ему не понадобится оружіе, напр. при пожарахъ, которые здѣсь однакожъ случаются рѣже, чѣмъ этого можно было бы ожидать при множествѣ деревяннаго строенія. Кромѣ этого, ежедневно должны быть вооружены граждане стерегущіе городскія ворота».—

Заведенныя въ иныхъ мѣстахъ постоянныя войска или гвардіи были тоже не вездѣ одинаково вооружены и одѣты. Впрочемъ съ половины столѣтія стало все болѣе и болѣе вводиться однообразіе въ ихъ вооруженіи, но не въ одеждѣ, которая оставалась произвольною до конца столѣтія. Только тѣ ихъ части, которыя составляли собственную лейбгвардію государей, имѣли одинаковую одежду, обыкновенно цвѣтовъ герба того государя, которому они служили, или по крайней мѣрѣ одежду съ его шифромъ. Такъ напр. на камзолахъ гвардейцевъ королевы Маріи Англійской былъ вышитъ (спереди и сзади) М съ короной, у гвардіи Генриха III французскаго — Н съ короной, а у гвардіи Генриха IV — палица въ облакахъ и надъ нею три звѣзды, а внизу девизъ: *dedit has, dabit his ultra*.

Не маловажную роль въ составѣ войска играли, по крайней мѣрѣ еще далеко за половину столѣтія, герольды, такъ какъ обыкновенно черезъ нихъ велись переговоры противныхъ сторонъ. Отличительною принадлежностью ихъ богатаго костюма была широкая, открытая на бокахъ накидка, доходившая до колѣнъ и имѣвшая спереди и сзади вышитый гербъ того государя, котораго представителемъ былъ герольдъ. При объявленіи опалы герцогу Готскому Югану Фридриху въ 1566 г., прибывшій для объявленія ея императорскій герольдъ явился въ сопровожденіи трубача, одѣтый въ похожую на ризу верхнюю одежду изъ чорнаго бархата, отороченную золотымъ позументомъ и украшенную на груди вышитымъ золотомъ и жемчугомъ императорскимъ орломъ, а на спинѣ такимъ же образомъ вышитою державою. На головѣ у него была надѣта маленькая бархатная шапочка; въ одной рукѣ онъ держалъ бѣлый жезлъ, а въ другой — опальную грамоту. Другой герольдъ, посланный къ герцогу курфюрстомъ Августомъ съ письмомъ извѣщавшимъ его о приказаніи императора совершить надъ нимъ объявленіе опалы, былъ одѣтъ въ кафтанъ краснаго бархата, такую же шляпу съ золотомъ, желтые бархатные штаны до колѣна и чорные бархатные отороченные золотомъ чулки. Онъ также держалъ въ рукѣ бѣлый жезлъ, но къ его жезлу былъ привѣшенъ красный флагъ и самое письмо, которое онъ привезъ.

Несмотря на то что и у восточныхъ народовъ начало распространяться, хотя и медленно, употребленіе ручного огнестрѣльнаго оружія, вооруженіе ихъ, какъ оборонительное, такъ и нападательное, сохранило усвоенныя ему изстари формы почти безъ всякихъ измѣненій. О вооруженіи Русскихъ было уже говорено выше (ч. I, 265). Въмѣсто металлическихъ доспѣховъ, ихъ ратники, преимущественно конные, одѣвались въ очень толсто набитые (хлопкомъ или пень-

Фиг. 304.

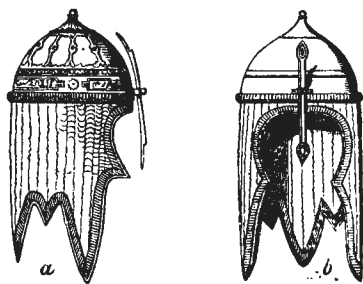

кою, и насквозь простеганные кафтаны* и шапки. У конницы эти кафтаны доходили до ступней и придавали ей, вмѣстѣ съ ея остальнымъ не менѣе неуклюжимъ вооруженіемъ, необыкновенно некрасивый видъ (фиг. 304). — Вооруженіе Поляковъ приближалось нѣсколько болѣе къ западноевропей-

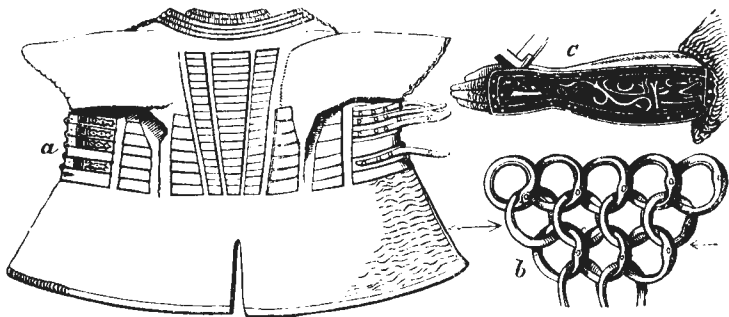
* Эти кафтаны или тегилан, какъ они назывались, употреблялись такими ратниками, которымъ металлическіе доспѣхи были не по средствамъ. Между тѣмъ у Русскихъ было нѣсколько видовъ такихъ доспѣховъ или бронеи, а именно: *Пансырь* или *панцырь*, доспѣхъ въ видѣ рубахи, изъ очень мелкихъ плотно сплетенныхъ желѣзныхъ колецъ; *кольчуга* — такой же доспѣхъ, но болѣе крупныхъ колецъ, *байдана*, у которой кольца были еще крупнѣе и не круглыя, а плоскія; *бахтѣрецъ* или *бехтѣрецъ* — панцырь или кольчуга выложенная на грудной, спинной и боковыхъ частяхъ рядами мелкихъ металлическихъ пластинокъ, иногда украшенныхъ серебряною или золотою настькою; *калантарь* — безрукавный доспѣхъ изъ двухъ половинъ смыкавшихся на плечахъ и бокахъ. Каждую половину отъ ворота до пояса составляли нѣсколько рядовъ крупныхъ металлическихъ досчечекъ скрѣпленныхъ кольцами, а отъ пояса къ низу кольчужный подолъ; *юшманъ* (юшманъ) — распашная кольчуга съ досчечками на груди, спинѣ и бокахъ; *куякъ* — похожій на юшманъ и калантарь, но доски въ немъ не сдѣланы изъ колецъ, а прикрѣплялись на сукнѣ или бархатѣ, и ими же иногда покрывались сверху; *зерцало* — самый красивый и дорогой изъ доспѣховъ, изъ крупныхъ металлическихъ досчечекъ, скрѣпленныхъ съ внутренней стороны ремнями и пряжками. Онъ состоялъ изъ двухъ половинъ соединившихся на плечахъ, какъ и калантарь. Всѣ эти доспѣхи были самые употребительные. Рѣже употреблялись заимствованныя у западной Европы латы — родъ кирасы изъ двухъ половинъ, скрѣпленныхъ на бокахъ и плечахъ крюками и петлями. Полный рыцарскій доспѣхъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ *кириса* (см. Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, съ рисунками, изданное по Высочайшему повелѣнію. Часть. I. Сиб. 1841 г.). Пер.

скому типу, хотя и въ него, а еще болѣе въ вооруженіе Венгровъ, вошло много азіатскихъ или собственно турецкихъ формъ. Въмѣсто западно-европейскихъ досчатыхъ доспѣховъ и прямыхъ шпагъ и кинжаловъ, какъ у Поляковъ, такъ и у Венгровъ, были въ употребленіи чешуйчатые и кольчатые панцыри (фиг. 265 а), также панцыри изъ колецъ и досчечекъ вмѣстѣ; для головы — плоскіе или остро-конечные шишаки (zischägge) съ на-затыльникомъ, палобникомъ и наушниками (фиг. 305 а. б), щиты (фиг. 265 б) и широкія сабли и кривые кинжалы. Кольчатые и досчатые панцыри имѣли форму настоящаго кафтана съ болѣе или менѣе длинными рукавами (фиг. 306 а б), или состояли изъ двухъ половинъ, причемъ переднюю половину почти всегда составляли выпуклая круглая середняя бляха и пять соединенныхъ съ нею кольцами боковыхъ досчечекъ, а заднюю — такая же середняя бляха съ поперечною пластиною и вырѣзомъ для шеи, и короткія выпнутыя наплечныя пластинки съ узкими промежуточными, всё это сдѣланное вѣстѣ кольчатымъ переплетомъ; предплечье защищалось налокотникомъ, а кисть руки — кольчатою рукавицею (фиг. 306 с). Ихъ

Фиг. 305.

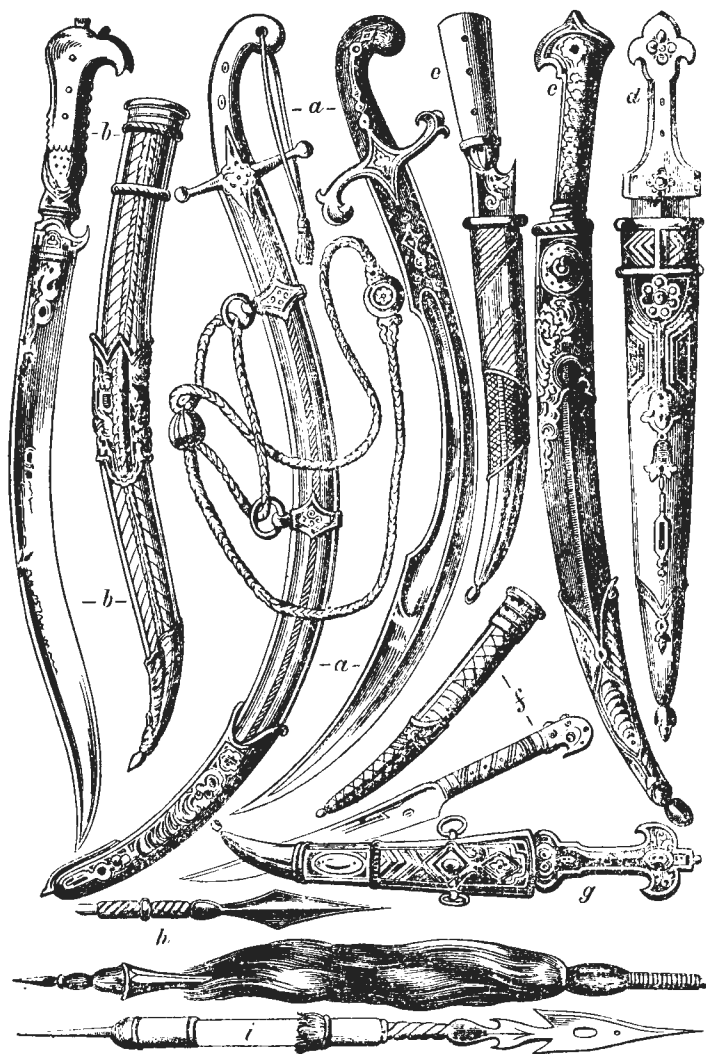
Фиг. 306.

нападательнымъ оружіемъ, кромѣ сабель и кинжаловъ, были: копыя различной длины, булавы (buzoganı; фиг. 260 б; 176); топоры (фиг. 304; 175), молоты или чеканы (фиг. 263 а; 265 с), короткіе луки съ принадлежностями (фиг. 304), самострѣлы, начинавшіе впрочемъ выходить изъ употребленія (фиг. 181) и, съ половины столѣтія, тяжелые и неуклюжіе мушкеты и пищали съ простымъ фитильнымъ замкомъ. — Оборонительное вооруженіе Турокъ ничѣмъ не разнилось отъ венгерскаго и польскаго, но они употребляли изъ него почти одни только шишаки и различной формы щиты (фиг. 207 б). Напротивъ того оружіе ихъ было очень разнообразно и въ особенности отличалось роскошною отдѣлкою, со-

вершенно въ восточномъ вкусѣ. Ихъ знамена были различныхъ формъ, въ томъ числѣ знамена привѣшенные къ древку на перекадинѣ (на подобіе хоругвей) и, освященные преданіемъ, длинныя древки съ полумѣсяцемъ на концѣ и конскимъ хвостомъ прикрѣпленнымъ подъ нимъ. Такими же хвостами Турки украшали иногда и свои длинныя боевыя копья (фиг. 307 h. i). — Какъ Русскіе, такъ и Венгры и Турки были всегда любителями

Фиг. 307.

красивыхъ лошадей и дорогой сбруи. Своихъ боевыхъ коней они одѣвали въ металлическія брони, составленныя изъ досчечекъ и колецъ, и убирали богато расшитыми чепраками и наголовниками изъ цвѣтныхъ перьевъ.

Что касается военного устройства этихъ народовъ, то оно было также своеобразно, какъ и ихъ вооруженіе, и еще сохраняло искони усвоенный ему характеръ. Исключеніе составляли Турки, такъ какъ султанъ ихъ Солиманъ II (1519—1566), тотчасъ же по вступленіи на престолъ, принялся за введеніе болѣе правильной организаціи въ турецкое войско и флотъ. Въ общемъ же и помимо того, что у Турокъ были янычары, а у Русскихъ стрѣльцы, составлявшіе значительныя постоянныя войска¹, военныя силы тѣхъ и другихъ, также какъ Поляковъ и Венгровъ, составляло конное дворянство съ своими дружинниками и, въ случаѣ нужды, ополченцами изъ принадлежавшихъ ему крестьянъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ присоединяли къ войску и наемныхъ ратниковъ, но всегда въ очень небольшомъ количествѣ. Вооруженіе и одежда этихъ войскъ были еще произвольнѣе чѣмъ на Западѣ; особенною пестротой въ этомъ отношеніи отличались войска польскія и венгерскія. Въ турецкомъ войскѣ одни только янычары были и одѣты и вооружены довольно одинаково (фиг. 272 а. б. с), въ остальныхъ же частяхъ его всё ограничилось болѣе правильнымъ распредѣленіемъ оружія и нѣкоторыхъ отличительныхъ знаковъ между частями войска, введеннымъ Солиманомъ II. У Русскихъ только Стрѣльцы представляли нѣкоторую однородность въ вооруженіи и одеждѣ². Они были одѣты въ высокіе сапоги, широкіе шаровары, казакинъ, доходившій до колѣнъ или ниже, подпоясанный кушакомъ, широкій и длинный кафтанъ съ умѣренно широкими рукавами, иногда на мѣху, и въ круглую или четырехугольную шапку съ мѣховымъ околышемъ. Вооружены они были по полкамъ: саблями, бердышами (фиг. 175 а б), луками и пищалями (самопалами); оборонительнаго вооруженія у нихъ никакого не было.—Объ одеждѣ и вооруженіи турецкихъ военныхъ начальствующихъ лицъ сообщаетъ современный авторъ путешествія въ Офенъ (*Beschreibung der Raiss nach Offen, wegen des Friedtss Tractation, so beschehen anno 1604*):³ «послѣ завтрака подѣхалъ къ намъ бей — плотный мушина съ полнымъ лицомъ и длинной бородой. На немъ была большая чалма, зеленый плащъ сверхъ желтаго исподняго платья, прекрасная серебряная сабля и желтые сапоги». — Затѣмъ пріѣхалъ къ намъ ага — полный, съ широкимъ лицомъ и кривой на правый глазъ: длинная черная съ простѣдой борода его была раздвоена. Онъ былъ одѣтъ въ янычарскую шапку съ висячимъ верхомъ (фиг. 271), украшенную золотомъ, яркочерный плащъ, лиловую нижнюю одежду и красные сапоги; его сабля была отдѣлана золотомъ и драгоценными камнями. Съ нимъ былъ другой турокъ, въ островерхой янычарской шапкѣ, съ очень высокимъ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ и подъ нимъ нѣсколько журавлиныхъ перьевъ. Турокъ этотъ былъ одѣтъ въ яркочерный доломанъ, коричневые шаровары, и желтые сапоги. Въ правой рукѣ онъ держалъ булаву, а у пояса имѣлъ серебряную саблю. Они явились

¹ Число янычаръ простиралось, измѣняясь по временамъ, отъ сорока до ста тысячъ; число стрѣльцовъ отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ. — ² Ср. прекрасно исполненные рисунки изданные подъ заглавіемъ. „Les Strelits, ancienne et seule milice de Russie jusqu'au temps de Pierre le Grand etc. dessinée et gravée à l'eau forte par Jean Baptiste le Prince, peintre du Roi“. — ³ H o r m a y r's Archiv für Geographie etc. Jahrg. 1819, № 44—45.

въ сопровожденіи высокорослыхъ, чрезвычайно толстыхъ людей или янычаръ, одѣтыхъ въ долманы и вооруженныхъ пищалями съ горящими фитилями, какъ будто они шли въ бой» и т. д.

Облаченіе духовенства.

Новое умственное и художественное направленіе, названное Возрожденіемъ, постоянно и быстро усиливаясь съ самаго начала этого періода, коснулось наконецъ и искони установленныхъ, какъ-бы заповѣдныхъ формъ богослужебнаго священническаго облаченія ¹. Измѣненіе облаченія началось прежде всего въ Италіи — исходномъ пунктѣ названнаго направленія, — и сначала ограничилось только его украшеніями, которыя старались согласовать съ требованіями господствующаго вкуса. Съ этою цѣлью образцы для украшеній стали заимствовать преимущественно у древнеримскаго (языческаго) искусства, а потому мало соотвѣтствовавшіе, даже противорѣчившіе христіанскому преданію. Слѣдствіемъ этого было то, что новыя украшенія не могли имѣть той значительности содержанія, какую имѣли прежнія, а такъ какъ ихъ все-таки старались приспособить къ данной цѣли, то они уступали послѣднимъ и въ свободѣ и законченности исполненія. Съ другой стороны и самыя матеріи для облаченій значительно ухудшились въ отношеніи добротности, благодаря начавшемуся теперь фабричному изготовленію ихъ въ большихъ количествахъ. Такимъ образомъ, прежнее истинно изящное великолѣпіе замѣнилось (особенно во второй половинѣ столѣтія) чисто наружною роскошью блестящихъ украшеній, которыми покрывали облаченія безъ вкуса и мѣры. Самымъ любимымъ украшеніемъ было выпуклое (рельефное) шитье шелками и жемчугомъ, особенно процвѣтавшее по Рейну и во Фландріи, а также и въ Нюрнбергѣ. Такого рода вышивками, изображавшими обыкновенно распятіе съ предстоящими святыми, покрывали сначала края облаченія, его швы и т. д., а затѣмъ все въ усиливающейся степени и его фонъ.

Отдѣланныя такимъ способомъ облаченія потеряли наконецъ всякую гибкость, вслѣдствіе чего ихъ пришлось еще болѣе прежняго сѣуживать, а въ видахъ большаго удобства для носящаго, и совсѣмъ измѣнять ихъ покрой, тѣмъ болѣе, что къ выпуклымъ вышивкамъ стали присоединять большія плоско вышитыя фигурныя изображенія и гербы. Со времени изобрѣтенія

¹ Кромѣ новѣйшихъ сочиненій перечисленныхъ выше (ч. I, 126), для разсматриваемаго періода особенный интересъ представляютъ своими иллюстраціями, слѣдующія сочиненія: Hans Beham. Das Babstum mit seinen gelydern gemalet vnnnd beschriben, gebessert vnnnd gemert 1526. Gedruckt zu Nürrenberg durch Hans Wandereisen. Dr. Martin Luthers abgemahltes Papstthum nach seinen Ständen, Orden, Brüderschaften kürzlich beschriben. Wittenberg, 1526 (последнее изданіе G. M. Jany. Leipzig 1848). Jost Ammon. Stand vnd Orden der St. Römischen catholischen Kirchen, darinneu aller geistlichen Personen, H. Ritter vnd dero verwandten Herkommen, Constitution, Regeln, Habit vnd Kleidung etc. etc. Durch Joann. Adamum Lonicerum Francofortanum 1585. Zu Frankfort a. M. Mit 102 Figuren (тоже на лат. языкѣ). H. Wierich. Trachten aller geistlichen Ständ (безъ года, 28 листовъ съ прекрасно гравиров. фигурами, по 4 на каждомъ листѣ). Abrah. de Bruyn. Diversité de vetemens ecclesiastics. Anvers 1581 и 1866.

вязальнаго искусства, нѣкоторыя части облаченія стали дѣлать вязаныя, а другія кружевныя, изъ искусственнаго кружева, плетенаго на коклюшкахъ и теперь замѣниваемаго прежнемъ ручное. Словомъ, такъ или иначе были измѣнены всѣ части облаченія и всё оно приняло иной видъ, отличный отъ прежняго. Были впрочемъ люди возстававшіе противъ всѣхъ этихъ перемѣнъ, хотя и безплодно. Однимъ изъ первыхъ и самыхъ ревностныхъ противниковъ нововведеній былъ епископъ новарскій Карло, постановившій, на основаніи существовавшихъ старинныхъ преданій, точные размѣры для каждой части облаченія. Его примѣру слѣдовалъ епископъ Карлъ Борромей, (1538—1584), усиліями котораго установленныя епископомъ новарскимъ размѣры были внесены въ акты третьяго провинціального собора въ Миланѣ, а затѣмъ утверждены и папскимъ престоломъ, какъ общеобязательныя. Несмотря однакожъ на санкцію папской власти, постановленіе это соблюдалось лишь въ сѣвероитальянскихъ діоцезахъ, строже всего въ Миланскомъ, но и то лишь въ теченіи нѣкотораго времени по его обнародованіи. Вообще же измѣненіе облаченія совершалось сообразно требованіямъ господствующаго вкуса, не взирая ни на какія постановленія и опредѣленія (фиг. 308 — 311; ср. ч. I, 127 фиг. 94):

1. Чулки. Съ половины сороковыхъ годовъ прежніе сшитые изъ матеріи чулки замѣнились вязаными.

2. Башмаки измѣняли свою форму наравнѣ съ обыкновенною свѣтскою обувью. Вмѣсто служившихъ имъ украшеніемъ продольныхъ и перекрещивавшихся полосокъ (*ligulae*), теперь на нихъ нашивался (или, хотя рѣдко, вышивался) простой крестъ.

3. Нарамникъ или нашейникъ удержался безъ измѣненія до конца столѣтія; но окаймлявшее его верхній край продолговато-четыреугольное украшеніе, окружавшее сзади шею на подобіе стоячаго воротника, такъ наз. *raguga* (фиг. 94 а, b), уже съ 70-хъ годовъ стало замѣняться очень узкой полоской, а затѣмъ мало по малу и совсѣмъ съ него исчезло.

4. Альба всё богаче отдѣлывалась кружевами, такъ что кружевныя обшивки ея доходили до колѣнъ. Позднѣе ихъ часто замѣняли менѣе дорогими вышивками по тюлю.

5. Поясъ изъ широкой и болѣе или менѣе богато украшенной ленты превратился въ круглый витой снурокъ очень длинный, съ тремя цвѣтными кистями на каждомъ концѣ. Этотъ снурокъ, иногда опоясывавшійся вдвое, завязывался особымъ узломъ, такъ наз. *nodus gordicus*.

6. Стóла была значительно упрощена, и украшенія ея сведены на двѣ узенькія каймы по краямъ и три небольшихъ квадратныхъ крестика на нижнемъ концѣ ея.

7. Ручникъ (*manipula*) подвергся такому же измѣненію, какъ и стóла, и, кромѣ того, вслѣдствіе перемѣны покроя далматики, сталъ гораздо короче прежняго. По старинному обычаю, его продолжали носить исключительно на лѣвой рукѣ и, кромѣ вышихъ священнослужителей, одни только діаконы и иподіаконы, и то лишь когда они были въ далматикѣ или туницеллѣ, но не просто въ стихарѣ.

8. Далматика и туницелла стали уже и рукава ихъ короче, доходя только до локтя. Вмѣстѣ съ этимъ воротъ у нихъ былъ расширенъ, а бока во всю ихъ длину, начиная отъ подмышки, также какъ и рукава съ внутренней стороны, сдѣланы разрѣзные

Фиг. 308.

(фиг. 308). Края одежды (кроме верхняго, т. е. ворота) обшивались густою бахромою, если же одежда была дарственная, то на груди ея или на спинѣ вышивался гербъ дарителя разноцвѣтнымъ выпуклымъ шитьемъ. Въ исходѣ столѣтія обѣ одежды стали шить изъ легкой шелковой матеріи.

9. Фелонь, или пенула, или риза, осталась по прежнему самою богатою и украшенною частью облаченія. Главное украшеніе ея составляло шитье—разноцвѣтное плоское и рельефное съ жемчугомъ и золотомъ. Первымъ способомъ вышивалась по срединѣ передней части фелони широкая полоса раздваивавшаяся на двѣ вѣтви, которыя или продолжались черезъ плечи назадъ, или отгибались прямолинейно, на подобіе буквы Т, на груди фелони. Въ первыхъ годахъ столѣтія эта полоса превратилась въ крестообразную, которая была такъ широка и такъ тверда отъ украшавшихъ её вышивокъ, что вмѣстѣ съ другими украшеніями на самомъ фонѣ одѣянія отнимала у него

всякую гибкость. Вслѣдствіе этого фелонь была укорочена и на бокахъ ея сдѣланы вырѣзы шириною въ ладонь, для болѣе удобнаго продѣванія рукъ (фиг. 309 а).

10. Перчатки, до сихъ поръ составлявшія принадлежность облаченія высшихъ духовныхъ чиновъ, были теперь предоставлены и низшимъ и поэтому отдѣлялись, сообразно съ саномъ носящаго, болѣе или менѣе богато. Подобно чулкамъ, онѣ дѣлались вязаныя. Вмѣсто креста изъ золота и камней, который прежде на нихъ нашивался, теперь ихъ украшали начальными буквами имени Іисуса Христа, окруженными звѣздообразно лучами. Иногда перчатки дѣлались съ длинными разрѣзными раструбами, края которыхъ украшались сквознымъ узоромъ, а углы кистями (фиг. 309 а, 310).

11. Перстень дѣлался теперь большихъ размѣровъ, чѣмъ прежде, и обильнѣе покрывался украшеніями изъ граненыхъ драгоценныхъ камней, иногда даже до излишества. По состоявшемуся постановленію, перстень стали носить исключительно на четвертомъ пальцѣ. Перстни, жалуемые папою, сохранили свое прежнее украшеніе — папскій гербъ.

12. Епископская митра, постоянно увеличиваясь въ вышину, приняла наконецъ размѣры несоотвѣтствовавшіе росту носящаго. Для того чтобы придать ей надлежащую твердость, её часто подкладывали жестью. Концы

ея роговъ иногда слегка загибались внутрь, и какъ сама митра, такъ и оя ленты (*infulae*) изобильно покрывались украшеніями. — Папская тіара осталась безъ измѣненій (ч. I, 16; фиг. 310).

13. Рукоять епископскаго жезла, обыкновенно изогнутая въ видѣ S, тоже богато отдѣлывалась орнаментами въ господствующемъ стилѣ,

Фиг. 309.

иногда не особенно изящными (фиг. 309 b). Платъ, который прикрѣплялся обыкновенно къ епископскому и настоятельскому жезлу пониже рукояти (*velum, panisellus*), былъ перенесенъ и на папскій жезлъ (фиг. 310).

14. Лента (*pallium archiepiscopale*) осталась безъ всякихъ измѣненій, кромѣ того что къ нижнему ея концу не пришивали болѣе звонцовъ, какъ это иногда дѣлалось прежде. По принятому обычаю она прикалывалась тремя золотыми булавками особой формы—на груди, на спинѣ и на правомъ плечѣ.

15. Оплечникъ (*rationale episcoporum*) дѣлался, какъ и прежде, то шире, то уже, съ боковыми лопастью или безъ нихъ. Какъ украшеніе, на немъ теперь чаще всего вышивались гербы и под. изображенія.

16. Наперсное украшеніе (*pectorale*) было совершенно замѣнено наперснымъ крестомъ, который сначала имѣлъ значеніе реликварія, такъ какъ въ него вкладывали частицы мощей, но потомъ, когда это обыкновеніе было оставлено, обратился въ богатое украшеніе, величина и драгоценность котораго постоянно возрастала.

17. Мантия, какъ одежда присвоенная высшимъ церковнымъ чинамъ, отдѣлялась теперь еще роскошѣе прежняго (фиг. 309 b, 310). По бортамъ ея вышивались, рельефнымъ шитьемъ изъ шолка и жемчуга, коймы

Фиг. 310.

шириною въ 10 и 11 дюймовъ. Спинной щитъ ея тоже увеличился до 18 дюймовъ ширины; къ нижнему его краю, который вырѣзывался полукругомъ, прикрѣплялись три шолковыхъ шнура съ большими кистями. Шлейфъ мантии тоже сталъ значительно длинше, такъ что при выходахъ его несли двое служителей. — Даже простые плащи пѣвчихъ и другихъ низшихъ чиновъ, и тѣ отдѣлялись теперь узкою, узорчатою бордюрою.

18. Стихарь (срачица?). Чтобы остановить дальнѣйшее произвольное укарачиваніе стихаря, на соборѣ въ Базелѣ и въ Сансѣ (Sens) въ 1517 г., было постановлено, что онъ долженъ доходить до половины икръ. Его шили по прежнему изъ тонкаго полотна, обшивали иногда по краямъ вышивками. Покрой его остался прежній, но теперь весь стихарь складывался въ очень мелкія продольныя складки (фиг. 310, 313).

19. Баретъ сталъ еще выше и кисточка на его верхушкѣ больше. Вообще же своею формою онъ сталъ походить на шапки, носимыя тогдашними докторами и правовѣдами (фиг. 311 и 313).

Такъ называемый *almutium* — теплая одежда, составленная изъ капюшона и пелерины — къ концу столѣтія былъ совершенно оставленъ и замѣненъ плащемъ (*сарра*). Но до тѣхъ поръ его изготовляли иногда изъ маленькихъ четырехугольныхъ шкурокъ, которыя сшивали рядами, шерстью наружу, и нижній край обшивали бахромою изъ хвостиковъ маленькихъ звѣрковъ (фиг. 311).

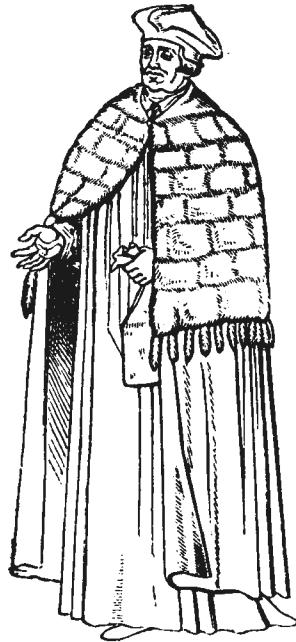
20. Кардинальское одѣяніе осталось безъ перемѣны (фиг. 312 a). Измѣнилась нѣсколько одна шляпа (но уже въ исходѣ столѣтія) въ томъ отношеніи, что число узловъ и кистей на ея шнурахъ было увеличено, такъ что на каждый шнурокъ приходилось теперь по пятнадцати кистей, расположенныхъ въ пять рядовъ, начиная съ одной кисти. Такъ какъ вслѣдствіе этого шляпа стала неудобна для обыкновеннаго употребленія, то кардиналы ее не надѣвали, а заставляли носить за собою, какъ отличіе ихъ сана, и то лишь при особенныхъ торжествахъ.

Что касается состава облаченія, присвоеннаго различнымъ духовнымъ чинамъ, то въ этомъ отношеніи продолжали въ точности сообразоваться съ существовавшими издавна церковными предписаніями. Согласно этимъ предписаніямъ, облаченіе папы, архіепископа и епископа (*indumenta pontifi-*

calia: фиг. 309 и 310) составляли: 1) чулки, 2) башмаки, 3) нарамникъ, 4) альба, 5) поясъ, 6) стола, 7) ручникъ, 8) туницелла и далматика, 9) риза, 10) перчатки, 11) перстень, 12) митра (у папы — тиара), 13) наперсный крестъ, 14) посохъ, 15) оплечникъ: *rationale episcoporum* (какъ особенное отличіе архіепископскаго и епископскаго сана); облаченіе діакона и иподіакона, также какъ и священнодѣйствующаго священника (фиг. 309 а): 1) нарамникъ, 2) альба, 3) поясъ, 4) стола, 5) ручникъ, 6) риза и (позднѣе) 7) перчатки; кромѣ того (для діакона въ особенности) туницелла и далматика поверхъ стола (фиг. 308) и багетъ (для священника).

Согласно тѣмъ же постановленіямъ, отличіями, опредѣляющими степень занимаемую въ церковной іерархіи, остались: — для папы — тиара и жезлъ съ двойнымъ крестомъ (фиг. 310), для епископа — митра, перчатки и посохъ (фиг. 309 а в), для архіепископа — палліумъ, для діакона — далматика, для иподіакона — туницелла, для священника — казула или риза. — Постановленія касательно цвѣта облаченія исполнялись только въ богатыхъ приходахъ, которымъ позволяли средства соблюдать существующія на этотъ счетъ правила.

Фиг. 311.

Фиг. 312.

Нѣкоторыя отличительныя одежды служили лицамъ имѣвшимъ на нихъ право и для ежедневнаго употребленія. Такими одеждами были: такъ назыв. сарра или сарра magna — кардинальская и епископская мантия, съ широ-

кимъ ниспадающимъ капюшономъ. Кардиналы носили ее изъ яркокрасной шелковой матеріи, епископы и каноники изъ фіолетовой шелковой или шерстяной матеріи; капюшонъ дѣлался на красной малиновой подкладкѣ, а зимой на мѣху, у кардиналовъ обыкновенно на горностаѣ. Шлейфъ этихъ мантий, по причинѣ его значительной длины, поднимали или наvertывали на руку, чтобы онъ не мѣшалъ при ходбѣ. Нѣкоторымъ каноникамъ, въ видѣ почетнаго исключенія, присвоивалось право носить красную мантию, вмѣсто

Чер. 313.

фіолетовой; — камаль (Camail; итал. mazetta)—длиная до локтей доходящая пелерина, спереди застегивавшаяся на пуговицы и снабженная капюшономъ изъ черной или фіолетовой шелковой или шерстяной матеріи (фиг. 312 b. c; фиг. 313). Ее носили епископы и каноники; — mantiletta — короткая, до колѣнъ, распахивавшаяся верхняя одежда фіолетоваго цвѣта, суконная или шелковая, съ проймами для рукъ, надѣвавшаяся сверхъ сутаны епископами и первостепенными римскими прелатами (фиг. 312 c). Остальные римскіе прелаты, camerieri и capellani, носили длинный таларъ фіолетоваго цвѣта, шелковый лѣтомъ, суконный зимой, съ проймами для рукъ; викаріи — тоже длинный таларъ, но черный и поверхъ него пелерину или воротникъ. Священникамъ города Кёльна, за ихъ упорное сопротивленіе Лютерову ученію, дано было право носить, вмѣсто воротника,

almutium изъ бѣлаго мѣха. — Въ семидесятыхъ годахъ вошло въ обыкновение выпускать изъ подъ застѣгнутаго воротника верхней одежды узкій полотняный воротничокъ (rabat) съ треугольною спускавшеюся на грудь лопастью (beffa), и было точнѣе опредѣлено, для различныхъ іерархическихъ степеней, число кистей на боковыхъ шнурахъ шляпы. По этому опредѣленію епископамъ виѣ-римскимъ было присвоено десять такихъ кистей расположенныхъ въ четыре ряда, римскимъ прелатамъ — шесть въ три ряда, каноникамъ — три въ два ряда, а самые шнуры были установлены для епископовъ зеленые съ золотомъ, для прелатовъ фіолетовые.

Ежедневная, неслужебная одежда католическаго духовенства должна была состоять по прежнему изъ сутаны, подпоясанной кушакомъ, срачицы (Chorrock—стихара?), кашпы или плаща и барета или, взамѣстъ его, узкополой шляпы (фиг. 313). Но такъ какъ духовенство уже давно отвыкло стѣснять себя даже и простыми требованіями приличія, то и въ пастоящемъ случаѣ оно не только не сдерживало своей наклонности къ наружному блеску, но даже старалось превзойти въ немъ самихъ мірянъ ¹. Ни уси-

¹ Такъ между прочимъ „новый сводъ законовъ“ Христіана II датскаго содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе отъ 1522 года: „епископъ въ дорогѣ не долженъ имѣть при

ли некоторые благомыслящих епископов, ни постановления государей не могли остановить его на этом пути. Вместе с безнравственностью росла и роскошь в его среде. Как тщетно призывал папа Леон X (1513—1521) в 1517 г. парижский университет к «улучшению церкви в ее главе и членах», так как «искажение ее возросло до чрезмерности, порча нравов распространяется все шире и шире и все древние благотворительные установления повираются теми, кто бы должен был охранять их», а преемник его, Адриан VI (до 1523), публично заявлял, что «в последние годы совершены были чудовищные дела на папском престоле, что все испорчено, что порча с главы перешла на все члены и вошла в них, что римский двор, вероятный источник всех этих бедствий, должен быть преобразован»,—так же тщетны оказались и все угрозы против роскоши в одежде. Главная роль в этом деле принадлежит Франции, влияние которой было особенно сильно в Англии и Германии, но едва затронуло Испанию, благодаря строгой замкнутости тамошнего духовенства. В Германии еще до начала столетия зло проникло даже в некоторые небольшие приходы. Уже в 1499 г. декан Йоганн Пфель строго порицал бауценское духовенство за его непотребную жизнь и непристойную одежду; ¹ а около 20-х годов следующего столетия случалось не редко, что священники устраивали на кладбищах пиры, на которых гости пили до пьяна, играли и буйствовали. Даже и ревностный превращенец папы, и к тому же иезуит, кардинал Беллармин (1542—1621), должен был сознаться, что по единогласному свидетельству всех современников, за несколько лет до появления Лютеровой ереси не было ни правды на духовных судах, ни доброй нравственности у духовенства, ни знания божественных вещей, ни послушания заповедям Господним, словом почти вовсе не было религии».—Во Франции, особенно во второй половине столетия, дело дошло до того, что в монастырях давались балы и устраивались шумные пиры, духовные одевались в дорогие шелковые платья ярких цветов, ходили с обнаженной грудью, завивали себе волосы и т. д. Эта распущенность заставила Карла IX издать в 1561 г. указ ², которым предписывалось духовным одеваться впредь скромно, прилично и как подобает их сану, не носить дорогих шелковых материй и платья с прорезами и фестонами; кардиналам одеваться в шолк, но просто (*discretement*), без всякого излишества и богатой отделки; архиепископам и епископам носить кафтаны (*gobes*) из тафты, но и те лучше делать из камки, бархата же и шолк употреблять только на камзолы (*pourpoints*) и сутаны». Не помог однако и этот

себя более 12 или 14 служителей, а архиепископ более 20⁺ и даже епископы, прибывшие на сейм или по какимнибудь делам к королю, должны показываться здесь (въстоянц) немалое, как верхом или пешком, в своих сутанах, дабы простые люди могли отличать их; имъ запрещается являться на улицахъ въ сопровожденіи трубъ и барабановъ, какъ это они до сихъ поръ дѣлали, позоря святую Церковь, и носить одежды съ широкими до земли висющими рукавами. L. von Holberg's Dänische Reichshistorie 2 aufl. 1757. II, 104.

¹ C. G. Künler. Abriss der Oberlausitzischen Geschichte III, 101. — ² Перепечатанъ у A. Debay: Les modes et les parures chez les Français. p. 95.

указъ. Священники и монахи, даже францисканцы, продолжали завиваться, душиться и щеголять дорогими одеждами.

Немаловажную роль въ наружномъ видѣ духовенства съ самого начала играла борода¹. Какъ только Францискъ I отпустилъ себѣ бороду, тотчасъ же, вслѣдъ за придворными, его примѣру послѣдовало высшее духовенство, а за этимъ и остальное. Правительство обратило эту новую моду въ свою пользу, обложивъ духовенство налогомъ за бороду. Кто не платилъ налога, обязанъ былъ бриться. Богатое духовенство платило, а неимущее брилось. Налогъ этотъ вызвалъ однакожъ всеобщее неудовольствіе, и въ разныхъ мѣстахъ раздались голоса ученыхъ, доказывавшихъ право духовныхъ носить бороду. Появились и возражатели имъ, и такимъ образомъ между противниками бороды и ея защитниками завязалась полемика. Папа Павелъ III (1534—1549) пытался было прекратить еѣ, запретивъ духовнымъ носить бороду. Но изъ высшихъ духовныхъ лицъ только очень немногія подчинились запрещенію, большинство же уклонялось отъ него, выжидая удобнаго случая советамъ избѣжать его. Случай этотъ скоро представился. Гильомъ Дюпра, сынъ канцлера Франциска I, былъ сдѣланъ епископомъ Клермонскимъ. Когда онъ пріѣхалъ принять свою кафедру и вошелъ въ церковь чтобы отслужить обѣдню, онъ нашелъ входъ въ клиросъ запертымъ. Тотчасъ же явились передъ нимъ три священника, одинъ съ пожницами, другой съ бритвой, а третій съ раскрытымъ уставомъ, молча указывая на статью его, гласившую: *barbis rasis* (съ бритію бородою). Дюпра, обладавшій великолѣпной бородой, попытался было возражать, но получилъ въ отвѣтъ тоже нѣкое указаніе на *barbis rasis*. Выведенный изъ терпѣнія, онъ повернулся къ клиросу спиною съ словами: «я отказываюсь отъ епископства, но сохраняю свою бороду». Ободренное этимъ примѣромъ*, бородалюбивое духовенство снова вступилось за свое право носить бороду, въ особенности тѣ его члены, которые, платя налогъ, купили себѣ это право. Они были такъ настойчивы, что заставили принять ихъ сторону самого короля, Генриха II. Такъ въ 1551 г. Антоній Караччіоли, тоже несогласавшійся сбрить себѣ бороду, былъ допущенъ къ занятію епископской кафедры въ Труа по особому повелѣнію короля. Случаи ослушанія, вызывавшіе подобныя повелѣнія, повторялись не разъ и впослѣдствіи, и споры изъ-за бороды продолжались не ослабѣвая. Миланскій епископъ, Карлъ Борромей (ум. 1564), былъ вынужденъ принимать строгія мѣры даже противъ подчиненнаго ему духовенства, чтобы принудить послѣднее отказаться отъ бороды; благодаря его же стараніямъ на пятомъ миланскомъ соборѣ состоялось соборное постановленіе, въ силу котораго всѣ вообще духовные обязывались не носить бороды. Но этимъ дѣло не кончилось; бороду стали брить, но оставляли себѣ усы, и потребовалось второе такое же постановленіе, запрещавшее и

¹ A. Lenoir. Musée des monuments français ou description historique et chronologique des monuments de sculpture etc. IV, 69. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires, etc. Затѣмъ много подробностей въ Geschichte des männlichen Barts unter allen Völkern der Erde.. Nach dem französ. Leipzig 1797. p. 255 (о Гильомѣ Дюпра здѣсь невѣрно разсказывается, что онъ пожертвовалъ своей бородой).

* Надобно замѣтить, что Дюпра все таки остался епископомъ и съ бородой. Пер.

ношеніе усовѣ. — Въ исходѣ столѣтія, когда вошло въ моду пудриться, на улицахъ Парижа стали появляться и духовные съ завитыми и напудренными волосами.

Иное происходило въ средѣ духовенства принявшаго ученіе Лютера. Когда Лютеръ, промѣнявъ въ 1524 г. свою монашескую рясу на одежду доктора богословія (фиг. 314), издалъ въ 1526 г. сочиненный имъ: «Чинъ богослуженія или нѣмецкую литургію (Deutsche Messe oder Ordnung des Gottesdienstes), лютеранское духовенство отказалось отъ блестящихъ облачений и по примѣру своего учителя одѣлось въ простую длинную одежду чорнаго цвѣта съ широкими рукавами и такой же баретъ. Строго въ духѣ новаго ученія поступилъ послѣдній католическій и первый лютеранскій епископъ Самлаца, Георгъ фонъ-Поленцъ, когда въ 1526 г., на приглашеніе герцога Альбрехта совершить его бракосочетаніе съ Доротеєю, дочерью короля Датскаго, отвѣчалъ, что онъ готовъ обвѣнчать ихъ по христіанскому обряду и сказать при этомъ приличную проповѣдь, но отъ служенія обѣдни послѣ вѣчанія отказывается, потому что, «рѣшился, если Богу угодно, никогда болѣе не носить и не надѣвать папистскаго облаченія».

Фиг. 314.

Впрочемъ самъ Лютеръ, хотя и не сочувствовалъ вышней пышности римской церкви, однакожъ не возставалъ противъ нея и не только не желалъ устранять изъ богослуженія церковнаго всякое проявленіе художественности, но считалъ умѣстнымъ и особенно желательнымъ усвоить ему все то, что возвышаетъ душу и способствуетъ къ самоуглубленію, и преимущественно передъ всѣмъ остальнымъ благородную музыку («edele Musica»). Точно также онъ не былъ противъ украшенія храма священными изображеніями, свѣчами, алтарями и т. п. утварью, ни противъ употребленія соотвѣстнаго церковнаго одѣянія; онъ не допускалъ только чтобы всѣмъ этимъ предметамъ придавалось какое нибудь особенное, символическое, значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что лютеранское богослуженіе, существеннѣйшую часть котораго составляетъ проповѣдь, придаетъ храму характеръ аудиторіи, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно требовало удаленія изъ него всякаго убранства. Согласно этому взгляду Лютера, настоятели нѣкоторыхъ лютеранскихъ общинъ продолжали еще долго придерживаться всѣхъ этихъ вѣщностей, мѣстами даже употребляли, а отчасти еще и до сихъ поръ употребляютъ, нѣкоторыя части прежняго традиціоннаго облаченія, преимущественно срачицу и даже казулю (ризу; chasuble)¹. Сохраненію этихъ

¹ Казуля и стихарь были въ употребленіи въ церкви Св. Себастья въ Нюрнбергѣ еще въ началѣ прошлаго столѣтія; а срачица, не имѣвшая впрочемъ ни-

принадлежностей католическаго богослуженія благопрїятствовало упорство, съ которымъ католицизмъ старался помѣшать распространенію новаго ученія въ видахъ мнимо-возможнаго соглашенія, и, главнымъ образомъ, составленныя по повелѣнію Карла V и принятые на сеймахъ Регенсбургскомъ въ 1541, Аугсбургскомъ въ 1548 и Лейпцигскомъ, такъ наз. *Interim* — временныя постановленія относительно спорныхъ вопросовъ религіи до рѣшенія ихъ на церковномъ соборѣ. Регенсбургскія постановленія были оставлены протестантами почти безъ всякаго вниманія. Но появившіеся вслѣдъ за ними, составленные въ Аугсбургѣ, и съ согласія имперскихъ чиновъ получившія силу вѣроисповѣднаго закона, 26 статей были приняты многими государями и чинами, именно — курфюрстами Бранденбургскимъ и Пфальцкимъ, герцогомъ Вюртембергскимъ и Швабскими государственнымъ чинами, вызвавъ въ тоже время протестъ со стороны приверженцевъ папства. Когда же и курфюрстъ Морицъ, хотя одинъ изъ непримиримѣйшихъ противниковъ послѣдняго, былъ вынужденъ принять упомянутыя статьи хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ и подъ названіемъ «заключеній лейпцигскаго сейма», а вскорѣ затѣмъ (1549 г.) обнародовать ихъ во всеобщее свѣденіе въ снова расширенной редакціи, какъ большой интеримъ лейпцигскій, тогда цѣль императора на время была достигнута, по крайней мѣрѣ повидимому. Аугсбургскія же статьи, утверждая за протестантами дарованныя имъ вольности, постановляли, что до рѣшенія общаго собора, всё должно оставаться по старому, католическому, обычаю. Такимъ образомъ даже и въ Саксоніи, не смотря на частыя распри между духовенствомъ и народомъ именно изъ-за этого обычая, многое изъ него было снова введено, напр. латинская месса съ колокольнымъ звономъ и водруженіемъ на алтарѣ свѣщниковъ, потира, и т. п., а также и облаченіе священнодѣйствующаго въ ризу. Привыкнувъ снова къ этимъ вещамъ, но не придавая имъ особеннаго значенія, ихъ удержали и по упраздненіи интерима (въ 1552) и даже послѣ заключеннаго въ 1555 г. религіознаго мира, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до позднѣйшаго времени.

Не совсѣмъ такъ отнеслись къ дѣлу швейцарскіе реформаторы съ своими тогда уже многочисленными послѣдователями. Когда Ульрихъ Цвингли открыто выступилъ противъ папства въ 1519 г. въ Цюрихѣ, онъ съ самаго начала заявилъ требованія гораздо болѣе рѣшительныя, нежели Лютеръ. Обнародовавъ въ 1523 г. свои «шестдесятъ семь положеній нѣмецкаго ученія» (67 *deutsche Lehrsätze*), направленныхъ противъ папы, и защитивъ ихъ блестящимъ образомъ на диспутѣ въ Цюрихѣ, состоявшемся въ слѣдующемъ году и привлечшемъ ему немало новыхъ послѣдователей, онъ приступилъ въ своей общинѣ къ совершенному устраненію всего что только могло напомнить католическій обычай — алтарей, купелей, свѣчей, и т. д. а вмѣстѣ и священническаго облаченія. Это устраненіе принадлежностей католическаго богослуженія Цвингли возвелъ въ догматъ своего ученія, догматъ, по поводу котораго, между приверженцами Цвингли, какъ настоящими реформатами, и менѣе строгими въ этомъ отношеніи лю-

когда особеннаго литургическаго значенія, носится и до сихъ поръ во многихъ протестантскихъ церквахъ сверхъ чорнаго талара.

теранами возникъ учено-богословскій споръ (адіафористическій споръ), въ которомъ обѣ стороны горячо ратовали за и противъ удержанія нѣкоторыхъ частей облаченія. Споръ этотъ возобновлялся не разъ и впослѣдствіи, при обсужденіи другихъ пунктовъ, относительно которыхъ мнѣнія были несогласны, пока раздѣленіе обѣихъ церквей (въ 1530 г.) не прекратило наконецъ всѣ распри между ними. По смерти Цвингли (въ 1531 г.), поборникомъ его ученія явился Кальвинъ, при которомъ оно утвердилось и затѣмъ постепенно распространилось, хотя и не безъ внутреннихъ измѣненій, но удержавъ всю свою внѣшнюю простоту, въ Швейцаріи, южной Германіи, Франціи, Англіи (особенно въ Шотландіи), Голландіи и отчасти въ сѣверной Германіи и Скандинавскихъ земляхъ.

Фиг. 315.

Въ Англіи, по волѣ Генриха VIII, выраженной въ парламентскомъ постановленіи, отложившейся отъ папы и признавшей главою своей церкви короля (1535 г.), ученіе Лютера нашло себѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Однакожъ Генрихъ VIII, попустившій это отложеніе единственно для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, ни по своей натурѣ, ни по своему строго религіозному воспитанію, не былъ расположенъ допускать совершеннаго преобразованія церкви въ ея сущности. Онъ, правда, не затруднился уничтожить всѣ монастыри (между 1536 и 1540 гг.) и конфисковать въ свою пользу большую часть ихъ богатствъ, но ученіе церкви, ея обычаи и ея управленіе оставялъ неприкосновенными. Всѣ попытки возведеннаго въ санъ архіепископа Кентербурійскаго, Томаса Краммера, склонить короля къ реформѣ въ смыслѣ новаго ученія, должны были разбиться о всецѣльное вліяніе католическаго духовенства. Кажется, впрочемъ, что личнымъ усиліямъ Краммера удалось хотя нѣсколько умѣрить излишнюю роскошь церковнаго облаченія. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по политипажу на заглавномъ листѣ напечатанной имъ въ 1539 г. библии. На политипажѣ представленъ самъ Краммеръ, въ сопровожденіи двухъ капеллановъ подписищи

королю свой трудъ. На немъ нѣтъ обычныхъ отличій его сана (архіепископа) а одѣтъ онъ, подобно капелланамъ, въ длинную бѣлую одежду и бѣлую же ерачицу доходящую до колѣнъ, его шею окружаетъ родъ чорнаго шарфа, концы котораго свѣшиваются спереди нѣсколько ниже талии. Другое, тоже современное, изображеніе Краммера (фиг. 315 b) показываетъ, что за исключеніемъ чорнаго шарфа, присвоеннаго высшимъ духовнымъ лицамъ, одежда его ничѣмъ не отличалась отъ одежды ученыхъ того времени. Только по смерти Генриха VIII, при малолѣтнемъ Эдуардѣ VI, Крамеръ получилъ возможность настойчивѣ дѣйствовать въ пользу преобразованія англійской церкви, вслѣдствіе чего и были измѣнены въ ней какъ чинъ богослуженія, такъ и священническое облаченіе. Что касается послѣдняго, то оно было значительно упрощено: такъ, епископское облаченіе должно было впредь состоять (фиг. 315 a) изъ длинной и узкой чорной нижней одежды (cassock = 4), длиннаго бѣлаго стихаря съ широкими рукавами (3), длинной распашной одежды краснаго цвѣта, безрукавной, но съ проймами для рукъ (2), окружающей шею длинной чорной столы (1), и небольшой круглой шапочки темнаго или краснаго цвѣта. Всѣ отличія епископскаго сана, какъ то митра, посохъ, были уничтожены, хотя нѣкоторые епископы удержали ихъ, въ качествѣ атрибутовъ, на своихъ гербахъ и т. п. — Окончательное водвореніе реформатскаго ученія въ Англій послѣдовало однакожъ только при Елизаветѣ (1558), которая сама была въ немъ воспитана. Обходя тѣ пункты, относительно которыхъ существовало несогласіе между кальвинистами и лютеранами, и не касаясь основъ іерархическаго управленія церкви, реформація, въ смыслѣ лютерова ученія, была пачата и по соглашенію съ духовенствомъ (1562) утверждена парламентскимъ актомъ въ 1571 году. Священство, со включеніемъ и его высшихъ степеней епископа и архіепископа, было удержано во всей полнотѣ признаваемого за нимъ католическою церковью значенія и ему присвоено литургическое облаченіе, — для архіепископовъ и епископовъ введенное Крамеромъ, но съ замѣною красной верхней одежды (chimera; отъ zimaḡra?), походившей на верхнюю одежду докторовъ Оксфордскаго университета, такую же чорною; для остальныхъ степеней — чорная сутана (cassock) съ бѣлымъ стихаремъ и плащомъ. вмѣстѣ съ этимъ была установлена и неслужебная одежда духовныхъ: чорный распашной, застегивающійся на пуговицы, кафтанъ съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ, чорный плащъ и такого же цвѣта шапка или шляпа, т. е. такая же, какъ и одежда протестантскихъ духовныхъ въ Германіи, Голландіи, Франціи и др. странахъ. Во Франціи уже при Францискѣ I противники католицизма приняли простую чорную нижнюю одежду и такой же короткій плащъ, который только позднѣе, съ половины столѣтія, былъ замѣненъ длинною распашною одеждою съ длинными, вздутыми рукавами. Швейцарское протестантское духовенство не отличало себя отъ мірянъ даже и такую одеждою, точно также какъ оно на ряду съ ними бралось и за оружіе, когда дѣло доходило до него. — Конечно, и протестантское духовенство съ теченіемъ времени не разъ позволяло себѣ уклоняться отъ первоначальной простоты одѣянія и впадало въ пустое модичанье, тѣмъ болѣе что неслужебная одежда его не была опредѣлена ни церковными, ни гражданскими постановленіями. Поэтому, не безъ основанія, вѣроятно, пори-

паль Іоганнъ Леліусъ въ своемъ «Зеркалѣ для дѣвицъ», изданномъ въ 1591 г. въ Стокгольмѣ, «высокія шляпы и щегольское платье священниковъ, и особенно пестрые платки и пышные рукава ихъ жонъ и дочерей» и т. д.

Распространеніе реформаціи поставило передъ католическимъ духовенствомъ важную для него задачу, стараться изо всѣхъ силъ противодействовать новому ученію. Особенною ревностью въ выполненіи этой задачи отличались доминиканцы и капуцины, по крайней мѣрѣ до появленія іезуитовъ. Общество іезуитовъ, образованное въ 1534 г. Игнатіемъ Лойолою для обращенія невѣрныхъ и побѣдки въ Іерусалимъ, затѣмъ въ 1540 г. утвержденное папою Павломъ III и предназначенное имъ преимущественно для обращенія еретиковъ и уничтоженія ересей, проявило сразу такую всестороннюю дѣятельность въ достиженіи указанной ему цѣли, что всякія постороннія открытыя усилія въ этомъ же направленіи представились даже вредными его собственной дѣятельности. Іезуиты явились не отрeksiмися отъ свѣта орденомъ, но обществомъ, которое тѣсно сливалось съ нимъ, но было такъ организовано внутренно, что не могло никогда раствориться въ немъ. Облеченные чрезвычайными привилегіями, пользуясь правомъ не останавливаться ни передъ чѣмъ, ради пользы католицизма, они въ тоже время имѣли разрѣшеніе являться всюду въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ и въ образѣ своей жизни сообразоваться съ обычаями и правами того народа, среди котораго они жили. Но и принятая ими отличительная одежда не имѣла ничего общаго съ монашескою, а почти не отличалась отъ одежды ученыхъ и протестантскаго духовенства вообще: она состояла изъ черной одежды обыкновеннаго покроя и длиннаго распашнаго верхняго платья съ широкими рукавами, или изъ черной длинной одежды въ родѣ сутаны застѣгнутой на пуговицы, и черной четырехугольной шапки или плосковерхной шляпы съ широкими полями, которыя съ конца столѣтія стали носить загнутыми вверхъ. — Одновременно съ утвержденіемъ ордена іезуитовъ (1540), образовалось общество іезуитокъ (*Jesuitessae*), которое во всемъ подражало первому, но по причинѣ безпрестанныхъ безпорядковъ въ средѣ его было навсегда уничтожено въ 1630 г. буллою Урбана VIII.

Б. Утварь.¹

Въ развитіи формъ утвари Италія играла такую же опредѣляющую роль, какъ Испанія въ развитіи формъ костюма. Сознательное подражаніе древнеримскимъ образцамъ, такъ наз. Возрожденіе (*Renaissance*) достигло въ Италіи высокаго совершенства, благодаря трудамъ лучшихъ художниковъ и содѣйствію многочисленныхъ друзей искусства. Примѣненіе классическихъ

¹ Къ приведеннымъ ч. I, 276) сочиненіямъ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующія снабженныя прекрасными изображеніями: J. Gailhabaud. *L'art dans ses diverses branches etc.* jusqu'en 1789. Paris, 1860. Edouard Lièvre. *Les arts decoratifs etc.*

формъ въ архитектурѣ шло наравнѣ съ разработкою античной орнаментики, которая была такъ богата и разнообразна, что давала возможность не ограничиваться однимъ только подражаніемъ ея формамъ, но поощряла къ самостоятельному изобрѣтенію новыхъ подобныхъ же формъ. Такимъ образомъ явились цѣлыя серіи орнаментовъ, частію заимствованныхъ изъ растительнаго царства, какъ-то: цвѣты, плоды, листья (преимущественно акантовые, виноградныя, дубовыя, какъ у древнихъ), вѣтки и т. д. въ натуральныхъ, или идеализированныхъ формахъ, отдѣльно, или въ пучкахъ, вѣнкахъ, гирляндахъ, иногда въ перемежку съ фигурами дѣтей, геніевъ, животныхъ, или съ неодушевленными предметами—рогами изобилія, оружіемъ, утварью и пр.; частію фантастическія фигуры, человѣческія и звѣринныя, — паны, сфинксы, или ихъ части: драконовы головы, чудовищныя лапы, когти и т. п. — тоже отдѣльно или въ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ цвѣтами, плодами, масками, трофеями и тому подобными предметами; частію, наконецъ, болѣе простыя формы: завитки, круги, квадраты, арабески, шпурь, штабики, зубцы, раковины, розетки, пальметты и мн. др. Всѣмъ этимъ орнаментальнымъ богатствомъ воспользовалось главнымъ образомъ изготовленіе утвари и, примѣняя его къ разнообразнымъ своимъ задачамъ, еще болѣе увеличило его.

Въ послѣдней четверти 15 стол. орнаментика обогатилась новымъ пріобрѣтеніемъ. Ближайшее изслѣдованіе термъ Тита и другихъ древнеримскихъ «подземныхъ» * построекъ открыло на стѣнахъ ихъ богатое лѣпное и живописное убранство, которое тотчасъ же сдѣлалось предметомъ прилежнаго изученія и подражанія. Эти украшенія, названныя гротесками (отъ *grotta*—гротъ, пещера), прежде всего нашли себѣ употребленіе въ архитектурѣ для внутренней отдѣлки покоевъ, но затѣмъ были сдѣланы попытки примѣнить ихъ, въ соответствующемъ видоизмѣненіи, и къ украшенію утвари. Самостоятельно разработанные нѣкоторыми высокоталантливыми художниками, въ томъ числѣ Пинтуриккіо, но главнымъ образомъ Рафаелемъ и его учениками въ ватиканскихъ лоджіяхъ возведенныя въ истино художественныя созданія (фиг. 316), гротески дали орнаментикѣ вообще совершенно новое

Paris, 1865. Emil Reiber. *L'art pour tous*. Paris 1862 и слѣд.—Изъ современныхъ художниковъ, издавшихъ отдѣльно или въ формѣ книгъ образцы для различной утвари, назовемъ какъ наиболее значительныхъ: въ Италіи: Zoan Andrea и Andr. Mantegna, 1505 (Гротески); Sebast. Serlio, ум. 1551 (камни, кровли, карнизы и др. части); Caldara Polidoro, ум. 1565 (вазы, чаши, канделябры и т. д.); Aeneas Vico 1520—1570 (вазы, чаши и пр.); Ambrogio Maggiore, 1560 (сосуды, экипажы и разн. утварь); во Франціи: Steph. de Laune, 1530—1595 (орнаменты); Androuet de Cerceau, 1571 (утварь, архитект.); Philibert de Lorme ум. 1577; въ Германіи: Albr. Altdorfer, 1488—1538 (метал. сосуды), A. Aldegrever, 1502—1562 (утварь и орнаменты); Pet. Flötner 1500 (орнаменты), Hieronym. Hopfer, 1540 (сосуды), Virg. Solis 1514—1562 (утварь мелк. и орнам.), Wenzel и Chr. Jamnitzer, 1563—1618 (ювелирн. орнаменты), Joh. Sibmacher, ум. 1611 (орнам.), Gabriel Weyer, 1561 (утварь), Tob. Fendt, 1580, G. Dieterlein 1586, P. Vlint 1570—1620; въ Нидерландахъ: Th. de Bry 1530—1598, Claes Visher 1580, и мн. др.

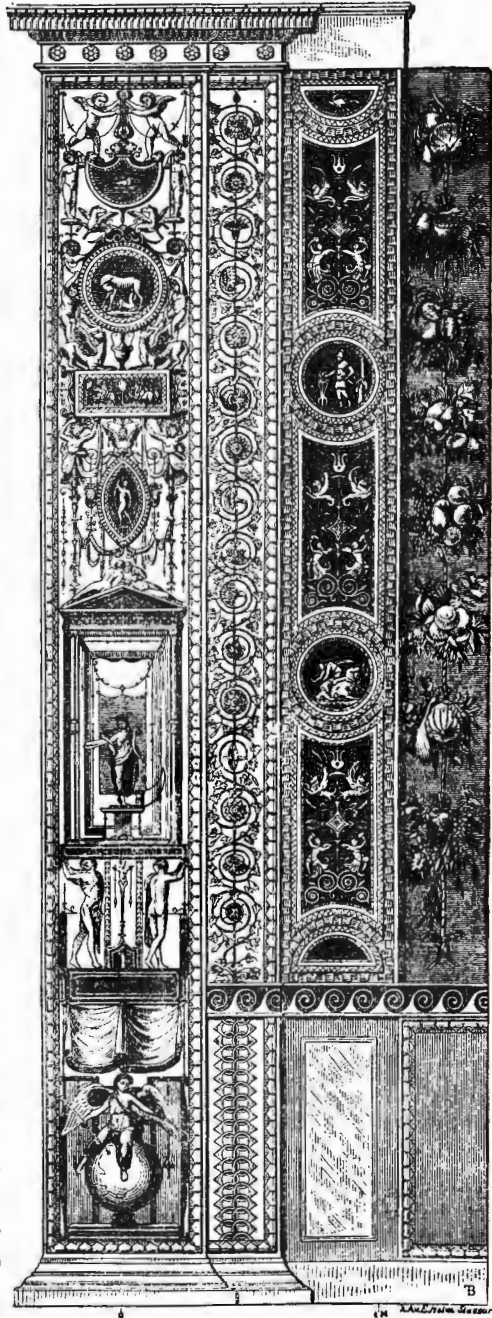
* См. F. Kugler. *Geschichte der Baukunst* IV, 211.

* Т. е. открытых изъ подъ земли и мусора, которыми онѣ были покрыты. Сами же постройки (какъ термы Тита) были, какъ извѣстно, наземныя. П е р.

направленіе—чрезвычайнаго разнообразія и граціозности и полной свободы въ изобрѣтеніи, неуступающей прихотливой игрѣ арабесокъ. Съ половины столѣтія гротески, какъ стѣнное украшеніе, были замѣнены итальянскими архитекторами большими картинками и лѣпными очень выпуклыми орнаментами изъ бѣлаго стукко съ позолотою, но еще на долго, до начала слѣдующаго столѣтія, остались любимымъ украшеніемъ для утвари въ видѣ прямыхъ, изогнутыхъ и всячески переплетающихся полосъ. Почти одновременно съ гротесками, или немного лѣтъ спустя, были приняты въ орнаментіку утвари различныя архитектурныя части, какъ то: колонны (половинчатая, простая и двойная), пилястры, каріатиды, карнизы и т. п.

Предметовъ древнеримской утвари, которые могли бы послужить образцами современнымъ мастерамъ, было извѣстно пока еще очень немного, и это немногое, помимо нѣсколькихъ расписанныхъ глиняныхъ сосудовъ, которые иногда выкапывали въ Кампаньѣ, заключалось въ однихъ крупныхъ каменныхъ вещахъ—саркофагахъ, алтаряхъ, канделябрахъ, подставахъ. Эти намятники составляли пока единственный запасъ образцовыхъ формъ, которыхъ и держались при изготовленіи подобныхъ же вещей, напр. купелей, вазъ, подсвѣчников и т. п., близко подражая имъ въ распредѣленіи деталей и даже расчлененіи цѣлаго, хотя бы и самостоятельно сочиненнаго (ср. фиг. 317). Образцами для мебели и т. п. работъ служили и теперь, какъ и прежде, исключительно остатки древнеримскихъ построекъ и современныя архитектурныя формы, поэтому въ общемъ

Фиг. 316.

складѣ всѣхъ этихъ вещей сказывалось еще довольно долго вліяніе германской формы, хотя уже и значительно сглаженной. Только въ Венеціи, гдѣ эта форма была рѣшительнѣе усвоена, она слилась съ новыми формами не утративъ своей яркости, и дала своеобразные, чрезвычайно изящные декоративные мотивы.

Между тѣмъ какъ архитектура пользовалась орнаментомъ весьма неравномѣрно—вначалѣ умеренно, затѣмъ (въ исходѣ 15 и началѣ 16 стол.) въ

Фиг. 317.

усиленной степени, потомъ, подѣ вліяніемъ распространявшагося изученія классической древности, снова ограничивъ примѣненіе его въ пользу чисто архитектурнаго эффекта, а съ 80 годовъ вновь усиливъ его до излишества, при чемъ и самыя формы орнамента были странно преобразованы, — употребленіе его въ утвари шло разъ намѣченнымъ путемъ возможно широкаго и свободнаго примѣненія. Вслѣдствіе этого именно на предметахъ утвари развернулось все изобиліе самыхъ разнообразѣйшихъ и затѣйливыхъ украшеній, которыя при томъ отличались такимъ изяществомъ формъ, такую законченностью отдѣлки и такимъ счастливымъ размѣщеніемъ, что нерѣдко придавали предметамъ, которые они украшали, значеніе истинно художественныхъ произведеній. Впрочемъ, утварь продержалась на такой высотѣ лишь

до тѣхъ поръ, пока орнаментомъ не завладѣла архитектура, т. е. до конца 80-тыхъ годовъ, а затѣмъ стала все чаще обращаться къ подражанію тѣмъ страннымъ (barock) украшеніямъ, которыя изобрѣтали для своихъ цѣлей тогдашніе архитекторы. Разумѣется между мастерами были и такіе, которые старались противодѣйствовать этому направленію, и не безъ успѣха, но число ихъ постоянно уменьшалось. Современный вкусъ, требовавшій бьющихъ въ глаза эффектовъ, бралъ верхъ и создавалъ вещи, въ которыхъ все было рассчитано единственно на то, чтобы произвести впечатлѣніе пышности, безъ всякаго вниманія къ матеріалу, назначенію и формѣ самыхъ вещей. Даже и прежняя орнаментація была измѣнена въ этомъ направленіи и обогащена новыми прибавками. Такими при-

бавками были: пилястры и полупилястры, казавшіяся составленными изъ нѣсколькихъ вдвинутыхъ одна въ другую пилястръ; такой же конструкціи колонны и полуколонны, сверху до низу или до половины покрытыя рельефными арабесками или капеллюрами; стержни колоннъ перехваченные кольцами или кубиками; витыя колонны съ гирляндами вдоль извива; группы человеческихъ фигуръ, болѣею частію круглыхъ; ниши съ фигурками въ нихъ; фронтоны, карнизы, выпуски различной формы, и, наконецъ, какъ соединительный членъ отдѣльныхъ украшеній—чрезвычайно разнообразныхъ очертаній рамки (картуши — *cartuccia*), прямо-и криволинейныя, съ завитками, складками, выпусками, обыкновенно въ соединеніи съ небольшими фигурными изображеніями, арабесками и пр.

Въ Италіи стиль Возрожденія распространился не вездѣ одновременно и выразился не вездѣ въ одинаковыхъ формахъ. Пріятый прежде всего въ архитектурѣ, онъ встрѣчался съ существующими формами и смотря потому, какъ прочны и выработаны онѣ были, измѣнялся подъ ихъ вліяніемъ болѣе или менѣе своеобразно, между тѣмъ какъ встрѣченныя имъ формы оставались почти безъ всякаго измѣненія, такъ что продолжали существовать рядомъ съ нимъ еще долгое время, вообще по крайней мѣрѣ до половины, а въ иныхъ мѣстахъ даже и до исхода 16 столѣтія.

Въ Испанію и Францію новый стиль былъ перенесенъ уже въ теченіе послѣдней четверти 15 столѣтія. Въ Испаніи, гдѣ уже въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ существовали, частію совмѣстно, частію въ особомъ своеобразночъ сочетаніи, два стиля — германскій и мавританскій, новый стиль очень скоро достигъ нѣкотораго рода равноправности съ ними, захвативъ себѣ главнымъ образомъ область орнамента. Правда, вліяніе его не замедлило коснуться и формообразованія и расчлененія массъ, но сначала лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, исключительно въ архитектурѣ, и притомъ болѣе замѣтно въ архитектурѣ свѣтской. Напротивъ того въ орнаментѣ оно сразу произвело переворотъ, давъ ему совершенно новое направленіе¹. Подражающія классическимъ формы украшеній, смѣшавшись съ германскими и мавританскими формами, произвели необыкновенно богатую и эффектную, хотя и странно фантастическую орнаментацию, которая представляла прихотливое сочетаніе самыхъ разнообразныхъ и изящныхъ орнаментовъ, болѣею частію ажурныхъ и до такой степени отчетливо отдѣланныхъ, что даже и покрывая значительныя протяженія они производили впечатлѣніе тонкой филигранной работы (ст. фиг. 318 и 319). Эта единственная въ своемъ родѣ орнаментация, названная въ архитектурѣ «ювелирнымъ стилемъ» (*Plateresque—Styl*), шла себѣ особенно счастливое примѣненіе въ отдѣлкѣ утвари. По характеру своему какъ нельзя болѣе пригодная для исполненія въ лптьѣ, чеканкѣ, рѣзбѣ на деревѣ или кости, она достигла въ этихъ мастерствахъ разносторонней и блестящей выработки, и удержалась въ нихъ даже и послѣ того какъ была почти совсѣмъ оставлена архитектурой, которая съ 1540 г. стала все болѣе склоняться къ обнаженію массъ въ античномъ вкусѣ, сводя ихъ орнаментацию до

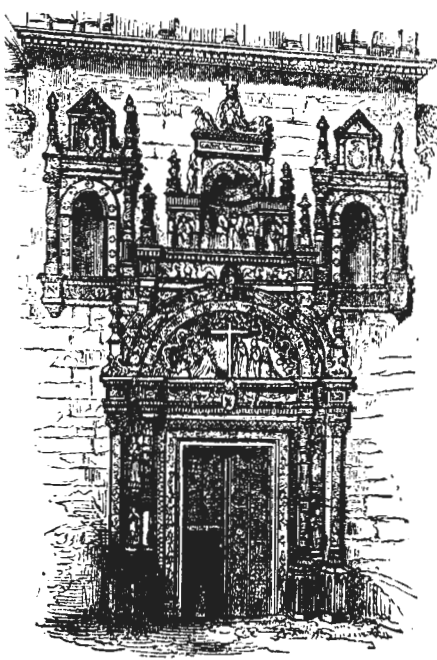
¹ J. Caveda. Geschichte der Baukunst in Spanien. Uebers. von P. Heyse und F. Kugler. p. 235 sqq.

незначительныхъ размѣровъ. Этому болѣе строгому направленію архитектуры подчинялась въ исходѣ столѣтія и утварь, не отказываясь впрочемъ отъ усвоенной ею богатой орнаментации, но стараясь по возможности припаровлять её къ своимъ настоящимъ, отчасти излишне пухлымъ, отчасти излишне тощимъ формамъ. Вообще же она обратилась теперь, въ исходѣ 70-тыхъ годовъ, къ подражанію чужимъ, преимущественно французскимъ формамъ.

Фиг. 318.

Фиг. 319.

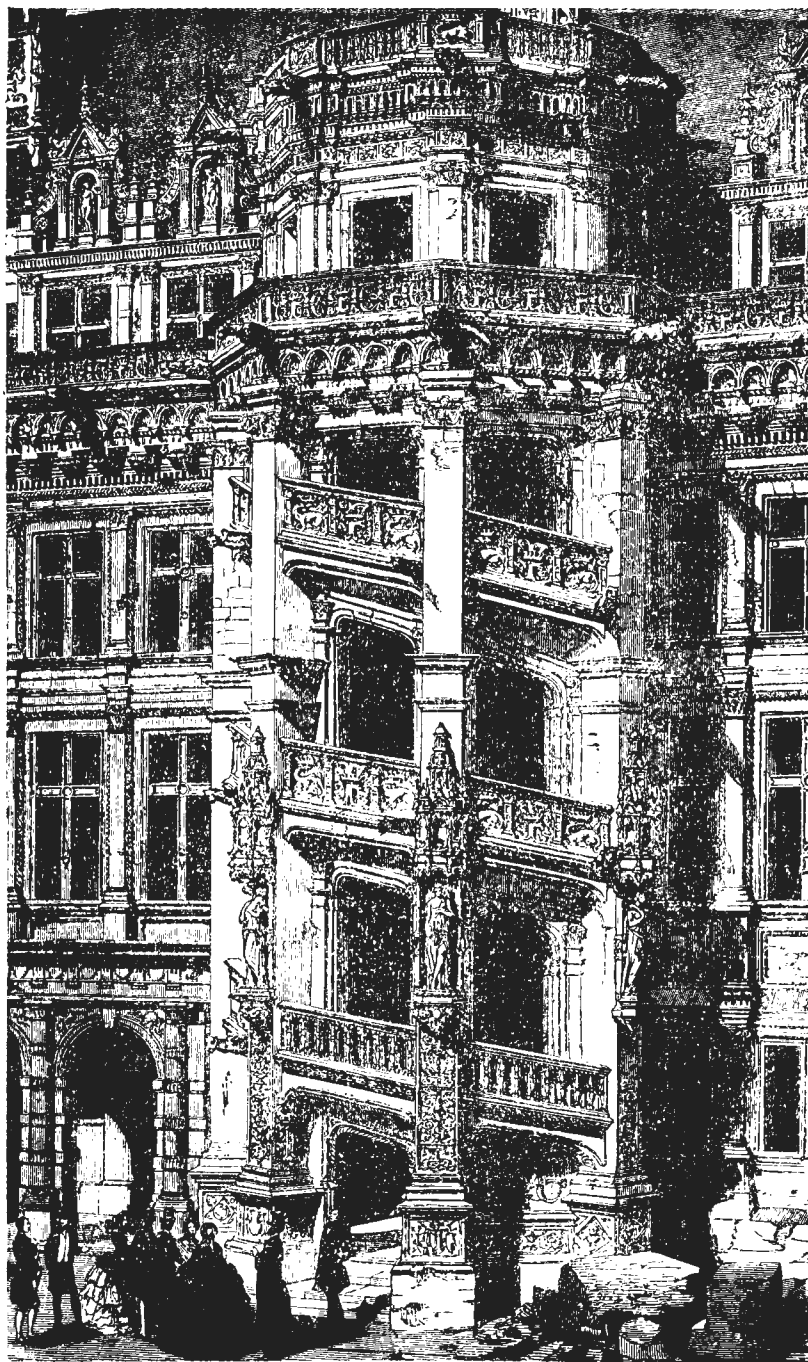
Во Франціи новый стиль началъ быстро и своеобразно развиваться при Францискѣ I (1515—1547), подъ вліяніемъ вызванныхъ имъ итальянскихъ художниковъ и въ указанномъ ими направленіи. Сочетаніе его съ существовавшими здѣсь исключительно германскими формами было проще чѣмъ въ Испаніи, но зато совершилось свободнѣе, хотя и не дало такого богатаго декоративнаго результата, какъ тамъ. Благодаря особому пристрастію Франциска I къ итальянскому искусству и его цепомѣрной склонности къ пышности, новый стиль нашолъ благопріятную почву для своего развитія въ многочисленныхъ постройкахъ, которыя возводились королемъ, и въ тѣхъ многообразныхъ мастерствахъ и искусствахъ, которыя трудились надъ убранствомъ этихъ королевскихъ жилищъ. Тѣмъ не менѣе, вѣдѣствіе обстоятельствъ, виною которыхъ былъ самъ король, направленіе, принятое ренессансомъ съ самаго начала въ архитектурѣ и мастерствахъ, было не одинаково. Такъ какъ въ числѣ вызванныхъ королемъ изъ Италіи художниковъ было много живописцевъ, скульпторовъ и мастеровъ различныхъ декоративныхъ

производство и почти ни одного замѣчательнаго архитектора¹ (изъ чего можно заключить, что во Франціи не было достаточно искусныхъ мастеровъ, или по крайней мѣрѣ такихъ, какихъ нужно было королю, хорошихъ же архитекторовъ было довольно), то строительная часть осталась въ рукахъ туземныхъ художниковъ, между тѣмъ какъ мастерства, и въ томъ числѣ изготовленіе утвари, подверглись непосредственному вліянію иностранныхъ, итальянскихъ мастеровъ. Вслѣдствіе этого новый стиль въ изящной архитектурѣ примкнулъ къ стариннымъ, германскимъ формамъ и выработался въ особый, нѣкоторымъ образомъ самобытный французскій ренессансъ (ср. фиг. 320); изящная же утварь усвоила себѣ чисто итальянскія формы. Сфера той и другой была однакожъ очень ограничена и долго еще оставалась такою, обнимая собою только тѣ зданія и ихъ убранство, которыя сооружались королемъ и его богатыми вельможами. Что же касается архитектуры вообще, со включеніемъ и церковной, и обыкновенной утвари, то въ нихъ продолжали господствовать старинныя формы до начала второй половины столѣтія. Попытки нѣкоторыхъ архитекторовъ усвоить себѣ чисто итальянскій стиль оказались несомнѣнно удачными, такъ какъ имъ не удалось освободиться вполнѣ отъ установившагося въ ихъ искусствѣ направленія, которое и осталось въ цѣлѣ господствующимъ до смерти Франциска II (1560), и только при Карлѣ IX (1574) стало уступать итальянскому стилю. Такъ продолжалось до 70-тыхъ годовъ, въ половинѣ которыхъ между архитектурнымъ стилемъ и стилемъ утвари установилась почти полная гармонія, по крайней мѣрѣ въ ихъ основныхъ формахъ. Затѣмъ оба стиля продолжали развиваться уже вмѣстѣ, и въ исходѣ 70-тыхъ годовъ преобразовались въ такой же страшно-вычурный стиль, какой 10 лѣтъ спустя, и можетъ быть даже подъ французскимъ вліяніемъ, появился въ Италіи. При Генрихѣ IV этотъ новообразовавшійся стиль, снова измѣнившись, выродился въ собственно-барокъ и утвердился въ этой формѣ. — Между тѣмъ изящная утварь сохранила за собою такое богатство украшеній, такое разнообразіе и вмѣстѣ изящество формъ при всей ихъ цѣлесообразности, что предметы ея имѣли болѣе права на художественное значеніе чѣмъ произведенія архитектуры.

Въ Германію и Скандинавскія земли ренессансъ проникъ во второй половинѣ столѣтія. Въ смѣшеніи съ германскими формами, онъ еще долгое время занималъ относительно ихъ второстепенное положеніе, такъ какъ примѣнялся лишь въ орнаментикѣ, между тѣмъ какъ основныя формы и въ архитектурѣ и въ утвари оставались прежнія и притомъ почти безъ измѣненія. Вслѣдствіе этого выработался, особенно въ утвари, столько же богатый сколько и странный стиль орнаментовъ, который подъ вліяніемъ французскаго ренессанса не замедлил выродиться въ крайній барокъ², превзошедшій даже французскій. Онъ впрочемъ нашолъ себѣ очень слабое примѣненіе въ архитектурѣ, принявшей теперь за образецъ, относительно рас-

¹ F. Kugler. *Gesch. der Baukunst* IV, 19. — ² Ср. о немъ: Wendel. *Dietterlin. Architectura. Von Austheilung, Symmetria und Proportion der fünf Seulen. Und aller darauss folgender kunst Arbeit, von Fenstern, Caminen, Thurgerichten, Portalen, Bronnen etc. etc.* Getruckt zu Nürnberg, in Verlegung Balthasar Caymor, 1598. fol.

Фиг. 320.

членения массъ, стиль возрожденія; но къ утвари къ множеству уже самостоятельно выработанныхъ орнаментовъ были прибавлены и эти странныя французскія украшенія, которыя такъ мало вязались съ ея основными формами, преимущественно германскими, что цѣлое получало очень нескладный видъ.

Въ Англію ренессансъ былъ перенесенъ не ранѣе конца столѣтія, но архитектура, въ особенности свѣтская, продолжала и впредь, болѣею частью даже до новѣйшаго времени, держаться старинныхъ формъ; и когда нѣкоторые архитекторы сдѣлали опытъ приблизиться къ ренессансу, они не смогли подняться выше его теперь уже вездѣ выродившейся въ барокъ формы. Точно тоже было и съ утварью, хотя уже во второй половинѣ столѣтія она подпала французскому вліянію, по крайней мѣрѣ въ орнаментациі.

Россія, Турція, Венгрія и Польша оставались пока внѣ сферы вліянія ренессанса и какъ въ архитектурѣ, такъ и въ утвари слѣдовали своему народному обычаю, въ рѣдкихъ случаяхъ слабо уклоняясь отъ него.

Болѣе или менѣе широкое и быстрое распространеніе новаго стиля въ различныхъ странахъ существенно обуславливалось и складомъ жизни, свойственнымъ каждой изъ нихъ. Несмотря на развитіе и усложненіе вѣнскихъ отношеній, жизнь стала вообще болѣе внутреннею, домашнею. «Домъ» сдѣлался средоточіемъ всѣхъ личныхъ интересовъ и приобрѣлъ въ глазахъ каждаго первенствующее значеніе. Забота о цѣлости и благоустройствѣ отдѣльныхъ областей государства была представлена верховной власти. Устроеніе дома напротивъ осталось у всѣхъ — отъ государя до послѣдняго изъ его подданныхъ — дѣломъ совершенно личнымъ. По мѣрѣ того, какъ право владѣнія становилось обезпеченнѣе, владѣющій пріучался все рѣшительнѣе чувствовать себя полнымъ господиномъ въ области своихъ владѣній и распорядиться въ ней по своему личному усмотрѣнію. Обративъ свой домъ, свой городъ, въ мѣсто спокойнаго наслажденія жизнью въ возможно разнообразныхъ его формахъ, стало теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь прежде, цѣлю всѣхъ, сдѣлалось какъ бы общимъ лозунгомъ. И домъ и городъ получили, каждый соответственно своимъ условіямъ, рѣзкій индивидуальный отпечатокъ.

Въ Италіи, гдѣ, благодаря развитію торговли и промышленности, населеніе большихъ городовъ было богато, гдѣ духовные и свѣтскіе государи и высшія сословія вообще были друзьями науки и искусства и заботились о распространеніи ихъ въ массахъ, и гдѣ, кромѣ того, сама церковь въ своемъ глубокомъ упадкѣ заставляла обращаться къ чувственному, вѣнскія жизнь становилась все роскошнѣе и утонченнѣе, несмотря на военныя смуты. Примѣръ высшихъ сословій, соперничавшихъ между собою не только въ наружномъ блескѣ, но и въ художническомъ облагороженіи своей жизни, находилъ себѣ подражателей и въ остальныхъ сословіяхъ. Дворы папъ, какъ Юліи II и Леона X, и нѣкоторыхъ свѣтскихъ владѣтелей, напр. Медичи-совъ — были образцами, которымъ всякій стремился подражать. Въ большихъ городахъ, какъ Римъ, Неаполь, Флоренція, Миланъ, Болонья, Венеція, Генуя, это подражаніе проходило черезъ всѣ слои общества, а

свойственная итальянцамъ подвижность налагала на него печать неприужденности. Въ Венеціи преимущественно, несмотря на строгій надзоръ, которому тамъ была подчинена общественная жизнь, она развѣртывалась всё блестяще и изящно.

Иначе было въ Испаніи и Франціи. Тамъ внѣшняя жизнь знатныхъ и среднихъ классовъ была строже разграничена. Въ Испаніи, гдѣ крайне консервативное духовенство энергически сопротивлялось всякому уклоненію отъ освященныхъ временемъ порядковъ, это отчужденіе выражалось особенно рѣзко. Высшее дворянство тѣснилось вокругъ особы короля, или, живя въ вдали отъ двора, замыкалось въ гордую неприступность. Его примѣру старалось подражать и менѣе богатое писнее дворянство, замѣняя у себя, по недостатку средствъ, настоящую пышность только кажущеюся. Среднее сословіе оставалось вѣрно своимъ привычкамъ простой и спокойной жизни и продолжало жить по старинѣ. Но знатный вельможа или простой горожанинъ, псапецъ былъ мало склоненъ къ домашней жизни и смотрѣлъ на домъ почти только какъ на мѣсто отдыха и пріютъ отъ непогоды. Поэтому если онъ убиралъ его, то дѣлалъ это гораздо болѣе изъ желанія не уронить себя въ глазахъ другихъ, чѣмъ изъ потребности комфорта. Вслѣдствіе этого роскошь въ Испаніи выражалась преимущественно во внѣшней, такъ сказать уличной, парадности, напр. въ многочисленной прислугѣ, сопровождавшей знатную особу при ея выѣздахъ, и т. п., а не во внутреннемъ убранствѣ дома.

Во Франціи, при болѣе подвижности народнаго характера и вслѣдствіе иначе сложившихся внѣшнихъ условій, сближеніе сословій было возможнымъ, особенно въ большихъ городахъ съ многосторонне разившейся общественною жизнью, какъ напр. Парижъ. По преимуществу свѣтское, лстящее чувственности направленіе, котораго держался Францискъ I и которое онъ старался художественно облагородить, не осталось безъ вліянія на впечатлительныхъ французовъ, хотя, быть можетъ, и не развило въ нихъ особенно глубокаго пониманія художественности. И если они еще не отказывались отъ своихъ прежнихъ привычекъ, то всё таки были какъ бы вынуждены почитать образцовымъ всё то что дѣлалось королемъ и его придворными, а потому и брать съ нихъ примѣръ, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ и своего развитія¹. Зажиточное среднее сословіе, сильнѣе привязанное къ унаслѣдованнымъ привычкамъ чѣмъ дворянство, долго не допускало никакихъ нововведеній въ своемъ образѣ жизни, но наконецъ было всё таки, безсознательно для самого себя, увлечено новымъ направленіемъ указаннымъ сверху. Съ половины столѣтія оно становится ревностнымъ подражателемъ высшихъ сословій во всемъ, даже и въ устройствѣ своей домашней обстановки. Дома, конечно, не могли быть сразу перестроены на новый ладъ, но убранство ихъ измѣнилось: старинныя вещи отбрасывались одна за другою, какъ неудобныя, и замѣнялись новыми, и такимъ образомъ совершалось постепенное превращеніе всей обстановки въ современную.

¹ См. B. de Brantôme. Hommes illustres. I, 267—74; V. Carlois. Mémoires de la vie de François de Scepeaux de Vieilleville. Paris 1751. I, 219.

Въ Нидерландахъ сословная рознь чувствовалась также слабо какъ и во Франціи. Народъ признавалъ себя чужимъ только самому высшему слою общества, т. е. своимъ иноземнымъ властителямъ, бургундскимъ или испанскимъ, и ихъ придворнымъ; но отношенія туземнаго, даже и самого знатнаго, дворянства съ туземнымъ среднимъ сословіемъ были изстари непринужденны и основаны на взаимномъ уваженіи. Война за независимость еще болѣе упрочила эти отношенія и сблизила оба сословія, давъ послѣднему возможность развиваться наравнѣ съ первымъ. Вслѣдствіе этого и учрежденіе дома, какъ внутреннее, т. е. домашнего быта, такъ и внѣшнее — убранство самого жилища, шло у нихъ сравнительно одинаково.

Приблизительно таковы же были взаимныя отношенія сословій и въ Германіи. Здѣсь было даже больше одинаковости между ними въ воззрѣніяхъ и въ степени образованія. Это зависѣло отъ того, что среднее сословіе въ Германіи очень рано приобрѣло самостоятельное значеніе, вслѣдствіе чего высшія сословія были доставлены въ необходимость заискивать въ немъ. Съ другой стороны, раздробленіе страны на множество мелкихъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свой дворъ, какъ центръ образованности, — тоже способствовало этому уравниенію сословій. Если же и продолжали еще существовать сословныя различія, и довольно опредѣленные, то они имѣли тѣмъ менѣе значенія, что сословія сближало, и все тѣснѣе, главнымъ образомъ одинаковое умственное направленіе. Писалъ же курфюрстъ саксонскій Фридрихъ папѣ: «Теперь Германія не та что была прежде. Вездѣ появляются талантливыя головы; науки и искусства разцвѣтають. Очень многіе прилежно занимаются изученіемъ языковъ, безъ которыхъ основательная ученость невозможна; даже и простые люди выказываютъ большую охоту узнать священное писаніе». Распространеніе образованія повело къ большому уравниенію сословій и въ отношеніи чисто внѣшней стороны жизни. Этому значительно способствовало съ одной стороны — не особенно рѣзкое имущественное ихъ различіе, такъ какъ среднее сословіе было довольно зажиточно, а высшія не чрезмерно богаты, а съ другой — свойственная нѣмецкому племени глубокая привязанность къ домашней жизни. Для нѣмца, кто бы онъ ни былъ — князь или землепашецъ, — домъ былъ средоточіемъ, святилищемъ всего его существованія, и устроить свой домъ достойнымъ себя образомъ, составляло первую заботу и знатнаго и незнатнаго. Правда, что именно въ устройствѣ дома никто такъ упорно не держался старинныхъ привычныхъ формъ, какъ нѣмецъ же, но это все таки не мѣшало богатымъ бюргерскимъ фамиліямъ, какъ Фуггеры, Вельсеры, Палеры и др., не только подражать въ убранствѣ своихъ жилищъ князьямъ и вельможамъ, но даже стараться превзойти ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ Скандинавскихъ земляхъ и въ особенности въ Швеціи общественныя отношенія были еще просты, и въ описываемый періодъ только начинали развиваться многостороннѣе. Развитіе это совершалось при значительномъ участіи иностранцевъ, къ содѣйствію которыхъ обращались во всемъ, касавшемся образованія и устройства внѣшней жизни по примѣру другихъ народовъ. Такъ продолжалась за половину столѣтія. Еще въ 1540 г. король Густавъ Эриксонъ долженъ былъ пригласить значительное число иностранныхъ ученыхъ и художниковъ для того, чтобы при ихъ помощи возобновить

упсальскую академію. Онъ поручилъ Нильсу Юрнусону привести изъ Амстердама инженеровъ, архитекторовъ, живописцевъ, скульпторовъ, ковровщиковъ и главное — знаменитаго утрехтскаго живописца Іоганна Скуреля. Изъ Данцига былъ вызванъ искусный музыкантъ на лютнѣ, Нильсъ Говманъ; изъ Ревеля живописецъ Каспаръ ¹. Даже и самая обстановка королевскаго двора стала богаче и приняла подобающій ей характеръ только при Эриктѣ XIV, который, однакожъ, тоже былъ еще вынужденъ обращаться къ иностранцамъ за всѣмъ что потребовалось для его коронаціи и для убранства его дворца, а для покрытія этихъ издержекъ обременить всю страну особымъ налогомъ ². Только съ этихъ поръ начало подготавливаться въ большихъ городахъ Швеціи измѣненіе въ убранствѣ и устройствѣ домовъ различныхъ сословій въ смыслѣ уравниенія ихъ между собою.

Въ Англіи, при ея замкнутости, живое и разностороннее развитіе общественныхъ отношеній едва ли даже было и возможно. Народъ коснѣлъ въ своей привязанности къ стариннымъ порядкамъ и унаслѣдованнымъ воззрѣніями. Изстари укоренившееся понятіе о различіи сословій было доведено высшими классами до крайней рѣзкости, лишь нѣсколько сглаживавшейся въ немногихъ большихъ центрахъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ былъ Лондонъ. Также рѣзки были и имущественныя различія. Богатство и нищета стояли рядомъ безъ переходныхъ степеней. Знать жила или при дворѣ, или въ своихъ помѣстьяхъ. Въ городахъ, дворянство и среднее сословіе чуждались другъ друга и жили каждое особнякомъ, придерживаясь унаслѣдованнаго обычая. Домъ недворянина, хотя и богатаго, въ силу преданія замѣтно отличался своимъ устройствомъ и убранствомъ отъ дома дворянина, даже и бѣднаго. Такой порядокъ вещей продолжался еще и при Елизаветѣ, несмотря на то что при ней благосостояніе средняго сословія значительно поднялось, и что между дворянствомъ, по крайшей мѣрѣ молодымъ, и образованными людьми изъ среднихъ классовъ началось нѣкотораго рода внѣшнее сближеніе и уравниеніе.

Въ Швейцаріи никакихъ осязательныхъ сословныхъ различій не было. И тамъ были благородные и неблагородные по происхожденію, но они уже такъ давно сравнились между собою, что если и различались еще по преданію, то лишь немногими ничего незначащими внѣшними признаками. Этому уравниенію, которому помогало также и равномерное распредѣленіе благосостоянія, постоянно содѣйствовалъ даже и вредный самъ по себѣ швейцарскій обычай — отпускать взрослую молодежь служить по найму въ чужихъ войскахъ. При такихъ условіяхъ, какъ внѣшняя жизнь вообще, такъ и устройство дома въ частности, пріобрѣли въ Швейцаріи уже очень рано почти одинаковый складъ и отпечатокъ, и сверхъ того, исходя прямо изъ народности, сохраняли свой народный характеръ даже и измѣняясь сообразно съ требованіями современнаго вкуса. И въ самыхъ блестящихъ своихъ формахъ, они производили скорѣе впечатлѣніе упрядоченнаго благосостоянія, чѣмъ быющей въ глаза роскоши.

¹ Olaf Dalins. Gesch. des Reiches Schweden III, 265. — ² Ibid. p. 414, 485.

Любовь къ домашней жизни, выразившаяся у германскихъ племенъ въ благоустройствѣ дома, отразилась и на наружномъ видѣ городовъ Германіи, Швейцаріи и Нидерландовъ. Ихъ опрятность, порядокъ, господствовавшій въ нихъ, и общій видъ довольства, которымъ они отличались, уже въ половинѣ 15 вѣка поражали иностранцевъ, даже такихъ высокообразованныхъ итальянцевъ, какимъ былъ Эней Сильвій, впоследствии папа Пій II (1458—1464). Онъ считаетъ Гентъ, Брюгге, Бреславль, Прагу, Любекъ, Ахенъ, Кёльнъ, Ульмъ, Цюрихъ, Базель и др., городами образцовыми, далеко превосходящими большіе французскіе и итальянскіе города во всемъ кромѣ произведеній искусствъ; а на нѣкоторые, какъ Аугсбургъ и Нюрнбергъ, прямо указываетъ какъ на идеалы вполне благоустроеннаго города ¹. Подобный же отзывъ даетъ и Монтэнь ² во второй половинѣ 16 столѣтія, говоря, что въ германскихъ и швейцарскихъ городахъ и улицы, и площади, и дома со всею ихъ домашнею утварью, гораздо красивѣе и опрятнѣе, чѣмъ во Франціи.—

Между тѣмъ художественныя и простыя ремесла продолжали быстро совершенствоваться. Развитіе ихъ шло, конечно, не вездѣ одинаково, обуславливаясь внутреннимъ состояніемъ той или другой страны. Дѣятельнѣе всего оно было въ Италіи и Нидерландахъ, затѣмъ во Франціи и преимущественно въ Германіи, которая, кромѣ того, отличалась изобрѣтеніями. Въ Испаніи, быстрый въ началѣ подъемъ ремесленности былъ надолго остановленъ деспотическимъ правленіемъ Филиппа II, и вся ремесленная дѣятельность мало по малу сосредоточилась въ рукахъ иностранцевъ; Скандинавскія земли и Англія до половины столѣтія не имѣли собственной ремесленности и теперь только начинали водворять её у себя.

Въ такомъ положеніи находились ремесла, когда уже давно подготовлявшееся между ними и искусствомъ въ тѣсномъ смыслѣ раздѣленіе стало обнаруживаться всё рѣшительнѣе. Раздѣленіе это было прямымъ послѣдствіемъ того высокаго положенія, которое заняло искусство теперь, когда было лучше понято его истинное значеніе и когда его научились цѣнить ради его самого, въ противоположность ремесламъ, преслѣдовавшимъ однѣ только утилитарныя цѣли. Это возвышеніе искусства выразилось осязательнымъ образомъ и въ особенномъ почетѣ, который оказывали знаменитѣйшимъ изъ его представителей государи различныхъ странъ; напр. папы Юлій II и Леонъ X—Рафаэлю, Микель Анджело и др.; Францискъ I король французскій — Тиціану, Леонардо да Винчи и Бенвенуто Челлини; императоръ германскій, Максимилианъ I — Альбрехту Дюреру, Гансу Бургмайру; Генрихъ VIII англійскій—Гансу Гольбейну; курфюретъ Саксонскій Фридрихъ Лукъ Краху.

Отдѣленіе отъ искусства невыгодно отразилось на мастерствахъ и ремеслахъ, отнявъ у нихъ самое дѣйствительное средство къ высшему развитію: пмешю помощь и участіе художниковъ, которые, ставъ теперь на свою собственную почву, находили всё менѣе поводовъ и еще менѣе чувствовали

¹ J. Scheible. Die gute alte Zeit etc. aus W. von Reinöhl's Sammlungen etc. '1, 655, 666 sqq. — ² Journal de voyage en Italie par la Suisse etc. 1744. p. 21 et passim.

охоты трудиться для ремесленности. Въ половинѣ столѣтія дѣло дошло до того, что ремесленность должна была или безконечно повторять одни и тѣже образцы, которыми её снабжало въ прежнее время искусство, или изобрѣтать ихъ сама. Пока въ ней было живо преданіе, она могла еще опираться на него. Но вмѣстѣ съ старыми мастерами умерло и преданіе, и молодому поколѣнію не оставалось другого исхода, какъ покориться необходимости. Оно такъ и сдѣлало, поставивъ при этомъ на первый планъ извлеченіе изъ своей дѣятельности возможно большихъ выгодъ. Съ этихъ поръ въ ремеслахъ стало всё шире и шире развиваться, уже раньше начатое нѣкоторыми, производство массами, на подобіе фабричнаго, въ ущербъ доброкачественности вещей, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя назначались для обиходнаго употребленія. Конечно такое пониженіе ремесленности произошло не вездѣ одновременно и не вездѣ одинаково. Оно было постепеннымъ въ Италіи и Нидерландахъ, быстѣе во Франціи и въ Германіи, гдѣ ему содѣйствовали разныя другія обстоятельства, вліяніе которыхъ и не замедлило обнаружиться въ самомъ же началѣ столѣтія. Учрежденныя въ Германіи ремесленныя товарищества, союзы, цехи, организуясь всё строже и строже, обратились въ настоящій цеховой гнетъ, который вызвалъ наконецъ громкій и рѣшительный протестъ со стороны тѣхъ, кто уже давно въ тиши боролся съ нимъ. Присвоенное себѣ союзами право рѣшать о допущеніи къ занятію ремесломъ, на основаніи происхожденія и т. д.—право, которымъ они всячески злоупотребляли, также какъ и монополизированье ими въ свою пользу отдѣльных ремеслъ, должны были, наконецъ, прекратиться. Съ освобожденіемъ умовъ отъ средневѣковыхъ воззрѣній, въ нихъ всё болѣе и болѣе укрѣплялась и упрочивалась идея о свободѣ труда, и то, на что цехи не хотѣли добровольно согласиться, они были вынуждены исполнить по приказанію. Уже въ имперскомъ полицейскомъ уставѣ 1548, а затѣмъ 1577 г., между прочимъ строго предписывалось ¹ «дѣтей извѣстныхъ лицъ и сословіи не исключать изъ ремеслъ, цеховъ, союзовъ и гильдій, а допускать ихъ къ нимъ наравнѣ съ дѣтьми другихъ порядочныхъ людей». Подобныя постановленія, открывавшія доступъ въ ремесленные союзы и людямъ неспособнымъ, значительно ослабили внутреннюю организацію ремесленнаго быта, и въ то же время повліяли и на общественное положеніе сословія ремесленниковъ. Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій было устраненіе послѣдняго изъ городскихъ совѣтовъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ), а слѣдовательно и отъ участія въ городскомъ управленіи, причемъ оно лишалось и возможности самолично отстаивать свои права. Съ другой стороны, упадку его содѣйствовала также и страсть клочиться своимъ благосостояніемъ, сильно развивавшаяся между богатыми ремесленниками, а отъ нихъ перешедшая и къ менѣе зажиточнымъ. Эта страсть была на столько сильна, что вызвала даже особыя постановленія противъ излишнихъ издержекъ при свадьбахъ, похоронахъ и пр., состоявшіяся на сеймахъ въ Ландау въ 1497, въ Френбургѣ въ 1498 и въ Аугсбургѣ въ 1500 гг., и имѣвшія ту же участь какъ и постановленія противъ роскоши въ одеждѣ. Сверхъ того, между на-

¹ Подробности у А. Berlepsch. Deutsche Städtewesen und Bürgerthum in Beziehung zu den Gewerken und Innungen. S. 101. ff.

стерами, подмастерьями и учениками отдельных ремесел начали возникать частые раздоры, доходившие до открытой вражды; наконец и нравственный уровень ремесленной среды значительно понизился: грубость, мотовство, распутство, лѣность, стали въ ней замѣтно усиливаться. Все это конечно не могло ни поднять ремесленности, ни способствовать ея успѣхамъ. Постепенный упадокъ Ганзы и измѣненіе условій торговли вообще не остались также безъ воздѣйствія на нее, по крайней мѣрѣ на первое время.

Между тѣмъ, если ремесленность вообще спустилась съ той высоты, на которой стояла прежде, то все таки каждому предоставлена была теперь возможность отличиться въ ней. Отношенія измѣнились. Тогда какъ прежде отдѣльный ремесленникъ, хотя бы и самый даровитый, какъ бы исчезалъ въ массѣ другихъ, теперь ему стало гораздо легче подняться надъ ней, выдвинуться изъ нея. И здѣсь, какъ и вездѣ, индивидуальность стала заявлять свою самостоятельность. Уже съ самаго начала столѣтія въ различныхъ художественныхъ ремеслахъ и производствахъ начали появляться все въ увеличивающемся числѣ самобытные изобрѣтатели. Въ городахъ, славившихся своею промышленною дѣятельностью, какъ Миланъ, Флоренція, Генуя, Венеція, Парижъ, Лионъ, Марсель, Гентъ, Брюгге, Брюссель, Антверпенъ, Нюрнбергъ и др., изобрѣтенія слѣдовали одно за другимъ и скоро становились общимъ достояніемъ. Обязанныя своимъ появленіемъ быстрому развитію опытныхъ наукъ, они въ свою очередь содѣйствовали къ дальнѣйшей разработкѣ послѣднихъ. Нѣкоторые изобрѣтатели начинаютъ заниматься устройствомъ машинъ для замѣны ручной работы и нерѣдко достигаютъ своей цѣли, какъ между прочимъ Вильямъ Ли въ Англіи (впрочемъ гораздо позднѣе). Другіе посвящаютъ свои способности на изготовленіе чрезвычайно замысловатыхъ, но вполнѣ бесполезныхъ вещей, заставляя въ нихъ изумляться своему терпѣнію и настойчивости. Такіе искусники появлялись въ различныхъ мастерствахъ, преимущественно въ рѣзномъ, въ которомъ многіе достигли изумительной ловкости, какъ напр. извѣстный Лео Пронеръ изъ Каринтіи ¹. Было не мало и такихъ, которые истощали всю свою изобрѣтательность и остроуміе на устройство чрезвычайно сложныхъ часовыхъ механизмовъ, самодвижущихся фигуръ, или неустанно трудились надъ осуществленіемъ *perpetuum mobile* ². Все это если и не могло вознаградить ремесленность со стороны понизившагося внутренняго достоинства ея произведеній, то все таки значительно распространило ея область и вообще способствовало ея внѣшнему развитію.

Въ ювелирномъ и золотыхъ-дѣлъ-мастерствахъ продолжали по прежнему отличаться Италия, Франція, Германія и Нидерланды. Итальянскіе мастера, поставленные въ особенно благопріятныя условія, благодаря

¹ См. о немъ и о его работахъ у A. Berlepsch. Chronik der Gold- und Silberschmiedekunst etc. S. 102. — ² „О ту пору было немало почтенныхъ людей, которые не только любили поговорить о художествахъ (Künsten), но и умѣли заниматься ими. За церковью св. Лаврентія жилъ нѣкто Шлюссфельдеръ, человекъ искусный и знавшій архитектуру.... все его мысли были направлены къ тому, какъ бы устроить такое колесо, которое бы вращалось само собою, своею собственною тяжестью.... Овъ умеръ въ 1540 году 7 сент.“ Изъ Johann Neudörffers Nachrichten von den vornehmsten Künstlern und Werkleuten. (Herausg. von F. Campe) S. 29.

пристрастію тамошней знати къ художественно исполненной драгоценной утвари, заботились преимущественно о возможно блестящей и эффектной отдѣлкѣ своихъ издѣлій. Съ этою цѣлью они всё роскошнѣе убирали ихъ выпуклыми оранментами. Къ извѣстнымъ уже способамъ исполненія послѣднихъ, Бенвенуто Челлини былъ изобрѣтенъ новый, состоявшій въ томъ, что доски или формы для каждаго орнамента вычеканивались отдѣльно на глиняныхъ или мѣдныхъ моделяхъ и затѣмъ сплавлялись вмѣстѣ. Другой родъ украшеній, тоже часто употреблявшійся ими, были гротески, исполненные эмалью, рѣзбою и насѣчкою. Ставя впереди всего возможно роскошную орнаментацію, итальянскіе мастера отказались отъ подражанія архитектурнымъ (прямолинейнымъ) формамъ, предпочитая для своихъ издѣлій изогнутую и волнистую линію. — Во Франціи золотыхъ-дѣлъ-мастерство, едва было поднявшееся при Карлѣ VIII, потерпѣло вскорѣ чувствительный ущербъ, хотя и кратковременный. Людовикъ XII, желая сохранить благородные металлы торговлѣ и обращенію, предписалъ въ 1506 г., чтобы безъ соизволенія короля изъ нихъ не были изготовляемы никакіе большіе сосуды, а только мелкіе и незначительнаго вѣса. Но предписаніе это было скоро (въ 1510 г.) отмѣнено, такъ какъ оказалось что крупныя золотыя и серебряныя вещи стали выписывать изъ за-границы. Отмѣна запрещенія тотчасъ же вызвала усиленіе заказовъ и мастера принялись за работу съ удвоеннымъ рвеніемъ. Въ первые годы царствованія Франциска I и преимущественно благодаря ему, старинная извѣстность французскихъ золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ поднялась такъ высоко, что даже самъ Бенвенуто Челлини долженъ былъ признать ихъ превосходство передъ другими. Для украшенія своихъ работъ они употребляли между прочимъ прозрачную и непрозрачную эмаль. Последняя сначала не только не понравилась, но была признана скорѣе портящей вещи; чѣмъ украшающей ихъ, и вслѣдствіе этого употребленіе ея было даже запрещено особымъ распоряженіемъ, изданнымъ въ 1540 г. Но когда мастера, поддерживаемые Челлини, объявили, что такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они прозрачной эмали употреблять не могутъ, то названное запрещеніе лишаетъ ихъ главнаго способа украшенія, — послѣдовало въ 1543 г. другое распоряженіе, разрѣшавшее имъ употреблять оба рода эмали, непрозрачную однакожъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда безъ нея обойтись нельзя. Постоянно поощряемое дворомъ и знатью, золотыхъ-дѣлъ-мастерство продержалось на достигнутой имъ высотѣ до половины семидесятихъ годовъ и притомъ безъ особенныхъ потрясеній. Самымъ чувствительнымъ изъ нихъ было повелѣніе Карла IX, изданное въ 1571 г., которымъ на три года запрещалось изготовлять золотыя вещи всякой цѣны, и серебряныя дороже полутора марокъ. Несмотря на то что запрещеніе это было вскорѣ нѣсколько смягчено, а именно цѣна дозволенныхъ вещей поднята до 2 марокъ, и разрѣшено также изготовленіе вещей выше этой цѣны, но по прежнему, не иначе какъ съ разрѣшенія короля — это послѣднее его условіе, въ высшей степени стѣснительное, отразилось неблагоприятно на успѣхахъ мастерства. Послѣдовавшія затѣмъ гражданскія смуты и наконецъ новое ограничительное постановленіе Генриха III совершенно и надолго остановили ихъ. Этимъ постановленіемъ назначалось для Парижа триста золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ на 8 лѣтъ, и строго предписывалось умершихъ изъ

нихъ замѣщать или сыновьями мастеровъ, или учениками — слѣдовательно ставилась преграда притоку свѣжихъ самостоятельныхъ силъ и указывался прямой путь къ упадку мастерства до простаго ремесла. — Въ Нидерландахъ производство драгоцѣнныхъ вещей продолжало постоянно совершенствоваться до начала войны за независимость. Главными центрами его процвѣтанія были города Гентъ, Антверпенъ, Брюгге. Когда же война значительно убавила запросъ на драгоцѣнные вещи, многіе изъ мастеровъ, которые обыкновенно были вмѣстѣ и искусными граверами, начали заниматься гравированіемъ образцовъ, въ особенности для орнаментовъ, и затѣмъ издавать ихъ отдѣльно или въ такъ наз. «художественныхъ книгахъ». — Главными мѣстами производства драгоцѣнныхъ вещей въ Германіи оставались по прежнему Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Ульмъ, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились одинъ за другимъ Кёльнъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Прага, Вѣна и Дрезденъ. И здѣсь также, какъ въ Италіи и во Франціи, развитію его главнымъ образомъ способствовалъ всё усиливавшійся не только между знатными, но и между зажиточными бюргерами вкусъ къ драгоцѣнной утвари. Когда (въ 1548 г.) Августъ (будущій курфюрстръ саксонскій) праздновалъ въ Торгау свое бракосочетаніе съ Анной, принцессой Датской, на свадебномъ обѣдѣ кушанья подавались на серебряныхъ блюдахъ, для изготовленія которыхъ курфюрстръ Морицъ приказалъ отпустить четыре центнера (10 пуд.) серебра, стоившихъ не менѣе 14000 гульденовъ. Императоръ Сигизмундъ подарилъ своей молодой супругѣ, принцессѣ австрійской Констанціи, золотой столовый сервизъ, изъ котораго одинъ умывальникъ съ кувшиномъ, назначенный для мытья рукъ, вѣсилъ 24 фунта, а за работу ихъ заплачено 25 тысячъ гульденовъ¹. Такіе случаи были кочечно рѣдки и составляютъ исключеніе. Изъ знаменитыхъ золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ особенно славою пользовались Вентцель и Альбрехтъ Сминтцеръ въ Нюрнбергѣ, — первый (род. въ Вѣнѣ въ 1508, ум. въ 1585) былъ придворнымъ мастеромъ императоровъ Карла V, Фердинанда I, Максимилиана II и Рудольфа II. По словамъ ихъ пріятеля Нейдѳрфера², оба они работали изъ серебра и золота, отлично знали перспективу, вырѣзывали гербы и печати на серебрѣ, стали и камнѣ, умѣли готовить прекрасные цвѣтные сплавы изъ стекла и довели до совершенства вытравливаніе по серебру; «а о такихъ звѣркахъ, червячкахъ, травкахъ и букетикахъ» продолжаетъ Нейдѳрферъ: какіе они выливаютъ изъ серебра и ими украшаютъ серебряные сосуды, прежде никто и неслыхивалъ», и потомъ: «а какой они мнѣ подарили серебряный букетикъ изъ разныхъ цвѣтовъ и травокъ, вылитыхъ такъ тонко и искусно, что каждый листочекъ гнется когда на него только подуешь!». Листочки эти были вѣроятно вытиснены, такъ какъ Вентцель, самъ извѣстный многими изобрѣтеніями, былъ первымъ въ Нюрнбергѣ, который примѣнилъ изобрѣтенный Гансомъ Лобфингеромъ прессъ къ прессованію золота, серебра и другихъ металловъ и работалъ имъ такъ отчетливо, что сдѣланные имъ вещи казались какъ бы вычеканенными. Уже раньше его Мельхіоръ Байръ и другіе мастера необыкновенно искусно вычеканивали доски для

¹ A. Berlepsch. Chronik der Gold- und Silberschmiede. S. 170. — ² Johann Neudörfers Nachrichten von den vornehmsten Künstlern (Herausg. von Caspe) S. 33.

отливки фигуръ и орнаментовъ на патронахъ или моделяхъ изъ мѣди и дерева. Въ концѣ столѣтія нюрнбергскіе и аугсбургскіе золотыхъ-дѣлъ-мастера изобрѣли особенный способъ эмальирования: они смѣшивали непрозрачную и полупрозрачную эмаль вмѣстѣ и этою смѣсью покрывали металлъ такъ, что онъ только мѣстами просвѣчивалъ сквозь нее, отчего именно и получался особенно блестящій цвѣтовой эффектъ. Дальнѣйшее развитіе золотыхъ-дѣлъ-мастерства въ Германіи нашло себѣ благопріятныя условія въ наступившемъ съ половины столѣтія шестидесятилѣтнемъ мирѣ и въ измѣнившемся направленіи вкуса, обратившагося къ настоящему ренессансу.

Въ эмальирномъ искусствѣ самые значительные успѣхи (послѣ Италіи) были сдѣланы во Франціи, именно въ Лиможѣ. Въ мастерскихъ этого города, давно уже пользовавшихся заслуженною извѣстностью, не только были усовершенствованы всѣ доселѣ извѣстные способы эмальирования и въ особенности выпуклая финифтяная живопись, но и изобрѣтены различные новые приемы обработки и наложенія эмали, имѣвшіе цѣлью придать цвѣтнымъ сплавамъ силу и блескъ настоящихъ красокъ. — Французскіе эмальеры составляли особую корпорацію, имѣвшую свой уставъ, который былъ данъ ей Карломъ IX въ 1566 г. и подтвержденъ Генрихомъ III и Генрихомъ IV. Издѣлія, выходившія изъ ихъ мастерскихъ, не только стояли значительно выше работъ нѣмецкихъ и нидерландскихъ эмальеровъ, но скоро превзошли даже и произведенія итальянскихъ мастеровъ, не говоря уже о прочихъ.

Граченіе драгоценныхъ камней и рѣзьба на нихъ были доведены до такого совершенства, преимущественно въ Италіи, Франціи и Нидерландахъ, что въ техники ихъ едва ли возможны были какія нибудь дальнѣйшія улучшенія. Изъ итальянскихъ рѣшниковъ и гравировъ на драгоценныхъ камняхъ однимъ изъ искуснѣйшихъ былъ Джіованни Бернади (1459—1555), отданный учиться этому искусству Лоренцо ди Медичи и вырѣзывавшій такія превосходныя вещи преимущественно на сердоликѣ, что ему было дано за это даже прозвище—сердоликоваго (*Giovanni delle carnirole*), подъ которымъ онъ и сталъ извѣстенъ. Изъ позднѣйшихъ мастеровъ особенно отличались Клементъ Бираго (*Claude Briaque* у французовъ) изъ Милана, и братья да-Трецо, Джакомо и Косма. Всѣ трое они много работали для испанскаго короля Филиппа II. Бираго открылъ въ 1556 г. способъ гравировать на алмазѣ, Джакомо да-Трецо, умершій въ 1595 г., изобрѣлъ или по крайней мѣрѣ усовершенствовалъ различные грацильные инструменты, и вмѣстѣ съ Космо тоже занимался гравированіемъ на алмазѣ по способу Бираго. — Изъ германскихъ гравировъ на камняхъ особенною извѣстностью пользовались: Даниэль Энгельгартъ въ Нюрнбергѣ (ум. 1552 г.), Христофъ Швейгеръ въ Аугсбургѣ и Георгъ Гёфлеръ тоже въ Нюрнбергѣ (ум. около 1650 г.), гравировавшій и на алмазѣ. Въ 1609 г. пражскій ювелиръ Каспаръ Лэманъ изобрѣлъ способъ рѣзать стекло и хрусталь и получилъ за это привиллегію.

Выдѣлка сосудовъ и другихъ вещей изъ драгоценныхъ и нисшихъ породъ камней приняла во второй половинѣ столѣтія обширные размѣры. До тѣхъ поръ производство это ограничивалось небольшими сосудами, коробочками, ящичками, причемъ обыкновенно оправа и отдѣльныя части вещей, какъ то

ручки, крышки и т. п. дѣлались изъ золота съ эмалью. Но уже во второй четверти столѣтія стали входить въ моду, прежде всего въ Италіи, а вскорѣ затѣмъ во Франціи, большіе сосуды и разныя крупныя вещи изъ менѣе дорогихъ сортовъ камней, напр. чаши, вазы, канделябры, съ металлической отдѣлкой, большею частью изъ золоченой бронзы, и съ выпуклыми или углубленными орнаментами высѣченными въ самомъ камнѣ. Выдѣлкою такого рода каменной утвари, а также и хрустальныхъ сосудовъ, славился Миланъ, гдѣ также отлично выдѣлывалась изъ серпентина¹ и обыкновенная посуда, какъ-то блюда, кружки и т. п. Хрустальныя вещи тоже отдѣлывались иногда цвѣтною эмалью. Для этого мѣста, назначенныя для выполненія эмалью, тщательно вырѣзывались и выкладывались золотыми пластинками, такъ что края пластинокъ нѣсколько поднимались надъ поверхностью рисунка. — Открытый въ Нюрнбергѣ способъ гравированья крѣпкой водкой былъ примѣненъ, вмѣстѣ съ гравированьемъ иглой, и къ другимъ веществамъ кромѣ металловъ, именно къ камнямъ мягкихъ породъ — известняку, мрамору и др. Этимъ способомъ стали теперь изготовлять солнечныя часы, стѣнные календари, и исполнять украшенія на сосудахъ (каменныхъ) и мебелихъ — напр. на столовыхъ доскахъ. Вытравленные мѣста наполняли обыкновенно черною или красною краскою, или тою и другою вмѣстѣ. Вообще въ это время сталь распространяться, особенно въ Германіи, вкусъ къ рѣзнымъ вещамъ изъ мягкаго камня, рельефнымъ и круглымъ фигурамъ, а въ Италіи и позднѣе во Франціи стали входить въ моду мебели и разныя вещи украшенныя рисунками, выложенными изъ разноцвѣтныхъ камней, на подобіе мозаики.

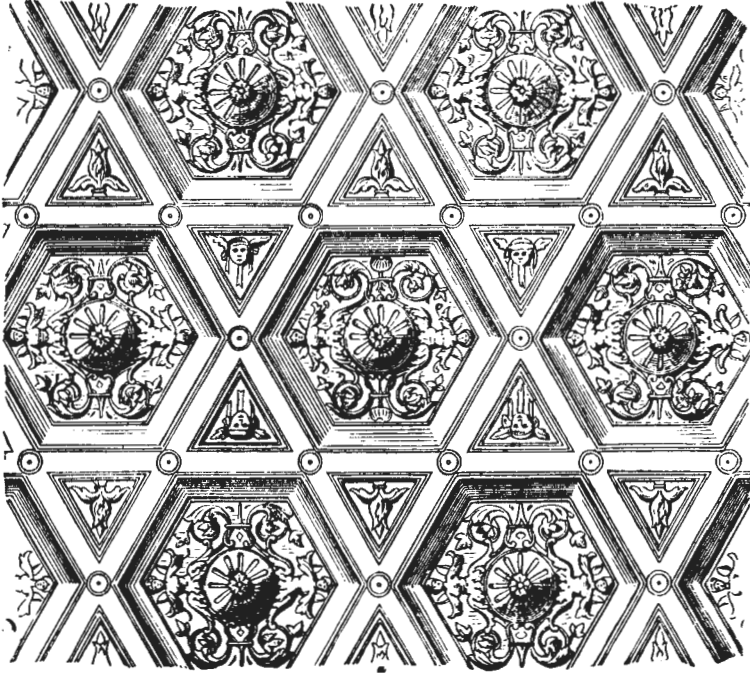
Рѣзба изъ слоновой кости продолжала совершенствоваться и развиваться. Съ половины столѣтія все чаще стали появляться кубки съ роскошными скульптурными орнаментами, выдѣланные изъ цѣльной кости. Рѣзба плоскихъ украшеній тоже подвинулась впередъ, такъ какъ такими украшениями стали теперь отдѣлывать не одну только мебель, но и разную другую утварь, даже посуду — блюда, тарелки и т. д.² Въ послѣднемъ случаѣ костяныя украшения связывались богатою серебряною оправою. Въ такую же или золотую оправу оправляли и кубки вырѣзанные изъ кости, снабжая ихъ серебряными или золотыми крышками. Такимъ образомъ рѣзное искусство еще тѣснѣе сблизилось съ золотыхъ-дѣлъ-мастерствомъ и подъ вліяніемъ послѣдняго обратилось къ выработкѣ мелкаго орнамента.

Рѣзба по дереву, уже достигшая высокой степени совершенства какъ въ техническомъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ, нашла себѣ новое поощреніе въ постоянно возраставшемъ запросѣ на разныя деревянныя работы для убранства домовъ. Мода на рѣзныя потолоки, возникшая въ Италіи и оттуда перешедшая во Францію, стала теперь распространяться повсемѣстно. Такіе потолоки дѣлались уже и прежде, но тогда они были проще и вся отдѣлка ихъ ограничивалась плоскою рѣзбою на балкахъ; теперь же, именно съ половины столѣтія, ихъ стали раздѣлывать различной

¹ A. Prümmer. Die K. K. Ambraser-Sammlung. S. 221. — ² Ср. мѣд. пр. Kugler. Beschreibung der in der Kön. Kunstkammer zu Berlin vorhandenen Kunstsammlung. S. 205. ff.

формы кассетонами, которые наполняли или выпуклою рѣзбою, или одни рѣзбою, другіе картинами, или — позднѣе — просто расписывали (ср. фиг. 321). Вкусъ къ рѣзной деревянной утвари всякаго рода всё усиливался. Вещи покрывались въ такомъ изобиліи рѣзбою, большею частью теперь очень выпуклою, съ совершенно круглыми, отдѣляющимися отъ фона частями, — что отъ излишества украшеній должна была наконецъ пострадать чистота формы и тщательность работы. Другіе способы украшенія, давно уже употреблявшіеся преимущественно въ Италіи — *intarsia*: составленіе орнаментовъ и цѣлыхъ картинъ изъ кусочковъ цвѣтныхъ деревъ (наборная работа) и инкрустація изъ металловъ, слоновой кости, цвѣтнаго стекла и т. п. распространялись всё болѣе и болѣе. *Intarsia* стала извѣстна въ

Фиг. 321.

Германіи уже въ началѣ столѣтія, когда два брата Эльфентъ, монахи въ Гильдесгеймѣ, послѣ многократныхъ попытокъ, достигли въ ней замѣчательнаго искусства. Оживленіе остъиндской торговли прибавило къ извѣстнымъ уже сортамъ деревъ, изъ которыхъ дубъ и орѣхъ занимали первое мѣсто, новый сортъ — черное дерево. По причинѣ его дороговизны, оно употреблялось вначалѣ только для выдѣлки небольшихъ мебели, но въ послѣдствіи, когда оно стало дешевле, съ семидесятихъ годовъ, мебель черного дерева, обыкновенно съ инкрустаціями изъ серебра и слоновой кости, сдѣлалась любимую мебелью въ богатыхъ домахъ. — Въ мебели продолжали по прежнему господствовать архитектурныя формы, теперь даже болѣе чѣмъ прежде, такъ какъ сочиненіемъ рисунковъ для мебели, а иногда и изготовленіемъ

самой мебели, теперь часто занимались архитекторы. Благодаря такому участию послѣднихъ, а также и вслѣдствіе поѣздокъ въ Италію сдѣланныхъ нѣкоторыми мебельными мастерами, итальянскія строительныя формы стали распространяться даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ строительномъ искусствѣ еще долго продолжали держаться старинныхъ туземныхъ формъ. Въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ мебели итальянскаго фасона стали появляться уже въ первой четверти столѣтія. Изготовленіемъ ихъ славились тогда Георгъ Шнейдеръ, Гансъ Штенгель, Вольфъ Вейскопфъ и въ особенности Себальдъ Бенъ (ум. 1546 г.). Объ искусствѣ этихъ столярныхъ дѣлъ мастеровъ и городскихъ магистратовъ сообщаетъ потомству современникъ ихъ Іоганнъ Нейдѳеръ. О Бенѣ онъ говоритъ между прочимъ, что онъ былъ не только искуснымъ столяромъ, но и хорошимъ скульпторомъ, каменотесомъ и архитекторомъ, что искусство свое «и испорченный желудокъ въ придачу» онъ вывезъ изъ Италіи и что много столяровъ училось по вещамъ его работы. — Съ половины столѣтія, въ числѣ различной мелкой мебели стали выдѣлывать такъ наз. cabinets — маленькіе шкафики съ выдвижными ящиками и двойными дверцами, и подобные же шкафики, но большіхъ размѣровъ — Kunstschränken или Schreibische. И тѣ и другіе отдѣлывались очень богато золотомъ, эмалью и даже драгоценными камнями, вслѣдствіе чего пріобрѣсти ихъ было возможно лишь для очень богатыхъ людей. Послѣдніе, т. е. Kunstschränke, отличались еще очень разнообразнымъ содержаніемъ, состоявшимъ въ свою очередь изъ различныхъ мелкихъ вещей точкой работы ¹. Такіе шкафики и притомъ самаго затѣйливаго устройства и отличной работы изготовлялись въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ; кромѣ того въ Дрезденѣ, Вѣнѣ, и Мюнхенѣ; позднѣе они появились и въ Италіи, во Франціи и Нидерландахъ, но тамъ ихъ устраивали гораздо проще. Изготовленіемъ ихъ славились въ Аугсбургѣ — Лоренцъ Штрмейеръ, сдѣлавшій въ 1554 г. такой шкафъ для императора Карла V; Вейсгауптъ, работавшій для его сына, короля Филиппа II; Флейшеръ (около 1600), пользовавшійся за свои работы особенною благосклонностью Маріи австрійской и ея дочери королевы испанской; Филиппъ Гайнгоферъ, оставившій можетъ быть самое мастерское произведеніе столярнаго мастерства, до сихъ поръ еще совершенно сохранившійся такъ наз. померанскій шкафъ (pommerscher Kunstschränk), который онъ сдѣлалъ по заказу герцога померанскаго Филиппа II въ 1617 году.

Кузнечное и слесарное ремесла тоже могли совершенствоваться лишь со стороны изящества, красоты своихъ произведеній, такъ такъ техника ихъ не оставляла желать лучшаго. И дѣйствительно, кузнецы и слесари, отвѣчая требованіямъ современнаго вкуса, усвоили себѣ многіе изъ способовъ украшенія, употреблявшихся вообще въ металлическихъ производствахъ, какъ-то: рѣзьбу, гравированье, насѣчку, дамаскинированье и др. Работы итальянскихъ, преимущественно миланскихъ и венеціанскихъ, кузнецовъ и

¹ См. F. Kugler. Beschreibung der k. Kunstkammer zu Berlin (über den pommerschen Kunstschränk) S. 178 ff. Ero же Handbuch der Kunstgeschichte. 4 Aufl. II, 448. P. von Stetten. Kunst-, Gewerb- und Handwerksgegeschichte der Reichsstadt Augsburg S. 14. A. Frenzel. Führer durch das historische Museum zu Dresden S. 9. J. Labarte. Histoire des arts industriels au Moyen-âge IV, 686.

слесарей сдѣлались образцами, которымъ вездѣ начали подражать, стараясь въ тоже время превзойти ихъ самостоятельными изобрѣтеніями. Въ случаяхъ къ этому не было нигдѣ недостатка. Употребленіе желѣзныхъ вещей постоянно возрастало, а вмѣстѣ съ нимъ усиливался и запросъ на изящно отдѣланныя вещи. Кромѣ различной желѣзной утвари, какъ-то сундуковъ, подсвѣчниковъ, люстръ и т. п., требованіе на которую и прежде было значительно, стала входить въ моду желѣзная мебель — богато украшенные желѣзные столы, стулья, шкафы, а также изящно отдѣланные и затѣйливо устроенные замки, ключи и т. п. Понятно, что простые кузнецы или слесаря не могли взяться за исполненіе такихъ изящныхъ работъ, и потому были вынуждены или обращаться къ содѣйствію настоящихъ художниковъ, ваятелей, гравировъ и др., или сами усвоить эти искусства, на что конечно не всякій изъ нихъ могъ быть способенъ. Такимъ образомъ большинство ихъ продолжало заниматься простыми работами, или подготовкою въ чертѣ такихъ вещей, окончательная отдѣлка которыхъ требовала болѣе искусныхъ рукъ. Изъ всѣхъ родовъ орнаментальной обработки желѣза особенно любима была рѣзба по желѣзу и изъ желѣза, въ видѣ украшеній на оружіи и утвари, и отдѣльныхъ рѣзныхъ вещей, фигуръ, группъ, шашекъ и т. п. Одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ образчиковъ рѣзбы изъ желѣза представляетъ желѣзное кресло, сдѣланное Оомою Рукеромъ въ Аугсбургѣ и поднесенное въ 1574 г. магистратомъ этого города императору Рудольфу II ¹. Оно цѣло и до сихъ поръ и сохраняется въ Лонгфордкэстлѣ, въ Англіи. Спинка, бока, ручки и ножки этого кресла раздѣлены на круги или продолговатые четвероугольники величиною въ талеръ, которые наполнены нѣсколькими тысячами горельефныхъ фигурокъ, представляющихъ въ непрерывномъ послѣдованіи исторію Римскаго государства со времени бѣгства Энея изъ Трои, чрезъ всю римскую имперію и ея соединеніе съ германскою, до временъ Рудольфа II. Вверху на спинкѣ кресла вырѣзанъ гербъ города Аугсбурга, а въ одномъ углу ея имя художника и годъ окончанія работы. — Слесаря съ своей стороны тоже не ограничивались одними простыми слесарными работами, а болѣе искусные между ними занимались изготовленіемъ красивыхъ замковъ, часто чрезвычайно замысловатаго устройства, различныхъ астрономическихъ инструментовъ, самодвижущихся фигурокъ и башенныхъ часовъ, которые съ самого начала столѣтія вошли въ ихъ спеціальность, такъ какъ собственно часовщики, соединившіеся въ особый цехъ, ихъ не дѣлали. Изготовленіемъ такихъ часовъ, которые почти всѣ безъ изъятія были съ курантами ², особенно отличались въ Аугсбургѣ — Гергардъ Эмозеръ, сдѣлавшій для императоровъ Фердинанда I и Максимилиана II превосходные астрономическіе часы; Якобъ Маркартъ, которому императоромъ Рудольфомъ II было заказано нѣсколько часовъ, назначенныхъ въ подарокъ турецкому султану. Тамошній же слесарный мастеръ Гаисъ Бушманъ былъ

¹ P. v. Stetten. Kunst- Gewerbs- und Handwerksgeach. der Reichsstadt Augsburg. S. 292. — ² Къ замѣчательнымъ работамъ въ этомъ родѣ принадлежатъ такъ называемые „италіянскіе часы“ на старогородской ратушѣ въ Прагѣ, поставленные въ 1470 г. магистромъ Ганушемъ, а часы въ страсбургскомъ соборѣ. Подробное описаніе послѣднихъ въ Summum Argentoratensium Templum. Etc. Durch M. Oseum Schadaeum. Strassburg 1617.

извѣстенъ своими органами съ играющими на музыкальныхъ инструментахъ фигурками на нихъ, и другими механическими вещами. Въ Нюрнбергѣ славились въ числѣ другихъ: Каспаръ Вернеръ (ум. 1545), устроившій большой корабль, который двигался самъ собою, также какъ и всѣ находившіяся на немъ фигурки; Гансъ Эманъ (ум. 1551), изобрѣтатель замка заправшагося безъ ключа, посредствомъ извѣстной перестановки цифръ и буквъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что какъ кузнецамъ и слесарямъ, такъ и металлическому производству вообще была оказана большая услуга изобрѣтеніемъ большого раздувальнаго мѣха, сдѣланнмъ въ 1550 г. нюрнбергскимъ органичмъ мастеромъ Гансомъ Лобзингеромъ, который умѣлъ «устроить раздувальные мѣхи любой величины изъ одного дерева безъ кожи, и притомъ одинаково пригодные и для органа и для кузнечнаго горна».

Производствомъ подобныхъ механическихъ вещей занимались также мѣдники и жестяники. Къ такимъ искусникамъ принадлежалъ и тесть Альбрехта Дюрера, Гансъ Фрей, мѣдникъ въ Нюрнбергѣ (ум. 1523) ¹. Онъ дѣлалъ различныя фигуры, внутри пустыя, въ которыя наливалась вода и была изъ нихъ фонтаномъ. Другой мѣдникъ, Себастьянъ Линденастъ, «работалъ изъ чеканной мѣди и выдѣлывалъ изъ нея такіе сосуды, что они казались какъ бы вычеканенными изъ серебра или золота, за что и получилъ отъ императора Максимилиана привилегію золотить и серебрить свои издѣлія и оставилъ еѣ своему сыну Себальду, у котораго она была отнята». Вмѣстѣ съ разнообразною переработкою красной мѣды, стала распространяться и выдѣлка латунныхъ издѣлій, особенно съ тѣхъ поръ какъ нюрнбергской учоный, Эразмъ Эберъ открылъ (въ 1535 г.), что бѣлая цинковая окись (галмей; Ofengalmey), будучи примѣшана къ красной мѣди, даетъ желтую мѣдь ². Въ Англіи, гдѣ выдѣлка желтой мѣди съ половинны столѣтія значительно усилилась ³, была устроена въ 1590 г. Готфридомъ Бохомъ, пѣмцемъ, первая мѣдноплющильная фабрика ⁴.

Постоянно возраставшее употребленіе оловянныхъ издѣлій, именно оловянной посуды, кухонной и столовой, между всѣми классами общества, не исключая и самыхъ высшихъ, вызвало въ оловянничникахъ стремленіе конкурировать другъ съ другомъ красотою своихъ издѣлій, слѣдствіемъ чего было то, что почти всѣ изящныя формы серебряной и золотой утвари были перенесены на оловянную. Такого рода оловянные вещи назывались сдѣланнми на манеръ серебряныхъ (*à la façon d'argent*). Въ производствѣ ихъ отличались, во Франціи—Франсуа Біо, въ исходѣ столѣтія, а въ Германіи, гдѣ это мастерство особенно процвѣтало, Мартинъ Гартеръ въ Нюрнбергѣ (1435 — 1523). По словамъ уже упомянутого Іог. Нейдѳрфера, его оловянные издѣлія не уступали красотою серебрянымъ. Онъ умѣлъ такъ обрабатывать олово, что оно становилось такъ же блестяще и звонко, какъ англійское. Онъ выдѣлывалъ не одни блюда и тарелки, но и подсвѣчники, кубки, кувшины и пр.—Лучшимъ оловомъ считалось англійское, составляв-

¹ Johann Neudöffer's Nachrichten etc. S. 12, 29. — ² C. Vollbeding. Archiv nützlicher Erfindungen etc. S. 296. — ³ Joh. Beckmann. Anleitung der Technologie etc. 6 Aufl. S. 598. — ⁴ B. Busch. Handbuch der Erfindungen. 4 Aufl. S. 471.

шее одну изъ главныхъ статей нидерландской торговли; Венеція получала его прямо изъ Англіи.

Неменѣе успѣшно развивалось литейное искусство, особенно въ Италіи, гдѣ, помимо настоящихъ художественныхъ произведеній, какъ-то статуи и т. п. выливали изъ бронзы различную утварь, отличающуюся изяществомъ формъ и отдѣлки, и разнаго рода крупныя и мелкія вещи для украшенія зданій, какъ-то: рѣшетки, двери и т. д. до дверныхъ молотковъ (фиг.

Фиг. 322.

322) — всё это съ необыкновеннымъ вкусомъ исполненное. Лучшими мастерами литейнаго дѣла были — Тиціанъ Миніо въ Венеціи и Падуѣ (до 1552 г.), извѣстный въ особенности своими великолѣпными бронзовыми вазами съ рельефными фигурами; римлянинъ Себастіанъ Торреджіано и неаполитанецъ Доменико Виначи — оба въ исходѣ столѣтїя; затѣмъ — падуанецъ Андреа Риччи (около 1520 г.), дѣла Барба, Джакомо Чиччиано (оба около 1550), Бартол. Аманати (ум. 1592), Фьяминго (съ 1550 г.) и учитель послѣдняго, знаменитѣйшій изъ всѣхъ, Бенвенуто Челлини (ум. 1572), всѣ флорентинцы. Во Франціи литейное искусство начало подниматься въ сущности лишь съ прибытіемъ туда итальянскихъ художниковъ и въ особенности благодаря Челлини, который былъ вызванъ Францискомъ I и полу-

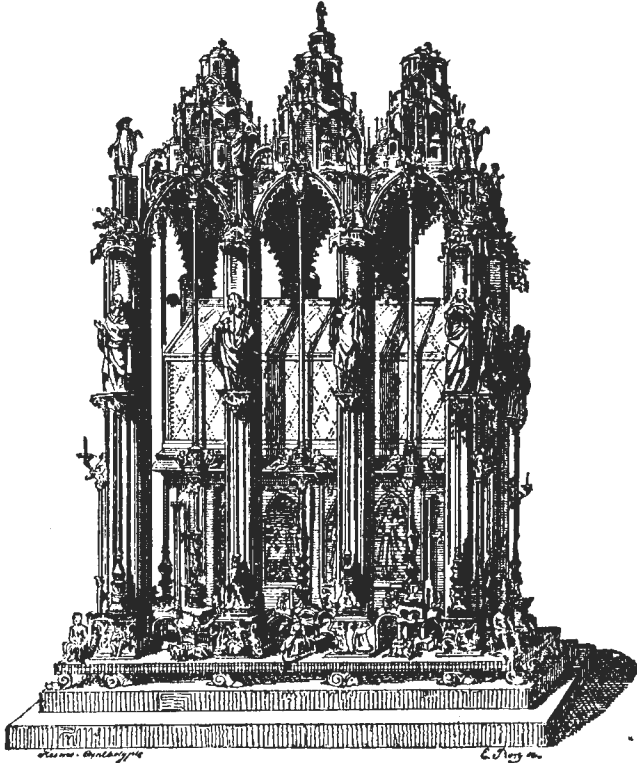
чилъ отъ него много заказовъ. Процвѣтаніе это было однакожъ временное и осталось, говоря вообще, безъ всякихъ прочныхъ послѣдствій. Ибо несмотря на то что Челлини усовершенствовалъ литейное искусство собственными изобрѣтеніями и образовалъ многихъ учениковъ, послѣ него не явилось ни одного сколько нибудь замѣчательнаго художника-литейщика, а остались одни простые мастера, которые ограничивались производствомъ различныхъ вещей для обиходнаго употребленія, тѣмъ болѣе что запросъ на нихъ постоянно увеличивался. Напротивъ того, въ Германіи и какъ кажется также и въ Нидерландахъ, уже съ самаго начала столѣтїя стали появляться литейщики съ замѣчательнымъ художественнымъ талантомъ, какъ подражатели выше названныхъ мастеровъ: въ Юрибергѣ — Петеръ Финеръ (1465 — 1529) съ своими сыновьями, лучшее произведеніе которыхъ — гробница св. Себальда въ церкви св. Лоренца въ Юрибергѣ остается образцовымъ по широтѣ замысла и оконченности выполненія мельчайшихъ деталей (фиг. 323); Лабенвольфъ, тамъ же; Георгъ Эссельтрейдеръ и др. Изъ нидерландцевъ — Якобъ Юнгелингъ, Губертъ Гергардтъ, Адрианъ де-Фрисъ, нѣкоторыя произведенія которыхъ сохраняются и до сихъ поръ ¹.

Въ обработкѣ стекла и выдѣлкѣ стеклянныхъ вещей Венеція по прежнему стояла впереди всѣхъ. Обширные стекольные заводы на о. Мурано были обезпечены отъ иноземной конкуренціи, такъ какъ управлявшій городомъ Совѣтъ Десяти строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ни одинъ изъ пріе-

¹ Cp. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte. 4. Aufl. II, 427, 447. F. Trautmann. Kunst und Kunstgewerbe vom frühesten Mittelalter etc. S. 180 ff.

мовъ употреблявшихся ими не былъ выданъ иностранцамъ. Поэтому до самого исхода столѣтія дорогія стеклянные издѣлія можно было получать только въ Венеціи. Запросъ на нихъ между тѣмъ усиливался, въ особен-

Фиг. 323.

ности на такъ называемые millefiori (стеклянные сосуды съ вплавленными въ нихъ разноцвѣтными фигурками и нитями), выдѣлка которыхъ была доведена въ половинѣ столѣтія до совершенства², и на сосуды сдѣланные на

¹ J. Labarte (*Histoire des arts industriels au moyen âge*. IV, 561 sq.) принимаетъ, что эти сосуды были изобрѣтены въ Венеціи не ранѣе половины 16 столѣтія. Единственно на основаніи этого мнѣнія Лабарта, данное мною выше (ч. I, 305) указаніе, что названные сосуды выдѣлывались въ Венеціи уже въ исх. 15 стол., было признано ошибочнымъ. Лабартъ главнымъ образомъ опирается на то, что Cosseius Sabellicus, въ своемъ сочиненіи *de Venetae urbis situ*, изданномъ въ 1487 г. въ Венеціи, говоря о разнообразіи и великолѣпіи венеціанскихъ стеклянныхъ издѣлій, въ числѣ ихъ не упоминаетъ о millefiori. Но кромѣ того, что это обстоятельство нельзя считать неопровержимымъ свидѣтельствомъ противъ моего мнѣнія, Sabellicus всё таки говоритъ о „brevi pila includere omnia florum genera“, что и было разъяснено, и совершенно основательно, какъ указаніе на millefiori (F. Kugler. *Gesch. der Bankunst* IV, 320). Къ тому же, изготовленіе такихъ или подобныхъ имъ сосудовъ производилось въ совершенствѣ уже римлянами, въ чемъ удостовѣряютъ многочисленныя, сохранившіеся экземпляры (*Katalog einer Sammlung von antiken Kunstgegenständen etc. des Freiherrn von Minutoli*. Leipzig 1858). По всей вѣроятности производство это отъ Римлянъ перешло въ Византію, а отсюда было перенесено, не позднѣе половины 15 стол. въселавшимися Греками въ Венецію и тамъ въ сущности только усовершенствовано, хотя и прослыло новымъ изобрѣтеніемъ.

подобіе хрустальныхъ съ эмалью. Въ этихъ сосудахъ настоящая эмаль была замѣнена цвѣтными стекольными сплавами, изъ которыхъ выдѣлывались также небольшія пластинки, употреблявшіяся золотыхъ-дѣлъ-мастерами вмѣсто эмали для украшенія золотыхъ вещей. Идя далѣе въ подражаніи хрусталу, стали выдѣлывать изъ стекла большіе сосуды, большею частью блюда и чаши, составляя ихъ изъ нѣсколькихъ одинаковой формы кусковъ, которые соединяли серебряною или золотою оправою. Такія чаши украшали выгравированными на нихъ орнаментами и даже большими фигурными композиціями. Паоло Ламацо изъ Милана (1538—1600) рекомендовалъ, какъ самыя приличныя для украшенія сосудовъ вообще и чашъ въ особенности, композиціи взятые изъ любовныхъ похожденій морскихъ и рѣчныхъ божествъ. — Нѣмцы и Нидерландцы, подстрекаемые примѣромъ Венеціанъ, пытались тоже выдѣлывать дорогую стеклянную посуду на подобіе венеціанской, но безъ особеннаго успѣха. Только въ половинѣ столѣтія удалось имъ дойти до расписыванья стекла подъ эмаль: краски накладывались кистью и потомъ прокачивались. Такимъ способомъ расписывали они большіе кубки или стоны изъ бѣлаго или зеленоватого стекла, изображая на нихъ преимущественно гербы, различные символы, изрѣченія и т. п., и отмѣчая на каждомъ кубкѣ годъ и мѣсто его изготовленія. — Въ Швейцаріи, кромѣ такихъ же кубковъ, выдѣлывались небольшія расписанныя стекла для оконъ. Производство это началось довольно рано. Уже въ 1533 г. братья Витль имѣли нѣсколько стекольныхъ заводовъ въ Тироли, на которыхъ выдѣлывались расписныя оконницы и выливались кубки и чаши, очень изящныхъ фасоновъ. — Во Франціи стекольное производство стояло вообще довольно низко. Оно поднялось при Генрихѣ II, который устроилъ нѣсколько стекольныхъ заводовъ и управленіе ими поручилъ итальянцу Тезею Мути, имѣя при этомъ въ виду перенести во Францію венеціанскіе способы обработки стекла. Дѣло однакожъ не пошло далѣе выдѣлки одноцвѣтныхъ и двуцвѣтныхъ стеколъ (на подобіе камеевъ), и самыя заводы просуществовали не долго и вскорѣ послѣ смерти короля закрылись. Вновь было устроено нѣсколько заводовъ въ Парижѣ и Неверѣ уже при Генрихѣ IV. — Въ Англіи стекольное производство начало развиваться только при Елизаветѣ, а до тѣхъ поръ англичане всѣ стеклянные издѣлія получали изъ за-границы. Первый заводъ былъ устроенъ французомъ де-Лонуа; затѣмъ, въ 1567 г., королева поручила нидерландцу Кварре и нѣсколькимъ другимъ мастерамъ устроить еще одинъ заводъ по образцу заведенныхъ Генрихомъ II. Несмотря однакожъ на все это, еще въ 1617 г. нѣкому Роберту Манселю была дана привилегія на выдѣлку и ввозъ стеклянныхъ издѣлій. — Въ исходѣ періода появилось, какъ новость, черное стекло — извѣстная уже и въ древности поддѣлка подъ обсидіанъ (минералъ) —, и тотчасъ же пошло на замѣнъ настоящаго агата.

Гончарное производство, во всѣхъ его отрасляхъ¹, сдѣлало необыкновенные успѣхи. Въ Италіи, Фазенца продолжала выдѣлывать прево-

¹ Broignart. Traité des arts céramiques etc. Paris 1844. J. Marryat. History of pottery and porcelain in the 15 th, 16 th and 18 th centuries. London (во Франц. переводѣ d'Armaille et Salvétat. Paris 1866).

сходныя гончарныя издѣлія для обыкновеннаго употребленія, между тѣмъ какъ майолики были чрезвычайно усовершенствованы въ самомъ мѣстѣ ихъ происхожденія, герцогствѣ Урбино, Джіоржіо Андреоли и членами его семейства. Въ началѣ столѣтія, между 1510 и 1537 гг., Андреоли изобрѣлъ двѣ новыя глазури (цинковую и свинцовую), — рубиново-красную и золотистую, превзошедшія блескомъ и прочностью всѣ до тѣхъ поръ извѣстныя. Какъ изобрѣтеніе Андреоли, такъ и всѣ производство вообще пользовались покровительствомъ герцога урбинскаго, Гвидо Убальдо II, который поддерживалъ его постоянными и богатыми заказами, и заботясь въ тоже время о художественномъ достоинствѣ издѣлій, поручилъ сочиненіе для нихъ рисунковъ приглашенному имъ съ этою цѣлью венеціанцу Батистѣ Франко «il Semolei» (ум. 1561). Съ этого времени майолики стали расписывать по картинамъ и рисункамъ Рафаэля и другихъ мастеровъ, преимущественно умбрійской школы. Въ этомъ отношеніи отличались мастерскія въ Пезаро и Кастель-Дуранте, работы которыхъ въ это время (ок. 1540) достигли высокаго совершенства. Не менѣе превосходныя работы достались мастерскія, образовавшіяся въ другихъ мѣстахъ и состоявшія подъ руководствомъ талантливыхъ художниковъ. Къ числу такихъ художниковъ принадлежали Ровинго д'Урбино, Пикколиассо, Теренціо ди Маестро Маттео, и въ особенности Ораціо Фонтана и его братъ Фіаминіо, который позднѣе былъ вызванъ великимъ герцогомъ Тосканскимъ во Флоренцію для введенія тамъ живописи по фарфору¹. — По мѣрѣ того какъ увеличивалось производство глиняной утвари, возрастало и разнообразіе ея формъ. Кромѣ всякаго рода посуды, стали выдѣлывать изъ глины вещи крупныхъ размѣровъ: алтари, раки, ковчеги, ящики, поделочники, канделябры, съ богатою пластическою и живописною отдѣлкою. Всѣ эти вещи расписывались немногими тонами, именно: кромѣ рубиновокраснаго и золотистаго, желтымъ, зеленымъ, голубымъ, фіолетовымъ и бѣлымъ. На такъ наз. *mezza majolica*, которая стали входить въ моду съ 1540 г., только одежда фигуръ раздѣлялась красками, тѣло же оставляли бѣлымъ, а контуры обводили чернымъ или синимъ, нигдѣ не давая ни тѣней, ни полутоновъ и всѣ еще ограничиваясь немногими украшеніями. Нѣкоторыя вещи, въ особенности изъ такъ назыв. пезарскаго фаянса, золотили по способу Джакомо Ланфранко, который получилъ на него привилегію уже въ 1509 году. Но какъ терра-коты Делла-Робби, со смертію его брата и сыновей послѣдняго (ок. 1553), утратили свое достоинство и пали до грубаго подражанія, такъ и майолики стали быстро ухудшаться по смерти Ораціо Фонтана и герцога Гвидо Убальдо (1574). Настоящіе художники мало по малу отстраивались отъ участія въ ихъ производствѣ и вслѣдствіе этого формы ихъ потеряли свое прежнее изящество, а живопись проиграла въ художественномъ значеніи. Вмѣсто знаменитыхъ образцовъ, по которымъ прежде расписывали майолики, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, стали чаще и чаще обращаться къ современнымъ, почти безъ исключенія сильно манеристымъ картинамъ нидерландскихъ живописцевъ, и притомъ безъ особенно тщательнаго выбора, переноса на майо-

¹ L. Lanzi. Gesch. der Malerei in Italien. Aus dem Italienscher von G. von Quant. Leipzig 1830. I, 434.

лики и пейзажъ и даже давая ему на нихъ преимущество передъ фигурными композиціями. Упадокъ внутренняго достоинства работъ имѣлъ послѣдствіемъ уменьшеніе заказовъ на нихъ, пока наконецъ и это производство не пало до степени простаго ремесла, которое занялось изготовленіемъ одной лишь обиходной утвари. Только такую утварь и выдѣлывали возникшіе въ исходѣ столѣтія заводы въ Форли, Болоньѣ, Равеннѣ, Феррарѣ и на о. Корфу. — Одновременно съ производствомъ майоликъ продолжались опыты надъ составленіемъ такой массы, которая имѣла бы всѣ достоинства настоящаго фарфора (китайскаго)¹. Несмотря однакожъ на всѣ старанія производившихъ эти опыты, результатъ получался не вполне удовлетворительный. Даже и самымъ ревностнымъ усиліямъ одного изъ нихъ, именно Бернарда Буонталенти, который работалъ при Франческо Медичи (1574—1587), принявшемъ это дѣло подъ свое особое покровительство, удалось добыть массу только довольно близко подходившую къ фарфору, такъ наз. медичисовскій фарфоръ. Также мало удовлетворительны были результаты и всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ. Всѣ чего могли достигнуть въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ въ Пезаро, было изготовленіе каменной посуды съ виду похожей на настоящій фарфоръ (т. е. фаянсовой), для обжиганія и стеклованія которой требовалась такая высокая степень жара, что ее не выдерживала никакая другая краска, кромѣ кобальта, и потому фаянсъ только и расписывали этою краскою. — Въ исходѣ столѣтія, Петромъ Фонди были заведены въ Венецію и на о. Корфу мастерскія, на которыхъ съ большимъ искусствомъ выдѣлывали вазы въ точности подражанія древнимъ расписаннымъ вазамъ, находимымъ въ Кампаньѣ, влѣдствіе чего собраніе послѣднихъ потерпѣло значительный ущербъ.

Послѣ Италіи самые значительные успѣхи въ гончарномъ производствѣ сдѣлала Франція. Несмотря на то что выдѣлка обыкновенной каменной посуды (*grès-cérames*) стала развиваться лишь съ начала столѣтія, она производилась съ такимъ искусствомъ и вкусомъ, что въ короткое время поднялась выше простаго ремесла. Мастерскія въ Бовѣ, Савиньи, Авиньонѣ, и позднѣе въ Руанѣ и Лионѣ, доставляли вещи одинаково превосходной доброты, но различной отдѣлки: посуда изъ Бовѣ и Савиньи отличалась рельефными украшеніями и зеленою и коричневою глазурью, авиньонская тоже коричневою одноцвѣтною или съ пятнами подъ черепаху, между тѣмъ какъ въ Руанѣ и Лионѣ, кромѣ выдѣлки обыкновенной посуды различныхъ цвѣтовъ, очень прилежно занимались подражаніемъ майоликамъ (начиная съ 1550). Для успѣшнаго развитія этого дѣла были выписаны изъ Италіи искусные мастера и съ помощью ихъ устроены въ 1555 г. особыя мастерскія исключительно для выдѣлки майоликъ. Въ это же время была найдена близъ Невэра горшечная глина совершенно такого же качества какъ и фаянсовая, — обстоятельство много содѣйствовавшее развитію производства. Рядомъ съ большими заводами, отвѣчавшими постоянно усиливавшемуся запросу на обиходную посуду, возникли мастерскія производившія богатую глиняную утварь истинно художественнаго пошиба. Производство послѣдней

¹ Ср. A. Jacquemart et Edm. Le Blanc. Histoire de la porcelaine en Orient et en Occident depuis son origine jusqu'aux temps actuels. Paris 1852.

началось впрочемъ еще въ концѣ царствованія Франциска I, но лишь въ видѣ попытокъ и притомъ весьма немногочисленныхъ, успѣшнѣе же оно пошло только при Генрихѣ II (1547—1559). Эти издѣлія, названные *faïence Henry II* или — по предполагаемому мѣсту ихъ происхожденія — *faïence d'Oiron*¹, и изъ которыхъ извѣстны 52 вещи разбѣяны въ собраніяхъ и музеяхъ, состояли главнымъ образомъ изъ различныхъ столовыхъ принадлежностей — блюды, чашъ, вазъ, солонокъ, также поставцевъ, подеувъчниковъ и т. д. Отличаясь иѣжностью и бѣлизною массы и красивыми формами въ древнеримскомъ стилѣ, онѣ богато, но безъ излишества, отдѣланы просто и иѣжно исполненными украшеніями, болъшею частью слегка выпуклыми, рѣже круглыми, иногда вытисненными, какъ на кожаныхъ вещахъ (что составляетъ исключительную особенность фаянсовъ Генриха II), или слегка прорѣзными. Украшенія эти, только мѣстами тронутыя краской, представляютъ или арабески, или красивые гротески, или фигуры, человѣческія и звѣринныя, маски, цвѣты, вѣтки, гирлянды и т. д. и притомъ сформованы вмѣстѣ съ самою вещью, а не приставлены къ ней. Изъ этихъ издѣлій, производство которыхъ, какъ можно приять съ достаточною достовѣрностью, прекратилось въ 1560 г., одни помѣчены знакомъ Франциска I, — саламандрой, другія, и притомъ самыя изящныя, знакомъ Генриха II. — Выдѣлкою фаянсовыхъ вещей, но преимущественно майоликъ, особенно прославился Бернаръ Палиси (1510—1590), горшечникъ ремесломъ, но вмѣстѣ и живописецъ по стеклу, архитекторъ и ваятель. Онъ пользовался покровительствомъ Катерины Медичи и кардинала Монморанси, и былъ сдѣланъ ими горшечникомъ королевскаго двора въ Парижѣ, гдѣ онъ въ тоже время читалъ лекціи естественной исторіи и физики. Въ теченіи десяти лѣтъ онъ произвелъ множество самыхъ разнообразныхъ вещей, которыя всѣ отличались не только безукоризненною техническою отдѣлкою, но еще и совершенно своеобразнымъ стилемъ². Работы его были частію доски, на которыхъ были написаны красками или вытѣплены рельефомъ изображенія взятые изъ римской міоологіи и исторіи, частію различныхъ формъ и величинъ подносы, блюда, тарелки, корзины, вазы, столовые платѣ, фигуры (одиошныя и въ группахъ), солонки, подеувъчники и т. д. Не избѣгая общепринятыхъ украшеній, какъ-то — арабесокъ, фигуръ, архитектурныхъ формъ, Палиси украшалъ свои издѣлія преимущественно, болъшую часть ихъ даже исключительно, горельефными, частію почти круглыми изображеніями туземной флоры и фауны, беря изъ послѣдней чаще всего змѣй, ящерицъ, рыбъ, раковинъ, мухъ, бабочекъ и т. п. Для фона онъ выбиралъ густые, сочныя тоны — синій, коричневый, темносѣрый, или раскрашивалъ его подъ мраморъ и весьма рѣдко оставлялъ совсѣмъ бѣлымъ. Цвѣта его отличались необыкновеннымъ блескомъ и прочностью; они ограничивались коричневымъ, сѣроголубымъ, фіолетовымъ, желтымъ разныхъ оттѣнковъ, синимъ, яркозеленымъ, желтоватозеленымъ и желтоватобѣ-

¹ Les faïences d'Oiron, lettre à M. Riocreux, conservateur du musée de Sèvres. Fontenay Robuchon. 1862; cp. J. Labarte. Histoire des arts industriels au moyen âge etc. IV, 517. — ² M. Sauzai et M. Henri Delange, Monographie de l'oeuvre de Bernard Palissy, suivie d'un choix de ses continuateurs etc. Dessins par M. Charles Delange et C. Bornemann. Paris 1842; J. Labarte op. cit. IV, 501.

лымъ; чисто бѣлаго, краснаго и чорнаго онъ не могъ добиться. — Такъ какъ Палисси, вслѣдствіе многократныхъ обвиненій, касавшихся частью его религіозныхъ мнѣній, былъ посаженъ въ Бастилю, а потомъ въ Шатлэ (гдѣ онъ и умеръ), то начатое имъ производство еще при жизни его перешло въ руки его братьевъ и сотрудниковъ, Николая и Матюрэна, которые и продолжали вести его до времени Генриха IV, однакожъ не сдѣлавъ ничего для его дальнѣйшаго развитія. — Всѣ позднѣйшія попытки идти по слѣдамъ Палисси, дѣлашныя въ Голландіи и южной Франціи, были вообще малоуспѣшны, и ограничились однимъ, очень, правда, близкимъ, подражаніемъ его работамъ. Такимъ образомъ и это производство пало до уровня простаго ремесла.

Въ Германіи и Нидерландахъ гончарное производство, занимаясь преимущественно выдѣлкою простой камешной посуды, значительно расширилось, улучшившись въ тоже время со стороны разнообразія и отчасти даже изящества формъ издѣлій. Главными мѣстами его оставались по прежнему Дельфтъ и Кёльнъ на Рейнѣ, соперничавшіе между собою въ вывозѣ гончарныхъ издѣлій въ Англію; вскорѣ къ нимъ присоединились одинъ за другимъ — Нюрнбергъ, Страла (Strehla) на Эльбѣ въ Саксоніи, и Байрейтъ на Майнѣ. Въ Голландіи (какъ напр. въ Дельфтѣ) выдѣлывалась почти исключительно желтоватобѣлая посуда безъ глазури, во Фландріи болѣею частью посуда покрытая голубою глазурью, въ Германіи глазурованная посуда различныхъ цвѣтовъ. Украшенія, состоявшія изъ гербовъ, фигуръ и различныхъ орнаментовъ во вкусѣ того времени, или вытиснялись на вещахъ передъ обжиганіемъ послѣднихъ, или сначала формовались отдѣльно и потомъ накладывались. Опыты надъ составленіемъ возможно блестящей и прочной глазури начались сравнительно рано и производились во многихъ мѣстахъ. Въ Нюрнбергѣ съ большимъ искусствомъ занимался ими уже въ 1540 г. извѣстный тамоншій живописецъ по стеклу Августинъ Гиршфогель. Способы приготовления и наведенія глазури онъ изучилъ во время своего многолѣтняго пребыванія въ Венеціи, гдѣ у него даже была своя мастерская. — Помимо выдѣлки посуды, гончарное производство принялось (прежде всего въ Германіи) за изготовленіе карнизовъ, изразцовъ, печей и даже такихъ крупныхъ вещей, какъ церковныя кресла, каюедры, алтари и т. д. Какъ оно выполняло свою задачу, объ этомъ свидѣлствуетъ значительное число сохранившихся до сихъ поръ великолѣпно орнаментированныхъ комнатныхъ печей и ихъ моделей¹. Подобнаго рода издѣліями былъ особенно извѣстенъ Мельхіоръ Татце; въ Страла до сихъ поръ хранится его работы церковное кресло отъ 1565 г. — Съ половины сороковыхъ годовъ, когда способы приготовленія огнеупорныхъ красокъ сдѣлались болѣе извѣстными, ихъ стали примѣнять къ расписыванью различной глазурованной посуды, въ особенности очень любимыхъ тогда цилиндрической формы кружекъ съ оловянными крышками (Humpen). Эти кружки

¹ Cp. W. Lübke. Ueber alte Oefen in der Schweiz etc. (въ „Mittheil. der Antiquar. Gesellsch. in Zürich 1865. XIX, 161, съ рисунками); къ этому см. фотограф. снимокъ съ модели чрезвычайно богато отдѣланной комнатной печки въ „Photograph. Album, aus der Sammlung von Minutoli zu Liegnitz.

обыкновенно расписывали такъ: по верхнему и нижнему краямъ кружки обводили узорчатые или просто цвѣтныя каймы, а на стѣнкахъ между полосами рисовали нѣсколько отдѣльныхъ фигуръ, окружая ими кружку. Чаще всего выбирали фигуры римскихъ императоровъ, древнихъ героев или аллегорическія; позднѣе, именно съ 80-тыхъ годовъ, стали рисовать большею частью фигуры двѣнадцати апостоловъ, отчего и самыя кружки получили названіе *Apostelkrüge*. Изготовленіемъ такихъ кружекъ небольшихъ размѣровъ пріобрѣлъ себѣ въ послѣдствіи большую извѣстность Крейссенъ близъ Байрейта. Въ исходѣ столѣтія, къ росписыванію посуды стали прибавлять иногда легкую позолоту. Изъ горшечниковъ этого времени пользовались особенною извѣстностью: Михаилъ Кристманъ (1595 г.) и Георгъ Леупольдъ (1600 г.). — Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Дельфтѣ началось подражаніе китайскому и японскому фарфору; но такъ какъ составленіе настоящей фарфоровой массы такъ же мало удалось дельфтскимъ горшечникамъ, какъ и итальянскимъ, то они должны были ограничиться лишь возможно точнымъ воспроизведеніемъ формъ китайской посуды и ея живописной отдѣлки, послѣдней сначала только въ рисунокъ, который они исполняли однимъ синимъ цвѣтомъ, какъ единственнымъ выдерживавшимъ обжиганіе. Однакожъ рядомъ постоянныхъ опытовъ они вскорѣ (уже въ 70-тыхъ годахъ) добились и другихъ цвѣтовъ, и чрезвычайно точно подражали китайскимъ вазамъ съ сѣрымъ слегка пятнистымъ фономъ, съ разсыпанными по нему золотыми цвѣтами, бабочками, драконами и т. п. Подобныя вазы работы ванъ-Домелара (ок. 1580), ванъ-деръ-Эвена и Рёрдера цѣнились особенно высокѣ.

Въ Англіи выдѣлка гончарныхъ издѣлій высшаго достоинства начала развиваться лишь съ 1558 г., когда одинъ очень искусный горшечникъ изъ Дельфта получилъ позволеніе поселиться въ Сандвичѣ (на южномъ берегу) и устроить тамъ гончарный заводъ, а вслѣдъ за нимъ прибыли въ Англію многіе другіе нидерландскіе горшечники, отчасти вынужденные къ переселенію начавшеюся тогда войною.

Тканье ковровъ продолжало процвѣтать во Фландріи. Всё что производилось лучшаго въ этомъ родѣ выходило изъ обширныхъ ковровыхъ мастерскихъ Арраса, Антверпена, Дорника, Энгіена и другихъ фландрскихъ городовъ. Къ нимъ обращались съ заказами на художественныя ковровыя издѣлія не только изъ Франціи (не говоря уже о прочихъ земляхъ), но даже изъ Италіи: такъ напр. знаменитыя ковровыя обои по рисункамъ Рафаэля¹ были исполнены по заказу папы Леона X въ Аррасѣ. Запросъ на дорогіе ковры былъ между тѣмъ очень великъ, такъ какъ между богатыми людьми, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи, было въ обычаѣ убирать ими стѣны и полы покоевъ. По словамъ Брантома, у маршала Стъ-Андрѣ былъ цѣлый шатеръ изъ ковровъ, на которыхъ была выткана битва при Фарсаль. — Постоянно возраставшій запросъ на эти издѣлія и громадныя суммы которыя теряла на нихъ страна, а частію и собственная охота, побудили

¹ Цѣлый рядъ такихъ ковровъ находится въ Берлинскомъ Музее. См. W. Gunn. *Cartonensia or an historical and critical account of the tapestries in the palace of the Vatican*. London 1831.

Франциска I основать въ 1539 г. въ Фонтенблѣ мастерскую для *tapisseries de haute lisse*. Не жалѣя издержекъ, онъ снабдилъ её фландрскими и французскими рабочими и управление ею поручилъ Филиберту Бабу и живописцу Себастиану Серліо. По образцу ея Генрихъ II устроилъ другую такую же мастерскую въ Парижѣ, въ *Hospice de la Trinité*, и назначилъ Ламбера рисовальщикомъ при ней. Обѣ эти мастерскія работали преимущественно на короля и его дворъ, но такъ успѣшно, что сдѣлали ненужными дальнѣйшіе заказы фландрскимъ мастерскимъ. Парижская мастерская выткала между прочимъ для Катерины Медичи стѣнной коверъ въ 63 локтя (*aunes*) длины и 4 ширины, на которомъ была изображена исторія Мавзола и Артемизии (представленной въ лицѣ Катерины). Коверъ этотъ съ 1570 по 1660 г. былъ повторенъ десять разъ. Даже и во время гражданскихъ смутъ эта мастерская не прекращала своихъ работъ до Генриха IV, который въ 1595 г. вызвалъ для нея изъ Италіи искусныхъ ткачей зотомъ и шолкомъ, и директорами ея назначилъ Лорана и живописца Дюбрель. Около половины столѣтія нѣсколько такихъ же мастерскихъ было основано и въ Италіи, произведенія которыхъ, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, однакожъ уступали французскимъ и фландрскимъ, но крайней мѣрѣ въ тщательности выполненія и въ размѣрахъ.

Точно также успѣшно развивалось и вышивальное мастерство, въ особенности въ Италіи и во Франціи. Въ послѣдней странѣ, благодаря любви короля Франциска I къ пышности, вышивальныя работы производились въ огромныхъ размѣрахъ. Для отдѣлки одной комнаты матери короля, Луизы Савойской, въ 1521 г. было вышито, по зеленому бархату и парчѣ, 92 картины изъ исторій и изъ Виргиліевыхъ георгикъ. Рисунки для картинъ составлялъ Маттѣо Люазаръ, а для арабесокъ и гирляндъ, окаймлявшихъ картины, Бартеlemi Гюйэ. — Изъ вышивальныхъ мастеровъ и мастерицъ славилась своимъ искусствомъ — Катерина Кантони въ Миланѣ (1590 г.), Иеронимъ Чиконья въ Генуѣ, Томаза Фіеска тамъ же (ум. 1534), Доротея Дроматари въ Венеціи и др.; Фрухтель, Менцигеръ, Клоссперъ, Линднеръ, Вахнеръ — всѣ въ Мюнхенѣ, Бернгардъ Мюллернеръ въ Нюрнбергѣ (1496—1534).

Тисненая кожа въ формѣ обоевъ стала распространяться только въ теченіе разсматриваемаго періода, хотя выдѣлка ея производилась уже гораздо ранѣе. Встрѣчались правда и въ половинѣ 15 стол. тиспные цвѣтные кожаные обои, но еще въ 1465 г. они были рѣдкостью даже и въ такомъ промышленномъ и преданномъ роскоши городѣ, какъ Венеція¹. Съ начала столѣтія впрочемъ выдѣлка ихъ быстро развилась какъ въ Нидерландахъ, такъ и въ Германіи и во Франціи, куда она была перенесена изъ Италіи.

Также съ начала столѣтія стало усиливаться производство расписныхъ панелей (*rappeaux*) для украшенія стѣнъ, большихъ стѣнныхъ зеркалъ и столовыхъ и стѣнныхъ (колесныхъ) часовъ¹. Самые простые изъ

¹ Въ половинѣ столѣтія въ Парижѣ, Лионѣ, Блуа, Руанѣ, Аугсбургѣ и Нюрнбергѣ было уже значительное число искусныхъ часовщиковъ. Ср. G. Barfuss, *Gesch. der Uhrmacherkunst*. Weimar. 1837; Pierre Dubois, *Description et Iconographie des instruments horaires du XVI-e siècle, précédé d'un abrégé historique de l'horlogerie au moyen-âge et pendant la Renaissance etc.* avec 20 pl. Paris 1858. Имена вѣстныхъ часовщиковъ у F. Trautmann, *Kunst und Kunstgewerke etc.* S. 380.

такихъ часовъ дѣлались по крайней мѣрѣ съ боемъ, перѣдко съ будильникомъ (маятникъ не былъ еще извѣстенъ). Болѣе дорогіе и сложные часовые механизмы показывали, кромѣ часовъ, дни, мѣсяцы, годы, церковные праздники, движеніе планетъ и т. п. —

При господствѣ «германскаго» стиля, развившагося въ служеніи церкви, формы утвари свѣтской опредѣлялись формами церковной (см. выше стр. 317); возвращеніе къ античному формообразованію, такъ наз. Возрожденіе, измѣнило это отношеніе въ обратное. Стиль Возрожденія, уже по самому характеру своему, противорѣчившему христіанскимъ воззрѣніямъ, мало пригодный для церковнаго убранства, выработался на службѣ свѣтскимъ цѣлямъ. Ставъ въ свою очередь господствующимъ, онъ захватилъ себѣ и дотолѣ чуждую ему область церковнаго убранства, доступъ въ которую былъ ему облегченъ усилившимся въ пѣдрахъ самой церкви свѣтскимъ направленіемъ. Съ этихъ поръ формы церковной утвари опредѣляются формами свѣтской. Церковное убранство, достигшее между тѣмъ высшей степени великолѣпія, частью осталось неизмѣненнымъ, частью было постепенно приспособлено къ новому стилю. Въ отношеніи убранства во вкусъ новаго стиля вступаетъ теперь въ соперничество съ церковью свѣтское зданіе — дворецъ или, въ болѣе широкомъ смыслѣ, домъ, и иногда одерживаетъ надъ нею верхъ. Помимо вліянія новаго ученія, которое частью упростило, частью упразднило церковную пышность, и слѣдовательно облегчило это соперничество, оно проявляется все усиленіе и во всѣхъ направленіяхъ: дворцы затмѣняютъ пышностью соборные храмы, дома богатыхъ гражданъ отдѣляются богаче приходскихъ церквей и часовенъ и т. д. Роскошнымъ убранствомъ жилищъ превосходила все другія страны Италія, а въ ней, все остальные города Венеція. Въ этомъ богатомъ городѣ, гдѣ даже «всякій искусный капитанъ корабля требовалъ для себя каюты отдѣланной рѣзбой и позолотой»¹ убранство домовъ носило на себѣ отпечатокъ художественнаго великолѣпія, и это отъ палатъ вельможъ до жилищъ богатыхъ куртизанокъ, которыя особенно славились своимъ изящнымъ вкусомъ. «Чтобы выманить больше денегъ у своихъ любовниковъ, говоритъ о нихъ Гарцони², онѣ убираютъ свои комнаты, какъ цѣлзя красивѣе. Кровати у нихъ съ шелковыми и парчевыми занавѣсами, простыни тончайшаго полотна, наволочки на подушкахъ съ дорогимъ шитьемъ, кресла обиты великолѣпной матеріей, на столахъ дорогіе турецкіе ковры, стѣны увѣшаны бархатомъ и парчей, и расписаны цвѣтами и гирляндами, шкафы уставлены дорогою посудой и весь домъ пропитанъ тончайшими благовошіями». «Квартира, устроенная однимъ богачемъ для одной знаменитой римской куртизанки³, заключала въ себѣ между прочими комнатами залу, приемную и будуаръ — убранный бархатомъ, парчю и коврами. Въ будуарѣ, гдѣ она принимала однихъ только вельможъ, стѣны были обтянуты золотою парчю; на этажеркѣ, съ ультрамариновыми инкрустациями и позолотой, были разставлены сосуды изъ дорогихъ камней. Вокругъ всей комнаты, по стѣнамъ, стояли украшен-

Р. Kugler. Gesch. der Baukunst IV, 263. — ² Th. Garzoni. Piazza universale oder Schauplatz aller Künste und Handwerke (aus d. Italienischen) S. 682. — Kugler. Gesch. der Baukunst IV. 263 ff.

ные рѣзбою сундуки и баулы высокой цѣны, а средину ея занималъ небольшой, но необыкновенно красивый столикъ, покрытый зеленымъ бархатомъ; на этомъ столикѣ постоянно лежали — лютия или цитра, ноты и нѣсколько богатоукрашенныхъ томиковъ латинскихъ и итальянскихъ поэтовъ». Въ исходѣ столѣтія, уже около 1580 г., почти во всѣхъ богатыхъ домахъ Венеціи, Флоренціи и другихъ большихъ городовъ были рѣзные потолки съ позолотой и картинами; ковровые, шолковые или кожаные обои на стѣнахъ, или, вмѣсто обоевъ, богатая деревянная обшивка; въ комнатахъ — красивыя кровати, отдѣланные живописью и позолотой сундуки и баулы, буфеты или горки сверху до низу установленныя дорогою посудой; въ залахъ всеможъ красовались панопліи изъ доспѣховъ и оружія ихъ предковъ, начальствовавшихъ на морѣ и сушѣ. Даже и у простыхъ людей были кровати и сундуки орѣхового дерева, зеленныя занавѣски, ковры, мѣдная и оловянная посуда.

Въ Испаніи и Франціи богатое домовое убранство составляло, по крайней мѣрѣ до половины столѣтія, принадлежность почти однихъ только высшихъ классовъ, но за то нерѣдко доходило у нихъ до крайней расточительности. Еще въ исходѣ столѣтія, знатный испанецъ считалъ самъ себя и считался другими человекомъ небогатымъ, если у него не было по крайней мѣрѣ 800 дюжинъ золотыхъ и серебряныхъ тарелокъ и 200 такихъ же блюдъ. Нѣкоторыя богатыя фамиліи имѣли до 1200 дюжинъ такихъ тарелокъ и до 1000 блюдъ¹. Весьма вѣроятно впрочемъ, что въ такомъ количествѣ столоваго серебра попадалась нерѣдко и высеребряная или вызолоченая мѣдь. Въ общемъ же, внутреннее убранство богатыхъ домовъ (дворцовъ и замковъ вельможъ), какъ въ Испаніи, такъ и во Франціи, было такое же какъ и въ Италіи, и состояло въ дорогой посудѣ — золотой, серебряной, майоликахъ и фаянсѣ (*faïence d'Oiron* и *Palissy*), рѣзной мебели, роскошно отдѣланныхъ потолкахъ съ касетонами, рѣзбою или лѣпными орнаментами изъ стукко съ позолотой; дорогихъ ковровыхъ обояхъ съ гербами, аллегоріями, картинами, или въ стѣнной живописи, деревянныхъ расписанныхъ панеляхъ; скульптурно украшенныхъ каминныхъ и ихъ принадлежностей и, наконецъ, паркетныхъ, каменныхъ и мраморныхъ полахъ, устланныхъ коврами. Во второй половинѣ столѣтія была снята и для Испаніи точная копія съ рафаэлевыхъ ватиканскихъ *loggie*, какъ она была уже прежде (въ 1550 г.) снята для одного богатаго негоціанта въ Антверпенѣ. Въ Нидерландахъ убранство домовъ сложилось подъ французскимъ и испанскимъ вліяніемъ, и, благодаря богатству страны, быстро распространилось между всѣми достаточными классами.

Въ остальныхъ странахъ, несмотря на продолжавшееся въ нихъ до половины столѣтія преобладаніе германскаго стиля, въ убранствѣ домовъ слѣдовали все-таки тому же новому направленію. Впрочемъ, въ Англіи, вообще крѣпко привязанной къ старинному обычаю, почти до самаго исхода столѣтія одни только королевскіе дворцы и дома знатныхъ фамилій убивались на французскій и нѣмецкій манеръ. Почти тоже было въ Швеціи, Даніи и

¹ A. Berlepsch. Chronika der Gold- und Silber-Schmiedekunst. S. 171.

Норвегіи, съ тою лишь разницею, что тамъ подражали преимущественно Нѣмцамъ и Нидерландцамъ. Что же касается Германіи, то въ ней не одни только высшія сословія убирали свои дома согласно съ новымъ направленіемъ вкуса, но и богатые люди среднего класса, обыватели большихъ городовъ. Въ Аугсбургѣ роскошнымъ убранствомъ отличались передъ всѣми дома богачей Фуггеровъ. «Что за великолѣпіе въ домѣ Антона Фуггера!», писалъ въ 1531 г. своему пріятелю ученый Беатусъ Ренаусъ¹: въ немъ много сводовъ и всѣ они поддерживаются мраморными колоннами. Но что я скажу о его просторныхъ и красивыхъ комнатахъ, о залахъ и о кабинетахъ самого хозяина, красивѣйшемъ изъ всѣхъ, какъ по своему золоченому потолку, такъ и по прочимъ украшеніямъ и необыкновенно богатому убранству хозяйской кровати? Къ нему примыкаетъ часовня во имя св. Себастіана, со стульями изъ драгоценнаго дерева весьма искусной работы. Но краса всего — превосходныя картины внутри и снаружи. Раймунда Фуггера домъ тоже великолѣпенъ и изъ него во всѣ стороны прекрасный видъ въ сады. Есть ли въ Италіи хотя одно растение, котораго бы не было въ этихъ садахъ? А какія въ нихъ бесѣдки, цвѣтники, деревья, фонтаны украшенные бронзовыми статуями боговъ! Далеко не такъ понравились мнѣ французско-королевскіе сады въ Блуа и Турѣ. Взойдя въ домъ, мы увидѣли очень большія комнаты, обширные залы съ красивыми каминами. Всѣ комнаты слѣдуютъ рядомъ одна за другою до самой середины дома, такъ что изъ одной комнаты прямо выходишь въ другую. Въ нихъ мы любовались превосходнѣйшими картинами. Но еще болѣе удивило насъ собраніе памятниковъ древности, которое мы увидали въ верхнемъ этажѣ дома: большаго собранія, я полагаю, не найдешь и въ Италіи въ рукахъ одного лица. Въ одной комнатѣ находились монеты и бронзовыя статуи, въ другой каменныя статуи, инныя колоссальной величины. Намъ рассказывали, что всѣ эти древности свезены сюда съ большими издержками почти отовсюду, преимущественно изъ Греціи и Сициліи. Раймундъ самъ человекъ не безъ образованія, и благородной души». Также и Эней Сильвій (впослѣдствіи папа Павелъ II), человекъ безспорно очень образованный, замѣчаетъ, уже въ половинѣ 15 ст., о Германіи², что въ ней «почти нѣтъ гостиницы, въ которой бы не пили изъ серебра и столы не ложились бы отъ золотой и серебряной посуды», и о Вѣнѣ въ особенности, что въ ней «окна вездѣ стеклянныя, двери желѣзныя, въ комнатахъ поютъ птицы и много всякой дорогой утвари».

Гораздо проще, но не менѣе удобно, жили въ Швейцаріи, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ большихъ городовъ, какъ напр. Базеля, гдѣ уже довольно рано началъ развиваться вкусъ къ богатой домашней обстановкѣ³. Но даже и въ такихъ городахъ какъ Цюрихъ, образъ жизни горожанъ отличался умѣренностью, о чемъ съ похвалою отзывается Алоизій Орелли (между 1550 и 1575 г.). «Правда, говоритъ онъ: здѣсь нѣтъ ни одного зданія, общественнаго или частнаго, сколько нибудь сносной архитектуры, и видъ такихъ домовъ непріятенъ для глазъ; но внутренняя опрятность этихъ

¹ J. Scheible. Die gute alte Zeit u. s. w. II, 685 ff. — ² J. Scheible. loc. cit.

³ Ср. Описаніе этого города (съ 1436 г. по Энею Сильвію) въ Ch. Wurtisen's Chronik der Stadt Basel II, 699 sq.

некрасивыхъ домовъ, даже и бѣднѣйшихъ, выкупаютъ ихъ внѣшнюю неприглядность и была бы желательна для итальянскихъ дворцовъ, въ которыхъ на всякомъ шагу надобно опасаться чтобы не выпачкаться. Во всѣхъ здѣшнихъ домахъ, тотчасъ послѣ утренней молитвы, служанки, а гдѣ ихъ нѣтъ, сами хозяйки, начинаютъ убирать комнаты, мести корридоры и крыльца, мыть и чистить скамьи и прочую утварь. Комнаты убраны чрезвычайно просто у всѣхъ, а у многихъ все убранство заключается въ опрятности. Ковры видѣлъ я только въ двухъ домахъ, да и тѣ были вывезены изъ Милана. Самую роскошную отдѣлку покоевъ составляютъ деревянныя панели съ готическою рѣзбою, которыми одѣваютъ стѣны. На каждой панели вырѣзаны изъ орѣховаго дерева или портреты, или окна, или что нибудь въ этомъ родѣ, иногда фигуры, гирлянды и т. п. Такая обшивка стѣнъ защищаетъ отъ зимнихъ холодовъ, но темный цвѣтъ орѣховаго дерева и лака, которымъ покрыто сосновое, дѣлаетъ покои мрачными, чему помогаютъ также узкія и низкія окна и незначительная вышина этажей.... Полы вездѣ кирпичныя; въ парадныхъ комнатахъ на каждомъ кирпичѣ вытиснена выпуклая фигура и ходить по этимъ фигурнымъ выпуклостямъ очень непріятно. Въ спальняхъ полы ничемъ не покрыты, а въ комнатахъ они сверхъ кирпича устланы для тепла досками, но простыми, безъ всякихъ украшеній. Въ парадныхъ комнатахъ потолки деревянныя съ рѣзбою, раскраской и позолотой, или съ лѣпными украшеніями, чаще всего гербами и трофеями. По стѣнамъ написаны крупными буквами изрѣченія окруженныя вѣнками. Такія изрѣченія пишутся иногда и на потолкахъ; изъ видѣнныхъ мною всѣ были латинскія и написаны золотыми буквами.... Зимой комнаты нагрѣваются большими печами.... Въ комнатахъ не видно никакихъ другихъ картинъ кромѣ портретовъ и пейзажей. Реформація выгнѣсила картины религіознаго содержанія; вмѣсто нихъ, въ большихъ и средней руки домахъ, стѣны увѣшаны по старинному обычаю жестяными питейными сосудами всѣхъ формъ и размѣровъ, вычищенными такъ, что они всегда блестятъ какъ новыя.... Утвари не много и она не богата, но прочна и часто изящна. По стѣнѣ и вокругъ большого стола поставлены длинныя скамьи для всѣхъ домашнихъ; передняя скамья, назначенная для хозяина и хозяйки дома, обита сукномъ. Гостямъ въ богатыхъ домахъ подаютъ деревянные стулья, обитые бархатомъ съ золотою или серебряною бахрамою; у менѣе богатыхъ людей, вмѣсто бархата, сукно или кожа, и подушки вышитыя женщинами семейства; такими же вышитыми коврами покрываютъ въ праздники и столы. Кресла этотъ бодрый и крѣпкій народъ предоставляетъ старикамъ и больнымъ..... У богатыхъ людей цѣлыя капталы въ серебряной и вызолоченой посудѣ... Большіе питейные сосуды имѣютъ форму воиновъ, или коней и другихъ животныхъ, которыя находятся въ гербѣ владѣльца. Есть кубки такой величины, что только очень сильный человѣкъ можетъ сдержать въ одной рукѣ такой кубокъ, когда онъ наполненъ..... Дорогая посуда употребляется лишь въ праздничные дни. Въ такіе дни всё серебро выставляется въ симметрическомъ порядкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ комнаты. Между тѣмъ на столѣ уже приготовлены для гостей кубки, кружки, блюда и пр.; нѣкоторые сосуды изъ выставленныхъ тоже подаются на столъ, въ доказательство того, что хозяевамъ ничего не жаль

для гостей, но это дѣлается такъ, чтобы не нарушать симметрію..... Библия переплетенная въ бархатъ, съ тяжелыми серебряными или вызолоченными застѣжками и украшеніями, я видѣлъ во многихъ богатыхъ домахъ выложенными на показъ въ числѣ прочей дорогой утвари..... Самая дорогая посуда та, изъ которой ѣдятъ и пьютъ богатые женщины послѣ родовъ, или въ которой подается поворожденному ребенку то что ему нужно (*seine Bedürfnisse gereicht werden*); посуда эта серебряная, густо вызолоченная, обыкновенно съ вычеканенными на ней библейскими изображеніями..... Какъ проста ежедневная пища, такъ же проста и обиходная столовая утварь: ложки у всѣхъ деревянныя или роговыя, только у богатыхъ людей съ небольшой серебряной отдѣлкой, и то лишь тѣ, которыми ѣдятъ хозяинъ и хозяйка дома; тарелки тоже деревянныя, у богатыхъ — оловянные; блюда изъ луженой мѣди, олова или глины, такіе же и питьевые сосуды: бутылки изъ сильно обожженной глины, стаканы изъ дерева или оловянные.... По здѣшнему обычаю, посуда, изъ которой ѣдятъ хозяинъ и хозяйка дома, и ихъ столовые приборы, какъ бы просты они ни были, всегда отличаются отъ остальныхъ какой нибудь прикрасой..... Угощеніе (на пирахъ) отлично отъ итальянскаго. Здѣсь не подаютъ на столъ ни раззолоченныхъ павлиньихъ чучелъ, ни пастетовъ начиненныхъ вызолоченными и высеребряными рыбами, ни иныхъ показныхъ блюдъ, которыя стоятъ дороже самыхъ лучшихъ кушаньевъ. Здѣсь подается только то, что можно ѣсть».

Какъ много всякаго рода утвари считалось необходимымъ даже и для хозяйства средней руки, перечислено Гансомъ Саксомъ въ появившемся въ 1544 г. его стихотвореніи «*Der ganze Hausrat bey dreyhundert Stücken, so ungefährlich in ein jedes Haus gehört*» (триста предметовъ домашней утвари необходимыхъ почти для каждаго хозяйства)*.

Новый стиль (ренессансъ) если и не измѣнилъ основныхъ формъ утвари, то очень сильно повліялъ на ея орнаментацию, которая необыкновенно выиграла въ разнообразіи, вслѣдствіе смѣшенія новыхъ элементовъ съ удержавшимися старинными германскими. Показную или нарядную утварь всякаго рода было въ обычаѣ покрывать сплошь украшеніями, нерѣдко даже въ такомъ изліиствѣ, что они затемняли назначеніе вещи и затрудняли ея цѣлесообразное употребленіе, причемъ и самыя украшенія, при той неограниченной свободѣ, которую допускалъ новый стиль, становились все несоответственными по своему содержанію съ назначеніемъ вещи. Это несоответствіе все рѣшительнѣе проявлялось въ мебели — креслахъ, столахъ, шкафахъ и др., менѣе въ посудѣ, но и то пока не усилилась выдѣлка стеклянной и глиняной посуды и дорогихъ фаянсовъ и майоликъ.

Красотою формъ, также какъ и богатствомъ украшеній и цѣнностью матеріала отличалась въ особенности столовая посуда, въ которой, кромѣ драгоценныхъ металловъ и золоченой или эмальированной мѣдной жести, съ сороковыхъ годовъ столѣтія начали играть важную роль стекло, майо-

* Опускаемъ приводимыя авторомъ извлеченія изъ этого довольно длиннаго стихотворенія. Замѣтимъ лишь, что въ составъ домашней утвари Саксъ помѣщаетъ не только шашки, карты, кости, шахматы, но и писчей приборъ, бумагу, чернила и даже библию и другія книги — «для развлеченія и назиданія»: *Die Bibel und andre Bücher mehr — Zu Kurzweil und sittlicher Lehr.* Пер.

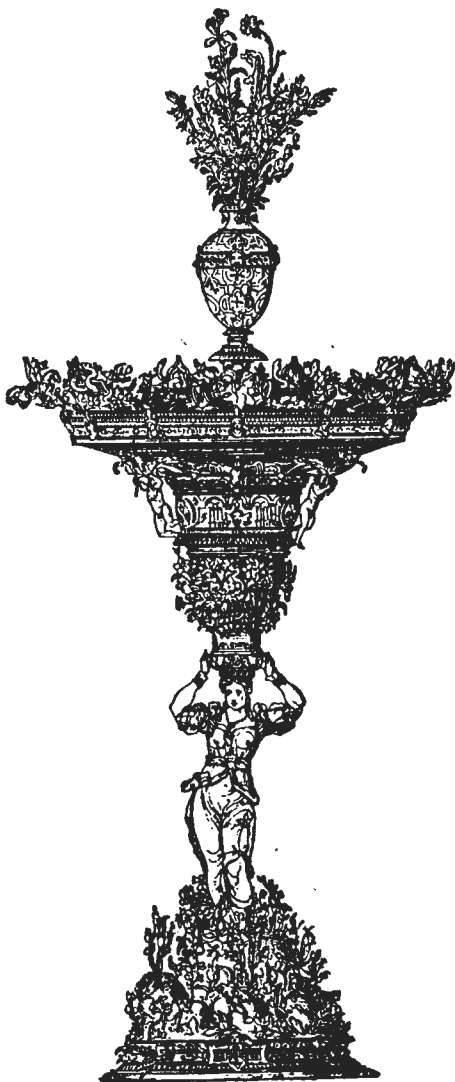
лики и фаянсъ, и притомъ не только въ формѣ блюдъ, тарелокъ и т. п. посуды въ тѣсномъ смыслѣ, но и въ формѣ всякаго рода столовой утвари и даже такихъ крупныхъ вещей, какъ настольники (столовые плато: *surtout de table*, *Tefelaufsätze*). Эта замѣна прочнаго матерьяла хрупкимъ иногда очень дорого обходилась хозяину, особенно при большихъ пиршествахъ. Прислуга, привыкшая къ металлической посудѣ, не умѣла, по крайней мѣрѣ сначала, бережно обращаться съ стекломъ и фаянсомъ и легко ихъ портила или совсѣмъ уничтожала. «На закуску (*collation*), приготовленной кардиналомъ де-Бирагъ королю Генриху III, въ 1580 г., — рассказываетъ *de l'Etoile*¹: были разставлены на двухъ длинныхъ столахъ до 1200 фаянсовыхъ сосудовъ съ конфектами и печеньями въ видѣ пирамидъ, крѣпостей и т. п. Большая часть этихъ сосудовъ была или испорчена или перебита пажамъ и придворными лакеями, и убытокъ причиненный хозяину этими нахалами (*insolents*) былъ тѣмъ чувствительнѣе, что сосуды все до одного отличались красотой».

Изъ различныхъ формъ настольниковъ, «фонтаны» и «треножники» (см. выше ч. I, 318) стали выходить изъ моды, но «корабли» остались по прежнему самою любимой формою и теперь не только отдѣлывались богаче, но и выполнялись гораздо искуснѣе, представляя точное подобіе настоящихъ кораблей, галеръ, съ такелажемъ, парусами, экипажемъ и т. д.² Въ инвентарѣ королевы Маріи Стюартъ упоминается (подъ 1586 г.) «большой *nef* (корабль) золоченаго серебра чеканной работы, цѣною въ 500 талеровъ³. Вмѣстѣ съ «кораблями» удержались и старинные судки или столовые погребцы, называвшіеся тоже *nefs* (см. стр. 294). О назначеніи этихъ судковъ упоминается между прочимъ и въ извѣстной сатирѣ на дворъ Генриха III, названной *Isles des Hermaphrodites*: «На самомъ концѣ стола стоялъ довольно большой сосудъ (*vaisseau*) изъ золоченаго серебра въ формѣ судна (*nef*) на подножкѣ. Какъ я замѣтилъ, его назначеніемъ было служить вмѣстилищемъ для опахала и перчатокъ женоподобнаго хозяина дома (*seigneur-dame*), когда тотъ садился за столъ. Этотъ сосудъ открывался и закрывался съ обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ въ одной лежали салфетки». При французскомъ дворѣ такіе судки, конечно въ измѣненной формѣ, оставались въ употребленіи до конца 18 столѣтія и назывались *cadenas*. — Вскорѣ затѣмъ появились, взамѣнъ «фонтановъ» и «треножниковъ», глубокія и плоскія, богато орнаментированныя чаши на высокихъ подножіяхъ, оправленные въ золото большія раковины, различные фигуры и группы изъ животнаго и растительнаго царства, и даже цѣлыя (скульптурныя) сцены смѣшнаго и серьезнаго содержанія, мифологическія фантазіи, трофеи и т. п. — Очень замѣчательнъ по замыслу и выполненію настольникъ въ формѣ вазы, работы Венцеля Ямницера, находящійся въ настоящее время во владѣніи нюрнбергскаго купца Меркеля. Этотъ настольникъ (фуг. 324) имѣетъ 2 фута 11 дюймовъ вышины и 1 футъ

¹ M. de Laborde. Notice des émaux etc. II, 532. — ² Рисунки у F. W. Fairhold. Miscellanea graphica etc. Pl. II. и у D. van der Kellen. Neerlands Oudheden. Antiquités des Pays-Bas. Pl. XLV. — Такой корабль сохраняется въ Амбразеровскомъ музеѣ въ Бвѣѣ. См. A. Premisser. Die K. K. Ambrasersammlung. — ³ M. de Laborde. loc. cit. pag. 404 (Art. „nef“).

3 $\frac{1}{2}$ д. въ діаметръ своего развала. Онъ весь чеканный изъ серебра, попеременно отполированнаго и матоваго, пацъ множествомъ самыхъ мелкихъ и тонкихъ орнаментовъ, частью отдѣланныхъ цвѣтною эмалью¹. Подножіе его, образуемое тремя дугами, представляетъ на трое расколотый обломокъ скалы, густо обросшій различными травами и цвѣтками, между которыми ползають черепахи, улитки, ящерицы и всякаго рода туземныя насѣкомыя. Изъ этой растительности поднимается женская фигура въ античной одеждѣ, символизирующая землю. Она вся серебряная, только ея волосы и одежда вызолочены. На головѣ у нея глубокій расширяющійся кверху сосудъ, который она поддерживаетъ обѣими руками; онъ накрытъ очень плоскою чашею, изъ самой середины которой возвышается чрезвычайно богатый орнаментъ въ видѣ вазы съ цвѣтами. Сосудъ, по нижнему своему краю, соприкасающемуся съ головой фигуры, украшенъ окрѣпленными дѣтскими головками; отсюда кверху, почти до половины своей вышины, густо обвитъ цвѣтами и вѣтками, а выше представляется въ видѣ корзины, украшенной растительными орнаментами и тремя кругло изваянными геніями, которые, въ летящей позѣ, поддерживаютъ верхній край сосуда и лежащую на немъ плоскую чашу, окружность которой тоже богато орнаментирована цвѣтами, перемѣшанными съ ящерицами и змѣями. Внутренняя сторона чаши, раздѣленная на шесть выпуклыхъ плоскостей, украшена рогами изобилія, крылатыми головами и разными фантастическими фигурами. Посрединѣ ея возвышается подножка, на которой помѣщены три женскихъ фигуры съ козьими ногами, сидящія на ящерицахъ. Эти фигуры

Фиг. 321.

¹ Подробное описаніе этого настольника и разъясненія лежащей въ основѣ его идеи у А. Berlepsch. Chronik der Gold- und Silberschmiedekunst. S. 173 ff.

сплошь вызолочены и своими головами, доходящими до уровня краевъ чаши, поддерживаютъ средній орнаментъ — изящную вазу съ роскошнымъ букетомъ цвѣтовъ изъ матоваго серебра. Латинскія надписи, вычеканенныя на разныхъ мѣстахъ этого настольника, объясняютъ основную его мысль. — Раковины въ золотыхъ и серебряныхъ оправкахъ, на подножіяхъ и съ ручками, дошли до насъ въ нѣсколькихъ совершенно сохранившихся экземплярахъ¹. Для орнаментации такихъ раковинъ выбиралась исключительно морскія божества, морскія животныя и растенія. Иногда и въ отверстіе самой раковины вставляли фигуру какого нибудь морскаго божества — Нептуна, Оетиды и т. д., какъ будто бы поднимающуюся изъ раковины. Изъ скульптурно исполненныхъ настольниковъ сохранились очень немногіе и тѣ небольшихъ размѣровъ; они разсыяны по разнымъ собраніямъ и музеямъ². Къ самымъ значительнымъ по объему вещамъ этого рода принадлежали, очень любимыя богатыми дворянскими фамиліями, «серебряныя общества» (*silberne Gesellschaften*). Такъ назывались серебряныя настольники, на которыхъ были (скульптурно) портретированы всѣ члены фамиліи въ рыцарскомъ костюмѣ, каждый членъ на отдѣльномъ щитѣ съ разноцвѣтно эмальированнымъ своимъ гербомъ. Въ 1517 г. у регенсбургскихъ евреевъ находилась въ закладѣ нѣсколько такихъ настольниковъ о 16 и 20 фигурахъ³. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ по художественному исполненію столовыхъ украшеній находится въ амбразеровскомъ музеѣ въ Вѣнѣ: это золотая солонка сдѣланная Бенгелуто Челлини для Франциска I⁴. Практическое назначеніе этой вещи, какъ сосуда для соли, до такой степени затемняется данною ей художественною формою, что почти совсѣмъ ускользаетъ отъ глаза. На овальномъ подножій, представляющемъ скалистую возвышенность, окруженную морскими и сухопутными животными, водными растеніями, цвѣтами и т. д., на одномъ концѣ полулежитъ, слегка откинувшись назадъ, Нептунъ (богъ моря, дающаго соль) съ трезубцемъ въ одной рукѣ, а другую положивъ на корабль, который и служить вмѣстилищемъ для соли. Насупротивъ Нептуна, и въ такой же какъ онъ позѣ, сидитъ Цибела (богиня земли, производящей перецъ), облокотившись на красивый храмикъ, — вмѣстителище для перца. Обѣ фигуры совершенно нагія и, какъ и все остальное, изъ чистѣйшаго золота. Такъ же художественно-изящна была вѣроятно и солонка (къ сожалѣнію до насъ не дошедшая), которую Микельанджело сдѣлалъ для герцога Урбино⁵. Вообще солонки составляли одно самыхъ главныхъ украшеній стола, а потому если и не всегда отличались художественнымъ исполненіемъ, то всегда выдѣлялись изъ дорогихъ матеріаловъ, и съ богатыми украшеніями. Между сохранившимися майоликами и посудой *Palissy*, и даже между фаянсами Генриха II есть много очень изящныхъ сосудовъ

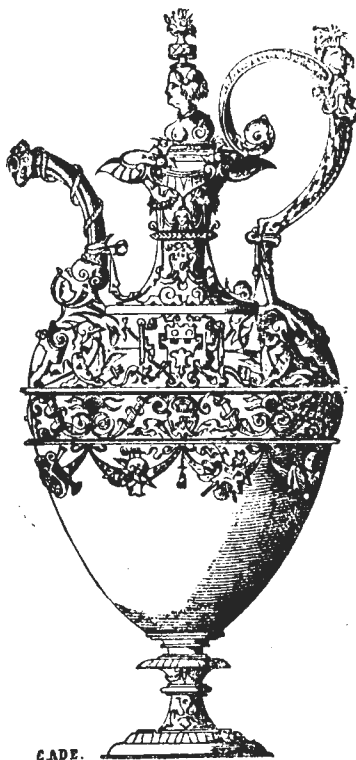
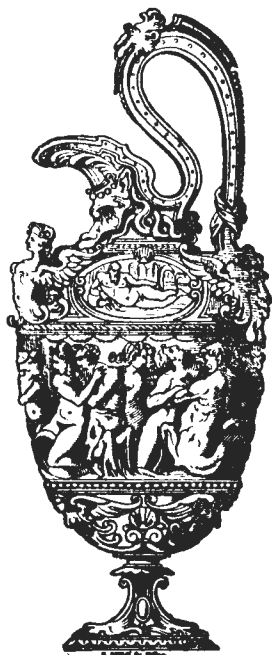
¹ Списокъ у J. v. Hefner-Alteneck. *Geräthschaften des christl. Mittelalters*. I. Taf. 70; ero же: *Trachten des christl. Mittelalters*. III. Taf. 76. D. van der Kellen *Neerlands Oudheden etc.* Pl. 50. — ² Ср. между проч. F. Kugler. *Beschreibung der kön. Kunstkammer zu Berlin*. S. 170. — ³ J. Scheible. *Die gute alte Zeit*. etc. II. 721. — ⁴ Фотографическіе снимки съ нея (съ двухъ сторонъ) у E. von Sacken. *Kunstwerke und Geräthschaften des Mittelalters in der K. K. Ambrasersammlung*. Taf. IX. — Подробное описаніе собственными словами Челлини въ A. Primisser. *Die K. K. Ambrasersammlung*. S. 226 sq. — ⁵ F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. IV, 227.

(изъ коихъ нѣкоторые двойные), по всему вѣроятію назначенныхъ служить солонками и перечницами.

Сосуды для жидкостей. Различныя причудливыя формы этихъ сосудовъ— какъ-то: башни, человѣческія и звѣринныя фигуры, женщины верхомъ и т. д., встрѣчаются все рѣже и уступаютъ мѣсто главной формѣ—кувшину. Но и эта форма подъ вліяніемъ ренессанса преобразуется, какъ въ основныхъ своихъ частяхъ, такъ и въ деталяхъ, по античнымъ образцамъ: самое тѣло кувшина получаетъ явцевидную форму, а весь кувшинъ уподобляется древнеримскимъ вазамъ и принимаетъ свойственныя имъ украше-

Фиг. 325 б.

Фиг. 325 а.

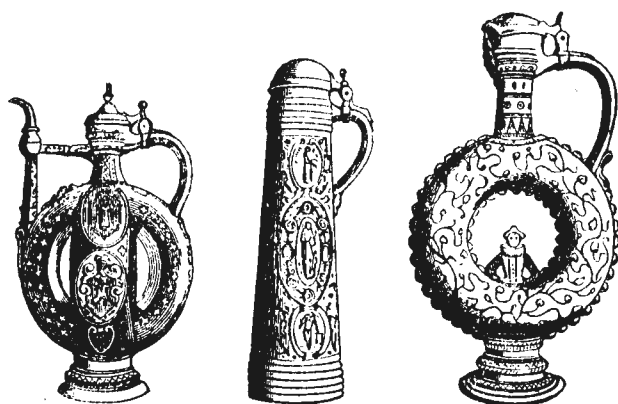

САДЕ.

нія (фиг. 325 а. б.). Различіе между древнеримскими сосудами и ихъ подражаніями, нерѣдко до обмана на нихъ похожими, выражалось преимущественно въ способѣ исполненія украшеній. Кромѣ чисто скульптурной отдѣлки, общей имъ съ античными сосудами, новые сосуды отдѣлывались: металлическіе — эмальировкою, глиняные — (фаянсы, майолики, палисси) цвѣтною глазурью. Если же они были изъ камня, даже изъ такого какъ агатъ, яшма, порфиръ, то ихъ все-таки отдѣлывали металлическими оправами, и придѣлывали къ нимъ металлическія чекашныя ручки, подножія и устья. Въ послѣдствіи ихъ стали выдѣлывать совершенно на античный манеръ (т. е. безъ металлическихъ частей и украшеній) и прежде всего во

Франціи, но не ранѣе какъ при Генрихѣ IV, т. е. въ самый разгаръ «барока». Подобныхъ же (подражающихъ античнымъ) формъ сосуды (ср. фиг. 333 b.) выдѣлывались также и изъ стекла (съ половины столѣтія, впрочемъ, исключительно въ Венеціи). Эти сосуды, какъ и всѣ вообще стеклянные, были или цвѣтные или безцвѣтные, и въ послѣднемъ случаѣ отдѣланы вплавленными въ стекло непрозрачными нитями (*filigran*), или какъ *millefiori*, и почти всѣ безъ исключенія небольшихъ размѣровъ. Выдѣлка сосудовъ различныхъ странныхъ формъ не совсѣмъ еще прекратилась, а продолжалась довольно дѣятельно въ Германіи и Нидерландахъ, ограничиваясь однакожъ все болѣе и болѣе обиходною каменною посудой, вслѣдствіе чего и перешла въ руки простыхъ горшечниковъ. Къ известнымъ уже формамъ такихъ сосудовъ—круглыхъ и многогранныхъ съ двойными ручками, съ нѣсколькими рыльцами и т. п.—прибавились теперь сосуды, формы которыхъ составляли совершенную противоположность кувшину или вазѣ. Самые страшные и наиболѣе любимые изъ нихъ состояли изъ полаго кольца или двухъ такихъ колецъ соединенныхъ между собою, обыкновенно съ подножкой, шейкою, одною или двумя ручками, иногда съ

Фиг. 326.

рыльцемъ и крышкою (фиг. 326 а. с.). Очень распространены были также сосуды бочкообразной формы съ различными вычурными прибавками, сосуды въ видѣ пристѣвшей на корточки фигуры, или двухъ такихъ фигуръ соединенныхъ спинами и т. п. Всѣ такіе сосуды расписывались или покрывались цвѣтною глазурью сплошь или только мѣстами.

Особый разрядъ сосудовъ, составляли такіе, изъ которыхъ и разливали напитки и пили ихъ. Всѣ они представляли видоизмѣненіе типа кружки и дѣлались то прямостѣнные, то янцевидной формы, всегда съ ручкою и болѣею частію съ крышкою (фиг. 327 и 328). Украшали ихъ различными фигурами, арабесками, узорчатыми коймами, очень часто гербами, настоящими и выдуманскими. На металлическихъ кружкахъ, украшенія эти вычеканивали, иногда золотили или раздѣлывали эмалью (фиг. 328), на глиняныхъ ихъ вытисняли углубленно, или же они выдѣлывались отдѣльно

и потомъ накладывались на кружку, образуя по ней рельефный орнаментъ. Крышки дѣлались всегда металлическія. Цилиндрическія, къ-верху суживающіяся кружки (фиг. 326 b.), которыя обыкновенно выдѣлывали изъ желтоватой глины и оставляли неокрашенными, употреблялись преимущественно для питья и очень рѣдко для разливанья напитковъ.

Фиг. 327.

Питейные сосуды стали еще разнообразнѣе. Большая часть ихъ прежнихъ формъ осталась безъ измѣненія; въ остальныхъ только орнаментация была измѣнена соотвѣтственно новому направленію вкуса, въ свою очередь породившему рядъ новыхъ формъ. Нигдѣ разнообразіе этихъ сосудовъ не было такъ велико какъ въ Германіи, гдѣ для нихъ постоянно придумывались все новыя формы, часто совершенно цѣлныя, какъ это видно изъ жалобы одного современника ¹. «Теперь, говоритъ онъ: наши питухи и гуляки пьютъ изъ кораблей, мельницъ, фонарей, волюпокъ, чернилицъ, роговъ, рога-тинъ, яблокъ, грушъ, пѣтуховъ, обезьянъ, павлиновъ, поповъ, монаховъ, монахинь, мужиковъ, медвѣдей, львовъ, оленей, коней, кошекъ, лебедей, свиней, и изъ разныхъ другихъ невиданныхъ сосудовъ, выдуманныхъ для нихъ самимъ чортомъ, и гнѣвать этимъ Господа Бога». Но какъ бы не довольствуясь этимъ, позднѣе стали давать питейнымъ сосудамъ еще болѣе страшныя формы, напр. сапогъ, башмаковъ и другихъ частей костюма; или тачекъ (иногда съ прибавленіемъ фигуръ), пушекъ, мортиръ и т. п. Придумывали также разныя крайне безстыдныя формы и онѣ находили себѣ любителей. Въ этомъ отношеніи особенною изобрѣтательностью отличались итальянцы и за ними Французы. Если вѣрить нѣкоторымъ современнымъ

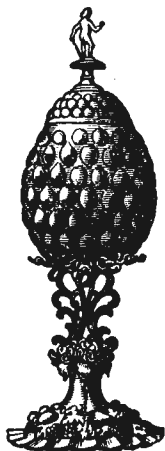
Фиг. 328.

¹ Cp. A. Primisier. Die k. k. Ambrasersammlung. S. 225. A. Berlepsch Chronik der Gold- und Silberschmiedekunst. S. 159 ff.

извѣстїямъ, фрнцузская знать давала роскошныя пиршества, на которыхъ мужины и дамы пили изъ сосудовъ, имѣвшихъ формы мужскихъ и женскихъ половыхъ частей. Брантомъ ¹ тоже рассказываетъ объ одномъ вельможѣ двора Генриха III, что когда онъ угощалъ у себя придворныхъ дамъ, то приказывалъ своей прислугѣ подавать имъ вино въ серебряномъ бокалѣ, на которомъ «весьма искусно были выгравированы не только безстыдныя фигуры Пьетро Аретино, но и совокупляющіяся всякаго рода животныя», и при этомъ забавлялся смущенїемъ, въ которое приводили эти изображенїя молодыхъ дѣвушекъ, только что вступавшихъ въ придворную жизнь. «Многія изъ этихъ дѣвицъ—прибавляетъ Брантомъ:—скоро привыкли къ бокалу и не замедлили испытать на дѣлѣ то что узнали изъ его рисунковъ». Кромѣ кубковъ, двигавшихся по столу посредствомъ заключеннаго въ нихъ механизма, были кубки тоже съ механизмомъ, которые, при нажатїи пружины, значительно увеличивались въ объемѣ. Императоръ Фердинандъ I послалъ въ подарокъ султану Салиману золотой осыпанный драгоценными камнями кубокъ, который заключалъ въ себѣ часовой механизмъ, показывавшій часы, фазы луны и восходъ и заходъ солнца, и былъ такъ великъ и массивенъ, что нужно было двухъ человѣкъ, чтобы его поднимать.

Фиг. 329.

Фиг. 330.

Очень любимы были кубки въ видѣ сосновыхъ и еловыхъ шишекъ, какого-нибудь плода, виноградной кисти, также въ видѣ рога, сучка. Вообще тогдашнимъ людямъ нравилось держать въ рукахъ нѣчто прочное, массивное и шишковатое, потому и обиходную посуду, хотя бы она была оловянная,

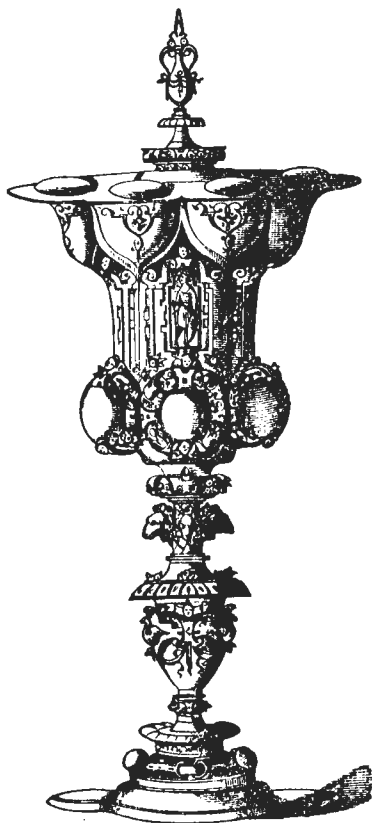
¹ Mémoires contenant les vies des femmes galantes I, 44.

мѣдная, даже деревянная или глиняная, отдѣлывали выпуклыми украшеніями, которыя вырѣзывались или выбивались на самой вещи или накладывались на нее. «Прекрасный кубокъ, представляющій сосновую шишку» былъ сдѣланъ мюнхенскимъ золотыхъ-дѣлъ-мастеромъ Альбрехтомъ Краусомъ въ 1560 г. (фиг. 329). — Въ большомъ ходу были кубки, представлявшіе монаховъ, монахишъ и царядныхъ дамъ, особенно послѣдніе, чѣмъ отчасти объясняется тѣмъ, что колоколообразныя юпки этихъ фигуръ весьма удобно обращались въ бокалъ или кубокъ (фиг. 330 а. б.), Большая часть такихъ кубковъ не имѣли ножки и не могли быть поставлены на столъ налитыми, а потому ихъ по необходимости приходилось всякій разъ выпивать до дна. Въ такомъ же родѣ были кубки, имѣвшіе форму верхушки конуса или форму заостренной половины яйца. Изъ соединенія этихъ двухъ формъ произошелъ особый родъ кубка, назван. *Credenzbecher* — заздравнымъ. Онъ обыкновенно представлялъ женскую фигуру, держащую надъ головою повертывавшуюся на горизонтальной оси чарку (фиг. 330 б.), и назначался для кавалера и дамы. Дама пила изъ чарки и могла пить изъ нея по-немногу, потому что чарка не опрокидывалась, тогда какъ кавалеръ долженъ былъ осушить нижній сосудъ, представляемый одеждою фигуры, чтобы поставить кубокъ на столъ.

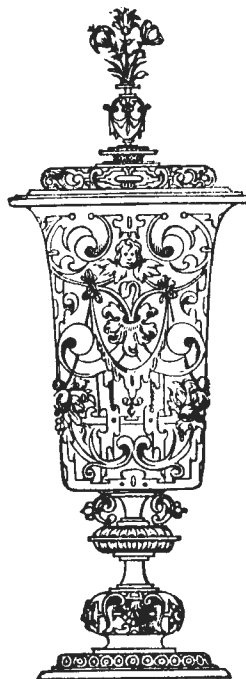
Отличны отъ этихъ кубковъ были такъ наз. *Willkommen* (добро пожаловать),—кубки, въ которыхъ подносили вино почетному гостю при его появленіи. Германскій по своему происхожденію, обычай встрѣчать гостя виномъ перешелъ и въ другія страны, а вмѣстѣ съ нимъ перешло и названіе употреблявшагося при этомъ сосуда: во Франціи его называли *vidgessome*, въ Испаніи—*vellisomen*, въ Италіи—*belliscone*. Гость иногда долженъ былъ откупаться отъ выпитія кубка какой-нибудь монетою; такими откупными монетами убиралъ кубокъ, развѣсивая или припавая ихъ вокругъ него. Это было въ обычаѣ главнымъ образомъ у ремесленниковъ. Каждый цехъ имѣлъ свой объемистый *willkommen*, и эти кубки, обыкновенно оловянные, нерѣдко пріобрѣтали большую цѣнность отъ откупныхъ монетъ, которыми они были убраны.—Къ разряду описываемыхъ сосудовъ принадлежала и чаша, сохранившая свое старинное значеніе пиршественнаго сосуда по преимуществу. Не измѣнивъ своей основной формы и удержавъ свою старинную орнаментацию (фиг. 331), она стала теперь, подъ вліяніемъ новаго стиля, стройнѣе и выше, чѣмъ прежде. Ея прежнее подножіе, полушарообразное изъ наложенныхъ одна на другую постепенно уменьшающихся розетокъ, измѣнилось въ плоскій кругъ или многоугольникъ, отдѣланный гранью. Ножка утратила среднее яблоко, и, вмѣсто архитектурныхъ частей, сложилась изъ круглыхъ и овальныхъ тѣлъ, изъ прямыхъ, вогнутыхъ и выпуклыхъ плоскостей, окаймленныхъ и раздѣленныхъ мелкимъ орнаментомъ, или же замѣнилась фигурою или группою фигуръ съ соотвѣтствующими аксессуарами. Самое тѣло чаши стало выше, нерѣдко составляя двѣ трети всей вышины сосуда (фиг. 332). Ему давали всевозможныя формы, начиная съ формы простого стакана и до развалистаго бокала, круглаго или многограннаго, съ выпуклостями и впадинами, иногда свернутаго на подобіе рубчатой раковины. Чаша обыкновенно закрывалась плоскою или выпуклою крышкою, отдѣланною въ томъ же стилѣ какъ и она.

Не меньшее разнообразіе формъ представляла стеклянная посуда, которая все еще выдѣлывалась пока единственно въ Венеціи. Это разнообразіе выражалось не только въ видоизмѣненіяхъ извѣстныхъ формъ, какъ-то: чашъ, кубковъ, бокаловъ и въ различныхъ способахъ отдѣлки послѣднихъ (*millefiori*, *filigran*, раскраска, позолота, и т. д.), но почти также какъ въ Германіи, и въ подражаніяхъ всякаго рода предметамъ, которые только

Фиг. 331.

Фиг. 332.

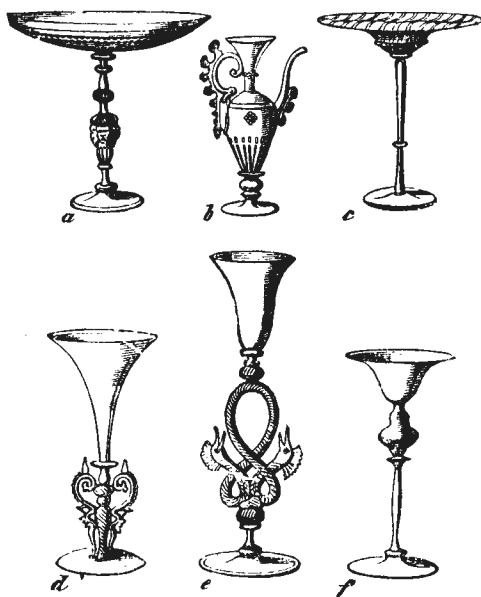
можно было обратить въ пріемникъ для жидкости: и стеклянные сосуды выдѣлывались въ видѣ головъ, человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ, бочекъ, пушекъ и т. д. Особенно затѣйливыя формы давали придаточнымъ частямъ сосудовъ—ихъ ручкамъ и ножкамъ, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда самый сосудъ оставляли въ его простомъ видѣ. Напр. ножки чашъ и бокаловъ выдѣлывали въ видѣ цвѣтковъ, листьевъ, птицъ, змѣй, драконовъ и т. п. (фиг. 333 а—f). При этомъ ихъ почти всегда окрашивали въ синій, красный или зеленый цвѣтъ, тогда какъ самое тѣло сосуда оставляли безцвѣтнымъ.—Во второй половинѣ столѣтія стала появляться и въ Германіи стеклянная посуда, прежде всего въ формѣ большихъ цилиндрическихъ кружекъ съ крышками, украшенныхъ гербами, фигурами и изрѣченіями, выпукло наложенными на нихъ изъ цвѣтнаго стекла.

Питейные сосуды, майоликовые и фаянсовые, распределялись между формами кубка и чаши на ножкѣ, изъ которыхъ первая выбиралась преимущественно для майоликъ, а послѣдняя для фаянсовъ. Нѣсколько дошедшихъ до насъ мастерски исполненныхъ чашъ изъ такъ назыв. *faïence d'Oiron* (или *faïence Henri II*), на богато орнаментированныхъ ножкахъ¹, свидѣтельствуютъ до какого истинно художественнаго изящества были выработаны формы и орнаментация фаянсовой и майоликовой посуды.

Къ числу дорогой посуды — сосудовъ изъ хрусталя и драгоценныхъ камней съ золотой обдѣлкой²—съ 70-хъ годовъ прибавились стопы (*Nimpen*) изъ слоновой кости, съ крышками и металлической обдѣлкой. Главное украшеніе этихъ стопъ составляли вырѣзанныя на нихъ (обыкновенно довольно вышуклымъ рельефомъ) фигурныя композиціи аллегорическаго и мифологическаго содержанія, чаще всего вакхическія торжества со всею ихъ оргіастическою обстановкою.

Къ столовой посудѣ въ тѣсномъ смыслѣ не прибавилось ничего новаго, кромѣ развѣ немногихъ особой формы сосудовъ, для нѣкоторыхъ, можетъ быть вновь изобрѣтенныхъ, кушаньевъ. Въ упомянутой уже сатирѣ на дворъ Генриха III, говорится при описаніи стола, что салаты подавали на большихъ эмалированныхъ подносахъ сплошь покрытыхъ небольшими углубленіями (*petites niches*), въ которыя вѣроятно и были разложены различные сорта салатовъ.—Уже выше было сказано, что кромѣ металлической столовой посуды, стала входить въ употребленіе съ половины столѣтія глиняная различныхъ сортовъ, отъ майоликъ и фаянсовъ до простого горшечнаго товара. Майоликовая и фаянсовая посуда появилась прежде всего въ Италіи, гдѣ уже въ первой четверти столѣтія было много любителей, тратившихъ на нее большія деньги, какъ напр. секретарь папы Климента VII, Джіорберти, у котораго было такой посуды на 600 дукатовъ. Въ половинѣ столѣтія еѣ начали выдѣлывать уже и во Франціи (Палисси); въ то же время вкусъ къ ней сталъ распространяться и въ Испаніи по почину королевскаго двора: для Филиппа II былъ сдѣланъ въ Кастиль-Дуранте цѣлый столовый сервизъ³).

Фиг. 333.

¹ Ср. рисунки у Emil Reiber. *L'art pour tous*. 1869. № 10. — ² Примеры во многихъ изъ вышеприведенныхъ сочиненій; въ этому еще A. Primisser. *K. u. Ambrasersammlung* S. 230, 235 u. passim. — ³ F. Kugler. *Geschichte der Baukunst IV* (J. Burckhardt *Die Renaissance in Italien*) S. 319 ff.

Распространеніе фаянсовой столовой посуды до такой степени уменьшило запросъ на металлическую, что выдѣлка послѣдней значительно сократилась. Въ исходѣ столѣтія, когда мода на фаянсъ прошла, онъ понизился какъ въ достоинствѣ, такъ и въ цѣнѣ, но за то сталъ доступнѣе для людей небогатыхъ, которые и сдѣлались главными его потребителями. Богатые люди снова возвратились къ металлической посудѣ, но уже не такъ исключительно какъ прежде; на ихъ столахъ красовались теперь не одни золотыя и серебряныя блюда, но и блюда каменные, оправленные въ серебро, и блюда изъ слоновой кости съ рѣзбою и металлической отдѣлкой. Много подобныхъ блюдъ изъ чеканнаго вызолоченаго серебра, до двухъ футовъ въ діаметрѣ, съ медальонами на днѣ и краяхъ, представляющими охотничьи сцены въ горельефѣ, находится въ Берлинскомъ музеѣ¹; тамъ же сохраняются — умѣренной глубины блюдо 13 дюймовъ въ діаметрѣ, изъ серпентина (змѣвика) въ серебряной оправѣ, съ гравированными украшеніями на днѣ и по краямъ, и разной величины и глубины чаши изъ другихъ камней съ подобною же отдѣлкою. Послѣ Маріи Стюартъ осталось — четырехугольное блюдо изъ золоченаго серебра, а послѣ Габріелли д'Эстре — тридцатипять серебряныхъ и десять позолоченыхъ тарелокъ². Особенно цѣнились изящно отдѣланныя конфетницы (drageoirs) фаянсовыя, металлическія и каменные. Въ иныхъ богатыхъ домахъ фаянсовыя конфетницы считались сотнями. Въ числѣ дорогихъ вещей оставшихся послѣ Габріелли д'Эстре³, въ ея инвентарѣ значатся: «большая конфетница (drajouer) на колесахъ, украшена хрусталемъ и ланисъ-лазури, на черепахъ (вмѣсто ножки); шесть чашъ или конфетницъ изъ вызолоченаго серебра, одинаковой величины» и большая конфетница изъ горнаго хрусталя, продолговато-круглая, съ крышкою и ножкой изъ эмальированнаго золота, богато осыпанная драгоценными камнями».

Что касается столовыхъ приборовъ; т. е. ложекъ, ножей и вилокъ, то въ нихъ не произошло никакого измѣненія, развѣ только въ одной орнаментации. Впрочемъ вилки были еще нововведеніемъ, къ которому съ трудомъ привыкали. Употребленіе вилокъ за столомъ осмѣивается какъ пустое жеманничанье и въ сатирѣ на дворъ Генриха III: «они (жители острова Гермафродитовъ, т. е. придворные) не берутъ мяса руками, а вилкою и на ней подносятъ его ко рту, наклоняя при этомъ туловище и вытягивая шею надъ блюдомъ. И салатъ они берутъ вилкою, потому что въ этой землѣ запрещено брать кушанье руками, и какъ ни трудно ухватить что нибудь на эту зубчатую штуку, но тамъ предпочитаютъ дотрогиваться до рта ею, а не руками». — Впрочемъ и теперь уже во многихъ богатыхъ домахъ было по 6 и по 12 вилокъ, обыкновенно серебряныхъ и богато орнаментированныхъ⁴, а въ концѣ столѣтія употребленіе ихъ стало

¹ F. Kugler. Beschreibung der K. Kunstkammer etc. — ² M. de Laborde. Notice des émaux S. 141. — ³ M. de Laborde. Op. cit. — ⁴ И въ Англіи вилки вошли въ употребленіе очень поздно, потому что еще въ 1608 г. англійскій путешественникъ и оригиналъ Thomas Coryat, познакомившійся съ употребленіемъ вилокъ въ Италіи и захотѣвшій ввести этотъ обычай въ свое отечество, былъ поднятъ на смѣхъ и прозванъ вилконосцемъ (foreifer) за свое итальянское нововведеніе. F. Vogel. Geschichte der denkwürdigsten Erfindungen IV, 417.

настолько обыкновенно въ высшемъ обществѣ, что появились особые поставцы, въ которыхъ хранились и подавались на столъ ложки, ножи и вилки. Поставцы эти бывали иногда очень замысловатаго рисунка и роскошной отдѣлки. Въ одномъ инвентарѣ (подъ 1599) упоминается такой поставецъ, имѣвшій видъ скалы, окруженной кораллами и раковинами, на которой были сдѣланы мѣста для дюжины полныхъ столовыхъ приборовъ, т. е. дюжины ложекъ, столько же ножей и вилокъ, и, кромѣ того, мѣсто для зубочистокъ. Сама скала служила, по желанію, фонтаномъ (fontaine).

Обыкновеніе украшать обѣдненные столы такъ наз. «показными блюдами» стало выводиться во второй половинѣ столѣтія, и хотя на большихъ пирахъ, особенно во Франціи и Италіи, подавались еще блюда въ видѣ замковъ, башенъ, пирамидъ, животныхъ, и въ разныхъ другихъ странныхъ формахъ, но теперь въ большинствѣ случаевъ это были дѣйствительныя блюда, составленные изъ съѣдобныхъ веществъ. Дальше всего удержались искусственныя блюда въ видѣ павлиновъ, фазановъ и другихъ крупныхъ птицъ съ красивыми перьями, сдѣланныя или изъ каркаса обтянутаго снатою вмѣстѣ съ перьями кожей этихъ птицъ, или изъ серебра разцвѣченнаго эмалью. Эти фигуры, внутри пустыя съ открывавшимися на шарнирахъ крыльями, служили вмѣстѣлищемъ для кушаній (см. ч. I, 298). Въ исходѣ столѣтія появилось новое «показное блюдо», которое такъ понравилось, что скоро замѣнило собою все прежнія, въ томъ числѣ и красивыхъ птицъ. Это блюдо было — большихъ размѣровъ пастетъ, наполненный живыми небольшими животными, кроликами, зайчиками, бѣлками и пр. и мелкими птичками, которые все разбѣгались и разлетались, когда пастетъ открывали, къ немалой потѣхѣ гостей. Изобрѣтателемъ этихъ живыхъ пастетовъ былъ нюрнбергскій кондиторъ Гансъ Шнейдеръ (ок. 1596), пріобрѣтшій большую извѣстность мастерскимъ изготовленіемъ ихъ ¹.—

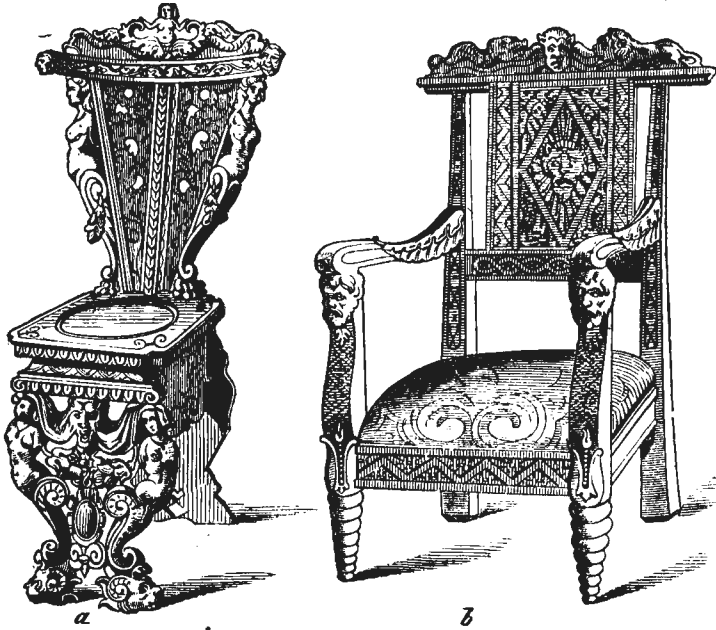
Съ увеличеніемъ объема комнатъ увеличились и размѣры нѣкоторыхъ мебелией. Различныя украшенія, какъ-то рѣзьба, позолота, расписыванье, которыми до излишества покрывали дорогую мебель, распространились, разумѣется пошлѣвшись въ качествѣ, на мебель вообще, а слѣдоват. и на мебель дешевую. Къ различнымъ способамъ отдѣлки мебели прибавилась, въ 40-хъ годахъ, италіянская манера украшать ихъ картинами, или прямо написанными на самой мебели, или въ нее вставленными. Картины эти, перѣдко работы хорошихъ художниковъ, представляли большею частью аллегорическіе и міологическіе сюжеты, не исключая и соблазнительныхъ, которые вдобавокъ помѣщались нарочно на самомъ видномъ мѣстѣ (особенно это было въ ходу у французовъ).

Въ мебелияхъ для сидѣнія — креслахъ, стульяхъ, софахъ и пр. — преобладали прямая линія и прямой уголъ: иногда только спинка креселъ отгибалась немного назадъ, а локотники слегка изгибались (ср. фиг. 334 а. b). Непрямолинейны были только орнаменты и наружныя очертанія мебели (фиг. 334 а). Съ половины столѣтія, подушки креселъ и стульевъ, подпоры локотниковъ и столбики кресельныхъ спиннокъ стали дѣлать пре-

¹ A. Berlepsch Chronik vom ehrbaren Bäckergerwerk. S. 178.

имущественно въ формѣ витыхъ колонокъ, мѣстами перехваченныхъ яблоками, или безъ нихъ. — Большія и тяжелыя кресла съ очень высокой спинкой уступили мѣсто кресламъ меньшихъ размѣровъ и болѣе удобоподвижнымъ. Даже и тронныя кресла утратили свою монументальность, сохранивъ однакожъ приличествующую имъ богатую обдѣлку¹. Вмѣстѣ съ тяжелыми креслами исчезло и обыкновеніе покрывать сидѣнья коврами; теперь эти ковры, также какъ и подушки, стали прикрѣплять къ сидѣнья или набивать самыя сидѣнья. Самою употребительною матеріею для обивки мебели была цвѣтная тисненая кожа; прикрѣпляли её гвоздиками съ блестящими головками, вколачивая ихъ ровными рядами по краямъ сидѣнья, которыя сверхъ того обивали бахромой. Большею частью набивали одно

Фиг. 334.

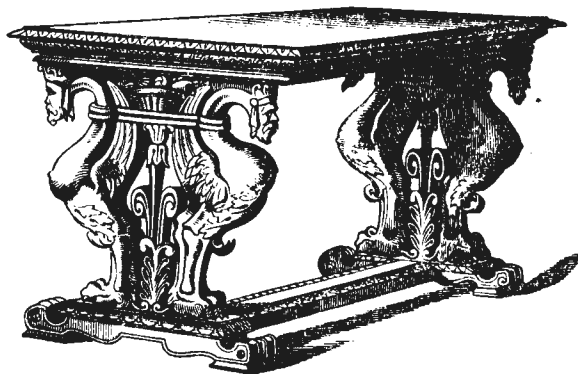
только сидѣнье, а спинку креселъ оставляли безъ набивки. Высокія спинки стульевъ и креселъ отдѣлывали рѣзбою, чаще всего сквозною; въ такомъ же родѣ отдѣлывалась и передняя поперечина, соединявшая ножки стула или кресла. Спинки простыхъ стульевъ и креселъ дѣлались не изъ одной доски, а почти всегда составныя изъ нѣсколькихъ узкихъ дощечекъ, и тоже украшались какой нибудь рѣзбой по краямъ и наверху. Во второй половинѣ столѣтія появились сидѣнья и спинки плетенныя изъ камыша; но это нововведеніе ограничилось только простою дешевою мебелью. Металлическія сидѣнья почти совсѣмъ вышли изъ употребленія и если встрѣчались, то лишь какъ парадная или показная мебель; теперь ихъ вырѣзывали изъ

¹ Тронъ Франциска I и послѣдующихъ французскихъ королей былъ отдѣланъ темносинимъ бархатомъ расшитымъ золотыми линиями.

кованого желѣза и богато отдѣлывали ¹. — Вслѣдъ за массивными креслами исчезли (уже въ началѣ столѣтія; въ Германіи и Англіи позднѣе чѣмъ гдѣ либо) и большія многомѣстныя сидѣнья съ высокою спинкою и наметомъ. Длинные стѣнные скамьи или лари (рундуки), теперь большею частью безъ ящиковъ, были исключены изъ числа комнатной мебели и ставились только въ переднихъ, въ танцевальныхъ залахъ и подобныхъ помѣщеніяхъ назначенныхъ для многочисленныхъ собраний. На танцевальномъ вечерѣ (*Geschlechtertanz*) въ домѣ Фуггера, въ Аугсбургѣ (въ 1580 г.), вдоль стѣнъ залы были разставлены въ два ряда длинныя скамьи, обитыя краснымъ сукномъ ².

Въ исходѣ столѣтія къ прежнимъ формамъ столовъ прибавилась новая — парные полукруглые столы о трехъ ножкахъ, очень удобные тѣмъ, что отдѣльно каждый изъ нихъ могъ быть приставленъ прямою стороною къ стѣнѣ и слѣдов. занималъ не много мѣста, а оба, сдвинутые вмѣстѣ, составляли круглый столъ, за которымъ удобно усаживались болѣе двѣнадцати человекъ. Орнаментация столовъ сосредоточивалась главнымъ образомъ на ихъ подножій, которому давали всевозможныя, нерѣдко странныя, но часто и очень замысловатыя формы (фиг. 335). Доски у меньшихъ сто-

Фиг. 335.

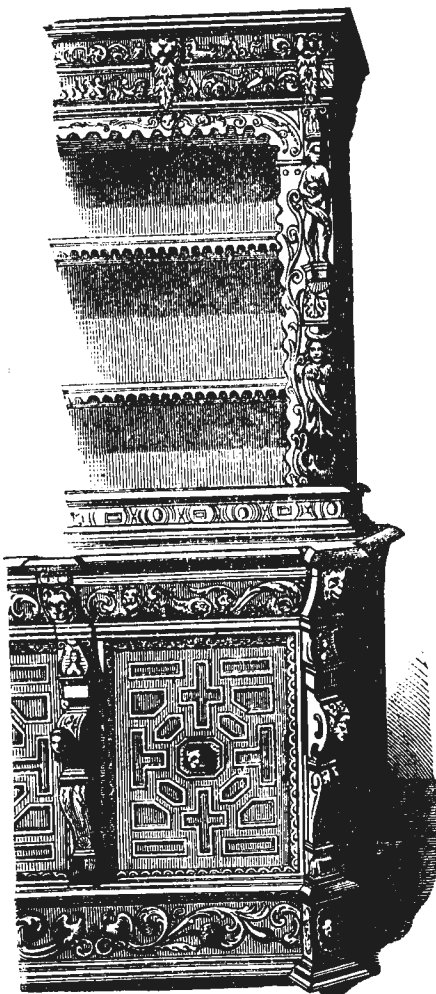

ловъ на бронзовомъ подножій, какъ ихъ теперь обыкновенно дѣлали, были мраморныя или изъ другаго подобнаго камня. Въ большой модѣ были небольшіе нарядные столики съ доскою изъ желтоватаго известняка, украшенною орнаментами и фигурными композиціями, которые на ней вытравливали и заполняли черною массою ³. — Въ читальныхъ люпитрахъ, буфетахъ (*buffets*) и горкахъ (*dressoirs, tresors*) произошли нѣкоторыя

¹ Рисунокъ такого кресла съ прорѣзною спинкою и такими же локотниками въ W. Fairhold and Th. Wright, *Miscellanea graphica etc.* Pl. XXXVI. — ² M. de Montaigne. *Journal du voyage en Italie* (1774), p. 57. — ³ Снимокъ съ подобной доски прекрасной работы, представляющій въ кругѣ, обведенномъ широкимъ богато орнаментированнымъ бордюромъ, Фениду плывущую по морю въ раковинѣ въ сопровожденіи тритоновъ, наядъ и амуровъ — въ фотограф. альбомѣ Минуттоли (A. v. Minutoli, *Photograph. Album. etc.*)

измѣненія, оставшіяся при нихъ и впредь. Старинные пошитры съ наклонною доскою на повертывавшейся ножкѣ или, вмѣсто нея, на козлахъ, остались только въ церквахъ. Для виѣцерковнаго употребленія ихъ замѣнили столы съ покатою доскою такихъ размѣровъ, что на ней можно было удобно разложить нѣсколько развернутыхъ фоліантовъ и при этомъ писать. Сначала эти столы дѣлались просто на четырехъ ножкахъ, но затѣмъ къ нимъ

Фиг. 336.

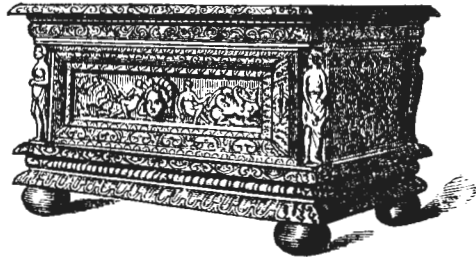
были прибавлены внизу между передними ножками съ обѣихъ сторонъ и сверху надъ доской шкафы съ полками, запиравшіеся дверцами. Еще ранѣ этихъ (письменныхъ) столовъ вошли въ употребленіе, вслѣдствіе быстрого размноженія книгъ (печатныхъ), родъ большихъ этажерокъ (*repositoria*) которыя исполняли назначеніе библиотечныхъ шкафовъ. — Что касается запасныхъ столовъ (*Credenzen, crédances*) и буфетовъ (*buffets*), то между ними уже давно не дѣлалось различія и они постепенно слились въ одну мебель, принявъ форму продолговато-четыреугольнаго стола съ полками внизу и сверху, открытыми или закрывавшимися дверцами (фиг. 336)¹. Ставили ихъ теперь обыкновенно къ стѣнѣ и только тогда посреди комнаты попрежнему, когда полки были сквозныя (безъ задней стѣнки), что дѣлалось однакожь очень рѣдко. Буфетами назывались въ первой половинѣ столѣтія также и небольшіе поставцы, нисколько, впрочемъ, не походившіе на настоящіе буфеты. Въ инвентарѣ Карла V² (подъ 1536 г.) значится, подъ названіемъ *crédence*, «небольшое золотое деревцо, украшенное семью цвѣточными кистями (*houppes*) изъ большихъ сафировъ и восемью *langues-serpentes*» (камни?). Оче-

видно это было настольное украшеніе (плато), на сучья котораго, можетъ быть, вѣшали дорогіе сосуды небольшихъ размѣровъ. — Горки (*dressoirs, tresors*) походили устройствомъ на буфеты и отличались отъ нихъ только болѣе богатою отдѣлкою.

¹ Ср. особ. Asselineau. *Le moyen âge pittoresque* № 5 et 36: *meubles et armes du moyen âge* № 67. — ² M. de Laborde. *Notice des émaux* II, 233.

Сундуки и шкафы составляли по прежнему принадлежность комнатнаго убранства и ставились вдоль стѣнъ, причемъ сундуки продолжали иногда играть роль сидѣній. Шкафы стали теперь употреблять для храненія всякаго рода вещей, преимущественно женскаго платья изъ тяжелыхъ и плотныхъ матерій, которое по необходимости нужно было вѣшать, чтобы не смять его и не испортить. Въ сундукахъ держали бѣлье и такое платье, которое можно было удобно складывать. Сундукамъ давали обыкновенно форму четырехугольнаго ящика съ плоскою крышкою (фиг. 337), или, подражая античному вкусу, дѣлали ихъ съ вышуклою крышкою, красиво выпнутыми боками и на ножкахъ. Долевья стороны, обрамленныя изящнымъ карнизомъ, наполняли горельефною рѣзбою, обыкновенно групами божествъ, геніевъ, дѣтей и т. п., иногда на золотомъ фонѣ¹, или такими же изображеніями, исполненными живописью. Подобными рѣзными работами (и на сундукахъ), именно дѣтекими группами, прославился итальянскій скульпторъ Баччио д'Аньоло (1460—1534). — Въ отдѣлкѣ шкафовъ держались чисто архитектурныхъ формъ. Ограничивающія ихъ плоскости разбивали прямоугольно пересѣкающимися членами; верхъ заканчивали или горизонтальнымъ карнизомъ (фиг. 336), или фронтономъ, или какимъ-нибудь орнаментомъ въ видѣ акротеріи (фиг. 338 и 339). Кромѣ шкафовъ съ полками, раздѣленныхъ по ширинѣ на два и болѣе отдѣленій, изъ которыхъ каждое заширалось особою дверцею (фиг. 338; ср. фиг. 185 и 198), стали теперь дѣлать шкафы безъ полокъ и перегородокъ съ двойною дверцею во весь шкафъ, — исключительно назначенные для платья (гардеробы). Около половины столѣтія появилась довольно объемистая мебель, представлявшая соединеніе шкафа со столомъ или, правильнѣе, столообразнымъ консолемъ съ тремя или болѣе ножками спереди и стѣнкою сзади (фиг. 339). Эти полушкафы-столы были первоначальною и простѣйшею формою такъ-наз. cabinets (кабинеты), которые стали входить въ употребленіе не ранѣе второй половины столѣтія, хотя названіе cabinet встрѣчается уже въ 1528 г. Кабинеты (Cabinets; Kunstschränke) тоже походили на шкафъ, поставленный на консоль или на столъ о четырехъ ножкахъ; обыкновенно они раздѣлялись по ширинѣ на три отдѣленія, изъ которыхъ среднее дѣлалось шире боковыхъ и затворялось двойною дверцею; каждое отдѣленіе заключало въ себѣ нѣсколько выдвижныхъ ящиковъ. Такъ какъ кабинеты употреблялись преимущественно для храненія различныхъ драгоценностей, то ихъ отдѣлы-

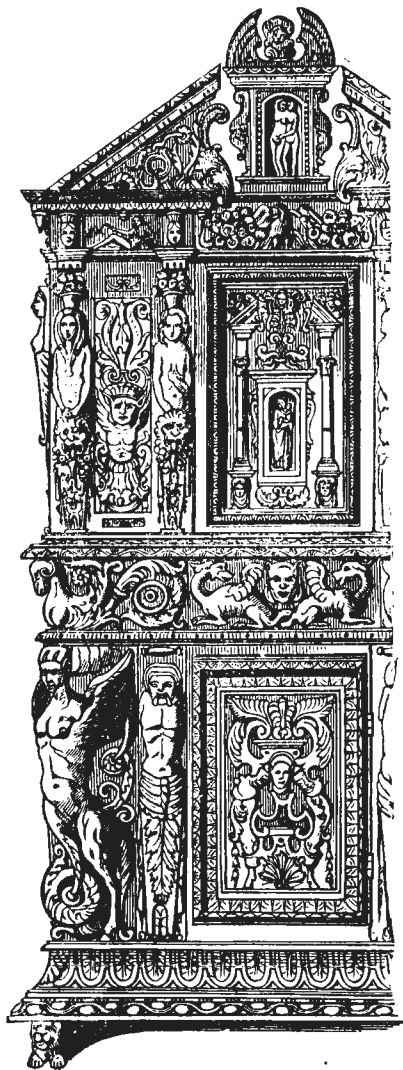
Фиг. 337.

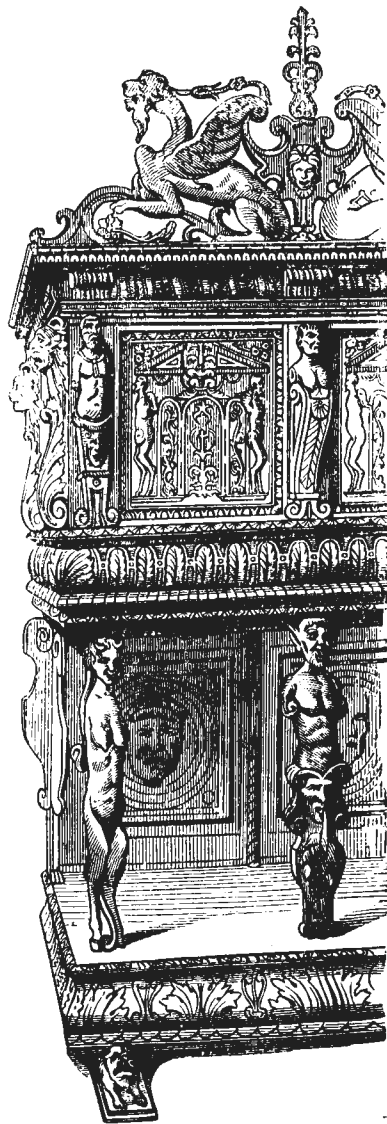
¹ Въ Берлинскомъ Музѣ есть четыре такихъ сундука; изъ нихъ два превосходной работы. Такой же сундукъ нѣсколько позднѣйшаго времени принадлежитъ Минутосенскому собранію въ Лигницѣ. Рисунокъ очень богато отдѣланнаго сундука у J. B. Waring and F. Betfort. Art Treasures of the United Kingdom. London 1858.

вали вообще очень богато, въ особенности небольшіе кабинетки, состоявшіе изъ одного шкафика безъ консоля. Съ 80-хъ годовъ, когда черное дерево вошло въ моду для мебели, ихъ стали дѣлать преимущественно изъ этого дерева съ инкрустаціями изъ слоновой кости. Самая блестящая

Фиг. 338.

Фиг. 339.

пора этихъ шкафиковъ, какъ по отношенію къ ихъ наружной формѣ, которая была подражаніемъ господствующему архитектурному стилю, такъ и по отношенію къ сложности и замысловатости ихъ внутренняго устройства, совпадаетъ съ послѣдними годами 16-го и началомъ 17-го столѣтія (ср. фиг. 341).

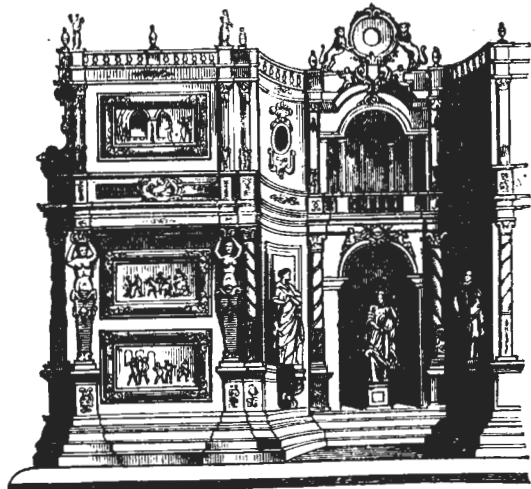
Совѣтъ иного рода утварь представлялъ туалетъ, — первоначально не мебель, а, согласно названію, просто кусокъ какой-нибудь матеріи или сшитый изъ нея мѣшочекъ, въ который складывались всѣ необходимыя при раздѣваніи и одѣваніи вещи*. Туалетъ Габріели д'Эстрѣ состоялъ изъ небольшого сундучка снаружи вышитаго золотомъ, внутри выложеннаго атласомъ и заключавашаго въ себѣ парчевой мѣшочекъ отдѣланный кружевами и бахромой, подбитый тоже атласомъ.

Фиг. 340.

Кровать продолжала по прежнему занимать самое видное мѣсто въ меблировкѣ дома. Теперь она рѣдко ставилась въ углу комнаты, а обыкновенно посрединѣ ея, изголовьемъ къ стѣнѣ, и спускавшійся съ потолка балдахинъ ея замѣнился балдахинномъ на столбикахъ (фиг. 342). Головная стѣнка дѣлалась очень высокая, иногда сплошная до самаго балдахина. Ящикъ или раму, теперь болѣе плоскую чѣмъ прежде, прямого или выгнутого профиля, расчленяли поперечными валиками съ какимъ-нибудь повторяющимся орнаментомъ; углы украшали фигурами, а изголовье, раздѣленное на вертикальныя поля, завершали рѣзьбою. Поддерживающимъ балдахинъ столбикамъ давали форму настоящихъ колоннъ съ гладкимъ или ложчатымъ стержнемъ и капителью. Часто эти колонки опирались не прямо на раму кровати, а на четырехугольный постаментъ и заканчивались надъ капителями (особенно двѣ переднихъ) круглыми фигурами, поддержи-

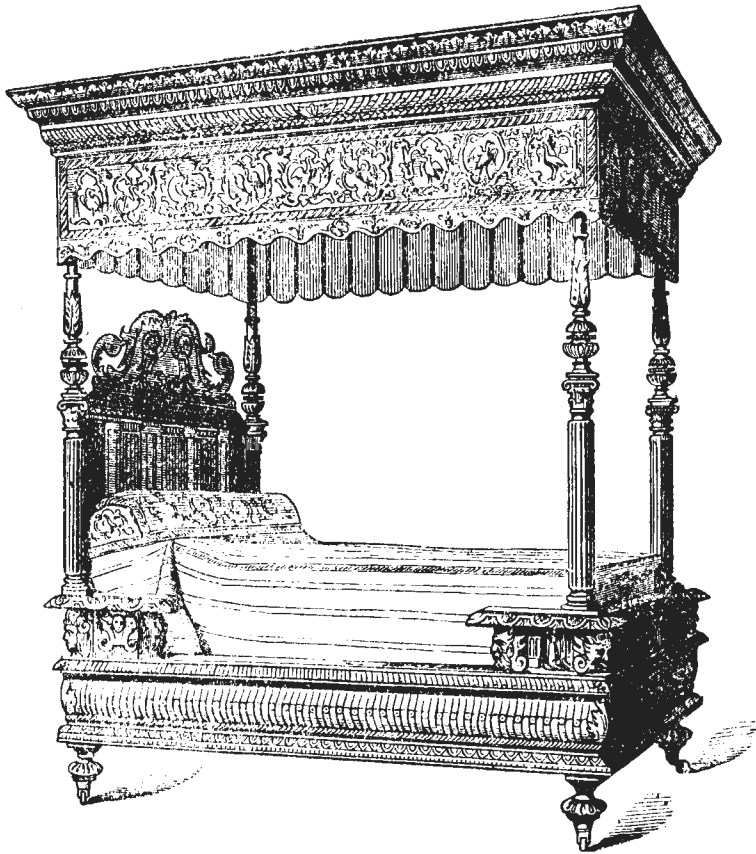
Фиг. 341.

* Впрочемъ въ родѣ нашихъ саквояжей (sac de nuit; Nachtsack; carpet-bag. Пер.

вающими балдахинъ. Балдахинъ снаружи отдѣлялся на подобіе четырехсторонняго фриза, увѣнчаннаго богатымъ карнизомъ, а съ внутренней стороны — какъ рѣзной деревянный потолокъ, съ кассетонами и полями.

Фиг. 342.

Кровати дѣлали обыкновенно изъ орѣховаго дерева, но также и изъ розоваго, кедроваго и чорнаго. Отдѣляли ихъ, кромѣ рѣзбы, живописью, позолотой, металлической и костяной инкрустаціей, и т. п. Роскошь въ убранствѣ кроватей занавѣсами и постельными принадлежностями доходила до чрезвычайности. Для этихъ предметовъ выбирались самыя дорогія матеріи, какія только можно было достать; иныя богачи, не довольствуясь этимъ, заказывали для себя такія матеріи по рисункамъ собственнаго сочиненія, больше частію соблазнительнаго содержанія, и сверхъ того—удваивали число занавѣсокъ на кровати и наволочекъ на тюфякахъ и подушкахъ. Въ Италіи, гдѣ постельная роскошь была особенно развита, для полной богатой постели требовалось (уже въ первой половинѣ столѣтія): «четыре тюфяка, набитыхъ хлопчатою бумагою, простыни изъ тончайшаго полотна, вышитыя золотомъ и шелками, атласное одѣяло съ золотыми шнурами и

бахрамой, четыре подушки соответствующей отделки и кисейные занавѣсы вышитые золотомъ и шелкомъ»¹.

Въ роскошномъ убранствѣ постелей не уступали итальянцамъ и французы. Авторъ уже упомянутой сатиры *Isles des Hermaphrodites* (1589) такъ иронизируетъ по этому поводу: «Мы ожидаемъ, что каждый заведетъ себѣ кровать съ двойнымъ балдахиномъ, и что нижній балдахинъ будетъ также богато отделанъ какъ и верхній; мы желаемъ чтобы украшенія для нихъ были заимствованы изъ овидіевыхъ превращеній, похищеній боговъ и тому подобнаго. А такъ какъ земля недостойна того, чтобы такая роскошная вещь стояла прямо на ней, то мы повелѣваемъ подстилать подъ кровать нѣсколько дорогихъ шолковыхъ ковровъ;» — у него же описаніе королевской кровати: «балдахинъ этой великолѣпнѣйшей кровати раздѣленъ съ внутренней стороны на четыреугольники, въ которыхъ по серебряному фону вышиты выпуклымъ шитьемъ различныя сцены; притомъ же онъ двойной, такъ какъ въ этой землѣ люди не могутъ спать подъ простымъ балдахиномъ. Постель покрыта большимъ одеяломъ зеленого бархата, усыпаннаго блестками, которыя составляютъ гіероглифическую тайну (*secret hiéroglyphique*) этой земли», — «подъ кроватью скамеечка, а за кроватью (*à la ruelle*) большія кресла».

Для различныхъ видовъ освѣтительныхъ приборовъ, какъ-то: люстръ, лампъ, канделябръ, подсвѣчниковъ, пользовались преимущественно античными формами, которыя примѣняли совершенно свободно, такъ какъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мраморныхъ канделябръ, древнеримскихъ образцовъ для такихъ приборовъ совсѣмъ не существовало. Всякаго рода фигуры въ поддерживающихъ или летящихъ позахъ, дѣти, геніи, вмѣстѣ съ фигурами животныхъ—дельфиновъ, драконовъ и т. п., отдѣльныя или въ группахъ, связанные листоватыми орнаментами и арабесками, давали прекрасные мотивы для подсвѣчниковъ, канделябръ, люстръ; различныя формы вазъ—для висѣщихъ лампъ, а колошны съ красивою базою и орнаментированнымъ стержнемъ—для большихъ канделябръ и подсвѣчниковъ. Много подобныхъ вещей (преимущественно для церковнаго употребленія), сдѣланныхъ изъ желѣза и бронзы, сохранилось въ Италіи. Прекрасный образчикъ отделки большихъ канделябръ представляютъ находящіеся на площади св. Марка въ Венеціи бронзовые флаштки или мачты (фиг. 343), работы Александро Леонардо († 1510). Очень затѣйливыя формы представляли люстры и въ особенности небольшіе (столовые) подсвѣчники, которые вдобавокъ выдѣлывались изъ дорогихъ металловъ, съ богатою отделкою. Щипцы, вошедшія теперь въ употребленіе, отдѣлывали также красиво, какъ и подсвѣчники².

Постаменты для часовъ отдѣлывались преимущественно въ видѣ какихъ-нибудь построеній—башенъ, пирамидъ, колоннъ и т. д. съ богатою орнаментациею выпуклыми и круглыми фигурами; фигурами же, чаще всего

¹ F. Kugler. *Gesch. der Baukunst* IV. 264, на основаніи новеллы *Matteo Candello* (род. 1480 г. ум. 1562 Его новеллы вышли въ Парижѣ, въ 1554—73 въ 4 томахъ).—

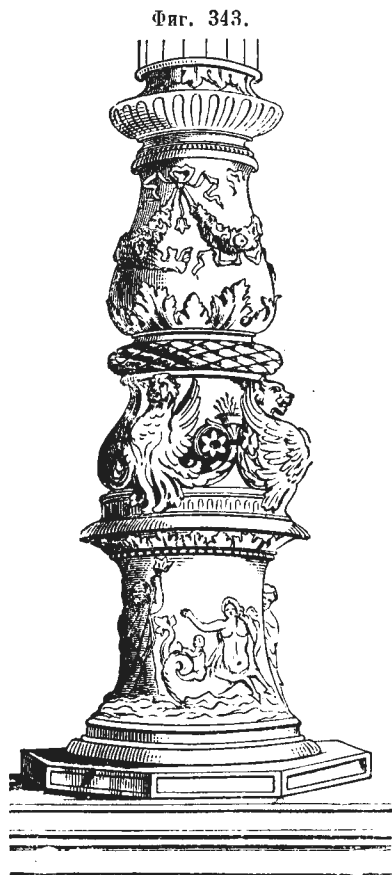
² M. De-Laborde. *Notice des émaux* II, 170.

дѣтскими, замѣняли иногда и часовыя стрѣлки¹. Старинныя солнечныя часы, употребленіе которыхъ было еще гораздо распространеннѣе механическихъ, получили также болѣе богатую, сравнительно съ прежнею, обдѣлку. Въ фонтенблоскомъ инвентарѣ (подъ 1560 г.) значатся часы (orloge)

въ видѣ пирамиды, поставленной на скалу, поддерживаемую тремя чудовищами; отдѣланы вызолоченымъ серебромъ съ эмалью и драгоценными каменьями².

Зеркала (стѣнные и поставныя) выдѣлывались теперь (съ начала столѣтія) исключительно изъ стекла, съ задней стороны покрытаго смѣсью свинца со смолою³, пока въ 80-хъ годахъ не была изобрѣтена амальгама изъ олова и ртути; но эти зеркала были вообще очень невелики и самыя дорогія изъ нихъ едва доходили до двухъ футовъ, такъ какъ выдѣлка зеркальныхъ стеколъ большихъ размѣровъ пока еще не удавалась. Зеркальныя рамы украшали рѣзьбою, живописью, инкрустаціями, позолотой и т. п.⁴.

Каменные принадлежности, въ составъ которыхъ вошли теперь и раздувальныя мѣхи, до сихъ поръ употреблявшіеся очень немногими, не уступали въ разнообразіи и богатствѣ отдѣлки остальной утвари⁵. Точно также и множество мелкихъ приборовъ разнообразнѣйшаго назначенія представляли въ большинствѣ случаевъ драгоценныя по матеріалу и художественно исполненныя вещи. Для примѣра приведемъ изъ инвентарей (1566): золотой футлярчикъ для зубочистки и ухвертки, весь ажурной работы, отдѣланный эмалью; и (1599) два золотыхъ футляра для ножницъ, одинъ — осыпанный алмазами, другой — алмазами и рубинами.

Лютеранская церковь, не отвергая, какъ реформатская, церковной утвари совершенно, свела еѣ на самое необходимое для богослуженія. Въ

¹ Кромѣ рисунковъ въ вышн. (стр.) приведенныхъ сочиненіяхъ, см. прекрасный проектъ часовъ, сдѣланный Гольбейномъ для Генриха VIII у A. Woltmann Holbein und seine Zeit II, 312. — ² M. De-Laborde. op. cit. II, 416. — ³ F. Vogel. Gesch. der denkwürdigsten Erfindungen I, 474. — ⁴ M. De-Laborde. op. cit. II, 391. — ⁵ Богато отдѣланные мѣхи у Asselineau, Meubles et armures anciennes № 13; см. также Viollet-Le-Duc, Dictionnaire raisonné du Mobilier français. p. 141—142.

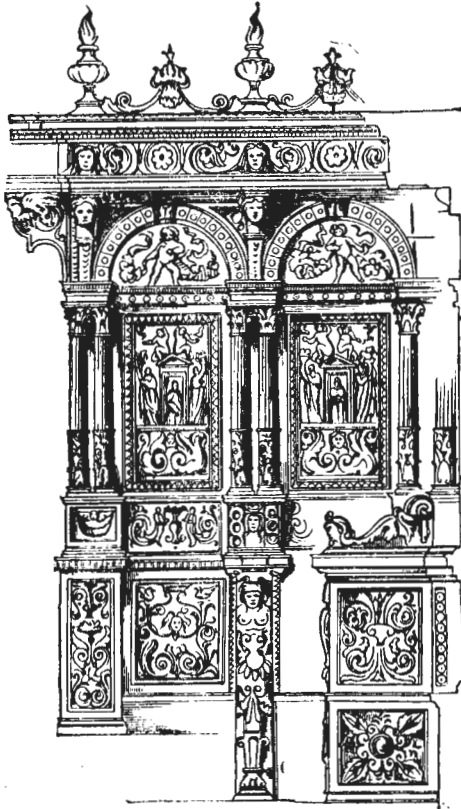
старыхъ церквахъ пользовались утварью, оставшеюся отъ католической литургии, а для новыхъ заводили вновь, но безъ всякой роскоши, согласно съ духомъ новаго ученія. Въ протестантскихъ земляхъ (также и въ Англіи) церковная утварь почти до исхода столѣтія сохраняла свои старинныя готическія формы; въ странахъ католическихъ, напротивъ того, она измѣнилась подѣ вліяніемъ ренессанса и вслѣдствіе этого утратила свой прежній строго церковный характеръ, а затѣмъ переняла отъ свѣтской и всё разнообразіе ея формъ и украшеній съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что для украшенія церковной утвари выбирались преимущественно, если не исключительно, предметы религіознаго значенія и содержанія, какъ-то: сцены изъ священной исторіи, фигуры ангеловъ, святыхъ, религіозныя символы и т. п.

Формообразование священныхъ сосудовъ приняло теперь новое, болѣе свободное направленіе, вытекавшее изъ требованія—пользоваться античными формами, не становясь въ противорѣчіе съ христіанскимъ преданіемъ, и тѣ изъ античныхъ элементовъ, которые не соответствовали современному вкусу или другимъ вышшимъ условіямъ, замѣнять орнаментами церковнаго значенія, но исполненными въ античномъ духѣ. Главнѣйшій изъ церковныхъ сосудовъ — потиръ, утративъ свои старинныя традиціонныя формы, совершенно уподобился свѣтской чашѣ, отличаясь отъ нея лишь религіознымъ значеніемъ своихъ орнаментовъ. Таковъ былъ великолѣпный потиръ сдѣланный Бенвенуто Челлини для папы Климента VII: тюльпанообразная его чаша поддерживалась тремя круглыми фигурами Вѣры, Надежды и Любви, стоящими на подножій на которомъ были изваяны рельефомъ Рождество и Воскресеніе Спасителя и распятіе Петра¹. Другіе сосуды, допускавшіе болѣе свободную обдѣлку, представляли чрезвычайно разнообразную орнаментацію и притомъ до того избыточную, что она иногда затемняла ихъ основныя формы. Къ такимъ сосудамъ принадлежали — блюда, ковчежцы, кувшины, поддонцы и т. д. Такъ какъ новый архитектурный стиль съ свойственнымъ ему вертикальнымъ разчлененіемъ массъ не могъ быть удобно примѣняемъ къ формамъ сосудовъ, то тѣ изъ послѣднихъ, которыми при господствѣ готическаго стиля была усвоена преимущественно архитектурная обдѣлка, именно: кадилницы, дарохранительницы, частію и реликваріи (см. ч. I, стр. 287), теперь еѣ утратили и приняли, кадила — форму античныхъ сосудовъ, съ прибавленіемъ ножекъ, крышки и цѣпочекъ, реликваріи — форму саркофаговъ, ящиковъ съ крышками и вапно-подобныхъ вмѣстелищъ. Стержень или рукоять дарохранительницъ обдѣлывалась такъ же, какъ и рукоять потира; что же касается верхней ихъ части — хрустальнаго вмѣстелища, то вмѣсто стрѣльчатыхъ арокъ и готическихъ башенокъ, составлявшихъ его прежнюю обдѣлку, его окружали теперь золотыми лучами или листоватымъ орнаментомъ, съ присоедиеніемъ фигурокъ ангеловъ и разныхъ символическихъ украшеній, напр. брилліантоваго колоса, какъ символа хлѣба, и рубиноваго гроздія, какъ символа вина. — Купели и чаши для св. воды приняли форму очень развалистой глубокой чаши на высокой подножкѣ, круглой или многогранной, или раз-

¹ Benv. Cellini. Lib. I. cap. 11.

дѣленной на нѣсколько отдѣльныхъ подпоръ, обдѣланныхъ въ видѣ киріатидъ. Такъ какъ водосвятныя чаши большею частью прикрѣплялись теперь къ стѣнѣ, то покрывавшія ихъ рельефныя украшенія, распространялись и на стѣну, переходя въ стѣнныя. Впрочемъ неподвижныя кунесли теперь всё чаще стали замѣняться переносными. — Церковныя канделябры, под-
свѣчники, люстры, приняли формы соответствующихъ свѣтскихъ прибо-
ровъ, отличаясь отъ нихъ лишь ха-
рактеромъ своихъ орнаментовъ, пре-
имущественно религиознымъ.

Фиг. 344.

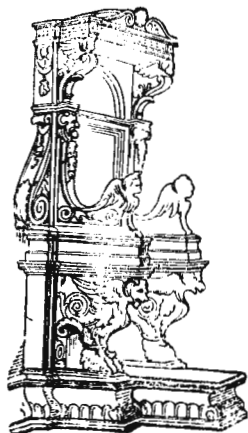
Такое же, если не большее сбли-
женіе съ свѣтскою утварью произо-
шло и въ церковныхъ мебелихъ —
епископскихъ сѣдалищахъ, клирос-
ныхъ сидѣньяхъ, читальныхъ пуль-
тахъ (лекторіяхъ), и т. д. Въ нихъ
даже и украшенія утратили свой
отличительный церковный характеръ.
Епископскія сѣдалища и кли-
росныя сидѣнья¹ сохранили прав-
да свою старинную форму креселъ
съ высокою спинкою и навѣсомъ
(фиг. 310), но не далѣе 70-хъ
годовъ, когда у клиросныхъ сидѣ-
ній навѣсъ почти совѣтъ изчезъ
и замѣнился рѣзнымъ завершеніемъ
(фиг. 344), а у епископскихъ сѣ-
далищъ значительно уменьшился.
Затѣмъ изчезла у первыхъ ихъ
задняя стѣнка, которая отдѣляла
клиросъ отъ остальнаго простран-
ства церкви, и замѣнилась просто
рядомъ колонокъ или столбиковъ.

Кафедры и алтари, несмотря
на богатую обдѣлку ихъ въ новомъ
стилѣ и античную орнаментацию, остались вѣрны церковному характеру въ
своихъ украшенияхъ, которые были преимущественно религиознаго содержа-
нія. Оставляя кафедрамъ ихъ прежнюю форму окруженной балюстрадаю
платформы, поддерживаемой колонною (фиг. 194), ихъ стали теперь при-
крѣплять просто къ стѣнѣ или къ столбу, причѣмъ колонна, какъ неуж-
ная, отпадала. Главное украшеніе алтаря составлялъ надалтарникъ. Большіе
вырѣзанные изъ дерева и раскрашенные надалтарники съ изображеніемъ
страстей Господнихъ, очень распространенные, въ Германіи и сѣверо-запад-
ной Европѣ, съ половины столѣтія стали замѣняться рѣзными или живо-
писными отдѣльными фигурами и группами, съ архитектурной обдѣлкой въ

¹ Ср. F. Kugler. Gesch. der Baukunst IV, 256; 325.

новомъ стилѣ, какъ это уже раѣе дѣлалось въ Италіи, Испаніи и Франціи; престолъ же, напротивъ, отдѣлялся весьма рѣдко и то лишь на одной передней сторонѣ, такъ какъ теперь стало входить въ обыкновеніе украшать его дорогими покрывами (одеждами). Постановленіями синода въ Анжерѣ въ 1507 и въ Тулузѣ 1590 г. была установлена для престоловъ тройная одежда¹.

Фиг. 345.

Вліяніе ренессанса коснулось также и играль-
ныхъ приборовъ², и по крайней мѣрѣ отчасти
измѣнило ихъ формы въ характерѣ новаго стиля.
Нѣкоторые приборы—кости, кегли, шары (въ томъ
числѣ и новая игра, выдуманная въ Италіи и отту-
да перешедшая во Францію — небольшой биль-
ярдъ)³, недопускаяшіе измѣненія основныхъ формъ,
могли измѣниться лишь со стороны украшеній. Въ
картахъ игральныхъ⁴ измѣнились только фи-
гуры (еще цѣльныя), для которыхъ по итальянскому образцу были при-
няты различныя персонажи изъ древней исторіи, мифологій и др. Чрезвы-
чайное развитіе карточной игры обратило выдѣлку картъ въ особое, очень
обширное производство, поэтому отдѣлка ихъ была чисто ремесленная. Во
Франціи, страсть къ карточной игрѣ во всѣхъ слояхъ общества усилилась
до такой степени, что при Генрихѣ III почти обратилась въ манію и вы-
тѣснила всѣ другія игры. Въ высшемъ обществѣ многіе жили единственно
для игры. Проигрывались огромныя суммы, напр. маршалъ Бассомпьеръ въ те-
ченіи одного года выигралъ не менѣе полмилліона, а маршалъ Биронъ почти
во столько же времени столько же проигралъ. — Всего замѣтите отрази-
лось вліяніе новаго стиля на тавлейныхъ играхъ, именно на орнамен-
тациі игральныхъ досокъ и обдѣлкѣ шашекъ и шахматныхъ фигуръ. Для
орнаментациі дорогихъ игральныхъ досокъ пользовались преимущественно
античными орнаментами, располагая ихъ по борту доски, который одинъ
только и допускалъ рельефныя украшенія, такъ какъ середина доски не-
обходимо должна была оставаться гладкою. Что касается шашекъ и шах-
матныхъ фигуръ, то и ихъ формы измѣнились тоже въ характерѣ новаго
стиля. Даже и въ Германіи, гдѣ ренессансъ водворился сравнительно до-
вольно поздно, шахматныя фигуры стали вырѣзывать теперь въ видѣ ста-
туекъ различныхъ выдающихся личностей. Въ Амбразеровскомъ музеѣ въ
Вѣнѣ, въ числѣ другихъ шашечницъ, есть одна, сдѣланная въ 1575 г.
Она составлена изъ кусочковъ разноцвѣтнаго дерева и украшена множествомъ
небольшихъ гербовъ и фигуръ. Съ наружной стороны на ней выложенъ

¹ Violet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français etc. p. 139. —

² О античныхъ играхъ и игрушкахъ см. J. Scheible. Die gute alte Zeit etc. p. 558: 701 ff. — ³ De Laborde. Notice des émaux II, 165. — ⁴ Сверхъ упомяну-
таго на стр. 325 т. III, ч. 1 сочиненія, см. также: R. Merlin. Origine des cartes à
jouer. Recherches nouvelles etc. accomp. d'un album de 70 pl. Paris 1869.

австро-тирольскій гербъ, окруженный двѣнадцатью гербовыми щитами; съ внутренней стороны по борту вырѣзаны изъ дерева рельефныя изображенія семи планетныхъ божествъ, подъ каждымъ нѣмецкіе стихи. Принадлежащія къ ней шахматы представляютъ рѣзныя изъ дерева статуетки австрійскихъ государей начиная съ Рудольфа I до Максимилиана II; на каждой статуеткѣ имя и происхожденіе представленнаго лица, выложенныя изъ мягкаго металла.¹ Въ Берлинскомъ музеѣ есть тоже нѣсколько богато отдѣланныхъ шахматницъ, въ томъ числѣ двѣ работы Павла Готтика отъ 1600 г.² Большая изъ нихъ сдѣлана изъ чорнаго дерева съ серебряной инкрустаціей. На одной сторонѣ ея шашечница, края которой отдѣланы арабесками, а бѣлыя поля выложены серебромъ и украшены выгравированными изображеніями животныхъ. На другой сторонѣ, родъ Reisespiel * съ серебряными фигурами на чорномъ фонѣ; посрединѣ кругъ, въ которомъ два красивыхъ всадника; по угламъ различныя орнаменты. Внутри, Tockadille-Spiel: * между юмористическими украшеніями, прекрасно нарисованныя аллегорическія фигуры четырехъ стихій и четырехъ временъ сутокъ. Шашки частію серебряныя въ оправѣ изъ чорнаго дерева, частію позолоченыя въ обдѣлкѣ изъ слоновой кости. Тѣ и другія украшены изображеніями двѣнадцати первыхъ римскихъ императоровъ и фигурами животныхъ. Въ инвентарѣ Маргариты Австрійской упоминается (подъ 1524 г.) «шахматница изъ серебра, по краямъ вызолочена, на каждомъ углу савойскій гербъ; при ней 32 фигурки тоже серебряныя»³.

Музыкальные инструменты⁴ подверглись въ теченіи этого времени существеннымъ измѣненіямъ. — Всѣ, чѣмъ обогатили музыку труды ученыхъ музыкантовъ, было усовершенствовано талантомъ музыкантовъ-художниковъ. Рядомъ съ нидерландцами заняли мѣсто въ области музыки итальянцы и нѣмцы. Въ то время какъ Орlando Лассо изъ Монса (1520—1594) вырабатывалъ законы контра-пункта и своими произведеніями, не только церковными, но и свѣтскими, восхищалъ весь свѣтъ, явился въ Римѣ Джіованни Пьерлунджи да-Палестрина (1529—1594), какъ перво-степенный художникъ и возстановитель инструментальной церковной музыки, которую римская курія рѣшила уничтожить. Палестрина сталъ основателемъ школы, и пошелъ себѣ въ Анеріо, Панино изъ Валлерано, Джіованни изъ Веллетри и особенно въ Грегоріо Аллегри ревностныхъ и частію счастли-

¹ A. Primisser. Die K. K. Ambrasersammlung. S. 195. — ² F. Kugler. Beschreibung der K. Kunstkammer S. 192; 202. — ³ De Laborde. Notice des émaux II, 268. — ⁴ G. Kastner. Les danses des morts. Dissertations et recherches etc. sur les divers monuments de ce genre etc. avec les figures d'instruments de musique qu'ils contiennent ainsi que d'autres figures d'instruments du moyen-âge et de la Renaissance. Paris 1852. — Anzeiger für Kunde der deutsch. Vorzeit. N. F. 1860 Nr. 1 ff. — O. Comettat. La musique, les musiciens et les instruments de musique. chez les différents peuples du monde etc. Paris 1869. Изъ старинныхъ сочиненій см. особ. Musica gedutscht und aussgezogen durch Sebast. Virdung. Straassburg 1511. Musica instrumentalis, deutsch von Martin Agricola. Wittenberg 1519. Ottomari Lascinii Musurgia, seu Praxis musicae. Argentorati 1536. Mich. Praetorius Syntagma musicum ex veterum et recentiorum ecclesiasticorum auctorum lectione etc. etc. 1614 18. 4 vols.

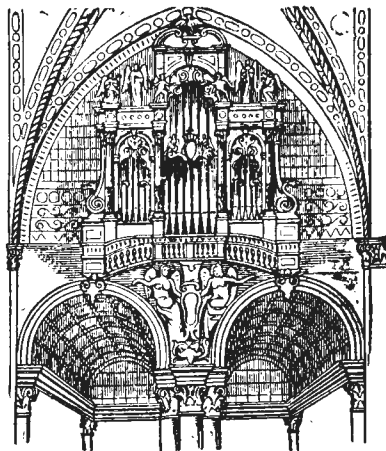
* Оставляемъ названіи этихъ игръ безъ перевода, такъ какъ не знаемъ въ чемъ они состоятъ. Пер.

выхъ подражателей. По примѣру Орландо большинство музыкантовъ обратились къ сочиненію свѣтской музыки. До конца столѣтія, особенно въ Италіи, репертуаръ ея состоялъ преимущественно изъ балладъ, канцонъ и мадригаловъ, которые пѣлись на публичныхъ торжествахъ. Иногда впрочемъ писали музыку и для небольшихъ театральныхъ пьесъ; изъ этого музыкальнаго акомпанимента и развилась въ послѣдствіи музыкальная драма или «опера», въ современномъ смыслѣ. Въ то же время, изъ представлений музыкально-духовныхъ драмъ выработалась «камерная музыка» (*Kammermusik*), такъ что въ исходѣ этого періода каждое направление приобрѣло себѣ твердую почву и опредѣленную цѣль.

Не смотря однакожъ на такой чисто художественный подъемъ музыки, или скорѣе вслѣдствіе его, музыкальные инструменты измѣнились гораздо болѣе въ отношеніи тона, чѣмъ формы: измѣнился ихъ объемъ и усовершенствовалось изготовленіе и матеріалъ. Но и это совершилось не скоро и не вслѣдствіе одновременно — въ Германіи ранѣе всѣхъ, затѣмъ въ Италіи и Франціи, гдѣ мастерамъ музык. инструментовъ были даны Генрихомъ III разныя привилегіи и гдѣ они составляли корпораціи (въ Парижѣ ок. 1599). Повсемѣстное однообразіе въ приготовленіи различныхъ инструментовъ было достигнуто не ранѣе половины столѣтія, но зато съ этого времени каждый почти инструментъ былъ подвергнутъ систематическимъ видоизмѣненіямъ, которыя въ своей совокупности образовали обширную самостоятельную группу однородныхъ инструментовъ (флейтовую, скрипичную, гобойную и т. д.) достаточную для полного концерта.

Органъ былъ значительно усовершенствованъ. За устройствомъ болѣе удобной клавиатуры и педали (которыя были примѣнены впервые и въ Германіи органичнымъ мастеромъ Конрадомъ Ротенбергомъ въ 1495 г.) послѣдовало изобрѣтеніе «регистра», при помощи котораго сдѣлалось возможнымъ раздѣлять, измѣнять и регулировать тоны отдѣльныхъ трубокъ, что, въ свою очередь, повело къ различнымъ улучшеніямъ какъ относительно увеличенія объема тоновъ и ихъ модуляціи, такъ и по отношенію къ дѣйствію мѣховъ и управленію ими. Многія изъ этихъ улучшеній могли быть примѣнены также и къ комнатнымъ органамъ, а отчасти даже и къ ручнымъ. Въ способѣ размѣщенія трубъ были сдѣланы также нѣкоторыя измѣненія: иногда ихъ располагали такъ, что ряды ихъ поднимались вверхъ заворачиваясь узкою спиралью¹. Размѣры большихъ церковныхъ органовъ увеличились

Фиг. 346.

¹ Два проекта такихъ органовъ, нарисованные перомъ, составленные Петромъ Файтнеромъ въ 1527 г., сохраняются въ кабинетѣ гравюръ Берлинск. музея. Однѣ изъ нихъ воспроизведенъ у Hefner-Alteneck. *Geräthe des christl. Mittelalt.* I. Taf. 62.

такъ что органный корпусъ, большею частью деревянный, обратился въ настоящую постройку, принимавшую по мѣрѣ распространенія ренессанса формы этого стїля (фиг. 346). Изъ органичныхъ мастеровъ были извѣстны: Иганъ фонъ-Дубравъ, въ Аугсбургѣ, устроившій въ 1512 г. для капеллы Фуггеровъ органъ, отличавшійся прекраснымъ тономъ еще въ 1779 г., когда его слышалъ Павелъ фонъ-Штеттенъ¹; Юсифъ Фаберъ, Самуилъ Бидерманъ и Евсевій Аммербахъ, тоже въ Аугсбургѣ, между 1560 и 1580 г.; Бурггартъ (ум. 1500) и Георгъ Фелла (ум. 1545) въ Шюрнбергѣ². Между органистами особенно славились братья Габріелли въ Венеціи, органисты въ церкви св. Марка.

Духовые инструменты сохранили свое прежнее значеніе, продолжая измѣняться въ отношеніи длины, количества отверстій, устройства клапановъ и т. д. Изъ нихъ очень любима была флейта о трехъ отверстіяхъ, которая теперь доходила до двухъ футовъ длины при соотвѣтствующемъ діаметрѣ. Флажолетъ и флейтка (*Querpfefe*) остались въ своемъ прежнемъ видѣ, между тѣмъ какъ флейта о девяти отверстіяхъ развилась въ сложную систему, въ которой снова получила значеніе двойная флейта. Въ такую же систему сложились видоизмѣненія гобоя, различаясь между собою величиною, количествомъ отверстій, устройствомъ клапановъ, амбушюръ и т. д. Въ 1539 г. одному священнику въ Павіи, по имени Адріано, удалось соединить двѣ большихъ трубки въ одну и получить гобой, нѣсколько тяжелый, но прїятнаго тона. Изъ этого гобоя образовались вскорѣ другіе инструменты, въ томъ числѣ и фаготъ или бассонъ, изобрѣтенный въ Шюрнбергѣ Сигизмундомъ Шинтцеромъ (ум. въ 1578) и отличавшійся чистотою и полнотою тона. Вмѣстѣ съ нимъ появились и простые кривые гообои (*Krumblörner*), обыкновенно о шести отверстіяхъ въ рядъ и однимъ на противоположной сторонѣ (для большого пальца). Часто къ такимъ гообоямъ придѣлывался непосредственно подъ амбушюрой небольшой мѣшокъ, такъ что они папоминали собою волюнку, которая вмѣстѣ съ свирѣлью (*syrinx*) сдѣлалась главнымъ инструментомъ странствующихъ музыкантовъ, площадныхъ пѣвцовъ и пищихъ. Самыя мелкія изъ деревянныхъ духовыхъ инструментовъ, походившихъ на гобой, назывались *courtaut* и *cervelas*, а въ Германіи *Racketten*. Мѣдные инструменты — рога, трубы и т. д. также были систематически умножены, помимо самостоятельныхъ трубныхъ механизмовъ, устройствомъ которыхъ нѣкоторые теперь особенно занимались. Кромѣ рожковъ, сохранившихъ свою прежнюю форму слегка изогнутой трубы со многими отверстіями, были еще рога и трубы различной величины и разнообразныхъ выгибовъ. Тромбонъ (*Posaune; sanquebute, trombone*), первоначально длинная трехколенная труба, измѣняясь многократно въ длинѣ и расположеніи коленъ, образовался къ исходу столѣтїа въ выдвигшую трубу, которую можно было по желанію удлинять и укорачивать. Въ 1590 г. былъ изобрѣтенъ (каноникомъ *Edme Guillaume* въ Оксеррѣ) совершенно новый инструментъ, такъ наз. *serpent* (*Schlange* — змѣя) — змѣеобразно изогнутая большая труба, производившая

¹ Paul von Stetten, Kunst-Gewerbs- und Handwerksgegeschichte etc. S. 159. — ² J. Neudörffers Nachrichten etc. S. 52.

чрезвычайно рѣзкіе звуки. Впрочемъ этотъ инструментъ былъ назначенъ исключительно для церковной музыки и въ ней употреблялся лишь для передачи немногихъ извѣстныхъ тоновъ. Мастерскимъ изготовленіемъ тромбонъ славился городской трубачъ (Stadttrompeter) въ Нюрнбергѣ, Гансъ Мейшель (ум. 1533). По отзыву современника¹, онъ «не только превосходно выдѣлывалъ тромбоны, но и умѣлъ настраивать ихъ и съ большою пріятностью аккомпанировать на нихъ пѣнію. Папа Леонъ X, которому онъ сдѣлалъ серебряные тромбоны, вытребовалъ его къ себѣ въ Римъ и съ удовольствіемъ слушалъ его игру, за которую его восхваляли и итальянцы, а упомянутый папа отпустилъ назадъ въ Нюрнбергъ съ милостивымъ вознагражденіемъ и подаркомъ».

Ударные инструменты всякаго рода, какъ-то кастаньеты, треугольники, колокольчики, литавры и др., были уже настолько выработаны, что почти не нуждались въ какихъ либо дальнѣйшихъ улучшеніяхъ. Тоже самое можно сказать и о различныхъ видахъ барабана, отъ большого, такъ наз. швейцарскаго, до ручнаго и тамбурина: всѣ они сохранили свои прежнія формы и устройство и если были усовершенствованы, то лишь въ томъ отношеніи, что ихъ размѣры и настройка были подчинены болѣе точнымъ правиламъ. Корпусъ барабановъ иногда дѣлали мѣдный весь или только частью; большіе барабаны украшали шнурами, кистями и т. п.

Струнные инструменты, напротивъ того, только теперь выступали на путь тѣхъ усовершенствованій, которыя должны были доставить имъ преобладающее значеніе. Эти усовершенствованія состояли гораздо болѣе въ систематическомъ музыкальномъ облагоустройствѣ существующихъ инструментовъ, чѣмъ въ ихъ коренномъ преобразованіи; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя старинныя инструменты оказались несоотвѣтствующими тѣмъ требованіямъ, которыя заявляла музыка на достигнутой ею ступени развитія, и влѣдствіе этого исчезли или, подобно волынкѣ и др., спустились въ разрядъ уличныхъ инструментовъ. Такой участи подверглись около половины столѣтія такъ наз. въ Германіи Trummscheidte — длинныя обелископодобныя ящики обѣ одной, двухъ и трехъ струнахъ, натянутыхъ во всю длину ящика. Не избѣгли ее также и многострунный Psalterium, Dreh-Leier и даже арфа. Leier не замедлила послѣдовать за Trummscheidte и сдѣлаться подобно ей инструментомъ уличныхъ музыкантовъ; psalterium и арфа удержалась долѣе, оставаясь въ почетѣ до 80-хъ годовъ. Psalterium, возвращаясь къ первоначальной формѣ треугольнаго или четырехугольнаго ящика (ср. фиг. 31 d), преобразовался въ цимбалы и въ этомъ видѣ навелъ на изобрѣтеніе клавесина²; арфа, не измѣняясь въ формѣ, должна была однакожъ уступить свое мѣсто итальянской лютнѣ и испанской гитарѣ. Оба эти инструмента, съ начала столѣтія принятые всеми сословіями и въ особенности поправившіеся молодежи обоего пола, сдѣлались влѣдствіе этого и самыми нарядными по отдѣлкѣ, представляя почти тѣже формы въ конхъ они существуютъ и нынѣ. Лютня имѣла 14 двойныхъ струнъ, а гитара только 4 простыхъ; на той и на другой играли прямо пальцами или пе-

¹ J. Neudörffers Nachrichten. S. 53. ² Клавесинъ 1580 г., богатой отдѣлки, въ „Герм. музетъ“ въ Нюрнбергѣ.

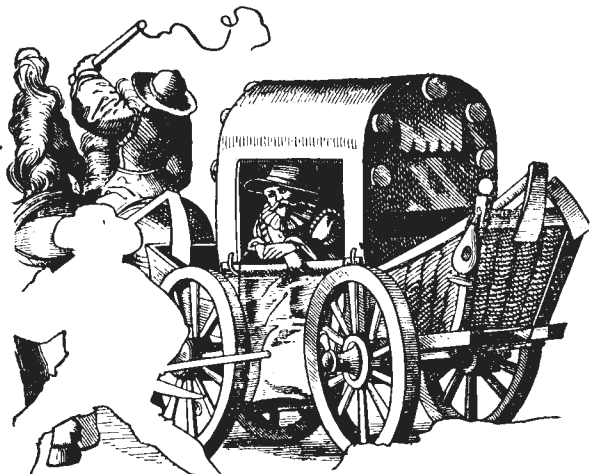
ромъ. Лютня, какъ инструментъ по преимуществу придворный, осталась инструментомъ высшаго общества, тогда какъ гитара сдѣлалась любимымъ инструментомъ веселой молодежи и безпечной богемы. Для игры на лютнѣ былъ изданъ въ Венеціи особенный учебникъ уже въ 1509 г., а нѣсколько лѣтъ спустя Bonaventure des Perrières, придворный стихотворецъ Маргариты Наваррской, написалъ для этой королевы руководство къ правильной игрѣ на лютнѣ и гитарѣ (*manière de bien et justement entoucher les lucs et les guïternes*), вышедшее въ свѣтъ уже по смерти автора. Какъ видоизмѣненія лютни и гитары, отличавшіяся отъ нихъ и другъ отъ друга главнымъ образомъ числомъ струнъ и объемомъ, явились: четырехъ- и шестиструнная маандолина, *colascione* (*colachon*), теорба или большая лютня (*theorbe, archiluth*) и нѣкот. др., въ томъ числѣ и цитра, инструментъ съ металлическими струнами, занимавшій какъ бы средину между лютней и гитарой. Въ Германіи славилась игрою на лютнѣ, а отчасти и какъ лютенные мастера: Конрадъ Герла (ум. 1529) и его сынъ Гансъ, въ Нюрнбергѣ; Отто Гейнрихъ, Мельхіоръ Нейзидлеръ и др. — Большаго разнообразія и особеннаго совершенства въ тоническомъ отношеніи достигли смычковые инструменты, развившіеся изъ старинной ротты (*Rotta*) и гиги (*Gita*) или уже изъ віолы (*violon*), какъ своей основной формы. Сохраняя общій имъ всеѣмъ типъ овальнаго, съ боковъ болѣе или менѣе глубоко вогнутаго, ящика съ выпуклымъ дномъ и крышкою, съ прямымъ длиннымъ или короткимъ грифомъ заканчивающимся слегка отогнутой назадъ головкой, они прошли черезъ рядъ измѣненій въ объемѣ, количествѣ струнъ, постановкѣ подставки, расположеніи и формѣ отверстій, пока не установились окончательно во всеѣхъ почти тѣхъ формахъ, которыя и теперь имъ свойственны. Искуснымъ скрипичнымъ мастеромъ считался упомянутый выше Гансъ Герла въ Нюрнбергѣ; съ неменьшимъ искусствомъ занимался тамъ же изготовленіемъ преимущественно крупныхъ инструментовъ Гансъ Фогель, котораго работы превосходный контрабасъ отъ 1563 г. хранится въ Германскомъ музеѣ, въ Нюрнбергѣ ¹.

Въ земледѣльческихъ орудіяхъ не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ улучшеній въ плугѣ. Рыболовные и охотничьи снаряды ² тоже остались прежніе, но къ послѣднимъ прибавилось ручное огнестрѣльное оружіе. — Значительно измѣнились и въ тоже время усовершенствовались экипажи. Перемѣны и улучшения, которыя были сдѣланы въ нихъ, прежде всего во Франціи, состояли главнымъ образомъ въ томъ, что кузовъ экипажа теперь уже не ставился прямо на оси, а навѣшивался на два толстыхъ ремня, протянутыхъ между перед-

¹ Рисунокъ этого инструмента въ *Anzeiger für Kunde der deutsch. Vorzeit*. 1860, Nr. 1. Fig. 2. — ² Для нагляднаго знакомства съ этими снарядами особенно поучительны своими многочисленными рисунками слѣдующія современные сочиненія: *Neu w Jag vnd Weydwerk Buch*, das ist ein gründliche beschreibung vom Anfang der Jagten, auch vom Jäger etc. Item vom adelichen Weydwerk der Falknerey etc. Dergleichen vom Fisch, Krebs, Otter vnd Biber Fang etc. Auch durchaus mit schönen Figuren, desgleichen zuvor nie ausgegangen. Frankfurt am Main 1582. 2 Thele. *New Jägebuch*: Jacoben von Fouilloux, eines fürnemen Adelsperson in Frankreich etc. Erst frich von newen auss dem Frantzösichen in gut Weydmännisch Teutsch allen Jägern und Weydmannen zu guten verteutsch und vertirt. Strassburg. anno 1590.

нею и заднюю осью; далѣе въ томъ, что дверцы дѣлались не въ задней стѣнкѣ кузова, а въ боковыхъ, и сидѣнья или скамьи располагались не вдоль его, а поперекъ. Какъ ни первобытны были эти усовершенствованія, но и то ихъ примѣняли пока лишь къ дорожнымъ экипажамъ, къ чему вынуждало очень дурное состояніе дорогъ; городскіе же экипажи, за исключеніемъ развѣ парадныхъ придворныхъ каретъ, сохранили свое прежнее устройство; а въ Скандинавскихъ земляхъ и въ Германіи не только дорожные, но и охотничьи экипажи, уже навѣрное назначавшіеся для ѣзды по дурнымъ дорогамъ, продолжали дѣлать на старинный ладъ до конца осьмидесятыхъ годовъ (фиг. 347). Усовершенствованію экипажей не мало препятствовало и то обстоятельство, что знатныя дамы предпочитали путешествовать въ носилкахъ, мужчины же обыкновенно ѣздили верхомъ, не только въ путешествіи, но и въ городахъ; въ Германіи напр. ратсгеры ѣздили въ ратушу обыкновенно верхомъ (почему у крыльца ратуши дѣлались особыя ступеньки для того, чтобы ратсгерамъ было удобнѣе садиться на лошадь). Кромѣ того, ѣзда въ экипажахъ встрѣчала неодобреніе и со стороны

Фиг. 347.

властей. Германскіе государи считали её какъ бы привилегіею ихъ собственнаго сана, или по крайней мѣрѣ смотрѣли на нее какъ на изыскивающее излишество, дозволительное развѣ одиѣмъ женщинамъ. На этомъ основаніи, около половины столѣтія, въ Браденбургѣ послѣдовало запрещеніе дворянамъ ѣздить въ крытыхъ повозкахъ; а въ 1588 г. герцогъ Юлій Брауншвейскій издалъ указъ, въ которомъ, строго порицая всѣхъ своихъ лешиковъ, служителей и родственниковъ (*Lehen-Leute, Diener und Verwandte*), молодыхъ и старыхъ, за то что они предаются лѣности и ѣздѣ въ каретахъ, предупреждаетъ ихъ, чтобы они являлись ко двору отнюдь не въ экипажахъ, а верхомъ, что пріѣхавшіе въ экипажахъ не будутъ допущены и о нихъ будетъ доведено до его свѣдѣнія. Въ Швеціи¹ еще

¹ Olaf Dalins. Geschichte des Reiches Schweden III, 328, 390, 402, 439.

при Густавѣ Эриксопѣ (ок. 1548) было дѣломъ обычнымъ, что и знатныя особы, отправляясь въ дорогу или ко двору, брали своихъ жонъ къ себѣ на сѣдло, и даже сами принцессы королевскаго дома часто путешествовали верхомъ. Первый экипажъ, увидѣнный шведами, была крытая повозка проѣзжавшаго чрезъ Швецію (ок. 1560) герцога Югана. Въ Даніи было тоже самое. Тамъ еще во времена хрониста Гвитфельда (послѣ 1600) въ экипажахъ ѣздили одни только члены королевской фамиліи. Въ Англіи первыя кареты, вывезенныя изъ Германіи (coaches), появились около 1570 г. Даже и во Франціи ѣзда въ экипажахъ, по крайней мѣрѣ постоянная, еще долго составляла исключеніе до такой степени рѣдкое, что въ Парижѣ въ 1540 г. — если вѣрить извѣстію — въ каретѣ ѣздили только Раймондъ де Лараль, который по своей тучности не могъ ѣздить верхомъ, и Диана Пуатье. Тѣмъ не менѣе кареты сдѣлались скоро любимымъ экипажемъ знатныхъ дамъ и уже въ 1565 парижскій парламентъ ходатайствовалъ у Карла IX о запрещеніи ѣзды въ экипажахъ, кромѣ дорожныхъ, по ходатайство его не было уважено. Впрочемъ постоянныя экипажи были все таки еще очень рѣдки, да и заводить ихъ было иначе нельзя, какъ съ дозволенія короля. Еще въ 1580 г. казалось чѣмъ-то необычнымъ, что президентъ парламента, Огюстъ де-Ту, завелъ для своей жены собственную карету. Съ другой стороны конечно правда и то, что даже у Генриха IV была только одна карета, и для него самого, и для королевы. — Въ Испаніи, при Филиппѣ III, ѣздить въ каретѣ дозволялось лишь тѣмъ, у кого были четыре лошади; неимѣвшіе же такого количества лошадей должны были ѣздить верхомъ на мулахъ.

При такомъ ограниченномъ употребленіи экипажей для постоянной ѣзды, у знатныхъ особъ было принято, при извѣстныхъ торжествахъ, выѣзжать въ роскошныхъ экипажахъ и притомъ цѣлыми поѣздами. Когда на турнирѣ, устроенномъ въ 1509 г. въ Рутишѣ курфюретомъ бранденбургскимъ, курфюретина появилась въ вызолоченой, а герцогиня мекленбургская въ обитой краснымъ бархатомъ каретѣ, и за ними ихъ придворныя дамы въ 12 экипажахъ отдѣланныхъ кармазиннымъ сукномъ, то этотъ поѣздъ вызвалъ не малое удивленіе въ зрителяхъ. При коронованіи Карла IX въ 1560 г. вдовствующая герцогиня Лотарингская ѣхала въ очень красивой каретѣ (carosse), запряженной четвернею бѣлыхъ турецкихъ лошадей въ рядъ. Когда маркграфъ Юганъ Сигизмундъ Бранденбургскій отправлялся въ 1594 г. въ Варшаву для присяги польской королю, въ его поѣздъ было 36 каретъ. При въѣздѣ кардинала Дитрихштейна въ Вѣну въ 1611 г., ему выѣхалъ навстрѣчу поѣздъ изъ 40 каретъ. Карета, въ которой герцогиня Рената Лотарингская ѣхала при своемъ бракосочетаніи въ 1568 г., была убрана такъ роскошно, что ее нашелъ нужнымъ подробно описать Генрихъ Варре въ своемъ стихотвореніи, сочиненномъ имъ по случаю этого бракосочетанія и напечатанномъ на 56 листахъ фоліантоваго формата¹. Первая карета съ стеклянными окнами появилась въ Парижѣ въ 1599 г.; она принадлежала маршалу Бассомпьеру и была вывезена имъ изъ Италіи. — До половины столѣтія было въ обычаѣ въ извѣстныхъ исключительныхъ слу-

¹ Издано въ Аугсбургѣ Филиппомъ Улартомъ въ 1568 г.

чаяхъ убирать экипажи особеннымъ образомъ. Такъ напр. карета, въ которой былъ отвезенъ плѣнный герцогъ Готскій, Юганъ Фридрихъ, была обтянута чорнымъ и запряжена четвернею сѣрыхъ лошадей, хвосты которыхъ были окрашены въ красный цвѣтъ ¹.

Кромѣ каретъ и дорожныхъ повозокъ существовали еще двухколесные экипажи, до исхода столѣтій употреблявшіеся, впрочемъ, крайне рѣдко, и, какъ зимній экипажъ (въ средней и сѣверной Европѣ), сани. Образовавшіеся изъ простыхъ дровней съ прикрѣпленнымъ къ нимъ сидѣньемъ, сани вскорѣ приняли ту форму, которая и теперь имъ свойственна ². До двадцатыхъ годовъ козлы или кучерское сидѣнье дѣлалось у саней сзади, а спереди они оканчивались высокимъ щитомъ, который защищалъ сѣдоковъ отъ вскидываемаго лошадью снѣга. Отдѣлка саней во всемъ соответствовала отдѣлкѣ каретъ и заключалась въ рѣзбѣ, живописи, позолотѣ и т. д. Обыкновенно сани дѣлались открытые безъ верха (за исключеніемъ дорожныхъ), но съ ковровыми или мѣховыми полетями и такою же выстилкою внутри. Запрягали ихъ большею частью въ одну лошадь, заложенную въ оглобли, которыя шли отъ полозьевъ до груди лошади и прикрѣплялись къ хомуту. Въ послѣдствіи къ этой простой упряжи была прибавлена довольно сложная шлея, сдѣланная предметомъ особеннаго щегольства. Её дѣлали изъ цвѣтной кожи, убрали металлическимъ наборомъ, обвѣшивали бубенчиками, разными привѣсками, пучками перьевъ (эти пучки прикрѣплялись между ушами лошади и надъ хвостомъ, который обыкновенно подвязывали). Орелли такъ описываетъ зимній катанья цюрихскихъ жителей (стр. 69): «Обычную зимнюю забаву здѣшней молодежи обоюго пола составляетъ катанье ночью по улицамъ города въ небольшихъ санкахъ, обвѣшанныхъ бубенчиками и множествомъ желѣзныхъ колець. Звонъ и бряцанье этихъ привѣсокъ, хохотъ и клики катающихся, сливаются въ оглушительный шумъ, который въ прежнее время продолжался до полуночи, но теперь, ради спокойствія пожилыхъ людей, долженъ прекращаться къ девяти часамъ».

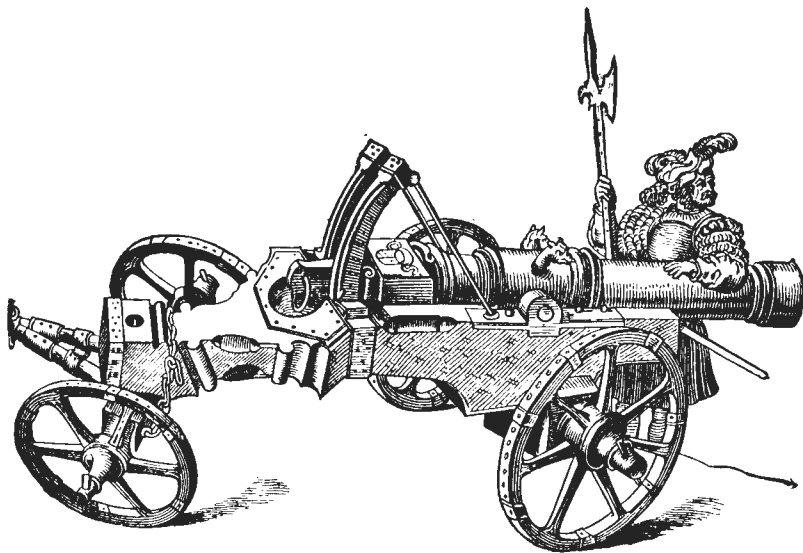
Повозки для кладь были также во многомъ улучшены сравнительно съ прежнимъ. У четырехколесныхъ телѣгъ передокъ дѣлали теперь постоянно на шкворнѣ, что разумѣется не мало облегчило движенія повозки; колеса обтягивали шинами. Грузовыя повозки были очень разнообразны, такъ что въ половинѣ столѣтія кромѣ небольшихъ двухъ- и четырехколесныхъ телѣгъ, насчитывалось нѣсколько видовъ большихъ повозокъ, совершенно похожихъ на нынѣшнія лозовыя телѣги и фуры. Собственно говоря, этотъ разрядъ повозокъ совершенствовался гораздо быстрее экипажей, но крайній мѣръ въ отношеніи цѣлебности, такъ какъ практическая польза заставляла при устройствѣ ихъ пользоваться уступками механики. Такъ, между прочимъ, шрибергенскій плотникъ Георгъ Веберъ (ум. 1567) изобрѣлъ шестиколесную телѣгу, на которой можно было удобно перевозить до 24 большихъ каменныхъ плитъ.

¹ A. Galetti. Geschichte des Herzogthums Gotha I, 215.—² Рисунокъ саней изъ первой половины столѣтія см. въ приведенномъ выше (стр. 64) сочин. Шварца, изъ второй половины — въ Kunst- und Lehrbüchlein für die anfangenden Jungen etc. von Jost Amman. Frankf. a. M. 1581.

Употребленіе носилокъ не уменьшилось, и устройство ихъ осталось прежнее. Появившійся въ началѣ столѣтія новый родъ носилокъ въ видѣ кресла укрѣпленнаго на двухъ шестахъ (портшезъ собственно; *portechaise*) употреблялся пока еще исключительно больными.

Воинскій снарядъ сводился теперь на одни огнестрѣльные орудія. За исключеніемъ необходимыхъ повозокъ, осадныхъ лѣстницъ и всё еще употреблявшихся, хотя сравнительно и рѣдко, метательныхъ машинъ, всё старинныя принадлежности его исчезли, а замѣнившія ихъ новыя — т. е. пушки съ ихъ приборомъ — значительно умножились и усовершенствовались¹. Развитію артиллеріи въ Германіи много содѣйствовалъ Максимилианъ I (1493—1519), усовершенствовавшій и военное искусство вообще. Онъ устроилъ обширныя мастерскія, въ которыхъ подъ руководствомъ искусныхъ

Фиг. 348.

мастеровъ, отливались пушки и выдѣлывались пищали. Посѣщая часто самъ эти мастерскія, и изыскивая средства приспособить пушки къ полевой службѣ, онъ усовершенствовалъ пушечные станки и такъ улучшилъ форму полевыхъ орудій, что она осталась образцовой. Виллообразный стапокъ, доселѣ рѣдко употреблявшійся и для небольшихъ орудій, былъ преобразованъ

¹ Особеннаго вниманія заслуживаютъ, преимущественно по своимъ прекраснымъ рисункамъ: „Der Weiss Kunig“. Eine Erzählung von den Thaten Kaiser Maximilian des Ersten, von Marx Treitzsauerwein etc. Herausg. Wien 1775. Kriegsbuch etc. Durch Leonhart Fronsperger. Frankfurt a. M. 1556; втор. изд. 1596. Reinhart der älter. Grave zu Solms: Kriegsbeschreibung etc. (напеч. въ 1559 съ прекрасн. рисунками, безъ означ. мѣста). Archeley, Das ist gründlicher vnd eigentlicher Bericht von Geschütz und aller Zugehör etc. Durch Diegum Uffanum Frankf. a. M. 1614. О литьѣ пушекъ вообще см. Franz Trautmann. Kunst und Kunstgewerbe etc.

въ настоящій двухколесный лафетъ, уже нѣсколько похожій на нынѣшній, и принятъ для всѣхъ орудій вообще, даже и крупныхъ, отъ 4 до 8 фут. длины (Folkhanen, Falkonetten, Feldschlangen, Metzen etc); массивный станокъ былъ снабженъ колесами съ подвижнымъ на шкворнѣ передкомъ (фиг. 348), и безколесные мортирные станки сдѣланы удобовыдвижными. Прицѣливанье производилось, впрочемъ, все еще прежнимъ способомъ, т. е. посредствомъ прикрѣпленныхъ къ лафету прицѣльныхъ подпорокъ, а у мортиръ иногда и просто при помощи клиньевъ, но во всякомъ случаѣ съ болѣею вѣрностью. Для того, чтобы удобнѣе было направлять пушки, къ задней ихъ части прицѣливалось кольцо. Пушки отливались круглыя, но не всегда гладкія, а обыкновенно съ утолщеніями въ родѣ карнизовъ, у жерла, у задней части и посрединѣ. Промежутки между этими утолщеніями не рѣдко заполняли какими нибудь украшеніями въ видѣ перевивающихся или перекрещивающихся полосъ, или даже выпуклыми орнаментами. У полевыхъ орудій отдѣлывали также и лафеты, даже и колеса лафетовъ дѣлались иногда рѣзныя. Осадныя орудія устанавливались на стапкахъ или подмосткахъ, которыя дѣлались на самомъ мѣстѣ дѣйствія орудія, и потому были просты и безъ всякихъ украшеній. Для перевозки тяжелыхъ орудій употребляли родъ дровней изъ толстыхъ брусьевъ и низкую, очень прочно сколоченную, телегу, на которую поднимали орудіе воротомъ. У лафетовъ нѣкоторыхъ родовъ мелкихъ орудій припряжка прицѣливалась спереди (у жерла орудія); другія запрягались сзади, у хобота. — Всѣ старинныя способы выдѣлки пушекъ (изъ сваренныхъ вмѣстѣ желѣзныхъ полосъ и др.) были оставлены или употреблялись очень рѣдко. Теперь пушки обыкновенно выливали изъ чугуна или бронзы и затѣмъ сверлили; благодаря усовершенствованію сверлильных инструментовъ, сдѣланному въ Нюрнбергѣ въ концѣ столѣтія, сверленіе пушекъ производилось съ болѣею точностью, чѣмъ прежде. Каменные и кованыя желѣзныя ядра (выдѣлкою которыхъ славился тоже Нюрнбергъ) были почти вездѣ замѣнены чугунными. Тѣмъ не менѣе не только теперь, но и позднѣе, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, употребляли пушки сдѣланныя изъ различныхъ другихъ матеріаловъ, кромѣ чугуна, и даже деревянные. Но такіе случаи были крайне рѣдки и объясняются невозможностью, по недостатку времени или денегъ, добыть настоящія металлическія орудія. Такъ напр. въ 1525 г. бунтовавшіе крестьяне стрѣляли изъ деревянныхъ пушекъ, которыя имъ сдѣлалъ нюрнбергскій плотникъ и вмѣстѣ тележникъ Георгъ Веберъ. Эти пушки не были однакожъ сплошныя деревянные, а состояли изъ деревяннаго ствола (вазоваго) плотно окованнаго желѣзными обручами, и съ металлической казенной частью, ввинченной въ стволъ.

До сихъ поръ всѣ улучшенія въ артиллерійскомъ дѣлѣ имѣли главнымъ образомъ въ виду приспособить пушки къ полевой службѣ и дѣлались единственно по указаніямъ опыта. При Карлѣ V и по его инициативѣ, артиллерійское искусство поступаетъ въ вѣденіе науки, которая пытается начертать для него правила, выведенныя изъ математическихъ положеній. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Николо Тарталья изъ Брешии (ум. въ 1575). Солдатъ и вмѣстѣ математикъ, онъ усовершенствовалъ тяжелую артиллерію и положилъ основаніе новой системѣ осадной войны. Одновременно съ нимъ

и въ томъ же направленіи трудился Вануччіо Бирингуччіо, тоже солдатъ, издавшій въ 1540 г. въ Венеціи первое дѣйствительно полезное для артиллерійскаго дѣла сочиненіе: «объ искусствѣ выдѣлывать порохъ и пушки». Около того же времени (въ 30-хъ годахъ) былъ изобрѣтенъ приборъ для опредѣленія калибра орудій, приспособленный въ 1540 г. Георгіемъ Гартманомъ въ Шюрбергѣ для каменныхъ, желѣзныхъ и свинцовыхъ ядеръ. — Ближайшимъ послѣдствіемъ новаго направленія въ артиллерійскомъ дѣлѣ было то, что огромныя неповоротливыя орудія мало по малу вышли изъ употребленія, и если еще выдѣлывались, то лишь изъ прихоти и единственно для показу¹ (Одни Турки продолжали до конца столѣтія употреблять ихъ на войнѣ). Съ этого же времени пушки стали подраздѣлять по вѣсу ядеръ на осадныя и полевыя. Тартагалья довелъ подраздѣленіе орудій по ихъ длинѣ, калибру т. д. до 16 разрядовъ, не включая сюда бомбарды, изъ которыхъ самыя большія при длинѣ въ 10 фут. вѣсили 8900 фунтовъ и бросали каменные ядра въ 250 фунт. (ок. 6 пуд.).

Обычай давать отдѣльнымъ пушкамъ произвольно придуманныя прозвища оставался въ полной силѣ. Но мѣрѣ умноженія пушекъ, множились и прозвища, создаваемые случаемъ, суевѣріемъ или грубымъ солдатскимъ остроуміемъ. Были пушки совы, соколы, соловьи, львы, драконы, василиски, змѣи, рыбачки, свистуны, пѣвицы и т. д. Въ числѣ 1500 пушекъ, которыми курфюрстъ Августъ Саксонскій снабдилъ устроенный имъ въ 1559 г. цейхаусъ, значились: «адскій пѣсъ», двадцать «крокодиловъ», «смерть», «саксонка», двѣнадцать «монаховъ», двѣнадцать «небесныхъ знаковъ», «двѣ заповѣди», «Ромулъ и Ремъ» (двѣ мортиры), двѣнадцать «дятловъ» и мн. др. 12 пушекъ, отлитыхъ въ 1535 г. въ Малагѣ по приказанію Карла V для войны съ Тунисомъ, были названы «двѣнадцатью апостолами» въ виду того, что онѣ назначались дѣйствовать противъ невѣрныхъ. Пушки эти, вѣсившія каждая по 70 центнеровъ и стрѣлявшія 45 фунтовыми ядрами, остались на долго образцовыми для всѣхъ вновь выдѣлываемыхъ орудій и притомъ не только въ Испаніи и Нидерландахъ (т. е. владѣніяхъ Карла V), но и вообще.

Почти одновременно съ началомъ научной разработки артиллерійскаго искусства было устроено въ Венеціи первое артиллерійское училище. По примѣру Венеціи, Карлъ V основалъ такія училища въ Испаніи и Италіи. Онъ же первый учредилъ особый персоналъ, которому было поручено заведыванье артиллеріею и въ мирное время. Персоналъ этотъ состоялъ изъ главнаго начальника (цейхмейстера), нѣсколькихъ канонировъ (Büchsenmeister) и извѣстнаго числа артиллерійской прислуги. Канониры раздѣлялись на фейерверкеровъ и собственно канонировъ (бомбардировъ?); первые заведывали вмѣстѣ и метательными снарядами, послѣдніе — осадными ору-

¹ Къ такимъ рѣдкостямъ можно отнести Coulevrine de Nancy — пушку вылитую по указу герцога Карла Лотаринскаго въ 1548 г.; она имѣла 22 фута длины и стрѣляла 48 фунтовыми ядрами. Въ 1704 по приказанію Фридриха I была вылита въ Берлинѣ пушка, вѣсившая 341 центнера, имѣвшая 8 $\frac{3}{4}$ дюйма въ поперечникѣ и стрѣлявшая 100 фунтовыми ядрами; въ 1743 при Фридрихѣ II она была перелита. (Сюда же можетъ быть причислена и московская царь — пушка, вылитая пушечнаго приказа мастеромъ Андреемъ Чоховымъ въ 1586 г. Пер.)

дѣями; орудійная прислуга называлась *guastadores*. Мѣткостью стрѣльбы особенно славилась нѣмецкіе канониры.

Узнавъ изъ опыта, что длинныя орудія бьютъ дальше, чѣмъ короткія, съ половины столѣтія стали дѣлать осадныя орудія и кулеврины (*Schlangen*) значительной длины, доходя въ отдѣльныхъ случаяхъ даже до 50 калибровъ. Оказалось однакожь, что и такая чрезмѣрная длина вредитъ дальности выстрѣла. Поэтому былъ предпринятъ рядъ опытовъ, съ помощію которыхъ и удалось установить надлежащее отношеніе калибра къ длинѣ орудія. Дальнѣйшіе опыты въ этомъ направленіи привели къ опредѣленію соотвѣтствующей толщины стѣнокъ орудія и къ различнымъ улучшеніямъ въ устройствѣ казенной части, въ способѣ заряжанія и т. д., причемъ важное значеніе имѣла также и постоянно улучшавшаяся выдѣлка пороха. Результаты этихъ опытовъ были примѣнены къ полевой артиллеріи во время нѣмецкихъ войнъ, а къ тяжолой — въ испанско-нидерландскую войну. — Приблизительно съ 1550 г. артиллерійскій паркъ въ Германіи долженъ былъ состоять изъ 128 орудій, 511 повозокъ и фуръ и 3225 лошадей. Орудія раздѣлялись, по собственному вѣсу, по вѣсу ядеръ, величинѣ зарядовъ и т. д., также какъ и по названіямъ, на 19 разрядовъ. Первый разрядъ заключалъ въ себѣ четыре большихъ орудія, которыя вѣсили по 10000 фунтовъ (ок. 250 пуд.); на каждое орудіе полагалось 240 ядеръ и столько же центнеровъ пороха, а на всѣ вмѣстѣ 128 повозокъ и 652 лошади. Затѣмъ слѣдовали 4 разряда «стѣноломовъ» (*Mauerbrecher*) и 4 разряда полевыхъ орудій. Стѣноломы стрѣляли ядрами отъ 100 до 25 фунтовъ; полевые орудія — ядрами отъ 18 до 2 фунтовъ. Кромѣ того имѣлись орудія (*Feuerbüchsen*) въ 4 фута длины съ широкимъ дуломъ до 1 фута въ діаметръ, и мортиры (*Mortier* или *Bölet* по современному названію) различной величины для навѣсныхъ выстрѣловъ. Былъ еще «родъ орудія (*ein Geschlecht des Geschützes*), названный органнымъ (*Orgelgeschütz*) ради того, что у него такъ же много дулъ, какъ у органа трубокъ. Когда его зажгутъ, то дула начинаютъ стрѣлять одно за другимъ, разбрасывая заряды во всѣ стороны, и продолжается эта стрѣльба довольно долго, пока не разрядится всѣ дула». Были также небольшія орудія отъ 2 до 2½ фут. длины, въ которыя зарядъ ввинчивался сзади, слѣд. заряжавшіяся съ казенной части (*Kammerbüchsen*); *Scharpfentlein* — отъ 6 до 7 фут. длины, стрѣлявшія полуфунтовыми свинцовыми ядрами; *Doppelhacken* или *Hackenbüchsen* и др.

Усовершенствованіе орудій сопровождалось и болѣе цѣлесообразнымъ приспособленіемъ ихъ къ дѣйствию. Для каждаго вида орудій было найдено наиболѣе соотвѣтственное его назначенію и особенностямъ устройство. Полевымъ орудіямъ были даны двухколесные лафеты, уже настолько удобные; что они съ весьма незначительными измѣненіями въ деталяхъ продержались до позднѣйшаго времени (до введенія игольчатыхъ орудій)¹. Только лафеты осадныхъ орудій оставались по прежнему тяжелы и неповоротливы. Колеса ихъ, болѣею частью чрезвычайно массивныя, кромѣ того что обтягивали

¹ Ср. рисунки этихъ лафетовъ въ приведенномъ на стр. 248 сочиненіи Рейнгартграва Сольмскаго (*Reinh. Grave zu Solms etc*).

толстыми шинами, скрѣплялись еще между спиць желѣзными полосами; отъ ступиць ихъ шли толстые желѣзные прутья или цѣпи и связывали ихъ съ лафетомъ, который тоже крѣпко оковывался желѣзомъ. Отдѣльныхъ передковъ съ козлами и ящикомъ, соединенныхъ съ лафетомъ шкворнемъ, какъ у новѣйшихъ орудій, еще не дѣлали, несмотря на то что уже при Максимилианѣ I задняя пара лафетныхъ колесъ употреблялась иногда отдѣльно отъ лафета, какъ перевозный снарядъ (фиг. 348). Приспособленія для прицѣливанія и установки орудій упростились, причемъ прицѣльные скобы съ колками (см. выше ч. I. стр. 332) остались только у крѣпостныхъ орудій, мортирь и гаубиць, у остальныхъ же были замѣнены простыми клиньями, которые подкладывали подъ орудіе, направленіе же послѣдняго опредѣляли съ помощью наставка или паугольника, изобрѣтеннаго уже въ 40-хъ годахъ.

Теоретическая разработка артиллерійскаго дѣла была значительно подвинута впередъ въ 80-хъ годахъ столѣтія работами Діего Уффано, начальника испанской артиллеріи въ Антверпенѣ, и Людовика Коллодо, а вельѣтъ затѣмъ герцогомъ Сюлли, который въ качествѣ главнаго начальника французской артиллеріи при Генрихѣ IV много сдѣлалъ для ея усовершенствованія. Удерживая принятое раздѣленіе орудій на полевые, осадные и мортиры, Уффано ввелъ дальнѣйшія подраздѣленія каждаго изъ этихъ видовъ. Полевые орудія онъ подраздѣлялъ на настоящія (legitima), ненастоящія (bastarda) и чрезвычайныя (extraordinaria). Къ настоящимъ причислялись: двойная кулеврина 31 калибра (ок. 20 фут.) длины, стрѣлявшая 40 фунт. ядромъ; кулеврина 32 кал. длины, ядро 20 фунт.; полкулеврина 33 кал. длины, ядро 10 фунт.; четверть-кулеврина — 34 кал. длины, ядро 5 фунт.; соколъ — 35 кал. длины, ядро $2\frac{1}{2}$ фунт.; малый соколъ — 36 кал. длины, ядро $1\frac{3}{4}$ фунт.; ястребъ — 37 кал. длины, ядро 1 фунт. Осадные орудія (картауны: Karthaunen) подраздѣлялись, на основаніи формы какала, на прямодульные, на малокамерныя и круглокамерныя. Первые наз. просто картаунами — 18 кал. длины, ядро 48 фунт.; вторыя — полкартаунами — отъ 19 до 20 кал. длины, ядро 24 фунт.; третьи — четверть-картаунами — 21 кал. длины, ядро 18 фунт.

Рѣдко доселѣ употреблявшіяся бомбы, гранаты, брацдугели и чиненыя ядра сдѣлались теперь обычными артиллерійскими снарядами. Въ 1579 г. во Франціи были изобрѣтены каменные ядра и петарды. При Карлѣ IX тамъ было издано особое постановленіе, которымъ опредѣлялась величина артиллерійскихъ орудій, оставшаяся и впредь для нихъ нормою.

Несмотря однакожъ на усиліи сдѣланныя артиллеріею, управленіе орудіями представляло еще много неудобствъ. Запряжка была неуклюжа; орудія заряжали по старинному — съ помощью шуфлы или совка, нацѣливали посредствомъ деревянныхъ клиньевъ, которые были прикованы къ лафету на цѣпяхъ; ядра и порохъ возили за орудіями въ бочкахъ на телегахъ. вмѣстѣ съ бронзовыми пушками употреблялись еще въ значительномъ количествѣ и чугуныя. Напр. въ Швеціи при Юганнѣ II, въ 1590 г., изъ 3459 орудій было 2027 чугуныхъ.

«Въ испанской и другихъ арміяхъ, организованныхъ по ея образцу, былъ введенъ особый порядокъ движенія артиллеріи. Порядокъ этотъ былъ слѣдующій: впереди шолъ авангардъ заботившійся о сохранности артиллерійскаго

обоза и посылавшій передъ собой патрули. Первая патруль отправлялась съ топорами и пилами, вторая съ инструментами для изготовленія машинъ, третья съ желѣзными палицами, ломами и ручными бабами, четвертая — съ кирками и лопатами. Затѣмъ ѣхали повозки съ воротами, рычагами и пр.; за ними — легкая артиллерія, потомъ тяжелая и осадныя орудія, артиллерійскіе снаряды, понтоны съ состоящею при нихъ прислугою, рабочіе и ремесленники со своими повозками и, наконецъ, поклажа.

Орудія наказанія¹, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли еще отъ Римлянъ, другія, хотя и позднѣйшаго происхожденія, но были все такъ издавна извѣстны, до 15 стол. примѣнялись довольно рѣдко и притомъ совершенно почти по произволу наказывавшаго. Только когда бывшій дотолѣ въ силѣ обычай рѣшать уголовныя дѣла такъ наз. «судомъ Божиимъ» вывелся, уступивъ мѣсто болѣе привильному судопроизводству, и сами орудія наказанія, значительно умноженныя инквизиціею (съ 1479), были введены повсемѣстно, слѣдовательно только съ изданіемъ устава уголовного судопроизводства (Halsgerichtsordnung) въ 1532 г., было регулировано ихъ примѣненіе и даже установлены для нихъ извѣстныя формы. Опредѣленія означеннаго устава распространялись на все вообще орудія наказанія, но преимущественно касались тѣхъ изъ нихъ, которыя употреблялись для выпытыванія признаній. Эти орудія пытки (tormenta) были различны въ различныхъ странахъ, но вообще раздѣлялись на три степени, соотвѣственно тремъ степенямъ пытки. Наиболѣе употребительны были слѣдующія: тиски для сжиманія большихъ пальцевъ рукъ (pollicum compressio) — двѣ узкихъ желѣзныхъ пластинки соединенныя винтами: палецъ вкладывался между пластинками, которыя затѣмъ медленно съ остановками сжимались винтами; испанскіе козлы — подобныя же тиски, которыми сдавливали одновременно большіе пальцы правой ноги и лѣвой руки, потомъ лѣвой ноги и правой руки; различныя тиски съ прикрѣпленными къ нимъ гириями, для сдавливанія рукъ, пальцевъ и суставовъ; испанскіе сапоги (caligae hispanicae) — двѣ толстыя желѣзныя шины сжимавшіяся винтами, для сдавливанія голеней (crurum compressio); для усиленія боли шины поврежденнымъ ослабляли и потомъ накалывали молоткомъ. Снуръ (fidiculae, funiculi) — очень крѣпкіе тонкіе шнуры, которыми туго обматывали ручные суставы, или, въ усиленной степени пытки, руки до локтей, и потомъ сильно передергивали, какъ бы пиля ими руки. Лѣстница изъ крѣпкихъ деревянныхъ брусковъ, снабженная на верхнемъ концѣ воротомъ или блокомъ, посред-

¹ Изображенія орудій наказанія и пытки въ W. Fairholt and Wright, Miscellaneous graphica etc. p. XXIV; J. Falke und A. v. Eye, Kunst und Leben der Vorzeit I (Taf. 70); H. v. Hefner-Alteneck. Eisenwerke und Ornamentik der Schmiedekunst etc. Taf. 28; Layen-Spiegel. Von rechtmässigen ordnungen bürgerlichen und peinlichen regimenten etc. (Strassburg 1510) pag. 81—83; von Hülff und Rath in Allem anligen. Des hochweisen, firtrefflichen Francisci Petrarchi zwei Trostbücher etc. Frankfurt a. M. 1551, pag. CLXI et CCXII. (рисунки 1525 г.). Bambergische Peinliche Halsgerichts Ordnung 1580, p. 15. Подробное описаніе отдѣльных орудій: Jacobi Döpleri etc. Theatrum poenarum, suppliciorum et executionum criminalium, oder Schau-Platz, derer Leibes und Lebensstrafen etc. etc. Sondershausen 1693. 2 Bde.

ствомъ котораго туловище истязуемаго, растянутаго на лѣстницѣ (*expansio in scala*) и привязаннаго къ ней ногами, вытягивалось такъ, что члены выходили изъ суставовъ. Эту пытку усиливали наложеніемъ испанскихъ сапогъ, или подкладывая за спину пытаемаго такъ наз. шпигованнаго зайца — катушки съ острыми зубцами. Для пытки огнемъ употребляли заостренныя сосновые лучинки, которыя забивали подъ ногти и зажигали, питки пропитанныя сѣрой, смоляныя лепешки, угли, также кипящее масло, растопленный свищъ и т. д. Кромѣ этихъ, общепотребительныхъ орудій пытки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употреблялись еще: застѣлочная кобыла (*lignum tormentorium, equuleus*) известная уже Римлянамъ: деревянные козлы съ острымъ ребромъ, на которые обвиняемаго сажали верхомъ и привязывали, навѣсивъ ему на ноги гири; желѣзныя перчатки — ручныя тиски усаженныя желѣзными остріями; померанская шапка (*rommersche Mütze*) — цѣпь съ заостренными звеньями, которою оббивали во всѣхъ направленіяхъ голову пытаемаго и потомъ затягивали посредствомъ завертки; люнебургскій стулъ (*lüneburger Stuhl*), котораго сидѣнье было усажено шипами; дыба (*regina tormentorum*) — веревка, на которой поднимали къверху обвиняемаго, связавъ ему предварительно назадъ руки и привѣсивъ къ ногамъ тяжести; испанская каппа, датскій плащъ, англійская дѣвица — растворявшіяся по длинѣ желѣзныя колоколоподобныя вѣстелища, имѣвшія фигуру женщины въ плащѣ; внутри они были сплошь усажены остріями, такъ что заключенный въ нихъ не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, не изранивъ себя объ острія по всему тѣлу. — Помимо нѣкоторыхъ другихъ не менѣе варварскихъ изобрѣтеній, появлявшихся, впрочемъ, не надолго, существовали еще, какъ болѣе легкія орудія наказанія: различныя маски въ видѣ звѣриныхъ головъ, бѣсовскихъ харъ (на бранчливыхъ женщинъ надѣвали маски съ трубою или дудкою у рта), и такъ наз. груша — инструментъ въ видѣ груши, который вкладывался въ ротъ и отъ нажатія пружины раздвигался въ немъ такъ, что наполняя совершенно полость рта и не могъ быть вынутъ изъ нея безъ особаго ключа.

Смертная казнь производилась черезъ обезглавленіе, повѣшеніе, колесованье, сожженіе и утопленіе. Рѣже употреблявшіеся роды смертной казни были: зарытіе живымъ въ землю, четверованье, и погруженіе въ кипящую воду, масло и т. п. Солдатъ и военнопленныхъ разстрѣливали и гоняли сквозь строй, причѣмъ осужденнаго закалывали. — Для обезглавленія употребляли мечъ, ручной топоръ и опускающій топоръ. Величина и форма этихъ орудій были установлены закономъ. Мечъ былъ довольно широкъ, о двухъ лезвіяхъ, съ округленнымъ концомъ и длинной (двуручной) рукоятью; ручной топоръ широкій и тяжелый, имѣлъ слегка скошенное лезвіе; опускающій топоръ, устройствомъ своимъ совершенно походилъ на позднѣйшее орудіе казни, названное по имени его изобрѣтателя (или вѣрнѣе возстановителя) гильотиною¹. При обезглавленіи мечомъ осужденнаго заставляли стать на колѣни или сажали его на скамейку; при

¹ Ср. очень точныя изображенія этого орудія на гравюрѣ въ „Titus Manlius“ Георга Пенча (G. Pencz), 1535—1540 г. и въ „Titus Manlius“ Генр. Альдегревера, отъ 1530 г.

обезглавляеи топоромъ, голову осужденнаго клали на плаху и привязывали къ ней ремнемъ. Та и другая казнь совершалась на возвышеніи (эшафотъ). Вѣшали на простой вѣсѣлицѣ; колесовали тяжелымъ колесомъ съ острымъ ободомъ, или ломали кости желѣзной палицей. — Утопленіемъ и погруженіемъ въ кипящую воду, масло и т. п. казнили преимущественно вѣдьмъ; сожженіемъ — богохульниковъ и евреевъ. Осужденныхъ къ утопленію бросали въ воду или зашитыми въ мѣшокъ, или просто связанными по рукамъ и ногамъ. Къ погребенію заживо присуждали преимущественно женщинъ: осужденную, съ связанными руками и ногами, опускали въ яму лицомъ вверхъ, засыпали землей и затѣмъ вбивали ей въ грудь заостренный колъ. При четверованіи, осужденнаго или разрѣзывали на четыре части, или разрывали лошадьми.

Погребальная утварь осталась та же, какая была и прежде, только погребальные покровы стали теперь употреблять исключительно чорнаго цвѣта. До исхода столѣтія погребали и въ гробъ и безъ гроба; — въ последнемъ случаѣ трупъ только обвивали полотномъ и такъ опускали въ землю. Еще въ 1605 г. настоятель церкви св. Лаврентія въ Нюрнбергѣ, Іоаннъ Шельгаммеръ, передъ своею смертію просилъ городской совѣтъ дозволить похоронить его тѣло въ ящикъ (*in einer Truhe*), хотя съ другой стороны, тоже нюрнбергскій гражданинъ, Бальтазаръ Дѳрреръ, уже въ 1586 г. былъ погребенъ въ гробъ или ящикъ (*Truhe*) въ приготовленномъ имъ для себя каменномъ склепѣ. Тоже самое было и въ другихъ странахъ; но во Франціи и въ Италіи погребеніе въ гробахъ сдѣлалось уже почти обычнымъ въ средѣ высшихъ сословій.

Отдѣлъ третій.

Внѣшній бытъ въ 17 столѣтіи.

А. Одежда. ¹

Испанскій костюмъ оставался далеко за половину столѣтія почти совершенно такимъ же, какимъ сложился при Филиппѣ II. Немногія особенности, введенныя въ него преимущественно подъ вліяніемъ французскихъ модъ при Филиппѣ III, были такъ незначительны, что не могли замѣтнымъ образомъ измѣнить его общаго характера. Мужчины одѣвались правда не такъ строго и мрачно, какъ любилъ одѣваться Филиппъ II, но не выходили за предѣлы тѣхъ нѣсколько болѣе свободныхъ фасоновъ, какіе допускались уже и при немъ. Точно также и женщины въ своемъ костюмѣ весьма мало уклонились отъ строгости такъ любимой Филиппомъ II. Какъ тѣ, такъ и другія (изъ высшихъ сословій) продолжали носить крѣпко накрахмаленныя фрезы и такія же машеты; при чемъ размѣры женскихъ фрезъ были увеличены до крайности, какъ то видно по портрету инфанты Изабеллы Клары Евгении, написанному, также какъ и портретъ ея мужа, Альберта эрцгерцога австрійскаго, Рубенсомъ въ 1615 г. (фиг. 349). Мужчины средняго сословія и военные одѣвались въ широкіе туго настегаемые поколѣнные штаны и узкіе камзолы съ висячими рукавами (фиг. 350 в. с.). Съ 1620 г. военные замѣнили торчащую фрезу гладкимъ отложнымъ воротникомъ и жесткую шляпу (фиг. 349) широкополою мягкою (фиг. 350 а — с).

¹ Къ перечисленнымъ выше (ч. I, стр. 35) новѣйшимъ сочиненіямъ слѣдуетъ прибавить специально касающееся описываемаго столѣтія: „Zur Geschichte der Moden und Trachten in Bremen im 16. und 17. Jahr.“ въ „Denkmale der Geschichte und Kunst der freien Hansastadt Bremen etc. zweite Abtheilung. Episoden aus der Cultur- und Kunstgeschichte-Bremens von T. G. Kohl. Bremen 1870“, стр. 113 и слѣд. — Оригинальные источники письменные и наглядные продолжаютъ въ прежнихъ направленіяхъ, тамъ же (стр. 35) ближе обозначенныхъ. Число такъ наз. Trachtenbücher уменьшается и онѣ теряютъ въ художественномъ достоинствѣ. Взамѣнъ ихъ появляются и размножаются отдѣльныя изображенія костюмовъ или цѣлыя серіи такихъ изображеній помѣченныхъ послѣдовательными нумерами и исполненныхъ нерѣдко отличными художниками. Изъ собственно Trachtenbücher упомянемъ здѣсь: „Evidens designatio receptissimorum consuetudinum ornamenta quaedam et insignia continens, magistratus et

Щегольство дорогими матеріями и богатою отдѣлкою костюма между тѣмъ не только не уменьшалось, но напротивъ увеличивалось, такъ что мужской костюмъ, считавшійся не болѣе какъ приличнымъ, обходился теперь по меньшей мѣрѣ въ двѣсти и до трехъ сотъ дукатовъ, потому что не рѣдко и самую обувь украшали золотыми пластинками и даже брилліантами. Такъ какъ государственные чины, будучи неспособны правильно оцѣнить положеніе дѣлъ,

Фиг. 350.

склонили (въ 1619 г.) короля запретить ввозъ иностраннаго шолка, а дозволить ввозить лишь шолоковыя матеріи, то ихъ и стали выписывать въ большомъ количествѣ и за дорогія цѣны изъ Италіи, главнымъ образомъ изъ Милана и Флоренціи, къ немалому ущербу отечественныхъ шолоковыхъ фабрикъ въ Гранадѣ, Мурсіи и Валенсіи. Несмотря на протесты компетентныхъ людей, въ томъ числѣ Санчо де-Монкадо, это распоряженіе не было отмѣнено: ввозъ иностранныхъ шолоковыхъ матерій продолжался, а туземныя фабрики были вынуждены постоянно уменьшать число своихъ становъ. Въ такое же положеніе были поставлены и другія производства — шерстяныхъ и полотняныхъ матерій, даже золотыхъ вещей и т. д.

academiae argentinensi a maioribus relicta etc. Argentorati ex cudebat Joann Carolus 1606. — Strasburger Trachtenbüchlein darinnen von Man und Wiebspersonen aussgangen im Jahr 1668 Gedruckt bey P. Aubry dem kupferstecher. — Le miroir des plus belles courtisanes de ce temps. Spiegel der alderschoonste cortisanen deses tyts etc. Ghedruckt voor den autheur, anno 1631. Habiti d'huomeni et donne venetiane con la processione della seren. Signoria etc. Giacomo Franco (venetia 1610) imagini degli abiti con cui va vestita la nobiltà della seren. republica di Venezia etc. Venezia 1702. Tonts les portraits de la cour et autres. Chez H. Bonnart. 1696. Neueröffnete Welt-Galleria worinnen sehr curios und begnügt unter die Augen kommen allerley Außzüg und

Въ видахъ ограниченія роскоши и вмѣстѣ поднїтія отечественной промышленности, была учреждена при Филиппѣ IV (1621—1665), по предложенію его министра Оливареца, *junta de reformatcion*, которая выработала рядъ постановленій и въ числѣ ихъ постановленія противъ излишняго щегольства. Такъ напр. этими постановленіями воспрещалось: золотить деревянныя, желѣзные, бронзовые и мѣдные вещи, отдѣлывать платье золотомъ или серебромъ, носить мужчинамъ шелковые плащи, а предписывалось дѣлать ихъ изъ шерстяныхъ матерій и притомъ туземной выдѣлки; запрещались также мужчинамъ и женщинамъ модныя тогда широкія фрезы и т. д. Около половины столѣтія эти постановленія были дополнены новыми; они касались главнымъ образомъ появившейся тогда моды носить длинные и завитые волосы, широкихъ женскихъ юбокъ (*guardain fontes*; ср. фиг. 249) и «низко вырѣзанныхъ лифтовъ, оставляющихъ обнаженными спину и грудь». Относительно прически было прямо объявлено, чтобы никто не осмѣливался являться съ завитыми волосами къ королю, къ министрамъ и въ суды. А по поводу женскихъ широкихъ юбокъ и низкихъ лифтовъ было замѣчено, (какъ въ постановленіи, изданномъ во Франціи при Генрихѣ IV), что такія юпки и лифы дозволяется носить «однѣмъ публичнымъ женщинамъ». Постановленія эти принесли однакожъ мало дѣйствительной пользы, и если роскошь и щегольство нѣсколько уменьшились, по крайней мѣрѣ въ среднемъ классѣ и въ средѣ нѣснаго дворянства, то это произошло единственно вслѣдствіе все усиливавшагося обѣдненія. Даже и дѣйствительныя мѣры для поднїтія отечественной промышленности, принятыя при Карлѣ II (1665—1700), оказались безсильными измѣнить существующее положеніе къ лучшему. Да и какой пользы можно было ожидать напр. отъ разрѣшенія, даннаго королемъ въ 1674 г. «носить всѣмъ всякаго рода шелковыя матеріи, если онѣ только изготовлены въ самой странѣ или въ странахъ и областяхъ находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Испаніей» — если отечественныхъ фабрикъ почти уже не существовало и всѣ шелковыя и другія дорогія матеріи приходилось и безъ того выписывать изъ заграницы?

При такихъ условіяхъ и благодаря начавшимся по вступленіи Людовика XIV на французскій престолъ болѣе близкимъ и частымъ сношеніямъ съ

Kleidungen unterschiedlicher Stände und Nationen etc. Mit sonderm Fleiss zusammen gebracht von P. Abrahamo a S. Clara, und von Cristoph Weigel im Kupffer gestochen zu Nürnberg anno mdccliii. — Въ виду большого количества отдѣльных изображеній костюмовъ и ихъ серій (Folgen), здѣсь будетъ достаточно привести нѣкоторыхъ изъ ихъ исполнителей: отъ 1600 до 1650: W. Baur, P. Quast, D. Maas (военные костюмы). A. v. Venne, A. Bosse (*Le jardin de la noblesse française etc* 1629., G. Huret, J. Callot, W. Hollar (*Aula Veneris sive varietas foemini etc.* Londini 1644), Salvat. Rosa, Sautherbourg, Steph. della Bella (*Diverses testes et figures etc.* 1650) и др.; отъ 1650 до 1700: J. Troyen, Seb. le Clerc, Sandrart, G. P. Rugendos, G. Valk, J. de St. Jean, H. Wening, Rom. de Hooghe (*Figures à la mode*). C. Luypen, J. H. Schallenger, C. Engelbrecht, J. A. Pfeffel и др. Къ важнымъ оригинальнымъ источникамъ принадлежатъ сверхъ того: портреты извѣстныхъ художниковъ (Рубенса, Ванъ-Дика, Мильарта, Риго и др.) и гравюры съ нихъ (Ворстермана, Эделянка, Масона и др.); картины жанристаовъ, въ особенности нидерландцевъ; батальныя картины (для которой половины столѣтія преимущественно французскихъ живописцевъ, прославлявшихъ кнѣзью побѣды Людовика XIV, какъ напр. Фонтъ-деръ Мелень), и различныя торжества — свадебныя, коронаціонныя, погребальныя и другія процессіи, особенно полезныя для ознакомленія съ оофициальными костюмами разныхъ государствъ.

Францією, стали постепенно переходить въ Испанію и французскія моды. Мужчины, впрочемъ, перенимали ихъ менѣе охотно чѣмъ женщины, и почти до исхода столѣтія продолжали носить свой чопорный испанскій костюмъ, т. е. гладко обнянутый короткополый камзолъ, шарообразные верхніе полуштаны, широкіе подбитые ватю поколѣнные панталоны и туго накрахмаленную широкую фрезу. Начинаясь тогда входить въ моду во Франціи длинный парикъ былъ принятъ въ Испанію сравнительно очень поздно и сначала только немногими важными особами и богатыми шеголями. — Вообще Испанцы такъ упорно держались привычной имъ одежды, что еще Филиппъ V (съ 1700) могъ поставить себѣ задачею, которую онъ и пытался серьезно выполнить, отчасти изъ государственныхъ соображеній — «измѣнить старый національный костюмъ».

Женщины, по крайней мѣрѣ высшихъ классовъ, были менѣе консервативны и охотно позволяли себѣ измѣнять старинный общепринятый костюмъ, хотя только въ частностяхъ и не нарушая его общаго характера «У испанокъ — замѣчаютъ Madame de Motteville и M-me de la Mothe d'Aunoy ¹ — роскошные волосы блестящаго чернаго цвѣта, смуглая кожа, большіе огненные глаза, правильныя черты лица, красивыя руки и такія маленькія ноги, что на нихъ пришлось бы въ пору башмачки шестилѣтняго ребенка. Недостатокъ румянца онѣ стараются замѣнить тѣмъ, что сильно трутъ себѣ лицо до тѣхъ поръ, пока оно не начнетъ лосниться, какъ будто его покрыли лакомъ. Ничто имъ такъ не противно, какъ здоровая полнота тѣла, въ особенности полная грудь. Чтобы остановить развитие грудей у подрастающихъ дѣвочекъ ихъ заставляютъ постоянно носить на груди свинцовыя пластинки, и это средство оказывается на столько действительнымъ, что у многихъ не только не видно никакой выпуклости на бюстѣ, но замѣтно даже углубленіе. Всѣ женщины, и знатныя и простыя, бѣлятся и румянятся такъ сильно, что человѣку непривычному кажутся отвратительными. Онѣ накладываютъ румянца не только на щеки, но и на лобъ, уши, плечи, руки, верхнюю губу, и чернятъ себѣ брови. Пожилыя дамы носятъ верхнее платье изъ чернаго или сѣраго, а молодыя изъ бѣлаго или цвѣтнаго атласа, или такихъ цвѣтовъ тафты. Оно гладко обхватываетъ талію и застегивается на пуговицы. Лифъ у него спереди высокій, такъ что закрываетъ грудь и часть шеи, а сзади онъ вырѣзанъ настолько глубоко, что половина спины остается на виду. Рукава узкіе съ утолщеніями на плечахъ, юбка такой длины, что въ нее удобно можно завернуть ноги, и испанки съ самаго дѣтства приучаются ходить наступая на юбку, такъ какъ приличіе обязываетъ ихъ какъ можно тщательнѣе закрывать ноги. Это соблюдается ими такъ строго, что порядочная женщина согласится скорѣе рискнуть жизнью, чѣмъ показать мужчине свои ноги. Особенное украшеніе платья составляетъ обшивка изъ небольшихъ образковъ, наз. *agnus dei*. — Колоколообразныя фижмы, которыя постоянно носили подъ платьемъ,

¹ M-me de Motteville. Mémoires pour servir à l'histoire d'Anne d'Autriche. Amsterdam. 1713 (особен. томъ V); M. K. de la Mothe d'Aunoy. Lettres d'un voyage en Espagne etc. в «Mémoires de la cour d'Espagne. Выдержки изъ этихъ и другихъ совр. сочиненій объ Испаніи у С. Meiners. Geschichte des weiblichen Geschlechts. III. Hannover 1800.

были оставлены при Карлѣ II только для параднаго и придворнаго туалета. Онѣ были замѣнены болѣе удобными французскими *vertugadins* и увеличеннымъ числомъ нижнихъ юбокъ, которыхъ зимою надѣвали отъ 8 до 12, а лѣтомъ отъ 6 до 8 штукъ. Эти юпки шили изъ самыхъ дорогихъ матерій — атласа, бархата, парчи, съ отдѣлкою кружевами. Самая нижняя юпка, въ 4 локтя шириною, дѣлалась вся изъ англійскаго кружева или изъ протканнаго золотомъ муслина, и стояла иногда отъ пяти до шести сотъ кронъ. — Знатные обоюго пола носили тонкія полотняныя сорочки, но такъ какъ полотно было очень дорого, то сорочекъ имѣли по немногу и мѣняли ихъ не часто для мытья. Существенную часть женскаго костюма составляли длинныя висячіе рукава, съ кружевною обшивкою, застегивавшіеся у кисти, и *mantilla* — накидка изъ легкой шелковой матеріи, доходившая до колѣнъ.

Женскія украшенія были такъ же неуклюжи, какъ и все платье. Ихъ составляли пояса изъ монетъ и реликвій, и, какъ непремѣнное дополненіе ихъ, снурокъ или веревка изъ бѣлой, черной или сѣрой шерсти, завязанная спереди и спускавшаяся концами до полу. Затѣмъ — кольца, браслеты, броши, серьги, головныя булавки. Всѣ эти вещи были очень цѣнны, но тяжелы и неизящны. Испанскіе ювелиры обдѣлывали драгоцѣнные камни такъ, что оправа почти совсѣмъ закрывала камень, на чтѣ однакожъ не обращали вниманія, считая что золото такъ же красиво, какъ и камень. Къ брошамъ, обыкновенно очень крупныхъ размѣровъ, прикрѣплялись снурки изъ жемчуга, или привѣшивались небольшія брошки, обыкновенно по шести съ каждой стороны большой. Серьги были такъ велики и тяжелы, что оттягивали уши. Иногда въ нихъ были вдѣланы небольшіе колокольчики, даже часы и тому подобныя вещи. Головныя булавки съ головками изъ цѣнныхъ камней, изображавшими бабочекъ, мухъ и др. насѣкомыхъ, были самымъ любимымъ головнымъ украшеніемъ. Голову убрали также лентами и разноцвѣтными перьями, которыя умѣли въ Испаніи превосходно окрашивать. Почти всѣ дамы носили парики, которые надѣвали сверхъ собственныхъ волосъ; волосы причесывали спереди широкимъ бандо, оставляя лобъ совершенно открытымъ, а сзади заплетали въ косы, которыя прикрѣпляли къ головѣ лентами. Пожилыя женщины покрывали себѣ волосы сѣткою изъ чернаго флѣра или чернаго кружева; придворныя дамы, выѣзжая верхомъ, надѣвали большія шляпы. Необходимую принадлежность наряднаго туалета составляли очки и башмаки на высокихъ каблукахъ или *ratins*. Очки носили и мужчины и женщины, и, какъ уже было выше замѣчено (стр. 22), единственно для возвышенія своей сановитости; и чѣмъ знатнѣе былъ носившій, тѣмъ большими размѣрами отличались его очки. Башмаки съ высокими каблуками дѣлались изъ парчи и бархата; каблуки, нерѣдко до полуфута вышиною, были позолочены. Въ такихъ башмакахъ дамы ходили не иначе какъ поддерживаемыя подъ руки двумя служителями, за то тѣмъ легче, воздушнѣе была ихъ походка, когда онѣ были обуты въ обыкновенные башмаки безъ каблукъ. Каждая дама имѣла въ рукахъ вѣтеръ и чотки. Эти послѣднія служили не только на молитвѣ, но ими забавлялись какъ игрушкою, постоянно перепуская между пальцевъ ихъ зерна, чтобы дать занятіе рукамъ. — Траурный костюмъ,

хотя и безобразившіи самых красивых женщин, тѣмъ не менѣе остался безъ всякихъ измѣненій.

Въ остальныхъ западныхъ странахъ Европы преобразованіе костюма совершались преимущественно подъ возраставшимъ вліяніемъ Франціи. При всемъ томъ мѣстные особенности костюма, по крайней мѣрѣ наиболее рѣзко выразившіяся, не вдругъ уступили этому вліянію, и прошло еще не мало времени до тѣхъ поръ, пока они болѣе или менѣе сгладились. Такое уравненіе началось не ранѣ половины столѣтія, съ царствованія Людовика XIV (1651 г.), и то лишь въ границахъ высшихъ сословій, между тѣмъ какъ средніе классы были имъ только отчасти затронуты, а нисшихъ же классовъ и жителей отдаленныхъ отъ большихъ городовъ мѣстностей оно почти вовсе не коснулось.

Во Франціи, до прекращенія регенства Маріи Медичи, костюмъ обоимъ половъ сохранялъ свои обычныя формы безъ всякихъ замѣтныхъ перемѣнъ. Измѣненіе его началось со вступленіемъ въ управленіе Людовика XIII и совершилось въ томъ направленіи, которое опредѣлилось личными вкусами короля, человека мрачнаго и холоднаго, любившаго только спокойствіе, и его супруги Анны Австрійской, принцессы воспитанной при испанскомъ дворѣ, слѣдовательно свыкшейся съ его чопорностью и строгимъ этикетомъ. — Несмотря однакожь на тишину воцарившуюся теперь при дворѣ и на отвращеніе короля къ роскоши, щегольство дорогими нарядами и уборами нисколько не уменьшалось, по крайней мѣрѣ между богатою знатью. Въ 1629 г. былъ изданъ законъ противъ роскоши, оказавшійся мало дѣйствительнымъ, такъ какъ онъ былъ многократно возобновляемъ (въ 1633, 1634, 1636 и 1639) и каждый разъ все въ болѣе строгой формѣ. Рисовальщикъ и граверъ Авраамъ Боссъ, вѣрный живописецъ своего времени, увѣковѣчилъ этотъ законъ въ нѣсколькихъ картинахъ съ объяснительными стихами.

Изъ желанія угодить королевѣ, которой нравилось все испанское, знатнѣйшіе и наиболее приближенные къ королевской четѣ придворные стали одѣваться на испанскій манеръ, вводя опять въ моду короткіе подушкообразные верхніе штаны (фиг. 351 а b). Но испанскій покрой даже и въ тѣсномъ кругу придворныхъ продержался недолго, уступивъ мѣсто другимъ болѣе свободнымъ фасонамъ; впрочемъ въ качествѣ парадной (форменной) одежды нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ онъ перешелъ даже въ 18-е столѣтіе.

Вскорѣ послѣ смерти Генриха IV, молодые придворные, а за ними и всѣ великосвѣтскіе щеголи, начали подражать въ прическѣ новому королю, Людовику XIII, тогда еще девятилѣтнему ребенку. Они отпускали себѣ длинные волосы и завивали ихъ густыми кудрями обрамливавшими всё лицо (ср. фиг. 353. а); при этомъ они или совсѣмъ брились или оставляли себѣ очень тонкіе усы, кончики которыхъ закручивали кверху, и едва замѣтную остроконечную бородку (*belle royale*). Когда же Людовикъ XIII, выйдя изъ дѣтскаго возраста, сталъ носить свои волосы свободно распущенными по плечамъ, то и придворные поспѣшили послѣдовать его примѣру.

Вскорѣ эта прическа сдѣлалась вообще модною и молодые щеголи старались превзойти другъ друга густотою и длиною своихъ волосъ. Одни раздѣляли ихъ по срединѣ головы проборомъ на двѣ широкихъ пряди, и концы каждой пряди, или одной какой нибудь, связывали вмѣстѣ цвѣтной лентой; другіе отращивали ихъ какъ можно длиннѣе и носили безпорядочно распущенными (фиг. 352). Но такъ какъ длинные и густые волосы были довольно рѣдки, особенно при тогдашнемъ разслаблявшемъ организмъ образѣ жизни, то недостатокъ природныхъ волосъ пополняли фальшивыми¹. Итальянскій поэтъ Маріано писалъ въ 1615 г. изъ Париза, что тамъ даже мужщины «носятъ на головѣ сдѣланную изъ волосъ фальшивую голову подъ названіемъ парика». Парики были усовершенствованы иѣкіимъ Эрве, который, благодаря изобрѣтенному имъ способу прикрѣплять волосы къ шелковой сѣткѣ, умѣлъ

Фиг. 351.

давать парикамъ всѣ желаемыя формы. Первымъ надѣвшимъ такой парикъ былъ аббатъ де-ла-Ривьеръ, въ 1620 г. Съ 1624 г. началъ носить парикъ и король, будучи вынужденъ къ этому уменьшеніемъ собственныхъ волосъ; примѣру короля послѣдовали придворные, и съ половины тридцатыхъ годовъ парикъ окончательно вошелъ въ моду въ большомъ свѣтѣ. — Съ 40-хъ годовъ вошло въ обычай носить одни усы, а бороду брить совершенно. Полную бороду носили только нѣкоторые ученые, духовные и старые люди. Пьеръ Камю (Р. Camus), епископъ въ Беллѣ (ум. 1652 г.), первый президентъ Мольтъ (ум. 1656) и герцогъ Сюлли (ум. 1641) ходили тоже въ бородѣ. Когда Сюлли, будучи разъ призванъ Людовикомъ XIII ко двору для совѣщанія, замѣтилъ, что находившіеся при королѣ молодые придворные смѣются надъ его немоднымъ костюмомъ и бородой, онъ сказалъ обращаясь къ королю: государь, когда славной памяти вашъ родитель оказывалъ мнѣ честь призывать меня къ себѣ для совѣщаній о важ-

ныхъ дѣлахъ, его первымъ дѣломъ было приказать всѣмъ шутамъ и вертопрахамъ придворнымъ выйти вонъ.

Измѣненіе прически повлекло за собою измѣненіе формы воротника. Высокая, крѣпко-накрахмаленная фреза не шла къ длиннымъ, распушеннымъ по плечамъ волосамъ, а потому вмѣсто нея стали носить, бывшіе въ модѣ уже при Генрихѣ III, небольшіе отложные воротники, обшитые кружевами и завязывавшіеся снурками съ кистями (фиг. 352; ср. фиг. 222 а). — По той же причинѣ изъ всѣхъ головныхъ покрывшекъ получила предпочтеніе мягкая широкополая шляпа, вскорѣ сдѣлавшаяся исключительнымъ мужскимъ головнымъ уборомъ. Такія шляпы дѣлались съ очень широкими полями, бѣлаго или вообще свѣтлыхъ цвѣтовъ (рѣдко темнаго или чорнаго), съ двумя или тремя широкими перьями бѣлаго, краснаго и голубаго цвѣта. Эти шляпы продержались до смерти короля, когда ихъ мало по малу стали замѣнять жесткими коническими шляпами чорнаго цвѣта, съ узкими полями и безъ перьевъ.

Фиг. 352.

Камзолъ, сохраняя свою прежнюю форму (фиг. 351 а), въ теченіи двадцатыхъ годовъ замѣтно измѣнился въ томъ отношеніи, что сталъ значительно свободнѣе. Узкій выпускъ его расширился въ полы достаточно длинныя, чтобы закрывать нижнюю часть туловища (фиг. 352 а b); въ тоже время талія его поднялась кверху, особенно сзади (фиг. 352 а; 354 b), а иногда только обозначалась рядомъ цвѣтныхъ бантовъ немного пониже груди (фиг. 353; 351 b). Складки на плечахъ были совсѣмъ отброшены; рукава стали шире, получивъ разрѣзы во всю свою длину (фиг. 353), какъ прежніе висячіе, или по старинной модѣ, прорѣзы у плеча, вокругъ локтя и у кисти (фиг. 352 b; 354); впрочемъ съ тридцатыхъ годовъ, вошли опять въ моду узкіе рукава. Такъ какъ камзолъ носили обыкновенно застегнутымъ только

у ворота или немного ниже, то на немъ иногда не нашивали пуговицъ по всему борту (фиг. 353). — По вступленіи на престолъ малолѣтняго Людовика XIV придворные ввели въ моду узкорукавныя курточки настолько короткія, что между нижнимъ краемъ куртки и тальей оставалось широкое пространство закрытое только сорочкой. Этотъ дѣтскій костюмъ сдѣлался впослѣдствіи моднымъ и въ двора. — Маншеты стали отложными подобно воротникамъ, и такъ же какъ они обшивались кружевами.

Панталоны получили форму занимавшую середину между широкими сборчатыми и узкими поколѣнными штанами (фиг. 224; 225). Они были настолько широки, что дѣлали умѣренные складки, доходили до колѣнъ или обыкновеннѣе до икръ и внизу завязывались широкими лентами (фиг. 353 b), или обшивались буфами изъ лентъ (фиг. 354), или вмѣсто нихъ, кружевами. Иногда на этихъ панталонахъ дѣлались внизу разрѣзы, которые закладывались цвѣтною подкладкою или еще чаще полотномъ (фиг. 352 a b). Старинные широкіе шаровары, завязанные у колѣнъ (фиг. 356 b), съ тридцатыхъ годовъ встрѣчались лишь у людей средняго класса и у военныхъ; въ высшемъ же кругу, въ особенности къ концу царствованія Людовика XIII, общепотребительными сдѣлались гладко обхватывающіе ногу панталоны усаженные, начиная съ талии, горизонтальными рядами бантовъ, постепенно уменьшающимися къ низу.

Фиг. 353.

Такъ какъ король, какъ страстный охотникъ и любитель верховой ѣзды, почти постоянно носилъ сапоги, то уже давно начавшаяся борьба между башмаками и сапогами окончилась въ пользу послѣднихъ. Башмаки были оставлены исключительно для параднаго и бальнаго костюмовъ, обычною же обувью сдѣлались высокіе сапоги съ разнѣнными краями и кожаными наш-

порниками (фиг. 351). Голенища сапогъ (если послѣдніе не назначались для верховой ѣзды) дѣлались довольно широкія и болѣею частью отворачивались до половины икры (фиг. 353 а) и отвороты обшивались круже-

Фиг. 354.

вомъ. Изъ этой формы вскорѣ образовалась новая — сапоги съ укороченными и очень широкими и притомъ твердыми голенищами, которыя, расширяясь воронкообразно почти уже отъ каблуковъ, по своей ширинѣ и твердости не могли быть отворачиваемы и окружали ногу широкимъ раструбомъ (фиг. 352 б; 354 а; 356 а). Съ расширеніемъ голенищъ, стали шире и носки сапогъ и напюрники; послѣдніе дѣлались нерѣдко такой ширины, что закрывали почти всю ступню (фиг. 354 а). Любимыми цвѣтами для сапогъ были желтый и свѣтлоричневый, но въ 40-хъ годахъ начали появляться сапоги изъ темнокоричневой, черной и бѣлой кожи. Еще позднѣе, во время малолѣтства Людовика XIV, вошло въ моду обшивать кружевами и края раструбовъ. — Модные башмаки дѣлались бѣлые атласные, на высокихъ красныхъ каблукахъ и съ большими розетками на подъемѣ. Для защиты сапогъ и башмаковъ отъ мокроты въ дурную погоду носили родъ галошъ изъ твердой кожи или вмѣсто нихъ деревянныя подвязныя подошвы (фиг. 354 б).

Верхняя одежда стала вообще шире и длиннѣе, такъ что обыкновенно закрывала колѣна (фиг. 355 и слѣд.); короткій безрукавный плащъ надѣвали только при парадномъ костюмѣ. Для ежедневнаго употребленія служили накидки съ рукавами, которыя, при болѣе богатой от-

дѣлѣтъ петлицами, пуговками и пр., приняли теперь форму настоящихъ пальто, но съ короткими или до половины завороченными рукавами (фиг. 354; 355, в) Ихъ впрочемъ рѣдко надѣвали въ рукава (фиг. 356 а), развѣ только зимой, а просто накидывали. Какъ и безрукавные плащи (фиг. 356 б), эти накидки дѣлались съ воротникомъ и безъ него, и иногда опушались и подбивались мѣхомъ.

Фиг. 355.

Необходимую принадлежность моднаго костюма составляли перчатки, различныя мелкія украшенія, въ томъ числѣ и такъ наз. *faveurs*, *шпага*, которую съ половины двадцатыхъ годовъ стали носить (вмѣсто поясной портупеи) на перевязи (фиг. 352 и слѣд.), и, снова введенная въ моду, длинная трость. Перчатки, большею частью съ раструбами, дѣлались изъ тонкой кожи свѣтлыхъ цвѣтовъ и бѣлаго. *Faveurs*, или залогъ любви ¹ полученные въ подарокъ отъ дамы, состояли большею частью изъ нѣжныхъ бабтовъ, иногда украшенныхъ золотомъ и драгоценными камнями. Ихъ обыкновенно носили на плечѣ или на груди (фиг. 353 б и 354).

По смерти Генриха IV, принятый въ высшемъ обществѣ темный цвѣтъ костюма уступилъ мѣсто сочетанію яркихъ и свѣтлыхъ цвѣтовъ — краснаго, голубаго, свѣтло-зеленаго, желтаго и бѣлаго съ умѣренною примѣсью чорнаго. Эти цвѣта оставались въ модѣ (только гугеноты продолжали одѣваться въ темное) до смерти Людовика XIV, когда они были снова оставлены для темныхъ цвѣтовъ, однакожъ на короткое время.

Женщины подражали мужчинамъ какъ въ костюмѣ, насколько это позволялъ покрой ихъ одежды, такъ и въ уборкѣ волосъ. По примѣру ихъ, онѣ во время малолѣтства короля причесывались à l'enfant, и затѣмъ

¹ Ср. о нихъ у Meiners. *Geschichte des weiblichen Geschlechts*. II 272.

носили волосы распущенными по плечамъ, какъ и король въ молодыхъ лѣтахъ. Однакожъ въ отлѣчѣе отъ мужицъ, онѣ отмѣтили обѣ эти формы прически нѣкоторыми особенностями. Именю, причесываясь à l'enfant, онѣ оставляли непосредственно надъ лбомъ узкую полоску приглаженныхъ книзу волосъ (фиг. 358), которая получила очень неудобное названіе; а распущенные волосы онѣ носили не растрепанными, какъ мужчины, а гладко расчесывали и распускали по плечамъ широкими прядями, которыя завивали въ мелкія кудри или въ длинныя локоны (фиг. 359 б). Волосы на за-

Фиг. 356.

тылкѣ заплетали въ косы или просто раздѣляли на пряди и обвивали ими голову, переплетая ихъ жемчужными нитками, лентами и убирая бантами и цвѣтными перьями. — Головные уборы, уже и прежде употреблявшіеся рѣдко, были теперь совсѣмъ оставлены; только за городомъ, въ деревнѣ, носили мягкіе широкополая шляпы, похожія на мужскія.

Платье совершенно измѣнило свою форму. Широкія сборчатая *vertugalles* или *vertugadins* (фиг. 229), уменьшаясь постепенно въ объемѣ, около 1620 года частью были замѣнены рядомъ короткихъ закругленныхъ лопастей, частью совсѣмъ оставлены, и снова вошла въ моду гладкая, спереди оканчивающаяся мысомъ талля; вмѣстѣ съ этимъ юбки нижняго и верхняго платья (робы), не растягиваемыя фижмами, сложились въ складки, а юбка робы удлинилась, почему еѣ обыкновенно приподнимали или только спереди, или со всѣхъ сторонъ. Вырѣзъ лифа расширился; только рукава сохранили свой прежній фасонъ и прежнюю очень любимую отдѣлку поперечными буфами съ продольными небольшими прорѣзами, подложенными матеріею отличнаго отъ платья цвѣта (фиг. 357 а; 299 а; 230 а).

Большіе стоячіе кружевные воротники на проволоку (фиг. 229; 230 б) продолжали еще носить до 1620 г., съ этого времени до 1630 г. носили

такіе же воротники, но болѣе отогнутые къ низу (фиг. 357), а съ 1630 г. вошли въ моду отложные гладкіе воротники, совершенно похожіе на мужскіе (фиг. 358). Обнаженіе шеи и груди, а съ двадцатыхъ годовъ и рукъ, дошло до того, что многія дамы носили лифы едва прикрывавшіе имъ нижнюю часть груди. Одной дамѣ, лившейся въ такомъ открытомъ платьѣ къ обѣденному столу во дворецъ, король, взявъ въ ротъ виша, брызнулъ на грудь. Выраженное такимъ образомъ неудовольствіе короля по-

Фиг. 357.

дѣйствовало. Съ тѣхъ поръ по крайшей мѣрѣ придворныя дамы стали закрывать себѣ грудь и даже шею кружевными косынками, и прежнее утрированное обнаженіе постепенно замѣнилось такимъ же утрированнымъ закутываніемъ груди и шеи до подбородка. Но это продолжалось недолго: какъ только король умеръ, — косынки были оставлены и грудь и шея снова обнажились. — Талія женскихъ платьевъ, также какъ и мужскихъ кафтановъ, въ двадцатыхъ годахъ поднялась почти до груди (фиг. 358); но съ 1635 г. снова вошла въ моду длинная оканчивающаяся спереди мысомъ талія и продержалась во все время регенства королевы-матери (фиг. 359); короткій лифъ дѣлался спереди раскрытымъ во всю длину и застегивался тремя или четырьмя петлицами (brandebourgs), у богатыхъ платьевъ ювелирной работы, у простыхъ изъ одной матеріи съ платьемъ; длинный лифъ, тоже раскрытый спереди, зашнуровывался крестъ-на-крестъ (фиг. 359 b) шнурами. Подъ лифомъ носили нарядный нагрудникъ, закрывавшій отверстіе лифа. — Поперечные валики или буфы, покрывавшіе рукава отъ плеча до кисти, были сначала замѣнены двумя буфами, между плечомъ и локтемъ, а затѣмъ, въ тридцатыхъ годахъ, буфированье рукавовъ было оставлено и фасонъ ихъ значительно измѣнился: они стали короче и уже и буфы ихъ сплюснулись. Подъ рукава нижняго платья надѣвали мапшеты кружевные

или гладкія, отворачивавшіяся на рукавъ. Узенькою манжеткою обшивали также и края рукавовъ верхняго платья. Юбка, какъ нижняго, такъ и верхняго платья, утратила часть своей полноты и длины; шлейфы были значительно укорочены или даже совсѣмъ оставлены для обыкновеннаго, не параднаго платья. При короткомъ раскрытомъ лифѣ юбка дѣлалась раскрытая спереди и обшивалась по краямъ тоже петлицами и пуговками (фиг. 358). У платьевъ съ длиннымъ лифомъ, разрѣзъ юбки дѣлался такъ,

Фиг. 358.

что края его постепенно расходились отъ талии къ подолу; чтобы показать нижнее платье, полы верхняго или отворачивали только спереди (фиг. 359 b), или приподнимали со всѣхъ сторонъ и пристегивали у талии. Изобрѣтательницами этого фасона были дамы средняго сословія, которыя такимъ же образомъ носили и глухія платья (нераспахивныя: фиг. 359 а). Нижнее платье дѣлалось обыкновенно изъ плотныхъ матерій, шелковыхъ или шерстяныхъ, и отдѣлялось также богато, какъ и верхнее. Въ высшихъ классахъ для него выбирали почти исключительно свѣтлые цвѣта (бѣлый, желтый, голубой), тогда какъ верхнее платье носили предпочтительно темныхъ цвѣтовъ, не исключая и чернаго.

Обувь осталась прежняя — башмаки съ бантомъ или розеткой на носѣ. Въмѣсто *patins* (см. выше стр. 47), которые уже и при Генрихѣ IV начали выходить изъ употребленія, по смерти его стали носить, для увеличенія роста, башмаки на подошвахъ толщиной отъ 3 до 4 дюймовъ. Женскія галоши походили совершенно на мужскія.

И дамы, подобно мужчинамъ, украшали свой костюмъ кружевами, лентами и такъ наз. *faveurs*. Эти *faveurs*, большею частью въ формѣ сдѣ-

ланной изъ лентъ розетки, имѣли различное значеніе и соотвѣтственное этому значенію названіе и мѣсто на костюмѣ. Такъ напр. *mignon* (милый, любезный) носили на груди противъ сердца; *assassin* (убійственный) — на шеѣ; *badin* (шутливый) — на талии, *galant* (влюбленный) — на головѣ. Кромѣ того были тайные *faveurs*, которые носили подъ платьемъ, непосредственно на тѣлѣ, и цѣлый секретный туалетъ изъ парфюмированныхъ вещей, лентъ и *nonpareilles*. — По смерти Генриха IV, какъ бы взявъ пудры, которая была оставлена, явились мушки (*mouches*), но эта мода распространялась весьма медленно и утвердилась не ранѣе 40-хъ годовъ. Въ началѣ противъ нея рѣзко возставали, и одинъ парижскій духовный, нѣкто *Pierre Juvenay*, написавшій *Discours contre les femmes debrailées de ce temps*

Фиг. 359.

(Рѣчь противъ растрепанныхъ женщинъ. Въ 1637 г. вышла 3-мъ изд.), называетъ еѣ отвратительною, замѣчая, что «облѣпленная мушками женщина способна скорѣе оттолкнуть отъ себя мужчину чѣмъ привлечь его къ себѣ, потому что каждая такая мушка заставляетъ предполагать, что подъ нею скрыто какое нибудь безобразіе — нарывъ, оспенная язвина или угорь (*quelque rongue, pustule, clou ou autre farcin*)». Мушки носили на лицѣ и на груди и различныхъ формъ, имѣвшихъ каждая свое значеніе, названіе и определенное мѣсто.

Излишнее обвѣшиванье себя драгоценными вещами — толстыми золотыми цѣпями, большими серьгами и т. д., почти совѣтъ прекратилось: даже самыя богатыя женщины довольствовались простою или двойною ниткою жемчуга

на шеѣ, взявъ всѣхъ этихъ украшеній. Точно также уменьшилось употребленіе масокъ (фиг. 357 с), такъ какъ теперь не находили цужымъ скрывать своихъ походженій. Напротивъ того усилилось и постоянно возростало употребленіе небольшихъ поясныхъ зеркалецъ (фиг. 358 а), золотыхъ осыпанныхъ камнями часовъ (фиг. 357 а), богато отдѣланныхъ складныхъ вѣровъ (фиг. 358 а; 359 в), тонкихъ обшитыхъ кружевами носовыхъ платковъ, шелковыхъ и кожаныхъ перчатокъ свѣлыхъ цвѣтовъ, парасолей и, кромѣ разныхъ другихъ мелочей, мѣховыхъ муфтъ, которыя были перешиты отъ итальянокъ (фиг. 375 в). — Какъ тратились нныя модницы на одни мелочныя украшенія и косметики, можно судить по тому, что извѣстная Маріонъ Делормъ издерживала въ годъ на перчатки, вѣра, помаду и духи до пятидесяти тысячъ талеровъ, которыя и уплачивала за нее ея любовникъ Эмери.

Когда Людовикъ XIV вступилъ самостоятельно въ управленіе Франціею, господствовавшая въ высшихъ кругахъ наклонность къ роскоши нашла себѣ въ молодомъ королѣ такого ревностнаго поощрителя, что охватила всѣ классы населенія. Много способствовало этому поднятіе отечественной промышленности и торговли, достигнутое усиліями Кольбера. Многіе предметы роскоши, которые прежде получались изъ-за границы, теперь начали выдѣлывать дома, въ особенности кружева и бордюры, и всѣ прежнія постановленія, ограничивавшія употребленіе ихъ, были отмѣнены (въ 1661 г.), какъ вредныя развитію возникавшихъ производствъ. Кольберъ устроилъ въ собственномъ своемъ замкѣ де-Лонрэ, близъ Алансона, мастерскую для выдѣлки тѣхъ знаменитыхъ кружевъ, которыя стали извѣстны подъ названіемъ *point d'Alençon* или *point de France*. Но еще важнѣе для французской промышленности были заведенныя имъ же обширныя фабрики дорогихъ матерій, венеціанскихъ кружевъ и шелковыхъ чулковъ, не только удовлетворявшія внутреннему потребленію этихъ фабрикатовъ, но и выпускавшія ихъ на большія суммы ежегодно за границу. Точно также и производство шерстяныхъ издѣлій, какъ-то суконъ и другихъ матерій, которыя доселѣ вывозились преимущественно изъ Англіи и Голландіи, приняло благодаря ему такое развитіе, что уже въ 1669 г. во Франціи насчитывалось 44200 ткачей. Успѣхи французской промышленности, въ особенности предметовъ роскоши, были такъ быстры, что по замѣчанію виконта Болинброка, высказанному въ началѣ 18 столѣтія, Англія и остальныя европейскія страны переплачивали Франціи ежегодно отъ 5 до 6 сотъ тысячъ фунт. стерл. за «однѣ только безполезныя нарядныя тряпки».

Дѣтскій костюмъ, принятый по смерти Людовика XIII придворными его тогда еще пятнадцатилѣтняго преемника, сдѣлался скоро моднымъ. Всякій, кто сколько нибудь сообразовался съ господствующимъ вкусомъ, носилъ короткую, по ширину ладони недоходящую до талии, узкую курточку, съ узкими рукавами по локоть, такъ что промежутокъ между курточкой и панталонами, и руки начиная съ локтя до кисти закрывались только сорочкой (ср. фиг. 360); узкіе пли (впослѣдствіи, большею частью) широкіе панталоны по-колѣно съ разрѣзами внизу, отдѣланные лентами и кружевами; гладко обтягивавшіе ногу чулки и короткіе сапоги съ широкими растрѣбами; на шеѣ гладкій отложной воротникъ, шитую перевязь черезъ плечо, на

длинныхъ въ локонахъ волосахъ высокую шляпу съ узкими прямыми полями, и сверхъ курточки наброшенное на одно плечо короткорукавное пальто. Исключеніе составляли старые люди, не придерживавшіеся моды, и военные, которые вмѣсто курточки носили кафтанъ. — Послѣдующія измѣненія моднаго костюма, которыя всѣ исходили отъ короля и имъ какъ бы предписывались, состояли въ слѣдующемъ:

Курточки стали обшивать по бортамъ и по краямъ рукавовъ двойною гофрированную оборкою изъ тонкаго полотна. Выпущенные рукава сорочки, обшитые широкими маншетами, перехватывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ цвѣтными лентами и взбивали буфами; воротной разрѣзъ на сорочкѣ дѣлали длинный, вплоть до талии, и обшивали его довольно широкимъ кружевомъ. Съ 1665 г. начали носить короткіе шаровары, которые подвязывались надъ колѣнами или даже на половинѣ бедра и въ родѣ прежней *trousse* (фиг. 217) спускались широкими вздутыми складками на колѣна (фиг. 361). Они назывались *rheingrave*¹ и получили это названіе, какъ сообщаетъ

Фиг. 360.

Жиль Менажъ, по имени своего изобрѣтателя — фонъ-Рейнграфа, бывшаго губернаторомъ въ Мастрихѣ. Одновременно съ этими шароварами или немного позднѣе вошли въ моду довольно широкія, но короткія по-колѣно юпки, отдѣланныя лентами и разными обшивками (фиг. 360 а); ихъ надѣвали сверхъ шароваръ. Чулки носили съ широкими кружевными отворотами воронкой, называвшимися *сапона* (фиг. 361). Сапоги были совершенно изгнаны изъ высшаго общества и во всѣхъ случаяхъ (кроме верховой ѣзды) замѣнены башмаками, форма и отдѣлка которыхъ тоже измѣнилась: носокъ сталъ длиннѣе и уже; каблукъ, сохраняя свою прежнюю вышину и

¹ Мольеръ въ *Мизантропѣ* (актъ II, сц 1) называетъ ихъ *vaste rheingrave*.

свой прежній цвѣтъ (красный), значительно утонился къ низу; розетки съ подъема сдвинулись на носокъ, уступивъ мѣсто широкимъ распяленнымъ бантамъ въ видѣ бабочки. Перевязь (черезъ плечо) стала шире и длиннѣе, почему и висящая на шей шпага спустилась ниже (фиг. 360 а). Перчатки отдѣлывались лентами и кружевными обшивками. Шляпы, обильно украшенныя перьями, стали ниже въ тульѣ и шире въ поляхъ, которыя слегка загибали съ боковъ.

Немнѣе одежды измѣнилась и прическа. Въ ранней молодости король, имѣвшій прекрасные волосы, не охотно скрывалъ ихъ подъ парикомъ, но уже съ половины 50-хъ годовъ столѣтія онъ сталъ носить парикъ постоянно и тѣмъ способствовалъ его распространенію въ обществѣ. Въ 1655 г. онъ назначилъ полный штатъ придворныхъ парикмахеровъ, состоявшій изъ 48 человекъ, а въ слѣдующемъ году учредилъ цѣлую корпорацію изъ двухъ сотъ парикмахеровъ для Парижа и его предмѣстій. Въ 1670 г. королевскому лейбъ-парикмахеру Бинету (Binette) удалось изобрѣсти парикъ названный имъ binette (*grand in-folio*). Парикъ этотъ, удостоившійся особеннаго одобренія короля, представлялъ массу бѣлокурыхъ локоновъ, густою гривой спускавшихся съ головы на плечи, грудь и спину (фиг. 360 и слѣд.) и стоилъ до 1000 талеровъ¹. Несмотря однакожъ на высокую цѣну, онъ тотчасъ же былъ принятъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, и даже тѣ немногіе изъ приближенныхъ ко двору, которые, какъ великій Конде, не хотѣли носить парика, причесывали и даже подкрашивали свои волосы à la binette. Кто не имѣлъ возможности платить тысячи талеровъ, тотъ покупалъ себѣ парикъ меньшаго объема, стоившій дешевле; еще менѣе состоятельные люди обзаводились за незначительную цѣну париками изъ лошадиныхъ волосъ, козьей шерсти и т. д. Словомъ, отъ короля до простаго горожанина все стали носить парикъ, а собственные волосы гладко стричь. Бороду брили, оставляя едва замѣтные усы и очень небольшую бородку, названную въ послѣдствіи à la royale. — Такъ какъ новый парикъ совершенно закрывалъ шею сзади и съ боковъ, то вмѣсто широкаго отложнаго воротника стали носить узкій, спускавшійся на грудь двумя лопастями и завязывавшійся подъ подбородкомъ шнуркомъ съ кистями. Затѣмъ, въ 60-хъ годахъ, появился и настоящій галстукъ, который обвивали вокругъ шеи и завязывали напередѣ узломъ. Такіе галстуки назывались *crovates*, оттого, будто-бы, что они были переняты отъ хорватъ (кроатъ = *Croates*, *Crovates*)².

Записные щеголи (*mugnets*, какъ они тогда назывались)³ носили на себѣ такое изобиліе лентъ, бантовъ, кружевъ, золотого шитья, драгоценныхъ камней, которыми были украшены все части ихъ костюма отъ шляпы до башмаковъ включительно, что походили на разряженныхъ женщинъ (фиг. 361); многіе изъ нихъ даже румянились, чернили себѣ брови и

¹ Marquise de Sévigné. — Recueil de lettres. Paris 1754. IV. 5. 306. — ² О галстукахъ см. *Cravatianna oder neueste Halstuch-Toilette für Herren etc. Nach dem Französischen*. 3 Aufl. Ilmenau 1828. — и A. Debaïs. *Modes et parures etc.* p. 109., гдѣ говорится что галстукъ, *crovate*, начали носить уже при Людовикѣ XIII, чему однакожъ мы не удалось найти достовѣрнаго подтвержденія въ современныхъ изображеніяхъ костюмовъ. — ³ Ср. Мольера Мизантропъ, дѣйствіе I явл. 2; Школа мужей. I, 1; Скупой — II, 6.

ааклеивали на лицо мушки. Таковъ былъ между прочимъ и герцогъ Орлеанскій, при всемъ своемъ мужествѣ, доказанномъ имъ впоследствии на ратномъ полѣ, не уступавшій въ женонподобности своего туалета прежнимъ *mignons*¹.

Во время своего пребыванія въ Нидерландахъ при арміи (1654—1659) король привыкъ носить сверхъ своего обыкновеннаго платья просторный короткорукавный кафтанъ, на манеръ солдатскаго (*souquenille*), надѣвая его въ рукава и спереди застегивая. Этотъ кафтанъ нѣсколько суженный, но все-таки безъ талии, сдѣлался съ 1664 г. модною свѣтской одеждой подъ названіемъ *justaucorps*. По бортамъ и по швамъ его обшивали богатыми каймами, спереди дѣлали карманы, а на плечахъ украшали пучками лентъ. Носили его застегнутымъ на груди и подпоясаннымъ широкимъ шарфомъ, длинные концы котораго, обшитые бахромой, завязывали пышнымъ бантомъ (фиг. 361).

Фиг. 361.

Въ 70-хъ годахъ покрой *justaucorps* значительно измѣнился: рукава стали длиннѣе, заворачиваясь къ локтю широкими отворотами, обыкновенно отличными отъ самого кафтана по цвѣту и матеріи; станъ сѣзился настолько, что теперь уже плотно прилегалъ къ снѣгѣ, слегка выгибаясь на талии, между тѣмъ какъ полы оттопырились книзу воронкообразно, и весь кафтанъ принялъ характеръ картошности, которую еще болѣе усиливала доведенная до излишества отдѣлка нитьемъ, галуномъ и т. п. Банты на плечахъ исчезли (фиг. 362). Въ 90-хъ годахъ *justaucorps* снова утратилъ нѣсколько своей негибкости, сохранивъ однакожъ прежній покрой, и оставался такимъ до 1700 года (ср. фиг. 372).

Вмѣстѣ съ кафтаномъ измѣнились и всѣ остальные части костюма: короткая курточка (поверхъ которой надѣвали *justaucorps*) превратилась въ длинный по-колѣно камзолъ съ длинными же, книзу расширенными, рукавами, и съ рядомъ пуговицъ по борту (фиг. 362 b). Поколѣнные шаровары замѣнились узкими такой же длины панталонами, завязывавшимися пониже колѣна широкою лентою, и уже безъ всякой отдѣлки бантами и кружевами. Кружевные отвороты у чулокъ были тоже откинуты, и верхній край чулка, который прежде скрывался подъ шароварами, теперь натягивали сверхъ панталонъ; такая манера носить чулки называлась *à saçon à la royale*. Башмаки, по прежнему на высокихъ красныхъ каблукахъ, стали носить съ высокими клюшами, но безъ всякихъ бантовъ. Сапоги, употреб-

¹ Voltaire Siècle de Louis XIV. Berlin 1751. I, 226.

лявшиея единственно для верховой ѣзды, дѣлались теперь высокіе, съ широкимъ раструбомъ заходившимъ за колѣно, и обыкновенно черные. — Широкий бѣлый галстукъ (*cravate*), завязанный спереди узломъ, вытяснись, съ 1680 г., совершенно прежній воротникъ (фиг. 360 б). Длинные концы галстука или распускали по груди, или, свернувъ, закладывали за камзолъ. Эта послѣдняя манера носить галстукъ называлась *à la Steinkirk*, потому что передъ сраженіемъ при Штенкеркентъ (1692 г.) офицеры королевскихъ войскъ спрятали подъ камзолъ концы своихъ очень длинныхъ галстуковъ, чтобы они не мѣшали.

Фиг. 362.

Изъ различныхъ фасоновъ париковъ, первое мѣсто продолжалъ занимать *grand in-folio* (*binette*). Находили, что онъ придаетъ лицу и всей фигурѣ особую саовитость и величавость. Самъ король былъ въ этомъ такъ убѣжденъ, что постоянно носилъ его, и безъ него никому не показывался. Поэтому же онъ сдѣлался любимымъ головнымъ уборомъ высшихъ саовниковъ, ученыхъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ импозировать своей наружностью. Тѣмъ не менѣе, въ 70-хъ годахъ, бѣлокурый цвѣтъ его былъ перемѣненъ на каштановый и самая его форма утратила прежнюю строгую симметричность, а въ 1690 г. онъ уже представляется въ такомъ видѣ: передніе локоны взбиваются въ два невысокіе тупея, а задніе спускаются очень низко, нерѣдко ниже талъп, между тѣмъ какъ боковые по прежнему только покрываютъ плечи (фиг. 362 а). У шляпъ тулья стала еще ниже, а поля шире. Сначала поля слегка загибаливерху вокругъ всей шляпы, потомъ только съ боковъ, но выше, а съ 1675 г. съ боковъ и спереди,

обшивая при этомъ край ихъ снаружѣ бордюромъ, а съ внутренней стороны подкладывая проволоку (фиг. 362).

Широкая перевязь черезъ плечо для шпаги сдѣлалась, вмѣстѣ съ широкимъ шарфомъ, принадлежностью исключительно военнаго костюма. Певвоенные носили шпагу на поясной портупеѣ, которая до 1690 г. надѣвалась сверхъ кафтана, а потомъ подъ нимъ, причеиъ и шпага отодвигалась все болѣе назадъ, и принимала все болѣе горизонтальное положеніе. — У перчатокъ раструбы стали еще шире, а отдѣлка галуномъ или бордюрами скромнѣе; перчатки носили всѣхъ цвѣтовъ, преимущественно свѣтлыхъ, неисключая и яркозеленаго, который былъ особенно въ модѣ.

Что касается разныхъ мелкихъ принадлежностей туалета, какъ-то тростей, драгоценныхъ украшеній, также какъ и косметическихъ средствъ, румянъ, мушекъ и т. д., то въ нихъ не произошло никакихъ перемѣнъ и приращеній, кромѣ развѣ муфтъ, которыя съ половины 80-хъ годовъ стали носить и мужчины, прикрѣпляя ихъ снуркомъ спереди на талии.

Относительно общаго вида костюма можно замѣтить, что въ немъ преобладали свѣтлые цвѣта и узорныя матеріи вмѣстѣ съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ и вышивками изъ разноцвѣтнаго шолка. Съ 80-хъ годовъ при дворѣ начали одѣваться одноцвѣтнѣе и темнѣе. Самъ король, обратившійся теперь къ пубожности, носилъ темнокоричневый кафтанъ, однакожъ отдѣланный золотымъ шитьемъ, такого же цвѣта камзолъ и нѣсколько болѣе свѣтлые панталоны и чулки (фиг. 362 а).

Женскія моды создавались любовницами короля и потому носили на себѣ отпечатокъ ихъ личныхъ вкусовъ. При Монтеспанъ женскій костюмъ отличался богатствомъ матерій и отдѣлки; во время красавицы Фонтанжъ въ немъ было все принаровлено къ возбужденію чувственности; съ появлениемъ маркизы де-Ментэнонъ онъ принялъ характеръ расчитанной простоты и лицемѣрной скромности. Формы его измѣнялись впрочемъ весьма медленно и постепенно, не только въ главныхъ частяхъ, но и въ деталяхъ. Измѣненія верхняго распашнаго платья — робы, ограничились тѣмъ, что юбка его стала полнѣе и снова удлинилась въ шлейфъ; полы юбки сначала по прежнему отворачивали, но уже не отъ самой талии, а нѣсколько ниже, и отвороты соединяли сзади пониже спины; вскорѣ затѣмъ ихъ стали скатывать въ круглыя валики, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ перехватывались лентами или даже золотыми обручами съ камнями, жемчугомъ и т. п. Эти валики (bouillons), представляя подкладку робы, отличались отъ нея и цвѣтомъ и матеріею; начинаясь у самой талии, они шли къ низу расходясь все шире, нерѣдко такъ, что нижнее платье открывалось спереди во всю свою ширину (фиг. 363 а). — Нижнее платье стало полнѣе, по вообще сохранило свой прежній закрытый фасонъ. Его шили изъ двуцвѣтныхъ матерій съ крупнымъ узоромъ, спереди нашивали во всю его длину рядъ фальшивыхъ петель или застежекъ и отдѣлывали широкимъ вышитымъ бордюромъ по подолу и по обѣимъ сторонамъ ряда застежекъ (фиг. 369 б). Знатныя и очень богатныя дамы носили зимою нижнее платье мѣховое, изъ какого нибудь дорогаго мѣха, съ бархатной узенькой оторочкой; или подъ нижнее платье изъ тяжелой шолковой или иной плот-

ной матеріи надѣвали другое не менѣ богатое, съ широкою мѣховою опушкою, которое и показывали слегка приподнимая первое.

Лифъ съ заостренною тальей и широкимъ вырѣзомъ вытѣснилъ все другіе фасоны. Несмотря на то что онъ былъ и такъ уже очень узокъ, его старались сѣзуть еще болѣе и для этой цѣли носили подъ нимъ корсетъ особеннаго устройства. Корсетъ этотъ, составленный изъ клиньевъ крѣпкой матеріи, китоваго уса и желѣзныхъ пластинокъ — одной спереди, и другой двойной сзади, — имѣлъ форму воронки, съ выгибами для груди, и зашнуровывался сначала спереди, а позднѣе на спинѣ. Женщины среднихъ классовъ, покрывали такой корсетъ матеріей (бархатомъ, шолкомъ и т. д.), пришивали къ нему плечки и носили вмѣсто лифа, оставляя на немъ спереди треугольное отверстіе, которое зашнуровывали крестъ на крестъ. Этотъ лифъ былъ подражаніемъ самостоятельному модному лифу, тоже спереди открытому, который однакожь скоро уступилъ мѣсто закрытому, съ отдѣлкой золотыми застежками, аграфами, вышитыми бордюрами и т. п. (фиг. 363). Но мѣръ того какъ вырѣзъ лифа становился глубже, рукава все укорачивались; отложной воротникъ превратился въ узкую оборку; обнаженные руки отъ плеча до локтя прикрывались короткимъ рукавомъ изъ тонкаго полотна, обшитымъ кружевами (фиг. 363), а отъ локтя и вмѣстѣ съ

Фиг. 363.

кистью длинными перчатками доходившими до локтеваго сгиба. Обнаженіе шеи, распространившееся и на грудь, снова вызвало порицаніа и въ 1675 г. появилось сочиненіе подъ заглавіемъ «De l'abus des nudités de gorge».

Болѣе замѣтныя измѣненія произошли въ убранствѣ головы и прежде всего влѣдствіе того, что нѣкоторые изъ легкихъ головныхъ уборовъ были теперь снова приняты. Придворныя дамы, подражая королевѣ, начали носить волосы гладко расчесанные на темени и взбитые на вискахъ въ кругло-

ватыя возвышенія, которыя закрывали уши и отъ которыхъ отдѣлялись нѣсколько тонкихъ локоновъ, едва доходившихъ до плечъ. Эта прекрасная прическа хотя и сдѣлалась модною, но не надолго, и уже въ 1670 г. волосы на вискахъ и спереди вокругъ лба стали завивать въ мелкія кудри, а вдоль щекъ спускать на грудь густыя пряди волосъ, прямые или тоже завитыя локонами. Рядомъ съ этими прическами, которыми нѣкто Монгоберъ пріобрѣлъ себѣ особенную извѣстность, явилась новая, которая была изобрѣтена самыми красивѣйшими изъ молодыхъ придворныхъ дамъ, маркизами де-Монтеспанъ, де-Тіанжъ и ихъ пріятельницами: волосы по обѣимъ сторонамъ пробора укладывались двумя грядками въ два пальца вышины, а остальные завивались въ локоны, которые уступами спускались на шею ниже ушей, за исключеніемъ одного длиннаго локона падавшаго на грудь. Эта прическа тотчасъ же нашла себѣ подражательницъ, которыя ея различнымъ образомъ видоизмѣняли. — Возвращеніе къ головнымъ уборамъ было встрѣчено очень неохотно большинствомъ женщинъ, въ особенности молодыхъ. Поэтому до начала 80-хъ годовъ на головѣ не носили ничего кромѣ легкихъ косынокъ, которыя накидывали на голову и подвязывали подъ подбородкомъ. Зимой сверхъ такой косынки надѣвали еще длинный черный шелковый вуаль. Между тѣмъ появилась еще новая, очень оригинальная прическа, обязанная своимъ происхожденіемъ слѣдующему случаю. Дѣвица Фонтанжъ, любовница короля, присутствуя разъ на королевской охотѣ въ охотничьемъ костюмѣ съ небольшою украшенной перьями шляпой на головѣ, должна была, по причинѣ сильнаго вѣтра, снять съ себя шляпу, а чтобы вѣтеръ не перепуталъ ея волосы, она велѣла перевязать ихъ лентами, концы которыхъ порхали вокругъ ея головы. Эта импровизированная куафюра такъ понравилась королю, что онъ попросилъ дѣвицу Фонтанжъ не перемѣнять ея, и на другой же день всѣ придворныя дамы явились причесанными *à la Fontange*. Модною она сдѣлалась однакожъ нѣсколько позднѣе, а въ началѣ даже и при дворѣ ее носили немногія.

Вліяніе маркицы де-Ментенонъ (съ 1685 г.) на женскій костюмъ выразилось прежде всего въ томъ, что открытый лифъ былъ замѣненъ высокимъ, закрывавшимъ всю грудь до начала шеи. Но такой лифъ былъ возможенъ для обыкновеннаго, ежедневнаго туалета: явиться же ко двору въ платьѣ съ высокимъ лифомъ, въ особенности на какое нибудь придворное торжество, было бы противно всѣмъ приличіямъ. Чтобы согласить требованія этикета съ цѣломудренною прихотью могущественной маркизы, былъ придуманъ высокій и очень твердый корсетъ, который выпиралъ груди кверху насколько это было возможно. Лифъ дѣлался совершенно закрытый съ короткими рукавами; изъ подъ лифа выпускали узенькую полоску сорочки, спloенную вертикальными трубочками или обшивали такую полоскою самый лифъ по верхнему его краю (фиг. 364 b). Иногда сверхъ лифа надѣвали короткую распашную курточку съ короткими рукавами. Изъ подъ короткихъ рукавовъ платья выпускали рукава тонкой сорочки, доходившіе до локтей и обшитые широкими маншетами, закрывавшими руку до кисти.

Въ 1690 г. появилась новая отдѣлка верхнихъ платьевъ (съ нераспашной юпкой) фалбалою. Такъ были названы въ шутку нѣкіимъ де-Ланглемъ сло-

женныя въ мелкія складки обшивки изъ кружевъ, протканнаго золотомъ флера и другихъ легкихъ матерій. Фалбала была почти всегда другаго цвѣта чѣмъ самое платье и нерѣдко нашивалась въ нѣсколько рядовъ. Кромѣ платьевъ, ею отдѣлывали также и вошедшія теперь въ моду длинныя одежды въ родѣ кафтановъ, съ рукавами и поясомъ, падъвавшіеся поверхъ всего туалета, и широкія накидки (*étoles*), передніе концы которыхъ спускались почти до ступней (фиг. 364 а), и похожія на нихъ покроемъ мѣховыя пелерины или *palatines*. — Въ отношеніи цвѣта костюма, при дворѣ слѣдовали примѣру Ментенонъ и избѣгали пестроты и слишкомъ видныхъ красокъ, но внѣ двора носили всевозможные яркіе цвѣта, даже яркокрасный, отдавая впрочемъ преимущество предъ всѣми бѣлому.

Башмаки, по прежнему на высокихъ каблукахъ, стали остроносѣе. Ихъ носили цвѣтные — кожаные, бархатные, изъ узорочной шелковой матеріи и преимущественно нарчевые, съ вышивками и обшивками. Чулки носили тоже цвѣтные шелковые съ вышитыми стрѣлками.

Фиг. 364.

Прическа своею формою еще болѣе приблизилась къ мужскому наряду, особенно съ 1690 г., когда волосы напередѣ стали взбивать въ два высокіе туня, — и даже красить бѣлокурые волосы въ темный (каштановый) цвѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ появились новыя формы головныхъ уборовъ, въ видѣ небольшихъ отдѣланныхъ лентами наколокъ, едва закрывавшихъ темя, и высокихъ наголовниковъ самаго разнообразнаго устройства (фиг. 364 а—с). Эти наголовники, нерѣдко до 3 фут. вышины, состояли, подобно стариннымъ *hennins*, изъ проволочнаго станка, покрытаго завитыми полосами муслина, лентами, суурками (*chenilles*), въ перемежку съ локонами, цвѣтами, перьями и пр. Каждая часть этой куафюры имѣла особое названіе, какъ-то:

le solitaire, le duc, la duchesse, le capucin, le chou, l'asperge, le chat, la souris, le tuyau, l'orgue, le premier et jusqu'au dixième cie (пустыникъ, герцогъ, герцогиня, капуцинъ, капуста, спаржа, кошка, мышь, труба, органъ, первое, второе, и т. д. до десятого, небо). Какъ ни странно было этотъ нарядъ самъ по себѣ, его все-таки утрировали. «Герцогиня де-Мэнъ», — пишетъ маркиза де-Ментенонъ — «изнемогаетъ подъ тяжестью надѣтаго на ней золота и драгоценныхъ камней. Ея куафюра вѣситъ больше чѣмъ сама она». Даже самъ король былъ противъ такихъ преувеличеній, но они всё таки не выводились, и только насмѣшки леди Шэфтебюри, жены англійскаго посланника, заставили свѣтскихъ модницъ отказаться отъ нихъ. Куафюра эта не была, впрочемъ, оставлена совершенно, потому что введенная въ приличные размѣры, она правилась и королю и маркизѣ Ментенонъ, и въ такомъ видѣ перешла въ слѣдующее столѣтіе. Одно изъ видоизмѣненій ея было названо въ честь сраженія при Штенкеркентъ (1692) уборомъ à la Steinkirque.

Употребленіе косметиковъ сдѣлалось всеобщимъ и усилилось сверхъ всякой благоразумной мѣры. «Придворныя дамы — пишетъ Лабрюйеръ — губятъ свою красоту тѣми противуестественными средствами, которыми онѣ думаютъ еѣ возвысить. Онѣ раскрашиваютъ себѣ губы и щеки, брови и плечи, уши и руки» — и далѣе: «Если женщины румянятся и бѣлятся для того чтобы понравиться мужчинамъ, то я объявляю имъ отъ лица всего мужского пола, или покрайней мѣрѣ большей его части, что румяна и бѣлила вмѣстѣ дѣлаютъ ихъ отвратительными, а одни румяна старятъ и измѣняютъ имъ лицо, и что мужчинѣ также непріятно видѣть у нихъ бѣлила на лицѣ, какъ вставные зубы во рту». Пудру пока употребляли преимущественно для шеи, плечъ и рукъ, и менѣе для волосъ, которые снова начали пудрить только съ первыхъ годовъ слѣдующаго столѣтія. Мушки стали носить въ большемъ противу прежняго количествѣ, причѣмъ умножились и ихъ формы и названія. Для постоянного замѣщенія сваливающихся мушекъ носили при себѣ запасныя въ красивой коробочкѣ.

Для нѣжности кожи и сохраненія цвѣта лица, употребляли различныя очень дорогія помады и эссенціи или притиранья; кромѣ того, на ночь накладывали на лицо особаго рода пластырь (masquin; см. ниже въ прим.)¹, а днемъ защищали его отъ солнца зонтикомъ и носили маски. — Часы, носовые платки, муфты, трости, продолжали носить по прежнему (трости въ особенности съ 90-хъ годовъ); но маленькія поясныя зеркальца были оставлены съ 60-хъ годовъ. Муфты дѣлали теперь большею частью изъ бархата, плюша и толстой шолковой матеріи, обыкновенно одноцвѣтныя: краснаго, желтаго и др. цвѣтовъ, съ отдѣлкой бантами, кистями и т. п.

¹ Въ книгѣ озаглавленной: *Nutzbares, galantes und curioses Frauenzimmer - Lexicon, worinnen etc. ordentlich nach dem Alphabete kurz und deutlich abgefasst und erkläret zu finden, dem weiblichen Geschlechte insgesamt zu sonderbaren Nutzen ausgestellt von A m a r a n t h e s* (1715) сказано: *Masquin* наз. составленная изъ бѣлаго воска, клѣна (лягушечей икры), китоваго жира и камфоры масса, намазанная на тонкое полотно вырѣзанное въ формѣ маски, которую дамы накладываютъ себѣ на лицо для того, чтобы кожа на немъ была нѣжна и бѣла.

Нидерландскій костюмъ сохранилъ свою самобытность — именно въ среднемъ зажиточномъ классѣ, — далеко за половину столѣтія, лишь весьма медленно поддаваясь французскому вліянію. Въ Белгіи ослабленію этого вліянія существенно способствовало утвердившееся тамъ испанское владычество со всеми своими послѣдствіями, а въ Голландіи пріобрѣтенная ею политическая независимость. И если въ Белгіи продолжительное давленіе испанской чопорности было безсильно истребить общія обѣимъ странамъ національныя особенности костюма, то тѣмъ свободнѣе развертывались эти особенности въ Голландіи и вслѣдствіе близкаго сосѣдства и постоянныхъ сношеній обѣихъ странъ въ этомъ видѣ передавались въ Белгію, такъ что между белгійскимъ и голландскимъ костюмомъ почти не было никакой разницы. Белгійцы тѣмъ только отличались отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей, что освоившись съ привитою имъ испанцами вышнюю сдержанностью и степенностью, сохраняли еѣ и въ своемъ костюмѣ, какъ свойственную имъ особенность.

Мужской костюмъ продолжалъ все болѣе освобождаться отъ испанскихъ формъ, насколько онѣ успѣли къ нему привиться. Всё неудобное и стѣснительное изъ него постепенно изгонялось и прежде всего подбитые ватой

Фиг. 365.

рукава и подушкообразные панталоны. Последніе были оставлены, и то на короткое время, въ нѣкоторыхъ частяхъ войска (ср. фиг. 365), вообще же замѣнены частью прямыми короткими панталонами съ разлѣтомъ (фиг. 233 а), частью тѣми короткими шароварами, которые въ половинѣ столѣтія были приняты и французами подъ назв. *rheingrave* (см. выше фиг. 367 а). Какъ эти двѣ формы были выраженіемъ народнаго воззрѣнія, такъ точно это же воззрѣніе сказалося и въ образованіи остальныхъ частей костюма,

отъ подошвы сапога до верхушки шляпы. Хотя послѣ недолгаго колебанїя между старинными и новыми (французскими) формами, послѣднія и были окончательно приняты въ Голландїи, но всё стѣснительное, даже отдѣлка лентами и кружевами, было изъ нихъ тщательно устранено и такимъ образомъ измѣненный костюмъ получилъ характеръ простаго, но удобнаго и богатаго платья. Въ высшихъ и образованныхъ кругахъ, и въ особенности въ Бельгїи, этотъ характеръ его былъ значительно ослабленъ преимущественно въ ихъ средѣ распространенными французскими обычаями, но за тѣмъ ярче обнаруживался онъ въ остальныхъ классахъ населенія державшихся въ сторонѣ отъ этихъ обычаевъ. Зажиточные люди среднихъ классовъ, въ особенности молодежь, шли въ этомъ направленїи еще далѣе, даже до преувеличенїй. Стремленіе къ удобству, доведенное до крайности, породило совершенно противорѣчившія ему неудобныя формы. Въ костюмѣ богатыхъ щеголей всё было широко и длинно, а потому неуклюже. Перенятые отъ французовъ: короткая курточка времени дѣтства Людовика XIV и юбка были удлинены, первая до талии и ниже, послѣдняя до половины икры (фиг. 366; 367 а). Рукава дѣлались тоже шире и длиннѣе, иногда спереди разрѣзные на пуговицахъ (фиг. 367 а). Соответственно этому и нижніе рукава съ ихъ маншетами дѣлались широкіе, перѣдко черезъ мѣру (фиг. 366 б). Такимъ же превращенїямъ подверглись и остальные части костюма — поясъ, воротникъ, перчатки, башмаки и сапоги. Только шляпа

Фиг. 366.

съ низкой тульей и неширокими полями, и чулки въ обтяжку составляли исключеніе и немало способствовали тому, что всё остальное казалось еще вздутѣе (ср. фиг. 366 а). Такъ же, если не еще замѣтнѣе выразился этотъ характеръ излишней полноты въ покроѣ верхняго кафтана. Падая прямо,

безъ всякаго намека на тазью, онъ заходилъ далеко за колѣна, и такъ какъ длинная юбка его, надѣтая сверхъ широкихъ штановъ, мѣшала при ходьбѣ, то сзади на ней дѣлались разрѣзы и углы каждой изъ образовавшихся отъ этого полъ заворачивались наружу и соединялись вмѣстѣ (фиг. 367 b); — совершенно новый фасонъ этотъ былъ въ послѣдствіи перешагъ французами и ими далѣе разработанъ. Пропорціонально кафтану былъ удлиненъ и носимый подъ нимъ камзолъ (прежняя курточка) до половины бедра, и затѣмъ уже и впродолженіе продолжалъ видоизмѣняться наравнѣ съ нимъ. — Такое крайнее развитіе особенностей голландскаго костюма кончилось тѣмъ, что вызвало наконецъ реакцію въ пользу чисто-французскихъ формъ, которыя, распространяясь сверху внизъ, постепенно вытѣснили первыя въ сжимавшіеся все болѣе и болѣе кругъ средняго и низшаго мѣщанства. — Такой же успѣхъ имѣли и парики, несмотря на то что по поводу ихъ и длинныхъ волосъ уже въ 1643 г. началась ожесточенная

Фиг. 367.

полемика, оканчившаяся лишь тогда, когда Салмазій (Claude de Saumaise), профессоръ въ Лейденѣ, доказалъ убѣдительными доводами, что прическа должна быть причислена къ безразличнымъ вещамъ. Но такъ какъ споръ этотъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ духовенство и для рѣшенія его были даже созваны нѣсколько синодовъ, то пока онъ продолжался, свѣтское общество почти всё надѣло парики и удержало ихъ.

Женскій костюмъ, раздѣляя съ мужскимъ общій характеръ послѣдняго, отличался отъ него большимъ постоянствомъ, которое хотя и было ему обще съ тогдашнимъ французскимъ женскимъ костюмомъ, но сверхъ того обуславливалось еще свойственною нидерландскимъ женщинамъ степенностью и ихъ болѣе домашнимъ образомъ жизни. Эта привязанность къ разъ

принятому была одинаково распространена какъ въ Голландіи, такъ и въ Бельгіи, но, сравнительно, гораздо болѣе въ первой. Въ Бельгіи по крайшей мѣрѣ молодежь охотно подражала французскимъ модамъ, частію потому что вліяніе ихъ было слишкомъ непосредственно и онѣ составляли совершенную противоположность нелюбимымъ за ихъ чопорность испанскимъ формамъ, частію вслѣдствіе болѣе живаго темперамента бельгійскъ, которыя не отказались и отъ обнаженія груди и рукъ, чтобы выставить на показъ роскошныя формы своего красиваго тѣла. И мужчины съумѣли оцѣнить это желаніе, а художники, какъ Рубенсъ напр., силою своего генія обрагородить его. Женщины средняго возраста, также какъ и большинство женщинъ среднихъ классовъ, одѣвались гораздо скромнѣе, почти совершенно одинаково съ голландками.

А какъ одѣвались и вообще держали себя эти послѣднія, мы узнаемъ изъ письма очень остроумнаго наблюдателя и вмѣстѣ свѣтскаго человѣка, Шарля де-Сентъ-Эвремонъ, писаннаго имъ въ 1665 г. къ маркизу де-Крѣки. «Здѣшнія дамы — пишетъ Эвремонъ — очень вѣжливы, и мужчины не обижаются за то, что общество ихъ жонъ и дочерей предпочитаютъ ихъ собственному. Голландки достаточно привѣтливы для того, чтобы доставить намъ развлеченіе, но не довольно оживлены чтобы быть опасными для нашего спокойствія. Не думайте, чтобы между ними не было и очень любезныхъ, но отъ нихъ нечего ожидать или по причинѣ ихъ добродѣтели, или по природенной имъ холодности, которая замѣняетъ добродѣтель. Какъ бы то ни было, довольно сказать, что голландскимъ женщинамъ свойственна издавна нѣкоторая недоступность и воздержность, и передается отъ матери къ дочери по наслѣдству, какъ нѣкоторый родъ религіи»..... «Онѣ считаютъ замужество счастіемъ, а дѣвичество такимъ состояніемъ, въ которомъ онѣ должны оставаться»..... «Все женщины безъ исключенія того мнѣнія, что выйдя замужъ, онѣ уже не могутъ свободно располагать собой. Для нихъ существуетъ только ихъ долгъ, и всякая склонность, даже такая, передъ которой не остановилась бы самая безупречная женщина въ другой странѣ, показалась бы имъ нарушеніемъ этого долга. Здѣсь все считаютъ невѣрностью; а невѣрность, которая при галантныхъ дворахъ ставится въ заслугу, ненавистиѣ всякаго порока въ глазахъ этого добраго народа, который живетъ и управляется очень благоразумно, но въ своихъ удовольствіяхъ и формахъ общежитія ушелъ еще не далеко».

Этимъ внутреннимъ качествамъ голландскихъ женщинъ соотвѣтствовала и ихъ выѣшность — ихъ костюмъ, или лучше, способъ передѣлки ими французскихъ формъ. Принимая ихъ въ общемъ, онѣ устраняли изъ нихъ всякія преувеличенія и все то, что оскорбляло чувство пристойности, налагая даже и на самый роскошный туалетъ отпечатокъ своей нравственной чистоты. Не допуская ничего даже приблизительно похожаго на такое обнаженіе шеи и груди, какое было принято во Франціи и тамъ все усиливалось, голландки носили высокій лифъ, который дополняли еще косынкою, и вмѣсто распашной верхней робы — глухую съ небольшимъ шлейфомъ и умѣренной отдѣлкой бантами и кружевами. Также и во всемъ остальномъ, какъ напр. въ покроѣ рукавовъ, въ шнурованіи корсета, въ причeskѣ и т. д. онѣ руководились все тѣмъ же чувствомъ пристойности и мѣры,

вслѣдствіе чего и вся ихъ виѣшность получала выраженіе извѣстной самостоятельности и вмѣстѣ непринужденности (фиг. 368). Разумѣется эти характеристическія черты не могли удержаться во всей своей чистотѣ передъ напоромъ позднѣйшихъ французскихъ формъ, именно формъ 80-хъ годовъ (времени Меньтэонъ), и значительно была ими затерта, но гораздо болѣе у среднихъ классовъ, которымъ чопорность и закутанность ихъ такъ понравилась, что они довели её даже до крайности, между тѣмъ какъ костюмъ высшихъ и образованныхъ слоевъ общества въ значительной мѣрѣ удержалъ прежніе свободные покроя. Народною особенностью, въ 20-хъ годахъ

Фиг. 368.

распространенною почти во всѣхъ классахъ общества, а съ половины столѣтія сдѣлавшеюся парадомъ исключительно средняго класса, былъ головной уборъ, состоявшій изъ накинутаго на голову покрывала (huik) и наложенной на него плоской или углубленной круглой покрывки, прикрѣпленной на лбу и съ торчащею изъ нея кистью. Не смотря на свою странность, уборъ этотъ перешелъ въ сѣверную Германію, особенно въ большіе торговые города — Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Кёльнъ и др.

Между тѣмъ и въ Нидерландахъ не обошлось безъ постановленій ограничивающихъ щегольство. Такое постановленіе было издано въ 1682 г. и имѣло въ виду главнымъ образомъ остановить щегольство висшихъ, служебныхъ классовъ. Въ ст. VI постановленія сказано: «Такъ какъ съ нѣкотораго времени замѣчается между служителями щеголянье платьемъ, брыжами, локонами и подобнымъ тому, такъ что служанку едва отличишь отъ ея госпожи, а такое наряжаніе противно добрымъ правамъ и особенно губительно для бѣдныхъ людей, вовлекая ихъ въ безчестные поступки, то въ

виду этого и въ предупрежденіе зла, постановляется, чтобы никто изъ прислуги не носилъ ни шолка, ни бархата, ни брыжей, ни лентъ и никакой подобной отдѣлки; еще менѣе дозволяется имъ носить бордюры, кружева, шитье, или платья со шлейфомъ, золото, камешья или кораллы. Ослушники подвергаются отнятію недозволеннаго платья или должны уплачивать по 10 гульденовъ пени всякій разъ, какъ будутъ уличены въ нарушеніи постановленнаго. Подъ тѣмъ же штрафомъ воспрещается и работникамъ носить брыжи и галстуки съ вышитыми концами».

Въ Англіи натянутый испано-французскій фасонъ продержался, несмотря на измѣненія которымъ онъ подвергался во Франціи со времени Генриха IV, до смерти Якова I (1625). Это зависѣло отчасти отъ свойственной англичанамъ упорной привязанности къ разъ усвоенному и привычному, отчасти отъ вишнихъ обстоятельствъ: во первыхъ, упомянутый фасонъ сдѣлался во время регенства Анны Австрійской снова моднымъ и при французскомъ дворѣ, хотя и ненадолго, во вторыхъ, онъ былъ любимымъ фасономъ Якова I, который предпочиталъ его всѣмъ другимъ и постоянно носилъ туго наващенное платье, потому что оно могло предохранить его отъ кинжала убійцъ, которыхъ онъ боялся всю свою жизнь. Извѣстно, что даже подъ своимъ церемоніальнымъ костюмомъ онъ носилъ толсто выстеганное исподнее платье. Обыкновенный же костюмъ его составляли: застегнутый до верху камзолъ съ узенькимъ выпускомъ вокругъ тали, высокими оплечьями и длинными рукавами; широкія книзу суживающіеся поколѣнные панталоны, чулки, круглая небольшая фреза, высокая шляпа съ выгнутыми узкими полями, башмаки и короткій плащъ. Камзолъ и панталоны были необыкновенно толсто подбиты ватой и простеганы. Такой костюмъ былъ некрасивъ самъ по себѣ, но казался еще некрасивѣе на чахлой фигурѣ короля, который едва могъ ходить безъ посторонней помощи. Тѣмъ не менѣе, кромѣ неумѣренно толстой подбивки ватой, онъ былъ принятъ и при дворѣ и въ обществѣ. Въ 20-хъ годахъ стало обнаруживаться въ немъ нѣкоторое приближеніе къ французскимъ модамъ, но въ началѣ еще очень слабое, именно — стеганные панталоны были замѣнены простыми, высокая жесткая шляпа мягкою съ широкими полями и перьями, круглая фреза (ruff) гладкимъ воротникомъ (band). Впрочемъ, уже и тогда щеголи изъ знатныхъ одѣвались совершенно по-французски, подражая въ томъ любимцу короля, герцогу Бокингэму, который въ качествѣ посланника часто бывалъ въ Парижѣ. Роскошь его не знала границъ: довольно сказать, что у него было (въ 1625 г.) не менѣе 27 полныхъ костюмовъ, изъ которыхъ каждый стоилъ около 35 тысячъ франковъ, и что за костюмъ, въ которомъ онъ явился на бракосочетаніи Карла I, онъ заплатилъ 500 тысячъ франковъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Карла I (1625—1649) французскія формы нашли себѣ болѣе широкій доступъ. Самъ король одѣвался и даже причесывался почти совершенно на французскій манеръ, съ тою только разницею что, любя простоту, онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ цвѣтамъ чорный съ бѣлымъ и пышной отдѣлкѣ скромную. Придворные, разумѣется, подра-

жали королю, а съ нихъ брало примѣръ дворянство и вообще всѣ тѣ, кто остались вѣрны королю въ начавшейся вскорѣ затѣмъ борьбѣ. Но уже въ началѣ 30-хъ годовъ и при дворѣ начала обнаруживаться наклонность къ возможно богатой отдѣлкѣ костюма и къ допущенію въ него всѣхъ цвѣтовъ. Король не только не сопротивлялся этой наклонности, но поощрялъ её личнымъ примѣромъ. Модными цвѣтами сдѣлались свѣтлые — свѣтло-голубой, бѣлый, желтый, оранжевый, хотя и болѣе темные цвѣта не были совсѣмъ исключены, но употреблялись преимущественно для отдѣлки. Отдѣлка лентами, бантами, кружевами была также принята и въ такихъ же размѣрахъ, какъ у французовъ; равнымъ образомъ и поболѣвныя, внизу разрѣзные панталоны отдѣланные лентами (фиг. 354 а), широкополая мягкая шляпа и, вмѣсто поясной португеп, широкая перевязь черезъ плечо. Несмотря однакожъ на всѣ эти заимствованія, сходство англійскаго костюма съ французскимъ было только поверхностное. Помимо того, что очень многіе изъ знатныхъ были чужды щегольству, даже и всѣ отдававшееся ему большинство ихъ никогда ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ, ни въ костюмѣ не доходило до такихъ грубыхъ преувеличеній, какъ французскіе щеголи, а сохраняло во всемъ должную мѣру, спокойный и истинно джентельменскій тонъ.

Иное зрѣлище представляютъ намъ противники королевской партіи, пуритане. Принадлежа болѣею частью къ среднему сословію и при томъ къ небогатымъ его классамъ, они уже по недостатку средствъ не могли позволять себѣ никакой роскоши. Но гораздо болѣе, чѣмъ это обстоятельство, ихъ удерживали отъ нея ихъ строгія религіозныя воззрѣнія, въ силу которыхъ всякое излишество считалось у нихъ грѣховнымъ. Разумѣется, увлеченные общимъ движеніемъ, и они приняли распространявшіеся формы, но медленно, и притомъ ограничиваясь лишь общимъ ихъ складомъ и неотказываясь совсѣмъ отъ прежнихъ привычныхъ формъ. Только весьма немногіе изъ нихъ рѣшились промѣнять свой короткополый до верха застегнутый кафтанъ съ длинными рукавами и простой по-колѣно плащъ съ воротникомъ на французскую куртку и широкую набудку съ полу-рукавами. Точно также они не допускали никакой отдѣлки бантами, кружевами и нарядными бордюрами, платье носили преимущественно темныхъ цвѣтовъ и, въ совершенный разрѣзъ съ общепринятою модою, волосы на головѣ коротко стригли и гладко причесывали. Но мѣръ того какъ у противной партіи, такъ паз. кавалеровъ (приверженцевъ короля), усиливалось щегольство, пуритане преднамѣренно упрощали свой и безъ того простой костюмъ. Простота эта наконецъ была доведена до преувеличенія тѣми изъ пуританъ, которые примкнули къ Кромвелю подъ именемъ «независимыхъ» (Independents). Прозванные въ насмѣшку королевскою партіею «круглоголовыми» (Roundheads) за ихъ короткую стрижку, они одѣвались съ самыя грубыя ткани почти исключительно чернаго и сѣраго цвѣта. Кафтаны, штаны и плащъ изъ чернаго сукна, сѣрые шерстяные чулки, тяжелые башмаки или короткіе сапоги изъ черной кожи, черная шляпа съ прямыми полями безъ перьевъ и лентъ, иногда сверху камзола бѣлый отложной широкій воротникъ, и черезъ плечо кожаная некрашенная перевязь, — таковъ былъ ихъ костюмъ.

Такая преднамѣренно преувеличенная простота костюма не могла конечно утвердиться надолго. Самъ Кромвелль, вскорѣ по объявленіи его протекторомъ (1653), отказался отъ нея и сталъ носить платье современнаго покроя и изъ общепринятыхъ матерій, преимущественно однакожъ темныхъ цвѣтовъ, и недопуская въ немъ ничего даже и отдаленно похожаго на щегольство. Такимъ образомъ, внѣшнее различіе между приверженцами противныхъ партій начало мало по малу сглаживаться, а затѣмъ съ ослабленіемъ взаимной между ними вражды и совѣмъ почти исчезло. Остались только немногія отдѣльныя личности, которыя продолжали его упорно держаться и масса, состоявшая изъ людей неимущихъ, и потому самому сохранившихъ и впредь въ своемъ костюмѣ первоначальную пуританскую простоту.

При Карлѣ II, какъ извѣстно ревностномъ почитателѣ Людовика XIV, завершилось окончательное уподобленіе англійскаго костюма французскому. Съ этихъ поръ всякое нововведеніе въ послѣднемъ, какъ бы странно и даже нелѣпо оно ни было, жадно перенималось въ Англии и многими доводилось даже до крайности. Такъ между прочимъ при Карлѣ II вошелъ въ моду большой парикъ (periwig) и галстухъ съ широкими концами (neck-cloth); при Яковѣ II и Вильгельмѣ III — длинный верхній сюртукъ (cassock), съ его широкими обшлагами (rabats) и плечевыми бантами (shoulder-knots), и надѣвавшійся подъ него камзолъ (coat); при Вильгельмѣ же стали носить трости (walking-sticks) съ большимъ набалдашникомъ и на башмакахъ, вмѣсто баштовъ, металлическія пряжки (shoe-buckles).

Женскій костюмъ измѣнялся тоже очень медленно, главнымъ образомъ благодаря примѣру, подаваемому королевскимъ дворомъ. Супруга Якова I, Анна Датская, до самой смерти своей (1619) одѣвалась почти совершенно такъ, какъ Елизавета въ послѣдніе свои годы. Какъ у мужчинъ обтянутый камзолъ и вздутые верхніе полуштаны, такъ у женщинъ платье съ широкою, растянutoю вокругъ бедръ юлкою, узкимъ лифомъ и высокимъ стоячимъ кружевнымъ воротникомъ долго еще оставалось любимымъ костюмомъ, не смотря на всю свою некрасивость. Переходъ къ французскимъ формамъ начался только при Карлѣ I, но не былъ такъ рѣшителенъ какъ въ мужскомъ костюмѣ, хотя и поддерживался вліяніемъ королевы, урожденной принцессы французской. Средніе классы упорно сопротивлялись всякому нововведенію и до половины столѣтія продолжали носить принятый ими костюмъ безъ всякаго измѣненія, если же слегка и измѣняли его, то въ смыслѣ упрощенія. Принадлежавшія къ пуританской партіи пошлы въ этомъ направленіи еще далѣе, создавъ себѣ костюмъ, отличавшійся крайнею простотою. Онъ состоялъ изъ чернаго или сѣраго шерстянаго платья съ широкою прямою юлкою, большого полотнянаго фартука, закрывавшаго почти весь передъ платья до ступней, такой же косынки и черной, похожей на мужскую, шляпы. Не позволяя себѣ никакихъ украшеній и ничего похожаго на щегольство, кромѣ развѣ цвѣтной оборки или, въ рѣдкихъ случаяхъ, замѣны чернаго платья цвѣтнымъ, пуританки однакожъ не доводили простоту своего костюма до грубоести, какъ это дѣлали мужчины ихъ партіи, особенно индепенденты. Даже жены и дочери послѣднихъ не утрировали её

въ такой степени, какъ ихъ мужья и отцы, а дочери Кромвеля первыя и безъ долгихъ колебаній отказались отъ нея тотчасъ же, какъ только ихъ отецъ былъ провозглашенъ протекторомъ Англіи.

Высшее общество хотя и не уклонилось отъ французскихъ нововведеній, но, принимая ихъ, все-таки удерживало многое изъ прежняго. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя формы, напр. лифъ съ короткимъ выпускомъ на подобіе мужскаго камзола (фиг. 369), продержались до 40-хъ годовъ. Кромѣ того и самыя заимствованія прилаживались такъ, что получали особый своеобразный отпечатокъ, который сообщался и всему костюму. Костюмъ англійскихъ великосвѣтскихъ дамъ, при всемъ сходствѣ его съ французскимъ въ общемъ и въ частности, характеристически отличался отъ него какою-то граціозною непринужденностью, основанною на расчитанной небрежности (*negligence*). — Распашной верхней робѣ предпочитали глухую, съ широкой, мягкими складками падающей юшкой, которую иногда носили немного подобранною вокругъ. Лифъ дѣлался настолько свободнымъ, что не стѣснялъ груди и не искажалъ ея формъ; часто его тоже закрывали невысокимъ корсажемъ и надѣтою подъ него полотняною шемизеткою съ широкими рукавами и отложнымъ воротникомъ. Фартукъ, который тоже носили дамы высшаго общества, но конечно только въ качествѣ украшенія, съуживаясь постепенно, обратился въ узкую полоску, отделанную оборкой и бахромой. Верхнюю одежду, въ особенности пожилыхъ и старыхъ женщинъ, составляло длинное и широкое распашное платье съ пуговицами напередѣ и съ широкими рукавами. — Въ прическѣ преобладали длинныя локоны и она была вообще свободнѣе французской.

При Карлѣ II, когда англійскій модный женскій костюмъ еще болѣе уподобился французскому даже и въ деталяхъ, онъ все-таки не сдѣлался его точнымъ воспроизведеніемъ. Англійскія дамы, не уступая французскимъ въ роскоши и богатствѣ своего туалета, не допускали въ немъ никакихъ слишкомъ бросающихся въ глаза излишествъ и преувеличеній, хотя, съ другой стороны, и не пренебрегали ни однимъ изъ практиковавшихся послѣдними способовъ для возвышенія своей красоты и привлекательности. Онѣ также обнажали себѣ шею, грудь и руки, носили фальшивыя косы и мушки (*patches*), румянились и бѣлились, и пр. И точно такъ же какъ во Франціи, раздался и въ Англіи голоса противъ женской суетности, и такъ же безплодно; а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ были очень настойчивы, какъ напр. появившіеся въ печати: «*A just and reasonable reprehension of naked breasts and shoulders*» (справедливое и разумное порицаніе обнаженія груди и плечъ), съ предисловіемъ Ричарда Бакстера; и «*England's*

Фиг. 369.

Vanity, or the voice of God against the monstrous sin of Pride in Dress and Apparel. 1683. (Суетность Англіи, или гласъ Божій противъ чудовищнаго грѣха, который есть тщеславіе въ одеждѣ и нарядахъ).

Отмѣченная выше черта непринужденности сохранилась, хотя уже и сильно ослабленная, въ англійскомъ женскомъ костюмѣ и въ позднѣйшихъ болѣе чопорныхъ его формахъ, перенесенныхъ изъ Франціи при Яковѣ II и Вильгельмѣ III. Она выразилась въ сравнительно гораздо меньшемъ закутываніи шеи и груди, и въ утрировкѣ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе странныхъ французскихъ формъ. Такъ напр. высокія наколки *à la Fontange* (или *fontanges*) были еще болѣе увеличены подъ названіемъ *tower*, или превращены въ высокіе чепцы съ длинными боковыми лопастями *à la giraffe*; платья и накидки въ изобиліи обшивали фалболой; остроконечные носки башмаковъ дѣлались еще острѣе, а высокіе каблукіи еще выше: мушки, кромѣ того что въ излишество наклеивались на лицо и грудь, принимали самыя разнообразныя формы, въ числѣ которыхъ были даже фигуры всадниковъ и каретъ заложенныхъ цугомъ. — Точно также и употребленіе масокъ скорѣе увеличилось чѣмъ уменьшилось.

Въ Германіи жалобы на вторженіе французскихъ обычаевъ и модъ начали раздаваться уже съ 20-хъ годовъ столѣтія и становились все громче, примѣшиваясь къ никогда неперестававшимся жалобамъ на постоянно возрастающія щегольство и расточительность, противъ которыхъ не менѣе постоянно продолжали появляться ограничительные законы и уставы объ одеждѣ все большей и большей строгости.

Впрочемъ, по причинѣ обширности страны и раздробленія ея на столько отдѣльныхъ государствъ, французскіе обычаи и моды проникали не вездѣ одновременно и въ равной степени. За исключеніемъ дворовъ Дюссельдорфскаго и Ифальцкаго, гдѣ они нашли себѣ пріютъ уже ранѣе, въ первомъ при Вильгельмѣ IV и его сынѣ (приблизительно съ 1580 г.), а во второмъ при Фридрихѣ III (ок. 1590), они встрѣтили до половины 20-хъ годовъ мало сочувствія и при дворахъ и въ высшихъ классахъ. При Вѣнскомъ дворѣ они утвердились не ранѣе второй половины столѣтія, а въ большихъ имперскихъ и торговыхъ городахъ, какъ Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Лугсбургъ, Нюрнбергъ, Франкфуртъ, Страсбургъ, они встрѣтили такое упорное сопротивленіе, что едва могли поколебать его въ исходѣ столѣтія.

Во всѣхъ этихъ городахъ, также какъ и въ удаленныхъ отъ столицъ округахъ, одежда еще долгое время сохраняла свою традиціонную форму, видоизмѣняясь сама изъ себя самостоятельно или съ легкимъ подражаніемъ французскимъ образцамъ. Общій складъ ея все еще оставался преимущественно испано-французскій, т. е. выработавшійся подъ преобладающимъ вліяніемъ испанскихъ и второстепенныхъ прежнихъ французскихъ фасоновъ. Мужчины носили узкій камзолъ съ небольшимъ выпускомъ вокругъ талии, узкими рукавами и валиками на плечахъ, широкіе покатые панталоны, накрахмаленую плоскую фрезу, копическую шляпу съ прямыми полями, короткій плащъ или, вмѣсто него, короткую накидку съ рукавами или только съ проймами, чулки и башмаки. Цвѣтъ костюма былъ вообще темный, болѣею частью черный, особенно въ городахъ. Долѣе всего удер-

жались: накидка, фреза и высокая коническая шляпа, обыкновенно обтянутая сложенной въ продольныя густыя складки матеріей. Эти части костюма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Франкфуртъ и Страсбургъ) получили значеніе должностныхъ отличій и въ этомъ качествѣ перешли даже въ слѣдующее столѣтіе въ неизмѣненномъ видѣ, кромѣ накидки, съ 1650 г. промѣнявшей длинныя рукава на короткіе съ буфами и прорѣзами. Камзолъ и шаровары, напротивъ того, были скоро оставлены и замѣнены — первый, сначала (съ 1650 г.) узкою курткой, а потомъ, съ конца 60-хъ годовъ, длиннымъ кафтаномъ на пуговицахъ и камзоломъ, послѣдніе — узкими панталонами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была принята, на болѣе или менѣе долгое время (съ 1660 г.), и французская юбка надѣваемая сверхъ панталонъ (фиг. 360), представляя, какъ и многое другое новомодное, странную противоположность къ старо-франкскимъ частямъ костюма — накидкѣ, фрезѣ, шляпѣ и др. Во второй половинѣ столѣтія новыя (французскія) формы всё-таки начали пересиливать прежнія и борьба съ ними могла уже только выразиться не въ преднамѣренномъ уклоненіи отъ нихъ, а въ примиреніи ихъ съ существовавшими.

Въ женскомъ костюмѣ долѣе всего сохранили свою оригинальность наиболѣе характерныя его части, именно высокій и закрытый лифъ съ

Фиг. 370.

узкими рукавами и плечьями, бочкѣ вершняго платья, круглая, подобная мужской, крѣпко накрахмаленная фреза и головной уборъ (фиг. 370 а в). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ сѣверной Германіи, не совсѣмъ

вышелъ изъ употребленія и старинный Goller. Введеніе французскихъ и другихъ иностранныхъ формъ началось прежде всего (уже съ 20-хъ годовъ), разумѣется, въ западныхъ мѣстностяхъ, именно въ прирейнскихъ большихъ городахъ. Напр. нидерландскій головной уборъ, съ страннымъ налобынымъ украшеніемъ въ видѣ кисти, huike (фиг. 371), распространившійся въ сѣверогерманскихъ торговыхъ городахъ — Любекъ, Бременъ и др. и подвергшійся въ нихъ своеобразнымъ измѣненіямъ уже въ качествѣ мѣстнаго наряда, проникъ туда черезъ Кёльнъ.

Фиг. 371.

Вообще нѣмецкій костюмъ того времени, какъ мужской, такъ и женскій, былъ крайне оригиналенъ, особенно въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. Нюрнбергъ, Аугсбургъ и преимущественно передъ всѣми въ Страсбургъ, представляя при этомъ въ каждомъ изъ нихъ свои чисто мѣстныя особенности. Иностранцы, путешествовавшіе по Германіи, невольно удивлялись встрѣчая въ каждой мѣстности костюмъ мало или вовсе непохожій на видѣнный ими въ другихъ, даже сосѣднихъ мѣстахъ, а потому и отказывались отъ нѣскольکو подробнаго его описанія. Такъ напр. голландецъ Максимиліанъ Миссонъ, въ своемъ «путешествіи изъ Голландіи въ Италію черезъ Германію», изданномъ въ Лейпцигѣ въ 1701 г., говоря о видѣнныхъ имъ костюмахъ, довольствуется ссылкой на приложенные къ его книгѣ рисунки¹ и краткими замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: «Одѣваются въ Аугсбургѣ гораздо страннѣе чѣмъ въ Нюрнбергѣ, и городской магистратъ сдѣлалъ распоряженіе такого рода, чтобы различныя званія и вѣроисповѣданія большей части жителей можно было узнавать по ихъ костюму»; и въ другомъ мѣстѣ: «что за странныя одежды носятъ въ Страсбургѣ, это я могу гораздо удобнѣе представить на приложенномъ рисункѣ, чѣмъ описать словами». Подобное же вѣтшнее различіе по вѣроисповѣданію существовало и въ другихъ городахъ. У того же путешественника читаемъ о франкфуртскихъ евреяхъ, что они ходятъ въ черномъ плащѣ съ круглой фрезой и носятъ бороду клиномъ.

Съ половины двадцатыхъ годовъ французская манера одѣваться начала необыкновенно быстро распространяться въ Германіи. Принятая большинствомъ нѣмецкихъ дворовъ, а слѣдовательно и ближайшими къ нимъ кругами и вообще высшимъ обществомъ, она привлекла къ себѣ и многочисленный классъ щеголей и щеголихъ изъ другихъ общественныхъ слоевъ. Кто не

¹ Эти рисунки частью заимствованы изъ современныхъ „костюмниковъ“ (Trachtenbücher), появившихся въ концѣ 17 и началѣ 18 ст. къ нимъ принадлежатъ, кромѣ Страсбургскаго костюмника, „Nürnbergisches Trachten-Buch“ и „Nürnbergisches verändert und unverändert Trachten-Buch“; „Sammlung Augspurgischer Kleider-Trachten, Augspurg.“ и „Kleidungs-Arten in der Stadt Augspurg“ и мн. др.

хотѣлъ казаться отсталымъ и смѣшнымъ, долженъ былъ и одѣваться и держать себя по-модному. А *la mode* или *allamode* было теперь у всѣхъ на языкѣ. Оно стало какъ бы общимъ лозунгомъ и приверженцевъ моднаго и современнаго, и противниковъ и порицателей того и другого. А послѣднихъ было не мало, и при томъ не только въ среднемъ, но и въ высшихъ классахъ. Эта партія противниковъ нововведеній недовольствовалась одними устными жалобами на губительное въ ея глазахъ увлеченіе модами, но изъ среды ея выступили люди, поставившіе себѣ задачу, систематически устно и печатно бороться съ этимъ увлеченіемъ и остановить его разливъ. Увѣщанія съ каюды уже давно были признаны бесполезными; нѣсколько болѣе довѣрія внушало къ себѣ (впрочемъ не разъ оказывавшееся тщетнымъ) распространеніе въ публикѣ здравыхъ взглядовъ, внушительныхъ примѣровъ и крѣпко приправленныхъ предостереженій. Различные, давно уже забытые, дьяволы — *Kleider-Hoffarts-Teufel*, зашевелились снова и выползли на свѣтъ божій, хотя уже и въ другомъ видѣ и размножаясь теперь не такъ быстро какъ прежде. Первый изъ этихъ дьяволовъ — *Allmodischer Kleyder Teuffel*¹ вышелъ въ 1629, а послѣдній — *Alamode Teuffel*, въ 1682². Авторъ перваго, досточтимый капелланъ Юганъ Эллингеръ, спрашиваетъ въ своемъ предисловіи: «Но что же это за слово «*Allmodisch*» и откуда оно взялось?» и отвѣчаетъ: «Я полагаю что это слово составлено было изъ нѣмецкаго *All* и латинскаго *modi* и значило — на всѣ лады. И нѣмцу слѣдовало бы такъ твердо и крѣпко держаться своего роднаго языка, чтобы не перенимать отъ другихъ націй ни одного слова и не поганить имъ своего прирожденнаго языка, что было бы къ нашему вѣчному стыду, такъ какъ и безъ того большая часть нѣмцевъ уже давно превратила (*vermetamorphisiret*) и костюмъ свой и нѣмецкую душу. Теперь у насъ есть нѣмецкіе испанцы, нѣмецкіе французы, нѣмецкіе итальянцы, англичане, — и выходитъ, что нѣмецкій челоѣкъ — челоѣкъ на всѣ лады (*Summa: Der teutsche Mann, ein Allmodisch Mann*). — Или оно (слово *allmodisch*) можетъ быть склеено и слѣплено изъ латинскаго и греческаго слова, и его слѣдуетъ писать *ἅλλο modī*, что значило бы: другимъ образомъ — разумѣй: чѣмъ это угодно Богу, и прилично и похвально честному нѣмцу» — «возможно также, какъ это и вообще полагають, что оно происходитъ отъ *à la mode*, т. е. по нынѣшнему, по новой манерѣ, которая поправится какому нибудь дураку, — и тогда

¹ Полное заглавіе этого курьознаго сочиненія слѣдующее: „*Allmodischer Kleider-Teuffel. Das ist: 1. Schimpff vnd Ernstlicher Discurs, vber den heuttigen allmodischen: oder, A-la-modischen Kleyder Teuffel; 2. Erörterung der Frage: Wie ein Erbarer Teutscher Mann thun solle, wann sein Weib (da es doch sein Seckel nicht ertragen könnte) sich Allmodisch tragen wollte, damit er des Haussepecters nicht gar verlustig werde; 3. Regulae eines Getrewen Ehe Weibs. Verfasset durch M. Johann Ellinger Caplan zu Archeiligen. Gedruckt in Verlag Joh.-Carl Vnckels Buchhändlers. Zu Frankfurt am Mayn. Anno MDCXXIX.* — ² *Alamode-Teuffel, oder Gewissens-Fragen von der heutigen Tracht und Kleider-Pracht. Aus wohlmeinendem Gemüt und Christlichem Eifer, auff sonderbares Begehren, beschrieben, mit seinen rechten Farben illuminiret, und in Öffentlichen Druck auff das Theatrum dargestellt, durch Michaelen Freud, dem Aeltern. Hamburg, bey Peter Zieglern, im Jahr 1682 (страницъ: 304).*

слѣдуетъ писать *à la modisch*». — Впрочемъ долженъ замѣтить, что теперешніе выходки были гораздо снисходительнѣе прежнихъ и главное — осмотрительнѣе, осторожнѣе. Такъ и нашъ авторъ, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія, не преминулъ тотчасъ же прибавить, что его разсужденіе — *discurs* — не касается людей знатныхъ и богатыхъ, а относится лишь къ тѣмъ «о которыхъ говоритъ Сирахъ въ гл. 26», т. е. къ чванливымъ голякамъ, ибо «около такихъ людей и любить тереться чортъ (*an solcher Leuth Hoffart. wischt der Teufel das Gesäss*). Тѣмъ не менѣе въ виду всеобщаго щегольства и расточительности онъ не можетъ удержаться и отъ рѣзкихъ упрековъ: «Развѣ намъ еще не довольно семи лѣтъ войны и опустошеній, которыхъ мы были свидѣтелями, и которыя можетъ быть еще увидимъ и испытаемъ, ибо Марсъ еще трубитъ въ свою трубу то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ; но кто же обращаетъ на это вниманіе, кто отказывается отъ сатанинскаго тщеславія?» и убѣждаетъ «избѣгать этого порока ради того, что гордый демонъ моды (*der stolze Allmodisch Kleyderteuffel*) обыкновенно вселяется не одинъ, а приводитъ съ собою еще семь другихъ демоновъ, которыя злѣе его самого». Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе этихъ семи демоновъ въ такомъ порядкѣ: «Первый демонъ бездѣльнаго шатанья и граненья мостовой (*müssiggelohende, pflastertrettende Spatzierteuffel*), ибо вѣрно то, что наша модничающая сволочь (*vnseres allmodisches Gesindel*) только для того и рядится, чтобы шляться по улицамъ и показывать себя добрымъ людямъ. И ломаются эти франты одинъ одного глупѣе, ходятъ подбоченясь и безпрестанно покашливаютъ для того чтобы всякій бросился къ окошку посмотреть, какъ они изволятъ прогуливаться» и т. д.; второй демонъ — прыгающій и скачущій демонъ пляски; третій — демонъ блуда (*der Hurenteuffel*); четвертый и пятый — демоны обжорства и пьянства; шестой и седьмой — демоны грабежа и смертоубійства. О дѣйствіяхъ всѣхъ этихъ демоновъ благонамѣренный авторъ не преминулъ разсказать самыя ужасающіе примѣры.

Рядомъ съ этими словесными увѣщаніями и предостереженіями, и даже ранѣе ихъ, явились картины, наглядно осмѣивавшія всѣ странности и нелѣпости модничанья. Эти картины или рисунки, издававшіеся съ 1628 г. до начала 40-хъ годовъ въ формѣ летучихъ листовъ, изображаютъ фигуры разряженныхъ по модѣ мужчинъ и женщинъ. Одинъ изъ этихъ листовъ озаглавленъ *monsieurisch alla modo, vnd damische Bisarrie*; въ другомъ внизу подписано: *wie sich ein teutscher Monsieur in Kleydern halten soll, er soll haben: Imagination-haar, Patient-barth, Responcion-huth, Indifferent-hutschnur* и т. д. до двадцати такихъ принадлежностей со включеніемъ въ число ихъ *stultissimus-gang und geberden*. Другія картины занимались однимъ *monsieur Alamode*, описывая въ длинныхъ стихахъ всю его фигуру съ головы до пятокъ. Были также картины, на которыхъ расфранченному *monsieur Alamode* противопоставлялся степенный гражданинъ въ старомодномъ костюмѣ или даже простой селянинъ въ своей незатѣливой одеждѣ. На всѣхъ этихъ картинахъ модный костюмъ почти совершенно похожъ на тогдашній французскій, но лишь съ тою разницею, что въ немъ все утрировано иногда до искаженія. Такъ

между прочимъ и на листкѣ, снабженномъ слѣдующею курьезною и характерною подписью: «Kartell stutzerischen Aufzugs der durchsichtigen, hochgefiederten, wohlgespornten und weitgestieften, langschwarzhä rigen, ziegenuerischen, wohlvernestelten, langlapphosischen, milztägischen, wohlherausstaffirten, wohlbekannten Cavaliere. Sammt deren hochgeputzten, hochhaargepüfften, wohlangestrichenen Büchleinsleinblasern, wie auch unten, mitten und oben zerhackten, zerspaltenen und geputzten Cortesi, Concubin und Mätressin der welsch-französischen, jatzlmats teutschen, Aufzugs genannt».

Таковы и были въ дѣйствительности тогдашніе щеголи; увлекшись примѣромъ процвѣтавшей въ то время грубой солдацкини, они старались подражать ей и въ словахъ, и въ поступкахъ, и въ уродливостяхъ, и въ преувеличеніяхъ костюма. Одѣваться *a la mode* и все таки не уступать солдатамъ въ перьяшливости, дерзости и наглости, при этомъ правиться женщинамъ и смѣяться надъ мѣщанскою привязанностью къ старинѣ, такова была задача тогдашней золотой молодежи, задача, которую эта молодежь старалась по возможности добросовѣстно выполнить, несмотря и на зло всѣмъ поученіямъ, насмѣшкамъ и рѣзкимъ выходкамъ современныхъ сатириковъ. Одинъ изъ нихъ Гансъ Михель Мошерошъ (1600—1669) издалъ подъ псевдонимомъ Филандера фонъ-Зиттеваль нѣсколько сатирическихъ писаній, направленныхъ противъ щегольства и модничанья. Въ своемъ *Wunderliche und wahrhaftige Gesichte* (странныя и настоящія лица) онъ нападаетъ на модниковъ «которые воображаютъ, что итъ на свѣтъ людей красивѣе, стройнѣе и любезнѣе ихъ», а въ своемъ «*Alamode Kehraus*» перебираетъ и осмѣиваетъ одну за одной всѣ ихъ модныя затѣи: «Эти длинные распушенные волосы настоящая воровская выдумка: они выдуманы итальянцами (Welschen), которымъ за воровство отрѣзано ухо, чтобы скрыть подъ волосами этотъ недостатокъ. И вы хотите подражать такимъ порочнымъ модамъ? Стыдитесь собственныхъ нѣмецкихъ волосъ и предпочитаете украсить себѣ голову волосами какого нибудь вора или висѣльника? Но кто стыдится собственныхъ волосъ, тотъ не стоитъ того чтобы носить на плечахъ нѣмецкую голову».... «Нѣмецъ ты или нѣтъ? Такъ зачѣмъ же тебѣ распускать по плечамъ свои волосы по итальянской модѣ, а не стричь ихъ коротко по-нѣмецки?» — Еще жесточе нападаетъ онъ на модныя бороды: «Потому что предки ваши считали густую полную бороду своимъ лучшимъ украшеніемъ, вы теперь изъ подражанія легкомысленнымъ итальянскимъ глупцамъ урѣзываете и подрѣзываете свои бороды каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю, истязаете и мучаете ихъ ежедневно огнемъ и желѣзомъ,..... Теперь ваша первая забота, какъ вы только подниметесь съ постели, придумать, какимъ бы фасономъ обстричь и причесать себѣ бороду, чтобы щегольнуть ею передъ молокососами и юпками. Ахъ, вы бабы-рожи! Бородорѣзы! бородостриги!» и т. д. Послѣ прически и бороды доходитъ чередъ и до костюма, начиная съ шляпы: «Сколько разныхъ фасоновъ шляпы перемѣнили вы въ эти нѣсколько лѣтъ? То носили шляпы въ видѣ сахарной головы, то кардинальскія, то складныя, то съ полями въ локоть ширины, то въ ширину пальца; то изъ козьей шерсти, то изъ верблужьей, то изъ бобровой, изъ обезьяньей, изъ дурацкой; то шляпы въ видѣ сыра,

сегодня шварцвальдскаго, завтра голландскаго, потомъ мюнстерскаго» — и далѣе въ такомъ же родѣ о камзолѣ, штанахъ и прочихъ частяхъ костюма и о его отдѣлкѣ.

Женщины не уступали мужчинамъ въ щегольствѣ и модничаньи и точно также не избѣгли насмѣшекъ и порицаній за свою суетность. Въ 1615 г. была напечатана въ Страсбургѣ проповѣдь на текеть: «*Facinae sunt virgae viscatae diaboli, ess seyn die weiber des Teuffels Leimrutten*» (женщины — силки, разставляемые дьяволомъ) въ которой авторъ, Георгъ Фридрихъ Мессершмитъ, предпринимаетъ «обнаружить суетность женщинъ въ ихъ вишшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ», и съ этою цѣлью распространяется о средствахъ употребляемыхъ женщинами для того чтобы казаться красивѣе, и о ихъ модномъ туалетѣ: «и вотъ входитъ госпожа Венера въ красивомъ головномъ уборѣ, съ накладными грудями, въ маскѣ и шляпѣ, украшенной медальонами или золотыми монетами; на рукахъ у нея браслеты, на пальцахъ брилліантовыя кольца, на шеѣ цѣпочки, въ продыравленныхъ ушахъ серьги, въ одной рукѣ букетъ гвоздикъ, а въ другой розъ».... и далѣе: «но что сказать о ея шейномъ уборѣ? сколько видѣлъ я такихъ, которыя несутъ воротники, похожія скорѣе на телѣжное колесо? И я не понимаю, какъ могутъ онѣ въ такомъ воротникѣ креститься. И хотя воротникъ вещь не особенно важная, но для него приходится расширять двери, иначе онѣ не пройдетъ въ нихъ. Такіе воротники мѣняются каждыи мѣсяцъ и эти перемѣны стоятъ каждыи разъ дороже, чѣмъ иное новое платье. Я знаю одну особу, которая заплатила за такой воротникъ пятьдесятъ крошъ; довольно кажется для одного раза. Теперь спрашивается: не есть ли это глупость, которая заставляетъ людей воображать что онѣ тѣмъ красивѣе, чѣмъ больше на нихъ надѣто такихъ раздушенныхъ подкладокъ и накладокъ?».

Принятая женщинами мода носить похожія на мужскія верхнія одежды, т. е. родъ распашныхъ накидокъ съ пуговицами и петлями, съ короткими или длинными прорѣзными рукавами, совершенно подобныя мужскимъ шляпы съ большимъ перомъ, широкіе отложные воротники и перчатки съ раструбами — вызвали въ свою очередь не мало рѣзкихъ порицаній. «Посмотри на нашихъ нынѣшнихъ модничающихъ барышень — пишетъ упомянутый выше Іоганъ Элліегеръ: найдешь ли ты какую-нибудь разницу между ихъ платьемъ и мужскимъ: и то и другое одинаково изрѣзано и прорѣзано; и шляпы и перья одинаковы у тѣхъ и другихъ. А штаны носятъ наши красавицы подъ юпками». — Курфюрстина Магдалина Сибилла въ письмѣ къ своему мужу, курфюрсту Саксонскому Іоганну Георгу II, писанномъ изъ Дрездена въ 1631 г.,¹ жаловалась, что наѣхавшія изъ Лейпцига дамы своими нарядными и богатыми туалетами только усилили и безъ того чрезмерное щегольство обитательницъ Дрездена и что пора бы положить этому конецъ изданіемъ указа. «Онѣ не хотятъ подумать о томъ — прибавляетъ курфюрстина — что въ настоящее время намъ слѣдовало бы одѣться во вретиче и, посыпавъ голову пепломъ, каяться въ нашихъ грѣхахъ». Сама курфюрстина и ея мужъ были очень экономны и, не въ примѣръ прочимъ

¹ K. A. Müller. Forschungen auf dem Gebiete der neueren Geschichte I, 61.

государямъ, отличались особенною привязанностью къ старинной простотѣ. Но ни примѣръ ихъ самихъ, ни бѣдствія тогдашней войны (30-лѣтней), на которыя намекаетъ курфюрстина, не могли сдержать разнуздавшуюся страсть къ нарядамъ и роскоши. И такъ было не въ одной только Саксоніи. Гансъ Георгъ Борне доносилъ въ 1641 г. курфюрсту Фридриху Вильгельму Бранденбургскому¹ что «въ одеждѣ допускаются такія излишества, что стало невозможно отличить ремесленника отъ дворянина, а дворянина отъ князя».... «Вмѣсто шерстянаго платья носить шелковое, расшитое золотомъ, и каждый мѣсяцъ придумываютъ новыя фасоны, странность и нелѣпость которыхъ нельзя описать».... И даяще: «Наши жены и дочери, не могутъ быть довольно показаны за то, что пренебрегая фигурой и цвѣтомъ, данными имъ Творцомъ, хотятъ казаться и бѣлѣе и красивѣе, и для этого моются благовонными водами, бѣлятся и красятся, пудрятъ себѣ волосы и носятъ на головѣ такіе высокіе чепцы, словно хотятъ опрокинуть все что имъ встрѣтится на дорогѣ.... Этими онѣ причиняютъ такое горе своимъ мужьямъ, что для избѣжанія ссоры и раздора тѣ исполняютъ все ихъ прихоти и тратятъ на ихъ наряды все что добыли трудовымъ потомъ и разоряютъ черезъ это себя и семью». Дѣло дошло до того, что нѣкоторые мужья обращались даже къ властямъ съ убителеннѣйшими просьбами принять мѣры противъ такого щегольства женщинъ. Такъ между прочимъ докторъ Гюннеръ въ Лейпцигѣ подалъ въ 1671 г. городскому сенату жалобу на одного портнаго за то, что тотъ продавалъ женщинамъ французскіе моды и уборы и чрезъ это поощрялъ ихъ къ запрещенному щеголянью одеждою до такой степени, что онѣ стекались къ нему толпами, какъ будто на богосмолье. «Такъ какъ, заключаетъ докторъ: такіе поступки гнѣвятъ Бога, нарушаютъ постановленія властей и грозятъ городу большими бѣдами, то властямъ слѣдовало бы подвергать поощритель и распространителей проклятаго щегольства примѣрному наказанію».

Крѣпкъ щегольства, много жалобъ и порицаній вызывало также не менѣе быстро распространявшееся подражаніе иностраннымъ, преимущественно французскимъ обычаямъ и манерамъ, особенно усилившееся по окончаніи тридцатилѣтней войны, когда вывелось бывшее прежде въ модѣ солдатское бахвальство, потерявъ подъ собою почву. Особенно рѣзкими выходками противъ этой страсти къ офранцуживанію себя отличились: ростокскій профессоръ пѣтики и математики Гансъ Вельмесенъ Лауренберхъ (1591—1659) въ сатирѣ «Von Almodischer Kleider-Tracht»,² эниграммистъ Фридрихъ фонъ-Логанъ (1604—1659) въ эниграммѣ озаглавленной «Französische Kleidung»,³ и, преимущественно, настоящій творецъ нѣмецкой стихотвор-

¹ Consultatio Politico-Theologica. Über den gegenwertigen betrübten und kümmerlichen Zustand der Chur und Mark Brandenburg etc. durch Hans Georgen von dem Borne, churf. Rath vnd Cancellaren bey der Newmärkischen Regierung. Frankf. an der Oder 1641: ср. А. В. König. Versuch einer historich. Schilderung der Hauptveränderungen der Residenzstadt Berlin etc. Berlin 1793. I, 230. — ² G. „De veer olde berömede Scheriz-Gedichte ets. In't Nedderdütisch gerymet dörch Hans Wilhelm L. Rost (Laurenberg). Met eenem Anhaage est. Gedruket in düssel Jahr (1654). — ³ Solomons von Gölau (Logau). Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breslau bey Klossmann (1654: Позднѣйш. изд. Лейпцигъ 1759; 1791 и 1833).

ной сатиры, Іоachimъ Рехель (1618 — 1669)¹. «Теперь» говоритъ онъ: каждое второе слово должно быть французское; французскіе должны быть ротъ и борода, французскіе нравы и обычаи, французскаго покроя камзолы и кафтаны. Все что ни изобрѣтеть въ Парижѣ благородный портняжный цехъ, хотя бы и нѣчто очень безсмысленное, всё перенимается нѣмцами. Если бы какой-нибудь французъ вздумалъ носить шпоры на шляпѣ, башмаки на рукахъ, сапоги на головѣ, вмѣсто пуговицы бубенцы — нѣмцы тотчасъ же взяли бы съ него примѣръ. Кому могло бы придти въ голову посить при бархатномъ кафтанѣ толстые холщевые панталоны кромѣ дурака и француза? Если бы самъ Гераклитъ увидѣлъ всю эту чепуху, и тотъ, съ позволенія сказать, поджалъ бы себѣ отъ смѣха животъ».

Въ 1663 г. Вольфгангъ Увъ (Ouw),² пасторъ въ Фленсбургѣ, писалъ противъ перенятыхъ тогда отъ французовъ юпкоподобныхъ шароваръ (фиг. 360) и большихъ париковъ: «Что такое эти новомодные необычайно широкіе шаровары, какъ не укороченная женская юбка? на нихъ идетъ столько матеріи, сколько прежде достало бы на два костюма или болѣе» и т. д. и затѣмъ переходитъ къ парикамъ: «природа дала женщинамъ, какъ украшеніе, длинные мягкіе волосы, что же дѣлаютъ мужчины съ своими? Одни подрѣзываютъ ихъ, другіе совсѣмъ состригаютъ и замѣняютъ чужими, богъ вѣсть съ кого снятыми, и дѣлаютъ изъ нихъ накладки и парики, такіе странные, такіе курчавые и нерѣдко такой страшной величины, что человекъ въ подобномъ парикѣ почти самъ на себя не похожъ».

Накладки на парики были особенно жестоки, по тѣмъ не менѣе безплодны, и большой парикъ à la Louis XIV, такъ наз. in-folio, сдѣлался въ началѣ 70-хъ годовъ необходимою принадлежностію костюма всякаго свѣтскаго человека. Упомянутый выше (стр. 293) Михаиль Фрейль въ своемъ *Alamode Teufel* посвятилъ этому «важному» предмету, т. е. парикамъ, нѣсколько довольно пространныхъ разсужденій, въ которыхъ онъ между прочимъ касается и мотовства, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, строго порицая его: «Теперь мужчины и женщины одержимы особымъ демономъ (ein besonderer Haar-Teuffel); паущаемые имъ, они щеголяютъ своими волосами, красятъ ихъ въ разныя цвѣта, завиваютъ особыми щипцами, расчесываютъ и взбиваютъ. Сколько же тысячъ талеровъ тратится на парики, которые иной и радъ бы не носить, потому что у него на головѣ своихъ волосъ довольно? Сколько сотенъ дукатовъ пускается на вѣтеръ вмѣстѣ съ цудрой? Иной обсыпаетъ свой вонючій парикъ дорого стоящей *poudre de Cypré* и становится похожъ на мельника или помельшей мѣрѣ на человека, который окунулся головой въ мѣшокъ съ мукой. Другихъ демонъ моды заставляетъ распускать волосы по лбу и щекамъ, на подобіе собачьихъ ушей, или носить на головѣ странной формы куафюры сдѣланныя изъ чужихъ волосъ и

¹ Joachimi Rachelii, Londinensis, Zehn Neu verbesserte Teutsche Satyrische Gedichte. Zum 5ten mahl aufgelegt etc. Zu Freyburg im Hopfensack; (Первое изданіе Франкфуртъ 1667). — ² M. Wolfgang Ouw. Nothwendige Erinnerung vom Missbrauch der Kleyder, da viele Christen in defectu, viele in excessu sündigen, Das ist: Da viel aus Mangel zierlicher Feyr-und Sonntaglichen Kleider, aus der Kirchen etc. wegbleiben; Viel mit uppiger alamodischer Kleider Pracht sich hochmüthig erheben, etc. Hamburg 1663.

посыпать их золотыми опилками или даже оплетать их золотыми нитями и т. д. «Наши нѣмецкія моды — говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ — то что придумали мы сами, намъ не нравятся, кажутся намъ не такъ приличны, какъ французскія. За то и умѣютъ же французы пользоваться нашею глупостью! Они ежедневно изобрѣтаютъ что нибудь новое, выдумываютъ моду за модой и переправляютъ ихъ къ намъ по водѣ и по сушѣ, выманивая у насъ деньги и обогащаясь нашею расточительностью и нашимъ мотовствомъ». Но французскіе формы укоренились уже на столько прочно, что всѣ порицанія ихъ, подобныя приведеннымъ, были не болѣе какъ выраженіемъ личныхъ взглядовъ авторовъ. Мало того, онѣ были усвоены, по крайней мѣрѣ въ общемъ своемъ характерѣ, даже и самими порицателями, какъ свѣтскими, такъ и отчасти духовными, несмотря на то что послѣдніе своимъ званіемъ обязывались къ большой простотѣ костюма. Только одного не перенимали нѣмцы у французовъ — ихъ чопорности и накрахмаленности, ставшей при Людовикѣ XIV требованіемъ хорошаго тона, а сохранили какъ въ костюмѣ, такъ и вообще въ обращеніи, большую, отчасти даже грубоватую, непринужденность (фиг. 372 а b; ср. фиг. 362 а b).

Фиг. 372.

Женщины превосходили мужчинъ и въ щегольствѣ и въ мотовствѣ. Чтобы слѣдовать въ точности французскимъ модамъ, онѣ ежесѣчно выписывали изъ Парижа одѣтыхъ по послѣдней модѣ куколъ, или посылали туда своихъ портныхъ изучать на мѣстѣ новѣйшіе фасоны. «Если кто захотѣлъ бы анализировать (anatomiren) женскую страсть къ нарядамъ — писалъ (въ 1663) Вольфгангъ Увъ — тому было бы не мало работы. Кратко и правильно о ней можно разсудить такъ: 1. Женщины грѣшатъ излишествомъ

(superfluitate) — тратя на одежду болѣе, чѣмъ того требуетъ необходимость; 2 — грѣшати роскошествомъ (sumptuositate), одѣваясь въ дорогія матеріи и нося на себѣ дорогія вещи; — грѣшати страстью къ новому (novitate), такъ какъ подражаютъ всякому костюму, каковъ бы онъ не былъ и одѣваются то по-французски, то по-англійски, то по-польски, а приди турки, такъ онѣ стали бы одѣваться и по-турецки; 4 — грѣшати легкомысліемъ (levitate) и шутовствомъ (scurrilitate), потому что носятъ легкомысленныя платья (leichtsinige Kleidung), члены, которыя Богъ и природа повелѣваютъ закрывать, безстыдно обнажаютъ, и инымъ образомъ проявляютъ свое легкомысліе и возбуждаютъ его въ другихъ своими нарядами». (Слѣдуетъ замѣтить, что сказанное здѣсь о подражаніи англійскимъ и другимъ модамъ прибавлено единственно для полноты картины, на дѣлѣ же такого подражанія не существовало, такъ какъ, собственно говоря, одно только французское и было моднымъ какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи и во всей западной Европѣ). Разбирая подробно всѣ французскія нововведенія въ женскомъ костюмѣ, Михаэль Фрейдъ¹ въ своемъ *Alamode-Teuffel* останавливается на модномъ обнаженіи шеи и груди и входитъ въ пространныя разсужденія о томъ—«могутъ ли дѣвицы и женщины безъ грѣха и угрызений совѣсти показываться на улицахъ и въ церквахъ съ обнаженною шею и раскрытою грудью?— и затѣмъ указываетъ, какъ на одну изъ многихъ грѣховныхъ женскихъ суетностей, на «упражненія передъ зеркаломъ: такъ какъ есть не мало женщинъ, которыя такъ сами себя правятъ, что не могутъ довольно на себя насмотрѣться, и ради этого не только носятъ постоянно при себѣ зеркало, но кладутъ его въ свои рабочія корзинки и даже въ молитвенникъ, который онѣ берутъ съ собою въ церковь, чтобы имѣть всегда подъ рукою стекляннаго совѣтника, и когда ты думаешь, что онѣ читаютъ и молятся, онѣ смотрятъ въ зеркало. О сколько разъ въ день иная подходитъ къ зеркалу и смотреть въ него, и какъ терпѣливо ожидаетъ, пока не увидитъ въ немъ кудрявой фигурки (bis sie ein krauses Männlein darinn sehe), которая ей поправится!»

Въ числѣ другихъ нарядовъ, очень строгому осужденію подвергся нововведенный французскій головной уборъ—такъ наз. фонтанжъ. Специально противъ него были напечатаны два сочиненія: одно въ 1689 г. подъ заглавіемъ: «Двойной раздуваемый мѣхъ сладострастія, именно: высокая фонтанжъ и обнаженная грудь, — которымъ модницающія и суетныя женщины раздуваютъ въ своемъ собственномъ сердцѣ и въ сердцахъ многихъ неосторожныхъ влюбляющихся въ нихъ мужчинъ огонь преступной любви. въ послѣдствіи разгорающійся въ ярко-свѣтящее пламя горькаго разочарованія. Въ предостереженіе вѣзмъ, особенно добродѣтели любящимъ женщинамъ» сочинено и напечатано Эрнестомъ Готлибомъ, родомъ изъ Верона; другое, напечатанное въ 1690 г. во Франкфуртѣ, озаглавленное: «Обожаемая фонтанжъ на лонѣ французскаго короля скончавшаяся, а пылъ на голо-

¹ Ср. выписки и J. Falk. Die Deutsche Trachten- und Modewelt II, 244 и слѣд. 251 и слѣд.

вахъ нѣмецкихъ женщинъ снова воскрешал. Соч. Ф. Л. фонъ-Гогенъ-Уферъ». * Въ послѣднемъ сочиненіи сюжетъ третируется болѣе въ сатирической формѣ, между тѣмъ какъ авторъ перваго относится къ нему сурово и совершенно безцеремонно, не стѣсняясь называть и саму изобрѣтательницу убора — мадамъ де-Фонтанжъ, «наложницей, распутной женщиной» и даже «канальей», а обнаженную грудь — «красою публичныхъ дѣвокъ». Несмотря однакожъ на все нападки, преслѣдуемый такъ настойчиво головной уборъ оставался въ модѣ по меньшей мѣрѣ до 1720 г.

Такимъ образомъ все усилія остановить вторженіе французскихъ модъ оказывались тщетными; въ этомъ должны были сознаться даже и сами дѣйствовавшіе въ этомъ направленіи. Такъ между прочимъ авторъ обращенія озаглавленнаго: «Der Teutsch Französische Moden-Geist, wer es liest der verstehets. Gedrucket zum Geyersbergk, 1689», въ которомъ онъ говоритъ: «Слѣшкомъ извѣстно, къ сожалѣнію, что съ тѣхъ поръ какъ французскій демонъ овладѣлъ нами, нѣмцами, мы такъ сильно измѣнились въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ, что нѣмцамъ полное право называться если не прямо натурализованными французами, то по крайней мѣрѣ новымъ во французовъ превращеннымъ народомъ. Въ прежнее время французы не были въ уваженіи у нѣмцевъ, а теперь мы безъ нихъ жить не можемъ и все у насъ должно быть французское — и языкъ, и платье, и кушанья, и даже болѣзни — а затѣмъ вѣроятно будетъ у насъ и французская смерть... Большая часть нѣмецкихъ дворовъ устроены по французски, и кто хочетъ получить при нихъ какое нибудь мѣсто, тотъ долженъ знать по французски, побывать въ Парижѣ, этомъ университетѣ всякаго шалопайства, — иначе ему нечего и хлопотать. Впрочемъ это еще куда бы не шло. Но тоже самое творится въ быту частныхъ людей даже до простаго народа: стоитъ только посмотреть на наши города, чтобы увидѣть какъ все у насъ офранцузилось... «Теперь если молодой человѣкъ хочетъ обратить на себя вниманіе женщины, онъ долженъ только одѣваться а la mode frans; а тамъ будь онъ уродъ, на это не обращаютъ вниманія. Онъ все таки будетъ считаться очень образованнымъ человѣкомъ, хотя бы у него голова вмѣсто мозга была набита соломой» и т. д.

При всемъ томъ, офранцузивашье было и теперь еще не вездѣ совершенно одинаково, даже и въ высшемъ женскомъ обществѣ. Въ нѣкихъ мѣстахъ французскія моды водворялись ранѣе, въ другихъ позднѣе. Въ западныя области онѣ проникали почти непосредственно по своему появленіи во Франціи, въ восточныхъ обыкновенно нѣсколькими годами позднѣе, такъ

Вотъ эти заглавія: перваго — „Der gedoppelte Blasebalg der üppigen Wollust, nemlich die erhöhte Fontange und die blosse Brust, mit welchem das alamodische und die Eitelkeit liebende Frauenzimmer in ihrem eigenen und vieler unvorsichtigen Manns-Personen sich darin vergaffenden Herzen ein Feuer der verbotenen Liebes-Brust angezündet, so hernach zu einer hell-leuchtenden grossen Flamme einer bitteren Unlust ausschlägt. Jedermänniglich, absonderlich dem Tugend und Ehrbarkeit liebenden Frauenzimmer zu guter Warnung und kluger Vorsichtigkeit vorgestellt und zum Druck befördert durch Ernestum Gottlieb, bürtig von Veron“; втораго — „Die verabgötterte Fontange im Gnadenschoss des Königs von Frankreich verblieben, jetzund aber auf den Häuptern des Frauenzimmers in Teutschland wieder lebendig worden, von F. L. von Hohen-Ufer“.

что даже при Вѣнскомъ дворѣ дамы носили около 1700 г. костюмъ, который еще въ началѣ 90-хъ годовъ пересталъ быть моднымъ во Франціи (фиг. 373 а, b; ср. фиг. 364).

Фиг. 373.

Между тѣмъ законы противъ роскоши и уставы объ одеждѣ множились съ самаго начала столѣтія съ необыкновенной быстротой, но теперь издававшія ихъ власти, убѣдясь многократными опытами въ ихъ почти совершенной бесполезности, ставили себѣ главною цѣлью не столько ограниченіе роскоши вообще, сколько установленіе и возможное огражденіе различія между званіями и состояніями, различія, которое при всеобщемъ стремленіи не отставать или даже превзойти другихъ, грозило совсѣмъ стертъ. Совершенно въ этомъ смыслѣ было издано въ 1612 г. Георгіемъ I Саксонскимъ постановленіе, которое съ истинно нѣмецкою обстоятельностью опредѣляетъ до мелочей для лицъ обоего пола, что кому дозволяется носить, что нѣтъ, подводя для этого всѣ званія и состоянія подъ слѣдующія рубрики: «благородные (мужчины и женщины); профессора и доктора при университетахъ; ихъ жены; ихъ дочери; придворные служители неимѣющіе чина; секретари; магистры; жоны придворныхъ служителей и секретарей (и ихъ дочери); священники; ихъ жоны и дѣти; студенты; слесаря, фохты, управители, ихъ жоны, дѣти и родственники; купцы, лавочники и граждане живущіе своими доходами, ихъ жоны и дѣти; простые граждане, ремесленники и рабочіе съ ихъ жонами и дѣтьми; домовладѣльцы въ предмѣстіяхъ; ремесленники въ предмѣстіяхъ; слуги и служанки; крестьяне....»

Оканчивается оно назначеніемъ наказаній послушникамъ, и такого рода предостереженіемъ обращеннымъ специально къ портнымъ: «Такъ какъ портные лучше нежели кто нибудь могутъ противодѣйствовать нарушенію настоящаго устава, то отнынѣ впредь имъ вмѣняется въ обязанность никому не шить такого платья, которое по этому уставу заказчику носить возбраняется. Если же будетъ поступлено въ противность этому, самимъ ли портнымъ или его подмастерьями, то виновный присуждается къ денежному штрафу на первый разъ въ 8 талеровъ, а во второй въ 16; ослушается онъ и въ третій разъ, и сошьетъ платье несогласно съ настоящимъ уставомъ, то лишается права заниматься своимъ ремесломъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; за дальнѣйшія же ослушанія и неисполненіе этого благонамѣреннаго устава (*dieser wollgemeinter Ordnung*) онъ можетъ быть лишенъ и права гражданства». Вскорѣ затѣмъ, въ 1616 г., былъ обнародованъ, по особому императорскому повѣленію, законъ противъ роскоши, обязательный для всей германской имперіи. — Въ Брауншвейгѣ уже въ 1604 г. былъ изданъ «уставъ объ одеждѣ и о празднованіи свадебъ для городскихъ и деревенскихъ жителей (*Kleiderund Hochzeidsordnung für Land und Stadt*)» и въ 1610 г. снова повторенъ; но не смотря на это роскошь и мотонство дошли тамъ до такой степени, что въ 1618 г. нѣсколько дворянскихъ фамилій заключили между собой родъ союза, взаимно обязавшись ограничивать свои издержки: «не угощать другъ друга обѣдами болѣе чѣмъ изъ восьми перемѣнъ, не носить платья дороже двухъ сотъ талеровъ» и т. д. Впрочемъ такіе союзы были всегда рѣдкими исключеніями и къ тому же очень скоро распадались. — Въ 1626 г. въ Лейпцигѣ состоялось распоряженіе, касавшееся преимущественно женщинъ средняго класса, «которыя одѣваются не по нѣмецкому почтенному обычаю, а на иностранный манеръ: обвѣшиваютъ себя золотыми цѣпочками, носятъ вышитыя золотомъ и жемчугомъ перчатки, втыкаютъ себѣ въ косы золотые кинжалы, словомъ ничѣмъ не отличаются не только отъ простыхъ дворянокъ, но и отъ особъ графскаго и другихъ высшихъ достоинствъ.» Въ Страсбургскомъ постановленіи отъ 1628 г. говорится, что «мужчины убираютъ себѣ волосы подобно женщинамъ, вплетаютъ въ нихъ ленточки, колечки и другіе прикрасы, и причесываютъ ихъ на разные лады, подражая женщинамъ.» — Подобныя же постановленія были изданы и во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ что не было ни одного нѣсколько значительнаго города, въ которомъ не появилось бы распоряженій, регулирующихъ костюмъ его обывателей. Этихъ распоряженій не избѣгли даже такіе города и мѣстности, куда влияние французскихъ модъ мало проникало и гдѣ, слѣдовательно, костюмъ обывателей обоюбого пола преобразовывался самъ изъ себя, а не по иноземнымъ образцамъ. Такъ напр. между прочимъ, въ Бременѣ были изданы въ теченіи 50 лѣтъ четыре постановленія объ одеждѣ, именно въ 1606, 1624, 1634 и 1656 годахъ.

Какъ мало дѣйствительны были однакожъ всѣ эти ограничительныя мѣропріятія, видно изъ того, что до самаго исхода столѣтія и далѣе не перестаютъ раздаваться жалобы на то, что «никто не хочетъ одѣваться сообразно своему званію, а мѣщанинъ старается не отстать отъ дворянина, дворянинъ наравитъ перещеголять и князя, такъ что скромность и

умѣренность у насъ совершенно вывелась», какъ писалъ въ 1663 Вольфгангъ Увъ (Ouw), замѣчая при этомъ, что «хотя и существуютъ хорошіе уставы объ одеждахъ и полицейскія распоряженія, но они *leges inutae et mortuae* (мертвы и безгласны) и никто на нихъ не обращаетъ вниманія, а всё по винѣ начальства, которое не поддерживаесть хорошихъ законовъ.» Почти тоже самое писалъ въ 1682 г. и Мих. Фрейндъ. «Въ постановленіяхъ объ одеждѣ недостатка нѣтъ» пишетъ онъ: «недостаетъ только чтобы ихъ держались. Кузнецъ, который долженъ придѣлать къ нимъ рукояти, уже давно умеръ, поэтому-то обыкновенно и бываетъ такъ, что падъ ними смѣются, зная что неисполненіе ихъ не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій» и прибавляетъ затѣмъ: «однакожъ, говоря правду, христіанскіе государи и властители всеконечно невиновны лично въ томъ, что нѣмецко-французскій демонъ моды (*Deutsch-Französische Hoffarts-Teuffel*) такъ свирѣпствуетъ, а виноваты въ этомъ ихъ чиновники и городскія власти, которые не только не соблюдаютъ за строгимъ исполненіемъ издаваемыхъ постановленій, но еще одни изъ первыхъ ихъ нарушаютъ.»

Однакожъ, одновременно съ этими жалобами началось разсмотрѣніе постановленій объ одеждѣ съ политико-экономической точки зрѣнія, именно, полезны ли они вообще, или же могутъ вредно отозваться на успѣхахъ промышленности. Въ силу укоренившихся предразсудковъ мнѣнія на этотъ счетъ вначалѣ были очень шатки и оставались такими до начала слѣдующаго столѣтія, когда появилось краткое, но очень обстоятельное изслѣдованіе законовъ о роскоши, написанное извѣстнымъ ученымъ, Самуиломъ Нюффендорфомъ: «*De Legibus Sumtuariis: Oder Nöthiger Unterricht von Staatsvernünftiger Anordnung der Mässigkeit, zu verhütung verschwenderisch und unnöthiger Ausgaben. Wegen seiner grossen Nutzbarkeit aus dem Lateinischen in das Teutsche übersetzt. Franckfurt am Mayn, MDCCIV.*»

Въ скандинавскихъ земляхъ французскіе обычаи и моды утвердились прежде всего въ Швеціи. Усвоеніе ихъ совершилось тѣмъ же путемъ, какъ и въ Германіи, по медленнѣе и выходя изъ сравнительно болѣе ограниченныхъ круговъ. До смерти Карла IX (1611) и даже въ первые годы царствованія Густава II Адольфа (до 1632) всё оставалось по старому. Только съ половины двадцатыхъ годовъ стало мало по малу заявлять себя иностранное вліяніе, но также, какъ и въ Германіи, встрѣтило довольно упорное сопротивленіе, слѣдствіемъ чего было появленіе различныхъ мѣстныхъ костюмовъ, образовавшихся изъ смѣшенія новаго иностраннаго съ стариннымъ туземнымъ. Такъ было въ особенности въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ иностранное вліяніе дѣйствовало вообще слабо. Но и въ южныхъ провинціяхъ и даже въ большихъ городахъ, которые были ему болѣе открыты, оно утвердилось не вдругъ и долго держалось въ очень тѣсныхъ предѣлахъ, благодаря противудѣйствию самого короля. Не такъ какъ во Франціи или даже и въ Германіи, въ Швеціи дворъ подавалъ примѣръ простоты и умѣренности какъ въ обстановкѣ, такъ и въ костюмахъ. Густавъ II

не терпѣлъ на себѣ никакихъ прикрасть, а одѣвался обыкновенно съ изысканною простотою. Онъ носилъ жолтый короткополый кафтанъ или кожаный камзолъ, простой отложной воротникъ, поколѣнные штаны съ разрѣзами внизу, высокіе сапоги, широкополую шляпу съ перьями, простую шпагу и шарфъ вокругъ тали; волосы на головѣ стригъ коротко, носилъ тонкіе усы и острую бороду. Примѣръ короля дѣйствовалъ даже и на женщинъ, заставляя ихъ не слишкомъ явно обнаруживать свойственную имъ наклонность къ подражанію модамъ.

Даже и по смерти Густава II мужской костюмъ сохранялъ свою простоту, покрайней мѣрѣ первое время, пока въ большемъ свѣтѣ оставались еще бывшіе приближенные покойнаго короля, которые продолжали и теперь одѣваться такъ же, какъ они одѣвались и при немъ. Женщины, напротивъ того, не замедлили отдаться своимъ доселѣ сдерживаемымъ вкусамъ, какъ только почувствовали себя свободнѣе. Сама наследница престола, Христина (до 1654 г.), подала имъ примѣръ. При ея все усиливавшейся любви ко всему французскому и ея наклонности къ расточительности, французскія моды и обычаи естественно были радушно приняты при дворѣ, откуда распространились постепенно и въ обществѣ, такъ что при вступленіи на престолъ Карла X-Густава (1654 г.) высшіе и образованные классы въ большихъ городахъ всѣ почти безъ исключенія одѣвались по французски. Только сѣверныя провинціи продолжали по прежнему воздерживаться покрайней мѣрѣ отъ рабскаго подражанія всѣмъ французскимъ преувеличеніямъ, сохраняя въ своемъ костюмѣ сравнительно большую оригинальность. Впрочемъ и въ Швеціи не было недостатка въ увѣщаніяхъ и постановленіяхъ противъ нововведеній и роскоши, хотя эти постановленія были вообще мягче и, главное, не такъ мелочны, какъ въ Германіи.

Въ Даніи французскія формы получили перевѣсъ надъ старыми туземными не ранѣе половинны столѣтія, но и то лишь въ тѣсномъ кругу высшихъ классовъ. Среднее сословіе продолжало одѣваться по старинному, или же если и допускало нѣкоторыя нововведенія, то прилаживая ихъ по возможности къ привычнымъ формамъ. Впрочемъ и высшіе классы, принимая иноземныя моды, удерживали многое и изъ своего прежняго костюма, такъ что Христианъ IV во все свое долгое царствованіе почти не имѣлъ повода къ принятію законодательныхъ мѣръ противъ распространенія иноземныхъ нововведеній. Постановленія его, касающіяся этого предмета, имѣли въ виду не столько Датчанъ, сколько Голштинцевъ, которые въ наклонности къ подражанію всему иностранному ничѣмъ не уступали своимъ южнымъ соплеменникамъ. Датчане же предостерегались менѣе противъ офранцузженія, чѣмъ противъ несоблюденія должныхъ вѣнскихъ различій званій и состояній и противъ излишней роскоши въ одеждѣ. Въ этомъ преимущественно смыслъ было издано постановленіе объ одеждѣ и Фридрихомъ III въ 1655 г., когда французскій костюмъ началъ быстро распространяться въ обществѣ и стали слышаться жалобы на усиливающееся офранцузженіе. Но развѣ проложивъ себѣ путь, новыя моды водворялись все прочнѣе. Вскорѣ и самъ

король сдѣлался ихъ приверженцемъ, а въ половинѣ 60-хъ годовъ въ образованныхъ и зажиточныхъ классахъ населенія большихъ городовъ старинный туземный костюмъ былъ почти совсѣмъ оставленъ, особенно женщинами, которыя въ этомъ упредали мужчинъ.

Въ Швейцаріи, вслѣдствіе ея замкнутости вообще мало доступной иноземнымъ вліяніямъ, французскіе обычаи, а вмѣстѣ съ ними и моды, принимались крайне медленно. Глубоко привязанные къ своей родинѣ, швейцарцы считали какъ бы священнымъ долгомъ хранить во всей ихъ неприкосновенности унаслѣдованные отъ отцовъ обычаи и передавать ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Точно также относились они и къ своему традиціонному костюму, который не былъ у нихъ повсемѣстно одинаковъ, а напротивъ представлялъ большое разнообразіе, такъ какъ каждый кантонъ издавна одѣвался по своему, отличію отъ другихъ кантоновъ. Поэтому, если уже мѣстныя особенности костюма охранялись такъ ревниво, что не поддавались даже и взаимному, такъ сказать туземному, уравниенію, то тѣмъ менѣе можно было ожидать, чтобы онѣ легко сгладились подъ вліяніемъ иностранныхъ формъ. И дѣйствительно, когда съ теченіемъ времени французскіе обычаи и моды, ставъ повсемѣстно господствующими, проникли и въ Швейцарію, они были приняты лишь въ ближайшихъ къ Франціи большихъ городахъ, но и въ нихъ только одними высшими классами и притомъ не сплошнѣ, а съ нѣкоторыми ограниченіями, частью подсказанными національной самостоятельностью, частью опредѣленными въ различныхъ постановленіяхъ и предписаніяхъ, за исполненіемъ которыхъ довольно строго наблюдали. Болѣе центральные города, даже и большіе, какъ напр. Цюрихъ, оставались во всей своей туземной неприкосновенности далеко до начала слѣдующаго столѣтія. Вмѣстѣ съ многими хорошими качествами швейцарцы обладали въ значительной степени извѣстною расчетливостью или бережливостью, заставлявшею каждого избѣгать всякаго ненужнаго блеска и не жалѣть издержекъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ему казалось, что этого требуетъ его собственное достоинство, напр. при какихъ нибудь особенно важныхъ семейныхъ празднествахъ. Реформатское ученіе съ своей стороны тоже не мало способствовало упрощенію образа жизни, непосредственно — въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ оно было господствующимъ, а черезъ нихъ, посредственно, и въ католическихъ.

Въ Италіи французскіе моды и обычаи находили себѣ радушный пріемъ со стороны высшихъ и образованныхъ классовъ населенія большихъ городовъ, въ особенности средней и сѣверной Италіи—Флоренціи, Милана, Болоньи, Генуи, Вероны и Венеціи. Усвоеніе ихъ, по крайней мѣрѣ мужчинами, совершилось такъ быстро, что не болѣе какъ въ двадцать лѣтъ мужской итальянскій костюмъ совершенно уподобился французскому. Только Венеціанцы удержали нѣсколько долѣе нѣкоторыя особенности своего прежняго костюма, именно — длинную распахнутую верхнюю одежду чорнаго цвѣта, съ широкими

рукавами (зимою подбитую мѣхомъ), и, какъ внѣшній признакъ званія, столу.—Женщины, напротивъ того, гораздо медленнѣе поддавались вліянію французскихъ модъ, за исключеніемъ богатыхъ куртизанокъ, которыя не замедлили перенять ихъ вмѣстѣ со всѣми явными и тайными средствами для возвышенія тѣлесной красоты. Совершенно наоборотъ поступали честныя женщины: онѣ чуждались всякихъ нововведеній и старались одѣваться какъ можно скромнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вслѣдствіе измѣнившася взгляда на приличія онѣ были снова осуждены на преимущественно домашнюю жизнь и та доля свободы, которою онѣ прежде пользовались, была значительно ограничена, до того, что стало считаться непозволительно даже и старой женщинѣ выходить одной на улицу безъ провожатой, а молодымъ дѣвицамъ вмѣнялось прямо въ нравственную обязанность избѣгать показываться внѣ своего домашняго круга. Разумѣется эти требованія не вездѣ и не всегда строго исполнялись, а позднѣе, въ большихъ городахъ, замужнія женщины даже выбирали себѣ, съ вѣдома своихъ мужей, постоянныхъ спутниковъ и почитателей—чичисбевъ, но во всякомъ случаѣ, такая замкнутость женщинъ, требовавшая отъ нихъ скромной внѣшности, была крайне неблагоприятна распространенію французскихъ модъ, вслѣдствіе чего большинство женщинъ, даже и въ такомъ роскошномъ городѣ, какъ Венеція, продолжали носить свой прежній, хотя богатый, но не изящный костюмъ, почти до 40-хъ годовъ слѣд. столѣтія и только тогда начали понемногу измѣнять его сообразно французскимъ образцамъ.

Въ государствахъ восточной Европы костюмы измѣнились весьма мало. Въ Польшѣ, возрастающее національное чувство заставляло особенно дорожить всѣмъ народнымъ, поэтому дворянство польское носило свой національный костюмъ, доводя его до крайней пышности, и вмѣстѣ съ тѣмъ недопуская въ немъ никакихъ измѣненій въ западноевропейскомъ смыслѣ. Женщины были въ этомъ отношеніи менѣе исключительны, но, принимая иноземныя формы, старались подчинить ихъ національнымъ и изъ смѣшенія тѣхъ и другихъ создать всё таки отмѣченное печатью національности цѣлое. Такъ продолжалось даже и при Августѣ II, курфюрстѣ саксонскомъ, и послѣ него. Какъ ни велико было вліяніе этого преданнаго роскоши государя на образъ жизни поляковъ, оно все таки не могло заставить ихъ промѣнять національную одежду на модную французскую и привело только къ тому, что они стали отдѣлывать свой и безъ того богатый костюмъ еще богаче.

Венгры и Турки еще менѣе Поляковъ могли быть затронуты западноевропейскимъ вліяніемъ: первые, постоянно враждуя съ Австріей, чуждались всякаго, даже и внѣшняго сближенія съ западнымъ міромъ; послѣднихъ—уподобляться гяурамъ запрещала ихъ религія.

Одѣяніе государей, должностныя отличія, оружіе и вооруженіе, облаченіе духовенства.

Одѣяніе государей и должностныя отличія.

Одѣяніе государей въ общемъ нисколько не измѣнилось, въ особенности королевскій орнатъ, разъ установившіяся формы котораго охранялись особенно строго.¹ Въ замѣнявшемъ его въ извѣстныхъ случаяхъ полуторжественномъ орнатѣ удержана была только мантия изъ бархата или атласа, во Франціи — темносиняго цвѣта, въ Германіи пунцоваго; а длинная нижняя одежда, которую обыкновенно надѣвали подъ мантию, была почти совсѣмъ оставлена и уступила мѣсто обыкновенному испано-французскому костюму начала столѣтія, т. е. плотно прилегающій короткій кафтанъ, длинные трико и короткіе, вздутые полуштаны съ продолбыми прорѣзами. Людовикъ XIV носилъ въ такихъ случаяхъ короткій камзолъ безъ талии и съ широкими полурукавами, изъ бѣлаго атласа протканнаго серебромъ, такіе же полуштаны и бѣлые шелковые трико — все оббитое кружевами; бархатную, подбитую горностаемъ мантию темноглубаго цвѣта, съ золотыми по ней лиліями, корону, скипетръ и другія инсигніи. Парадный костюмъ принцевъ крови былъ тоже бѣлый, съ синей же мантией, а принцесъ — голубая бархатная роба, вышитая золотыми лиліями, и темносиняя мантия.

¹ Кромѣ вышеприведенныхъ (стр. 129 — 131) описаній коронаціи чешскихъ, англійскихъ и шведскихъ королей, для описываемаго періода важны также и слѣдующія: *Solemnia electionis Leopoldi Imp. Aug. Francfurt 1660*, C. L. Thucelli Austria S. R. Imp. conjux von der Crönung Josephs zu Hungarn zum röm. König. Augsburg 1619. Sigismund Ferrarius. Kronen zur Zierd und Schutz etc. Eleonorae Josephi etc Wahl-und Krönungs-Solennitäten etc. Nürnberg 1690. Joh. von Besser. Preussische Krönungsgeschichte oder Verlauf der Ceremonien etc. Berlin 1712. Der Königlich-Preussischen Krönungs hochfeyerliche Solennitäten. Auf allergnädigsten Befehl etc. in 20 Kupferplatten vorgestellt durch Joh. George Wolffgang. Berlin. 1712. Ausführliche Beschreibung der Krönung Caroli VI etc. nach dem zu Wien gedruckten Original. Vollständiges Diarium der Wahl und Krönungs-Solennitäten Caroli VI etc. Franckfurt a. M. 1712. J. G. Fünck. Die Crönung Karls VII. 5 Blätter. Franckfurt a. M. 1742. J. H. Ramhoffscky. Mariae Theresiae Einzug, Erbthuldigung und Crönung. Prag 1743. Ehren-Gedächtniss der röm. Königswahl und Krönung Josephs II, Augsburg 1765. Vollständiges Diarium der Röm. — Königl. Wahl und Kaiserlich. Krönung Leopold des Zweiten. Frankfurt a. M. 1791. — Französisches Crönungs-Ceremonial, wie derselbe vor alten Zeiten eingeführt und den 25 October an. 1722. bey Crönung Ludowici XV letzthin beobachtet worden. Frankf. und Leipzg. 1723. Le Sacre de Louis XV, roi de France et de Navarre dans l'Eglise de Rheims le dimanche XXV Octobr (Великолѣпное изданіе, исполненное извѣстѣйшими граверами, въ которомъ тщательно переданы не только всѣ отдѣльные моменты торжества, но и вѣрные портреты принимавшихъ въ торжествѣ участіе сановниковъ и ихъ полные костюмы съ указаніемъ цвѣта матеріи). Ausführliche Nachricht von den englischen Krönungen. Hamburg 1714. Historisch Verhaal von het Kroonen der Koningen und Koniginnen van England etc. Uyt het Englisch verstaalt door J. V. G. Te Amsterdam 1727. — Dänemarkische Krönung Christians IV. 1597. — Abbildung wie die Krönung Petri II. am 8 März vollzogen worden. Beschreibung der Krönungs-Ceremonien Ihrer Kaiserl. Maj. Elisabeth Petrowna. Petersburg 1744 (есть и на русскомъ). Gründliche Nachricht von Conclava etc. wie auch die Wahl und Krönung des neuen Papstes Benedicti XIII. 3 Edit. Frankf. & Leipz. 1725.

Ориаты курфюрстовъ, герцоговъ, графовъ и т. д. остались тоже прежніе, но всѣ эти лица появлялись въ нихъ очень рѣдко, обыкновенно только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напр. присутствуя при коронованіи императора или королей.—Въ Англіи Яковомъ I была дарована корона виконтамъ, а Карломъ II и баронамъ. Короны эти состояли изъ золотого обруча, усаженного по окружности жемчужинами, число которыхъ у виконтовъ было неограничено, а у бароновъ не превышало шести.

Придворные и официальные костюмы, напротивъ того, мало по малу значительно умножились и вмѣстѣ съ тѣмъ формы ихъ были тверже установлены. Если въ изобрѣтеніи этихъ костюмовъ Франція и Англія принимали почти одинаковое участіе, то теперь ихъ дальнѣйшія видоизмѣненія взяла на себя одна Франція. Они начались вскорѣ по вступленіи на престолъ Людовика XIII тѣмъ, что къ введенному при Генрихѣ III и удержанному Генрихомъ IV официальному костюму были прибавлены нѣкоторыя части прежняго испано-французскаго костюма, именно короткіе верхніе полустаны съ прорѣзами и небольшой плащъ. Впрочемъ изъ собственно придворнаго костюма заимствованія эти скоро исчезли, но за то надолго остались принадлежностью официального костюма различныхъ придворныхъ чиновъ—напр. оберъ-штальмейстера (*grand esuyer*), оберъ-церемоніймейстера (*grand maitre des cérémonies*) и др. Отличительную принадлежность официального костюма высшихъ чиновниковъ составляла длинная верхняя и нижняя одежда, съ длинными широкими рукавами, застегивавшаяся на пуговицы. При Людовикѣ XIII одежда эта подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, если не въ покроѣ, то въ цвѣтѣ и отдѣлкѣ. Такъ между прочимъ, красная одежда государственныхъ совѣтниковъ (*conseillers d'Etat*) получила голубую подкладку, а ихъ черный четырехугольный баретъ былъ замѣненъ круглою шляпою.

Всѣ такія колебанія придворнаго и должностнаго костюма продолжались до конца 60-хъ годовъ, когда Людовикомъ XIV были установлены настоящіе придворные и должностные мундиры, причемъ всѣмъ имѣвшимъ доступъ ко двору, слѣдоват. и право на придворный мундиръ, было предписано носить этотъ послѣдній постоянно, должностной же костюмъ надѣвать только при исполненіи служебныхъ обязанностей и при особыхъ торжествахъ. Придворный мундиръ отличался отъ обыкновеннаго свѣтскаго платья только цвѣтомъ и шитьемъ по бортамъ и отворотамъ (*pattes*), которые (цвѣтъ и шитье) были различны для каждого чина и званія; должностной костюмъ, сохраняя свой прежній покрой, различался также по степенямъ должностныхъ лицъ цвѣтомъ, матеріей и отдѣлкой: у высшихъ чиновниковъ онъ былъ черного, красного и фіолетоваго цвѣта, съ горностаевой подкладкой или только опушкой, а у прочихъ чиновниковъ представлялъ смѣсь испанскихъ формъ времени Людовика XIII съ современными. Согласно съ этимъ, присутствовавшіе при коронованіи Людовика XV придворные и государственные чиновники были одѣты слѣдующимъ образомъ: 1. Въ длинныхъ одеждахъ: свѣтскіе перы — въ длинныхъ парчевыхъ кафтанахъ (*soutanes*) и фіолетовыхъ мантияхъ съ шлейфомъ, подложенныхъ горностаемъ и съ горностаевой пелериной, въ бѣлыхъ галстукахъ съ широкими концами, съ цѣпью ордена святаго Духа на шеѣ, и

герцогской короной на головѣ; коннетабль (*connetable*) въ такомъ же костюмѣ, но въ графской коронѣ; оберъ-гофмейстеръ (*grand maitre de la maison du roy*), оберъ-камергеръ (*grand chambellan*) и первый камеръ-юнкеръ (*premier gentilhomme de la chambre*) — въ такихъ же костюмахъ и коронахъ, какъ и коннетабль; канцлеръ (*chancelier*) — въ длинномъ шолковомъ кафтанѣ пунцоваго цвѣта, подпоясаннымъ снуркомъ изъ пунцоваго шолка и золота, длинной суконной мантии краснаго цвѣта, подобной горностаемъ и съ такой же пелериной; на груди знаки ордена Св. Духа и баветка, на головѣ круглая парчевая шапка (*mortier*); госуд. совѣтникъ (*conseiller d'Etat*) въ длинномъ, сверху донизу застегнутомъ черномъ шолковомъ кафтанѣ, подпоясанномъ черною шолковою лентою, на концахъ которой вышиты золотые жолуди, и въ черной шолковой верхней одеждѣ съ широкими завороченными рукавами и пучками черныхъ лентъ на плечахъ. — 2. Въ смѣшанномъ костюмѣ: *chevalier des ordres du roy* — въ обтяжныхъ панталонахъ съ полуштанами (*trousse*), узкомъ спереди полуоткрытомъ камзолѣ, обшитомъ кружевами, длинномъ застегнутомъ на правомъ плечѣ плащѣ изъ темнофіолетоваго бархата, расшитаго золотыми огнями, по краямъ украшеннымъ золотою бахромой и съ широкой пелериной съ вышитыми на пей эмблемами, на головѣ черная шляпа съ бѣлыми перьями и прямо поднимающимся надо лбомъ тройнымъ суланомъ изъ перьевъ цапли — *plumes d'héron*; оберъ-церемоніймейстеръ (*grand maitre des cérémonies*) — въ узкой, застегнутой только у ворота курткѣ безъ талии съ широкими полурукавами, изъ серебряной парчи, обшитой серебряными кружевами и пучками парчевыхъ же лентъ, выступающая изъ подъ куртки сорочка тончайшаго полотна сложена въ легкія складки, рукава ея обшиты кружевными маншетами; на ногахъ сверхъ длинныхъ трико изъ бѣлаго шолка черные бархатные полуштаны съ прорѣзами обшитыми по краямъ серебряными кружевами и съ бантами изъ парчевыхъ лентъ на бедрахъ и вокругъ ноги; сверхъ куртки черный бархатный короткій плащъ, обшитый снаружи черными, внутри бѣлыми кружевами; на головѣ черная шляпа съ суланомъ изъ черныхъ и бѣлыхъ перьевъ, и въ рукѣ трость съ золотымъ набалдашникомъ; церемоніймейстеръ (*maitre der cérémonies*) въ такомъ же костюмѣ, только кружева на плащѣ шире; капитанъ швейцарской лейбгвардіи (*capitaine des cent suisses de la garde du roy*) въ такомъ же костюмѣ, но съ парчевою перевязью черезъ плечо и въ шляпѣ густо убранной перьями; *huissier de la chambre du roy* въ такомъ же костюмѣ, но въ бѣломъ плащѣ вмѣсто чернаго; *roy d'armes* — тоже, но вмѣсто плаща, въ короткомъ военномъ кафтанѣ темнофіолетоваго бархата, на груди и на спинѣ вышиты золотомъ три лиліи увѣнчанныя короной, а на обшлагахъ слова: «*Montjoy St. Denis*»; шляпа бѣлая бархатная съ высокими перьями суланомъ, въ рукѣ короткій жезлъ фіолетоваго бархата съ золотыми лиліями и золотой короной на верхушкѣ. — 3. Въ обыкновенномъ современномъ костюмѣ (фиг. 362): *gouverneur du roy* — сверхъ платья короткій плащъ изъ золотой парчи, шляпа съ черными перьями *à deux rangs*; маршалъ (*maréchal de France*) — плащъ черный бархатный, шляпа съ черными и красными перьями; капитанъ шотландской гвардіи (*capitaine des*

gardes ecossais) также, но гораздо проще, шлана съ черными перьями, и въ рукѣ длинная трость; grand prévôt de l'Hotel — кафтанъ голубаго сукна, обшить позументами, подкладка и обшлага красные суконные, при этомъ трость.

Нѣкоторые должностныя лица удержали свой прежній официальный костюмъ почти безъ всякихъ измѣненій: президентъ парламента (président à mortier)—длинную нижнюю одежду чернаго цвѣта и длинную распашную фіолетовую верхнюю, съ широкими рукавами и бѣлой мѣховой пелериной, и фіолетовую четырехугольную шапку (mortier); члены парламента такой же костюмъ, но съ замѣною фіолетоваго цвѣта краснымъ; члены счетной палаты (de la cour des comptes)—черную верхнюю одежду съ бѣлой мѣховой пелериной и черную шапку; судьи, адвокаты, правовѣды (hommes de loi)—такую же одежду, но безъ пелерины.

Въ Англіи официальные костюмы высшихъ сановниковъ, а также судебного персонала, сохранили свои старинныя формы, присвоенныя имъ при Елизаветѣ, безъ всякихъ измѣненій, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ частности, измѣненныхъ въ смыслѣ приближенія къ требованіямъ современности. Судья королевской скамьи и baron of the Exchequer (судья казначейства) носили длинную верхнюю одежду съ широкими рукавами, обшитую мѣхомъ, такую же нижнюю одежду съ полурукавами, сверху подлинный подложенный мѣхомъ плащъ съ выпущеннымъ изъ подъ него широкимъ полотнянымъ воротникомъ, на шеѣ галстукъ и широкую золотую цѣпь, на головѣ—шапочку въ родѣ чепца, подвязанную подъ подбородкомъ и сверхъ нея широкополую шляпу съ низкой тульей; king's solicitor (королевскій стряпчій) и другія должностныя лица—цилиндрическую шляпу съ узкими полями, длиннорукавную нижнюю одежду, длинный верхній кафтанъ съ широкими полурукавами и длинными висячими посрединѣ разрѣзанными рукавами — борты кафтана и обшлага рукавовъ обшиты золотыми петлицами и пуговицами,—широкій отложной воротникъ и перчатки съ небольшими раструбами; лордъ меръ (lord mayor)—такого же покроя одежду, подложенную и опушенную мѣхомъ, и, кромѣ круглой шапки на головѣ, закинутую за правое плечо тазообразную шляпу съ прикрѣпленнымъ къ ней кускомъ матеріи—остаткомъ старинной sendelbinde (ср. фиг. на 54 стр.); костюмъ университетскихъ ученыхъ (gentlemen of the faculty) состоялъ изъ длинной верхней и нижней одежды съ вздутыми рукавами (смотря по факультету: чернаго, краснаго или фіолетоваго цвѣта), круглой плоской фрезы и шапки или (позднѣе) круглой шляпы съ узкими полями.—Перемѣны, происшедшія вообще въ англійскомъ костюмѣ при Карлѣ II, какъ извѣстно, почитателѣ и подражателѣ Людовика XIV, не коснулись однакожъ официальной одежды, но крайней мѣрѣ существенно, отчасти вслѣдствіе того, что Карлъ II не рѣшился пренебречь преданіемъ, отчасти потому, что онъ самъ не любилъ строгаго этикета, а потому и не подражалъ ему. Впрочемъ официальная одежда въ общемъ своемъ складѣ все таки приблизилась нѣсколько къ французской, а съ 70-хъ годовъ къ ней прибавился большой шарикъ и съ тѣхъ поръ сталъ ея необходимою принадлежностью.

Почти тоже самое происходило и въ другихъ странахъ, т. е.: старыя формы сохранялись до второй половины столѣтія, измѣняясь лишь въ нѣко-

торыхъ частностяхъ, преимущественно въ цвѣтѣ, и затѣмъ, въ однихъ мѣстахъ рашше, въ другихъ—позже, преобразовывались болѣе или менѣе сообразно съ французскими образцами. Кромѣ этихъ общихъ измѣненій были разумѣется и частныя, мѣстныя, вводимыя государями отдѣльныхъ странъ, напр. установленныя въ различныхъ государствахъ Италіи и Германіи придворные мундиры и должностныя одежды, представлявшія чрезвычайно пестрое разнообразіе; впрочемъ эти частныя видоизмѣненія нисколько не отнимали у придворныхъ и официальныхъ костюмовъ усвоиваемаго ими тенаръ французскаго характера. Исключеніе составляли швейцарскіе и нѣмецкіе имперскіе города. Мѣстныя власти этихъ городовъ, и во главѣ ихъ члены городскихъ совѣтовъ, упорно держались своихъ старинныхъ официальныхъ костюмовъ и сохранили ихъ большею частью до конца столѣтія, а въ нѣкоторыхъ городахъ и долѣе. Характерическую особенность всѣхъ этихъ костюмовъ составляли: короткая распахная верхняя одежда (въ родѣ *Schaube*) съ прорѣзными рукавами, подложенная и опушенная мѣхомъ; широкая, круглая фреза колесомъ, коническая испанская шляпа съ узкими полями, покрытая бархатомъ, и исключительно черный цвѣтъ всего костюма.

Оружіе и вооруженіе ¹.

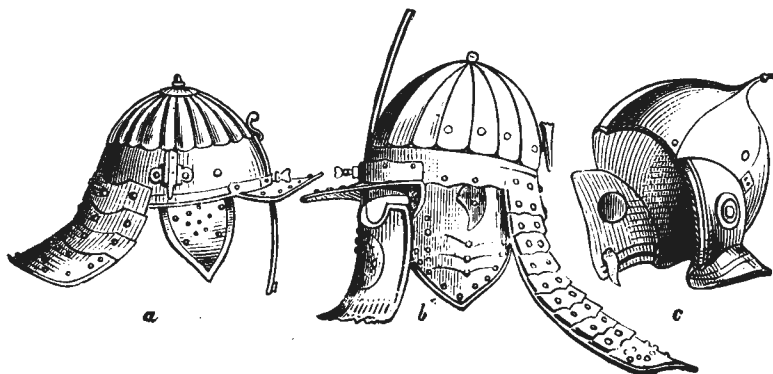
Въ оборонительномъ вооруженіи до начала двадцатыхъ годовъ не произошло никакихъ замѣтныхъ измѣненій, да и перемѣны, сдѣланныя въ немъ въ послѣдствіи были сравнительно незначительны и состояли, главнымъ образомъ, въ дальнѣйшемъ уменьшеніи его состава, такъ что къ половинѣ столѣтія отъ прежняго доспѣха остались въ употребленіи только шлемъ и нагрудникъ съ наспинникомъ.

Полный шлемъ съ забраломъ и гребнемъ былъ замѣненъ въ 30-хъ годахъ круглою или островерхою каскою безъ забрала, но съ особеннымъ

¹ Изъ множества современныхъ книгъ о военномъ искусствѣ особенный интересъ (также и по своимъ рисункамъ) представляютъ: Jacob de Geyn. *Waffenhandlung von den Rören, Musquetten und Spiessen u. s. w.* Gravenhagen 1608 (3 Thle m. 117 Kpfrn.) Melzo. *Regole militari etc. sopra il governo e servizio di Cavallerie.* In Anversa, 1611. Georg Basta. *Gouverno della Caualleria etc.* In seiner Original Form und Italienischer Sprach an Tag gegeben durch Hieronim Sittori von Maylandt etc. Jetzund auss Italienischer in vnser Teutsche Muttersprach verdolmetschet, vnd in Kupffer geschnitten durch Joh. Theod. de Bry. Frankf. 1614. Adam van Breen. *Le manieient d'Armes de Nassau, avecq Rondelles, Piques, Espees et Tarages; representés par figures etc.* 1618, à la Haye en Hollande. Joh. Jacobi von Wallhausen *Kriegs-Kunst zu Fuss etc.* Leeuward 1630. (Его же) *Kriegs-Kunst zu Pferd etc.* Frankfurt a. M. 1634. De Lostelneau. *Le mareschal de Bataille, contenant le manieient des Armes; à Paris, 1647.* Die *Drillkunst: Das ist Kriegsübliche Waffenhandlung der Musqueten und Piquen.* Nürnberg 1664. Joh. Boxel *Exerceren vo't Musquet, Spies endegenerale Exeritie.* Gravenhausen 1669. Arnold Leers. *Speculum militare, oder neue und kunstreiche Schauplatz des Deutschen und Niederländischen Kriegs Exeritieen zu Fusz.* Im Haags. 1680 P. Giffart. *L'art militaire François, contenant l'exercice et le manieient des armes etc. représenté par figures en taille.* A Paris 1697. Wilh. Dilichii—*eröffnete Kriegs-Schule etc.* Frankfurt a. M. 1689 (заключаетъ къ себѣ полную исторію военнаго искусства, начиная съ римлянъ). Parocel. *Recueil de differentes attitudes militaires.* И мн. др.

щиткомъ, который привинчивался къ каскѣ спереди и защищалъ лицо, какъ старинный наносникъ (ср. фиг. 374 а. б.) Мѣсто яйцевидныхъ (mogion) и полукруглыхъ желѣзныхъ шапокъ заступили уже въ началѣ столѣтія болѣе плоскія (мелкія) шапки съ горизонтальнымъ козырькомъ и небольшимъ гребнемъ или безъ нихъ; въ последнемъ случаѣ верхушка шапки

Фиг. 374.

иногда дѣлалась заостренною и грачевою (фиг. 374 с). Къ этимъ шапкамъ, которыя назначались преимущественно для простыхъ ратниковъ, но уже во второй половинѣ столѣтія постепенно исчезли, перѣдко придѣлывался родъ забрала изъ двухъ или трехъ прутьевъ (ср. фиг. 287 с). Всѣ эти каски и шапки были толсто выстланы внутри и снабжены трубками для прикрѣпленія султановъ изъ перьевъ.

Фиг. 375.

Нагрудники и напичники становились все шире и неуклюжѣе; нагрудникъ кромѣ того утратилъ свое среднее ребро и сдѣлался совершенно плоскимъ. Смыкались эти обѣ части на плечахъ посредствомъ ремней и пряжекъ. Воротникъ (Halsberge), который надѣвался подъ нихъ, состоялъ по прежнему изъ двухъ полосъ и раскрывался на правой сторонѣ шеи. Наплечники, нарукавники и наручи сохранили свою прежню форму и устройство до самаго своего исчезновенія въ 50-хъ годахъ (ср. фиг. 375 а). Перчатки (стальные) тоже не измѣнялись до тѣхъ поръ, пока не были замѣнены перчатками изъ буйволовоѣ кожи.

Фиг. 376.

Вооруженіе нижняго туловища, состоявшее до конца 20-хъ годовъ изъ половинныхъ набедръ (Diechlinge) доходившихъ до колѣнъ (ср. фиг. 296), въ сороковыхъ годахъ превратилось въ дорогое вооруженіе въ родѣ короткаго подола изъ поперечныхъ полосъ (фиг. 376), а въ солдатскомъ — въ два небольшие висящіе щитка (фиг. 377 а. b). Продолженіе напичника или задній подолъ (garde de reines), составленный тоже изъ поперечныхъ пластинъ (ср. фиг. 296 а), продержался до конца 60 годовъ, но употреблялся только кавалеристами. Шпоры стали короче и вмѣстѣ массивнѣе, съ большими колесцами и прямымъ или загнутымъ сверху стержнемъ; пристегивали ихъ вообще очень высоко.

Щитъ и конское вооруженіе совершенно вышли изъ употребленія, первый въ двадцатыхъ годахъ, последнее — въ самомъ началѣ столѣтія.

По мѣрѣ того какъ оборонительное вооруженіе теряло свое значеніе, и отдѣлка его становилась менѣе богатою и изящною. Теперь стали предпочитать вычерщенное вооруженіе полированному свѣтлому, потому что оно не ржавѣло, а слѣдовательно и не требовало постоянной чистки, и въ добавокъ не представляло такой видной цѣли для выстрѣловъ, какъ полированное. Обыкновенное украшеніе его составляли бронзовыя или мѣдныя пуговицы, которыми усаживали его край, и мѣстами розетки и тому подобныя фигуры. Впрочемъ и полированное вооруженіе, не смотря на упомянутыя его неудобства встрѣчавшееся до половины столѣтія, отдѣлывали тоже такимъ образомъ и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ покрывали мѣстами позолотой.

Съ упрощеніемъ вооруженія стала вырабатываться военная одежда. Надѣ-
вавшаяся подѣ кираса кожаная куртка была удлинена и въ ко-

Фиг. 377.

роткій кафтанъ, полы котораго замѣнили оставшіяся набедры. Ноги стали
обувать сообразно общему современному вкусу (фиг. 377), отдавая пре-

Фиг. 378.

имущество сапогамъ передъ башмаками. Металлическія головныя покрывки
также уступили мѣсто шляпѣ во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Для военного

платья выбирались такія матеріи, которыя были прочны въ носкѣ и вмѣстѣ достаточно защищали тѣло отъ ударовъ. Простыхъ солдатъ одѣвали въ толстое сукно и дубленую буйволовою кожу. Изъ сукна шили кафтаны и штаны, изъ кожи куртки или колеты и высокіе сапоги для кавалеріи. Грубость матеріала не исключала однакожъ отдѣлки платья различными обшивками, цвѣтными петлицами, даже галунами (фиг. 478) и т. п.

Въ составѣ нападательнаго оружія произошли довольно существенныя измѣненія. Прежде всего изъ него исчезли луки и самострѣлы, затѣмъ кистени, топоры, молоты и палицы, а съ 1640 г. кинжалы и другія короткія колющія и рѣжущія оружія, мѣсто которыхъ заступили короткія огнестрѣльные, именно пистолеты различныхъ формъ, подобно тому какъ луки и самострѣлы были вытѣснены длинноствольнымъ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Мечъ, съ прямымъ двулезвийнымъ клинкомъ и съ большимъ, иногда двойнымъ, эфесомъ изъ выгнутыхъ металлическихъ прутьевъ, остался по прежнему главнымъ ударнымъ оружіемъ, измѣняясь въ длину и ширину. Въ первой половинѣ столѣтія клинки мечей иногда еще обтачивались волнообразно съ обѣихъ сторонъ. Въ 40-хъ годахъ появились, прежде всего въ Англіи, короткіе мечи съ широкимъ клинкомъ и глухимъ, несковзнымъ эфесомъ; такими мечами была вооружена пуританская конница. — Около этого же времени въ имперскихъ войскахъ была введена, заимствованная отъ Поляковъ и Венгровъ, одиолезвийная сабля. Сначала ею были вооружены кроатскіе и гусарскіе полки, а съ 1640 г. и пѣхота. Въ концѣ 70-хъ годовъ появился палашъ. Слегка выгнутый клинокъ его былъ одиолезвийный или только съ конца обтачивался обоюдоостро, рукоять была снабжена скобой и эфесомъ сначала плоскимъ, потомъ глубокимъ сквознымъ. — Испанская шпага осталась, но преимущественно какъ нарядное небоевое оружіе, поэтому рукоять и эфесъ ея отдѣлывались особенно красиво и легко. Въ томъ же качествѣ небоеваго оружія удержался и трехгранный кинжалъ-стилетъ, не далѣе однакожъ 1650 года. — Длинные двуручные мечи (*flammberge*) употреблялись еще иногда до конца тридцатыхъ годовъ, но затѣмъ были совершенно оставлены.

До двадцатыхъ годовъ мечъ носили на поясной портупей (фиг. 351 и слѣд., фиг. 375 слѣд.), затѣмъ начали носить также и на перевязи черезъ правое плечо (фиг. 325). Оба эти способа употреблялись до половины столѣтія довольно безразлично, но съ 50-хъ годовъ перевязь взяла перевѣсъ надъ портупеей и, вытѣснивъ её почти совершенно, обратилась въ нарядную принадлежность костюма (фиг. 378 а; ср. фиг. 360 а). Въ 70-хъ годахъ однакожъ она въ свою очередь была замѣнена поясной портупеей.

Изъ колющихъ и рѣжущихъ оружій на длинныхъ древкахъ, долѣе другихъ держались копьѣ или пика. Древко ея было укорочено въ шведскомъ войскѣ (въ 1630 г. Густавомъ Адольфомъ) до 11-ти, а въ другихъ войскахъ (ок. 1640 г.) до 15 футовъ. Для защиты отъ ударовъ оно окывалось до половины длины спирально навитою на него желѣзною полосой; на нижнемъ концѣ древка насаживался иногда желѣзный заостренный наколеникъ. Само копьѣ дѣлалось по прежнему плоское двулезвийное или че-

тырехгранное, съ довольно длинной трубкой, иногда снабженной подь самымъ копьемъ прямой или изогнутой поперечиной. Съ 1680 г. копье въ большинствѣ случаевъ стало замѣняться шпагой и новозобрѣтеннымъ тогда штыкомъ (*baïonnette*). — Изъ другихъ древковыхъ оружій, нѣкоторыя, какъ *glaives*, *voulges*, совершенно исчезли изъ употребленія; другія же хотя и остались, но лишь какъ показное или парадное оружіе, утративъ всякое боевое значеніе; таковы были — алебарды, партизаны, ронсарды и эспонтоны. Согласно своему теперешнему назначенію всѣ они были укорочены и отдѣлывались болѣе или менѣе красиво и богато. На алебардахъ простыхъ солдатъ выгравировывался гербъ и шифръ государя; у эспонтоновъ лейбъ-гвардіи самое древко иногда обтягивалось цвѣтнымъ бархатомъ, обивалось рядами блестящихъ гвоздиковъ и украшалось кистями, не говоря уже о кликахъ, украшенія которыхъ бывали нерѣдко очень изящны. Такъ напр. на эспонтонахъ лейбъ-гвардіи Людовика XIV была выгравирована надпись «*pes pluribus impar*», окруженная фигурами и трофеями, и клики мѣстами вызолочены.

Штыкъ (*baïonnette*), вытѣсненный всѣ эти оружія, былъ введенъ Голландцами, въ подражаніе обычаю малайцевъ насаживать свои ножи на ружейные стволы, затѣмъ улучшенъ въ Байонѣ и около 1670 г. принятъ во французской, а вскорѣ затѣмъ и въ другихъ арміяхъ. Первоначально штыкъ прикрѣплялся къ деревянному стержню, который и вкладывался въ ружейный стволъ; но въ исходѣ столѣтія стержень былъ замѣненъ короткой металлической трубкой, которая надѣвалась на стволъ и потому давала возможность стрѣлять изъ ружья вооруженнаго штыкомъ.

Огнестрѣльное ручное оружіе продолжало хотя медленно, но постоянно совершенствоваться. Усовершенствованіе это выразилось прежде всего въ томъ, что ложа и приклады получили болѣе удобную для прицѣливанія форму, а стволы даже длинныхъ мушкетовъ и аркебузовъ стали настолько легче, что стрѣльба изъ нихъ сдѣлалась возможной и безъ сошекъ. Сошки были уничтожены въ голландскомъ войскѣ уже въ началѣ столѣтія (фиг. 379 а), въ шведскомъ — Густавомъ II Адольфомъ, около двадцати лѣтъ позднѣе, а въ сороковыхъ годахъ и вездѣ почти оставлены. Иначе было съ замками. Несмотря на преимущество колеснаго и пружиннаго замка передъ стариннымъ фитильнымъ, послѣдній преобладалъ во всѣхъ войскахъ до 60-хъ годовъ, и былъ замѣненъ колеснымъ лишь въ кавалерійскомъ огнестрѣльномъ оружіи — карабинѣ и пистолетѣ. Въ 1650 году явилась, первоначально во Франціи (?), новая улучшенная форма пружиннаго замка — это былъ кремневый замокъ съ куркомъ, огнивомъ и закрытой полкой. Если принять въ соображеніе, что еще въ исходѣ столѣтія заряданіе пистолетовъ производилось въ 82 темпа, то вновь изобрѣтенный кремневый замокъ давалъ возможность стрѣлять со скоростью до тѣхъ поръ неслыханною. Несмотря однакожь на это, онъ не вдругъ былъ принятъ: привычка и еще болѣе расчетливость заставляли держаться стараго; но за то, когда преимущества его были вполне сознаны, что случилось въ концѣ 90-хъ годовъ, — онъ былъ разомъ принятъ во всѣхъ войскахъ. Въ 1698 г. Лепольдомъ, герц. Дессаускимъ, были введены желѣзные шомполы вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, и устроены болѣе удобные патронташи. Между

тѣмъ, къ извѣстнымъ уже видамъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія (см. выше стр. 157) прибавились въ теченіе этого времени новыя: двуствольныя ружья, небольшіе очень красивые карманные пистолеты (англ. dags), короткія широкоствольныя ручныя мортиры (Handmörser) и даже ружья и пистолеты съ цилиндрической повертывающейся камерой о четырехъ, шести и восьми выстрѣлахъ,¹ совершенно похожіе на нынѣшніе «револьверы».

Приспособленія для зарядовъ, которые солдатъ долженъ былъ имѣть при себѣ, т. е. перевязь съ патронами, пороховница съ пультницей и т. д. (фиг. 379)

Фиг. 379.

совершенствовались не менѣе быстро, какъ и самое оружіе. Въмѣсто прежнихъ деревянныхъ патроновъ были введены жестяные, обтянутые кожей; вмѣсто затычки они закрывались крышечкой на шарнирѣ и прикрѣплялись къ перевязи съ помощью снурковъ, продѣтыхъ въ кольца на крышкахъ такимъ образомъ, что при всѣхъ движеніяхъ солдата они сохраняли вертикальное положеніе. Около половины столѣтія въ нихъ были сдѣланы новыя улучшенія: снурки, на которыхъ висѣли патроны, были значительно укорочены, а перевязь расширена такъ, что патроны лежали на ней и сверху закрывались пришитымъ къ перевязи кожанымъ клапаномъ; иногда на перевязи дѣлались сумки для пуль и прикрѣплялся особый крючекъ, на который вѣшали пороховницу и наматывали фитиль (ср. фиг. 380 a b). Несмотря на то, что перевязь эта была не совсѣмъ удобна по причинѣ безпрерывнаго

¹ Cp. Llewelin Meyrick. Sammlung (übers. von G. Fincke) Taf. CXIX, 6. Rockstuhl. Musée d'armes rares etc. de S. M. l'Empereur de toutes les Russies etc. Pl. CXIV, 3.

брючаныя висящихъ на ней патроновъ, нерѣдко выдававшихъ движеніе войска непріятелю, употребленіе ся продолжалось до конца 60-хъ годовъ (фиг. 380). Впрочемъ уже и ранѣе этого времени стали встрѣчаться, вмѣсто перевязей, настоящіе патронташи съ вставленными въ нихъ патронами; сначала эти патронташи носили на длинномъ ремнѣ надѣтомъ черезъ плечо, но въ началѣ 80-хъ годовъ, когда они окончательно вытѣснили прежнюю перевязь, ихъ стали носить поперекъ тѣла на поясѣ.

Фиг. 380.

Развитію военнаго устройства также какъ и усовершенствованію теоріи и практики военнаго искусства много содѣйствовали продолжавшіяся войны — нидерландская и въ особенности тридцатилѣтняя. Хотя обѣ эти войны велись главнымъ образомъ, а 30-лѣтняя почти исключительно, при помощи наемныхъ войскъ, однакожъ онѣ дали возможность и постояннымъ войскамъ нѣкоторыхъ государствъ — Франціи, Голландіи, Швеціи — выказать себя съ выгодной стороны и пріобрѣсти боевое значеніе. Что же касается военнаго искусства, въ особенности практики его, то она многимъ обязана участію въ 30-лѣтней войнѣ шведскаго короля Густава II Адольфа. Несмотря на малочисленность своего войска, онъ счумѣлъ сдѣлать его побѣдоноснымъ, и весь секретъ его состоялъ въ томъ, что въ противоположность принятому тогда тяжелому боевому строю, онъ заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы по возможности облегчить движенія массъ.¹ Вмѣсто

¹ Ср. A. Fryxell. *Leben Gustav II. Adolfs, Königs von Schweden*. Aus dem Schwedischen übersetzt von T. Homberg. Leipzig 1842. I. S. 193. ff.

обычнаго тогда 8 и болѣе шеренговаго построенія колоннъ, онъ строилъ ихъ въ три или самое большое въ четыре шеренги, неудуская при этомъ изъ вида возможно успѣшное совмѣстное дѣйствіе пѣхоты и конницы; облегчилъ вооруженіе солдатъ, и съ этою цѣлью укоротилъ пики, ввелъ въ пѣхотѣ болѣе легкіе мушкеты, ненуждавшіеся въ сошкахъ; длинныя ружья въ кавалеріи замѣнилъ карабинами, а изъ полнаго вооруженія ея оставилъ однѣ кирасы, отбросивъ всё остальное, и въ добавокъ ко всему этому, держалъ своихъ солдатъ подъ строжайшей дисциплиной. Но какъ ни плодотворны оказались эти нововведенія, выгоду ихъ была сознаана не вдругъ, и принятіе ихъ другими государствами послѣдовало уже по смерти Густава.

Коренной переворотъ въ военномъ устройствѣ произведенъ былъ во Франціи около половины столѣтія. Онъ состоялъ въ устраненіи наемныхъ войскъ и въ замѣнѣ ихъ постоянными. Авторами этой новой системы — совершенно отличной отъ прежнихъ постоянныхъ гвардій — были, кромѣ Тюрена, Ле-Теллье и Лувуа, въ особенности послѣдній, постепенно увеличившій количество постоянного войска во Франціи до того, что вмѣсто 40000, которыми располагалъ Генрихъ IV, Людовикъ XIV послѣ Нимвегенскаго мира (1676) могъ выставить армію въ 140000 человекъ. — Примѣру Франціи послѣдовали, отчасти по необходимости, и другія государства, одни ранѣе, другія позднѣе, какъ напр. Голландія и Англія. Параллельно съ сухопутными, возрастали и морскія силы европейскихъ государствъ, но въ этомъ отношеніи Франція, послѣ потери понесенной ею при мысѣ Лагогъ (въ 1692 г.), надолго осталась позади Голландіи и Англіи.

Что касается наружнаго вида войскъ, то онъ хотя и медленно, но постоянно прибрѣталъ всё болѣе и болѣе правильности и единообразія. Впрочемъ это касалось пока не столько одежды, сколько вооруженія. Правда, что уже въ началѣ тридцатилѣтней войны стало входить въ обычай различать отдѣльныя части войскъ, помимо ихъ вооруженія, еще по цвѣтамъ, но это различіе основывалось большею частію на цвѣтѣ какого нибудь отличительнаго знака, присвоеннаго тому или другому полку, и очень рѣдко на цвѣтѣ костюма, да и въ этомъ случаѣ на цвѣтѣ какой нибудь части послѣдняго, обыкновенно камзола. Въ войскѣ Густава Адольфа напр. «зеленая», «бѣлая» и «красная» бригады назывались такъ по цвѣту ихъ знаменъ; «черный полкъ» по цвѣту вооруженія (черныхъ кирасъ) и только два полка «голубой» и «желтый» по цвѣту ихъ кафтановъ. Точно также и въ имперскихъ войскахъ только немногіе отдѣльные корпуса были одѣты одинаково, именно: Рутлеровскіе драгуны — въ красныя кафтаны съ черной обшивкой, и Голковы егеря — въ зеленые кафтаны съ бѣлой обшивкой. Въ сраженіи при Люценѣ на шведскихъ войскахъ были зеленые, а на имперскихъ — красныя перевязи. — Приятное дѣленіе конницы и пѣхоты по главному ихъ оружію на копейщиковъ, алебардчиковъ, мечниковъ и пикальниковъ, какъ уже неудовлетворительное, было расширено новыми подраздѣленіями. Во Франціи уже въ 1600 г. былъ образованъ маршаломъ Бризакомъ новый видъ конницы, названный драгунами отъ короткоствольныхъ карабиновъ (dragons), которыми онъ былъ вооруженъ. Примѣру Франціи не замедлили послѣдовать нѣкоторые другія государства и уже около

1632 года кавалерійскія части большей части армій заключали въ себѣ, сверхъ почти исключительно составлявшихъ ихъ копейщиковъ, еще кирасиръ, пицальниковъ, карабинеровъ и драгунъ; между тѣмъ какъ пѣхота дѣлилась тоже на копейщиковъ, пицальниковъ и мушкетеровъ. Пѣшіе копейщики носили половинное вооруженіе (кирасу, набедры и каску), перчатки изъ буйволовой кожи и, кромѣ пика или копыя, — прямой мечъ (фиг. 377); пицальники (*arquebusiers*; *Arkebusirer*) такой же мечъ и пицаль съ сошкой, а мушкетеры — мушкетъ безъ сошки, мечъ и каску (фиг. 379 а б). Вооруженіе конныхъ копейщиковъ составляли: каска, латы съ воротомъ, наплечниками, наручами и набедрами, полукафтанъ изъ буйволовой кожи, конье въ 15 фут. длины, прямой мечъ и одинъ или два пистолета съ принадлежностями; вооруженіе кирасиръ — такіе же латы и полукафтаны, первыя чернаго цвѣта, послѣдній краснаго, мечъ и пара сѣдельныхъ пистолетовъ; конныхъ пицальниковъ — кираса съ каской (позднѣе вмѣсто каски — широкополая шляпа), пицаль на перевязи, мечъ и пистолеты; карабинеровъ — тоже кираса, вмѣсто каски — шляпа, и двѣ перевязи крестъ на крестъ, на одной изъ нихъ — карабинъ, на другой мечъ; — драгунъ — полукафтанъ изъ буйволовой кожи, каска съ напосникомъ (фиг. 374 а. б), мечъ и карабинъ (*dragon*) на перевязи. Появившіеся вскорѣ пѣшіе драгуны носили широкополую шляпу, мечъ и мушкетъ (*caliver*).

Фиг. 381.

Несмотря на всё это, никакого строгого и, главное, нагляднаго различія между отдельными частями войскъ на дѣлѣ не существовало, или оно было такъ ничтожно, даже и между войсками различныхъ государствъ, что нередко отъ этого происходили серьезныя замѣшательства и недоразумѣнія. Напр. въ сраженіи при Варшавѣ (ок. 1652) войска курфюрета браденбургскаго и союзныя съ ними шведскія были одѣты и вооружены настолько одинаково, что ихъ нельзя было различить и потому во избѣжаніе замѣшательства первымъ приказано было навязать себѣ на голову дубовыя вѣтки, а послѣднимъ — пучки соломы.

Даже и такъ наз. постоянныя лейбъ-гвардіи не имѣли до послѣдней четверти столѣтія ничего похожаго на настоящій мундиръ. Лейбъ-гвардія Людовика XIII послала (и то не вся) только одинаковыя камзолы съ вышитымъ на нихъ L подъ короной, а гвардія Мазарина — одинаковыя плащи съ крестомъ на каждой полѣ. Однообразная обмундировка войска была начата въ 1670 году во Франціи Коллиманомъ де-Фродѣ, который, не измѣняя покроя одежды, присвоилъ каждой части войска особый цвѣтъ, какъ для

верха, такъ и для подкладки, отворотовъ, петлицъ, обшивокъ и т. д. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, цвѣта были окончательно установлены, по крайней мѣрѣ для главнѣйшихъ частей войска: для гвардіи, синіи съ красной подкладкой и бѣлыми петлицами; для жандармеріи (*gens d'armes*) — красный съ синимъ; для мушкетеровъ — сѣрый съ чернымъ и по бѣлому кресту на груди и на спинѣ; для драгунъ красный; для легкой кавалеріи (*cheval legers*) сѣрый съ краснымъ; наконецъ, для пѣхоты — сѣрый (ср. фиг. 381). Съ 1700 г. нѣкоторые полки бѣли одѣты въ бѣлые кафтаны и сѣрые панталоны. Рукава у гвардейскихъ мундировъ были обшиты серебрянымъ галуномъ; конница носила двѣ перевязи крестъ-на-крестъ: одну для мушкета, другую для сабли; сабельная перевязь высшихъ офицеровъ была очень широка и богато вышита (ср. фиг. 378 а).

Едва только успѣла начаться во Франціи обмундировка войскъ, какъ её уже стали вводить у себя и другіе государи, даже мелкіе нѣмецкіе князья.

Фиг. 382.

Однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ ея былъ Фридрихъ Вильгельмъ, курфюрстъ Бранденбургскій. Онъ выбралъ военными цвѣтами красный, синій, и сѣрый — которые почти вездѣ выбирались предпочтительно передъ другими цвѣтами, — и одѣлъ своихъ солдатъ въ длинныя до колѣнъ и просторныя кафтаны съ красными лацканами и обшлагами, обшитыя по борту узкими петлицами и множествомъ (до $4\frac{1}{2}$ дюжинъ) крупныхъ и мелкихъ пуговицъ; въ поколѣнные очень широкіе штаны и толстые башмаки (пѣхоту) или сапоги (кавалерію: ср. фиг. 380 а в), удержавъ для нѣкоторыхъ частей конницы латы, каски и кожаные колеты. Но за исключеніемъ этихъ отборныхъ частей, масса его войска была не только плохо и совершенно произвольно одѣта — какъ напр. такъ наз. *Wibranzen* (родъ ополченія), носившіе просто холщевые кители, — но и безпорядочно вооружена. Впрочемъ, такъ было и во всѣхъ почти арміяхъ; правильная обмундировка войскъ была введена не ранѣе первыхъ годовъ слѣдующаго столѣтія.

Высшіе воинскіе чины рѣдко надѣвали мундиръ, а ходили въ обыкновенномъ свѣтскомъ костюмѣ, прибавляя къ нему, кромѣ шарфа, еще шпажную перевязь и густо убранныя перьями шляпу сверхъ моднаго парика. Иногда они носили латы подъ кафтаномъ на распахку, и высокіе сапоги съ широкими раструбами.

Въ государствахъ восточной Европы, кромѣ Россіи, гдѣ Петромъ I была только еще начата реорганизация войска на европейскій образецъ, — вооруженіе и одежда войска остались почти безъ всякихъ измѣненій прежнія. Даже и Поляки не оставляли своего почти совершенно азіатскаго вооруженія. Въ корол. оружейной палатѣ въ Дрезденѣ сохраняется вооруженіе бывшее на Янѣ Собіе-

скомъ при взятіи имъ Вѣны въ 1683 году. Оно состоитъ изъ чешуйчатого панцыря полированной стали, каски убранной бѣлыми и красными перьями, красного бархатнаго полукафтана, чешуйчатыхъ перчатокъ, стальной раззолоченной булавы и длинной сабли съ остроконечнымъ клинкомъ дамасской стали съ золотой настьчкой и въ ножнахъ изъ рыбьей шкуры. На панцырь каждая чешуя украшена крестикомъ, на воротѣ большой крестъ, а на оплечьяхъ круглыя бляхи съ львиными головами.¹

Облаченіе и одежда духовенства.

Римско-католическое облаченіе, продолжая сообразоваться, въ предѣлахъ допускаемыхъ его литургическимъ назначеніемъ, съ требованіями господствующаго вкуса, понижалось все болѣе и болѣе въ отношеніи качества матеріи и художественности отдѣлки. Иѣкогда употреблявшіеся для изготовленія его дорогія матеріи уступили мѣсто болѣе легкимъ и дешевымъ, и самое производство ихъ почти совсѣмъ прекратилось; великолѣпное шитье шелками, жемчугомъ и т. п. замѣнилось нашитыми узорчатыми бордюрами или просто галуномъ, а бѣлыя ажурныя вышивки и пастоящія кружева — обшивками изъ полупрозрачныхъ матерій въ родѣ тюля или рюша. вмѣстѣ съ этимъ и всѣ другія мастерства, принимавшія участіе въ отдѣлкѣ облаченія, какъ напр. золотыхъ-дѣлъ-мастерство, стали поставлять для него работы безъ всякаго внутренняго достоинства, причемъ искажился и самый типъ его украшеній, которыя утратили свой прежній церковный характеръ и сдѣлались произвольными и безсодержательными. вмѣсто специалистовъ и знатоковъ дѣла, какъ это было прежде, изготовленіемъ облаченія стали теперь заниматься люди неумѣлые, имѣвшіе въ виду только наживу и, по примѣру свѣтскихъ портныхъ, изъ-за конкуренціи придумывавшіе различныя нововведенія. Это не могло, конечно, измѣнить существенно основныхъ формъ облаченія, такъ какъ онѣ были твердо установлены, но въ различныя детали его вошло много такихъ измѣненій, которыя не только противорѣчили назначенію облаченія, но еще и безобразили его.

Въ своей небогослужебной одеждѣ духовенство все свободнѣе слѣдовало господствующей модѣ, не обращая вниманія на существовавшія на этотъ счетъ предписанія, которыя соблюдались только духовенствомъ города Рима и испанскимъ, первымъ потому, что оно жило на глазахъ у папы, послѣднимъ потому, что оно вообще держало себя строже. Французскіе духовные не уступали свѣтскимъ людямъ въ щегольствѣ дорогими матеріями, лентами, кружевами и т. п., отличаясь отъ нихъ лишь исключительно чернымъ цвѣтомъ своего костюма и своими широкополыми шляпами съ завороченными къ верху полями. Монашествующіе обонхъ половъ точно также позволяли себѣ почти неограниченный произволъ въ выборѣ по крайней мѣрѣ цвѣта своей одежды, въ особенности принадлежавшіе къ новымъ орденамъ, во множествѣ учрежденнымъ во Франціи при Людовикѣ XIII.² Одежда этихъ

¹ S. F. A. Frenzel. Der Führer durch das hist. Museum zu Dresden. стр. 77 и 100. — ² Ср. выше (ч. I, стр. 132) приведенныя сочиненія, въ особ. Heliot, *Histoire des ordres monastiques etc.*

орденовъ даже и покроемъ мало разнилась отъ свѣтской, изготовлялась изъ лучшихъ матерій и отличалась особенно яркими цвѣтами, преимущественно свѣтло-голубымъ и ярко-краснымъ, кромѣ бѣлаго и чернаго.

Нечего и говорить, что какъ только парикъ началъ входить въ моду во Франціи, духовенство пожелало присвоить его и себѣ. По мнѣнію на этотъ счетъ были различны, и появленіе аббата де-ла-Ривьеръ въ большемъ парикѣ возбудило вопросъ о томъ, «прилично ли духовному лицу носить длинные волосы, а тѣмъ болѣе парикъ?». Пока этотъ вопросъ обсуждался, особенно серьезно въ Голландіи (съ 1640 г.), католическое духовенство держалось отъ него въ сторонѣ; но съ 1660 г. многіе изъ его среды, въ томъ числѣ не мало и высшихъ духовныхъ сановниковъ, по крайней мѣрѣ во Франціи, начали носить парикъ, не смотря на протестъ нѣсколькихъ епископовъ, и къ началу 80-хъ годовъ парикъ утвердился какъ принадлежность неслужбнаго костюма духовныхъ. По немного времени спустя ношеніе его было допущено и при богослуженіи. Уже въ 1688 г. гильдесгеймскіе священники пожелали служить обѣдно въ парикахъ и просили у епископа дозволить имъ это. Епископу дѣло показалось затруднительнымъ и онъ обратился въ Кёльнъ къ нунцію съ запросомъ. Получивъ въ отвѣтъ, что разрѣшеніе зависить отъ папы, онъ постарался принять съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы такого разрѣшенія не послѣдовало. Вскорѣ однакожъ всѣ затрудненія были устранены, даже и то, которое представлялъ чинъ богослуженія, требующій чтобы служащій мессу въ извѣстные ея моменты обнажалъ себѣ голову. Обойдено было это затрудненіе очень просто: верхушка парика, закрывающая тонеуру, дѣлалась подвижною, такъ что ее можно было отворачивать. Послѣ всего этого ношеніе парика священнослужителями при совершеніи богослуженія стало дѣломъ обыкновеннымъ, не смотря на продолжавшіеся еще протесты нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и учонаго парижскаго доктора Тьера (Thiers), который, въ напечатанной имъ въ 1690 г. исторіи париковъ (*histoire des perruques*), выставялъ на видъ всю неумѣстность такого обыкновенія. Не остановило распространенія его—развѣ только у римскаго духовенства—и запрещеніе папы Иннокентія XII, если судить потому, что преемникъ его, Климентъ XI, нашелся вынужденнымъ возобновить это запрещеніе уже въ 1703 году.

Въ англиканской церкви, вмѣстѣ съ измѣненіемъ литургіи въ смыслѣ приближенія ея къ католической, измѣненіемъ введеннымъ съ 1630 г. Вильямомъ Лодомъ (Laud), епископомъ Кантербурійскимъ, произошло соответствующее измѣненіе и въ облаченіи духовенства. Вообще очень склонный къ выѣшней помпѣ, Вильямъ Лодъ пожелалъ возвратитъ и богослуженію его бывшее великолѣпіе. Побѣдивъ вездѣ, кромѣ Шотландіи, довольно упорное сопротивленіе, которымъ было встрѣчено введеніе новой литургіи, онъ съумѣлъ склонить по крайней мѣрѣ англійскихъ епископовъ къ принятію нѣкоторыхъ главнѣйшихъ частей католическаго облаченія, а именно: стихаря (*rochet*), верхняго одѣянія или ризы (*pluviale*), митры и посоха (*pastorale*). Всѣ высшее англиканское духовенство носило усы и бороду, которую подстригало четырехъугольникомъ; такая борода называлась *broad beard* или *cathedral beard*, (широкою или каедреною). Духовенство отдѣлившись отъ епископальной церкви сектъ, диссентеровъ и нонконформистовъ, напротивъ то-

го, оставалось при своей разъ установленной одеждѣ, или, какъ у пуританъ и индепендентовъ, носило обыкновенное платье.

Но мѣръ того какъ возрастало преобладаніе пуританъ, особенно при Кромвеллѣ, епископальная церковь постепенно снова освобождалась отъ навязанной ей виѣшней пышности. А когда съ другой стороны, благодаря примѣру Кромвеля, стала уменьшаться излишняя строгость и въ средѣ пуританъ, то рѣзкое различіе во виѣшности духовенства обоихъ вѣроученій постепенно сгладилося. Проповѣдники же полнокормистовъ, сохраняя безъ измѣненій свою одежду, стали носить не только длинные до плечъ волосы, какъ пуритане, подражавшіе въ этомъ Кромвелю, но и черный баретъ и такого же цвѣта лишнюю верхнюю одежду. Епископальное же духовенство возвратилось къ своему прежнему болѣе простому облаченію, въ продолженіи царствованія Карла II принявшему окончательно тѣ формы, какія оно и до сихъ поръ сохраняетъ. Впрочемъ въ семидесятыхъ годахъ и оно приняло въ свой костюмъ, какъ особенно почетную принадлежность его, длинный и широкій парикъ.

Фиг. 382.

Протестантское духовенство удержало принятое имъ съ самаго начала чорное одѣяніе, какъ свой служебный костюмъ. Одѣяніе это осталось и до настоящаго времени почти совершенно такимъ же, какимъ оно было при Лютерѣ (фиг. 314; фиг. 383 а в); только въ нѣкоторыхъ общинахъ и въ большей части тѣхъ городовъ, гдѣ вообще костюмъ складывался своеобразно, какъ-то въ Нюрнбергѣ, Аугсбургѣ и Страсбургѣ, его дѣлали значительно выше ступней и складывали въ продольныя плоскія складки равной ширины, отъ чего оно получало некрасивый видъ. Но особенную

странность представляло то обстоятельство, что иные духовные при такой одеждѣ носили только узенькій бѣлый воротничокъ, другіе широкій отложной воротникъ о двухъ лопастьяхъ, или баветки, третьи, наконецъ, (въ большихъ городахъ, какъ напр. Франкфуртъ на Майнѣ) удержали старинную испанскую фрезу (фиг. 383 b). И протестантское духовенство обнаружило наклонность къ принятію парика вскорѣ послѣ изобрѣтенія его во Франціи, обстоятельство вызвавшее ожесточенные споры, потребовавшіе даже созванія мѣстныхъ синодовъ, и продолжавшіеся до тѣхъ поръ, пока учоный Салмазіусъ не доказалъ, что волосы принадлежать къ безразличнымъ вещамъ. Это мнѣніе учонаго рѣшило дѣло окончательно въ пользу париковъ, однакожъ ношеніе ихъ сдѣлалось всеобщимъ не ранѣе 70-хъ годовъ и было какъ бы подготовлено обыкновениемъ отращивать до плечъ натуральные волосы. Въ Германіи это обыкновение велось въ средѣ духовенства уже съ 40-хъ годовъ, не смотря на попытки запретить его даже синодальными постановленіями. Что касается париковъ, то они были допущены здѣсь безъ затрудненій, только употребленіе ихъ при богослуженіи было подвергнуто обсужденію, вызвавшему весьма противоположныя мнѣнія. Но когда собравшійся въ Дрезденѣ въ 1692 г. сеймъ объявилъ что «духовные могутъ съ спокойною совѣстью носить парики» и вскорѣ затѣмъ, въ 1694 г., магистръ Іоганнъ Филиппъ Гросъ въ Лейпцигѣ высказалъ мнѣніе, что «такъ же негрѣшно употреблять для покрытія головы волосы животныхъ, какъ и ихъ шерсть или шкуры», то этимъ и прекратились всѣ дальнѣйшія препирательства. Съ этихъ поръ всѣ духовные накрылись обширными париками въ локонахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ упрямецевъ, которые предпочитали накрываться, даже и внѣ служенія, маленькою шапочкою изъ чорнаго бархата (фиг. 383 b).

Б. У т в а р ь. ¹

Стремленіе къ свободѣ, видоизмѣнившее формы ренессанса, особенно въ орнаментациі и ея примѣненіяхъ, было главнымъ двигателемъ его дальнѣйшаго развитія въ этомъ именно направленіи. Разумѣется, развитіе это, несмотря на широту принятаго имъ направленія, могло совершаться лишь медленно. Уже самое изобиліе имѣвшагося матеріала должно было скорѣе

¹ Къ указаннымъ выше (ч. I, 276 и ч. II, 179) новѣйшимъ сочиненіямъ слѣдуетъ присовокупить еще слѣдующія: Ovide Reynard. Ornaments des anciens maitres de XVe, XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. Paris. 1844. Daniel Ramée. Meubles religieux et civils conservés dans les principaux monuments et musées de l'Europe. Choix de reproductions des plus remarquables spécimens exécutés dans le cours du Moyen-âge, de la Renaissance et des règnes de Louis XIII, Louis XIV, Louis XV et Louis XVI. Paris, 1861.—Изъ современныхъ художниковъ, издавшихъ образцы мебели, орнаментовъ и пр. отдѣльными листами и въ сборникахъ, упомянемъ здѣсь: Claes Jansz Vischer. Verscheyden Schryynwerk als Portalen, Kleerkassen, Buffetten, Ledicanten, Tafels etc. Alles seer aerdich geordeneert en geteyckent door—Paulus Vredeman de Vriesse In't jaer 1630 (съ французск. заглавіемъ фотолитографически издано въ Брюсселѣ въ 1869; такое же изданіе того же мастера: Recueil de Cartouches, — de Caru-

стѣснять творческую фантазію, заставляя её отыскивать новыя примѣненія для выработанныхъ уже формъ, чѣмъ побуждать къ изобрѣтенію новыхъ. Покрайней мѣрѣ до половины 20-хъ годовъ въ формообразованіи не обнаруживалось никакихъ рѣшительныхъ признаковъ перехода къ какому нибудь определенному новому направленію, а одни только незначительныя уклоненія отъ принятыхъ художественныхъ нормъ. Съ 30-хъ годовъ уклоненія эти стали обозначаться все рѣзче и наконецъ, потерявъ почти всякую опору, съ половины столѣтія продолжали уже развиваться до своихъ крайностей по требованію привыкшаго къ нимъ современнаго вкуса.

Новое направленіе возникло во Франціи и Италіи и въ нихъ же завершило свое развитіе, ставъ образцовымъ для другихъ странъ. И въ этомъ случаѣ Италія опередила Францію, благодаря смѣлымъ талантамъ, съумѣвшимъ если не внести порядокъ въ запутанность господствовавшую въ искусствѣ, то по крайней мѣрѣ овладѣть ею и связать её въ нелишенное нѣкоторой грандіозности цѣлое. Но даже и самый рѣшительный и самый сильный изъ этихъ талантовъ—Джіованни Лоренцо Бернини (1599—1680) долженъ былъ подчиниться духу времени и могъ только придать видъ художественной цѣльности хаосу всё болѣе и болѣе искажавшихся формъ. Вліяніе его, какъ живописца, ваятеля и архитектора, простиралось на всю область искусства, но опредѣляющее значеніе оно имѣло въ ваяніи и зодчествѣ, а посредствомъ нихъ и въ формообразованіи утвари. Какъ ни извращены были формы вообще, нерѣдко до совершеннаго несоотвѣтствія, даже противорѣчія съ назначеніемъ предмета, Бернини всё таки умѣлъ прицаровлять ихъ къ созданному имъ хотя и призрачному закону. Обогащая ихъ новыми, онъ пользовался ими, особенно въ архитектурѣ, не стѣняя себя ни мало ихъ внутреннимъ значеніемъ и при этомъ все-таки соблюдая въ большинствѣ случаевъ импонирующую соразмѣренность. Такимъ образомъ Бернини удалось объединить всѣ заблужденія господствующаго вкуса въ одно цѣлое и найти имъ опредѣленное, полное эффекта, хотя и чисто внѣшняго, выраженіе въ особомъ стилѣ, такъ наз. барокко.

Но такъ какъ основу этого стиля составляло отрицаніе истиннаго художественнаго закона, то онъ давалъ полную свободу воображенію и оправдывавъ всевозможныя порожденія послѣдняго, какъ бы странныя они ни были. Едва Бернини успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ, какъ у него уже явились соперники, пытавшіеся во что бы то ни стало превзойти его, и дошедшіе

atides, — d'Arabesques; тамъ же. 1870). J. и L. Berain (Орнаменты и др.). J. B. Toro (орнаменты; сосуды). Anton le Pautre и Jean le Pautre (1614 — 1691): Ornements, portails, cheminées, portes, frises, etc. Paris: Mariette. 675 planches. G. C. Erasmus und Wilh. Pfann. Säulenbuch oder Gründlicher Bericht von der fünf Säulen, etc. Nürnberg 1666). Ch. Le Brun (Tapisseries du Roy, où sont representez les quatre éléments et les quatre saisons avec les devises qui les accompagnent. Paris 1679). Sr. de Marot, architecte de Guillaume, roy de la grande Bretagne etc. Oeuvres. à la Haye 1701; в Werken van D. Marot. Amsterdam 1707. Louis Fordrin (Nouveau livre de Serrurerie etc. à Paris. 1700.) J. O. Meissonnier (Livre d'ornements. à Paris). — Исключительно орнаменты въ изданіяхъ: Georg Wechter (въ 1619); S. Vouet et M. Dorigny (Livre des diverses grotesques. Paris. 1647) Masson. (Nouveaux dessins pour graver sur l'orfèvrerie etc). Pierre Bourdon (Essais de Graveur etc.). Gilles Légaré (Livre des ouvrages d'Orfèvrerie). Изъ новѣйшихъ подобныхъ изданій: E. Leconte. Variété ou choix d'ornements etc. copies exactes des gravures du 16e au 18e siècles. Paris. 1838. 124 planches.

въ своихъ преувеличеніяхъ берниніевскаго стиля до крайней; совершенно почти безсмысленной напыщенности формъ. Это искаженіе уже искаженнаго формообразованія было тѣмъ не менѣе возведено въ родъ, тоже впрочемъ фальшиваго, стиля однимъ изъ самыхъ честолюбивыхъ соперниковъ Бернини—Франческо Борромини. Менѣе талантливый, чѣмъ Бернини, и полагая цѣль искусства въ пораженіи вѣтшихъ чувствъ, онъ думалъ достигнуть своей цѣли несогласною съ значеніемъ вещи обработкою ея и изобиліемъ всякаго рода украшеній. Если Бернини, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, всё еще въ извѣстной мѣрѣ держался классической традиціи, то Борромини отрицалъ её совершенно, особенно въ архитектурѣ. Замѣняя, гдѣ только возможно, прямую линію кривою, онъ далъ послѣдней преобладающее значеніе, сравнительно съ умѣреннѣйшимъ примѣненіемъ ея Бернини, и пользовался ею не только для ограниченія массъ въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, но иногда и въ самомъ планѣ зданія. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, лишь бы достигнуть желаемаго эффекта, онъ смѣло черпалъ въ массѣ имѣвшихся орнаментальныхъ формъ, преобразуя и утрируя ихъ, какъ бы подъ вліяніемъ мгновеннаго пагитія или болѣзненнаго раздраженія. Онъ обращалъ въ украшенія даже столбы, колонны, пилястры; и притомъ безъ всякаго отношенія къ ихъ архитектурному назначенію. Не довольствуясь ихъ уже и безъ того большимъ разнообразіемъ формъ, онъ увеличилъ его новыми формами, еще болѣе страшными. Капители и базы или цоколи колоннъ онъ покрывалъ безъ разбора всякаго рода орнаментами; произвольно увеличивая цоколи, онъ ставилъ ихъ то рядомъ, то одинъ на другой, и переднюю ихъ сторону украшалъ горельефами или полукруглыми нишами съ фигурами въ нихъ. Кромѣ пилястры, онъ употреблялъ особенно часто каріатиду, большую частью въ видѣ выходящей изъ стѣны цѣльной или половинной человѣческой фигуры, обнаженной или полуодѣтой, или въ видѣ богато орнаментированной массивной консоли, и т. д. Балюстрада употреблялась имъ тоже какъ украшеніе въ формѣ карниза, и вообще обильный запасъ орнаментальныхъ формъ былъ значительно увеличенъ. Въ качестве орнаментовъ появились: разныя рожи, двуллицы уродливыя головы, гермы и обаяски, крылатыя дѣтскія головки, человѣческія и звѣриныя фигуры въ напряженно-быстромъ движеніи, колонны человѣкоподобной формы, иногда увѣшанныя трофеями, эмблемы, орнаменты въ видѣ вазъ, отдѣльныхъ и соединенныхъ въ цѣпь круглыхъ, овальныхъ и граченыхъ тѣлъ, рамки разнообразно изогнутыя, ниши съ верхушками въ видѣ раковинъ, раковины, рыбы, сѣти, звѣриныя шкуры, букеты цвѣтовъ, груды камней, сталактиты, зубцы и мн. др. Всё это скучивалось вмѣстѣ съ единственною цѣлью произвести живописный эффектъ и поразить нарядностью, при чемъ однакожъ исполненіе отдѣльныхъ фигуръ, въ особенности человѣческихъ, отличалось крайнею надутостью и аффектаціею. Не смотря однакожъ на всё это, послѣдователи Борромини, пошли еще далѣе и довели его стиль, названный по немъ борроминіевскимъ, до совершенной уродливости, въ особенности наиболѣе извѣстный изъ нихъ, Камилло Гуарини (1624 — 1685), театинскій монахъ и архитекторъ.

Въ Испаніи выработался тоже родъ барокка, представлявшій видоизмѣненіе итальянскаго и притомъ борроминіевскаго. Испанскіе художники, боль-

шею частью получавшіе свое художественное образованіе въ Италіи, въ силу своей національной наклонности къ вѣдшей пышности, отдавали преимущество Борромини передъ Бернини; но, подражая ему, они еще преувеличивали его заблужденія и въ тоже время не упускали изъ вида и французскихъ образцовъ и, кромѣ того, всё еще продолжали примѣнять, преимущественно къ утвари, такъ называемую ювелирную орнаментацию (*plateresque*). Изъ вѣдшихъ этихъ элементовъ и сложился испанскій барокко.

Во Франціи тоже самое направленіе въ искусствѣ приняло отпечатокъ большей стройности и цѣльности, и сумѣло сохранить его до половины столѣтія, хотя, конечно, тоже не осталось свободнымъ отъ вѣдшихъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя необходимо впадаетъ разъ сошедшійся съ настоящей дороги вкусъ. Но ошибки эти скрашивались и уравнивались здѣсь большимъ, сравнительно съ Италіей, уваженіемъ къ классическимъ формамъ, изъ коихъ многія сохранились почти безъ измѣненія, и преимущественно свѣтскимъ характеромъ французскаго искусства, производившаго главнымъ образомъ для возвышенія блеска двора и жизни знатныхъ. Не смотря на близкое подраженіе италіанскимъ образцамъ, произведенія французской архитектуры и французская художественная утварь, даже и подъ массой орнаментовъ, поражали перѣдко чистотою формъ и изящною игрою линій. Всё это продолжалось однакожъ не далѣе половины столѣтія. Съ самостоятельнымъ воцареніемъ Людовика XIV судьба французскаго искусства измѣнилась. Обращенное почти исключительно на службу этого короля и подчиненное его произволу строгой регламентации, оно утратило всё что еще оставалось въ немъ жизненнаго и свободнаго, и пало до чисто вѣдшей игры условными формами. Безсодержательный пафосъ, который сталъ теперь его отличительною чертою, такъ же мало могъ замѣнить въ немъ отсутствіе задушевности, какъ и съ такимъ же рвеніемъ преслѣдуемое стремленіе поразить и ослѣпить наружнымъ блескомъ, стремленіе наиболѣе рѣзко проявлявшееся въ архитектурѣ, на которую впрочемъ имѣло особенное вліяніе приглашеніе Бернини для сочиненія прозектовъ. Что же касается утвари, то хотя она оставалась какъ и прежде въ зависимости отъ архитектуры, т. е. по прежнему продолжала усваивать себѣ вѣдшія формы, которыя создавала архитектура, но усваивала ихъ уже принаравляя къ собственнымъ цѣлямъ и сообразно съ этимъ видоизмѣняя ихъ и умножая новыми, самостоятельно созданными. Слѣдствіемъ этого было то, что, въ области утвари, орнаментъ мало по малу почти совершенно отдѣлился отъ основной формы, а отдѣлившись и ставъ свободнымъ, развился до чрезвычайнаго богатства, такъ что часто подавлялъ собою основную форму. Это развитіе орнамента, въ началѣ довольно шаткое, выражавшееся преимущественно въ кудреватости и напыщенности, съ семидесятихъ годовъ начало вырабатываться подъ руками нѣкоторыхъ талантливыхъ художниковъ, въ томъ числѣ и Шарля Лебрюна (1619—1690), въ очень нарядный и пестрый, но чрезвычайно живой и пріятный для глаза стиль, въ послѣдствіи названный рококо. Стиль этотъ съ утвари (именно съ мебели) перешолъ и въ архитектуру, породивъ зданія съ особымъ, какъ бы мебельнымъ характеромъ.

Голландія тоже не осталась чужда направленію, которое было всеобщимъ и обуславливалось духомъ времени; но въ ней направленіе это сдер-

живалось въ должныхъ границахъ привязанностію къ существующему и чувствомъ естественности, свойственными голландцамъ. Въ искусствахъ оно выражалось нелишнимъ величавости соблюденіемъ мѣры; въ формообразованіи утвари—изящною простотою, далекою отъ чисто внѣшней пышности, къ которой оно начало склоняться уже въ 80-хъ годахъ, подъ усилившимся дѣйствіемъ французскаго вліянія.

Въ Англіи направленіе вкуса охранялось художественной традиціей, которая оставалась незатронутою внѣшними вліяніями; утварь въ особенности еще долго сохраняла очень замѣтные слѣды германскаго формообразованія. Со вступленіемъ на престолъ Карла II, когда иностранное, именно французское, вліяніе вторглось во всѣ сферы внѣшней жизни и начало ихъ преобразованіе, оно сдѣлалось господствующимъ и въ области искусства и внесло въ него современныя французскія формы.

Въ Германіи тридцатилѣтняя война не только почти совершенно прекратила всякую художественную и ремесленную дѣятельность, но и порвала всѣ связи, связывавшія ихъ съ ихъ прежнимъ состояніемъ. Даже и по окончаніи войны художественная дѣятельность долго не могла подняться до самостоятельнаго творчества, а уходила вся на подражаніе чужимъ, почти исключительно французскимъ образцамъ. Хотя въ послѣдствіи и появлялись нѣкоторые самостоятельные дѣятели, даже люди одаренные замѣчательнымъ талантомъ—какъ напр. Андрей Шлютеръ (1662), но они стояли слишкомъ одиноко для того чтобы вліяніе ихъ могло быть прочно и широко, не говоря уже о томъ, что они не были и оцѣнены по достоинству. Какъ Германія, такъ и скандинавскія земли, охваченныя общимъ теченіемъ, признавали во всемъ господство французскаго вкуса и безпрекословно подчинялись ему.

Тоже теченіе, разливаясь всё шире и шире, захватило и самый складъ жизни и всю ея матеріальную обстановку. За исключеніемъ сѣвера Европы, Швейцаріи и южныхъ областей Италіи и Испаніи, гдѣ внѣшняя жизнь, связанная мѣстными условіями, оставалась почти безъ измѣненій, почти вездѣ въ Европѣ жилище (домъ) не только увеличилось въ объемѣ и стало вообще удобнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуальнѣе, и это послѣднее тѣмъ болѣе, что владѣльцы домовъ строили ихъ для себя и только сами въ нихъ жили, домовъ же для отдачи въ наймы было сравнительно мало. Этотъ индивидуальный, или лучше сказать сословный характеръ домовъ,—такъ какъ въ немъ выражалась преимущественно принадлежность домовладѣльца къ тому или другому сословію,—до половины столѣтія встрѣчался еще рѣдко, кромѣ Рима, Верхней Италіи и Франціи, гдѣ онъ вполнѣ выразился уже при Францискѣ I. Въ Скандинавскихъ земляхъ и въ Германіи даже и жилища государей малымъ чѣмъ отличались отъ домовъ вообще богатыхъ людей. Дворцы со всею ихъ обстановкою и придворные штаты были заведены тамъ сравнительно довольно поздно, изъ подражанія испанскому и французскому дворамъ, въ особенности двору Людовика XIV. Не смотря на то, что ни одинъ изъ этихъ государей не получалъ столько всего годового дохода, сколько Людовикъ XIV тратилъ ежегодно на одни свои дворцы, они все-таки считали какъ бы долгомъ своего сана слѣдовать его примѣру, и скоро во всѣхъ, даже и самыхъ мелкихъ княжествахъ,

воздвиглись роскошные дворцы, нерѣдко до того обширные, именно въ самыхъ незначительныхъ владѣнiяхъ, что всё населенiе города, гдѣ находился такой дворецъ, могло бы удобно помѣститься въ немъ. Съ такими дворцами соперничать было разумѣется не подъ силу и самымъ богатымъ людямъ, поэтому дворецъ, какъ замокъ (Schloss), совершенно сбособился отъ просто городского дома, ставъ отличнымъ отъ него и по архитектурѣ, и по внутреннему расположенiю, и по убранству.

Развитiе придворной жизни дало новую пищу художественной и ремесленной дѣятельности. И въ этомъ отношенiи Францiя надолго опередила всѣ остальные государства, въ особенности Германiю. Поддержка, оказанная французскою ремесленности министромъ Кольберомъ, дала ей средства къ дальнѣйшему совершенствованiю, и помогла выдержать ударъ нанесенный ей изгнанiемъ гугенотовъ; не мало обязана была она своими успѣхами также и мысли, пущенной въ ходъ тѣмъ же министромъ и скоро усвоенной обществомъ, именно, что ремесленность наравнѣ съ торговлей должна считаться однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ національнаго богатства. Возраставшая роскошь высшихъ классовъ вездѣ давала хорошiй и постоянный заработокъ прилежному работнику.

Отношенiе ремесла къ искусству, также какъ и выѣшнее положенiе рабочаго сословія отъ всего этого однакожь выиграло мало. Съ тѣхъ поръ какъ искусство отдѣлилось отъ ремесла, каждое изъ нихъ пошло своею дорогою и разстоянiе между ними всё увеличивалось. Ремеслу не позволялось болѣе возвышаться до искусства, а вмѣстѣ съ этимъ и ремесленникъ не могъ сознать себя равноправнымъ художнику. Общественное мнѣнiе поставило его ниже послѣдняго и если не советѣмъ сдѣлало невозможнымъ, то чрезвычайно затруднило сближенiе между ними. Съ другой стороны, власти всё настойчивѣе добивались уничтоженiя ремесленной замкнутости въ пользу свободнаго вступленiя въ ремесленные цехи; такъ какъ замкнутость эта, хотя и полезная сама по себѣ, была однакожь невыгодна въ томъ отношенiи, что поддерживала уже и безъ того глубоко укоренившееся въ ремесленномъ сословiи зло, именно упадокъ нравственности и недобросовѣстность въ работѣ. Ремесленники, вынужденные вращаться почти только въ своемъ собственномъ кругу, дошли и въ своихъ цеховыхъ обычаяхъ до пошлыхъ и безмысленныхъ, частію даже дикихъ приѣмовъ. Вредѣе всего было конечно то обстоятельство, что ремесленность, замкнувшись въ узкой сферѣ практически-полезнаго, разучилась художественно думать и изобрѣтать, и только повторяла прежнiе образцы всё болѣе и болѣе рутинно и шаблонно. Когда же ей приходилось произвести что нибудь дѣйствительно новое и художественное, тогда ей не оставалось другаго исхода, какъ обратиться за помощью къ искусству. Изобрѣтать было способно только еще искусство, ремеслу же только выполняло, и выполнять оно могло дѣйствительно въ совершенствѣ, такъ какъ выучилось справляться со всякимъ матеріаломъ, какъ бы онъ ни былъ неподатливъ.

Продолжительныя войны съ одной стороны, и постоянно возобновляемые законы противъ роскоши съ другой, нанесли значительный ущербъ производству всякаго рода дорогихъ вещей, въ томъ числѣ и золотыхъ-дѣлъ мастерству. Въ Испанiи, по старинному закону, возобновленному при

Филиппъ III (до 1621 г.), отдѣлка золотомъ и серебромъ допускалась только для нитейныхъ сосудовъ и церковной утвари, вслѣдствіе чего испанскіе золотыхъ-дѣлъ-мастера работали главнымъ образомъ для церковныхъ потребностей, всё же остальное получалось изъ Франціи, которая въ то время снабжала золотыми и вообще драгоценными вещами почти всю Европу. — Какъ ни были блестящи произведенія этого мастерства, исполненныя еще въ чистомъ стилѣ ренессанса, при Людовикѣ XIII, но по количеству и драгоценности, они едва могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что имъ было произведено при Людовикѣ XIV въ новомъ стилѣ барокко. Драгоценныя вещи заказывались во множествѣ, какъ самимъ королемъ, такъ и вельможами, но художественное достоинство ихъ сильно понизилось: онѣ отличались не чистотою формъ, а величиною и излишествомъ всякаго рода орнаментовъ. Этими недостатками страдали даже и образцы, сочиненные такими художниками какъ Клодъ Балэнъ, Шарль Лебрюнь и др. Вскорѣ по воцареніи короля и по его примѣру, между придворными вошло въ обычай убирать свои покои дорогими мебелью: канделябрами, столами, креслами и т. п. Эта мода продолжалась до 80-хъ годовъ, когда всеобщее экономическое разстройство значительно ограничило и спросъ на эти вещи и самое производство ихъ, а затѣмъ (ок. 1688) заставило обладателей этихъ драгоценныхъ утварей перечеканить ихъ въ монету на покрытіе военныхъ издержекъ—тоже по примѣру короля.

Эмалирное искусство и въ особенности финифтяная живопись процвѣтали тоже преимущественно во Франціи. Но уже при Генрихѣ IV искусство это начало уклоняться отъ чисто художественныхъ цѣлей, подчиняясь новому направленію вкуса. Кромѣ того, что примѣненіе эмали для украшенія золотыхъ вещей стало выходить изъ моды, финифтяная живопись, оставивъ свои прежніе образцы, именно произведенія итальянскихъ мастеровъ, принялась за копированье картинъ и гравюръ современныхъ фландрскихъ и французскихъ художниковъ, стараясь единственно поразить отчетливостью въ передачѣ мелочей и блескомъ красокъ, который достигался тѣмъ, что финифть накладывали на стаціоль. Работа *en grisaille* (скрытъ по сѣрому) встрѣчалась всё рѣже, и уже въ первой половинѣ столѣтія исполнялась съ настоящимъ мастерствомъ очень немногими эмайлерами, изъ которыхъ лучшимъ были Анри Понсе. — Упадку эмалирнаго производства способствовало распространеніе настоящаго (китайскаго) фарфора, который и навелъ на мысль замѣнить эмаль красками. Эта мысль привела, вѣроятно, къ открытію, сдѣланному еще въ царствованіе Людовика XIII Жаномъ Тутэнъ (1650), золотыхъ дѣлъ мастеромъ въ Шатодѣнѣ. Ему удалось составить нѣсколько непрозрачныхъ красокъ, которые, будучи наложены на загрунтованную бѣлымъ золотую досочку, плавилась въ огнѣ безъ всякаго измѣненія. Этотъ способъ былъ скорѣ примѣненъ и къ иконописной и портретной живописи, въ которой приобрѣлъ себѣ большую извѣстность женевецъ Жанъ Петито (1607—1691). Въ связи съ нимъ, покрайней мѣрѣ уже въ первые годы царствованія Людовика XIV былъ изобрѣтенъ другой способъ, состоявшій въ томъ, что на мѣдь накладывали бѣлую эмалевую массу, изъ которой вытѣпляли рельефныя фигуры и т. п., затѣмъ покрывали стеклянными красками и обжигали, послѣ чего вся вещь принимала видъ фар-

форовой. Этимъ способомъ изобрѣтатель его, извѣстный финифтяный живописецъ Жанъ Нуалье (1607 — 1691), съ большою для себя выгодною, отдѣлывалъ разныя мелкія вещи: чашки, табатерки, часы и т. п.

Выдѣлка большихъ сосудовъ и тому подобныхъ предметовъ изъ различныхъ камешныхъ породъ значительно расширилась и усовершенствовалась, благодаря усилившемуся требованію на нихъ. Въ 1580 г. Матвій Брендель въ Силезіи началъ вытачивать на токарномъ станкѣ сосуды изъ серпентина (змѣвика). Способъ Бренделя былъ усовершенствованъ и въ 1650 г. примѣненъ Стивенсомъ въ Лондонѣ къ другимъ болѣе твердымъ каменнымъ породамъ—базальту, порфиру, агату, — изъ которыхъ Стивенсъ точилъ чрезвычайно изящныя кубки, блюда, чаши и пр. Не меньшіе успѣхи сдѣлала мелкая скульптура изъ мрамора, алебаstra и жировика, а также и мозаичная живопись — выкладыванье различныхъ фигуръ и орнаментовъ изъ цвѣтныхъ камней, примѣнявшееся преимущественно къ отдѣлкѣ мебели, напр. столовыхъ досокъ. Скульптурныя вещи изъ алебаstra и мрамора отдѣлывались перѣдко позолотой, накладываемой на нихъ мѣстами.

Рѣзьба изъ слоновой кости процвѣтала по прежнему въ Германіи, особенно въ герцогахъ Аугсбургѣ и Шюрибергѣ, но теперь стала развиваться и въ Италіи, еще болѣе въ Нидерландахъ, а съ половины столѣтія и во Франціи, гдѣ исходнымъ пунктомъ ея развитія былъ городъ Діепшъ, занимавшійся ею уже съ начала 15 вѣка. Кромѣ рѣзныхъ досокъ и богато орнаментированныхъ кубковъ, блюдъ и другихъ сосудовъ, большею частью съ серебряною отдѣлкою, изъ кости начали выдѣлывать и болѣе крупныя вещи, напр. кубки въ три фута вышины, съ рельефными украшеніями, повторявшими большею частью прежнія, особенно облюбованныя изображенія, — конечно съ прибавками въ современномъ вкусѣ изъ древней исторіи и классической міоологіи, — вакханаліи, битвы, группы гебіевъ, и рядомъ съ веселыми и даже скабрѣзными бытовыми изображеніями—священные предметы. Вообще склонность сообразоваться съ господствующимъ вкусомъ проявлялась не въ одномъ только сосудавааніи, но и въ исполненіи отдѣльныхъ группъ и фигуръ, даже и духовнаго содержанія, какъ-то распятій съ предстоящими, фигуръ святыхъ и мучениковъ, папрестольниковъ, символическихъ и другихъ священныхъ изображеній, производство которыхъ значительно увеличилось, благодаря поощренію со стороны католиковъ. — Изъ предметовъ свѣтскаго характера выдѣлывались изъ кости, всё въ возрастающемъ количествѣ, большіе столовые плато, различная мелкая утварь: ящички, сундучки и даже цѣлыя столы, стулья, люстры, канделябры и т. п. Всѣ эти вещи изготовлялись при помощи токарнаго станка, который былъ значительно усовершенствованъ для этой цѣли, также какъ и само токарное мастерство, въ которомъ покрайней мѣрѣ нѣкоторые достигли изумительной ловкости. Слѣдствіемъ этого было то, что многіе мастера занялись исключительно выдѣлкою различныхъ мелочей, удивлявшихъ необыкновенною тонкостью работы, напр. заключенныхъ одинъ въ другомъ прорѣзныхъ шариковъ и т. п. Число искусныхъ токарей быстро возрастало, особенно въ Германіи и Нидерландахъ, и точеніе на станкѣ сдѣлалось любимымъ занятіемъ не только лицъ высшаго общества, но даже коронованныхъ особъ, напр. Августа, короля Саксонскаго (до 1586 г.), Георга Вильгельма Бранден-

бургскаго курфюрста (до 1640 г.), Максимилиана Баварскаго (до 1651) императора Фердинанда III (до 1657) и Леопольда I (до 1705)*, вѣдѣтіе чего и токарное искусство было провозглашено «высшимъ и благороднѣйшимъ» изъ всѣхъ искусствъ, и даже воспѣвалось въ длинныхъ виршахъ¹.

Янтарь, изъ котораго до сихъ поръ выдѣлывали только мелкія вещи и украшенія, получилъ самое разностороннее примѣненіе, особенно въ Германіи. Съ половины столѣтія изъ него начали вытачивать на станкѣ чаши, флаконы, кружки, коробочки и т. д. и вырѣзывать круглыя фигуры, группы и рельефныя изображенія, напр. цѣлые пейзажи, иногда значительныхъ размѣровъ. Такъ какъ янтарь рѣдко попадаетъ въ крупныхъ кускахъ, то для большихъ вещей приходилось спаивать нѣсколько отдѣльныхъ кусковъ. Это спаиванье производилось съ большимъ искусствомъ, причѣмъ и разные оттѣнки янтара подбирались такъ, что способствовали живописному эффекту.

Къ числу матеріаловъ употреблявшихся до сихъ поръ исключительно на украшенія, а теперь обращенныхъ на выдѣлку различныхъ самостоятельныхъ предметовъ, принадлежали: перламутровыя раковины, кораллы бѣлый и красный, рогъ (носорога), черепаха и кокосовый орѣхъ. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ вырѣзывали и вытачивали болѣе или менѣе изящныя и затѣйливыя вещи и утвари, оправляя ихъ обыкновенно въ золото или серебро.

Рѣзьба по дереву много выиграла отъ того, что ею занялись теперь очень многіе изъ искуснѣйшихъ рѣзчиковъ изъ кости. Не смотря однакожъ на это, спросъ на деревянные рѣзные работы всякаго рода, отъ статуи до мелкихъ вещей значительно уменьшился, вѣдѣтіе чего рѣзчики по дереву обратились почти исключительно къ выполненію орнаментовъ и къ выдѣлкѣ различной утвари для убранства домовъ. Но и въ такой формѣ рѣзьба по дереву, какъ самостоятельное искусство, просуществовала только до конца 30-хъ годовъ, чтобы затѣмъ слиться съ столярнымъ мастерствомъ. — Столярное мастерство, освобождаясь постепенно отъ подражанія архитектурнымъ формамъ въ своихъ произведеніяхъ, именно крупныхъ мебелихъ, само выработало къ концу столѣтія нѣсколько формъ, которыя въ свою очередь оказали нѣкоторое вліяніе на архитектурныя. Торжествомъ столярнаго мастерства оставались до конца столѣтія вышеописанныя (стр. 231), замысловато устроенные и богато орнаментированные шкафы (Cabinets; Kunstschränke), производствомъ которыхъ продолжали по прежнему славиться преимущественно Страсбургъ и Нюрнбергъ. Приготовленіемъ такихъ шкафовъ нѣкоторые изъ тамошнихъ мастеровъ приобрѣли себѣ извѣстность даже и за предѣлами Германіи; напр. Георгъ Гершель, сдѣлавшій шкафъ, который былъ у него купленъ городомъ за 9750 гульденовъ для подарка королю Густаву Адольфу; Эйхлеръ и Эльрихъ, работавшіе также часовые и органичныя механизмы, и умѣвшіе — по словамъ современника — «такъ искусно обдѣлывать и вырѣзывать перламутръ, камни и стекло, что довольно натурально воспроизводили изъ нихъ пейзажи, зелень и плоды»; Иоганнъ Манъ, работы котораго отличались архитектурнымъ изяществомъ и богатою отдѣлкою изъ цвѣтныхъ камней, черепахи, янтара и пр. Съ несказаннымъ

¹ Образчики такихъ стихотвореній у F. Trautmann. Kunst und Kunstgewerbe etc.

* Петра Великаго. *Пер.*

трудомъ и истративъ почти всё свое состояніе, онъ исполнилъ зеркало, столъ и канделябръ, и продалъ ихъ за 20000 гульденовъ. Для украшенія деревянныхъ вещей, преимущественно мебели, чаще всего употребляли наборную работу (intarsia), теперь почти исключительно изъ цвѣтнаго дерева, и притомъ не только плоскую, но и выпуклую, изобрѣтенную въ Парижѣ Жаномъ де-Блуа (1672), которому сверхъ того удалось открыть способъ окрашивать дерево во всё цвѣта, даже и въ черный, подъ эбеновое дерево. Не менѣе употребительна была также выкладка различныхъ украшеній изъ перламутра, въ которой особенно отличался голландецъ Дитрихъ Рисвикъ (1650). Наконецъ, въ 80-хъ годахъ, былъ изобрѣтенъ, тоже въ Парижѣ, Шарлемъ Булемъ (1642—1732), новый способъ отдѣлки деревянныхъ вещей, вытѣсненный почти совершенно всё прежнія. Этотъ способъ, получившій названіе булевской работы, состоялъ въ томъ, что вещь, напр. мебель, покрывалась слою черепашей и металломъ (золотомъ, серебромъ, бронзой, оловомъ), причемъ или черепаха вѣзывалась въ металлъ или наоборотъ, и сверхъ этой какъ бы оболочки накладывались на извѣстныхъ мѣстахъ выпуклыя (литыя или чеканныя) металлическія украшенія.

Кузнечное, мѣдничное, литейное и оловяничное производства, не измѣняя разъ принятого ими направленія, дробились всё на большее число отдѣльныхъ производствъ, изъ которыхъ каждое всё болѣе и болѣе специализировалось. Изъ кузнечныхъ мастеровъ одни ограничивались выдѣлкою рѣшотокъ, балюстрадъ, воротъ и т. д., исполняя цѣлкомъ очень красивыя вещи, конечно по рисункамъ хорошихъ рисовальщиковъ. Другіе занимались одними только простыми кузнечными работами для машинъ и экипажей, третьи работали ножи и всякаго рода инструменты, четвертые — слесарныя вещи и т. д. Выдѣлка изящной желѣзной мебели и различныхъ искусственныхъ и механическихъ вещей, какъ-то замысловатыхъ замковъ и т. п., поддерживалась одними только любителями такихъ вещей, и число занимавшихся ею мастеровъ постепенно уменьшалось, такъ какъ они находили для себя болѣе выгоднымъ приложить свое мастерство къ производству практически полезныхъ предметовъ, напр. машинъ. Къ числу особенно искусныхъ мастеровъ оставшихся вѣрными традиціямъ своего мастерства, принадлежали: Михаэльманъ въ Нюрнбергѣ (ум. 1636 г.), выдѣлававшій маленькіе желѣзные ящички, которые онъ снабжалъ миниатюрными замочками и петлями, и красиво отдѣлывалъ позолотой и вытравленными рисунками; Бартоломей Гонпертъ (ум. 1715), работавшій желѣзные сундуки съ рельефными украшениями, различные инструменты, слесарныя вещи и др. Многие изъ нихъ приобрѣли извѣстность устройствомъ необыкновенно сложныхъ часовыхъ механизмовъ; напр. Юганъ Бушманъ въ Аугсбургѣ. — Рѣзба по желѣзу и изъ желѣза приходила всё въ болѣе упадокъ, въ особенности цѣрвая, такъ какъ металлическое вооруженіе чрезвычайно упростилось даже и въ отношеніи отдѣлки. Искусному рѣзчику приходилось показывать свое искусство на шпажныхъ эфесахъ, ящичкахъ, медальонахъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ на фигурахъ и фигурныхъ группахъ. Подобными работами сдѣлался извѣстенъ Готфридъ Лейгебе въ Нюрнбергѣ (1630—1683). По свидѣтельству современника¹, онъ «кроме многихъ другихъ прекрасныхъ

¹ Neudörffer's Nachrichten etc. S. 79.

вещей, вырѣзалъ изъ куска желѣза, вѣсомъ въ 29 фунтовъ, конную фигуру императора Леопольда, а изъ другого куска, свыше 67 фунт., фигуру Карла II, короля англійскаго подъ видомъ св. Георгія поражающаго змія, и работалъ надъ первою фигурою слишкомъ годъ, а надъ второю болѣе двухъ лѣтъ безпрерывно. Онъ сдѣлалъ также весьма искусно изъ желѣза цѣлую шахматную игру, которая отсюда перешла въ Берлинъ. Его работы конная фигура курфюрста Фридриха Вильгельма, тоже подъ видомъ св. Георгія, находится въ кор. музеѣ въ Берлинѣ: ¹ при всей отчетливости отдѣлки, оне довольно неуклюжа. — Къ искусственнымъ желѣзнымъ вещамъ можно причислить металлическія зеркала съ намѣченными на нихъ пунктиромъ изображеніями, которыя становились видимы, когда въ зеркалѣ отражался темный предметъ.

Мѣдники и жестяники занимались изготовленіемъ предметовъ домашняго обихода, болѣею частію по старымъ извѣстнымъ образцамъ. Только немногіе изъ нихъ, слѣдуя примѣру старинныхъ мѣдныхъ-дѣлъ-мастеровъ, исполняли болѣе искусственныя вещи. Къ числу ихъ принадлежалъ нюрнбергскій мастеръ Гансъ Лощеръ, весьма искусно выдѣлывавшій изъ мѣди крошечныя для духовъ въ формѣ лимоновъ и анельсиновъ, равно какъ и различныя механическія вещи: переносныя фонтаны, самодвижущіяся фигуры, музыкальныя и часовыя механизмы» и т. д. Другой мастеръ, тоже въ Нюрнбергѣ, Гансъ Браунъ былъ такъ искусенъ, что его мѣдныя вещи трудно было отличить отъ золотыхъ, и умѣлъ выливать стальныя зеркала. Успѣхамъ производства много помогло изобрѣтеніе плющильной машины, сдѣланное въ 1590 году въ Англіи Готфридомъ Боксомъ, и усовершенствованіе раздувальнаго мѣха.

Оловяничники продолжали по прежнему выдѣлывать столовую посуду, употребленіе которой было принято почти во всѣхъ слояхъ общества. Старинныя формы, переходившія по преданію, просуществовали до 40-хъ годовъ, безъ всякаго ущерба для себя, рядомъ съ появлявшимися новыми. Очень любимы были, кромѣ большихъ нарядныхъ кружекъ, овальныя тарелки съ библейскими изображеніями и блюда, перѣдко очень большихъ размѣровъ, съ большими изображеніями по срединѣ и нѣсколькими малыми на краяхъ. Выдѣлкою такой посуды, также какъ и небольшихъ очень красивыхъ фигурокъ, славился, между прочимъ, въ Нюрнбергѣ Каспаръ Энтерлинъ изъ Базеля.

Литье изъ бронзы, преимущественно художественное, начало замѣтно падать, особенно съ половины столѣтія. Большія статуи и другія крупныя вещи, болѣе или менѣе художественной отдѣлки, напр. купели и т. п. даже рѣшетки, стали чаще отливать изъ свинца (преимущественно статуи), мѣди (церковную утварь), желѣза. Мелкія вещи, напр. металлическія украшенія на мебели, дверныя молотки и т. д., дѣлались болѣею частью тоже изъ мѣди. Бронза шла только на отливку сравнительно небольшихъ статуй, группъ, бюстовъ и барельефовъ ².

¹ C. F. Kugler Beschreibung etc. der kön. Kunstkammer. S. 246. Статуя имп. Леопольда находится въ копенгагенскомъ музеѣ, а Карла II въ дрезденскомъ. —

² G. F. Trautmann. Kunst und Kunstgewerbe. Стр. 182 и слѣд.

Особенные успѣхи сдѣлали обработка стекла и выдѣлка стеклянныхъ издѣлій, благодаря постоянно возрастающему употребленію послѣднихъ и важнымъ открытіямъ сдѣланнымъ въ стекольномъ производствѣ. Если различные способы составленія флюсовъ и цвѣтныхъ стеколъ всё еще оставались секретомъ венеціанскихъ мастеровъ, ревниво ими скрываемымъ, то другія отрасли стеклотѣлія настолько усовершенствовались и въ Венеціи, что съ половины столѣтія стеклянные издѣлія Франціи, а затѣмъ Германіи и Нидерландовъ, начинаютъ съ успѣхомъ соперничать съ венеціанскими. Отсталѣ другихъ въ этомъ отношеніи является Испанія, которая весь свой запасъ стеклянныхъ издѣлій продолжала попрежнему вывозить изъ-за границы, и Англія, гдѣ туземное стекольное производство начало нѣсколько оживляться только съ 1670 г., благодаря герцогу Букингэму, вызвавшему въ этомъ году изъ Венеціи нѣсколькихъ стекольныхъ мастеровъ, которые устроили фабрику полированныхъ зеркалъ съ фацетами (*à biseau*)¹. Во Франціи выдѣлывалось преимущественно бѣлое, совершенно безцвѣтное стекло, такъ какъ опыты надъ выдѣлкою цвѣтныхъ стеколъ давали результаты не на столько удовлетворительные, чтобы можно было ожидать отъ нея выгоды. Къ устроеннымъ при Генрихѣ IV стекольнымъ заводамъ, которые однакожь шли плохо, несмотря на возрастающее употребленіе стеклянныхъ издѣлій, прибавились новые, занявшіеся преимущественно изготовленіемъ большихъ зеркальныхъ стеколъ. Одинъ изъ заводчиковъ, Есташъ Грамонъ, получилъ на это производство даже привилегію въ 1634 г., но скоро долженъ былъ однакожь прекратить его по его невыгодности. Въ 1640 г. была выдана подобная же привилегія придворному голцарному мастеру Клеричи, устроившему стекольный заводъ къ Фонтэнбло; но и это предпріятіе не удалось и Клеричи, черезъ 2 года по открытіи своего завода, свелъ всё его производство на выдѣлку обиходныхъ стеклянныхъ вещей. Но чего не могли достигнуть частные предприниматели, то увѣчалось полнымъ успѣхомъ при дѣятельномъ поощреніи министра Кольбера. Вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе финансами, онъ склонилъ одного очень искуснаго стекольнаго мастера, Пик. Дюнойэ, приняться за выдѣлку зеркалъ на манеръ венеціанскихъ, и для поощренія его назначилъ ему на 4 года по 12 т. ливр. ежегодной субсидіи. Дюнойэ, въ компаніи съ торговавшимъ венеціанскими зеркалами Покелепомъ, выписалъ изъ Мурано венеціанскихъ мастеровъ и устроилъ въ Турлавилѣ, въ Нижней Бретани, заводъ, работавшій съ большимъ успѣхомъ. По смерти Кольбера, привилегія Дюнойэ была продолжена на 30 лѣтъ, но уже въ 1684 г. у него явился конкурентъ въ лицѣ Абрама Тьюарда, успѣвшаго выхлопотать себѣ такую же привилегію. Первымъ результатомъ конкуренціи обоихъ привилегированныхъ заводовъ было то, что между тѣмъ какъ Дюнойэ продолжалъ работать по старому способу, соперникъ его изобрѣлъ въ 1688 г. литое стекло. Изъ этого стекла онъ выливалъ совершенно гладкія и правильныя зеркала въ 84 дюйма (7 фут.) вышины и 50 д. ($4\frac{1}{6}$ ф.) ширины, и этимъ совершенно подорвалъ Дюнойэ. Нѣсколько времени спустя, Тьюардъ перенесъ свой заводъ изъ Парижа въ Ст. Гобэнъ, въ Пикардію, куда за нимъ слѣдовалъ и Дюнойэ, и съ 1695 г.

¹ A. W. Franks. Observations on glass and enamel. London 1958.

оба завода слились въ одинъ, подъ главнымъ управленіемъ Франсуа Платріа. Литое стекло оказалось настолько превосходнымъ, что если не совѣмъ вытѣснило венеціанское плущеное, то значительно уменьшило его сбытъ.

Въ Германіи выдѣлка стеклянныхъ цилиндрическихъ кубковъ съ живописью продолжалась не ослабѣвая, причемъ не только живопись на кубкахъ, но и форма послѣднихъ становилась все разнообразнѣе и изящнѣе. Кромѣ непрозрачныхъ красокъ, стали употреблять для расписыванья кубковъ нѣкоторые прозрачныя тоны, или ихъ расписывали однимъ тономъ — чорнымъ или коричневымъ. Расписываньемъ кубковъ прославились въ Нюрнбергѣ: Иоганъ Шаперъ, (ум. 1670 г.), Гансъ Бенхертъ (ок. 1677 г.) и Келль (ок. 1675 г.). Выдѣлка цвѣтныхъ флюсовъ обогатилась изобрѣтеніемъ рубиново-краснаго флюса, случайно сдѣланнымъ, въ 1650 г. алхимикомъ Фридр. Вильгельма Бранденбургскаго, Кушкелемъ; а въ 1670 г. въ Нюрнбергѣ былъ найденъ способъ выдѣлывать зеркала безъ фольговой подкладки. Наконецъ, нѣкоторымъ стекольнымъ мастерамъ удалось до изготовленія стеклянныхъ сосудовъ на манеръ венеціанскихъ съ вылавленными и выпуклыми цвѣтными украшеніями.

Въ 1609 г. Каспаръ Леманъ въ Прагѣ изобрѣлъ или вѣрнѣе возстановилъ и прежде практиковавшіеся способы граненія стекла и рѣзбы по немъ, и получилъ на нихъ привилегію отъ имп. Рудольфа II. По смерти Лемана привилегія его перешла къ его ученику Шваугарду, который, поселившись въ Нюрнбергѣ, пріобрѣлъ своими работами большую извѣстность: «онъ вырѣзывалъ на стеклѣ прекрасныя эмблемы, ландшафты, гротески, за которые ему платили хорошія деньги, особенно высокія особы»¹. Вмѣстѣ съ нимъ работали и его сыновья. Старшему его сыну, Георгу, удалось изобрѣсти въ 1671 г. жидкую массу, которою онъ «вытравлялъ на стеклѣ выпуклыя фигуры и буквы». Младшій его сынъ, Генрихъ, былъ «большой мастеръ вырѣзывать латинскія надписи красной вязью». Дочери его занимались также рѣзбою по стеклу: онѣ вырѣзывали цвѣты и листья такъ искусно, что «многіе знатные иностранцы несли ихъ работы и покупали ихъ». Граненіе стекла между тѣмъ распространялось все шире и въ 70 годахъ производилось въ Богеміи уже въ обширныхъ размѣрахъ, чему много помогли успѣхи достигнутые тамъ выдѣлкою совершенно прозрачнаго хрустальнаго стекла. Спросъ на граненое и рѣзное стекло усилился такъ, что въ 80-хъ годахъ оно почти совѣмъ вытѣснило всѣ другіе сорта некустленныхъ стеколъ.

Гончарное производство не могло уже подняться на ту высоту, на которой прежде стояло. Съ тѣхъ поръ какъ со смертію Гвидо Убальдо II производство майоликъ въ герцогствѣ Урбино пришло въ упадокъ, а затѣмъ, въ 20-хъ годахъ, и совѣмъ прекратилось, майолики выдѣлываемыя и на другихъ фабрикахъ понизились въ художественномъ своемъ достоинствѣ. Многія изъ этихъ фабрикъ должны были даже прекратить свои работы, уже въ началѣ столѣтія. Другія фабрики, какъ напр. въ Сіенѣ и Савонѣ, закрылись въ тридцат-

¹ J. Neudörffer's Nachrichten.

тыхъ годахъ, такъ что къ исходу столѣтія остались только фабрики въ Каstellи, въ королевствѣ неаполитанскомъ, и въ Венеціи. Работы неаполитанскихъ фабрикъ, исполнявшіяся при содѣйствіи художниковъ Франческо Антонио (1677 г.) и Франческо Северино де-Грю, отличались даже нѣкоторою художественностью рисунка, хотя живопись ихъ была крайше небрежна. Венеціанскія фабрики работали чисто ремесленно. Онѣ производили всякаго рода посуду, большею частью тарелки и блюда съ расписаннымъ дномъ и выпукло исполненными плодами на краяхъ. Между тѣмъ въ Чита-ди-Кастелло, въ Ромашѣ, былъ открытъ новый способъ отдѣлки посуды — новый, крайней мѣрѣ по его примѣненію, именно — *sgraffito*, прежде употреблявшійся для украшенія стѣнъ. Онъ состоялъ въ томъ, что глиняную посуду, вмѣсто глазури, покрывали только лакомъ, на которомъ рисунокъ выпарывали грабштихелемъ, и затѣмъ уже наводили прозрачную глазурь (*mezzacotta*) изъ зеленоватой мѣдной окиси. Но и такого рода сосуда не представляли никакого художественнаго значенія.

Переработка фаянса постоянно распространялась, теперь однакожь преимущественно ограничиваясь собственно посудою, между тѣмъ какъ выдѣлка крупиныхъ вещей, какъ напр. кафедры, алтари и т. п., всё болѣе и болѣе сокращалась. Опыты надъ составленіемъ настоящей фарфоровой массы всё еще не удавались и какъ въ Италіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ были почти совсѣмъ оставлены, между тѣмъ какъ вкусъ къ настоящему (японскому) фарфору постоянно усиливался, доходя у знати и у нѣкоторыхъ государей до того, что начиналъ возбуждать опасенія съ политико-экономической точки зрѣнія. Напримѣръ, курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Августъ I и его придворные тратили ежегодно на покупку дорогихъ фарфоровъ громадныя суммы. Такое положеніе дѣлъ побудило математика и философа фонъ-Чирнгаузену снова заяться составленіемъ фарфоровой массы. Но какъ ни усердно онъ трудился, достигнуть цѣли ему неудалось. Всё чего онъ добился, была бѣлая масса, только по виду похожая на фарфоръ, но которая не могла идти въ сравненіе съ нимъ ни по твердости, ни по огнеупорности. Къ такимъ же результатамъ пришли и во Франціи, гдѣ съ 1695 года добытую массу начали перерабатывать, подъ названіемъ *porcellan pâte tendre*, сначала въ Сентъ-Клу, потомъ въ Венсенъ.

Такакое мастерство, въ особенности тканье ковровъ, достигло высокаго совершенства преимущественно во Франціи. Тамошнія ковровыя заведенія, покровительствуемая министромъ Кольберомъ, качествомъ своихъ работъ превосходили даже фландрскія. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ была фабрика Гобеленовъ. Принятый на ней способъ тканья оставилъ далеко позади себя всё другіе способы, также какъ и выдѣлываемые на ней ковры превосходили размѣрами ковровыя издѣлія всѣхъ другихъ фабрикъ. По образцу французскихъ фабрикъ была заведена курфюрстомъ Максимиліаномъ I (1626—1651) обширная ковровая фабрика въ Баваріи, работавшая преимущественно для баварскаго двора. — Вышивашье, не находя себѣ такого обширнаго примѣненія какъ прежде, обратилось въ рукодѣлье, которымъ обыкновенно занимались дамы. — Употребленіе тисненой кожи для обоевъ, обивки мебели и т. п. съ половины столѣтія стало замѣтно уменьшаться, такъ

какъ для названныхъ цѣлей кожа всё чаще замѣнялась различными тканями (шолковыми, хлопчатобумажными и т. д.)

Убранство комнатъ картинами, зеркалами, столовыми и стѣнными часами было довольно распространено между людьми состоятельными; а между знатыми лицами считалось даже требованіемъ хорошаго тона составлять галереи изъ картинъ извѣстныхъ художниковъ. — По мѣрѣ усовершенствованія выдѣлки зеркальных стеколъ, увеличивался и спросъ на зеркала; вошло даже въ обыкновеніе щеголять другъ передъ другомъ количествомъ зеркалъ, ихъ величиною и богатствомъ ихъ отдѣлки. — Распространенію комнатныхъ часовъ, кромѣ почти фабричнаго изготовленія ихъ, которое производилось въ Германіи, Испаніи, Швейцаріи и Англіи, много содѣйствовали нѣкоторыя важныя улучшенія въ составѣ часоваго механизма; а именно: въ началѣ столѣтія была изобрѣтена фузея для регулированія движенія пружины, затѣмъ въ 1647 голландцемъ Христіаномъ Гюйгеномъ былъ устроенъ маятникъ, наконецъ въ 1680 г. англичанинъ Клементъ изобрѣлъ такъ наз. анкеръ (англійскій крючекъ) для большихъ часовъ. Въмѣстѣ съ усовершенствованіемъ механизма часовъ, улучшалось и устройство часовыхъ футляровъ, которые въ неходѣ столѣтія отдѣлывались преимущественно булевскимъ способомъ. Съ часовымъ механизмомъ часто соединяли различныя другіе механизмы и просто механическія игрушки. Такъ напр. по заказу императора Фердинанда III были сдѣланы въ Аугсбургѣ въ 1655 г., мастеромъ Бушманомъ, часы, соединявшіе въ себѣ органъ, катоптрическую камеру и китайскіе часы съ астрономической сферой, показывавшей движеніе планетъ. Эти часы были отправлены въ подарокъ китайскому императору.

Что касается различныхъ видовъ утвари въ отдѣльности, то въ нихъ явилось много новаго, созданнаго новыми потребностями, между тѣмъ какъ многое изъ прежняго вышло изъ употребленія, какъ болѣе непужное, или какъ несоотвѣтствовавшее господствующему вкусу.

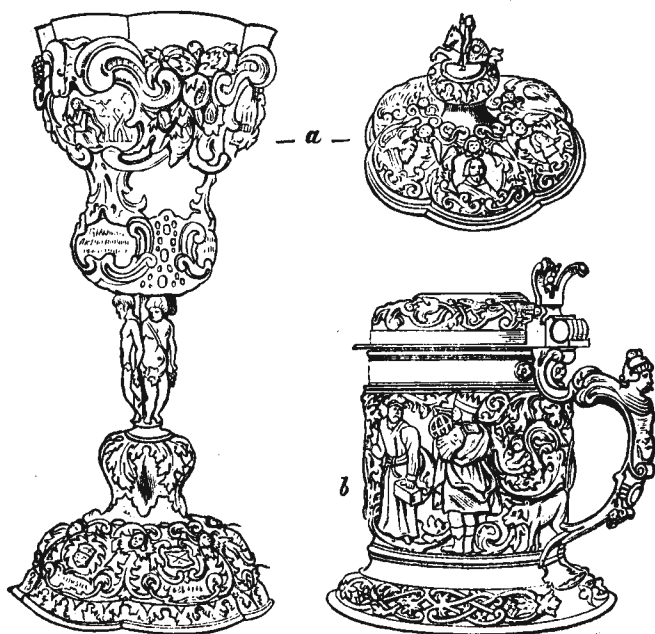
Такъ напр. изъ столовой утвари исчезли (уже въ двадцатыхъ годахъ) фонтаны (fontaines, Brunnen) и трешожики, а нѣсколько позднѣе (въ 50-хъ годахъ) судки и большая часть питейныхъ сосудовъ отличавшихся странными формами. Прежніе судки замѣнились болѣе цѣлесообразными *cadenas* въ видѣ сундучковъ, а многофигурные художественно исполненные настольники — болѣе обширными, но болѣе поверхностно отдѣланными настольниками, съ половины стол. преимущественно въ формѣ вазъ съ различными украшеніями и букетомъ натуральныхъ или искусственныхъ цвѣтовъ.

Для питейныхъ сосудовъ удержались рѣзко выраженные типы стопы, кубка и чаши, глубокой и плоской. Всѣ они выдѣлывались почти изъ тѣхъ же матеріаловъ, какіе были въ употребленіи и прежде, съ прибавленіемъ къ нимъ цвѣтнаго стекла и слоновой кости. Изъ кости выдѣлавали не только стопы, но и кубки и чаши. Иногда весь такой сосудъ со всѣми его украшеніями выдѣлывался изъ цѣльнаго куска, иногда составлялся изъ нѣсколькихъ, которые соединялись серебряною или золотою отдѣлкою.

Металлическую отдѣлку накладывали обыкновенно на ножку и на крышку, давая ей форму одной или нѣсколькихъ фигуръ. Если, какъ позднѣе часто дѣлалось, ножка и крышка сосуда были металлическія, то, для украшенія, въ нихъ врѣзывались пластинки слоновой кости съ рельефными изображе-

ніями. При всемъ томъ особенно дорогіе сосуды дѣлались какъ и прежде исключительно изъ благородныхъ металловъ, а къ половинѣ столѣтія даже усвоили себѣ многія новыя формы, въ томъ числѣ форму костяной цилиндрической стопы съ крышкою; такія серебряныя стопы чеканной работы, мѣстами позолоченныя, были очень любимы до половины 80-хъ годовъ, несмотря на пониженіе ихъ художественнаго достоинства (ср. фиг. 384 b). Но самымъ любимымъ сосудомъ оставалась глубокая чаша, обыкновенно изъ серебра съ позлотой. Форма и отдѣлка ея разумѣется подчинялись требованіямъ господствующаго вкуса (фиг. 384 a), но тѣмъ не менѣе въ об-

Фиг. 384.

щемъ она болѣе чѣмъ всѣ другіе сосуды удержала на себѣ отпечатокъ художественности. Ножку чаши, или самую чашу, или ту и другую, обкладывали монетами и медалями, соединяя ихъ съ другими украшеніями; какъ это дѣлалось на большихъ цеховыхъ и корпораціонныхъ кубкахъ, такъ и на. Wilkommern. Эти послѣдніе большею частию переходили по наследству отъ одного поколѣнія къ другому; а если и дѣлались новыя, то совершенно такой же формы, какъ и старинныя. Изъ металлическихъ сосудовъ уцѣлѣли еще заздравные кубки (Credenzbecher) безъ всякаго почти измѣненія до 60-хъ годовъ. — Изъ стеклянныхъ сосудовъ, разноцвѣтные венеціанскіе различныхъ формъ были въ большомъ употребленіи до половины столѣтія, а высокіе цилиндрическіе кубки съ крышками, простые и росписанные, перешли и въ слѣдующее. Въ качествѣ дорогой посуды появились бокалы и чаши изъ совершенно безцвѣтнаго граненаго хрусталя и кункелевскаго рубиново-краснаго стекла. Напротивъ того, питейные со-

суды изъ дорогихъ каменныхъ породъ и майолики, такъ же и сосуды изъ страусовыхъ яицъ, кокосовыхъ орѣховъ, рога и т. п. матеріаловъ, оправленные въ золото и серебро, стали выходить изъ употребленія и требовались лишь въ качествѣ украшенія.

Глиняныя кружки, какъ сосуды для питья, были во всеобщемъ употребленіи въ Германіи, Нидерландахъ и Швейцаріи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ формъ и бѣлыхъ высокихъ кружекъ столбикомъ (фиг. 326 б; 327 б), исчезнувшихъ въ первой четверти столѣтія, всѣ остальные формы сохранились безъ измѣненія до 60 годовъ. Съ этого времени рельефы украшенія на нихъ стали чаще замѣняться просто начерченными, и вообще выдѣлка и отдѣлка ихъ сильно понизились; а съ половины 70 годовъ вмѣстѣ ихъ стали появляться простыя фаянсовыя кружки съ короткою ножкою и шейкою и развалистымъ тѣломъ, иногда покрытымъ спиральными желобками, или гладкимъ, мѣстами росписаннымъ по бѣлой глазури.

Различные виды кувшиновъ сохранили свою основную форму янцевиднаго вмѣстелища съ устьемъ, рукою и ножкою (фиг. 345 б; ср. 327 а. б), какъ обусловленную ихъ назначеніемъ; но орнаментация ихъ, слѣдуя направленію господствующаго вкуса, становилась все причудливѣе, въ особенности при переходѣ стиля барокко въ рококо (фиг. 385 а б). Два

Фиг. 385.

такихъ кувшина изъ первой половины столѣтія находятся въ берлинскомъ музеѣ. Одинъ изъ нихъ, вышиною въ 11 дюймовъ, весь изъ слоновой кости, украшенъ рельефными мнѳологическими фигурами и масками; къ нему рѣзной поддонъ изъ слоновой кости. Другой кувшинъ, 1 фут. 3 д. вышины, слѣланъ изъ оленьяго рога; очень выгнутая ручка его представляетъ оленя

преследуемого собаками; поддонъ къ нему овальный, на поддонѣ сцена охоты исполнена рельефомъ.

Введеніе чая и кофе обусловило собою появленіе особаго рода посуды, для приготовленія, разливанья и питья этихъ напитковъ. Кофе, уже цѣлыя столѣтія бывший въ употребленіи на Востокѣ, сдѣлался извѣстенъ въ Европѣ около 1600 года. Первые познакомились съ нимъ венеціане; за тѣмъ, въ 1624, англичане; въ 1657 его начали пить во Франціи, а въ исходѣ столѣтія и въ Германіи. Чай былъ вывезенъ въ западную Европу изъ Москвы голландскими купцами, около 1674 г., и до 90-хъ годовъ считался тамъ за лѣкарство. Такъ какъ и чай и кофе варили и пили горячими, то для варенія ихъ былъ устроенъ особый металлическій приборъ въ формѣ котелка съ крышкой, который ставился на станокъ о трехъ или четырехъ ножкахъ и съ приспособленіемъ для разведенія огня между ними. Для питья этихъ напитковъ самымъ удобнымъ сосудомъ представилась болѣе или менѣе глубокая чашка съ ручкою и блюдечкомъ. Первоначально, кромѣ чашекъ изъ настоящаго китайскаго фарфора, употреблялись чашки металлическія, обыкновенно изъ красной мѣди, выдѣлывавшіяся по недавню передъ тѣмъ изобрѣтенному способу Яна Нувеля. Приготовленіе кофе потребовало кромѣ того прибора для жаренія кофейныхъ бобовъ и для превращенія ихъ затѣмъ въ порошокъ. Для перваго былъ устроенъ пустой металлическій цилиндръ поворачивающійся на горизонтальной оси, для послѣдняго—кофейная мельница, въ видѣ плоскаго желѣзнаго ящика съ выгнутыми продольными стѣнками и колесомъ съ рукояткою.

Составъ столовой посуды опредѣлялся правильнѣе и тверже, соотвѣтственно свойствамъ кушаній. Сверхъ круглыхъ чашеподобныхъ блюдецъ съ ручками и на ножкѣ, къ нему прибавились высокія развалистыя террины, (отъ terre—земля, глина), различной формы соусники (sauciers), съ устьемъ, ручкою и широкою ножкою, и разныя мелкія посудины для салатовъ, варенья, печеній и т. п. Солонка, теперь обыкновенно въ соединеніи съ перечницей, осталась по прежнему однимъ изъ главныхъ украшеній стола, какъ по матеріалу, такъ и по отдѣлкѣ. По примѣру французскаго двора въ высшихъ кругахъ было принято имѣть по нѣскольку различныхъ столовыхъ сервизовъ.

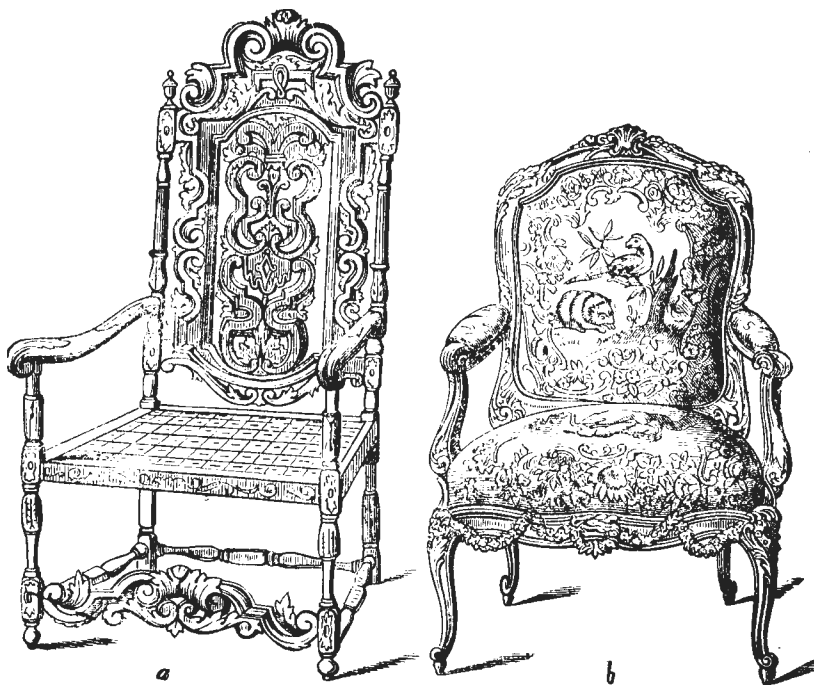
Употребленіе при столѣ вилокъ распространилось въ такой степени, что въ половинѣ столѣтія въ высшихъ и образованныхъ кругахъ считалось уже неприличнымъ ѣсть безъ вилокъ; только въ Испаніи и въ скандинавскихъ земляхъ вилка вводилась весьма медленно даже и послѣ названнаго времени. Въ среднихъ и низшихъ классахъ и между сельскимъ населеніемъ даже во Франціи вилка до самаго конца столѣтія считалась иноземною роскошью и какъ таковая запрещалась во многихъ изъ тамошнихъ монастырей. Вилки дѣлались обыкновенно о двухъ зубцахъ, съ ручками изъ серебра, слоновой кости, венеціанскаго стекла, millefiori, изъ эмальированной мѣди по способу Нувеля; было въ обычаѣ ножи и вилки отдѣлывать одинаково парами.

Показныя блюда для убранства стола не только не вывелись, но принимали снова чрезвычайно странныя формы — храмовъ, дворцовъ, пейзажей, фигурныхъ группъ и т. п. Ихъ составляли преимущественно изъ печеній, именно пастетовъ, сахару и вареныхъ въ сахарѣ фруктовъ, но также изъ

различнымъ образомъ приготовленнаго мяса, жира и желатина. Съ 80-хъ годовъ въ числѣ ихъ начала появляться разубранная кабанья голова. На знатномъ свадебномъ пиру въ Петербургѣ, въ 1710 г., было поставлено на оба главныхъ стола по огромному пастету, изъ которыхъ, къ удивленію гостей, выскочили двѣ карлицы и протанцовали на столѣ менуэтъ¹.

Мебель относительно общаго своего склада и своей орнаментаціи видоизмѣнялась соотвѣтственно видоизмѣненіямъ архитектурнаго стиля, а съ 80-хъ годовъ, ставъ болѣе независимою отъ послѣдняго, выработала себѣ совершенно самостоятельныя формы, сдѣлавшись при этомъ легче и удобоподвижнѣе (покрайней мѣрѣ комнатная мебель). Отдѣлялась она рѣзьбою, наборною работою и накладными украшеніями изъ цвѣтныхъ камней, стекла, черепахи, но болѣе всего изъ серебра и золоченой бронзы. Послѣдній способъ отдѣлки былъ въ большомъ употребленіи во Франціи въ первое время царствованія Людовика XIV, до конца 70-хъ годовъ. Украшеніе ме-

Фиг. 386.

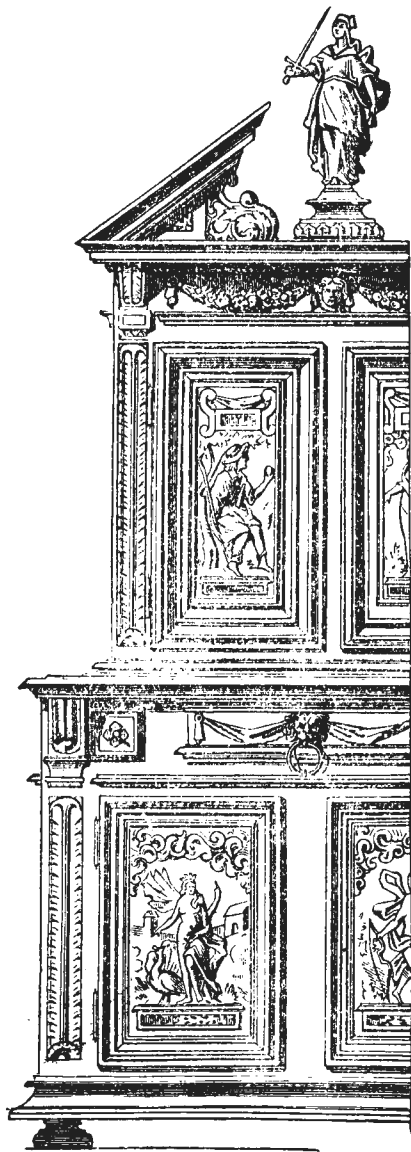
бели вставными картинами (выше стр. 227) вывелось совершенно, и съ 80-хъ годовъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ булевскаго способа, стала входить въ моду позолота по дереву, сплошная или мѣстами.

Обивка и набивка мебели для сидѣнья, вмѣсто покрыванія ихъ коврами и обкладыванія подушками, ставовилась всё обыкновеннѣе, а для салоной

¹ A. Berlepsch. Chronik vom ehrbaren Bäckergewerk.

мебели она уже требовалось приличіемъ. (Въ Испаніи уже въ 1600 г. постановленіями объ употребленіи дорогихъ матерій были разрѣшены подушки для высокихъ сидѣній (estados) въ приемныхъ комнатахъ). Преобладаніе прямой линіи и прямого угла продолжалось до 50-хъ годовъ, въ особенности въ сидѣніяхъ не набитыхъ, а плетеныхъ или просто деревянныхъ. Съ 50-хъ годовъ прямая линія начинаеть уступать мѣсто изогнутой,

Фиг. 387.

которая съ кресельныхъ ручекъ переходитъ сперва на спинку, а затѣмъ и на ножки, сохраняя однакожь первоначально нѣкоторую тугость, налагавшую на всю мебель особый отпечатокъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ изогнутая линія развернулася вполне, распространившись и на рамку сидѣнья, а слѣдовательно и на форму его подушки (фиг. 386 b). Съ этого времени стали набивать не одно только сидѣнье кресель, но и ихъ спинку, а затѣмъ и ручки. Для обивки мебели употребляли гладкую и тисненую кожу, но чаще бархатъ и разнаго рода узорчатые шелковые матеріи. Служившіе для прикрѣпленія матеріи и вмѣстѣ для украшенія мебели гвоздики съ блестящими головками, также какъ бахрама и кисти были оставлены и замѣнены простыми гвоздиками и тесьмою. — Въ исходѣ столѣтія появились во Франціи небольшія сидѣнья безъ спинки — табуреты (placets, tabourets)¹, употреблявшіеся преимущественно женщинами и дѣтьми. Впрочемъ парадную мебель продолжали и теперь еще дѣлать изъ рѣдкаго дерева съ отдѣлкою изъ агата, яшмы и другихъ камней; иногда и самыя сидѣнья кресель дѣлались каменными, изъ мрамора или серпентина².

Слѣдуя тому же закону перехода прямой линіи въ изогнутую, измѣнилась и форма столовъ: не только ножки ихъ, но и весь станокъ и самая доска приняли изогнутые контуры. Въ послѣднюю четверть столѣтія вошли въ употребленіе подзеркальные столы

¹ De Laborde Notice des émaux II, 452. — ² A. Frenzel. Der Führer durch das historische Museum zu Dresden. S. 9.

или консоли о двухъ выгнутыхъ ножкахъ и съ мраморною доскою. Доски маленькихъ столиковъ дѣлались изъ какого-нибудь дорогого дерева съ рѣзбою по ободу, или изъ флорентійской мозаики, плоской или слегка выпуклой.

Изъ шкафовъ, такъ называемые кабинеты (cabinets; Kunstschränke стр. 231) представляли миниатюрное воспроизведеніе самыхъ прихотливыхъ архитектурныхъ формъ господствующаго стиля. Къ отдѣлкѣ ихъ примѣнялись всѣ извѣстные способы украшенія: плоскія, рельефныя и круглыя изображенія изъ золота и серебра, эмальировка, выкладки изъ слоновой кости, черепахи, цвѣтныхъ камней и т. п., къ которымъ въ 80-хъ годахъ прибавились еще зеркальныя стекла, не рѣдко съ выгравированными на задней сторонѣ ихъ рисунками, вставленныя въ деревянныя золоченыя рамки.—Большіе настоящіе шкафы для посуды, платья и проч. сохранили свою основную форму и свой общій характеръ прямолинейности до конца столѣтія, съ незначительными измѣненіями деталей въ направленіи господствующаго вкуса (фиг. 387; ср. фиг. 338). Тоже самое повторилось на сундукахъ и баулахъ, съ тою только разницею, что изогнутая линія обозначалась въ нихъ гораздо явственнѣе, ограничивая ихъ профиль. Во второй половинѣ столѣтія появились, въ видѣ подражанія кабинетамъ, большія вмѣстителища съ однимъ или двумя выдвижными ящиками. Эта новая мебель, изъ которой выработался въ послѣдствіи коммодъ, уже въ девяностыхъ годовъ начала вытѣснять комнатные сундуки и баулы, не уступая имъ въ богатствѣ отдѣлки. Она дѣлалась на четырехъ довольно высокихъ, слегка выгнутыхъ ножкахъ и съ выпуклою переднею стѣною.

Туалетъ остался до исхода столѣтія тѣмъ же, чѣмъ и былъ, т. е. «кускомъ чистаго полотна, въ который дамы завертываютъ свой ночной костюмъ»¹. Впрочемъ уже въ послѣднихъ годахъ столѣтія появилась очень красивая мебель въ видѣ столика съ выдвижными ящиками для храненія туалетныхъ принадлежностей и съ поставленнымъ на немъ зеркаломъ, украшеннымъ драпировкою изъ какой-нибудь матеріи.

Постель, занимая по прежнему почетное мѣсто въ комнатной мебели, въ 80-хъ годахъ измѣнила совершенно свой наружный видъ, ставъ вполнѣ мягкой мебелью. Собственно кровать исчезла и замѣнилась простымъ деревяннымъ станкомъ съ нѣсколькими возвышеннымъ изголовьемъ. Станокъ этотъ служилъ основой постели, состоявшей изъ матрацовъ, тюфяковъ, подушекъ, одеялъ и покрывалъ, которые его совершенно скрывали. Самый балдахинъ надъ постелью не утверждался какъ прежде на столбикахъ, а дѣлался изъ одной матеріи, развѣшанной густыми складками, и съ украшеніями по угламъ въ видѣ вазъ, букетовъ, тоже сдѣланныхъ изъ матеріи. Было въ обычаѣ ставить постель въ особую для этой цѣли устроенную нишу, которая убиралась внутри драпировками, а снаружи широкими занавѣсами или гардинами изъ дорогихъ матерій съ шнурами и кистями.

Освѣтительные приборы стали разнообразиѣе не только по формѣ и отдѣлкѣ, но и по матеріалу, изъ котораго ихъ выдѣлывали. Кромѣ металловъ и камня, для нихъ начали употреблять дерево, слоновую кость, а во

¹ *Amaranthes. Nutzbares, galantes und curioses Frauenzimmer-Lexicon etc. S. 2028.*

второй половинѣ столѣтія стекло. Изъ дерева дѣлали преимущественно большіе канделябры, украшая ихъ рѣзбою и позолотою; изъ слоновой кости — столовые канделябры и люстры, изъ стекла тоже люстры и подсвѣчники. Въ 80-годахъ граненое стекло въ видѣ подвѣсокъ сдѣлалось любимымъ украшеніемъ всѣхъ почти освѣтительныхъ приборовъ, кромѣ кекиетовъ и фонарей, которые дѣлались изъ металла. — Различная мелкая утварь, какъ-то: ящички, шкафики, нисъменьшыя принадлежности и т. п. вещи, частію измѣнили свои формы, частію уступили мѣсто другимъ вещамъ, хотя имѣвшимъ тоже назначеніе, но вышнимъ своимъ видомъ отличававшимся отъ первыхъ.

Что касается утвари церковной, то она до такой степени походила на свѣтскую по своему стилю, по формѣ и содержанію своихъ украшеній, что едва отъ нея отличалась, за исключеніемъ тѣхъ предметовъ, форма которыхъ обуславливалась ихъ специальнымъ назначеніемъ, какъ-то: алтарей, клиросныхъ сидѣній, исповѣдаленъ и т. п.

Изъ различныхъ игръ, особеннымъ предпочтеніемъ пользовалась въ разсматриваемый періодъ игра на бильярдѣ, но сначала только въ Италіи и Франціи, гдѣ распространенію ея много помогло то обстоятельство, что самъ Людовикъ XIV охотно упражнялся въ ней, вслѣдствіе чего она и была тотчасъ же названа благородною игрою — *noble jeu*, и какъ таковая усердно практиковалась высшимъ и среднимъ обществомъ. Удостоенная такого высокаго поощренія, она уже не ограничилась предѣлами Франціи: царственные подражатели великаго короля не замедлили ввести её при своихъ дворахъ, откуда она распространилась и въ неприворотныхъ кругахъ. — Въ игральныхъ картахъ измѣнялись только знаки и фигуры. Въ виду повторявшихся запрещеній карточной игры, власти только терпѣли изготовленіе картъ, какъ отрасль бумажнаго производства, а отнюдь не поощряли, наблюдая, однако при этомъ чтобы оно производилось согласно установленнымъ на этотъ счетъ правиламъ. Во Франціи, въ 1613 г., было снова подтверждено издавшее въ 1581 г. и повторенное въ 1584 г. королевское повелѣніе «карточнымъ и бумажнымъ мастерамъ (*maîtres cartiers*), изготовителямъ картъ (*tarots*), листковъ и папокъ (*feuillettes et cartons*), «чтобы никто изъ нихъ не занимался выдѣлкою картъ не имѣя открытой торговли, и не продавалъ бы за настоящія такіа карты, которыя сдѣланы не изъ лучшаго карточного картона и не расписаны индиго и киноварью». Сверхъ того, карточнымъ мастерамъ строго предписывалось, подѣ штрафомъ конфискаціи и десяти ливровъ пени, выставлять на треномъ ваетѣ (*valet de trèfles: Lahire*) каждой игры свое имя и фамилію, свои знаки и девизы (*enseignes et devises*). Фигурныя изображенія на картахъ не были подчинены никакой регламентаціи, а исполнялись согласно принятымъ для нихъ образцамъ: фигуры рисовали по прежнему цѣльные, но уже не всегда въ римскомъ одѣяніи, а чаще въ современномъ костюмѣ; произвольныя

фигуры замѣняли перѣдко портретами царствующихъ государей и другихъ выдающихся личностей изъ современниковъ. — Тавлейныя игры, какъ наиболѣе доступныя отдѣлкѣ, представляли и большее разнообразіе въ этомъ отношеніи. Доски для нихъ составляли изъ различныхъ металловъ и цвѣтнаго стекла, а шашки и фигуры вырѣзывали изъ желѣза. Очень любимы были также доски отдѣланныя мозаикой изъ разноцвѣтнаго дерева и булевскимъ способомъ. Три мозаичныя доски съ шашками, работы Ганса Фишера въ Эгерѣ, дошли до насъ и сохраняются — одна, съ именемъ мастера и годомъ 1661, въ берлинскомъ музеѣ, а двѣ остальные въ дрезденской Grüne Gewölbe. Первая доска величиною 1 ф. 8 дюймовъ въ квадратѣ; на крышкѣ ея выложено выпуклой мозаикой изображеніе битвы при Замѣ со множествомъ фигуръ; внутри тоже мозаика, но плоская; на шашкахъ различный военный скаръдъ исполненный тоже рельефомъ. На крышкахъ двухъ остальныхъ досокъ подобныя же батальныя многофигурныя изображенія. Шахматная доска въ формѣ мягкой подушки съ втыкающимися въ нее фигурами, которая, говорятъ, была изобрѣтена для Людовика XIV, чтобы онъ могъ играть на ней въ каретѣ, представляетъ во всякомъ случаѣ единичное исключеніе, если даже извѣстіе о ней и справедливо.

Музыкальные инструменты, не измѣняя своей вѣшней формы, совершенствовались въ отношеніи тона наравнѣ съ музыкальной техникой, которая была поднята на небывалую дотогѣ высоту въ Италіи, особенно Александромъ Скарлати (1650—1725), основателемъ неаполитанской школы.

Въ органѣ было сдѣлано много различныхъ усовершенствованій, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ изобрѣтенный Фёрнеромъ, въ 1630 г., приборъ для измѣренія силы воздушной струи производимой мѣхомъ и правильнаго распредѣленія ея между регистрами. Дальнѣйшія улучшенія касались трубъ, ихъ металлическаго состава и ихъ размѣщенія, причемъ были производимы опыты надъ изслѣдованіемъ ихъ тона, и самые регистры умножены присоединеніемъ къ нимъ двухъ новыхъ, *vox humana* и *vox angelica*. Объемъ органовъ, особенно церковныхъ, еще болѣе увеличился, а вмѣстѣ и ихъ вмѣстѣлища; получившія видъ настоящихъ зданій, чрезвычайно нарядно отдѣланныхъ въ стилѣ барокко. Большой органъ, построенный отъ 1697 до 1703 г. Евгеніемъ Каспарини изъ Сорау, въ Верхней Лузаци, и его сыномъ Горациемъ Адамомъ, за 25000 талеровъ, заключалъ въ себѣ 57 голосовъ и 3270 трубъ. — При возраставшемъ, благодаря этимъ усовершенствованіямъ, распространеніи большихъ комнатныхъ органовъ, небольшіе старинные ручные органы стали выходить изъ употребленія. Какъ бы въ замѣнъ ихъ, были изобрѣтены Гейрихомъ Эйхлеромъ (1637—1719) въ Аугсбургѣ ручные органы въ формѣ небольшихъ богато украшенныхъ ящиковъ, которые такъ поправились, что одинъ такой ящикъ, надъ отдѣлкой котораго трудился самый искусные золотыхъ дѣлъ мастера, былъ заказанъ даже изъ Непана.

Изъ духовыхъ инструментовъ флейта во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ продолжала занимать первое мѣсто. Кромѣ большихъ флейтъ о трехъ и шести отверстіяхъ, появились флейты отъ 7 до 8 фут. длинны съ 11-ю, и другія, менѣе длинныя, съ 9-ю отверстіями. Эти флейты, часто употреблявшіяся при драматическихъ представленіяхъ во Франціи при Людовикѣ XIV, были введены и въ другихъ странахъ, между прочимъ и въ Германіи, гдѣ ихъ

называли *Blockflöten* или *Plockflöten*. Очень любимы были также небольшие прямые флейты с 9 отверстиях и настоящая флейта с боковой амбушурой (*flûte traversière*; *Querflöte*), после сделанных в ней усовершенствований, постепенно вытеснившая почти все остальные виды флейтъ. Свирель (*Syrinx*) сохранилась лишь в давно усвоенном ей качестве уличного инструмента, и выдвигалась медниками. Во Франции они пользовались даже привилегією выдвигать свирели и возмещали на улицах продажу этого инструмента играя на немъ. — Христианъ Деверъ (1655—1707), нюрнбергскій мастеръ музыкальных инструментовъ, трудясь надъ усовершенствованіемъ нѣмецкой *Schalmei*, изобрѣлъ въ 1690 г. основную форму нынѣшняго кларнета, которая, после дальнѣйшихъ усовершенствованій, развилась въ одинъ изъ важнѣйшихъ духовыхъ инструментовъ. Кривые гобои (*Krammhörner*) перешли и въ слѣдующее столѣтіе, не утративъ своего значенія. Они также входили въ составъ роговой музыки Людовика XIV (*grande écurie du roi*). Вольтинка въ своей первоначальной формѣ осталась инструментомъ бродячихъ музыкантовъ и нищихъ; но преобразовавшаяся въ *musette* сдѣлалась очень красивымъ инструментомъ, который былъ принятъ и въ высшемъ французскомъ обществѣ. На всѣхъ загородныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ Людовикомъ XIV и французскою знатію, *musette* играла главную роль, наряду съ флейтами, флажолетами и гобоями. Не меньшимъ расположеніемъ пользовалась она и какъ комнатный инструментъ. Но это продолжалось не долѣе конца столѣтія, когда она сдѣлалась исключительно принадлежностью сельскихъ праздниковъ. — Къ меднымъ духовымъ инструментамъ, которые по прежнему составляли преимущественно военную музыку, прибавилась при Людовикѣ XIV небольшая выгнутая полумѣсячномъ сигнальная труба.

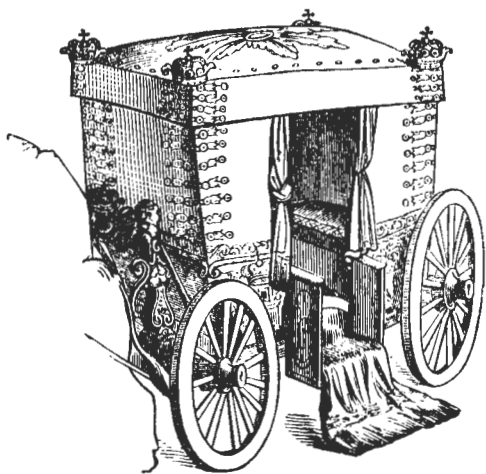
Въ составъ военной музыки входили также и различной формы ударные инструменты — барабаны, бубны, треугольники, тарелки — послѣднія только со временъ Людовика XIV. Тамбуринъ въ неходѣ столѣтія почти совершенно исчезъ, сначала въ Германіи, а затѣмъ и во Франціи, удержавшись вмѣстѣ съ кастаньетами только въ южной Европѣ, какъ простонародный инструментъ.

Струнные инструменты, въ особенности смычковые типа скрипки, продолжали постепенно совершенствоваться въ отношеніи чистоты и силы тона. — Старинная *vielle à roue*, спустившаяся до степени уличнаго инструмента, появилась снова въ измѣненной формѣ *clavicimbalum*. Этотъ инструментъ выработался изъ музыкальнаго прибора, изобрѣтеннаго въ 1610 Гайденомъ старшимъ въ Нюрнбергѣ и устроеннаго такъ, что струны на немъ приводились въ колебаніе, вмѣсто смычка, 6 колесами обтянутыми узкими полосками пергамента. Это нѣмецкое изобрѣтеніе быстро распространилось въ Германіи и затѣмъ, около 1700 г., перешло въ Парижъ, гдѣ и было далѣе усовершенствовано. Преобразование клавесина (*clavesin*) въ настоящее фортепіано шло весьма медленно и завершилось не раѣе половины слѣдующаго столѣтія, после того какъ Готфридъ Шрёдеръ въ 1717 г. изобрѣлъ клавиши со штифтами ударявшими въ струны, вмѣстѣ пера и молоточка, съ помощью которыхъ играли на клавесинѣ до самого конца столѣтія. Цимбалы — родоначальникъ клавишныхъ инструментовъ, были очень распространены, называясь, по своей треугольной формѣ, въ Герма-

ни Flügel, въ Голландіи Vloegel, во Франціи aile (крыло). — Арфа снова заняла временно утраченное ею мѣсто салоннаго инструмента, рядомъ съ лютней, гитарой и цитрой, и подверглась различнымъ улучшеніямъ. Она была значительно увеличена, число струнъ на ней умножено, звучность ея резонанса усилена посредствомъ нѣсколькихъ сдѣланныхъ въ немъ отверстій и пр. Попытки снабдить арфу педалью, начатыя въ Тироли еще въ 1660 г., привели къ настоящей педальной арфѣ, устроенной въ 1700 г. Симономъ Гохбрукеромъ въ Донаувёртѣ.

Между тѣмъ какъ охотничій снарядъ ¹ всё болѣе сводился на ручное огнестрѣльное оружіе, перевозочныя снаряды — экипажи и повозки продолжали совершенствоваться, хотя и весьма медленно. До конца 80-хъ годовъ форма и устройство первыхъ оставались прежнія: карета всё еще представляла крытый кузовъ подвѣшенный на ремняхъ или цѣпяхъ, прикрѣпленныхъ къ высокимъ подетавкамъ, утвержденнымъ на передней и задней осяхъ четырехколеснаго хода (фиг. 388). Дверецъ и оконъ у каретъ сначала не было: по сторонамъ кузова дѣлались пролеты, чрезъ которые и входили въ карету; въ

Фиг. 388.

послѣдствіи, съ распространеніемъ стекла, въ пролеты стали вставлять дверцы съ стеклянными окнами. Козлы явились тоже довольно поздно и вводились медленно; до устройства козелъ кучеръ ѣхалъ верхомъ на одной изъ дышловъ хъ лошадей.

Распространеніе экипажей было и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затруднено распоряженіемъ властей и стало свободнѣе не ранѣе половинѣ столѣтія. Въ Испаніи, велѣвъ за Филиппомъ II, Филиппъ III постановилъ, чтобы никто, какого бы званія и ранга онъ ни былъ, не смѣлъ безъ позволенія короля ни ѣздить въ каретѣ, ни заставлять посѣть себя въ портшезѣ, и что женщинамъ лишь въ томъ случаѣ дозволяется имѣть собственный экипажъ, но только открытый, если онѣ могутъ ѣздить въ немъ на четверкѣ лошадей. Во Франціи, не смотря на то что при Людовикѣ XIII употребленіе каретъ усилилось и были кареты «сплошь вызолоченныя»,

¹ R. Salnove. La Venerie royale. Paris 1665, Joh. Tüntzer. Der Dianen hohe und niedere Jagd- Geheimniss. Mit Kupf. Kopenhagen 1689. H. W. Döbel. Neu eröffnete Jäger- Practica oder der wohlgeübte und erfahrene Jäger. Mit Kupfern. Leipzig 1746 (позднѣйшія изданія: 1783, 1803 и 1828 г.).

число ихъ при концѣ его царствованія было очень невелико. При Людовикѣ XIV оно начало быстро возрастать и въ 1660 г. достигло (въ Парижѣ) до 320 слишкомъ. Съ 1651 г. были тамъ заведены наемныя кареты, которыя по мѣсту ихъ стоянки, Hôtel St.-Fiacre, получили названіе фіакровъ. Учредитель заведенія фіакровъ платилъ правительству за право держать ихъ 15000 ливровъ ежегодно. Велѣдъ за фіаками появились *carrosses de remise*, а съ 1662 г. родъ дилижансовъ ѣздившихъ между Парижемъ и Версалемъ. Въ Англіи, напротивъ того, ѣзда въ экипажахъ такъ поправилась, что, хотя кареты были ввезены туда изъ Германіи не ранѣе 1580 г., въ 1625 тамъ уже существовало много наемныхъ каретъ, не смотря на возрастающее число собственныхъ ¹. Богатые люди въ Англіи соперничали другъ съ другомъ не только убожествомъ и отдѣлкою своихъ экипажей, но и еще болѣе количествомъ и красотою лошадей. — Совершенно противное тому было въ Германіи, за исключеніемъ не многихъ государствъ. До Леопольда I даже вѣнскій дворъ не могъ похвалиться ни количествомъ экипажей, ни ихъ богатою отдѣлкою. Карета, въ которой ѣздилъ обыкновенно самъ Леопольдъ, обитая красной юфтью и снабженная стеклами, отличалась отъ каретъ его свиты только тѣмъ, что постромки у нея были ремешныя, а у тѣхъ веревочныя. Къ дворамъ, щеголяющимъ экипажами, принадлежалъ ганноверскій, особенно при герцогѣ Эрнстѣ Августѣ, у котораго въ 1681 г. было не менѣе 50 вызолоченныхъ каретъ и столько же шестериковъ лошадей. — Когда Филиппъ фонъ Хизе (Chiese), генералъ-квартимейстеръ курфюрета Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго, отиравался въ 1660 г. посломъ во Францію, онъ заказалъ себѣ по собственному плану двухѣстную карету, которая по своему удобству и красивости такъ понравилась, что вошла въ моду и кареты такого фасона стали извѣстны подъ названіемъ берлина (*berline*). — Въ Скандинавскихъ земляхъ и въ Швейцаріи экипажи долго еще оставались рѣдкостью. Даже жители Базеля смотрѣли на вѣздъ французскаго посланника въ 1671 г. въ каретѣ, какъ на нѣчто необычное. Въ Россіи, напротивъ того, лица высшихъ сословій уже въ началѣ столѣтія ѣздили въ каретахъ и число собственныхъ богато отдѣланныхъ экипажей постоянно и быстро возрастало.

Кромѣ настоящихъ экипажей, дѣлались также механическіе самодвижущіяся повозки. Устройствомъ ихъ были извѣстны въ числѣ другихъ Гансъ Гаучъ (1595 — 1670) въ Нюрнбергѣ и Стефанъ Тарфлеръ (ум. 1689) часовникъ въ Альтдорфѣ. Первый сдѣлалъ для пфальцграфа Карла Густава повозку, въ которой могли скрытно помѣститься два человека; послѣдній—повозку, на которой можно было везти себя самому. Нѣкто Камю (Camus) устроилъ для Людовика XIV, еще дофина, небольшую игрушечную карету съ заводившимся механизмомъ, которая пробѣгала извѣстное пространство взадъ и впередъ.

Въ первой половинѣ столѣтія появился во Франціи родъ экипажа, представлявшій нѣчто среднее между каретою и портшезомъ. Онъ состо изъ

¹ Ср. W. B. Adams. The origin, history, varieties, construction etc. of english pleasure carriages London 1837 (with numerous designs).

высокаго одномѣстнаго кузова, поставленнаго на два низкихъ колеса и снабженнаго оглоблями, въ которыя впрягался возчикъ и тянулъ его за собою. Несмотря на удобства этого экипажа, названнаго *brochette* (*Boulette*, *vinaigrette*), публичное употребленіе его для перевозки людей было разрѣшено не ранѣе 1699 года. — Настоящіе портшезы сначала употреблялись почти только одними больными и начали распространяться, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, не ранѣе конца столѣтія. Въ Англію вывезъ ихъ изъ Парижа герцогъ Бокингемъ.

Войскій снарядъ¹. Принятое дѣленіе огнестрѣльныхъ орудій на кулеврины, картежи и мортиры сохранилось до исхода столѣтія, безъ измѣненія ихъ формъ; а употребленіе многоствольныхъ орудій (*orgelgeschütze*) перешло и въ слѣдующее столѣтіе. Но если не измѣнилась форма пушекъ, то въ способахъ употребленія ихъ были введены многія улучшенія. Распространеніе бомбъ послужило поводомъ къ излѣдованіямъ линіи ихъ полета, которыя и были начаты англичаниномъ Олдредомъ еще въ 1611 г. Въ 1602 г. при осадѣ Остенде была введена картечь, въ формѣ мѣшковъ наполненныхъ мункетными пулями, и появились каленныя ядра съ скрытыми въ нихъ гранатами. Вскорѣ затѣмъ начали употреблять цѣпныя ядра, которыя однакожъ и въ послѣдствіи не приобрѣли важнаго значенія въ артиллеріи. Наконецъ, съ 1620 г., начали выливать 24-хъ и 12-ти фунтовыхъ орудія, первыя въ 10 ф. 11 дюйм., послѣднія въ 10 ф. 9 д. длины.

Усовершенствованіе артиллеріи, какъ и вообще военнаго искусства, сдѣлало большіе успѣхи въ продолженіи 30 лѣтней войны, благодаря главнымъ образомъ Густаву II Адольфу, королю шведскому. Имѣя главнымъ образомъ въ виду сдѣлать пушки болѣе удобными для дѣйствія въ полѣ, онъ уменьшилъ ихъ тяжесть, усовершенствовалъ постановку ихъ на лафеты и способъ прицѣливанія. Уже вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, онъ приказалъ изготовить пушки и мортиры, которыя своею легкостью и удобо-подвижностью выгодно отличались отъ существовавшихъ; а во время войны съ Польшею въ 1626 г.) употреблялъ въ дѣло придуманныя шведскимъ полковникомъ, Мельхиоромъ фонъ-Вурмбрандомъ, очень легкія пушки, изготовленныя съ прибавкою кожи. Эти кожаныя пушки состояли изъ мѣдной трубки толщиной въ $\frac{1}{4}$ діаметра назначеннаго для нея ядра; трубка эта была пере-

¹ Для нагляднаго знакомства съ различными формами огнестрѣльнаго оружія особенно важны: *Armentarium principale oder Kriegsmunition und Artilleriey* — Buch etc. mit schönen und gründlichen Kupferstücken. Joh. Ammons Burgers und Buchhändlers zu Frankfurt am Mayn 1625. Johann Jacob von Wallhausen. *Archiley Kriegskunst, Darinnen gelehret und fürgetragen werden die initia und fundamenta dieses edlen Kriegskunst etc.* Mit schönen Kupferstücken perfüete angewiesen und beschrieben. Hanaw 1637. *Vollkommene Überweisung wie Raketen, Feuer-Wasser Sturm-Kugeln, Granaten etc. zubereiten etc.* Osnabrück. 1660. Casimir Simicowicz. *Vollkommene Geschütz-F Feuerwerk- und Büchsenmesterri-Kunst etc.* In die hochteutsche Sprach übersetzt von Thomas Beeren. Franckf. a. M. 1676. Johann Siegmund Bucherne. *Theoria et Praxis Artilleriae etc.* Nürnberg 1635. Michael Miether. *Neuere curiose Geschütz Beschreibung etc. etc.* Dresden und Leipzig 1684 u 1700.

хвачена въ нѣсколькихъ мѣстахъ желѣзными обручами, затѣмъ плотно обвита крѣпкимъ канатомъ и сверхъ него обтянута толстою сыромятною бѣжею. Но какъ ни легки были эти пушки, онѣ имѣли то неудобство, что уже послѣ 10 или 12 выстрѣловъ сильно нагрѣвались и потомъ чрезвычайно медленно остывали; вслѣдствіе этого онѣ и не были нигдѣ приняты, и въ шведской арміи продержались не далѣе 1631 года. Къ болѣе прочнымъ изобрѣтеніямъ Густава Адольфа въ области артиллерійскаго дѣла принадлежатъ 6-ти и 4-хъ фунтовые орудія; послѣднія дѣлались изъ желѣза и, при длинѣ 4 футовъ вѣсили всего 625 фунтовъ, такъ что двѣ лошади могли свободно вести такое орудіе даже по дурной дорогѣ. Онѣ были введены во Франціи подъ названіемъ пушекъ на шведскій манеръ (*pièces à la suédoise*) и употреблялись преимущественно для стрѣльбы картечью въ жестяныхъ картузахъ. Не менѣе важно, въ особенности для ускоренія стрѣльбы, было другое изобрѣтеніе того же короля, именно — пушечный патронъ, замѣнившій собою засыпаніе пороха въ пушку совкомъ. — Между тѣмъ, около 1630, англійскій инженеръ Мальтусъ усовершенствовалъ бомбы, прибавивъ къ нимъ воронки, а другой англичанинъ Андерсонъ (ок. 1674 г.), подвергъ научной разработкѣ опыты Эльдредъ надъ ихъ полетомъ. Въ 1650 г. былъ изобрѣтенъ въ Варшавѣ прицѣльный винтъ, замѣнившій употреблявшіеся до сихъ поръ для прицѣливанія орудій клинья.

Особенные успѣхи сдѣлало артиллерійское дѣло во Франціи при Людовикѣ XIV, благодаря его постояннымъ войнамъ. Всѣ усовершенствованія въ устройствѣ и употребленіи орудій были подвергнуты научной провѣркѣ и приведены въ систему, которая навсегда положила конецъ встрѣчавшемуся еще мѣстами чисто цеховому производству орудій. Главнымъ образомъ обращено было вниманіе, при уменьшеніи вѣса орудій, на ихъ удобоподвижность, и въ этомъ смыслѣ измѣнено устройство лафетовъ, которые кромѣ того были облегчены возможности отъ желѣзныхъ оковокъ. Въ продолженіе Пиренейской войны были введены въ артиллерию, какъ горныя орудія, однофунтовики въ 4 фута 8 дюймовъ длины, со стѣлками въ $\frac{1}{4}$ калибра толщины въ дулѣ и въ $\frac{2}{3}$ калибра въ каморѣ, и такъ наз. *pièces* — каменные мортиры отъ 15 до 18 дюймовъ въ поперечникѣ, съ однимъ ушкомъ, приделаннымъ ко дну. Въ концѣ столѣтія флорентинцемъ Петри были изобрѣтены особеннаго устройства мортиры съ круглою камерою, назначенныя преимущественно для бросанія ручныхъ гранатъ. Къ дальнѣйшимъ изобрѣтеніямъ, постоянно теперь множившимся, принадлежала также стрѣльба калеными ядрами, придуманными браденбургскимъ генераломъ Вейлеромъ и примѣненная къ дѣлу при осадѣ Стральзунда въ 1678 г., когда были произведены также опыты надъ шестиугольными пушками съ пирамидальной камерой, оказавшимися впрочемъ неудобными. — Дальнѣйшее развитіе артиллерійскаго дѣла нашло себѣ твердую почву въ научныхъ изслѣдованіяхъ іезуита Клода Дешаля, который, въ изданномъ имъ въ 1674 г. въ Лейденѣ *Mundus mathematicus*, первый включилъ артиллерию и постройку крѣпостей въ разрядъ математическихъ наукъ, также какъ и въ трудахъ барона Вольфа, Исаака Ньютона (ок. 1687) и англичанина Андерсона, издаваемаго въ 1690 подробное изложеніе своей теоріи полета ядеръ.

Орудія наказанія, также какъ уголовная практика вообще, не подверглись никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Не смотря на успѣхи просвѣщенія, пытка всё признавалась необходимою. Только въ исходѣ столѣтія, извѣстный въ Германіи своею юридическою ученостію и либеральнымъ образомъ мыслей, Христіанъ Томазіи (1655—1728) осмѣлился открыто её оспаривать. Но какъ ревностно ни старался онъ о введеніи въ судебную практику началъ естественнаго права, объ отмѣнѣ пытки и обвиненій въ чародѣйствѣ, прошло еще болѣе полстолѣтія пока взгляды его, изложенные въ изданномъ имъ въ 1705 г. въ Галлѣ сочиненіи: *De tortura e foris christianorum proscribenda*, начали проникать въ общественное сознаніе.

Погребальная утварь, равно какъ и порядокъ погребенія остались прежніе; только употребленіе гробовъ сдѣлалось болѣе всеобщимъ, при чемъ гробы высокопоставленныхъ лицъ не относились на мѣсто погребенія на рукахъ, а отвозились на особо устроенныхъ для этой цѣли погребальныхъ колесницахъ. Съ другой стороны, начиная съ 50-хъ годовъ, пышность въ обстановкѣ погребальныхъ церемоній значительно усилилась даже и въ среднемъ классѣ, особенно въ Германіи и Англіи. Въ Германіи она доходила до того, что достойный Михаэль Фрейдъ нашелся вынужденнымъ вооружиться также и противъ нея въ своемъ *Alamode Teuffel* (ок. 1682 г.). «Что пользы—воскликаетъ онъ—осужденной душѣ отъ того, что покинутое ею на землѣ тѣло набальзамируютъ, одѣнутъ въ красивое платье (хотя бы оно и было сшито по послѣдней парижской модѣ), вынесутъ руками нарядно одѣтыхъ служителей, проводятъ толпою, съ притворными рыданіями, музыкой и колокольнымъ звономъ, при свѣтѣ множества факеловъ, и опустятъ съ безконечными церемоніями въ красиво устроенный склепъ, поставятъ надъ нимъ памятникъ, воткнутъ флаги, навѣсятъ гербъ и т. д. О слѣпота! о безуміе людей, которые изъ проклятаго тщеславія сами себя низвергаютъ въ такую ужасную пучину вѣчной скорби и мученій!»

Отдѣлъ четвертый.

Внѣшній бытъ съ начала 18 столѣтія до нашего времени.

А. Одежда¹

До смерти Людовика XIV¹ костюмъ обоихъ половъ во Франціи въ общемъ почти вовсе не измѣнялся, а измѣнялись только его детали — отдѣлка, узоры вышивокъ и т. п., которые каждый выбиралъ по своему вкусу.

¹ Въ дополненіе къ перечисленнымъ выше (стр. 256—8) сочиненіямъ, укажемъ еще на слѣдующія: Н. Lecomte. Costumes civils et militaires de la monarchie française depuis 1200—1820. Paris 1820 (т. 3-й и 4-й). L'oeuvre d'Antoine Watteau gravé d'après ses tableaux etc. par les soins de M. de Julienne à Paris. J. F. de Goez, Exercices d'imagination de différents caractères et formes humaines etc. Augsburg 1784. Moreau le jeune, Tableau de la bonne compagnie ou traits caractéristiques, anecdotes secrets etc. recueillis dans les sociétés du bon ton pendant les années 1786 et 1787. (Его же): Monument du Costume physique et morale de la fin du XVIII-e siècle; ou tableau de la vie. Neuwid 1789. D. Juan de la Cruz Cano y Holmedilla. Coleccion de trajes de Espanna etc. Madrid 1777. Ch. Gavard. Galerie historique de Versailles. Paris 1838. 14 vols. fol. Рисунки изображающіе костюмъ разсматриваемаго периода: L. Brand Zeichnungen nach dem gemeinen Volke, besond. der Kaufm. in Wien (Etudes prises dans le peuple etc) Wien. 1775. C. Suhr Hamburgische Trachten. Hamburg 1808; Der Ausruf in Hamburg in 120 color. Blättern. ibid. 1808. Vathier. Les cris de Paris; à Paris chez Engelmann. Toly. Arts, métiers et cris de Paris; à Paris (1800). — Изъ прочихъ оригинальныхъ источниковъ самый богатый матеріалъ доставляютъ — путешествія, письма, наблюденія и т. п., между тѣмъ какъ другіе источники, какъ напр. постановленія городскихъ властей, законы о роскоши, и т. д. теряютъ въ объемѣ и значеніи; даже и мемуары становятся скудные относящимися къ нашему предмету данными. „Костюмники“ (Trachtenbücher) къ половинѣ столѣтія разбиваются на отдѣльныя серіи и листы, которые къ концу столѣтія превращаются въ настоящія модныя картинки, которыя составляютъ необходимое приложеніе къ вновь появившимся въ Германіи „карманнымъ календарямъ“ и „книжкамъ“ (Taschen-Kalender и Taschenbüchern). Но уже въ началѣ 70 годовъ начинаютъ выходить во Франціи сначала „модные листки“, а вскорѣ затѣмъ и настоящіе „журналы моды“, которые не только во всей подробности описываютъ существующія моды, но и сами изображаютъ новыя и повсюду ихъ распространяютъ. Изъ множества подобныхъ изданій, назовемъ для примѣра: Collection de costumes français etc. dessinés par Le Clerc, Derais et autres maîtres. à Paris chez Esnauts et Rapillie (Большая серія прекрасно гравированныхъ рисунковъ моды 70-хъ годовъ), Watteau. Figures des modes dessinées et gravées chez Jeourat. Costumes des français modernes, par Ch. Vernet, lithogr. par Delpéch. Horace Vernet, Incroyables et merveilleuses. Gatin sc. Paris. — Der göttingische Taschenkalender 1776 bis 1813. Das Leipziger Taschenbuch für Frauenzimmer 1784 bis 1820. Gothaischer Hofkalender (Almanach de Gotha) съ 1777 г. Taschenkalender für Damen, Tübingen bei Cotta 1798—1822. Berlin bei Unger и др. — M. de la Mesangère. Journal des modes. Journal des dames et des modes: Les modes parisiennes; Le bon ton; Le bon genre; Le Caprice; L'Elegant; Mercure de France и др. — J. Bertuch Journal des Luxus und der Moden. Weimar 1787—1827. Journal für Fabrik, Ma-

Мужской костюмъ даже и по смерти короля довольно долго сохранялъ свой прежній покрѣй, утративъ лишь присущую ему чопорность, которая съ началомъ регенства замѣнилась совершенно противоположнымъ качествомъ — преднамѣренною небрежностью (*ponchalance*; фиг. 389 а. б; ср. фиг. 462). Но тотчасъ же по вступленіи на престолъ Людовика XV этой *ponchalance* были поставлены довольно тѣсныя границы заведеннымъ имъ при своемъ дворѣ болѣе строгимъ этикетомъ, условія котораго, распространившись чрезъ посредство придворныхъ круговъ въ общество, сдѣлались и для него своего рода кодексомъ приличій.

Фиг. 389.

Только съ этого времени началось измѣненіе и самого покроя платья, давшее послѣднему характеръ, близко походившій къ тому, который былъ ему свойственъ въ послѣдніе годы Людовика XIV'.

Кафтанъ (*justaucorps*), который во время Регенства носили широко распахнутымъ, кроился теперь такъ, что только немного раскрывался све-

ufactur und Handel. Leipzig 1793—1810. съ вклеенными образчиками матерій. 40 vols. Zeitschrift für Freunde der schönen Künste, des Geschmacks und der Mode Berlin 1799. 2. vols. Diezmann Allgemeine Modezeitung. Lpzg (съ 1807 г.). Journal des dames et des modes. Francfort sur le Mein (съ 1816). London Magazine, The Spectator и др. — Помимо всего этого обильный матеріалъ для нашихъ издѣданій представляютъ работы живописцевъ, граверовъ, рисовальщиковъ, изъ которыхъ мы назовемъ здѣсь: Le Prince, Fr. Boucher, Ch. Vanloo, Le Bas. De Larroissin, N. de Launey, W. Hogarth, J. Reynolds, Bonnards, D Chodowiecki. C. Engelbrecht, A. Pfeffel. J. W. Windler, G. M. Preisler, B. Vogel, Wolfgang, M. J. E. Nilson — не упоминая о многихъ другихъ.

реди, а иногда и совѣмъ застегивался на груди. Вообще онъ дѣлался съ едва замѣтнымъ перехватомъ на талии, но щеголи, изъ подражанія женскимъ модамъ, носили его съ колоколообразно растянутыми фалдами, которые для этой цѣли подкладывались китовымъ усомъ или какою нибудь упругою матеріею. Такіе кафтаны, лишь съ незначительнымъ уменьшеніемъ объема фалдъ, продержались до конца 40-хъ годовъ. Во всемъ остальномъ они почти ничѣмъ не отличались отъ прежнихъ: они дѣлались тоже безъ воротника, съ широкими, доходившими до локтя обшлагами (*parements en pagode*), съ двумя большими карманами на полахъ, закрывавшимися клапанами, съ большими металлическими пуговицами и богатымъ золотымъ или серебрянымъ шитьемъ по бортамъ, обшлагамъ и клапанамъ; кромѣ того, до конца двадцатыхъ годовъ встрѣчались еще приколотые на плечѣ банты изъ лентъ съ нѣсколькими, обыкновенно четырьмя, длинными концами. Любимыми матеріями для кафтановъ остались по иржнему — камлотъ, шолкъ и бархатъ, гладкій или травчатый одноцвѣтный, узорчатый глазетъ; особеннымъ предпочтеніемъ пользовались *camelots de Bruxelles*, *gros de Naples* и *gases de Sicile*. Изъ цвѣтовъ выбирали преимущественно сѣрый, коричневый, пунцовый, темпюфіолетовый и агатовый (*couleur d'agate*).

Фиг. 390.

Обшлага дѣлались обыкновенно другого цвѣта чѣмъ самый кафтанъ и большею частію одинакового съ камзоломъ. Отвороченныя фалды остались принадлежностью военнаго костюма; между цивильными, напротивъ того, стало входить въ обыкновеніе на зиму подкладывать или опушать кафтаны мѣхомъ. А въ жестокую зиму 1739 г. вошли въ моду перенятые отъ англичанъ длинныя почти до пятъ верхніе сюртуки — *redingotes* (см. ниже) и гетры (*guêtres*).

Камзолъ (*veste*), уже во время Регенства сильно укороченный (фиг. 389 а), снова удлинился почти до колѣнъ (фиг. 390 б), чтобы затѣмъ, съ начала

сороковыхъ годовъ, опять укоротиться до половины бедра (фиг. 391). Иногда (между 1723 и 1728 гг.) его обшивали по нижнему краю плетенкою изъ золотыхъ или серебряныхъ снурковъ. Носили его обыкновенно застегнутымъ на талии на нѣсколько пуговицъ и раскрытымъ на груди, такъ что изъ подъ

Фиг. 391.

него видѣлась кружевная обшив-ка рубашечнаго ворота (jabot) и галстукъ съ своими длинными вышитыми концами. Съ 1730 годовъ, этотъ длинный галстукъ стали замѣнять болѣе узкимъ цвѣтнымъ (изъ черной или яркочерной шелковой матеріи) съ небольшимъ бантомъ. Маншеты, сохраняя свою прежнюю воронкообразную форму, соответствовали обыкновенно жабо.

Панталоны (поколѣнные) измѣнились только въ томъ, что стали снова уже, чѣмъ ихъ носили во время регенства (фиг. 389 а); а чулки лишь въ томъ, что, вмѣсто цвѣтныхъ чулковъ, стали носить исключительно бѣлые шелковые, съ парчевыми подвязками, застегнутыми золотыми пряжками или пуговицами. — Англійскія гетры пока еще не утвердились прочно: ихъ носили только зимою, но и то не всѣ.

Обыкновенно обувью остались башмаки съ клюшами и пряжками, но теперь уже исключительно черные и съ значительно уменьшенными каблуками.

Болѣе существеннымъ измѣненіямъ подверглись головные уборы и прическа. Уже вскорѣ послѣ смерти Людовика XIV огромные парики, бывшіе при немъ въ модѣ, уступили мѣсто парикамъ болѣе умѣренныхъ размѣровъ и вмѣстѣ съ этимъ употребленіе пудры сдѣлалось всеобщимъ. Особеннымъ предпочтеніемъ пользовались парики ровно завитые мелкими кудрями по всей головѣ, или съ локонами на вискахъ и сзади, причемъ боковые локоны (faces) только едва прикрывали плечи (фиг. 389 а b). Введенныя въ Пруссіи Фридрихомъ Вильгельмомъ I косы были перенесены во Францію Филиппомъ Орлеанскимъ, и хотя эта мода не особенно тамъ понравилась, но все таки нашла себѣ послѣдователей, которые задній локонъ парика вкладывали въ четырехугольный кошелекъ (staraud, bourse) изъ черной тафты завязанный бантомъ и находили это удобнымъ. Иные раздѣляли спускавшіеся на спину волосы просто на двѣ косы (queue) или даже на нѣсколько косичекъ. Изъ сочетанія нововведеннаго кошелька и различныхъ формъ париковъ образовались новые виды париковъ, сдѣлавшіеся какъ бы отличіями разныхъ званій. Такъ напр. высшіе сановники и начальствующіе, также духовенство, носили или прежній парикъ in-folio, или парикъ

à la Sartine; врачи — парикъ à trois marteaux; знатные и дворяне — perruque à circonstance; военные — à la brigadière; люди средняго званія — à boudin и мн. др. Съ сороковыхъ годовъ начало по немногу входить въ обыкновеніе ходить въ собственныхъ волосахъ, но причесанныхъ по принятому фасону и непременно напудренныхъ. — Напротивъ того, усы и борода, даже и въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, на которые они уже были сведены, не могли никакъ удержаться и остались лишь принадлежностью нѣкоторыхъ иностранныхъ полковъ, какъ кроаты и гусары. — Черная шелковая или бобровая треугольная шляпа (à trois cornes) съ плюмажемъ осталась единственнымъ мужскимъ головнымъ уборомъ; но размѣры ея до такой степени уменьшились, что её не надѣвали на голову (чтобы не портить парика), а носили въ рукѣ или подъ мышкою. Вслѣдствіе этого обыкновенія она вскорѣ превратилась съ складную (claque), составленную только изъ двухъ одинаковыхъ половицъ и плюмажъ на ней былъ замѣненъ золотымъ галуномъ.

Въ дальнѣйшимъ принадлежностямъ мужского костюма — перчаткамъ, трости, шпагѣ (обыкновенно съ стальнымъ грабеннымъ эфесомъ) и часамъ

Фиг. 392.

прибавилась, въ началѣ 30-хъ годовъ, — когда стало распространяться употребленіе нюхательнаго табаку — табатерка, какъ новый предметъ щегольства.

Что касается женскаго костюма, то кромѣ незначительныхъ перемѣнъ въ отдѣлкѣ, фасонѣ шлейфовъ и т. п., онъ оставался безъ измѣненій до

конца царствованія Людовика XIV; но случилось, что въ 1714 г. на придворный балъ въ Версали явились двѣ знатныя англичанки, которыхъ низкія куафюры и умѣренно растянутыя юбки, въ особенности куафюры, такъ понравились королю, что онъ высказалъ желаніе чтобы ихъ переняли отъ англичанокъ и французскія дамы взамѣнъ своихъ смѣшныхъ высокихъ причесокъ. Желанія короля было достаточно, чтобы всѣ принадлежавшія ко двору дамы причесались и одѣлись на англійскій манеръ. Изъ придворныхъ круговъ эта мода не замедлила перейти въ остальные и скоро сдѣлалась всеобщою.

Такимъ образомъ около ста лѣтъ покинутыя фижмы появились снова. Сначала, подражая англичанкамъ, ихъ носили умѣреннаго объема (фиг. 393 б),

Фиг. 393.

но во время регенства онъ быстро увеличился и къ 1725 г. достигъ до 7 и болѣе футовъ въ діаметрѣ. Первоначально онѣ дѣлались изъ тугонакрамленнаго полотна, но въ послѣдствіи, при расширеніи ихъ въ нанѣ, потребовался особый каркасъ изъ тростниковыхъ, стальныхъ или китоваго уса обручей, связанныхъ между собою тесемками или нашитыхъ на какую нибудь матерію, и снабженныхъ двумя полукружіями для округленія бедръ. Благодаря этой модѣ, потребление китоваго уса усилилось до того, что уже въ 1722 г. генеральныя штаты Нидерландовъ назначили 600 тысячъ флориновъ въ субсидію образовавшемуся въ восточной Фрисландіи обществу китолововъ, «въ виду того, что вслѣдствіе чрезвычайнаго потребленія китоваго уса на женскія юбки торговля имъ становится съ каждымъ днемъ прибыльнѣе». Такъ какъ юбка на фижмахъ не допускала шлейфа, то его замѣняли иногда длиннымъ и широкимъ полотнищемъ матеріи, которое пришивали сзади между плечами или у талии (фиг. 393 а).

Такое уклоненіе отъ привычныхъ формъ не замедлило найти себѣ противниковъ и, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, — преимущественно въ средѣ духовенства. Уже при самомъ появленіи фижмъ, противъ нихъ выступилъ словесно и печатно извѣстный аббатъ Жанъ Дюгэ (Duguet)

напечатавшій въ Парижѣ сначала «*Indécence des paniers*», а въ 1724. «*Cas de conscience sur les paniers*», въ которыхъ онъ доказываетъ неприличность, нецѣлесообразность и безсмысленность новой моды. И это не осталось безъ послѣдствій; распространеніе фижмъ нѣсколько пріостановилось, хотя на короткое время, чтобы затѣмъ снова и быстро усилиться вопреки всѣмъ серьезнымъ и сатирическимъ писаніямъ, появившимся въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльными брошюрами. Въ 1724 г. вышло въ Парижѣ. «*Les paniers ou les vieilles précieuses*»; тамъ же: «*Entretien d'un confesseur et d'une coquette sur les paniers*»; *L'indignité et extravagance des paniers pour des femmes sensées et chrétiennes*; 1727: *Satire sur les cerceaux, paniers, criardes et manteaux volants des femmes et sur leurs autres ajustements*; а въ 1722 г. панье были осмѣяны даже и на сценѣ, въ комедіи Леррана: *Les paniers*. Тѣмъ не менѣе фижмы продолжали неудержимо расширяться, а китовый усъ и стальные пружины дорожать. Какъ бы для того, чтобы все безобразіе фижмъ рѣзче выступило наружу, верхнюю юнку стали носить открытою спереди (фиг. 393 б) и обшивать ее воланами (*volants*) изъ тонкой матеріи съ кружевами или фалбалою съ серебряною или золотою бахромою. Такія юнки надѣвались впрочемъ почти только при особенно парадномъ туалетѣ (фиг. 393 а) — Юнка дѣлалась одинаковой матеріи съ лифомъ, и если была закрытая, то спереди отъ талии къ низу на ней нашивались иногда полоса матеріи другого цвѣта, или, на особенно богатомъ платьѣ, полоса бѣлаго мѣха; а лифъ отдѣлывался по длинѣ петлицами и пуговицами какъ бы для застегиванья.

Корсажъ (*corsage*) измѣнился мало, оставаясь по прежнему очень узкимъ и обтянутымъ, что еще болѣе увеличивало несоотвѣтствіе его съ юнкой. По смерти Людовика XIV четырехугольный вырѣзъ корсажа сталъ свободнѣе и спустился ниже, почти до половины груди; его обшивали очень узенькою кружевною обшивкою или только оторачивали каймою по самому краю; при этомъ шею иногда обвязывали небольшою треугольной косынкой изъ черного или цвѣтнаго шёлка (*folette*) съ вышитыми концами.

Во время регенства появилось нѣсколько новыхъ, очень своеобразныхъ фасоновъ верхней одежды, преимущественно лѣтней. Это были во первыхъ, широкія платья безъ талии, которыя носили не подпоясанными, а только застегнутыми у шеи; иногда на спинѣ у нихъ, отъ плеча къ плечу, дѣлались продольныя складки; во вторыхъ, такія же широкія, но болѣе короткія платья (обыкновенно немного ниже колѣнъ) съ рукавами, распашныя и завязывавшіяся на груди (они назывались *contouches*), и наконецъ, одежды въ видѣ плащей, съ рукавами и безъ нихъ.

Модными матеріями были: полушолковыя и шолковыя съ разноцвѣтнымъ узоромъ — *gros de Naples*, *gros de Tours*, атласъ; для особенно богатыхъ туалетовъ — брокать или *drap d'or*, *drap d'argent*; для мантилій и вообще верхнихъ одеждъ, родъ легкаго бархата или *satin ecarlate*. Въ двадцатыхъ годахъ мантильи обшивали золотыми шнурками съ кисточками (*glands*).

Съ 1714 г., когда высокая куафюра (фонтанжъ) была оставлена, прическа всё болѣе и болѣе понижалась, представляя изъ себя массу локо-

новъ, которые или равномерно окружали всю голову, или спускались на затылкѣ нѣсколькими длинными прядями (фиг. 393 а). Волосы непременно пудрили, иногда убирали лентами въ видѣ бантовъ, рожковъ (cornets), мельничныхъ крыльевъ (moulinets), пучковъ (pompons), нитками жемчуга, драгоценными камнями, булавками съ цвѣтами, бабочками и т. п. Въ сороковыхъ годахъ появились очень маленькіе плоскіе чепчики, накладывавшіеся на самую макушку (à touvans), съ обшивками и длинными лентами (barbes), которыя завязывались на разные манеры: en dormeuse, au desespoir, en baignolette, en papillon, en équivoque и т. д.

Обувь — башмаки изъ тонкой кожи, шелковые или атласные, одноцвѣтные или узорчатые, съ лентами, пряжками и красными каблуками, долго еще сохраняла свою прежнюю форму. Постепенно однакожъ носокъ башмака заострился и весь башмакъ уменьшился на столько, что въ сороковыхъ годахъ охватывалъ только край подошвы и концы пальцевъ. Точно также сохранились и калоши въ видѣ толстой подошвы съ клюшами и пряжкой на подъемѣ. Съ введеніемъ низкой прически, дамы небольшого роста обратились снова къ башмакамъ на подставкахъ (patins) отъ 5 до 10 дюймовъ вышины, обстоятельство, воспѣтое Амфри де-Шолье (ум. 1720 г.) въ слѣдующихъ стихахъ:

Paris cède à la mode et change ses parures;
Ce peuple imitateur et singe de la cour
A commencé depuis un jour
D'humilier enfin l'orgueil de ses coiffures:
Mainte courte beauté s'en plaint, gronde et tempête
Et, pour se rallonger, consultant les destins,
Apprend d'eux qu'on retrouve, en haussant ses patins,
La taille que l'on perd en abaissant sa tête.
Voilà la changement extrême
Qui met en mouvement nos femmes de Paris:
Pour la coiffure des maris,
Elle est toujours la même». *

Роскошь и щегольство не только не уменьшились, но во многихъ отношеніяхъ даже усилились, въ особенности между свѣтскими женщинами, бравшими себѣ въ образецъ любовницъ короля. Употребленіе пудры было всеобще между ними, также какъ и употребленіе румянъ и бѣлизъ. Румянились обыкновенно очень густо, что особенно не шло къ напудреннымъ волосамъ. Леди Монтэгу писала изъ Парижа въ 1730 г.: «Я видѣла нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ дамъ, которыя слывуть за красавицъ; но онѣ по истинѣ противны, какъ по ихъ манерѣ садиться, такъ и по ихъ набѣлен-

* „Парижъ подчиняется модѣ и мѣняетъ свои наряды. Подражая двору, онъ началъ, наконецъ, убавлять размѣры своихъ куатюръ. Низкорослыя красавицы этимъ крайне недовольны: онѣ рвутъ и мечутъ, но успокоиваются, найдя средство возвратить себѣ утраченный ростъ — башмаками на высокихъ подставкахъ. Вотъ переворотъ который волнуетъ нашихъ женщинъ: что же до мужчинъ, то ихъ прическа все та же“.

нымъ и нарумяненнымъ лицамъ. Ихъ взбитые волосы кажутся облакомъ, а докрасна нарумяненные щеки дѣлаютъ ихъ похожими не на людей, а на ободранныхъ телятъ». Ежедневное ношеніе масокъ вывелось совершенно.— Украшающія принадлежности туалета составляли: ожерелья изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, преимущественно гранатъ; браслеты, кольца, новоизобрѣтенное украшеніе изъ брилліантовъ въ видѣ звѣзды или нити (*gigandole*), золотые осыпанные камнями часы; большіе букеты (*bouquets à droit*); перчатки, длинныя и короткія, обыкновенно шелковыя вязаныя; муфты и опахала — послѣднія большею частью складныя, разрисованныя ландшафтами, сельскими, любовными и другими сценами, иногда крайне рискованнаго содержанія, исполненными нерѣдко извѣстными художниками, или по ихъ картинамъ (А. Ватто, Ф. Буше и др.).

Въ качествѣ домашняго утренняго костюма мужчины носили родъ длиннаго кафтана, шелковаго или бархатнаго, завязывавшагося спереди широкими лентами (позднѣйшій шлафрокъ) и высокую шарообразную шапку съ цвѣтными лентами; женщины — такую же длинную одежду изъ тонкаго полотна съ кружевными обшивками.

До половины столѣтія какъ костюмъ, такъ и нравы общества опредѣлялись преимущественно дворомъ; но съ этого времени начинаютъ раздаваться изъ среды самого общества протесты противъ такого подражанія и, умножаясь постепенно, пересиливаютъ наконецъ противное направленіе, которое съ своей стороны тоже стремится отстоять свое преобладаніе. Соглашеніе

Фиг. 394.

между этими двумя противоположными направленіями было возможно лишь подъ условіемъ ихъ сліянія. Вслѣдствіе этого съ той и другой стороны начались колебанія, взаимныя заимствованія и самостоятельная переработка заимствованнаго, приведшая и здѣсь и тамъ къ образованію новыхъ

формъ, частію сообразныхъ съ природою, частію совершенно имъ противоположныхъ.

Мужчины въ особенности крайне медленно поддавались нововведеніямъ и до конца 70-хъ годовъ ограничивались лишь незначительными измѣненіями въ покроѣ кафтана и камзола. Въ сравненіи съ *habits à la française*, которое въ качествѣ придворнаго костюма продержалось до 80-хъ годовъ, обѣ названныя одежды стали уже во всѣхъ своихъ частяхъ и проще (фиг. 394).

Кафтанъ, переименованный въ новой своей формѣ фракомъ (*fraque*: вѣроятно отъ англійскаго *frock*), измѣнился еще и въ томъ отношеніи, что полы его, спереди отъ пояса внизъ, начали скашивать въ подражаніе военному обыкновенію заворачивать ихъ наружу (фиг. 394 а). Отдѣлка упростилась, ограничиваясь неширокой каймой, галуномъ или даже шнуркомъ по борту и на обшлагахъ, которые вдобавокъ иногда только обозначались шнуркомъ. Пуговицы тоже не всегда нашивались на кафтанахъ, а замѣнялись завязывавшимися на груди шнурками съ кисточками; если же нашивались, то нерѣдко вмѣстѣ съ небольшими петлицами оканчивавшимися кисточками, или *à la polonaise* (фиг. 394 а; фиг. 395 b). Воротъ кафтана началъ подниматься въ узкій стоячій (*collet*) или широкій отложной воротникъ шалю (*collet à châle, à coqueluchon*: фиг. 395 c); карманы и ихъ клапаны значительно уменьшились въ объемѣ, а у легкихъ лѣтнихъ кафтановъ или фраковъ (*fraques d'été*) ихъ и вовсе не дѣлали.

Съ половины 70-хъ годовъ начали входить въ моду кафтаны различныхъ, частію иностранныхъ, фасоновъ, какъ напр. *redingote* или *levite*, *habit à grandes bavaroises*, *polonaise* и *frac anglais*. Послѣдній походилъ на нынѣшній фракъ, а остальные были съ прямыми полами и застегивались съ верху до талии; *redingote* дѣлался или съ большимъ воротникомъ шалю (*en Backmann* или *à coqueluchon*: фиг. 395 c), или съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ и лацканами пристегнутыми на пуговицы (*à collet et à bavaroise*: фиг. 395 а); *polonaise* былъ тотъ же рединготъ, только отдѣланный петлицами и обложенный шнуромъ по швамъ (фиг. 395 b).

Камзолъ укоротился до середины туловища и подобно фракѣ дѣлался съ лацканами (фиг. 394, 395). Въ 80-хъ годахъ его стали шить (отчасти и изъ экономіи) безъ рукавовъ и со спинкою изъ дешевой матеріи, большею частью — изъ плотнаго холста. Кабо и маншеты остались, но стали уже и короче; галстукъ напротивъ того начали носить толсто наверхенный съ слабо завязанными концами.

Что касается матерій и цвѣта ихъ, то прежнія дорогія и цвѣтныя матеріи употреблялись только на французскіе кафтаны (*habit à la française*). Фраки и камзолы новаго фасона (*gilet*) шли изъ матерій болѣе дешевыхъ: шелковыхъ, полушелковыхъ (*drap de soie*), легкаго бархата, большею частію одноцвѣтнаго, плюша (*pluche de soie*) и различныхъ родовъ сукна (*drap toile, calmande* и др.). На фраки (особенно въ 70-хъ годахъ) шли матеріи раздѣланныя узенькими волнистыми рубчиками (*vermicelé*), на жилеты — звѣздочками, крестиками, мушками (*riqué*); одинаково на тѣ и другіе — матеріи полосатыя (*cannelé*), преимущественно розоваго съ

голубымъ, или бѣлаго съ зеленымъ при желтой подкладкѣ. Въ это же время вышла особая вязаная матерія для жилетовъ (*tricot chiné*). Соединеніе цвѣтовъ въ костюмѣ было еще довольно пестро и произвольно: обыкновенно верхъ и подкладка выбирались двухъ рѣзко противоположныхъ цвѣтовъ: бѣлаго и зеленого, коричневаго и бѣлаго, синяго и желтаго, зеленого или чернаго и краснаго; также рѣзко различны цвѣтомъ дѣлались и отдѣльныя части костюма. Затѣмъ вошло въ обыкновеніе носить камзолъ и штаны цвѣта одинаковаго съ подкладкою кафтана; а въ началѣ 80-хъ модными сдѣлались преимущественно одноцвѣтныя матеріи съ полосками и мушками (*drap cannelé* и *drap moucheté*); для рединготовъ же и англійскихъ фраковъ (*redignote* и *fraque à l'anglaise*) съ 1788 г. матеріи еще болѣе простыя и безъ узоровъ: почти исключительно гладкое сукно, большею частью темныхъ цвѣтовъ.

Поклѣнные штаны (*culotte*) и чулки (*bas*) удержали свою прежнюю форму. Иногда у штановъ внизу дѣлался небольшой разрѣзъ, застегивавшійся на пуговицы, для того чтобы они крѣпче охватывали ногу (фиг. 394; срѣвн. фиг. 389 и слѣд.). Чулки со стрѣлками (*à coins*) снова сдѣлались модными. Штаны носили большею частью изъ шерстяной матеріи *calmande*, или изъ шолковаго плюша (*pluche de soie*); чулки шолковые, обыкновенно бѣлые, а съ половины 80 годовъ бѣлые рубчатые, или полосатые — бѣлое съ голубымъ. Англійскія гетры, введенныя прежде всего въ войскѣ, начали распространяться и между невоенными, но сначала только для защиты ногъ отъ холода зимою. Для лѣтняго времени появились въ концѣ 80 годовъ длинныя штаны изъ легкой матеріи — панталоны (*pantalons*); но ихъ носили пока еще только при загородномъ костюмѣ, *habit de campagne*.

Въ обуви по прежнему первенствовалъ башмакъ, сохранивъ свой цвѣтъ и свою форму, только пряжка на немъ стала больше, такъ что почти совсѣмъ закрывала собою носокъ. Богатые люди носили, вмѣсто стальныхъ пряжекъ, серебряныя и золотыя, иногда даже осыпанныя драгоценными камнями. Сапоги, употреблявшіеся единственно при верховой ѣздѣ, дѣлались обыкновенно съ узкими голенищами и съ отворотами изъ свѣтложелтой кожи.

Въ причeskѣ натуральныхъ волосъ и въ формѣ париковъ, — употребленіе которыхъ все еще продолжалось, хотя и уменьшаясь постепенно, — произошло измѣненіе настолько значительное, что оно повліяло на форму головного убора. Со второй половины столѣтія образованные классы, за исключеніемъ духовенства, нѣкоторыхъ учоныхъ и старыхъ людей, оставшихся вѣрными парикѣ, усвоили себѣ низкую прическу изъ собственныхъ волосъ, которые они зачесывали спереди назадъ, приподнимая надъ ушами въ два или три узкихъ валика, а на затылкѣ связывая въ косу, которую вкладывали въ кошелекъ (*сарауд*: фиг. 394; 395); боковые локоны или валики завивали сначала слабо, а затѣмъ крѣпче и спиралью (*tire-bouchon*), и при этомъ иногда широко расчесывали (*en ailes de pigeon*). Иные заплетали волосы на затылкѣ въ косу, которую загибали напередъ и пришивали на темени. Это называлось *en cadogan* и было какъ бы возвращеніемъ къ прежней косѣ (*queue*), которая дѣйствительно вытѣснила кошелекъ

въ половинѣ 80-хъ годовъ. Нѣсколько времени спустя (съ 1788 г.) явилась новая прическа: всѣ волосы на головѣ, за исключеніемъ косы, стали взбивать въ одинъ коническій тупей (*à la grecque*), иногда значительной вышины. Всѣ эти прически сооружались при помощи помады и большого количества пудры, употребленіе которой всё еще требовалось приличіемъ.

Слѣдствіемъ измѣненія прически было то, что шляпа снова заняла подобающее ей мѣсто: её стали носить на головѣ, и самая форма ея измѣнилась. Кромѣ треугольныхъ шляпъ (*à trois cornes*), появились съ 1780 г. шляпы голландскія (*chapeaux hollandais*), англо-американскія (*anglo-américains*), шляпы *à la jockey*, *à l'andromans*, *à l'indépendant* и др., а въ 1789 г. шляпы коническія (*en pain de sucre*). Голландскія шляпы имѣли довольно низкую цилиндрическую тулью и неширокія поля, съ лѣвой стороны вертикально загнутыя; у англо-американскихъ шляпъ тулья была выше и къ верху суживалась, а поля загнуты сзади съ обѣихъ сторонъ; шляпы *à la jockey* походили на полукруглыя шапки съ не-

Фиг. 395.

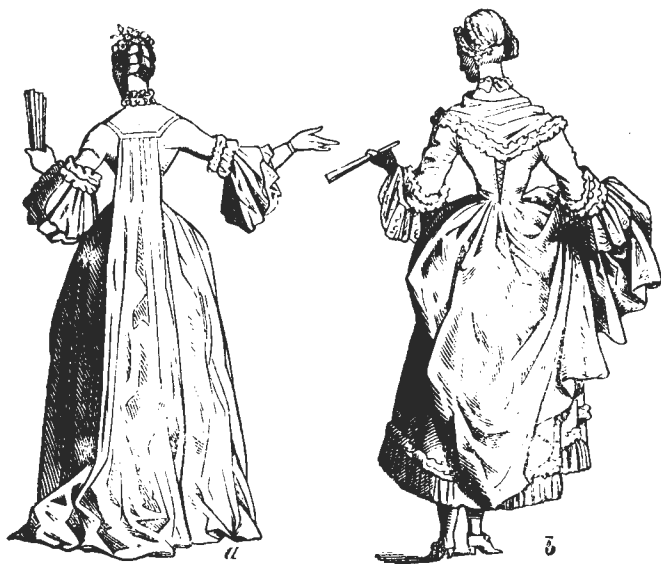
широкими приподнятыми полями (фиг. 395 а); шляпы *à l'andromans* — съ цилиндрической плоской тульей и широкими прямыми полями; у шляпъ *en pain de sucre*, при острокопечной тульѣ, поля были выгнуты легкимъ изгибомъ. Были еще низкотулейныя шляпы съ мягкими полями, приподнятыми сзади и прикрѣпленными къ тульѣ лентой (*en claban retroussé par derrière* фиг. 394, а), и нѣкоторыя другія менѣе модныя формы. Настоящіе щеголи, однакожъ, всё еще предпочитали складную шляпу (*claque*) и носили её по прежнему подъ мышкой или въ рукѣ.

Съ введеніемъ и распространеніемъ фрака и жилета, взамѣтъ кафтана и камзола, костюмъ вообще сталъ проще, по крайней мѣрѣ исчезла его вѣшняя пышность. Но склонность къ роскоши тѣмъ не менѣе находила себѣ

еще достаточно пищи въ выборѣ матерій, въ частой перемѣнѣ фасоновъ и въ особенности въ различныхъ принадлежностяхъ костюма, каковы были: кольца, часы съ подвѣсками (breloques), подвязки, пряжки башмачныя, трости, шпаги, табатерки, перчатки и т. п. вещи, къ которымъ теперь прибавились еще (для зимы) очень большія муфты (manchons) изъ дорогихъ мѣховъ (фиг. 395 с). Было также принято носить по двое карманныхъ часовъ, которые прятали подъ жилетъ и изъ подъ него выпускали ихъ брелоки, симметрично висѣвшіе по обѣимъ сторонамъ живота.

Гораздо дѣйствительнѣе было вліяніе двора на женскій костюмъ, учредительницами котораго поэтому являлись послѣдовательно: маркиза де-Помпадуръ (до 1764 г.), графиня Дюбарри и наконецъ (съ 1775 г.) королева Марія Антуанета. При Помпадуръ женскій костюмъ блисталъ богатствомъ матерій и роскошью отдѣлки; при Дюбарри онъ принялъ своеобразный отпечатокъ нескромности, а при королевѣ, сверхъ частыхъ уклоненій отъ прежнихъ придворныхъ формъ до изысканной простоты, характерическую его черту составляла безпрестанная, почти ежедневная смѣна однихъ фасоновъ другими, изобрѣтеніемъ которыхъ занималась сама королева, при помощи знаменитой тогда модистки мамзель Бертанъ и танцовщицы Гимаръ. Сама она одѣвалась перѣдко очень рискованно, до такой степени, что разъ, пославши свой портретъ своей матери, Маріи Терезіи, она получила его обратно съ надписью слѣдующаго содержания: «Вмѣсто королевы французской, которою я надѣялась полюбоваться на портретъ, я увидѣла передъ собою разряженую танцовщицу. Безъ сомнѣнія портретомъ ошиблись и прислали не тотъ, который назначался мнѣ».

Фиг. 396.

Юбка приняла такіе размѣры, далѣе которыхъ она едва ли уже могла идти; поэтому, чтобы видоизмѣнить её не оставалось ничего другаго, какъ

начать её сѣуживать. Такое измѣненіе въ совершенно прѣтвположномъ направленіи не могло, конечно, понравиться сразу, но тѣмъ не менѣе оно принялось, и къ концу 50 годовъ юбка вошла опять въ размѣры прежнихъ паньё (ср. фиг. 393 b). Съ половины 60-хъ и еще болѣе съ 1770 г. сѣуженіе ея пошло еще быстрѣе: прежде всего, растягивавшіе юпку сегсеаихъ были отброшены и замѣнены упругою подкладкой, затѣмъ и подкладка была оставлена и юбка сложилась въ мягкія и свободныя складки (фиг. 396 a). Иногда юпку верхняго платья подбирали такъ высоко, что надѣтая подъ нею нижняя юбка, которая дѣлалась теперь очень короткою, открывалась со всѣхъ сторонъ (фиг. 396 b).

Тѣмъ не менѣе фижмы не только не исчезли совершенно, но тотчасъ же по вступленіи на престолъ Людовика XVI были снова введены въ моду

Фиг. 397

молодою королевою, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Измѣненіе состояло въ томъ, что вмѣсто того, чтобы расширяться почти правильнымъ кругомъ, какъ прежде, онѣ были теперь спереди и сзади нѣсколько сплюснуты и сильно выгнуты на бедрахъ (фиг. 397). Вмѣстѣ съ этимъ верхнюю робу стали отдѣлывать воланами, фалбалою, гирляндами изъ цвѣтныхъ матерій, въ соединеніи съ цвѣтами, лентами, бантами, кружевами, шнурками и т. п.; иногда къ ней пришивался сзади родъ накидки, отличнаго отъ нея цвѣта и матеріи, или сверхъ нея надѣвали еще другую верхнюю робу, широко раскрытую спереди, съ очень длиннымъ шлейфомъ. Описанная роба была въ сущности придворнымъ платьемъ и притомъ параднымъ, но введеніе ея не осталось безъ послѣдствій и для

женскаго костюма вообще. Въ началѣ 80-хъ годовъ женщины даже среднихъ классовъ начали снова носить паньё небольшихъ размѣровъ (или *roche*) и какъ дополненіе къ нему, особыя подкладки для округленія турнюры, называвшіеся «*cul*» и «*postiche*» (фиг. 398 a b). Эти *postiches* заслужили общее одобреніе, но вмѣстѣ съ этимъ получили такое развитіе, которое у иныхъ переходило даже за предѣлы приличнаго. Отчасти вслѣдствіе этого, уже въ половинѣ 80-хъ годовъ многія знатныя дамы стали сильно уменьшать свои *postiches* или даже вовсе перестали носить ихъ; примѣру ихъ не замедлили послѣдовать другія и *postiches* вскорѣ были совсѣмъ оставлены, также какъ и всякое искусственное растягиванье юбки, которую взамѣнъ этого, стали теперь носить высоко подобранною снизу поверхъ нарядной нижней юбки (фиг. 399; ср. фиг. 396). Но этотъ фасонъ просу-

шествовалъ тоже недолго, по крайней мѣрѣ въ великосѣтскихъ кругахъ: съ 1788 г. вошли въ моду длинныя юбки съ высокими бочками, сдѣланныя изъ одноцвѣтной матеріи съ обшивкою по подолу (фиг. 400 а в).

Что касается лифа (corsage), то онъ остался почти такимъ же, какимъ былъ. Онъ по прежнему плотно охватывалъ талю, стянутую корсетомъ, и если измѣнялся, то лишь въ вышинѣ, которая около половины 70-хъ годовъ была такова, что при всякомъ, даже несильномъ движеніи туловища грудь почти совсѣмъ обнажалась. Также мало измѣнились и рукава, какъ въ фасонѣ, такъ и въ отдѣлкѣ: ихъ носили короткіе, обшитые широкими кружевными маншетами. Съ конца 70-хъ годовъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ фижмы, кружевные маншеты начали замѣнять широкими плоскими обшивками, а съ 1788 г. вмѣсто полурукавовъ носить длинныя, довольно узкіе рукава съ очень короткими маншетами (фиг. 400). — Въ 50-хъ годахъ появились такъ наз. «сагасосъ» — родъ очень просторныхъ распашныхъ курточекъ съ неширокими рукавами и очень низкимъ воротнымъ вырѣзомъ; онѣ завязывались на груди бантомъ изъ лентъ и обшивались вокругъ плоско сплюсннну (en platitude) полоскою матеріи. Позднѣе, въ теченіе

Фиг. 398.

80-хъ годовъ, вышли, какъ бы въ подражаніе мужскому «фраку», курточки на пуговицахъ, съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ, коротенькими фалдами и длинными рукавами, и къ нимъ — похожіе на мужской, камзолы. И курточки и камзолы надѣвались сверхъ платья, отличаясь отъ него не только цвѣтомъ, но и матеріей, которая большею частію выбиралась изъ носимыхъ мужчинами.

Шею обвязывали иногда цвѣтною косынкою (*folette*). При очень открытомъ лифѣ эта косынка замѣнялась платкомъ (*mouchoir de cou*), который однакожь надѣвали такъ, что онъ почти нисколько не скрывалъ обнаженной груди. Въ 80-хъ годахъ было принято, по англійскому обычаю, обертывать шею и грудь довольно большимъ платкомъ (*fichu*), который перекрещивался на груди, образуя пухлыя складки, и завязывался сзади такъ, что концы его свободно висѣли. Иныя взбивали этотъ платокъ на груди до уродливости (ср. фиг. 400 а).

Изъ верхнихъ одеждъ самыми любимыми были «*levites*» и «*polonaises*». «*Levite*» — въ 70-хъ годахъ — представлялъ собою широкое распашное платье, доходившее до половины икръ и подобранное вокругъ полукружіями (фиг. 398 б); *polonaise* — съ 1780 г. — такое же распашное платье, но не длиннѣе колѣнъ, съ полурукавами или только проймами, и обшитое обыкновенно мѣхомъ. — Въ 70-хъ же годахъ получилъ особенное значеніе передникъ (*tablier*), ставъ принадлежностью даже бальнаго туалета. Передники дѣлались изъ полотняныхъ матерій (*linon* и др.), съ двумя карманами, богатыми обшивками и такой величины, что закрывали всю переднюю половину рубы. Но въ концѣ 80-хъ годовъ мода на нихъ прошла и они снова исчезли изъ туалета женщинъ высшихъ классовъ.

По мѣрѣ того какъ появлялись новыя фасоны, выдумывались для нихъ и названія. За рубами *à l'anglaise*, *à la polonaise* и др. слѣдовали, быстро смѣняясь, *jupes-émues*, *ébaubies*, *soufflées*, *decidées*, *craintives*, *arrogantes*, *fugitives*, *galantes* (юбки взволнованныя, удивленныя, вздутыя, рѣшительныя, робкія, нахальныя и т. д.). Названія эти давались по матеріи, цвѣту, фасону или просто по какому нибудь случайному обстоятельству. Разъ, въ началѣ лѣта 1775 г., королева Марія Антуанета надѣла рубу блестящаго каштановаго цвѣта и король смѣясь замѣтилъ, что этотъ «блшинный цвѣтъ» (*couleur de puce*) ей чрезвычайно къ лицу; на другой же день всѣ дамы двора одѣлись *en puce* и вскорѣ затѣмъ во всѣхъ модныхъ магазинахъ появились матеріи названнаго цвѣта, какъ самаго моднаго, въ различныхъ его оттѣнкахъ — *jeune et vieille puce*, *pucceron* и т. д.

Матеріи мѣнялись почти такъ же часто, какъ и фасоны. Впрочемъ для придворныхъ и вообще очень нарядныхъ туалетовъ всё еще остались въ употребленіи *drap d'or*, *drap d'argent*, *à paillettes*, бархаты и атласъ. Но для туалетовъ болѣе простыхъ и ежедневныхъ употреблялись разные легкіе сорта бархата, тонкія шолковыя матеріи *satins taffetas*, *indiennes* — одноцвѣтныя (*unies*) или двучныя (*changeantes*), шерстяныя (*draps toiles*, *calmandes* и др.), хлопчатобумажныя (*étoffes de coton*; *rouenneries*, *velours de Manchester* и др.) и полотняныя матеріи (*linon*) — всё это преимущественно свѣтлыхъ цвѣтовъ, въ особенности хлопчатобумажныя и полотняныя матеріи, и разнообразнѣйшихъ рисунковъ.

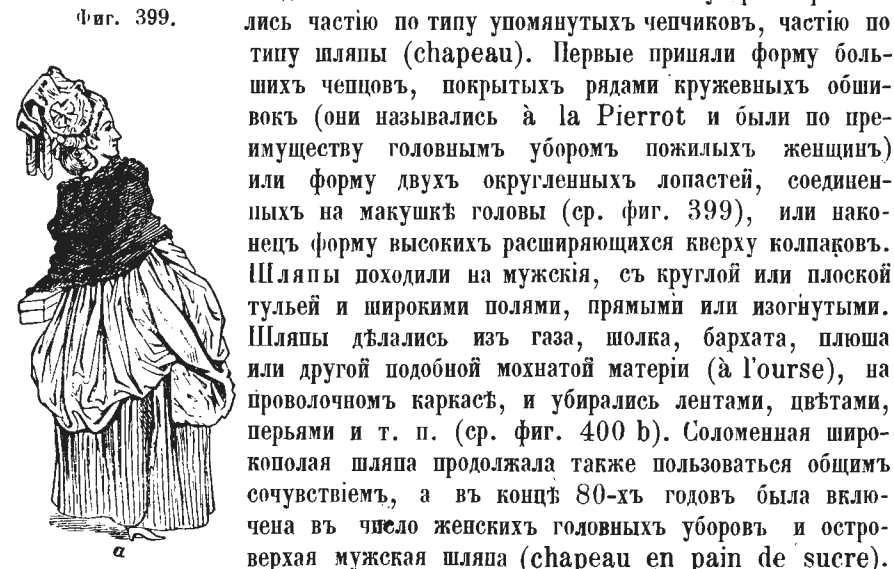
Съ 1770 года сравнительно скромная до того прическа: волосы спереди зачесанные гладко и назадъ завитые въ два ряда небольшихъ локоновъ, начала снова возвышаться и къ 1775 г., когда опять появились фижмы, достигла уродливой вышины. Уже и ранѣе этого уборка волосъ доставляла столько занятія парикмахерамъ, что напр. *monsieur Dayé*,

парикмахеръ маркизы де-Помпадуръ, нажилъ себѣ до 200 тысячъ ливровъ годового дохода, но теперь уже сами парикмахеры поставили себѣ задачей явиться настоящими художниками и превзойти всё доселѣ виданное. Въ 1775 тупей (toupet) поднялся уже на цѣлый футъ, но черезъ годъ вышина его удвоилась и, постепенно увеличиваясь, дошла къ началу 80-хъ годовъ до такихъ размѣровъ, что въ три или четыре раза превосходила величину головы среднимъ числомъ, а нерѣдко объемъ ея равнялся 8 объемамъ головы. Для того чтобы соорудить такую прическу и дать ей надлежащую прочность, волосы (натуральные) подпирали особыми подушками на проволоку или китовомъ усѣ, густо помадили и сильно пудрили. Волосы отъ лба зачесывались вверхъ и назадъ, образуя гладкую округлую массу (chignon), на затылкѣ завивались въ нѣсколько вертикальныхъ или косыхъ пучковъ, изъ которыхъ спускались на спину менѣе туго завитые локоны; такіе же локоны падали съ висковъ на грудь. Эта форма измѣнялась иногда такъ, что вся масса волосъ, вмѣсто того чтобы уходить назадъ, надыгалась боѣе напередъ, шиньонъ расширялся, одна часть волосъ на затылкѣ заплеталась въ одну или нѣсколько косичекъ, которыя загибали вверхъ и прикрѣпляли къ шиньону, а другая часть и волосы на вискахъ завивались въ такіе же валики, какъ и остальные (ср. фиг. 398 а). Но какъ ни удивительна была такая прическа сама по себѣ, она служила только приготовленіемъ къ настоящему убранству головы различными прикрасами. Это убранство было дѣломъ модистокъ, но онѣ должны были подчиняться фантазіи куаферовъ и, желая блеснуть чѣмъ нибудь новымъ и небывалымъ, ударились въ изобрѣтеніе самыхъ разнообразнѣйшихъ и удивительнѣйшихъ фасоновъ. Самымъ простымъ убранствомъ было украшеніе прически лентами, снурками, жемчужными нитками, цвѣтками, страусовыми или (введенными королевой) павлиньими перьями. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивался объемъ прически, усложнялось и убранство ея, распространяясь на всю поверхность шиньона. Начиная съ превращенія небольшого плоскаго чепчика (à touvans) въ объемистыя куафюры изъ цвѣтной матеріи, отдѣланныя лентами, бантами, перьями, цвѣтами, кружевами и т. п., изобрѣтательность модистокъ, изоцраемая почти ежедневною смѣною фасоновъ, дошла до возможно вѣрнаго воспроизведенія различнѣйшихъ предметовъ природы и искусства. Явились куафюры въ видѣ корзины наполненной цвѣтами (à la Flore), или плодами (à la Pomone), куафюры à la Junon, à la Cerès, à la Calypso, à la Minerve (последняя въ видѣ шлема съ султаномъ изъ перьевъ), à la victoire — настоящій кустъ изъ лавровыхъ и дубовыхъ вѣтвей; затѣмъ куафюры à la Bayard, à la Randon, caprice de Voltaire; куафюры à la Tarare, à la Figaro, названныя по операмъ; наконецъ куафюры à la Philantropie, à la bonne fortune, coiffure philosophale и мн. др. наир. en papillon, en oreilles d'épagneul, en pont mouillé и т. д. безъ конца. Сама королева изобрѣла между прочимъ удивительную куафюру à la montagne, представлявшую горы и долины изъ цвѣтной эмали, ручки изъ серебрянаго глазета, сады и рощи. Въ 1780 въ парижскомъ journal des modes появилось объявленіе, возвѣщавшее о новой куафюрѣ, chapeau à l'Amiral — шляпы, на которой возвышался корабль со всеми принадлежностями, пушками и т. д.; и другое въ 1785 г. — о chapeaux pousés въ видѣ вои-

скихъ трофеевъ. Между тѣмъ въ томъ же самомъ году, въ которомъ вышли эти шляпы (въ 1785 г.), одно прискорбное обстоятельство положило конецъ всѣмъ подобнымъ фантазіямъ. Королева, послѣ родовъ, потеряла почти всѣ свои волосы и была вынуждена носить парикъ, а такъ какъ парики вообще неудобны для чрезмѣрно высокой прически, то и уменьшить размѣры послѣдней. Любя контрасты, она выбрала себѣ парикъ завитой въ густыя кудри à l'enfant. Тотчасъ же всѣ придворныя дамы причесались тоже à l'enfant, а затѣмъ эту прическу переняли и въ остальныхъ слояхъ общества. Но привычка къ переменамъ была слишкомъ сильна, чтобы дозволить остановиться надолго на одной какой нибудь формѣ — и новая прическа не замедлила подвергнуться различнымъ видоизмѣненіямъ (ср. фиг. 400).

Пудра всё еще оставалась въ употребленіи, но уже съ 1789, послѣ кратковременной моды на бѣлокурую (blonde) пудру, стали появляться прически натурального цвѣта волосъ, безъ пудры.

Съ возвращеніемъ низкой прически вступили опять въ свои права и головные уборы. Сначала самымъ распространеннымъ женскимъ головнымъ уборомъ были небольшіе чепчики (à touvans) различныхъ формъ и различныхъ, нерѣдко очень странныхъ названій, напр. bonnet en rave, navet, choux, laitue (чепчикъ-рѣпа, чепчикъ-капуста и пр.), или à la cerise, à la Thisbe, à la Fanton, au vol d'amour, aux sentiments répliés. Эти чепчики, на время совсѣмъ было оставленные для перенесенныхъ изъ Швейцаріи и Италіи соломенныхъ шляпъ съ низкой плоскою тульею и широкими полями, были введены снова и при вторичномъ возвращеніи къ высокой прическѣ (съ 1775 г.) составили часть убранства послѣдней. Вновь появившіеся головные уборы образовались частію по типу упомянутыхъ чепчиковъ, частію по типу шляпы (chapeau). Первые приняли форму большихъ чепцовъ, покрытыхъ рядами кружевныхъ обшивокъ (они назывались à la Pierrot и были по преимуществу головнымъ уборомъ пожилыхъ женщинъ) или форму двухъ округленныхъ лопастей, соединенныхъ на макушкѣ головы (ср. фиг. 399), или наконецъ форму высокихъ расширяющихся сверху колпаковъ. Шляпы походили на мужскія, съ круглой или плоской тульею и широкими полями, прямыми или изогнутыми. Шляпы дѣлались изъ газа, шолка, бархата, плюша или другой подобной мохнатой матеріи (à l'ourse), на проволочномъ каркасѣ, и убирались лентами, цвѣтами, перьями и т. п. (ср. фиг. 400 b). Соломенная широколопая шляпа продолжала также пользоваться общимъ сочувствіемъ, а въ концѣ 80-хъ годовъ была включена въ число женскихъ головныхъ уборовъ и островерхая мужская шляпа (chapeau en pain de sucre).

Фасонъ шляпъ мѣнялся особенно часто; съ 1784 года въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ перемѣнился не менѣе 17 разъ, являясь каждый разъ подъ новымъ названіемъ: à la caisse, décompte, sans fonds и т. д.

Всего менѣе измѣнилась обувь: еѣ составляли по прежнему башмаки

изъ цвѣтной кожи, съ высокими точеными каблуками и съ пряжкою или шнуровкою на подъемѣ.

Къ существовавшимъ мелкимъ принадлежностямъ туалета, служащимъ къ его дополненію, прибавились, въ концѣ 70-хъ годовъ, легкіе, очень удобные зонтики (parasols) различной формы и отдѣлки (фиг. 398 a b), а въ концѣ 80-хъ, тросточки (badines) и лорнеты (lorgnons). Усвоивъ себѣ привычку нюхать табакъ, дамы начали также носить при себѣ табатерки. Вообще же пошenie на себѣ дорогихъ вещей и уборовъ было введено въ очень тѣсныя границы, въ особенности по вступленіи на престолъ Людовика XVI, такъ какъ королева, по своей склонности къ изысканной простотѣ, очень часто преднамѣренно избѣгала украшать себя такими вещами. Точно также вышли изъ употребленія мушки, а затѣмъ (съ 1788), хотя сначала и очень постепенно, и румяна съ пудрою.

Фиг. 400.

Переворотъ совершившійся въ іюль 1789 г. сталъ исходнымъ пунктомъ радикальнаго измѣненія какъ всей внѣшней жизни вообще, такъ и костюма въ частности. Измѣненіе это произошло не внезапно, оно даже не обнаружилось особенно замѣтно тотчасъ же вслѣдъ за событіями, но вытекло изъ нихъ довольно медленно, какъ результатъ ихъ воздѣйствія на внутреннее состояніе страны. Такъ по крайней мѣрѣ было вообще; что же касается отдѣльныхъ случаевъ, то конечно нашлись люди, которые захотѣли немедленно дать господствовавшему настроенію внѣшнее выраженіе. Однимъ изъ такихъ случаевъ было установленіе новаго національнаго цвѣта. Предложеніе Камилла Демулена, замѣнить принятый дотошъ бѣлый цвѣтъ краснымъ, не встрѣтило сочувствія. Бѣлъ выбранъ зеленый цвѣтъ, но вскорѣ замѣненъ соединеніемъ цвѣтовъ герба города Парижа — бѣлый корабль на красномъ фонѣ — съ цвѣтомъ Орлеанскаго дома — тѣмносинимъ, т. е.

тремя цвѣтами (tricolore): краснымъ, бѣлымъ и синимъ, которые и остались національнымъ французскимъ цвѣтомъ. — Усиливавшееся революціонное движеніе со всѣми своими перипетіями и въ томъ числѣ возрастающимъ значеніемъ рабочихъ классовъ наложило на внешность отпечатокъ небрежности и растрепанности. Но дворъ всё еще существовалъ, и хотя послѣ насильственнаго возвращенія его изъ Версаля въ Парижъ существованіе его было крайне шатко, онъ всё таки представлялъ нѣкоторую опору прежнимъ порядкамъ. Но въ 1791 г. эта опора рухнула и наступило царство полнѣйшаго произвола, направленнаго впрочемъ къ упрощенію существовавшихъ формъ и къ возвращенію къ большей естественности. Направление это выразилось наиболѣе рѣзко въ женскомъ костюмѣ, который впрочемъ и былъ всего менѣе сообразенъ съ природою (см. ниже).

Но вскорѣ это обращеніе къ естественности выродилось въ нѣчто совершенно противоположное, благодаря преимущественно усиливавшемуся значенію черни съ ея ничею нещадищимъ произволомъ. Когда при возстаніи жиронды въ 1792 г. нанятые для него галерники изъ Марсели появились въ своихъ красныхъ войлочныхъ колпакахъ, эти колпаки тотчасъ же были приняты и сдѣлались отличительнымъ знакомъ якобинцевъ. Но уже нѣсколько недѣль спустя, именно при захватѣ тюльерійскаго дворца и арестованіи короля, всѣ, кто держалъ сторону черни или хотя только считалъ нужнымъ выставить себя сторонникомъ послѣдней, всѣ надѣли на себя кители (houppelande) или куртки (carmagnole), длинные панталоны, деревянные башмаки и красныя шапки или высокія круглыя шляпы съ трехцвѣтною кокардою; между тѣмъ какъ нѣсколько молодыхъ людей, задумавъ ввести «фригійскій» костюмъ, одѣлись въ бѣлыя трико, синіе плащи и тѣ же красныя колпаки. Также произвольно одѣвались и женщины, стараясь отличиться небрежностью костюма.

Всѣ подобныя явленія ограчивались конечно Парижемъ, и въ немъ только небольшими кружками, и были притомъ кратковременны, но тѣмъ не менѣе они не остались безъ послѣдствій, которыя обнаружились тотчасъ же по провозглашеніи республики, и еще болѣе во времена террора и директоріи (отъ 1793 до 1799 г.). Кромѣ того что послѣ казни короля усвоенный чернью костюмъ (ставшій и якобинскимъ), а съ нимъ вмѣстѣ санкюлотство стали распространяться въ средѣ мѣщанства, а послѣднее въдобавокъ приобрѣло большую силу, хотя на нѣсколько мѣсяцевъ, — по низверженіи террористовъ (въ 1794 г.) термидоріанцы задумали импонировать изысканнымъ изяществомъ своего костюма. Они были всегда одѣты какъ на балъ — во фракъ, поколѣнные штаны, чулки и башмаки, при этомъ обыкновенно высокій зеленый галетукъ и прическа oreilles de chien, т. е. длинные спущенные вдоль щекъ волосы. Теперь же и различныя партіи начали различать себя особенностями костюма: шуаны (приверженцы Бурбоновъ въ Вандеѣ) носили простой фракъ съ короткими тупыми фалдами: habit carré; республиканцы — синій фракъ съ остроконечными фалдами (habit bleu et pointu), роялисты пудрились и завивались, якобинцы ходили въ длинныхъ гладко причесанныхъ волосахъ безъ пудры, и т. д.

Женщины и въ этомъ отношеніи подражали мужчинамъ; онѣ даже и во время террора придумывали себѣ разные случайные костюмы въ честь

наиболѣе замѣчательныхъ изъ его жертвъ. Такъ напр. на другой день казини Шарлоты Кордэ (1793) молодыя дамы надѣли на себя чепцы и шарфы à la Corday и начали носить ихъ такъ усердно, что конвентъ счелъ за нужное запретить имъ это. Вообще же, въ особенности позднѣе, въ кружкахъ членовъ директоріи, онѣ одѣвались à la fantaisie, съ большимъ вкусомъ, но чаще всего въ ущербъ женской скромности.

Съ другой стороны, нововведенное республиканское правленіе навело многихъ на мысль подражать древнимъ Грекамъ и Римлянамъ и во внѣшней жизни. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ распространителей этого направленія былъ живописецъ Луи Давидъ съ своими учениками. Въ проектированномъ имъ «античномъ костюмѣ» онъ предполагалъ замѣнить принятую одежду одною только туникою съ плащомъ и сандалями, и притомъ одинаково какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Проектъ Давида встрѣтилъ однакожъ со стороны большинства рѣшительное неодобреніе: меръ Парижа, Петіонъ дю-Вильневъ прямо назвалъ его обезьянничествомъ. Но многимъ онъ и понравился и уже въ концѣ 1793 года стали появляться, подъ предводительствомъ учениковъ Давида, въ аллеяхъ Люксамбурга, также и на балахъ и концертахъ, дамы одѣтыя Аспазіями, Лисами, Фринами, въ сопровожденіи кавалеровъ въ костюмѣ Апеллеса, Фидія, Алкивиада. Тѣ и другія носили туннику, мужчины короткую, дамы длинную, подпоясанную лентою (aemonide) и цвѣтную накидку, не всегда впрочемъ классическаго покроя; на ногахъ—котурны на толстой подошвѣ, или легкія сандаля, завязки которыхъ обвивали ногу крестъ на крестъ до половины икръ; при этомъ дамы изобильно украшали себя драгоценными камнями, жемчугомъ и пр. Одинъ изъ современниковъ пишетъ по этому поводу: «Сходите на концертъ въ театрѣ улицы Фэдэ и васъ ослѣпитъ множество золота и драгоценныхъ камней, которыми покрыты дамы. Присмотритесь поближе къ этимъ блестящимъ созданіямъ и вы легко замѣтите, что на нихъ или вовсе нѣтъ сорочекъ, или надѣты только полу-сорочки. Вся грудь, половина спины и руки до самыхъ плечъ у нихъ обнажены. Кромѣ того, у многихъ тонкія газовыя туники съ обѣихъ сторонъ приподняты такъ, что вы можете полюбоваться и ихъ красивыми икрами. Словомъ, неприличіе этихъ impossibles нельзя описать. Мадамъ Тальенъ на последнемъ большомъ балѣ въ Оперѣ явилась вся покрытая драгоценностями, даже всѣ пальцы ногъ были у нея въ кольцахъ, а ступни обвиты на римскій манеръ лентами. На ней было бѣлое атласное платье въ греческомъ вкусѣ, и голубой вышитый золотомъ римскій передникъ, сзади завязанный золотыми кистями, и вокругъ талии красный шарфъ съ золотымъ шитьемъ. Куафюру ея составлялъ прорѣзной бѣлый атласный casquet осыпанный камнями, сквозь прорѣзы котораго пробивались ея прекрасные черные волосы. Прелестныя руки были обнажены до плечъ и украшены каждая тремя золотыми браслетами, осыпанными жемчугомъ и брилліантами. Ноги были облечены въ шолковое трико тѣлеснаго цвѣта, и обвиты отъ ступней до самыхъ икръ красными лентами. На каждомъ пальцѣ рукъ и ногъ сверкало драгоценное кольцо. Платье съ обѣихъ сторонъ было приподнято до колѣна и прикрѣплено брилліантовою пряжкой, такъ что икры обѣихъ ногъ были открыты. Ея серги, аграфы на плечахъ и всѣ ея остальные pierres составляли брил-

ліантовую парюру громадной цѣны и весь костюмъ ея былъ необыкновенно эффектенъ и произвелъ общую сенсацію». Однакожъ при всемъ удивленіи, которое возбуждалъ подобный классическій костюмъ, онъ не вызвалъ общаго сочувствія. Помимо климатическихъ условій, которыя всё таки мало располагали къ его принятію, съ нимъ не мирилось и общественное мнѣніе, поэтому, появляясь лишь на отдѣльныхъ личностяхъ, онъ просуществовалъ только нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ былъ оставленъ. Но направленіе, его вызвавшее, не осталось безъ послѣдствій на дальнѣйшее видоизмѣненіе женскаго костюма вообще (см. ниже).

Одновременно съ подражателями античныхъ модъ, явились щеголи и щеголихи противоположнаго направленія, которые, придерживаясь общепринятыхъ формъ костюма, крайне утрировали и извращали ихъ. Мужчины (*muscadins*, *incroyables*, *merveilleux*, какъ ихъ называли) щеголяли другъ передъ другомъ длиною волосъ на вискахъ, спущенныхъ *en oreilles de chien*, размѣромъ круглыхъ и треугольных шляпъ или шапокъ *à la folle*, величиною кокардъ, шириною и длиною галстуковъ и въ особенности шириною лацкановъ у фраковъ, рединготовъ и жилетовъ и остроконечностью

Фиг. 401.

башмаковъ и сапогъ съ широкими крагами; всѣ они носили необыкновенной величины лорнеты и трости, скорѣе похожія на дубинки (фиг. 401 с). Женщины этого лагеря не только не уступали мужчинамъ въ странности своего костюма, но еще превосходили ихъ уродливостью своихъ причесокъ и головныхъ уборовъ, не стѣняясь выставять при этомъ на показъ свою грудь и ноги (фиг. 401 а b). Костюмы эти были такъ сочувственно при-

няты, особенно молодежью, что перешли и въ слѣдующее столѣтіе, хотя и въ ослабленной степени своей уродливости. Еще въ 1796 году на самыхъ блестящихъ балахъ въ Парижѣ можно было видѣть этихъ «невѣроятныхъ» (*incroyables*) въ сапогахъ и со шляпою на головѣ, а нѣкоторыхъ даже и въ панталонахъ (длинныхъ), такъ что уже сами дамы должны были упрямивать ихъ не являться на ихъ вечера въ такомъ костюмѣ, а въ особенности замѣнить высокіе сапоги башмаками.

Всѣ эти исключительныя моды просуществовали не далѣе конца Директоріи (если еще не исчезли раньше), конечно подвергаясь нѣкоторымъ измѣненіямъ, болѣе или менѣе приближавшимъ ихъ къ общепринятымъ формамъ. Съ учрежденіемъ консульства (1799) началось дальнѣйшее преобразование и этихъ послѣднихъ, причемъ нѣкоторыя изъ прежнихъ дореволюціонныхъ формъ были введены снова и республиканская простота костюма стала замѣняться болѣе роскошью, особенно у женщинъ. Этому усиленію роскоши помогло еще то обстоятельство, что законодательницами женскихъ модъ выступили теперь актрисы и увлекли за собой не одно только высшее, но и все среднее дамское общество.

Но упомянутыя общепринятыя формы, какъ мужского такъ и женскаго костюма, не оставались неподвижными и до начала консульства, а испытали рядъ преобразованій, которыя, обусловливаясь отчасти случайно появившимися странными фасонами, выражались болѣе или менѣе сильными, иногда прямо уродливыми уклоненіями ихъ отъ основнаго ихъ типа.

Измѣненія въ мужскомъ костюмѣ начались съ 1790 года слабыми колебаніями всѣхъ его частей, впрочемъ въ границахъ свойственнаго имъ характера. Съ другой стороны началась между нѣкоторыми изъ существующихъ формъ борьба о преобладаніи однихъ надъ другими. Фракъ à l'anglaise, преобразившись въ настоящій фракъ (*frac*), вступилъ въ соперничество съ фраккомъ (*fraque*) съ прямыми или скошенными полами и въ 1790 году вытѣснивъ его, началъ тотчасъ же и самъ измѣняться. Первоначальная форма его оказалась неудовлетворительною, а чтобы найти другую болѣе удобную, для этого потребовался рядъ попытокъ, породившихъ рядъ промежуточныхъ формъ, изъ коихъ каждая просуществовала болѣе или менѣе долгое время. Съ 90-хъ годовъ передняя длина фрака колебалась между бедромъ и окончаніемъ грудной кости, воротникъ то поднимался, загибаясь въ двойной воротникъ, то опускался расширяясь на груди въ лацканы; фалды то удлинялись и заострялись, то укорачивались и округлялись; станъ дѣлался то однобортнымъ, то двубортнымъ (ср. фиг. 402 а). Такимъ образомъ постоянно видоизмѣняясь, фракъ пріобрѣталъ форму близкую къ той, которая свойственна нашимъ нынѣшнимъ фракамъ. Рядомъ съ фраккомъ вырабатывался изъ *fraque* съ прямо (бѣзъ вырѣза) скошенными полами и редингота новый родъ одежды, соотвѣтствовавшей нашему сюртуку. Подобно фракку, онъ многократно измѣнялся относительно длины, фалды, формы воротника, лацкановъ и количества пуговицъ. Отъ него отличался болѣею длиною и шириною появившійся въ 1792 г. верхній сюртукъ (*surtout*), который надѣвали преимущественно зимою сверхъ прочаго платья. Впослѣдствіи этотъ верхній сюртукъ стали дѣлать на подобіе

англійскаго каррика (carrick) съ нѣсколькими (отъ 4 до 8) одна изъ подъ другой выставившимися пелеринами (ср. фиг. 402 с).

Вмѣстѣ съ фракомъ и параллельно ему видоизмѣнялся и камзолъ, постепенно превращаясь въ жилетъ. Между 1795 и 1798 годами были въ модѣ двубортные жилеты съ широкими лацканами, которые обыкновенно выкладывали во всю ихъ ширину поверхъ сюртучныхъ лацкановъ; иные носили по два такихъ жилета одинъ на другомъ (ср. фиг. 402 а). Изъ подъ жилета выставлялось на груди узкое жабо (jabot), или просто сложенная въ складки сорочка, иногда заткнутая булавкою. Шейный платокъ, которымъ первоначально свободно обертывали шею, съ 1793 г.

Фиг. 402.

стали повязывать очень высоко, а записные щеголи обматывали имъ, иногда вдвое, даже и подбородокъ. Эта мода продолжалась почти до конца столѣтія. Кромѣ такихъ модныхъ платковъ, преимущественно зеленого цвѣта, съ 1795 стали носить черные шелковые платки, менѣе широкіе, закрывавшіе только шею и большею частью завязанные безъ банта. Изъ этихъ платковъ во время консульства образовались настоящіе галстуки.

Поколѣнные штаны (culotte), при чулкахъ и башмакахъ (escarpins), оставались до слѣдующаго столѣтія обыкновеннымъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и обязательнымъ дополненіемъ мужскаго костюма (ср. фиг. 402 b; фиг. 403 с). Но уже съ 90-хъ годовъ начали встрѣчаться штаны заходившіе за колѣна (фиг. 402 а) и поднимавшіеся выше талии иногда даже подъ самыя мышки. Такое чрезмѣрное удлинненіе штановъ кверху было, впрочемъ, скоро оставлено, по удлинненію книзу поправилось и съ половины

90-х годовъ стало быстро распространяться. Вмѣстѣ съ этимъ и высокій сапогъ началъ снова заявлять свои права, сначала въ формѣ сапога съ отворотами (*botte à retroussis*), а съ 1797 года — сапога съ гладкимъ голенищемъ или гусарскаго. Слѣдствіемъ этого было то, что штаны опустились въ сапоги и чулокъ исчезъ (фиг. 403 а). Съ другой стороны явились (въ 1798 г.) робкія попытки ввести въ ежедневный обиходъ длинные панталоны, которые до сихъ поръ были только терпимы въ качествѣ исключительно деревенскаго костюма (ср. фиг. 403 б); но такъ какъ они всё еще сильно отзывались санкюлотствомъ, то и были снова изгнаны въ началѣ консульства.

Фиг. 403.

Въ концѣ 80-хъ годовъ начало подготавливаться измѣненіе въ прическѣ, завершившееся уже въ половинѣ 1793 года. Исключая очень престарѣлыхъ людей и немногихъ оставшихся вѣрными прежнему обычаю, большинство принялось развивать свои *ailes de pigeon* и высвобождать изъ кошельковъ свои косы, покидая въ тоже время и пудру. Но немногіе рѣшились носить волосы гладко расчесанными на двѣ стороны; большинство, подражая записнымъ щеголямъ, отращивали ихъ какъ можно длиннѣе и спускали вдоль щекъ на грудь двумя космами (*oreilles de chien*). Что касается пудры, то употребленіе ея начало выводиться при консульствѣ. Примѣръ былъ поданъ самимъ Наполеономъ, который сталъ появляться въ публикѣ съ ненапудренными волосами. Благодаря его же примѣру исчезли длинные *oreilles de chien* и стала вводиться короткая стрижка. Съ другой стороны, сохранивъ пудру и косу для офиціального костюма, онъ же поддержалъ существованіе ихъ еще на нѣкоторое время, а послѣднему возвратилъ долю его прежняго значенія. Борода и усы пока все еще подлежали уничтоженію бритвою.

Изъ головныхъ уборовъ, высокая цилиндрическая шляпа была наиболѣе распространеннымъ, такъ какъ она считалась самою удобною при незавитыхъ, просто расчесанныхъ волосахъ; между тѣмъ какъ треугольная осталась для напудренной прически и для военного костюма. Борьба между этими двумя формами длилась до начала консульства, не рѣшаясь ни въ чью пользу, но склоняясь на сторону круглой шляпы. Тѣмъ временемъ, какъ та, такъ и другая подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Треугольная шляпа преобразилась къ 1794 году въ шляпу съ широкими полукруглыми поднятыми кверху спереди и сзади полями, чтобы затѣмъ около 1798 г., превратиться въ извѣстную «наполеоновскую» шляпу съ вогнутымъ слегка внутрь съ обѣихъ сторонъ переднимъ полемъ. Въ тоже время была снова введена шляпа *claque* для параднаго костюма. Круглая шляпа не замедлила породить новыя формы. Въ концѣ 80-хъ годовъ появилась шляпа на подобіе сахарной головы (*en pain de sucre*), обыкновенно обвитая трехцвѣтною лентою (ср. фиг. 402 а с); немного лѣтъ спустя её замѣнила низкая шляпа съ прямыми или слегка изогнутыми полями, которая на столько понравилась, что съ 1795 осталась почти одна въ употребленіи (фиг. 402 b; фиг. 403 а b; ср. фиг. 407).

Роскошь потерпѣла значительный ущербъ. Всѣ дорогія матеріи и яркіе цвѣта исчезли изъ ежедневнаго костюма и замѣнились, первыя — шерстяными, хлопчатобумажными и льняными тканями, а послѣдніе, цвѣтами болѣе спокойными — сѣрымъ, синимъ, коричневымъ и т. д. различныхъ оттѣнковъ. Только панталоны носили болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ, преимущественно бѣлаго и желтаго. Бархаты, атласы, газеты, парчи употреблялись лишь для очень парадныхъ, а со времени консульства и для официальныхъ костюмовъ.

Измѣнились также и разныя мелкія дополненія костюма, какъ по количеству, такъ и по качеству. Въ концѣ 80-хъ годовъ начали быстро распространяться дождевыя зонтики (*parapluies*), а во время революціи мужчины начали носить серьги, которыя иныя, въ особенности *incroyables*, носили очень крупныхъ размѣровъ. Напротивъ того муфты исчезли, часы значительно упростились, также какъ и привѣски къ нимъ, которыя теперь замѣнялись большею частью одною печаткою; обыкновеніе носить по двое часовъ вывелось.

Тожѣ стремленіе къ упрощенію проявлялось и въ видоизмѣненіяхъ женскаго костюма. Довольно обыкновенныя еще въ исходѣ 80-хъ годовъ странныя формы его, какъ напр. огромныя шляпы, толсто накутанные на груди платки, совершенно мужскія куртки и т. п. исчезли въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ, уступивъ мѣсто другимъ болѣе соответствовавшимъ строенію тѣла формамъ. Юбка, освободившись отъ всякихъ подкладокъ, спустилась мягкими складками, заканчиваясь утѣренной лавы шлейфомъ; тугая шнуровка была ослаблена и лифъ сталъ свободнѣе; длинныя рукава равномерно охватили руки отъ плеча до кисти. Лифъ иногда только закрывалъ грудь, иногда поднимался до шеи; въ первомъ случаѣ его дѣлали съ отворотами и носили спереди раскрытымъ (*robe montante à collet renversé*; ср. фиг. 404), закрывая шею платкомъ (*mouchoir*) или косынкою (*fichu*), которую на груди тоже перекрещивали, но гладко, не

взбивая высоко какъ прежде, и концы ея завязывали назади (фиг. 404 б). Прическа стала тоже естественнѣе: завитые въ кудри и напудренные волосы, освободившись отъ пудры, (*à l'enfant* и *à l'herisson*) распустились во всю свою длину; напередъ ихъ гладко расчесывали на двѣ стороны, а сзади заплетали въ косы или завивали въ длинные локоны. Вмѣстѣ съ этимъ уменьшились и размѣры головныхъ уборовъ — шляпъ, чепцовъ и т. п.; нерѣдко весь головной уборъ состоялъ изъ одной ленты, хотя инныя дамы усвоили себѣ островерхую мужскую шляпу (*en pain de sucre*) съ трехцвѣтною повязкою, тотчасъ же по ея появленіи. Эта особенность впрочемъ скоро исчезла вмѣстѣ съ другими особенностями революціоннаго времени, какъ то: *couleur de Bastille*, вѣтеръ *à la Mirabeau*, *bijoux de la Constitution* (браслеты, перстни и т. п. вещи съ кусочками камней отъ Бастиліи, оправленными въ золото, серебро и т. д.), *bijoux de la Revolution* (серьги въ формѣ гильотины), *robe de la nation* и пр. Башмаки стали носить безъ каблучковъ, но съ длинными лентами, которыя обвивали вокругъ ноги.

Фиг. 404.

Вышеупомянутыя попытки ввести древній греко-римскій костюмъ — если и не достигли имѣвшейся въ виду цѣли, то всё таки немало усилили уже и безъ того довольно сильное стремленіе къ устраненію изъ принятаго костюма всего что было въ немъ стѣснительнаго. Слѣдствіемъ всего этого было то, что шнуровка была покинута, а самое платье (роба) распустилось въ лифѣ и приняло форму сорочки, особенно съ 1794 г., когда число исподнихъ юпокъ было уменьшено, нерѣдко до одной, которая при томъ же дѣлалась очень короткою, доходя только до половины икръ. Такое платье, теперь называвшееся туникой (*tunique*), сначала дѣлалось закрытымъ вплоть

до шеи, съ короткими рукавами или голько плечками и подпоясывалось на талии. Но недолго спустя, его стали носить на груди почти совершенно открытымъ, безъ рукавовъ и даже безъ плечекъ, вмѣсто которыхъ пришивались помочи, и подпоясывать выше талии подъ самую грудь. Шили его нерѣдко изъ такой тонкой матеріи, что оно, особенно надѣтое сверхъ короткой цвѣтной юбки, гораздо меньше облекало чѣмъ выдавало формы тѣла (ср. фиг. 405 b). Чтобы не оставлять ноги обнаженными и всё таки не отнимать у нихъ естественнаго ихъ вида, на нихъ носили шелковые чулки тѣлеснаго цвѣта, которые иногда, по страшной непослѣдовательности, завязывали цвѣтными подвязками. Какъ ни воздушенъ былъ такой костюмъ, съ нимъ не носили ничего кромѣ (не рѣже впрочемъ конца 90-хъ годовъ) узкаго и короткаго спенсера, перенятаго отъ англичанъ (фиг. 405 c), или косынки, или платка накинутаго на плечи, или наконецъ пелерины, иногда сдѣланной тоже изъ тонкой прозрачной матеріи. Во время консульства появились индійскія шали, привезенныя впервые посольствомъ Типпо-Саиба.

Фиг. 405.

Время консульства возвратило женскому костюму нѣкоторую долю его прежняго блеска, что и проявилось прежде всего введеніемъ въ него снова болѣе плотныхъ и богатыхъ матерій и болѣе роскошной отделки. Верхнее платье или, по тогдашнему, тунику стали дѣлать изъ шолка, атласа и отделывать различными обшивками и т. п. Безрукавныя туники прикрѣплялись на плечахъ аграфами, на античный манеръ; у туникъ съ короткими рукавами или плечками послѣднія или обшивали рядомъ пуговокъ, или взбивали шарообразно и оторачивали гладкою или плоскою оборкою (ср. фиг. 406 b). Сверхъ туники носили накидки античнаго фасона, или собственнаго изобрѣтенія верхнія туники доходившія до колѣнъ, тѣ и другія обыкновенно цвѣта отличнаго отъ платья (ср. фиг. 406 b c). Для обшивокъ предпочитали каймы античнаго же (римскаго) узора, но употребляли

также цвѣтныя ленты и мѣховую опушку (какъ у *tunique russe*). Въ концѣ консульства появились настоящія верхнія одежды въ формѣ короткихъ плащей, спенсеровъ съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ (*spencer à collet*), мантильи (*mantelet*), мѣховыхъ пелеринъ или палатинъ (*palatine*) и пелеринъ отороченныхъ лебяжьимъ пухомъ (*pelerines en duvet de cygne*). На обнаженныхъ рукахъ носили длинныя перчатки (фиг 406 a b).

Прическа сохранила свою простоту, несмотря на вторичное, правда очень кратковременное, возвращеніе къ пудрѣ въ 1795 г. Но прежнія ея формы уступили мѣсто новымъ, менѣе изысканнымъ. Локоны позади замѣнились

Фиг. 406.

шиньономъ, который зачесывали кверху такъ, что весь затылокъ оставался открытымъ; иногда всѣ волосы заплетали въ косы, которыя обвивали вокругъ головы, или напередѣ завивали ихъ мелкими пуклями, а вдоль щекъ спускали короткими локонами или бандо. Измѣненіе прически повело за собою измѣненіе и головныхъ уборовъ: появились небольшіе круглые чепчики (*bonnets ronds*) обшитые кружевами, и плоскостолныя шляпы, соломенные или изъ цвѣтныхъ матерій, украшавныя лентами, цвѣтами, перьями и т. п. (ср. фиг. 405). Во время консульства, когда мода обратилась къ античному костюму (*à la grecque*), тотъ же стиль приняла и прическа: появились подражанія всѣмъ возможнымъ античнымъ прическамъ. отъ волосъ ровно по всей головѣ завитыхъ въ мелкія кудри *à la Titus*. и убранства головы золотыми булавками, лентами и газовыми покрывалами, до ношенія париковъ. Подобная прическа должна была бы, соображаясь съ ея образцами, устранить вовсе головные уборы; но какъ въ костюмѣ допускались отступленія отъ точнаго подражанія оригиналамъ, такъ они

были допущены и въ прическѣ. Такимъ образомъ одновременно съ античными прическами появились различныя весьма странныя куафюры и даже, по случаю пріѣзда въ Парижъ турокъ, головные уборы въ видѣ чалмы, бывшіе нѣкоторое время въ большой модѣ.

Обувь осталась прежняя: башмаки безъ каблуконъ, съ острыми носками и длинными лентами, которыя перекрещиваясь обвивали ногу до значительной вышины. Въ концѣ консульства въ высшемъ обществѣ башмаки носили преимущественно изъ свѣтложелтаго и бѣлаго атласа, иногда съ серебрянымъ или золотымъ шитьемъ.

Въ такомъ костюмѣ встрѣтило общество имперію (1804). То къ чему склонилось уже консульство, именно возстановленіе костюма времени Людовика XVI, повидимому могло бы теперь легко осуществиться. Но времена были уже не тѣ и измѣнившееся направленіе потребовало новыхъ формъ.

Фиг. 407.

Не смотря на то что императоръ продолжалъ одѣваться въ цвѣтной расшитый золотомъ фракъ, короткіе штаны, чулки и башмаки, — онъ долженъ былъ скоро отказаться отъ нихъ и покррой этотъ былъ удержанъ для костюмовъ военнаго, придворнаго и офиціальнаго, чтобы затѣмъ, приблизительно съ 20-хъ годовъ, продолжаться почти только въ лакейской ливреѣ. — Тоже самое было и съ женскимъ костюмомъ, который уже настолько удался отъ костюма временъ Людовика XVI, что даже и не пытался возвращаться къ нему. Тѣмъ не менѣе всё это движеніе не ос-

талось безъ вліянія на общій характеръ современнаго костюма, сообщивъ ему большую строгость и опредѣленность.

Мужской костюмъ, не измѣнившись существенно, усвоилъ себѣ нѣкоторый военный отпечатокъ. Короткіе штаны и чулки съ башмаками были изъ него окончательно изгнаны и замѣнены панталонами въ обтяжку и высокими сапогами сверхъ нихъ; треугольная шляпа уступила мѣсто круглой съ прямыми полями (ср. фиг. 407); затѣмъ появились шейные платки подъ названіемъ *cravates molleuses* вмѣсто галстуковъ, и, по примѣру Наполеона, короткая стрижка волосъ сначала съ завивкою ихъ въ мелкія кудри *à la Titus*, а потомъ гладко причесанныхъ *à la Caracalla*. И теперь, конечно, были щеголи утрировавшие и эти простыя формы и позволявшие себѣ разныя странности, какъ напр. расшитые галунами или шнурами сюртуки—*polonaises chamarrées de tresses, de brandenbourgs*, или—преимущественно въ 1806 г. — надѣтые сверхъ фрака куртки отличнаго отъ него цвѣта; но несмотря на всѣ эти частныя уклоненія, мужской костюмъ къ 1815 г. сложился настолько твердо (фиг. 407), что на долго вперед сохранялъ свои типическія черты. Единственное важное измѣненіе, которое ему предстояло испытать, была постепенная замѣна узкихъ панталонъ въ сапоги, широкими панталонами сверхъ сапогъ; этотъ фасонъ началъ распространяться съ 1814 г., во время занятія Франціи союзными войсками. Новосложившійся костюмъ былъ на столько отличенъ отъ прежняго, что когда, по воцареніи Людовика XVIII (1815), возвратившіеся эмигранты появились въ своемъ тщательно собранномъ платьѣ, которое они взяли съ собою покидая Францію, то народъ прозвалъ ихъ «волтижерами Людовика XVI» и такъ преслѣдовалъ насмѣшками, что они, за исключеніемъ немногихъ, не замедлили подчиниться господствующей модѣ, представителями которой были теперь «депди» и «фешенебли», предшественники позднѣйшихъ «львовъ».

Женскій костюмъ долженъ былъ еще пройти черезъ цѣлый рядъ измѣненій, которыя дѣлались сами собой, благодаря крайне простому покрою верхняго платья. Но именно потому что они были легки, измѣненія эти совершались весьма постепенно, не разрушая существующаго, а вытекаая изъ него.

Еще при коронованіи Наполеона, императрица Жозефина и всѣ дамы высшаго общества имѣли на себѣ высоко подпоясанныя туники и сверхъ нихъ широко раскрытые спереди отъ талии внизъ верхнія робы съ длинными шлейфами. Но это былъ костюмъ церемоніальный. Обыкновенной же костюмъ состоялъ изъ туники очень узкой и короткой, спереди поднимавшейся нѣсколько выше груди, а сзади спускавшейся полукруглымъ вырѣзомъ почти до пояса и безрукавной, съ одними шарообразными плечками, и изъ падѣтаго сверхъ туники тоже узкаго и безрукавнаго верхняго платья доходившаго немного ниже колѣнъ. Иногда верхнее платье дѣлалось съ рукавами, длинными и узкими, и тогда спускалось почти до щиколокъ; или оно замѣнялось раскрытымъ спереди платьемъ съ рукавами, но тоже съ очень съ узкою юпкой. Прическа тоже измѣнилась: изъ нея исчезло всякое подражаніе античному и она стала вообще проще и объемъ ея еще болѣе уменьшился. Въ головныхъ уборахъ преобладали двѣ формы — круглый

чепчикъ, обшитый узенькой оборкой, и шляпа съ воронкообразно-расширяющимися напередъ полями.

Отправляясь отъ этихъ формъ, женскій костюмъ къ 1811 году до такой степени уклонился отъ всякаго соотвѣтствія естественному строенію тѣла (фиг. 408 а b), что идти далѣе въ этомъ направленіи едва ли было возможно. Юбка сѣззилась еще болѣе и укоротилась такъ, что далеко не доходила до лодыжекъ. Пространство отъ пояса до шеи сжалось до шести дюймовъ и менѣе; этотъ короткій лифъ, при глубокомъ вырѣзѣ сзади, дѣлался открытымъ спереди въ видѣ отложнаго воротника и съ длинными рукавами. И что еще увеличивало некрасивость такихъ платьевъ, это—обык-

Фиг. 408.

новеніе обшивать ихъ по подолу оборками въ нѣсколько рядовъ, подпоясывать подъ самую грудь широкою лентой съ длинными распущенными концами, и перехватывать длинные рукава нѣсколькими буфами по модѣ 17 вѣка (фиг. 408 а b). Такой же фасонъ приняли и верхнія платья, рукава которыхъ дѣлались нерѣдко такой длины, что до половины закрывали кисти руки. — Прическа стала вообще произвольнѣе, при чемъ снова вошли въ моду височныя пукли; шляпы стали еще больше и получили странную форму цилиндрической высокой тульи съ наискось прикрѣпленными къ ней дугообразно выгнутыми полями; такія шляпы вдобавокъ убирали еще высоко торчащими бантами.

Между тѣмъ какъ эти уродливыя формы грозили породить еще болѣе уродливыя, съ 1810 года стало замѣчаться противодѣйствующее имъ движеніе. Оно

проявилось первоначально въ томъ, что многія дамы спустили талью ниже и снова взяли за корсетъ, хотя и довольно свободный. До 1813 года эти нововведенія встрѣчали мало сочувствія, но затѣмъ стали быстро распространяться, такъ что послѣ 1816 г. прежній фасонъ уже считался почти стариной. Введеніе корсета дало возможность возобновить всѣ тѣ формы, которыя, какъ тѣсно съ нимъ связанныя, возникали постепенно начиная съ конца 16 вѣка (время его изобрѣтенія), а вмѣстѣ съ ними и сопровождавшія ихъ формы прически, обуви и т. д.

Въ остальныхъ государствахъ Европы господство французскихъ модъ постоянно усиливалось, распространяясь и на средніе и иншіе классы, отчасти даже захватывая и сельское населеніе. Разумѣется и теперь, какъ и прежде, оно было рѣшительнѣе въ странахъ сосѣднихъ съ Франціею, чѣмъ въ болѣе удаленныхъ, и въ столицахъ и въ большихъ городахъ, чѣмъ въ малыхъ, но все таки настолько повсемѣстно, что его не избѣгли даже и восточныя окраины Европы. Какъ ни сильно было однакожъ нивелирующее дѣйствіе этого господства, оно не могло стереть тѣхъ особенностей, которыя обнаруживаютъ различіе національностей даже и при совершенно одинаковой внѣшности. Къ тому же оно было не вездѣ постоянно и равномерно, а иногда ослаблялось на болѣе или менѣе продолжительное время преобладаніемъ болѣе національныхъ формъ, какъ напр. въ Англіи между 1793 и 1795 гг. когда оно, казалось, было готово совсѣмъ прекратиться, и если не прекратилось, то потому, что слишкомъ долго продолжалось для этого. Тѣмъ не менѣе именно въ этотъ промежутокъ времени французскія формы подверглись вездѣ внѣ Франціи различнымъ измѣненіямъ и, кромѣ того, осложнились нѣкоторыми мѣстными самостоятельно созданными формами, съ которыми имъ въ послѣдствіи пришлось считаться. Съ другой стороны велась борьба между современными модными формами и національными¹, борьба, склонявшаяся впрочемъ къ взаимному уравнинію вездѣ, кромѣ сельскаго населенія, которое ему упорно сопротивлялось.

¹ Для того чтобы хотя съ нѣкоторою обстоятельностью изложить исторію національной одежды въ каждой странѣ, нужно было бы, отираваясь отъ извѣстнаго и существующаго, возвращаться назадъ руководясь общою исторіею костюма и иди путемъ постоянныхъ сравненій. Такое изложеніе разрослось бы въ обширный трудъ. Поэтому я ограничусь здѣсь только перечисленіемъ наиболее важныхъ изъ множества существующихъ по этому предмету сочиненій: *А. Всѣхъ или многихъ странъ*: Lecomte. Costumes nationales (Espagne, Italie etc.) Paris. 1817. — *А. Wahlen*: Mœurs, usages et costumes de tous les peuples du monde etc. Bruxelles. 4 vols. avec 200 pl. — *Berghaus*, Die Völker des Erdballs nach ihrer Abstammung und Verwandtschaft, Sitte, Tracht etc. Brüssel 1845. 2 Bde mit 100 col. Abbild. — *Latham*. Die verschiedenen Völkerstämme aller Nationen in treuester Gesichtsbildung, Farbe etc. 4 Taf. mit 50 col. Fig. Stuttgart u. Leipzig. — *Alaph*. Gallerie royale de costumes, peints d'après nature, etc. Paris, gr. fol. — *Maréchal*. Costumes civils actuels de tous les peuples connus, etc. Paris. 4 vols. avec 300 pl. col. — *В. 1. Франціи*: Lanté et Gatine. Costume nation. des Français. Paris. — *J. Herbé*. Costumes français civils, militaires et religieux. Paris, 1840. — *Les Français peints par eux-mêmes*, encyclopédie morale du XIX siècle. Paris, 7 vols (La Province, dess. par Gavarni, 2 vols. 1841) 2. *Испаніи*: D. Juan de la Cruz Cano. Colección de trajes de España, tando antiguos como modernos, etc. Madrid 1777. — *Costumes Espagnols* 10 feuilles. Paris, Gupil et Vibert. Nouvelle suite de costumes des Pyrénées par

Нигдѣ это сопротивленіе не было такъ упорно, какъ въ Испаніи и не только въ сельскомъ населеніи, но и въ городскомъ, отчасти даже и въ средѣ образованныхъ классовъ. Самъ король (Филиппъ V) уступилъ ему и даже ободрилъ его тѣмъ, что, вступивъ на престолъ (1701), промѣнялъ свой французскій костюмъ на испанскій — узкій колетъ съ фрезой, вздутые полуштаны и короткій плащъ. Но онъ отнюдь не былъ расположенъ усвоить себѣ этоть національный нарядъ, а напротивъ того, находя его

Ferogio. Paris, 12 feuilles. — Rigel. Erinnerungen aus Spanien. Mannheim. 1839. (*Португалли*): History of Madeira; with a series of 27 col. engravings, etc. London 1821. — Sketches of Potuguese life, manners, costume and character. Illustr. by 20 col. plates Lond. 1826. — 3. *Нидерландовъ*: The costume of the Netherlands. 30 col. engravings after drawings from nature. Lond. 1817. — Collection des costumes des provinces septentrionales du royaume des Pays-Bas, dess. d'après nature par Greeven, lith. par Vallon de Villeneuve. Amst. Nederlandsche Kleedertragten door Bing en Braat van Ueberveldt. Amst. 4. *Англии*: Meadows. England and die Engländer in Bildern etc. Aus d. Engl. von Künzel. Pforzheim 1873. — D'Hardvillier. Souvenir des Highlands — Paris 1835. — Ch. Ed. Stuart. Costume and History of the Clans. Edinburgh 1845. Knight's illustr. London. Lond. 1851. — 5. *Швеции и Норвегии*: Eckersberg. Norwegische Trachten. 2. Bde. — H. Schlichting. Trachten der Schweden an den Küsten Esthlands und auf Runö. 10 Bl. Leipzig. 1850. — Ad. Tidemann. Norsk Bondeliv. Norwegisches Bauernleben. Düsseldorf. 1851. 6. *Германи*: A. Kretschmer. Deutsche Volkstrachten. Leipzig 1870. (Сочиненіе, дѣлающее излишними почти всѣ ранѣе появившіеся сочиненія). — E. Duller. Deutschland und das deutsche Volk; mit 150 Stichen 50 col. Kupfrn. Leipzig 1845. — L. Quaglio. Studien nach der Natur. Carlsruhe bei Velten. 12 Bl. — Ländliche Gebräuche in Würtemberg m. col. Kupf. 2 Bde — K. F. Kronbiegel. Ueber die Sitten, Kleidertrachten u. Gebräuche der Altenburgischen Bauern. Altenburg 1806. — T. Bader. Badische Volksitten und Trachten. Carlsruhe 1843—44. — Lipowski. Bayerische National-costume, mit hist. Texte. München — Trachten aus Tirol. Wien 1803. — A. Gerasch. Nationaltrachten in Ober Oesterreich, Böhmen, Mähren und Schlesien, Dalmatien, Illyrien. Fol. Wien. — J. Hammer-Burgstall. Portraitgallerie des Steiermärkischen Adels. Wien 1855. — 7. *Швейцарии*: J. C. Ebel. Tableaux des peuples des montagnes de la Suisse. Leipzig 1798 1802. — F. N. Koenig. Neue Sammlung von Schweizertrachten. Zürich 1813. — G. Lory fils et F. W. Moritz. Costumes suisses. Dedié à son Altesse le Prince royal de Prusse, à Neuchâtel. — J. P. Lamy. Recueil de costumes suisses, etc. — 8. *Италии*: Contadini della Toscana secondo loro vestiture. Firenze 1796. Fol. — Pinelli. Raccolta di cinquanta costumi pittoreschi incisi all'aqua forte in Roma 1819. fol. — Costumi di alcune popolazioni etc. Napoli 1832. — C. Lindström. Costumi e vestiture napoletani. Napoli 1836. — Ph. Ferrari. Etats du pape. Costumes d'après nature. Paris. Usi e costumi della Sardegna. Torino 1843. — 9. *Польши*: L. Gerson. Costume polonais d'après nature. Lithogr. par Demaison. Publ. par Daziaro à Varsovie. Paris (Moscou et St. Pétersbourg). — L. Zienkowiez. Les costumes du peuple polonais etc. Paris 1841 — 10. *Венгрии*: C. Simlich. Vollständige Sammlung der merkwürd. Nationalcostume von Ungarn und Croatien. Wien 1819. — R. Tomson. Voyage en Hongrie 1800. — T. Molls. Erinnerungsblätter an die Krönung S. K. H. des Kronprinzen Ferdinand zum König von Ungarn in Presburg, 28 Sept. 1830. Wien (костюмы венгерскихъ магнатовъ). — Th. Valerio. Souvenir de la monarchie autrichienne. Suite de dessins d'après nature. Paris 1815 (преим. костюмы простонародные). — 11. *Россіи*: J. G. Georgi. Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion etc. St. Petersburg 1777. — Rechenberg. Les peuples de la Russie etc. Paris 1813. — M. Breton. La Russie, ou moeurs, usages et costumes des habitans etc. Paris 1813. — K. Buddeus. Volksgemälde und Characterköpfe des russischen Volks. Leipzig 1820. — A. G. Houbigant. Moeurs et costumes des Russes en 50 pl. col. Paris 1851. fol. — Costumes de la Russie. Dessinés et gravés par Martinow 37 pl. col. — Le Caucase pittoresque, dessiné d'après nature par le prince Grégoire Gagarine. avec une introduction et un texte explicatif par le comte Ernest Stackelberg. Paris 41 Blatt russischer Costumfiguren rad. von A. Dahlstein fol. 1700—1750. 12. *Турции* см. выше, стр. 115.

стѣнительнымъ, въ особенности накрахмаленную фрезу, задумалъ даже совѣсть вывести его изъ употребленія. Съ этою цѣлью онъ написалъ анонимно латинскую брошюру, подъ заглавіемъ: «Приговоръ Юпитера о воротникѣ», въ которой разсматривался вопросъ о томъ: «слѣдуетъ ли замѣнить накрахмаленную фрезу шейнымъ платкомъ?» и въ отвѣтъ на него приводилось мнѣніе всѣхъ боговъ Олимпа, гласившее «что фреза дѣйствительно придаетъ наружности важность и серьезность, а потому и можетъ быть носима правовѣдами, судьями и врачами, но никакъ не людьми другихъ званій, а всего менѣе военными». Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ королевской брошюры, король, находясь однажды въ большомъ обществѣ, съ умысломъ завелъ рѣчь о фрезѣ (golilla), и присутствовавшіе гранды изъявили готовность разстаться съ ней, если самъ король покажетъ имъ примѣръ. Такимъ образомъ фреза была изгнана изъ высшаго общества, но только изъ него и первоначально изъ однихъ придворныхъ его круговъ. Но такъ какъ съ фрезой была устранена самая характерная принадлежность испанскаго костюма, то когда вслѣдъ за тѣмъ король началъ одѣваться по французски, примѣру его послѣдовали и придворные.

Такимъ образомъ французскія формы начали распространяться въ Испаніи сверху внизъ, переходя изъ придворной сферы на образованные классы пока еще только столичнаго населенія, но не касаясь среднихъ и низшихъ классовъ, которые не хотѣли принимать ихъ. Но королю не удалось, даже и собственнымъ примѣромъ, ограничить охватившую всѣ сословія расточительность, вслѣдствіе чего онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ законодательнымъ мѣрамъ. Въ 1723 г. былъ обнародованъ законъ подтверждавшій прежнія запрещенія носить дорогія матеріи и драгоценные уборы и возобновлявшій постановленіе объ употребленіи только тѣхъ шолоковыхъ матерій, которыя изготовлены въ самомъ государствѣ или въ дружественныхъ ему странахъ, и о запрещеніи ремесленникамъ носить эти матеріи. Законъ этотъ, какъ и всѣ подобныя законы, остался мертвою буквою, тѣмъ болѣе что по случаю скорѣ послѣдовавшаго бракосочетанія инфанта Донъ-Карлоса былъ разрѣшенъ свободный ввозъ французскихъ матерій и другихъ товаровъ. Также мало исполнялись и тѣ правительственныя распоряженія, которыя должны были поощрить распространеніе французскаго костюма въ ущербъ туземному. Они главнымъ образомъ возставали противъ общепринятаго обыкновенія завертываться въ длинные плащи и носить широкополыя шляпы, такъ какъ «такое закутываніе можетъ послужить новодомъ къ нарушенію общественной безопасности». Хотя это запрещеніе ограничивалось только улицами и общественными гульбищами Мадрида, оно не только не исполнялось, но еще повело къ усиленію запрещаемого.

Женщины высшаго общества, поощряемыя примѣромъ двора, скорѣе и охотнѣе мужчинъ усвоили себѣ французскія моды, не отказываясь однако отъ нѣкоторыхъ національных особенностей костюма, напр. мантильи (mantilla). Впрочемъ и самъ король отнюдь не одобрялъ всего, что прямо поощрялось французскимъ обычаемъ. Болѣе всего онъ возставалъ противъ неумѣреннаго обнаженія шеи и груди, которое было ему тѣмъ ненавистнѣе, что оно требовалось придворнымъ этикетомъ, и слѣдоват. какъ будто бы и ему лично очень нравилось. Когда попытки короля устранить это не-

пріятное для него обыкновеніе путемъ убѣжденія оказались безуспѣшными, онъ прибѣгнувъ къ болѣе рѣшительному, хотя не совсѣмъ рыцарскому средству, именно: однажды, когда одна изъ придворныхъ дамъ поднесла ему горячій шоколадъ, онъ какъ бы нечаянно облилъ имъ ея грудь. Такой намекъ былъ понятъ, и съ тѣхъ поръ придворныя дамы стали болѣе закрывать себѣ грудь и плечи.

Карль III (1769—1788) возобновилъ попытку, неудавшуюся Филиппу V, отучить простой народъ отъ его старозавѣтнаго костюма. Вскорѣ по его вступленіи на престолъ было возобновлено, въ болѣе строгой формѣ, постановленіе противъ «опаснаго» закутыванія. Имъ предписывалось теперь всѣмъ мужчинамъ безъ изыятія вмѣсто длинныхъ плащей носить только такіе, которые не доходили бы до земли по крайней мѣрѣ на одну четверть локтя, и широкополая шляпы замѣнить треугольными, оставляющими лицо открытымъ, а женщинамъ отнюдь не носить мантильи. Подобно прежнему, оно было также оставлено безъ вниманія; между тѣмъ король, поддерживаемый министерствомъ, предписалъ властямъ употребить все зависящія отъ нихъ средства для приведенія новоизданнаго постановленія въ дѣйствіе. Но принудительныя мѣры только усилили сопротивленіе. Въ Мадридѣ въ 1765 г. произошло даже волненіе, которое угрожало министерству ниспроверженіемъ и кромѣ того грозило распространиться и въ провинціяхъ. Видя, что выбранный путь не привелъ къ цѣли, и не желая отказаться отъ нея, министръ Аранда, когда волненіе успокоилось, придумалъ объявить, что широкополая шляпа будетъ впредь считаться отличительнымъ признакомъ помощниковъ палача, и этимъ такъ затронулъ самолюбіе испанцевъ, что очень многіе, особенно въ Мадридѣ, согласились надѣть треугольную шляпу.

Въ образованномъ обществѣ, напротивъ того, французскія формы нашли себѣ радушный пріемъ. Всѣ, кто стоялъ близко ко двору или желалъ къ нему приблизиться, и безъ того уже давно подражали во всемъ французамъ, заявляя этимъ о своей знатности или о своей образованности, а съ нихъ брали примѣръ и всѣ, имѣвшіе претензію на эти качества. Къ тому же переселеніе изъ Франціи все усиливалось и привлекло въ Испанію, кромѣ большого количества зажиточныхъ людей, многихъ ремесленниковъ и торговцевъ модными французскими товарами. Впрочемъ все это происходило только въ Мадридѣ и отчасти въ большихъ городахъ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ королевства даже и состоятельные классы сохранили свой особенный костюмъ до первыхъ годовъ слѣдующаго столѣтія, а во многихъ мѣстахъ онъ сохраняется и до сихъ поръ, хотя и встрѣчается все рѣже и рѣже.

Этотъ особенный (городской) костюмъ, отличный отъ собственно національнаго костюма, который въ свою очередь различенъ для каждой отдѣльной области, — не избѣгнувъ вполне французскаго вліянія, но благодаря его сравнительно слабому дѣйствію, сохранилъ тѣмъ не менѣе усвоенный ему типъ. Высокая жесткая шляпа, широкая накрахмаленная фреза, короткій («испанскій») плащъ и длинная шпага были разумѣется оставлены, но широкополая шляпа (*sombrero*) съ низкою тульею и длинными лентами, головная сѣтка (*redesilla*), обыкновенно краснаго цвѣта, и широкій плащъ (*sarra*), большею частью коричневаго цвѣта, иногда отороченный

галуномъ, удержались даже и въ Мадридѣ у зажиточныхъ горожанъ. Узкая въ обтяжку куртка (*chupa*), жилетъ или безрукавный камзолъ (*almilla*), узкіе или широкіе поколѣнные штаны, перетянутые на талии широкимъ цвѣтнымъ кушакомъ (*sacha*), чулки, остроносые башмаки безъ каблукъ и, вмѣсто сапогъ, длинные кожаные гетры на пуговицахъ встрѣчаются еще и теперь почти повсемѣстно. Точно также и въ женскомъ костюмѣ нѣкоторыя изъ старинныхъ принадлежностей его удержались до позднѣйшаго времени и до сихъ поръ еще не вездѣ вышли изъ употребленія; таковы: баскина (*basquina*) — короткое черное шолковое платье съ узкимъ лифомъ свѣтлаго цвѣта, обшитое по подолу кружевами, оборками и т. д.; мантилья (*mantilla*) — родъ двойнаго вуаля изъ бѣлаго муслина; шолковый спенсеръ съ узкими длинными рукавами и короткими фалдами, расшитый по борту и по швамъ; башмаки съ шнуровкой, опахало и *coffla* — головной уборъ въ формѣ чепца изъ шолковой матеріи, обшитый бѣлыми или черными кружевами и золотою или серебряною бахромою.

Въ высшемъ обществѣ пудра и длинный парикъ (только у мужчинъ) оставались въ модѣ до конца столѣтія, между тѣмъ такъ бѣлила и румяна исчезли уже въ 50-хъ годахъ.

Въ Нидерландахъ французскія формы были приняты вполнѣ и повсемѣстно въ южныхъ провинціяхъ и въ особенности въ Белгіи. Водвореніе ихъ въ этихъ областяхъ, начавшееся со времени войнъ Людовика XIV (1678 г.), окончательно утвердилось въ періодъ французскаго владычества (съ 1792 г.) Въ сѣмй соединенныхъ штатахъ и въ Голландіи, вліяніе ихъ выражалось, говоря вообще, гораздо болѣе въ согласованіи съ шими существующихъ національныхъ формъ, чѣмъ въ точномъ подражаніи вѣсѣмъ ихъ измѣненіямъ, которымъ онѣ подвергались по прихотямъ моды. Прямое же подражаніе французскимъ модамъ ограничивалось только дворомъ и близкимъ къ нему кругомъ высшаго общества, въ особенности женскаго, и потому, по отношенію къ цѣлому населенію, было почти ничтожно. Такъ продолжалось вплоть до основанія французской имперіи (1804 г.), когда вліяніе французскихъ модъ стало распространяться рѣшительнѣе, но сначала лишь въ большихъ городахъ. О костюмѣ предшествовавшаго времени мы узнаемъ изъ слѣдующаго описанія современнаго наблюдателя:

«Если нидерландцы экономны въ столѣ, то они не менѣе экономны и въ одеждѣ. Самые богатые изъ нихъ одѣваются весьма скромно. Простой сукошный сюртукъ, у должностныхъ лицъ и пожилыхъ людей непремѣнно чернаго цвѣта, тончайшее бѣлье и касторовая шляпа составляютъ самыя цѣнныя принадлежности мужскаго костюма. Менѣе всего правятся мнѣ въ немъ парики, которые носятъ почти все люди въ лѣтахъ... Дамы, самыя знатныя, особенно если онѣ уже пережили полдень своей красоты, одѣваются тоже очень просто, весьма умѣренно слѣдуя причудамъ моды, и носятъ родъ шапки, которая богато отдѣлана брабантскими кружевами и перфѣдко одна стоитъ дороже нѣсколькихъ дюжинъ модныхъ шляпъ. Молодые люди обоихъ половъ уже послушнѣе къ внушеніямъ модныхъ журналовъ.... Мужчины не носятъ зимою шубъ, а такъ же какъ и лѣтомъ въ дуриую по-

году, верхнее платье изъ толстаго сѣраго или синяго сукна (Schanzlooper). Эта очень удобная одежда перенята отъ моряковъ. Средніе и ремесленные классы одѣваются въ родъ національнаго костюма, состоящаго изъ синяго суконнаго сюртука и черныхъ плисовыхъ штановъ; но въ послѣдніе десять лѣтъ и у нихъ вошли въ моду болѣе свѣтлые цвѣта. Въ воскресенье и праздничные дни, и они надѣваютъ тоже черный суконный сюртукъ. Единственная вещь, на которую нидерландецъ не жалѣетъ денегъ, это бѣлье; у нидерландскихъ ремесленниковъ оно зачастую гораздо тоньше, чѣмъ у иного знатнаго цѣмца. Ничто такъ не бросается въ глаза иностранцу, какъ родъ шлафроковъ изъ пестрой шерстяной матеріи, которые были вывезены еще въ началѣ столѣтія изъ Японіи и до сихъ поръ остаются въ употребленіи—подъ названіемъ Јаронс. Въ Амстердамѣ и Гарлемѣ они гораздо обыкновеннѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; даже очень важные люди не только выходятъ здѣсь на улицу въ јарон, со шляпою на головѣ и съ длинною трубою, но въ такомъ костюмѣ посѣщаютъ и своихъ близкихъ знакомыхъ.... У здѣшнихъ моряковъ и крестьянъ самымъ шаряднымъ костюмомъ считается круглая кастровая шляпа, длинный просторный сюртукъ, сѣраго или коричневаго цвѣта, тонкая сорочка съ золотыми запонками у ворота, штаны съ двумя большими серебряными пуговицами на клапанѣ, золотые или тяжелые серебряные часы и пряжки. Нарядъ простыхъ моряковъ впрочемъ гораздо проще. Волосы и тѣ и другіе носятъ остриженными; впрочемъ многіе изъ моряковъ, особенно кто повыше простаго матроса, наряжаются и въ парики».

«О костюмѣ женщинъ среднихъ и простыхъ классовъ я мало могу сказать хорошаго. Онъ, правда, различенъ въ разныхъ провинціяхъ, но главныя его части вездѣ оди и тѣже, именно: небольшая батистовая шапочка, изъ подъ которой немного выставяются волосы, тугая шнуровка, двѣ косынки одна на другой, курточка съ рукавами, бочки или фижмы съ полдюжиною тяжелыхъ юнокъ, полотняные кальсоны, которые носятъ всѣ, и знатныя и простыя и старыя и малыя, и (у хозяекъ) большой карманъ и огромная связка ключей на поясѣ»...

«Мы въ сѣверной Голландіи. Видите вы эту красавицу-блондинку въ окладѣ изъ золота и драгоценныхъ камней? Вотъ она поднимаетъ свои длинные волосы, кольцомъ окружающіе ея голову (ибо на макушкѣ волосы обстрижены), кверху, связываетъ ихъ въ пучокъ и покрываетъ круглой картонной чашкой (rol), для того чтобы придать большую округлость затылку. Картонную чашку она прикрѣпляетъ золотой скобкой (took), которая охватываетъ затылокъ и доходитъ до ушей, и затѣмъ надѣваетъ чепецъ, муслиновый или кружевной, и прикалываетъ его къ took золотыми булавками. Спереди она втыкаетъ въ волосы одну или двѣ скобки тоже золотыя, иногда осыпанныя брилліантами; эти скобки такъ сильно сжимаютъ лобъ, что современемъ оставляютъ слѣды даже на черепѣ. Передніе волосы она завиваетъ валиками въ палецъ толщины, идущими отъ одного уха до другаго. Затѣмъ надѣваетъ она твердѣйшій корсетъ на китовомъ усѣ и закутываетъ себя двумя косынками вплоть до шеи, на которую навѣшиваетъ тяжелую золотую цѣпь. На груди прикалываетъ она брилліантовымъ аграфомъ бантъ изъ цвѣтныхъ лентъ. На рукахъ у нея надѣты золотые

браслеты и перчатки съ золотыми или брилліантовыми пуговицами. Длинный контушъ охватываетъ ея станъ и спускается на шесть или на семь рястянутыхъ фижмами юпокъ, изъ коихъ верхняя, вся сложенная въ густыя складки, очень длинна и сдѣлана изъ шолка или ситца. Туалетъ дополняется длиннымъ передникомъ, маленькими башмачками съ огромными пряжками, карманомъ, связкою ключей и чернымъ кашинномъ, который красавица беретъ на руку. Одѣванье теперь окончено и вы видите стройную молодую женщину превратившуюся въ неуклюжій коконъ, изъ котораго выставляется небольшая приглаженная головка.... Съ цѣлностію такого туалета можно было бы еще помприться, такъ какъ онъ переходитъ отъ бабушки къ внучкѣ и дѣлаетъ ненужными куаферовъ и модистокъ; но мы все-таки кажется, что женщины сѣверной Голландіи ничего не потеряли бы, если бы онѣ нѣсколько усерднѣе поклонялись богинѣ моды, или еще лучше, если бы онѣ выдумали болѣе красивый національный костюмъ. На это однакожь надежды мало. Большинство ихъ и самыя зажиточныя между ними ставятъ себѣ въ заслугу не измѣнять стариннымъ модамъ и смѣются надъ тѣми, кто немного податливѣе на этотъ счетъ. Красивѣе гораздо одѣваются женщины другихъ областей, жаль только, что и въ ихъ костюмѣ играютъ роль столько же дорогіе, сколько и вредныя took и шнуровка. Впрочемъ надобно сознаться, что если нидерландцы и допускаютъ нѣкоторую роскошь въ своемъ костюмѣ, то эта роскошь заключается у нихъ въ вещахъ дѣйствительно цѣнныхъ, а не во виѣшней нарядности: обстоятельство говорящее, какъ я полагаю, въ пользу основательности ихъ національнаго характера».

Въ Англіи подражаніе парижскимъ модамъ было всеобщее не только въ высшемъ, но и въ большей части средняго класса, и чѣмъ далѣе, тѣмъ это подражаніе становилось рѣшительнѣе. Тѣмъ не менѣе противоѣдѣствіе офранцузенію не прекращалось, и не только со стороны негородскаго и низшихъ классовъ городского населенія, но отчасти и со стороны образованныхъ сословій. Оба эти направленія, не смотря на ихъ кажущійся антогонизмъ, имѣли то общее, что преслѣдовали одну и ту же цѣль—усвоеніе французскихъ формъ; но между тѣмъ какъ первое принимало эти формы такъ какъ онѣ есть, послѣднее старалось видоизмѣнять ихъ, приваравливая къ своему вкусу. Но какъ обыкновенно случается, что благія стремленія оцѣниваются гораздо менѣе у ихъ источника, чѣмъ вдали отъ него, такъ и это послѣднее направленіе заслужило одобреніе прежде всего не въ самой Англіи, а виѣ ея и, что всего страннѣе, именно во Франціи, гдѣ оно одержало рѣшительную побѣду незадолго до смерти Людовика XIV и при его помощи надъ фонтанжами и безобразіемъ женскихъ платьевъ. Но побѣда эта была временная и совершилась при содѣйствіи самихъ французовъ; само же по себѣ направленіе не имѣло достаточно силы чтобы одолѣть противоположное направленіе, не смотря на то, что послѣднее все чаще стало находить себѣ союзниковъ и въ высшемъ обществѣ и что сами французы приняли нѣкоторыя созданныя имъ особенности — напр. рединготы и длинныя гамашы. Только съ сороковыхъ годовъ національное на-

правление стало вытѣснять подражательное и французскія формы начали уступать мѣсто формамъ болѣе самостоятельно-англійскаго характера. Благодаря возрастающему значенію, которое онѣ приобрѣтали въ Англіи, эти формы стали распространяться и въ высшемъ англійскомъ обществѣ, которое, усвоивая ихъ, мало по малу приучилось къ мысли, что уже съ давнихъ поръ постоянно ихъ придерживалось. Подъ вліяніемъ такого самообольщенія писалъ въ концѣ 70-хъ годовъ Муръ¹⁾: «Французскіе обычаи приняты почти во всѣхъ европейскихъ странахъ: они господствуютъ во всей Германіи и при всѣхъ сѣверныхъ дворахъ, и укореняются все прочтѣе въ Испаніи и Италіи. Не то мы видимъ въ Англіи. Въ столицѣ и провинціяхъ не знаютъ другихъ обычаевъ кромѣ англійскихъ, которые даже и при дворѣ сохранились во всей своей чистотѣ.... Предубѣжденіе противъ французскихъ обычаевъ не ограничивается въ Англіи одними высшими классами, но обще всей націи.... Я почти не знаю примѣра, чтобы образованный англичанинъ, подражая французамъ въ обращеніи и костюмѣ, не потерялъ черезъ это уваженія своихъ соотечественниковъ».

Въ сущности, эти мнимо-самостоятельныя формы состояли только въ упрощеніи и нѣкоторомъ болѣе цѣлесообразномъ измѣненіи французскихъ же формъ, конечно не безъ примѣси нѣкоторыхъ дѣйствительно самостоятельно созданныхъ. Вообще же высшее общество усердно подражало всѣмъ измѣненіямъ французскихъ модъ, а въ предѣлахъ англійскаго направленія явились щеголи, превзошедшіе въ модничаньи даже французскихъ *incroyables*, въ особенности подражавшіе италіано-французской утонченности *masques*, появившіеся въ 1772 г. Упомянутое «англійское» упрощеніе французскихъ и самостоятельное изобрѣтеніе новыхъ формъ ограничивалось въ мужскомъ туалетѣ до половины столѣтія съ одной стороны тѣмъ, что богатое шитье на кафтанахъ и камзолахъ было сведено къ болѣе скромнымъ размѣрамъ, а съ другой, появленіемъ кафтана съ косыми фалдами (*frack*), длиннаго сюртука (*riding-coat*), высокихъ гетръ (*galters*) и небольшого парика (*periwig*). Одинъ изъ первыхъ, падѣвшихъ такой парикъ, былъ виконтъ Болинброкъ. Когда онъ явился въ цемъ ко двору, то королева Марія спросила его: не помѣришь ли онъ въ слѣдующій разъ придти въ ночномъ колпакѣ? Это замѣчаніе королевы только ускорило распространеніе новаго парика, такъ какъ его падѣли и всѣ сторонники Болинброка. Впрочемъ, господство париковъ близилось къ концу. За исключеніемъ духовныхъ, ученыхъ и судей, ихъ почти совсѣмъ перестали носить, такъ что уже въ 1764 г. лондонскіе парикмахеры подавали прошеніе королю Георгу III, чтобы онъ приказалъ своему правительству предложить парламенту законъ объ обязательномъ для всѣхъ ношеніи париковъ. Пудра однакожь оставалась въ употребленіи до 80 годовъ. Въ 1762 г. вышли круглыя шляпы съ широкими полями, занимавшія средину между треугольною и такъ наз. «квакерскою» шляпою, а въ 70-хъ годахъ — узкіе длинные панталоны и высокіе сапоги (тѣ и другіе преимущественно для верховой ѣзды), и каррикъ, какъ верхняя одежда.

¹⁾ I. Moore, *View of Society and Manners in France, Switzerland and Germany*. London 1780. I, 289.

Въ женскомъ костюмѣ самостоятельное направленіе выразилось преимущественно въ прическѣ, въ покроѣ платья и въ оставленіи бѣлнзъ и румянъ. Что касается прически, то изъ нея были изгнаны всѣ слишкомъ бросающіеся въ глаза фасоны, а для платьевъ былъ принятъ покрой болѣе соответствующій строгости тѣла и уменьшенъ объемъ юбки, которую нѣрѣдко носили даже совсѣмъ безъ фижмъ. Съ половины 40-хъ годовъ вошли въ моду верхнія робы, широко раскрытыя спереди, и длинныя, совершенно закрывавшія этотъ распахъ передники (аргоны); а также широкіе полурубава съ довольно большими обшлагами, большіе платки, завязывавшіеся вокругъ шеи узкою косылкою, простыя накидки съ длинными концами, иногда украшенными кисточками, чепчики съ узенькими кружевными оборками и небольшими бантиками и наконецъ, небольшія круглыя шляпы. Всѣ эти скромныя формы просуществовали однакожь не далѣе половины столѣтія, когда, особенно въ 60-хъ годахъ, благодаря распространенію въ Англіи французскихъ модныхъ журналовъ, получили снова преобладаніе чисто французскія формы. Преобладаніе это было въ свою очередь непродолжительно: французскія заимствованія снова подверглись передѣлкѣ въ смыслѣ упрощенія, или изъ нихъ выбирались только наиболѣе простыя. Такимъ образомъ продолжалось до 90-хъ годовъ, когда революція прервала на время модныя сообщенія изъ Франціи и кромѣ того вызвала нерасположеніе къ появившимся тогда въ Парижѣ модамъ. Хотя въ половинѣ 90-хъ годовъ сношенія возстановились и французскія формы снова пріобрѣли свое прежнее значеніе, но во время перерыва успѣли возникнуть самостоятельныя формы, съ которыми приходилось считаться. Эти формы, болѣею частью произвольная переработка формъ 16 и 17 столѣтія, встали въ рѣзкое противорѣчіе съ господствовавшимъ тогда псевдо-классическимъ стилемъ костюма. Вслѣдствіе этого выработалась манера одѣваться, напоминавшая первую половину 17 стол. и одинаково удаленная какъ отъ крайне высокаго закутыя, такъ и отъ неумѣреннаго обнаженія; эта манера не осталась безъ влияния и на появившійся въ послѣдствіи во Франціи костюмъ «à la grecque». Не было конечно и въ Англіи недостатка въ различныхъ странныхъ выдумкахъ, порожденныхъ желаніемъ правиться. Одну изъ такихъ выдумокъ, и притомъ самую страшную, были фальшивыя груди: чрезвычайно искусно сдѣланныя изъ воска; онѣ были изобрѣтены въ Лондонѣ и продавались тамъ въ 1798 году.

Что касается скандинавскихъ земель, то въ Швеціи всѣ образованные классы одѣвались на французскій манеръ. Король Густавъ III (1771—1792) задумалъ было ввести общій національный костюмъ, но попытка его не удалась и всё предпріятіе ограничилось довольно обширною перепискою между разными правительственными учрежденіями. Къ тому же, къ дѣлу примѣшалось такъ много совершенно посторонняго, что оно уже поэтому самому не могло быть прочно поставлено. Придуманый королемъ костюмъ былъ введенъ только при дворѣ, и то лишь для однихъ мужчинъ, въ качествѣ ихъ придворнаго наряда. Онъ былъ весь черный шелковый и состоялъ изъ узкаго камзола съ короткими фалдами и разрывными рукавами, короткаго плаща, довольно широкаго шарфа, короткихъ штановъ, чулокъ и

башмаковъ; его дополняла круглая шляпа съ загнутыми съ одного бока полями и шиага. Впрочемъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ Густава IV, костюмъ этотъ былъ совершенно покинутъ.—Данія хотя тоже была далеко не свободна отъ вліянія французскихъ формъ, но всё таки относилась къ нимъ гораздо самостоятельнѣе. Онѣ усваивались въ ней не тотчасъ же по своемъ появленіи, а довольно медленно и притомъ не во всей чистотѣ и исключительности, а въ смѣшеніи съ другими иностранными формами, съ 50-хъ годовъ преимущественно англійскими. До конца царствованія Фридриха IV (1730) и даже далѣе (до 1746) оба пола одѣвались въ нѣсколько чопорномъ стилѣ послѣднихъ лѣтъ Людовика XIV, игнорируя всё появлявшіяся между тѣмъ во Франціи модныя изобрѣтенія. Если же въ послѣдствіи и были сдѣланы нѣкоторыя уступки духу времени, то онѣ гораздо болѣе выражались въ выборѣ модныхъ матерій и украшеній для костюма, чѣмъ въ модномъ измѣненіи его покрою, хотя конечно вліяніе моды отразилось въ нѣкоторой степени и на немъ.

Мало по малу, однакожъ, это сопротивленіе господствующимъ модамъ стало ослабѣвать, благодаря отчасти развитію торговыхъ сношеній и возраставшему благосостоянію, но главнымъ образомъ, вслѣдствіе поѣздки короля Христіана VII въ Парижъ, откуда онъ и его придворные вывезли самыя послѣднія фасоны платья. Съ этихъ поръ высшіе классы начинаютъ слѣдить за модой и находятъ себѣ подражателей и подражательницъ въ другихъ слояхъ городского населенія. Впрочемъ, подражаніе французскимъ модамъ было въ Даніи всегда сдержанное и никакія крайности ихъ, а всего менѣе изобрѣтенія революціоннаго времени, не находили себѣ сочувствія. Если и встрѣчались щеголи, пытавшіеся разыгрывать *incroyables*, то по своей малочисленности они не имѣли никакого значенія, точно также какъ и тѣ немногіе, которые рѣшались одѣваться по-античному. Къ тому же, до конца 90-хъ годовъ, несмотря даже на усилившееся французское вліяніе, костюмъ въ Даніи носилъ на себѣ скорѣе англо-французскій, чѣмъ чисто французскій отпечатокъ, удержавъ нѣкоторыя изъ давно уже перенесенныхъ нѣмецкихъ формъ. Полное соглашеніе его съ современными модами началось только при Фридрихѣ VI (съ 1812 г.).

Разъ подвѣрившись въ Германіи, французскія формы продолжали господствовать въ ней единовластно. За исключеніемъ не причастнаго къ модамъ сельскаго населенія, и жителей имперскихъ и торговыхъ городовъ¹, придерживавшихся еще до второй половины столѣтія унаслѣдованныхъ порядковъ, всё подражали французскимъ модамъ и обычаямъ, не смотря ни на порицанія противниковъ ихъ, ни на усиленные правительственныя мѣры. Ни поученія духовенства, ни свѣтская сатира, не могли ослабить этого подражанія, и всего менѣе первыя, такъ какъ они строили свои доводы на искусственной, сухой и мало назидательной морали. Въ такомъ духѣ былъ написанъ вышедшій въ началѣ столѣтія трактатъ: «*Inversus Deca-*

¹ *Alsace française ou nouveau recueil, ce qu'il y a de plus curieux dans la ville de Strasbourg etc. 1706. Kleidungs Arten in der Stadt Augsburg (безъ означ. года). Deutliche Vorstellung der Nürnbergschen Trachten in Kupfer gestochen etc. 1766 Nürnberg.*

logus Mundi. Das ist: Die verkehrte Welt. Oder zehn Hauptlaster der heutigen Welt wider die heil. zehn Gebote Gottes, sehr anmuthig und lustig zu lesen. Nebst einem angenehmen Valet der Welt, vorgestellt von einem Weltkundigen Liebhaber der Wahrheit, Namens B. F. M. Gedruckt im Jahr Christi 1712» *. Авторъ другого трактата, озаглавленнаго: «Die in dem Spiegel des Todes gedemüthigte Hoffart der Welt, oder von der sündlichen, thörichten, eiteln und üppigen Kleider-Pracht» **, жалуется, что никто не хочет болѣе одѣваться скромно, а всякъ считаетъ пужнымъ наряжаться въ модное платье «выдуманное Люциферомъ, отъ котораго исходятъ всѣ новыя моды....» «Пышче» говорить онъ — «дѣло обыкновенное, что почти каждая служанка, у которой и рубашки цѣлой на тѣлѣ нѣтъ, ходить не иначе, какъ въ модной шапкѣ и въ модныхъ башмакахъ, хотя можетъ быть ей и приходится для этого обкрадывать своихъ господъ. Ахъ, еслибъ еще многія изъ нихъ не добывали себѣ эти наряды развратомъ! Цегольство въ наше время до того усилилось, что нельзя почти отличить господина отъ слуги, госпожу отъ служанки!» и т. д.

Но всѣ эти трактаты, какъ серьезные, такъ и юмористическіе, не достигали своей цѣли и не останавливали подражанія модамъ; также мало дѣйствительны оказались и появившіяся въ послѣдствіи очень серьезныя и обстоятельныя разсужденія объ одеждѣ, разсматривавшія каждую ея часть съ гигиенической точки зрѣнія ¹, и (въ 70-хъ годахъ) многочисленныя карикатуры ², осмѣивавшія фижмы и узкія шнуровки, обнаженные шеи и груди, прическу и румяна съ пудрой, римско-греческія прозрачныя туники и высокія шляпы. Трактаты читали, карикатуры разсматривали и смѣялись надъ тѣми и другими, продолжая все таки одѣваться по модѣ.

Хотя французскія формы утвердились вездѣ настолько прочно, что имъ уже не предстояло бороться съ мѣстными формами, но все таки распространеніе ихъ въ отдѣльныхъ странахъ было не одинаково. Отсталѣе другихъ въ этомъ отношеніи является Австрія, благодаря царствовавшему при тамошнемъ дворѣ строгому этикету, о соблюденіи котораго заботился самъ императоръ Карлъ VI, требуя, чтобы при торжественныхъ церемоніяхъ всѣ придворные являлись въ традиціонномъ черномъ придворномъ костюмѣ. Примѣръ двора вліялъ и на остальное общество, удерживая его покрывшей

* Inversus decalogus Mundi, т. е. свѣтъ на изнанку или десять главныхъ пороковъ нынѣшняго свѣта противъ десяти заповѣдей Божіихъ. Очень пріятное и забавное чтеніе, съ присовокупленіемъ пріятнаго прощанія со свѣтомъ, сочиненное знающимъ свѣтъ любителемъ истины и т. д.

** „Въ зеркалѣ смерти униженная суетность свѣта, или о грѣховномъ и безумномъ цегольствѣ одеждою“.

¹ Dissert. de vestitus vitii morborum causis. Hal. 1729. Dissert. de morbis e varia conditione vestimentorum oriundis Hal. 1750. Gedanken eines Arztes über die Kleidung. Hamb. 1754. Anmerkungen von den Fehlern der Kleidung in Absicht der Gesundheit: Hannov. nützliche Samml. 29 Stück) 1755. Reinhard's satyrische Abhaadl. von den Krankheiten der Frauenspersonen etc. Glogau u. Berlin 1756. Sömmerring über die Wirkung der Schnürbrüste 1793. Petrus Camper. Abh. über die beste Form der Schuhe, aus dem Franz. Berlin 1783. Walter Vaughan's Philosophisch-medicinischer Versuch über die moderne Kleidung. Aus dem Engl. Leipzig 1793; и мн. др. — ² Собраніе такихъ каррикатуръ есть въ берлинскомъ кабинетѣ гравюръ.

мѣръ отъ слишкомъ послушнаго подражанія постоянно вновь появлявшимся французскимъ модамъ. Съ другой стороны, такое стѣсненіе повело къ тому, что хотя принятые фасоны не измѣняли, но изъ желанія новизны и разнообразія начали ихъ утрировать, особенно дамы, которыя старались напр. превзойти другъ друга вышиною своихъ причесокъ (фонтанжей) и объемомъ фикжмъ.—При Маріи Терезіи (1740 — 1780), когда придворный этикетъ сталъ менѣе строгъ и самъ дворъ съ приближенными къ нему подчинился французской модѣ, общество, поощряемое этимъ примѣромъ, незамедленно дало полную свободу своей наклонности къ подражанію. Иосифъ II, врагъ всякихъ утратившихъ свой смыслъ старыхъ порядковъ, началъ съ того, что изгналъ изъ придворнаго и officialнаго костюма все, что еще въ немъ оставалось стариннаго. Съ этихъ поръ измѣненіе костюма шло въ уровень съ французскими модами, причемъ однакожъ возникали время отъ времени самостоятельныя формы, которыя подъ названіемъ «вѣнскихъ модъ» распространились и за предѣлами Австрій.

Изъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, которыя по примѣру своихъ дворовъ наиболѣе строго придерживались французской моды, первое мѣсто занимала Саксонія. Увлеченное примѣромъ своихъ расточительныхъ королей Августа I и Августа II, саксонское общество нашло себѣ вліятельнаго руководителя въ дѣлѣ вышняго блеска въ любимцѣ послѣдняго короля, графѣ фонъ-Брюль (до 1763), который въ роскоши почти превосходилъ обоихъ королей. Проживая въ годъ миллионъ талеровъ, онъ былъ точнымъ подражателемъ французскихъ обычаевъ и одѣвался съ головы до ногъ во все французское, вывезенное прямо изъ Парижа. Его костюмъ, манеры и весь образъ жизни были какъ бы живою иллюстраціею современныхъ модныхъ журналовъ и образцомъ для всякаго, кто только что нибудь значилъ или желалъ значить въ большомъ свѣтѣ. При необширности королевства такое офранцузженіе столичнаго общества легко распространялось и на провинціальное и еще болѣе закрѣпило за саксонцами давнишнюю репутацію ихъ какъ «французовъ Германіи», а за саксонскими дамами — самыхъ ревностныхъ, но за то и наиболѣе счастливыхъ подражательницъ французскихъ модъ.

Въ Баваріи, Вюртембергѣ, Ганноверѣ и другихъ, даже и самыхъ мелкихъ, государствахъ Германіи французскіе моды и нравы распространялись въ обществѣ тѣмъ же путемъ, т. е. черезъ посредство дворовъ и приближенныхъ къ нимъ круговъ. Всѣ эти дворы представляли болѣе или менѣе удачныя копіи французскаго и были вообще обставлены блестяще. Нѣкоторыми изъ нихъ, напр. Вюртембергскимъ, при герцогѣ Эбергардѣ Людвигѣ (до 1733 г.) и позднѣе при его старшемъ сынѣ Карлѣ (до 1793 г.), безгранично распоряжались фаворитки, истощая средства страны до полнаго финансоваго разстройства.

Даже Пруссія вступила въ новое столѣтіе въ необыкновенномъ блескѣ. Если первый прусскій король Фридрихъ I (1701), бывши еще курфюрстомъ не сдерживалъ своей склонности къ роскоши въ стилѣ Людовика XIV, то ставъ королемъ, онъ перешелъ въ ней всякую мѣру. Все что стояло близко къ двору должно было слѣдовать примѣру послѣдняго и такимъ образомъ роскошь изъ высшихъ слоевъ общества проникла до среднихъ. Правда что

еще курфюрстомъ Фридрихъ издалъ указъ, опредѣлявшій для среднихъ классовъ «каковъ долженъ быть костюмъ при свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ»; но примѣръ остался все таки дѣйствительнѣе приказаній. Высшее общество, особенно женское, раззорилось на парики, дорогія матеріи, шитье и драгоценныя парюры. Самъ король выписывалъ себѣ изъ Парижа парики на большія суммы и придавалъ такую важность этому украшенію, что въ 1696 г. посылалъ своего камердинера, Пьера Савинье, въ Голландію и Англію единственно затѣмъ, чтобы ознакомиться съ процвѣтавшимъ тамъ въ то время парикмахерскимъ искусствомъ. Любилъ онъ также носить на себѣ и видѣть на своихъ приближенныхъ драгоценныя камни. Изъ столицы щегольство разлилось и по провинціямъ и усилилось тамъ до такой степени, что въ 1706 г. тильзитскому магистрату былъ данъ королевскій указъ, запрещающій простымъ гражданамъ, ихъ женамъ и дочерямъ одѣваться въ бархаты и шолкъ, носить золотое или серебряное шитье на платьяхъ и головныхъ уборахъ, иностранныя кружева, дорогіе мѣха, драгоценныя камни, подѣ штрафомъ 50 рейхсталеровъ за каждую запрещенную вещь, которую конфисковать, а штрафныя деньги обращать въ пользу инвалиднаго дома; и т. д.

Что положеніе дѣлъ должно будетъ измѣниться по смерти короля, это можно было предвидѣть заранѣе, судя по тому, какъ относился къ роскоши послѣдній принцъ. Еще ребенкомъ не любилъ онъ дорогихъ нарядовъ и разъ, когда ему поданъ былъ газетовый плафрокъ, онъ внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и затѣмъ, скомкавъ, бросилъ въ топившійся каминъ. Точно также поступилъ онъ позднѣе съ своимъ большимъ парикомъ, возвратясь съ придворнаго бала¹.

Вступивъ на престолъ, Фридрихъ Вильгельмъ (1713—1740) ясно далъ понять свой будущій образъ жизни, уволивъ 88 камергеровъ и множество другихъ придворныхъ служителей. Сначала онъ носилъ обыкновенно коричневый кафтанъ англійскаго покроя и красный отороченный серебромъ камзолъ, но съ 1719 г. перемѣнилъ этотъ костюмъ на пенарядный мундиръ своего полка. Ненавистный ему большой парикъ онъ замѣнилъ простою накладкою, Muffer или Mirleton, но скоро бросилъ и еѣ, и сталъ носить собственные волосы, гладко зачесанные назадъ и связанные въ пучокъ: эту прическу вмѣстѣ съ пудрою, онъ ввелъ и въ войскъ. Такой же простоты и умеренности король требовалъ и отъ всѣхъ своихъ приближенныхъ, даже отъ самой королевы. Ни она, ни прищессы не смѣли переступить за проведенную черту, а послѣднія, будучи дѣтьми, не носили ни шолка, ни ситца, и вообще никакихъ индѣйскихъ тканей.

Но такъ-какъ щегольство и подражаніе французскимъ модамъ все таки не ослабѣвали въ обществѣ, то король рѣшился дѣйствовать противъ нихъ специальными мѣрами, но уже не запретительными постановленіями, въ безполезности которыхъ онъ былъ убѣжденъ. Это было въ 1720 году; король дѣлалъ смотръ войскамъ, на которомъ присутствовалъ французскій послан-

¹ Fattmann. Leben und Thaten der Allerdurchlauchtigsten und Grossmächtigsten Friederici Wilhelmi. Breslau 1735.

никъ, графъ фонъ-Ротенбургъ, со свитой изъ тридцати человѣкъ, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ. Совершенно неожиданно во время смотра появились профосы полковъ въ такомъ же костюмѣ, какъ и свѣтскіе господа, по утрированномъ до смѣшнаго: въ высочайшихъ шляпахъ съ перьями, въ кафтанахъ съ широчайшими обшлагами и съ косами спрятанными въ огромные кошельки. Такое сходство съ презираемыми профосами сконфузило французовъ, тѣмъ болѣе, что король приказалъ также и всѣмъ тѣмъ, кто были объявлены «презрѣнными» (*infam*), отрѣзать косы и надѣть платье и круглую обувь профосовъ¹. Въ тѣхъ же видахъ далъ онъ своимъ веселымъ совѣтникамъ — Гундлингу, Грабену, Носсигу и др. особый костюмъ, составленный изъ всего того, что ему не нравилось. Только противъ усиленнаго потребленія ввозимыхъ изъ Голландіи бумажныхъ матерій издано было въ 1721 г. запретительное постановленіе и то лишь съ цѣлю поощренія туземнаго производства шерстяныхъ и полотняныхъ тканей. Оно предписывало всѣмъ и каждому «воздержаться отъ этой дряни (*Unrath*), или въ противномъ случаѣ подвергнуться тяжелой денежной пенѣ и позору». Впрочемъ имъ предоставлялось каждому право донашивать свой запасъ въ продолженіи года, по истеченіи котораго уличенный въ ослушаніи причислялся къ дурнымъ людямъ (*gemeine Leut*) и выставлялся къ позорному столбу. Постановленіе это хотя и вызвало сильный ропотъ, но тѣмъ не менѣе выполнялось съ такою строгостью, что впродъ никто и не думалъ о запрещенномъ голландскомъ товарѣ.

Всѣ эти мѣры, подкрѣпляемые примѣромъ двора и самого короля, произвели въ концѣ концовъ свое дѣйствіе, выразившееся въ упрощеніи костюма въ отношеніи матерій и отдѣлки. Бархаты и шолкъ предоставлены были почти исключительно богатому дворянству и тѣмъ изъ важныхъ лицъ, которые по своему officialному положенію имѣли право носить ихъ; остальные сословія стали одѣваться въ шерстяныя, полотняныя и другія простыя матеріи, преимущественно туземной выдѣлки. Мужчины носили обыкновенно синій суконный фракъ, накроемъ своимъ напоминавшій военный мундиръ, и треугольную шляпу; большой парикъ былъ постепенно оставленъ и замѣненъ накладкою (*Muffer*), а затѣмъ простою солдатскою прическою. Въ среднемъ классѣ начала развиваться бережливость, распространявшаяся даже на мелочи. Такъ напр. между чиновниками вошло въ обычай, для сбереженія платья во время занятій, надѣвать на рукава чехлы и подвѣшивать себѣ передники; съ тою же цѣлю они стали носить жабо и маншеты накладныя, вмѣсто пришитыхъ къ сорочкѣ. Тѣмъ не менѣе всякій, кто что нибудь значилъ или хотѣлъ значить, въ особенности врачи, ученые, юристы, ходилъ при шпагѣ, въ красномъ плащѣ и башмакахъ или сапогахъ съ тупыми носками.

Женщинамъ было конечно трудно отказаться отъ нарядовъ. Но такъ какъ король ставилъ щегольство наравнѣ съ безпутствомъ, то и онѣ должны были, хотя и противъ воли, подражать двору. Болѣе всего не нравились королю различныя странныя прически, напр. фонтанки (которыя вскорѣ — ок. 1720 г. — и исчезли), въ особенности румяна, которыхъ онъ не могъ

¹ Fattmann, op cit.

выносить. Кромѣ того, приказано было также значительно уменьшить объемъ физжмъ, между тѣмъ какъ обнаженіе шеи, которое, правда, ничего и не стоило, допускалось безпрепятственно даже и при дворѣ. Особенно чувствительно для женской половины общества было запрещеніе ввоза голландскихъ каттуновъ. Это новое ограниченіе, при всѣхъ другихъ уже испытываемыхъ ими, было слишкомъ тяжело чтобы не вызвать въ нихъ желанія вознаградить себя чѣмъ нибудь за такія лишенія. И такое вознагражденіе было вскорѣ найдено: это были кружева и бордюры; они стояли дорого, слѣдов. склонности къ шегольству и мотовству давался полный просторъ. Выступивъ сначала робко и развиваясь постепенно, шегольство кружевами и бордюрами дошло въ концѣ 20-хъ годовъ до такой степени, что «о богатствѣ и благополучіи женщины судили по ея кружевамъ». Удачный исходъ этой попытки снова отворилъ двери вліянію французскихъ модъ на женскій костюмъ въ Пруссіи.

Какъ бы увлеченные примѣромъ женщинъ, и мужчины стали отдѣлывать свое платье нашивками и бордюрами (marsailles, points, canevas: фиг. 409), не измѣняя впрочемъ его нѣсколько военнаго покроя на первое время. Но при вступленіи на престолъ Фридриха II обычай одѣваться по модѣ былъ уже настолько распространенъ, что тѣ немногіе, которые ему не слѣдовали, слыли подъ названіемъ «людей Фридриха Вильгельма» (Friedrich-Wilhelms-Männer). Самъ король, хотя и не придавалъ особеннаго значенія тому или другому фасону платья, не былъ однакожъ противъ моды, тѣмъ болѣе, что самъ любилъ все французское; если же въ старости онъ и возставалъ иногда противъ модничанья, слѣдовательно какъ бы противорѣчилъ себѣ, то эти вспышки капризнаго гнѣва проходили безъ всякихъ послѣдствій. Подобно своему отцу, онъ одѣвался по военному, какъ одѣвались и всѣ послѣдующіе короли: обстоятельство, имѣвшее сильное и продолжительное вліяніе на мужской костюмъ, который, не смотря на всѣ его измѣненія, сохранилъ принятый имъ уже ранѣе военный отпечатокъ до половины 80-хъ годовъ (ср. фиг. 410).

Начавшееся съ половины столѣтія болѣе полное усвоеніе французскихъ, или точнѣе англофранцузскихъ, формъ продолжалось безъ особенно важныхъ уклоненій, не выходявшихъ за предѣлы разъ установившагося тина. Уклоненія эти состояли главнымъ образомъ въ томъ, что въ началѣ 70-хъ годовъ часть мужской молодежи, недовольная господствовавшими тогда дѣйствительно стѣснительными условіями общественной жизни и подражаніемъ чужезем-

Фиг. 409.

ному, задумала протестовать противъ нихъ не только своимъ поведеніемъ, но и костюмомъ. Противопоставляя нѣмѣцкимъ моднымъ затѣямъ національную самобытность, эти «свободные мыслители» и «творческіе умы» (Kraftgenies) появлялись въ обществѣ съ длинными непудренными волосами, съ едва прикрытой брыжами грудью, въ небрежно надѣтомъ сюртукѣ или даже въ жакеткѣ изъ грубой матеріи, въ широкихъ панталонахъ и съ толстой дубинкой въ рукѣ — «безцеремонно и нѣмѣцки», по ихъ мнѣнію. Не смотря однакожъ на эти выходки отдѣльныхъ лицъ, большинство продолжало одѣваться согласно съ современною модою. Общепринятый мужской костюмъ составляли теперь — фракъ англійскаго покроя, жилетъ, узкія пантолоны, сапоги и цилиндрическая шляпа; но въ высшемъ обществѣ, требовались еще поколѣнные штаны при чулкахъ и башмакахъ, треугольная шляпа и шпага. Въ 80-хъ годахъ, особенно благодаря почину Веймарскаго вел. герцога Карла Августа, начала исчезать и коса и вводиться гладкая прическа волосъ.

Фиг. 410.

Прекращеніе модныхъ сообщеній изъ Парижа, во время революціи, мало затронуло мужчинъ, но за то поставило въ затруднительное положеніе женщинъ. Изсякшій источникъ такъ любимыхъ ими перемѣнъ онѣ задумали замѣнить собственною изобрѣтательностью, и вотъ во всѣхъ почти большихъ городахъ возникли мѣстные моды, подъ названіемъ вѣнскихъ, берлинскихъ, мюнхенскихъ и т. д., и продолжали появляться даже и по восстановленіи сношеній съ Франціею съ 1795 г. Но какъ ни правились эти произведенія отечественной изобрѣтательности, они тѣмъ не менѣе не могли

нанести значительнаго ущерба французскимъ формамъ, даже и тѣмъ изъ нихъ, которыя появились во время революціи, были ея порожденіемъ. Эти формы не только были приняты въ Германіи, но и крайности ихъ еще усилены.¹ Современный писатель замѣчаетъ по этому поводу, что если въ Германіи нашлись подражательницы французскимъ костюмамъ революціоннаго времени, то это произошло или изъ желанія блеснуть притворнымъ республиканизмомъ, или въ силу еще не совсѣмъ исчезнувшаго предразсудка—считать всѣ французскія моды красивыми. Но дѣло въ томъ, что предразсудокъ былъ еще далеко не искорененъ; и если тотъ же авторъ² продолжаетъ далѣе, что «теперь даже сами торгующіе модами, если они люди со вкусомъ, сознаются что всѣ наряды, получаемые въ послѣднее время изъ Парижа, безвкусны и фантастичны», то всё-таки пока еще не было изобрѣтено никакой чисто нѣмецкой моды, которая была бы въ состояніи надолго вытѣснить французскую. Кончились неудачей и попытки нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, частью даже такихъ ученыхъ патриотовъ, какимъ былъ Юстусъ Мозеръ,³ побудить къ созданію и введенію особаго національнаго костюма, равно какъ и позднѣйшія гораздо болѣе постоянныя стремленія въ этомъ смыслѣ.⁴ Тѣмъ не менѣе, время отъ времени появлялись нѣкоторыя особенности, шедшія въ разрѣзъ съ французскими модами, напр. въ мужскомъ костюмѣ — длинные панталоны. Первый въ нихъ явился въ 1797 г. на водахъ въ Пирмонтѣ Фридрихъ Вильгельмъ II, вслѣдствіе чего они, конечно, были тотчасъ же приняты и самымъ высшимъ обществомъ, хотя поколѣнные штаны при чулкахъ и башмакахъ долго еще оставались въ употребленіи, какъ единственно приличные для салоннаго туалета. Нѣкоторый поворотъ къ самостоятельности и народности произошелъ, какъ въ костюмѣ, такъ и во многомъ другомъ, во время наполеоновскихъ войнъ и войны за освобожденіе, но онъ былъ такъ непродолжителенъ, что уже авторъ вышедшаго въ 1815 г. сатирическаго сочиненія «*Deutsche Volkstracht oder Geschichte der Kleiderreformation*» (нѣмецкій народный костюмъ или исторія преобразованія одежды) могъ выставить на немъ слѣдующій эниграфъ: «*Erst wenn sie in Paris à l'Allemand sich tragen, Wird man in Deutschland auch sich deutsch zu*

¹ G. J. Falke. Die deutsche Trachten- und Modenwelt. II, 316, 322 слѣд. — ² C. Meiners. Geschichte des weiblichen Geschlechts IV, 172 — ³ J. Möser. Patriotische Phantasien 4 Auflage Berlin 1820 (Собранныя подъ этимъ заглавіемъ статьи написаны въ 1768 и 1769 годахъ): II, 70: „Schreiben eines Frauenzimmers über die Nationalkleidung.“ интересны для изслѣдованій о костюмѣ вообще; I, 27: „Ueber den Putz der Kinder“; I, 71: „Klagen eines Meiers über den Putz seiner Frau“; I, 158: „Antwort auf verschiedene Vorschläge wegen einer Kleiderordnung.“ — ⁴ Deutsches Museum. August 1778: „Ueber die Nationaltracht.“ Journal von und für Deutschland. Zweiter Jahrg. 1785: „Vorschläge zur Einführung einer deutschen Nationaltracht.“ F. L. Jahn. Deutsches Volksthum. Lübeck 1810. C. M. Arndt. Ueber Sitte, Mode und Kleidertracht. Ein Wort aus der Zeit Frankf. a. M. 1814. Das deutsche Feierkleid. Zur Erinnerung des Einzugs der Deutschen in Paris am 31. März 1814 eingeführt von deutschen Frauen. Gotha 1814. Th. H. Friedrich. Deutsche Volkstracht oder Geschichte der Kleiderreformation in der Residenzstadt Flottleben. Ein satyrisches Gemälde. Berlin 1815. Deutsche Trachten. Berlin 1815 bei Wittich, in Heften mit farbigen Darstellungen. Nach Zeichnungen des Prof. C. Kolbe.

kleiden wagen» (т. е. нѣмцы тогда только рѣшались надѣть національный костюмъ, когда парижане одѣнутся по нѣмецки).

Въ Швейцаріи костюмъ измѣнился мало. Спокойствіе, которымъ она пользовалась до начала 90-хъ годовъ и ея сдержанное положеніе относительно политическихъ движеній того времени, не были особенно благопріятны распространенію въ ней иностранныхъ формъ. Къ тому же власти съ своей стороны не упускали случая противодѣйствовать всякимъ посползовеніямъ къ щегольству и модничанью строгими постановленіями, въ которыхъ обѣ наклонности для большей дѣйствительности выставлялись какъ тяжкій грѣхъ противъ Бога. Постановленія эти,¹ сходныя между собою по содержанію, запрещали какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ носить платья изъ дорогихъ матерій, богато отдѣланныя и слишкомъ модныя, а послѣднимъ кромѣ того—обнажать себѣ шею и грудь, одѣваться въ слишкомъ тонкія и прозрачныя матеріи и т. д.

Всѣ это, однакожъ, не могло совершенно остановить распространенія современныхъ модныхъ формъ, которыя въ западныхъ, ближайшихъ къ Франціи, кантонахъ и въ особенности въ большихъ городахъ этихъ кантоновъ проникли даже до среднихъ и низшихъ классовъ и въ теченіи первой половины столѣтія почти совершенно замѣнили у нихъ народныя формы, которыя большею частью еще только между ними и держались. Въ восточныхъ и среднихъ кантонахъ старинный костюмъ сохранился гораздо долѣе — до конца 86 годовъ — даже и въ высшихъ классахъ городекаго населенія, которое если не удержало его вполнѣ, то сначала ограничилось только прибавленіемъ къ нему нѣкоторыхъ модныхъ формъ. Что касается горнаго населенія и населенія удаленныхъ отъ городовъ долинъ, то оно всегда оставалось и остается до сихъ поръ чуждымъ вліяніямъ моды, которая вслѣдствіе ближайшихъ сношеній съ Франціею всё рѣшительнѣе подчиняла себѣ народный костюмъ, оттѣсняя его въ глубь затерянныхъ въ долинахъ деревень.

Въ Италіи, вмѣстѣ съ возрастающимъ вліяніемъ Франціи на весь складъ тамошней общественной жизни, усиленнѣе распространялось и усвоеніе французскихъ формъ, переходя съ высшихъ классовъ на средніе, съ населенія большихъ городовъ на населеніе малыхъ. Слѣдствіемъ этого было то, что народный костюмъ въ городахъ изказился до неузнаваемости различными примѣсями, сохранившимися въ своей первоначальной чистотѣ только въ средѣ

¹ С. L. Hirschfeld (Briefe die Schweiz betreffend. Leipzig 1776. стр. 29 и слѣд.) говоритъ о нихъ: „Здѣшніе законы имѣютъ въ виду ввести въ нравы гражданъ нѣкоторую благородную простоту и одинаковость, и нельзя не похвалить ихъ за то, что они запрещаютъ всякую расточительность. Къ такимъ законамъ принадлежитъ запрещеніе мужчинамъ и женщинамъ носить на себѣ золотыя и серебряныя вещи и украшения и драгоценныя камни, вышитыя маншеты, одѣваться въ бархаты, манжетеры и вообще въ дорогія матеріи. Поэтому большинство мужчинъ ходятъ въ черномъ, а для правительственныхъ лицъ, академиковъ и студентовъ этотъ цвѣтъ обязателенъ“ и т. д. „Подобныхъ постановленій здѣсь очень много и они введены въ большей части швейцарскихъ городовъ“.

сельскаго населенія и у горожанъ нижней Италіи. Только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ Генуя и Венеція, женщины даже и высшихъ классовъ удержали при своемъ французскомъ костюмѣ нѣкоторыя народныя особенности и сохранили ихъ до конца столѣтія.

Путешественникъ А. Миллинъ писалъ о костюмахъ въ Генуѣ въ 1812 году: ¹ «Теперь всѣ одѣваются по-французски; а до революціи дворянство ходило въ черномъ, носило плащъ и парикъ, величиною и формою котораго оно отличалось отъ простыхъ гражданъ, прятавшихъ свои волосы въ родъ мѣшка изъ черной шелковой матеріи. И дамы тоже одѣваются по французской модѣ и чаще всего тоже въ черный цвѣтъ. Женщины среднихъ классовъ носятъ еще и теперь на головѣ, зимою и лѣтомъ, родъ длиннаго покрывала изъ индѣйской матеріи съ большими цвѣтами». Эти покрывала назывались *mezzago*. О нихъ упоминаетъ и Фолькманнъ ², писавшій ранѣе Миллина, еще въ 70-хъ годахъ: «Женщины, которыя ходятъ нѣшкомъ, покрываются, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, когда погода бываетъ очень непостоянна, покрываломъ изъ шолковой матеріи. Оно закрываетъ имъ голову, плечи и руки, скрываетъ лицо отъ любопытныхъ взглядовъ, защищаетъ ихъ отъ дурной погоды и берегаетъ ихъ головные уборы. Дамы, которыя заставляютъ носить себя въ портшезахъ—такъ какъ въ городѣ по причинѣ тѣсныхъ улицъ экипажей не водится—не носятъ такого покрывала.»

Тотъ же путешественникъ сообщаетъ о Венеціи: «Дамы одѣваются, говоря вообще, на французскій манеръ, но въ костюмѣ ихъ есть нѣкоторыя особенности. Напр. онѣ носятъ очень тугіе корсеты, косу на головѣ свертываютъ или завязываютъ бантомъ. Онѣ ходятъ большею частью съ открытою головою и съ обнаженною грудью. До сихъ поръ онѣ еще настолько умны, что не пачкаютъ себѣ щекъ румянами, какъ это дѣлаютъ парижанки. Онѣ очень стѣснены уставомъ объ одеждѣ. Только жоны посланниковъ, иностранки и родственницы дожа имѣютъ право одѣваться въ дорогія матеріи.... Женщины среднихъ классовъ носятъ французскія платья, но съ узкими рукавами, и родъ покрывала на головѣ (*cepdal*), какъ болоньезки. Молодыя дѣвушки заплетаютъ волосы или носятъ ихъ распущенными; крестьянки ходятъ въ соломенныхъ шляпахъ и затыкаютъ себѣ за уши цвѣты, что очень красиво..... Городскія власти носятъ необыкновенно большіе парики, закрывающіе имъ половину спины. Благородные (*nobili*) обыкновенно одѣваются въ черное и носятъ длинные кафтаны, похожіе на наши шлафроки.... Костюмъ гондольеровъ похожъ на морской: длинные панталовы, короткая куртка и шапка цвѣта ливреи той фамиліи, которой гондольеръ служитъ.» На общественныхъ балахъ, которые давались въ теченіе трехъ дней по случаю избранія дожа, члены совѣта танцовали въ своихъ красныхъ одѣяніяхъ и громадныхъ парикахъ; а дамы въ туго затянутыхъ робахъ, блистая всеми своими драгоценностями. На такіе балы всѣ посланники и иностранцы являются въ маскахъ...

¹ A. L. Millin. Reise durch Savoyen und Piemont nach Nizza und Genua. Aus d. Franz. von C. Riug. Carlsruhe 1817. II, 229. — ² J. Volkmann. Historisch—kritische Nachrichten von Italien 2. Aufl. Leipzig 1777. III, 900 и слѣд.

Только при избраніи дожа дамы одѣваются въ красныя робы, во всѣхъ же другихъ случаяхъ въ черныя.»

О римскихъ дамахъ сообщаетъ тотъ же Фолькманнъ: «Онѣ одѣваются по-французски, но слишкомъ туго шнуруются и отъ этого кажутся какъ бы скованными.... Ихъ упрекаютъ въ томъ, что онѣ недовольно аккуратны въ своемъ туалетѣ и вообще не особенно опрятны. Странно, что онѣ не любятъ никакихъ духовъ и помадъ, которыя однакожъ въ Римѣ прекрасно изготовляются, и увѣрены что отъ нихъ онѣ падаютъ въ обморокъ. Многія даже и въ церквахъ становятся какъ можно дальше отъ алтаря, воображая, что не могутъ переносить запаха ладана....» По отношенію къ мужчинамъ, ученый Морицъ, бывшій въ Римѣ въ концѣ 80-хъ годовъ, замѣчаетъ слѣдующее: Здѣсь называется аббатомъ всякій кто носитъ священнической костюмъ съ коротенькимъ плащомъ и воротникомъ, а ходятъ въ такомъ костюмѣ всѣ, кто только можетъ его себѣ сшить, потому что никакого особеннаго разрѣшенія носить его не нужно. Можно сказать такъ: кто въ Англіи зовется джентельменомъ, тотъ здѣсь аббатъ; кто тамъ сквайръ или баронетъ, тотъ здѣсь прелатъ; а тамошній лордъ или перъ равняется здѣшнему кардиналу.... Такъ какъ духовное сословіе здѣсь самое почетное, то всякій, желающій прослыть образованнымъ человѣкомъ, старается надѣть на себя его мундиръ. Даже и должностныя званія ступовываются передъ титуломъ аббата, который здѣсь все; такъ напр. сынъ моей хозяйки служить секретаремъ въ одномъ правительственномъ учрежденіи; но его титулуютъ все таки *signor abbate* и онъ носитъ костюмъ аббата.... Целѣнѣе всего этотъ костюмъ на молодыхъ людяхъ и мальчишкахъ, а здѣсь почти всѣ дѣти хорошихъ фамилій одѣты аббатами. Только князь Боргезе составляетъ исключеніе: онъ самъ одѣвается по англійски, а его сыновья носятъ цвѣтныя кафтаны и косы.

Относительно Неаполя, многіе путешественники указываютъ на необыкновенную роскошь, съ какою тамошняя знать выѣзжала вечеромъ кататься вдоль морского берега, на богатое убранство экипажей и лошадей, на скороходовъ и лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ, и на блистающихъ драгоценными камнями и дорогими кружевами ихъ господъ и госпожъ.

Въ Польшѣ и Венгріи даже и высшія сословія продолжали еще носить національный костюмъ, хотя уже и не такъ исключительно какъ прежде. Въ Польшѣ на эту перемену имѣло вліяніе внутреннее положеніе страны, не однимъ только тѣмъ, что оно подрывало общее благосостояніе, но еще болѣе тѣмъ, что оно заставляло польскихъ магнатовъ прибѣгать къ помощи иностранныхъ державъ, которымъ окончательно подпало и само королевство. Еще во время Августа II (до 1733) польская знать съ нѣкоторою гордостью носила свой національный костюмъ. Но уже при Августѣ III (до 1763 г.), безусловномъ поклонникѣ современнаго вкуса, наклонность къ модѣ начала проявляться и въ средѣ дворянства, чтобы затѣмъ, не смотря на возрастающую бѣдность, быстро усилиться и распространиться на всѣ классы. Еще прежде распаденія Польши, до ея перваго раздѣла (1773), французскіе нравы и обычаи были уже въ ней прочно водворены,

и французскій костюмъ до такой степени вытѣснилъ туземный, что онъ держался только между бѣднымъ сельскимъ дворянствомъ, а послѣ второго раздѣла, сталъ исключительно одеждою крестьянъ и нисшихъ классовъ городского населенія.—Неизвѣстный авторъ «Путешествія въ Варшаву» (*Reise eines Liefländers nach Warschau*), вышедшаго въ 1795 году, пишетъ о Польшѣ: «Франція была всегда любимицею Поляковъ. Они перѣдко посылаютъ своихъ дѣтей въ Страсбургъ и Парижъ учиться наукамъ и свѣтскимъ обычаямъ. Они выписываютъ оттуда всякаго рода учителей, лѣкарей, камердинеровъ, парикмахеровъ, портныхъ, модистокъ и т. д. и населяютъ ими свои города. Живутъ они въ убранныхъ во французскомъ вкусѣ домахъ, спятъ на французскихъ кроватяхъ, одѣваются во французскія матеріи. Такъ какъ въ ихъ характерѣ есть много общаго съ французскимъ, то они тѣмъ легче усваиваютъ себѣ французскіе нравы; а такъ какъ они въ тоже время знакомятся и съ французской литературой, особенно съ великосвѣтскою, то они усвоили себѣ и французскій взглядъ на вещи».—Въ Венгріи высшія сословія хотя тоже промѣняли національную одежду на французскій костюмъ, но не только не покинули её совсѣмъ, а напротивъ, сохранили её для особенно торжественныхъ случаевъ, какъ напр. народныхъ празднествъ, коронаваній и т. д., когда всё дворянство, въ особенности высшее — собственно магнаты, являлось во всемъ великолѣпнн своего стариннаго наряда, какъ представитель венгерской народности ¹.

Какіе успѣхи сдѣлала западноевропейская манера одѣваться въ Россіи, со времени введенія ея въ этой странѣ Петромъ I до исхода 18-го столѣтія, видно изъ замѣтокъ современниковъ, наблюдавшихъ одежду и образъ жизни различныхъ классовъ столичнаго населенія въ Петербургѣ и Москвѣ. Такъ одинъ изъ нихъ пишетъ между прочимъ о Петербургѣ (въ 1792 г.) ²:

«Ни въ одной странѣ разниа между образомъ жизни простаго народа и непосредственно надъ нимъ стоящаго слоя средняго класса такъ не велика, какъ въ Россіи. Между тѣмъ какъ первый живетъ по старинному обычаю и отчасти очень бѣдно, въ послѣднемъ встрѣчаются уже нѣкоторая роскошь, знакомство съ иностранными манерами и такая доля гражданской свободы, какою этотъ классъ едва ли гдѣ пользуется.... И одѣваются они довольно богато, особенно женщины, которыхъ иногда бываетъ трудно отличить по костюму отъ женщинъ высшаго общества.... Вообще говоря, средній классъ въ Петербургѣ живетъ богаче и комфортабельнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ большихъ городахъ Европы. И эта зажиточность проявляется не въ той или другой какой либо сторонѣ жизни, а во всемъ ея складѣ: жилище, столъ, одежда, прислуга, экипажи — всё носитъ на себѣ ея печать..... Въ мужскомъ костюмѣ съ нѣкоторыхъ поръ преобладаетъ здѣсь англійскій вкусъ. Кромѣ случаевъ, обязательно требующихъ извѣстнаго костюма, во всякое общество можно являться во фракѣ. Какъ ни удобно

¹ Ср. прекрасные раскрашенные рисунки у T. Mollo: *Erinnerungsblätter an die Krönung S. K. H. des Erzherzogs Ferdinand zum König von Ungarn in Presburg den 24 Sept. 1830*, Wien. gr. Fol.—² Heinrich Storch. *Gemälde von St. Petersburg*. Riga 1793.

это обыкновеніе, оно обходится дорого тѣмъ, кто хочетъ постоянно быть одѣтымъ по модѣ. Впрочемъ нигдѣ такъ не легко устоять противъ увлеченія модами какъ здѣсь, гдѣ всякій можетъ одѣваться какъ ему угодно, не боясь показаться смѣшнымъ. Новые фасоны, бросающіеся въ глаза своею странностью, принимаются не легко, и вообще, какъ мужчины, такъ и женщины соблюдаютъ въ своей манерѣ одѣваться извѣстный декорумъ, дѣлающій имъ честь въ глазахъ каждаго благоразумнаго наблюдателя... Смѣшная пышность, которая всё еще такъ соблазняетъ щеголей нѣкоторыхъ нѣмецкихъ столицъ, давно уже изгнана здѣсь изъ всѣхъ круговъ средняго класса, и если еще держится въ придворной средѣ, то лишь какъ обременительный условный обычай, который стараются всячески облагородить изящнымъ вкусомъ».... «Обыкновенная одежда, въ которой подчиненные являются къ своимъ начальникамъ или нисшіе представляются высшимъ, есть мундиръ петербургскаго намѣстничества: свѣтлоглубой кафтанъ съ черными отворотами и желтыми пуговицами, бѣлый жилетъ и такіе же панталоны. Прежде мундиры часто встрѣчались и въ гостиныхъ, но теперь военные и статскіе предпочитаютъ ходить во фракъ, такъ какъ онъ менѣе выдаетъ ихъ званіе».... «Въ туалетахъ женскихъ господствуетъ большая роскошь, какъ и естественно. Англійская простота вытѣснила, правда, дорогія шолковыя матеріи, но безъ всякой выгоды для кошельковъ отцовъ и мужей, потому что бѣлыя англійскія и индійскія матеріи мараются изнашиваются скорѣе шолковыхъ. Повидимому дамы здѣшнія особенно щеголяютъ головными уборами.... Множество модныхъ магазиновъ, передъ дверями которыхъ перѣдко стоятъ по десятку и болѣе экипажей, огромныя цѣны, которыя тѣ берутъ за свой легкій товаръ и быстрое обогащеніе однихъ и такое же раззореніе другихъ, заставляютъ предполагать что эту вѣтвь коммерціи привлекаются въ обращеніе огромныя суммы».... «Такъ какъ во всемъ замѣтно стремленіе къ простотѣ, то и въ среднемъ классѣ начинается выводиться мода украшать себя цвѣтными блестящими камнями. Развитый вкусъ петербургскихъ дамъ и свойственное имъ чувство изящества даютъ имъ всякую возможность замѣнить это дорогое украшеніе болѣе простымъ и не менѣе пріятнымъ для глазъ».

О Москвѣ разсказывается (отъ 1800 г.) слѣдующее: ¹ «Многочисленное дворянство живетъ болѣе или менѣе одинаково, не отставая въ своей обстановкѣ отъ общепринятаго въ самыхъ образованныхъ странахъ.... Купечество и средній классъ придерживаются уже болѣе народнаго обычая, а крѣпостные (составляющіе по крайней мѣрѣ пять шестыхъ всего населенія Москвы) свято соблюдаютъ обычаи своихъ предковъ».... «Во время моего пребыванія въ Москвѣ, тамошнее высшее общество слѣдовало господствующей модѣ и притомъ съ такимъ вкусомъ и изяществомъ, что въ этомъ отношеніи уступало развѣ только однимъ парижанамъ. Матеріи для платьевъ обыкновенно отличной доброты и болѣею частью выписаны изъ Франціи и Англіи; впрочемъ въ большомъ ходу прекрасныя шолковыя матеріи, выдѣлываемыя въ Москвѣ».... «Женщины средняго сословія и даже жоны

¹ Engelbert Wichelhausen. Züge zu einem Gemälde von Moskwa etc. Berlin. 1803.

и дочери ремесленниковъ одѣваются гораздо богаче и съ большимъ вкусомъ, чѣмъ въ Германіи и во многихъ другихъ европейскихъ странахъ.... Очень часто дамы носятъ на каждомъ пальцѣ рукъ по большому брилліантовому кольцу, браслеты, серьги и другіе уборы изъ великолѣпныхъ драгоценныхъ камней и жемчуга. Звѣзды, аксельбанты, орденскіе кресты, аграфы на шляпахъ, осыпанные превосходѣйшими брилліантами, не составляютъ рѣдкости. Нѣкоторые вельможи даже вмѣсто пуговицъ на кафтанѣхъ носили большіе солитеры, стоящіе милліоны.... Такая же роскошь и въ дорогихъ мѣхахъ. Соболѣи шубы отъ 1000 до 5000 рублѣй очень обыкновенны.... У каждаго ремесленника есть шуба, покрытая шелковой или другой какой подобной матеріей и стоящая отъ 50 до 60 рублѣй. Самая послѣдняя крѣпостная дѣвушка выходитъ зимою со двора не иначе какъ въ шелковомъ салонѣ на заячьемъ мѣху. Винчуръ изъ обыкновенныхъ волчьихъ шкуръ, въ которыхъ иногда ходятъ въ Германіи важные господа, въ Москвѣ носитъ только прислуга.... Московскіе щеголи, *incroyables* и *elegants*, очень щепетилны въ выборѣ костюма для различныхъ временъ года; поэтому иное платье надѣвается не болѣе двухъ разъ, такъ какъ можетъ быть черезъ годъ мода предпишетъ другой костюмъ для того сезона, для котораго оно сшито....¹ Въ покрое платья слѣдуютъ большею частію французскій модѣ и одѣваются вообще очень узко и тѣсно.... Женскіе наряды стали гораздо естественнѣе и выгоднѣе для здоровья, съ тѣхъ поръ какъ всѣ смѣшныя накладки и подкладки были изъ нихъ изгнаны менѣе уродующими фигуру дополненіями.... Румяна и бѣлила у русскихъ въ большомъ употребленіи. Женщины средняго класса расписываютъ себѣ лицо такъ неумѣло, что становятся похожими на куколъ; къ тому же онѣ еще чернятъ себѣ зубы. Свѣтскія дамы тоже румянятся, хотя и съ большимъ искусствомъ, но нерѣдко все таки еще очень грубо. Нѣкоторыя бѣлятъ себѣ грудь и руки, красятъ волосы и брови.... Для охраненія красоты и здоровья москвитянокъ было бы желательно, чтобы полиція обращала вниманіе на лавки французскихъ модъ и духовъ и не допускала бы въ нихъ продажи разныхъ подозрительныхъ притираній, вредныхъ эссенцій, *vinaigres de virginité* и другихъ еще болѣе непозволительныхъ вещей, свидѣтельствующихъ о крайней нравственной распушенности ихъ изобрѣтателей.

Одѣяніе государей и должностныхъ отличій.

Въ одѣяніи государей не произошло почти никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ²; только короновальной нарядъ русскихъ государей былъ измѣненъ

¹ *Satyres de Mr. le Prince Cantemir avec l'histoire de sa vie. London. 1749. —*

² Въ дополненіе къ вышеназваннымъ сочиненіямъ (см. стр. 308) назовемъ еще нѣсколько изъ позднѣйшихъ: *Percier et Fontaine. Description des cérémonies et des fêtes qui ont eu lieu pour le couronnement de Napoléon et de Josephine, etc. Paris 1807. Sacre de S. M. Charles X. Avec II pl. Paris 1825. The coronation of the most sacred Majesty George the 4-th etc. London 1824. (Великолѣпное изданіе*

Петромъ I, который прежде роскошное царское облаченіе замѣнилъ болѣе простымъ и ближе къ западноевропейскому подходящимъ орнатомъ, и во Франціи былъ установленъ совершенно новый орнатъ Наполеономъ I при коронованіи его въ императора. Орнатъ этотъ былъ подражаніемъ, довольно впрочемъ произвольнымъ, одѣянію римскихъ цезарей, съ прибавленіемъ къ нему эмблемы пчелы, заимствованной изъ украшеній, найденныхъ въ гробницѣ Хильперика вмѣстѣ съ мечомъ и другими вещами. Орнатъ состоялъ изъ длинной тунники изъ бѣлаго атласа съ неширокими цѣльными рукавами, расшитой по подолу, на бокахъ, на плечахъ и рукавахъ золотыми украшеніями; изъ бѣлаго широкаго пояса съ золотою бахромою; темнокрасной мантіи испещренной золотыми пчелами, съ золотымъ шитьемъ по бортамъ, подложенной горностаемъ и съ горностаевою пелериной; кружевной фрезы, бѣлыхъ чулокъ и золотомъ вышитыхъ башмаковъ въ формѣ сандалій, бѣлыхъ перчатокъ, золотого меча римской формы, золотого спереди разомкнутого лавроваго вѣнка и золотого скипетра съ такимъ же орломъ на верхушкѣ. — Этотъ орнатъ былъ принятъ въ полномъ своемъ составѣ, только съ замѣною эмблемы пчелы, другими государями, возведенными на престолъ или утвержденными на немъ Наполеономъ (въ томъ числѣ и его братомъ Жерономъ, королемъ Ветейфельскимъ, замѣнившимъ пчелу скачущимъ львомъ), между тѣмъ какъ другіе государи, напр. Баварскій король, заимствовали изъ него покрой мантіи, который и впослѣдствіи почти не измѣнился. Напротивъ того, въ самой Франціи, съ возстановленіемъ королевства былъ возстановленъ и прежній королевскій орнатъ.

Что касается придворной и официальной или должностной одежды, то первая, не отличаясь покроемъ отъ обыкновеннаго свѣтскаго платья представляла только различія въ цвѣтѣ и серебряномъ или золотомъ шитьѣ, смотря по чину и должности носящаго. Поэтому она почти вездѣ была одинакова и состояла изъ кафтана фракнаго покроя, жилета, сначала съ клапанами, а потомъ простаго, но всегда бѣлаго, короткихъ бѣлыхъ или черныхъ штановъ, чулокъ такихъ же цвѣтовъ съ башмаками, большого парика, впослѣдствіи замѣненнаго пудрею прическою, треугольной шляпы и шпаги. Подобны этому костюму, но отличаясь отъ него и между собою цвѣтомъ и отдѣлкой, были прусскій и австрійскій придворные мундиры и введенный въ Россіи Екатериною II дворянскій мундиръ. Исключенія представляли, установленный въ Швеціи Густавомъ III черный придворный костюмъ старопанскаго покроя, и должностныя одежды нѣкоторыхъ ученыхъ корпорацій въ Англіи, удержавшихъ вмѣстѣ съ старинною одеждою и большіе парики. Въ нѣкоторыхъ государствахъ была установлена уже въ первыхъ годахъ столѣтія особая одежда для судебнаго персонала, даже и для адвокатовъ. Такъ, между прочимъ, въ Испаніи, гдѣ уже закономъ 1723 года была присвоена коррехидорамъ черная одежда, и въ Пруссіи, гдѣ указомъ Фридриха Вильгельма I было строжайше предписано адвокатамъ одѣ-

съ портретами всѣхъ придворныхъ чиновъ). T. v. Silfwerskyöld Krönung und Huldigung Oskars 1, Königs von Schweden und Norwegen etc. Berlin 1845. Couronnement de l'Empereur Alexandre II. Publié par l'ordre de Sa Majesté. St. Pétersbourg. Imp. fol.

ваться не иначе какъ въ черное и носить короткій плащъ, «дабы каждый могъ ихъ узнавать».

Во Франціи, вмѣстѣ съ паденіемъ королевства, исчезли и всѣ государственнo-должностныя отличія. За востановленіе ихъ принялась Директорія, но руководясь при этомъ единственно господствовавшимъ направлениемъ вкуса и призывавъ на помощь себѣ художниковъ. Результатъ получился довольно странный. Желая создать для каждой должности, отъ членовъ Директоріи до послѣдняго чиновника, такой костюмъ, который былъ бы характеристиченъ и своеобразенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, смѣшали греческія и римскія формы, частію превратно понятыя, съ формами 16 и 17 столѣтій и совершенно современными, и получили цѣлый гардеробъ самыхъ странныхъ театральныхъ костюмовъ¹. Напр. Члены Совѣта пяти-сотъ носили длинную бѣлую тунику съ рукавами и золотымъ нитьемъ по подолу, синій шарфъ, красный плащъ съ синею каймою, и темносинюю бархатную шапку (toque) съ прорѣзами и краснымъ подбоемъ. Члены Совѣта старшинъ (Conseil des Anciens) — костюмъ такого же покроя; туника лиловая съ красной каймою, красный шарфъ, бѣлый съ красной оторочкой плащъ и голубая съ бѣлымъ шапка. Члены исполнительнаго Совѣта (Directoire exécutif), костюмъ ежедневный: бѣлая распахнутая нижняя одежда съ золотымъ бордюромъ и синимъ отложнымъ воротникомъ, голубой шарфъ съ золотымъ галуномъ, красная распахнутая же верхняя одежда на бѣлой подкладкѣ, съ отвороченными полами, цѣльными узкими рукавами и широкимъ воротникомъ, по бортамъ, по воротнику и на обшлагахъ вышитая золотомъ, бѣлые трико, черныя башмаки съ голубыми бантами, черная шляпа съ трехцвѣтными перьями и золотой римскій мечъ. Въ парадномъ костюмѣ верхняя одежда синяя съ бѣлыми отворотами, шарфъ бѣлый и красный плащъ, по бортамъ вездѣ золотое шитье. Секретарь исполнительнаго Совѣта — такой же костюмъ, но весь черный. Министры — такой же костюмъ, но нижняя одежда, подкладка и отвороты верхней яркoкраснаго цвѣта, по бортамъ черная кайма; шарфъ бѣлый съ золотымъ галуномъ, трико тоже яркoкрасныя, башмаки съ красными бантами, въ шляпѣ три красныхъ пера. *Messenger d'Etat*: короткій бѣлый кафтанъ съ голубыми лацканами, отороченный краснымъ; голубой шарфъ, испанскій плащъ синяго цвѣта на красной подкладкѣ и съ такой же оторочкой; голубые трико и высокія отороченныя краснымъ ботинки. *Huissier* исполнительнаго Совѣта и законодательнаго корпуса: такой же костюмъ, но черный, только шарфъ красный съ золотымъ галуномъ и вмѣсто шляпы красная шапка съ прорѣзами, на бѣломъ подбоѣ и съ краснымъ перомъ; въ рукѣ черный жезлъ съ серебрянымъ яблокомъ. Члены и прокуроры Верховнаго Суда (*Haute cour de Justice*): такой же костюмъ какъ и членовъ Совѣта Старшинъ, но весь бѣлый съ голубой и красной отороч-

¹ См. превосходные раскрашенные рисунки въ листъ, рисов. и гравиров. Шатенне (Chataignier.) въ Парижѣ в *Costumes des Représentants du peuple, Membres des Deux Conseils, du Directoire exécutif etc. Dont les dessins originaux ont été confiés par le Ministre de l'Intérieur au citoyen Grasset S. Sauveur; gravés par le citoyen Labrousse, etc. A Paris, chez Derooy (1796) 80.*

кой, шапка съ краснымъ подбоемъ. Члены гражданскаго Суда (Tribunal Civil): кафтанъ съ скошенными фалдами, короткій камзолъ, поколѣнные штаны и чулки, простой плащъ — всё чернаго цвѣта; бѣлый галстукъ. черная шляпа съ тремя черными перьями и вокругъ шеи трехцвѣтная лента. Члены Уголовнаго Суда и Мировые судьи — тотъ же костюмъ, только у послѣднихъ шляпа безъ перьевъ. Члены администраціи департаментовъ (administration departementale): костюмъ похожій покроемъ на министерскій; нижняя одежда синяя съ красной выпушкой; шарфъ бѣлый; верхняя одежда черная на синей подкладкѣ и съ синими отворотами, трико черныя, банты на башмакахъ синіе, шляпа черная съ тремя перьями національныхъ цвѣтовъ. Казначей (Trésorier) — обыкновенная фракная пара чернаго цвѣта съ вышитымъ на лѣвой сторонѣ фрака золотымъ ключемъ. Призидентъ муниципальнаго управленія (Administration municipale) — костюмъ мировыхъ судей, весь черный, черезъ лѣвое плечо трехцвѣтный шарфъ съ золотомъ. Секретарь обоихъ совѣтовъ (Secrétaire des Deux Conseils): кафтанъ ниже колѣнъ съ узкими завороченными рукавами и съ застежкой на груди, шарфъ, плащъ съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ; трико — всё темнопурпурнаго цвѣта; плащъ отороченъ чернымъ; высокіе башмаки съ золотою обшивкою, высокій бѣлый галстукъ и черная шляпа съ тремя черными перьями. Huissier des deux Conseils: кафтанъ свѣтложелтый, шарфъ темносиній съ трехцвѣтной бахромой, плащъ и трико синіе, башмаки обшиты краснымъ, шляпа въ синемъ перомъ; при этомъ бѣлая трость. — Всѣ эти чины носили собоиственные волосы, гладко причесанные и неупудренные.

Будучи еще консуломъ, Наполеонъ намѣревался возстановить придворные костюмы прежняго королевскаго двора и по вступленіи своемъ на престолъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, установивъ для всѣхъ сановниковъ имперіи, и для себя самого, костюмы совершенно одинаковаго покроя, но различавшіеся цвѣтомъ и отдѣлкой. Костюмы эти были настолько подражаніемъ костюмамъ двора Людовика XIV, насколько это допускалъ господствующій вкусъ и состояли изъ кафтана съ скошенными полами, небольшимъ стоячимъ воротникомъ и узкими обшлагами, недлиннаго камзола, широкаго шарфа, простаго плаща спускавшагося, какъ и кафтанъ, нѣсколько ниже колѣнъ, съ широкими отворотами и четырехугольнымъ стоячимъ воротникомъ, галстука съ висящими концами, маншеть, короткихъ штановъ съ чулками и башмаками, треугольной шляпы съ перьями и шпаги; при этомъ короткая (наполеоновская) прическа. Камзолъ, штаны и чулки, галстукъ, маншеты и шарфъ полагались бѣлые (послѣдній только у меровъ былъ яркочерный); башмаки и шляпа — черныя; подкладка плаща и отвороты тоже бѣлые. Особенности отличія: 1. Обыкновенный костюмъ императора — кафтанъ и плащъ яркочерные; на кафтанѣ, и на отворотахъ плаща и на камзолѣ золотое шитье; на шляпѣ четыре бѣлыхъ страусовыхъ пера на башмакахъ золотыя пряжки. 2. Такой же костюмъ коннетабля: кафтанъ и плащъ желтоватобѣлые, съ золотымъ шитьемъ по бортамъ, плащъ усеянъ золотыми ичелами; камзолъ съ золотымъ бордюромъ, шляпа и пряжки на башмакахъ какъ у императора. 3. Парадный костюмъ маршаловъ имперіи — кафтанъ и плащъ темносиніе, оба съ

золотымъ шитьемъ, также и камзолъ; шляпа какъ у императора. 4. Такой же костюмъ *Grand marechal du Palais*: кафтанъ и плащъ вишневаго цвѣта, тотъ и другой и камзолъ съ серебрянымъ шитьемъ; шляпа съ серебряной петлицей и четырьмя перьями; пряжки на башмакахъ серебряныя. 5. Костюмъ министровъ: кафтанъ и плащъ синіе съ серебрянымъ шитьемъ, на камзолѣ такое же шитье; шляпа съ 4 перьями; пряжки серебряныя. 6. Костюмъ сенаторовъ: кафтанъ и плащъ темносиніе, подкладка и отвороты плаща свѣтложолтые, шитье золотое, неширокое; шляпа и пряжки, какъ у министровъ. 7. Костюмъ государственныхъ совѣтниковъ (*conseillers d'État*): кафтанъ и плащъ темносиніе, съ бордюромъ изъ серебряныхъ листьевъ; пряжки серебряныя. 8. Костюмъ церемоніймейстера: кафтанъ и плащъ фіолетовые съ серебромъ. 9. Костюмъ префектовъ: кафтанъ темносиній съ серебряными листьями, плаща нѣтъ, шляпа безъ перьевъ. 10. Костюмъ меровъ отличался отъ предыдущаго только рисункомъ шитья и краснымъ шарфомъ. 11. Костюмъ герольдмейстера: лиловая туника до икръ съ довольно широкими рукавами по локоть; на рукавахъ по одному, на груди и на спинѣ по три золотыхъ орла, по бортамъ золотое шитье; бѣлый шарфъ съ золотыми кистями; бѣлая нижняя одежда съ длинными рукавами въ обтяжку; бѣлые трико; вышитыя золотомъ полусапожки; небольшая треугольная шляпа фіолетоваго цвѣта, съ золотой петлицей и четырьмя узкими бѣлыми перьями; золотой довольно длинный мечъ и короткій жезлъ.

Для лицъ судебнаго и ученаго вѣдомствъ были также установлены официальные костюмы старшинаго широкаго покроя взамѣнъ прежнихъ республиканскихъ. Для членовъ кассационнаго суда — длинная красная мантия съ бѣлой мѣховой пелериной и красная шапка; для президента — такая же мантия опушенная горностаемъ; для президента суда первой инстанціи такая же мантия, шапка оторочена золотомъ; для судей и адвокатовъ — черная мантия и черная шапка; для профессоровъ *Ecole de Droit* парадный костюмъ — красная мантия съ горностаевой опушкой; костюмъ обыкновенный — черная мантия отороченная краснымъ; для профессоровъ университета — черная мантия, съ желтымъ воротникомъ опушеннымъ бѣлымъ мѣхомъ, и черная шапка.

Введенные Наполеономъ придворные костюмы были приняты, покрайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ формахъ, въ большей части европейскихъ дворовъ, даже и нѣмецкихъ.

2. Оружіе и вооруженіе

упростились еще болѣе въ своемъ составѣ, а то немногое, что еще оставалось отъ собственно оборонительнаго вооруженія — даже и въ формѣ.

Давно уже вошедшія въ употребленіе, взамѣнъ шлема, каски безъ забрала и нашейника, только съ козырьками спереди и сзади и съ узкими нащечниками, дѣлались теперь большею частью изъ твердой кожи съ металлическими накладками, и очень рѣдко цѣльныя металлическія. Накладки эти состояли изъ желѣзныхъ цѣпочекъ и полосокъ, которыя прикрѣплялись крестъ на крестъ на верхушкѣ каски. Цѣпочки были въ употребленіи

въ прусской арміи, а полоски въ имперской и саксонской, преимущественно однакожь у конницы, но и то лишь до 1795 г. Во французской арміи уже со второй половины столѣтія были введены каски войлочныя, обтянутыя клеенкой, съ подбоемъ изъ соломы и конскаго волоса. Послѣ семилѣтней войны кожаныя каски были приняты въ голландской арміи, а во время войны революціи и въ австрійской, но въ послѣдней опять отмѣнены въ 1805 г. за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей кавалеріи: драгунъ, кирасиръ и легкой конницы; эти каски были безъ гребня. Такія же каски были даны въ 1809 г., по образцу русскихъ кирасиръ и драгунъ, и прусскимъ кирасирамъ, а въ Баваріи — пѣхотѣ и легкой кавалеріи. Въ то же время для нѣкоторыхъ частей пѣхоты были снова приняты мѣдныя каски, но болѣе въ качествѣ параднаго вооруженія; напр. украшенныя длинными лошадиными хвостами мѣдныя каски французскихъ драгунъ и кирасиръ.

Кираса удержалась тоже преимущественно въ кавалеріи, именно у получившихъ отъ нея свое названіе кирасиръ. Кирасы дѣлались довольно неуклюже изъ листового желѣза и обыкновенно покрывались сплошь чорнымъ лакомъ, пока вмѣстѣ съ мѣдными касками не были снова введены и свѣтлыя кирасы. Впрочемъ уже съ половины столѣтія пашинникъ кирасы часто дѣлался изъ кожи, войлока, или и вовсе отпадалъ. Такія (половинныя) кирасы назывались «легкими:» онѣ прекратились посредствомъ двухъ ремней съ пряжками, перекрещивавшихся на спинѣ. Къ исходу столѣтія кирасы во многихъ арміяхъ были вовсе оставлены.

Какъ остатокъ прежняго шлемнаго ворота удержался, постепенно уменьшаясь въ объемѣ, полулуной формы щитокъ, серебряный или вызолоченный, съ вензелемъ или гербомъ царствующаго государя, «имѣющій назначеніе отличать отправляющаго служебныя обязанности офицера и присвоенный всѣмъ офицерамъ отъ полковника до прапорщика.» ¹

Составъ папачательнаго оружія точно также уменьшился. Съ тѣхъ поръ какъ былъ введенъ штыкъ, сначала во французской арміи (1699 г.), а вскорѣ затѣмъ и въ другихъ арміяхъ, и замѣнилъ собою конье или пику (впослѣдствіи снова принятую по почину Фридриха II), оружіе это въ половинѣ столѣтія состояло, кромѣ эспонтона, который просуществовалъ до 1806 г., но лишь въ качествѣ параднаго офицерскаго оружія, изъ мушкета со штыкомъ, сабли (палаша), шпаги, и введеннаго первоначально Фридрихомъ Вильгельмомъ для Прусской пѣхоты тесака.

Саблями была вооружена легкая, палашами тяжелая конница, а до 1750 г. и пѣхотные гренадеры; шпагами — пѣхота, за исключеніемъ офицеровъ нѣкоторыхъ частей, у которыхъ была сабля. Такъ какъ съ развитіемъ строеваго ученія длинная отъ 3 до 4 фут. шпага оказывалась все болѣе и болѣе неудобной для простыхъ солдатъ, то она была у нихъ сначала укорочена, а потомъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I, замѣнена тесакомъ съ прямымъ, довольно широкимъ, однолезвийнымъ и остроконечнымъ клинкомъ и простымъ эфесомъ. Во второй половинѣ столѣтія прямой тесакъ во

¹ Jacob von Eggers. Neues Kriegs-, Jäger-, Artillerie- und Ritter-Lexicon, worinnen Alles, was einem Offizier etc. zu wissen nöthig, satsum erklärt und mit Kpfen erläutert ist. Dresden u. Leipzig 1757.

многих арміяхъ былъ замѣненъ кривымъ, въ родѣ короткой сабли, а въ позднѣйшее время приспособленъ къ навинчиванью на ружье, чтобы служить вмѣсто штыка.

Длинные пикі были снова введены въ 1745 г. Фридрихомъ II, который вооружилъ ими своихъ босняковъ, по образцу польской кавалеріи. Впослѣдствіи были учреждены вооруженные пиками уланскіе полки въ Австріи, во Франціи (*lanciers*) и съ 1812 г. во многихъ германскихъ государствахъ. Длина пикъ доходила отъ 8 до 12 и до 16 футовъ.

Ручное огнестрѣльное оружіе получило такое значеніе, въ особенности въ пѣхотѣ—въ формѣ мушкета вооруженнаго штыкомъ, что при немъ всякое другое оружіе казалось почти излишнимъ, вслѣдствіе чего и были дѣлаемы предложенія ограничиться имъ однимъ. Такой успѣхъ мушкета зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ быстраго распространенія кремневого замка, послѣ того какъ онъ былъ введенъ во всей французской арміи въ 1699 году, и отъ немаловажныхъ улучшеній сдѣланныхъ въ самомъ оружіи, улучшеній, которыя были въ тоже время примѣнены и къ остальнымъ видамъ огнестрѣльнаго оружія, въ особенности къ кавалерійскимъ карабинамъ и пистолетамъ. Въ 1745 году, по указанію Морица Саксонскаго, было изготовлено въ видѣ опыта нѣсколько ружей, въ которыя пуля двигалась снизу посредствомъ пружины; опытъ этотъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Во время третьей саксонской войны, ганноверскимъ генераломъ Фрейтагомъ были изобрѣтены цилиндрическіе шомполы, вмѣсто прежнихъ съ широкимъ концемъ, которые нужно было при заряданіи оборачивать; новоизобрѣтенные шомполы были введены прежде всего въ прусской арміи въ 1773 году. — Важное измѣненіе въ огнестрѣльномъ оружіи произвело изобрѣтеніе пистоннаго замка (*percussionsschloss*) шотландцемъ Форсайтомъ въ 1807 году. Замокъ этотъ сталъ распространяться однакожъ не ранѣе какъ съ 1831 года, послѣ усовершенствованій сдѣланныхъ въ его устройствѣ Прелъ во Франціи и Гуллемъ въ Англіи (въ 1818), а затѣмъ въ 1821 г. Гесселемъ, Ленажемъ, Нишрô и др.

Параллельно съ усовершенствованіемъ военнаго устройства, умноженіемъ родовъ войска и ихъ дальнѣйшимъ расчлененіемъ, разнообразилась, постоянно видоизмѣняясь въ частностяхъ, и обмундировка войскъ¹, слагаясь сначала

¹ Для нагляднаго ознакомленія со всѣми послѣдовательными измѣненіями въ обмундировкѣ войскъ укажемъ на слѣдующія сочиненія: 1. для Франціи: G. Chéreau. Nouveau Recueil des Troupes qui forment la Garde et Maison du Roy etc. Paris 1756; Martinet. Galerie militaire. Paris 1815; H. Bellangé. Die Soldaten der franz. Republik und des Kaiserreichs. Leipzig 1843; Eug. Tieffé. Geschichte der Fremdstuppen im Dienste Frankreichs von ihrer Entstehung bis auf unsere Tage etc. Deutsch von S. de Carneville. München 1860; De Villain. L'Armée française. Paris. 2. для Германіи (и Австріи): H. F. v. Fleming. Der vollkommene teutsche Soldat Mit vielen Rissen und Kupfern Leipzig 1726; Die Armée Friedrichs des Grossen in ihrer Uniformirung; gezeichnet und erläutert von A. d. Menzel. Berlin 1851. 2 тома; Heilmann. Die Kriegskunst der Preussen unter Friedrich dem Grossen. Leipzig u. Meissen 1850; L. Wolf. Abbildungen der neuen königl. preussischen Armee Uniformen, nach der Natur gez. 1809 bis 1816; E. Robe. Uniformen des preussischen Heeres in ihren Hauptveränderungen bis auf die Gegenwart. Berlin 1846; L. Burger. Die königl. preussische Armee in ihrer neuesten Uniformirung. Berlin, 1859; J. Bermann. Die k. k. oesterreichische Armee im Laufe zweier Jahrhunderte; Sauerweid. Russisches

по французскимъ образцамъ, а впоследствии преимущественно по примѣру арміи Фридриха Вильгельма I и Фридриха II прусскихъ.

Фридрихъ Вильгельмъ I, солдатъ съ головы до ногъ, ограничивалъ обмундировку однимъ только цѣлесообразнымъ, требуя чтобы всё въ ней, до мелочей, было въ строжайшемъ порядкѣ, и самъ лично подавалъ этому примѣръ. Онъ тщательно заботился о томъ, чтобы его простой мундиръ былъ хорошо вычищенъ и сидѣлъ на немъ гладко. Просторное платье онъ ненавидѣлъ. Онъ носилъ солдатскую шляпу и, вмѣсто принятыхъ тогда бѣлыхъ штиблетъ, обыкновенно высокіе кавалерійскіе сапоги. Всѣ офицеры старались наперерывъ подражать ему въ этомъ не только по отношенію къ самимъ себѣ, но и по отношенію къ подчиненнымъ имъ частямъ. Въ то же время вошло въ обычай называть офицерскую одежду мундиромъ (*Uniform*), а солдатскую — обмундировкою (*Montirung*), раздѣляя послѣднюю на *Leibes-Montirung* и *Bei-Montirung* (главную и дополнительную). Къ первой принадлежали: кафтанъ, камзолъ, шинель, шляпа, а въ послѣдствіи, въ нѣкоторыхъ арміяхъ, и чулки; къ послѣдней — всё остальное: штаны, башмаки, галстухъ и т. д. Какъ остатки прежнихъ простыхъ отличекъ были удержаны, въ значеніи почетныхъ отличій, шарфы, султаны, темляки и офицерскіе значки; во второй половинѣ столѣтія къ нимъ прибавились еще аксельбанты и эполеты (въ формѣ кистей: *Achselquasten*). Впрочемъ, введенная Фридрихомъ Вильгельмомъ I обмундировка была довольно однообразна: кафтаны у всей пѣхоты были синіе, у кавалеріи бѣлые или свѣтложелтые и голубые (у драгунъ); штаны у пѣхоты красные, въ послѣдствіи у нѣкоторыхъ полковъ желтые, у другихъ бѣлые; у офицеровъ — съ галуномъ. Кавалеристы всѣ, а въ пѣхотѣ офицеры и унтеръ-офицеры, носили шляпы съ золотымъ или серебрянымъ галуномъ. — Такъ какъ король не любилъ войны, къ тому же ему не представлялось и случая испытать на дѣлѣ его такъ отлично вымуштрованное войско, то и случилось, что должно бы-

und österreichisches Militair. Wien; Gerasch. Die österreich. Armee von den ältesten Zeiten bis in die neueste Zeit. Wien; J. A. Klein. Suites des sujets militaires dessinés d'après nature et gravés à l'eau forte (русскія и австрійскія войска съ 1815 до 1818 г.) Mannheim; J. L. v. Stadlinger. Gesch. des württembergischen Kriegswesens von den frühesten bis auf die neueste Zeit; Mit 250 col. Abbild. Stuttgart 1856; Die neue württemberg. Armee. ibid 1867; Guido Schreiber. Bilder des deutschen Wehrstandes. Baden und der schwäbische Kreis. Karlsruhe 1831; F. Hant-hal. Gesch. der sächsischen Armee. Leipzig 1859. Mit Abbild.; A. Beck. Die kön. sächsische Armee in ihrer neuesten Uniformirung. Dresden 1868; C. Beyer. Das grossherz. Hessische Militair im Laufe zweier Jahrhunderte. Darmstadt 1856; Das deutsche Bundesheer etc. von H. A. Eckert. München. 3. *для Бавіи и Нидерландовъ*: Uniformes de l'armée belge. Bruxelles 1855; Martinet. Armees des souverains alliés. Année 1814. 4. *для Англіи*: Hamilton Smith. The costum of the army of the British Empire. London 1812; The costumes of the british army in 1828 by Gauci and R. Hull. London 1828; Beanush. Geschichte der englisch-deutschen Legion. Hannover 1863, 5. *для Давіи*: Th. Bergh. Den danske Armee og Marine. Kjöbenhavn (1864). 6. *для Швейцаріи*: A. Beck. Die Armee der Schweizer Eidgenossenschaft. 7. *для Испаніи*: Chr. Suhr. Sammlung verschiedener spanischen Nationaltrachten und Uniformen 1807—1808 Hamburg. 8 *для Россіи*: J. C. Erhard. Russisches Militair nach dem Leben gez. Augsburg 1813; J. A. Klein Suites des sujets militaires etc. Manheim; Sauerweid. Russische und österreich. Militairs etc. Wien; C. F. Zimmermann. Russische Militairgruppen in Abbdlugeu nach der Natur. Berlin. Висковатова. Истор. описаніе одежды и вооруженія рос. войскъ. Съ рис. Спб. 1841—1862.

ло случиться при постоянно усиливавшейся любви короля къ параднымъ ученьямъ, что строгій порядокъ обратился въ мертвый механизмъ, а заботы объ обмундировкѣ перешли въ страсть къ наряжанью. Въ такомъ положеніи была прусская армія, когда Фридрихъ II вступилъ на престолъ. Впослѣдствіи, создавъ себѣ свою армію, онъ не безъ ироніи отзывался о прежней въ такихъ выраженіяхъ: «Въ началѣ царствованія Фридриха Вильгельма занимались введеніемъ въ войскѣ порядка и дисциплины, а когда съ этой стороны было сдѣлано все возможное, то обратили всё вниманіе на одну только виѣшность: солдатъ заставляли чистить ружья такъ, чтобы они блестѣли, лошадямъ влетали въ гривы ленты. Въ концѣ концовъ, полезная сама по себѣ чистота и опрятность выродилась въ смѣшную страсть къ нарядности. Если бы миръ продолжился далѣе 1740 года, то по всей вѣроятности въ арміи были бы введены румяна и мушки. Самое главное въ войскѣ было упущено изъ виду и наша мыслительная способность мельчала съ каждымъ днемъ отъ занятій пустяками.»

Солдатъ Фридриха II образовала конечно война, потому-то они и приобрѣли значеніе образцоваго войска. Порядокъ и дисциплина въ арміи остались прежніе и палка продолжала еще господствовать въ ней, но натянутая парадность также какъ и щегольство исчезли. Строевое ученіе было во всѣхъ отношеніяхъ упрощено, вооруженіе улучшено, всѣ части войска были развиты образованіемъ новыхъ полковъ, вслѣдствіе чего и обмундировка стала разнообразнѣе. Ее составляли у пѣхоты: узкій кафтанъ по колѣна, съ широкими обшлагами и завороченными назадъ лапами, бѣлый камзолъ и такіе же короткіе штаны, бѣлыя, а впослѣдствіи черныя, суконныя гетры или камаша, доходившія до колѣна, черныя тупоносые башмаки и довольно высокая треугольная шляпа; пудреные волосы, на вискахъ завитые пуклей, и коса на затылкѣ. У кавалеріи: вмѣсто кафтана короткій колетъ, кожаные штаны, высокіе сапоги и на шляпѣ султанъ изъ перьевъ. И та и другая носили сабли на широкой портупей и перевязъ черезъ лѣвое плечо для патронташа. Къ вновь учрежденнымъ частямъ принадлежали вооруженные пиками полки босняковъ, и разукрашенные шнурами, петлицами и т. п. гусарскіе полки. По примѣру Пруссіи такіе же полки и въ такихъ же мундирахъ завели у себя и другія государства, за исключеніемъ Австріи, которая была вообще медленна на нововведенія. Вездѣ, за исключеніемъ Пруссіи, высшіе военные чины долго еще продолжали носить большіе парики, и долѣе всего въ Австріи, гдѣ они, также и какъ въ Англіи, не оставляли ихъ до 60-хъ годовъ.

Дальнѣйшее преобразованіе военнаго костюма послѣдовало подъ вліяніемъ французской революціи и въ особенности войнъ Наполеона, и снова по французскимъ образцамъ. Во французской арміи оно выразилось устраненіемъ шитья и галуновъ, завороченныхъ фалдъ, пудры и косъ. Треугольныя шляпы были замѣнены высокими киверами и кожаными касками, первые съ шнурами и съ высокимъ цилиндрическимъ султаномъ, послѣднія, частью съ шерстянымъ гребнемъ, частью съ лошадинымъ хвостомъ. Гетры остались въ пѣхотѣ еще нѣкоторое время и затѣмъ, вмѣсто нихъ, были введены въ нѣкоторыхъ полкахъ узкіе панталоны въ сапоги, а съ 1809 г., тоже въ отдѣльныхъ полкахъ, широкіе панталоны, по прусскому образцу, съ

лампасами. Эта форма была принята сначала въ шведской, затѣмъ въ русской и другихъ арміяхъ. Въ тоже время было возобновлено шитье и галуны на воротникахъ, обшлагахъ и т. д. офицерскихъ мундировъ; для обозначенія офицерскихъ ранговъ были введены во всѣхъ арміяхъ, кромѣ австрійской и баварской, эполеты. Въ этихъ же двухъ арміяхъ и въ виртембергской треугольныя шляпы въ пѣхотѣ были замѣнены, вмѣсто высокихъ киверовъ, какъ въ прочихъ арміяхъ, кожаными касками. Кавалерія, за исключеніемъ гусаръ, носила каски; австрійскіе стрѣлки и шведская пѣхота — шляпы съ завороченными полями.

Католическое облаченіе, сохраняя установленныя для него основныя формы, продолжало понижаться въ отношеніи достоинства матерій, значенія и стіля украшеній, поддѣляваясь при этомъ и въ покрое къ требованіямъ современной моды, насколько это было для него вообще возможно (см. выше стр. 323). Свѣтское духовенство одѣвалось совершенно по модѣ, только не носило никакихъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго.

Некатолическое духовенство, напротивъ того, строго держалось присвоенной ему одежды и даже долго, почти до исхода столѣтія, не рѣшалось отказаться отъ большого парика, который казался ему такимъ важнымъ дополненіемъ его костюма. Въ послѣднихъ годахъ столѣтія, докторъ Рандольфъ, епископъ Оксфордскій, попробовалъ было не носить парика, но долженъ былъ уступить представленіямъ своихъ сотоварищей и снова надѣть парикъ. — Въ 1811 году былъ изданъ въ Берлинѣ «Уставъ облаченія для протестантскаго духовенства въ Пруссіи» (*Amts-Kleidung für die protestantische Geistlichkeit der preussischen Länder*) съ отчетливо исполненными гравюрами и принять въ другихъ протестантскихъ странахъ. Указанное въ уставѣ облаченіе очень мало разнится отъ нынѣ употребляемаго, которое состоитъ изъ чернаго распашнаго талара застегивающагося на пуговицы, съ широкими рукавами и слегка загнутымъ стоячимъ воротникомъ, узкихъ бѣлыхъ баветокъ и круглой сверху расширяющейся шапки съ плоскимъ дномъ, сложеннымъ въ складки, расходящіяся лучами изъ подъ плоской пуговицы посрединѣ его.

Б. У т в а р ь .¹

Прогрессивное устроеніе городского дома, обусловливаемое усложненіемъ общественныхъ отношеній, было и осталось однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей какъ ремесленности вообще, такъ и усовершенствованія предметовъ домашняго убранства. Значительные успѣхи, достигнутые въ этомъ отноше-

¹ Кромѣ названныхъ выше (стр. 326) сочиненій О. Reynard, D. Ramée и др. ср. R. Pfnorr. *Destailleur etc. Recueil d'étampes, ornements etc.* Paris, 1865. A. Guilletat. *Choix d'ornements du style Louis XV.* Paris 1845. Изъ современныхъ изданій приведемъ здѣсь: А. вышедшія до 1800 г.: А. Biller. *Ornementations et arabesques.* Augsburg 1703. J. J. Schübler. *Nützliche Vorstellung und deutlicher Un-*

ни главнѣйшими изъ европейскихъ городовъ, какъ Парижъ, Мадридъ, Флоренція, Лондонъ, Кёльнъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Вѣна, вызывали соревнованіе и въ остальныхъ. Почти всѣ они расширились и украсились болѣе или менѣе красивыми домами, внутреннимъ устройствомъ своимъ удовлетворявшими всѣмъ требованіямъ современной жизни. Старыя постройки исчезали одна за другой, а новыя выравнивались въ длинныя улицы, умножаясь, по мѣрѣ возрастанія городского населенія, «домами для отдачи въ наемъ». Такое расширеніе городовъ, даже и большихъ, шло конечно довольно медленно, но всё таки во второй половинѣ столѣтія почти совершенно измѣнило фیزیономію многихъ изъ нихъ. Однимъ изъ такихъ измѣнившихся городовъ въ Германіи былъ между прочимъ и не особенно богатый Берлинъ, о вѣншности котораго въ 1799 году имѣемъ слѣдующее извѣстіе: ¹ «Большая часть улицъ широки и обставлены домами въ 4 и болѣе этажей. Итъ также недостатка и въ просторныхъ площадяхъ; отъ этого здѣсь и дышется легче, чѣмъ въ Вѣнѣ, Гамбургѣ и другихъ городахъ, гдѣ и дома и люди скучены на небольшомъ пространствѣ.... Широкія улицы и вообще красивая архитектура домовъ придаютъ Берлину такую паружность, какою немногіе изъ большихъ городовъ могутъ похвалиться. Вильгельмштрассе, которая почти вся обстроена дворцами, Лейпцигерштрассе, Подъ-липами, также какъ и красивыя площади: оперная, Вильгельмова и другія, возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ...»

Внутреннее убранство домовъ — меблировка и украшеніе комнатъ — не вездѣ однакожь соотвѣтствовало ихъ архитектурной сторонѣ. То же извѣстіе замѣчаетъ о Берлинѣ, что «если напр. въ С-Петербургѣ средней руки купецъ считаетъ необходимымъ обкладывать полъ своей гостинной краснымъ деревомъ или покрывать его дорогими турецкими коврами, а

terricht von zierlichen, bequemen und Holz ersparenden Stuben - Öfen etc. Nürnberg 1728. J. J. Schübler's erste Ausgabe seines vorhabenden Wercks, kraft dessen er gesonnen die von L. Christ. Sturm neu herausgegebene etc. Goldmannische Baukunst etc. noch mehr zu amplificiren etc. mit neu inventiert sehr courieuses französischen Betten. Augsburg (безъ года) J. Ch. Delafosse. L'icologie historique. Paris (безъ года). Рисунки различной утвари, выходившіе отдѣльными и послѣдовательными тетрадями: F. Chippendale und M. Darly (съ 1753 г. — мебель); J. J. Baumgärtner (Neue Inventionen von Kirchen — und Tafel — Arbeiten, Augsburg 1727); L. Von den Cruyccen (Nouveau livre de dessins 1770); Schneider (Schlosser-Büchlein); Erh. Heiglen (Muscheln und Schnogen Werk); G. Eisler (Verschiedene neue Inventionen vor Gold-Arbeiter); J. F. Forti (Oeuvres d'orfèvrerie); F. Habermann und J. Steidlin (церковная утварь); Richardson (New designs of vases and tripods etc. decorated in antic taste. London 1793); Muster zur Zimmerverzierung und Ameublements. Leipzig 1793; Collection d'estampes d'ameublement. Paris (по рисункамъ Буше гравир. Дюпэномъ, Ришаромъ и др. 300 лст.); сверхъ того, довольно обширное собраніе такихъ же рисунковъ, выходившихъ въ видѣ приложеній къ тогдашнимъ моднымъ журналамъ: Meubles et objets de gout. Paris, au bureau du Journal des dames (372 лст.); J. Bertuch. Journal des Luxus und der Moden. и ин. др. Б. вышедшія послѣ 1800 г. H. C. Riedel. Sammlung architecton. äusserer und innerer Verzierungen für angehende Baumeister etc. Berlin 1806; C. Percier et F. Lafontaine. Recueil des decorations intérieures etc. Paris 1812; F. Bodin. Collection de gravures concernant l'ameublement. Paris 1815; Ackerman's Selection of ornaments for the use of sculptors, painters, carvers etc. with 120 plates London 1817; F. Schinkel. Vorbilder für Fabrikanten und Handwerker; ero же: Vorlegeblätter für Baumeister; ero же: Sammlung von Möbel — Entwürfen, herausgeg. von Lohde. Potsdam 1852. — ¹ Berlin. Eine Zeitschrift für Freunde der schönen Künste, des Geschmacks und der Mode, Mit Kupfern. Berlin 1799. I, 11, 43.

стѣны своей спальной обивать лучшимъ англійскимъ сукномъ, то здѣсь невольно удивляешься не находя и слѣдовъ всего этого въ домахъ самыхъ богатыхъ государственныхъ сановниковъ. Если въ Лондонѣ мода требуетъ для каждаго сезона особой мебелировки, то здѣсь видишь круглый годъ всё одну и ту же софу, одинъ и тотъ же стулъ. Та же противоположность и въ отношеніи стола, а что всего яснѣе обнаруживаетъ недостатокъ богатства, это — совершенное отсутствіе увеселеній».

Если условія быта и его требованія были далеко не вездѣ одинаковы, то потребности въ общемъ всё таки возрастали по мѣрѣ развитія ремесленности, которую они въ свою очередь поддерживали и двигали впередъ. Но съ умноженіемъ потребностей возрастало и требованіе возможно дешеваго удовлетворенія ихъ. Отозваться на это требованіе сдѣлалось теперь главною задачею ремесленности. Къ начатому уже оптовому производству должна была присоединиться и быстрота работы, а съ нею и шаблонность послѣдней. Съ тѣхъ поръ какъ ремесло отдѣлилось отъ искусства, изобрѣтеніе новыхъ формъ осталось и продолжало оставаться за художниками. Но ремесленность теряла всё болѣе уваженія и въ лицѣ своихъ представителей. Не только что они, вслѣдствіе разрыва съ искусствомъ, еще болѣе огрубѣли умственно, утративъ при этомъ всякое желаніе подниматься снова, но и въ своемъ внѣшнемъ поведеніи сдѣлались такъ дерзки и грубы, что правительства нашлись вынужденными принять противъ нихъ мѣры. Такимъ образомъ, въ 1731 году состоялось постановленіе сейма, которое, внося строгій порядокъ въ бытъ ремесленниковъ, въ тоже время глубоко поколебало ихъ старинныя права. Такъ напр. оно предписывало допускать ко всякому ремеслу всѣхъ желающихъ, кромѣ палача и его дѣтей, но внуковъ его допускать, если родители ихъ жили въ теченіи 30 лѣтъ честнымъ трудомъ. Далѣе, оно подчиняло ремесленниковъ контролю посредствомъ установленія свидѣтельствъ въ родѣ позднѣйшихъ паспортныхъ книжекъ, отнимало у корпорацій право на бесплатную переписку и грозило цехамъ «уничтожить ихъ всѣ, сколько ихъ ни было».

Это постановленіе, какъ и всѣ подобныя мѣры, имѣло удручающее дѣйствіе, несмотря на то, что не вездѣ могло быть тотчасъ же примѣнено, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія, которымъ было встрѣчено его примѣненіе. Въ иныхъ мѣстахъ его даже просто не признавали или, по меньшей мѣрѣ, обходили. Поэтому оно было снова и съ большею строгостью подтверждено въ 1764 г. императоромъ Францомъ I, но почти съ такимъ же успѣхомъ. Только французская революція, измѣнившая положеніе ремесленности во Франціи и этимъ расчистившая путь свободѣ ремесла и промысловъ, зачатки которой появились сначала въ Пруссіи въ 1810 г., а затѣмъ и въ другихъ странахъ, положила конецъ такому порядку вещей.

Но еще прежде этого переворота въ положеніи ремесленности, въ ней самой уже подготовлялось важное преобразование, имѣвшее коснуться преимущественно способовъ производства. Еще до начала столѣтія всѣ машины приводились въ движеніе, кромѣ упругости спиральной пружины, только силою воздуха, воды, животныхъ и дѣйствіемъ тяжести. Примѣненіе этихъ силъ къ устройству машинъ подчиняло имъ послѣднія, ставило ихъ въ зависимость отъ присущихъ имъ, а потому и неустраимыхъ случайностей,

сѣдовательно ограничивало ихъ дѣйствіе и дальнѣйшее усовершенствованіе. За исключеніемъ немногихъ ручныхъ машинъ вязальныхъ и вышивальныхъ, токарныхъ станковъ, прессовъ и т. п., всѣ машины въ собственномъ смыслѣ были, до самой половины столѣтія, крайне громоздки и неуклюжи и имѣли назначеніемъ главнымъ образомъ первоначальную обработку сырья.

Но между тѣмъ какъ эти машины всё еще считались торжествомъ механики, былъ найденъ, уже въ первыхъ годахъ столѣтія, новый источникъ механической силы — паръ. Первые попавшіе на мысль примѣнить паръ къ устройству машинъ были: математикъ Денисъ Папепъ (ум. 1710), Савари (1698) и слесарь Ньюкоменъ. Первоначальные опыты, сдѣланные двумя послѣдними вмѣстѣ съ стекольнымъ мастеромъ Джономъ Коулей и конечно еще грубые, были повторены другими и такимъ образомъ медленно, шагъ за шагомъ и не безъ многократной помощи случая, новое открытіе было поставлено на прямой путь къ дальнѣйшему усовершенствованію. Уже въ 1722 г. англичанинъ Поттеръ устроилъ въ Кёнигсбергѣ, въ Венгріи, паровую машину для вычерпыванья воды изъ рудниковъ, а въ 1724 нѣмецъ, Яковъ Леупольдъ (1675—1727), изобрѣлъ паровую машину высокаго давленія. Разностороннія улучшенія паровыхъ машинъ были сдѣланы Джонатаномъ Гориблозромъ въ 1731, Джемсомъ Уаттомъ (род. 1736 въ Гринокѣ, ум. въ 1819) въ 1769 г., Тревертикомъ, Вивіаномъ и др. При всемъ томъ, машины эти, пока онѣ изготовлялись по одиночкѣ, распространялись весьма медленно; напр. во Францію онѣ были вывезены изъ Англіи не ранѣе второй половины столѣтія Констант. Перрье (1742—1818). Болѣе широкое распространеніе ихъ началось лишь съ тѣхъ поръ, когда Джономъ Кокриллею (1790—1840) была устроена обширная фабрика паровыхъ машинъ и по примѣру ея начали устраиваться и другія такіе же фабрики.

Паровая машина поставила ремесленность на совершенно новую почву: давъ ей въ руки силу неслыханной дотошъ энергіи, она дала ей вмѣстѣ и возможность строго регулировать эту силу. Что до сихъ поръ рука ремесленника изготовляла медленно и съ трудомъ, то могло быть сдѣлано теперь какъ бы однимъ ударомъ и притомъ въ безграничномъ почти количествѣ совершенно одинаковыхъ экземпляровъ. Конечно такое оптовое производство было не болѣе какъ машинная работа, не имѣвшая ничего общаго съ искусствомъ и потому еще болѣе пришибавшая ремесло; но такъ какъ потребности постоянно возрастали, спросъ на разные предметы обихода съ каждымъ днемъ усиливался, то такое именно производство и находило себѣ общее поощреніе. На службѣ у ремесленности паровыя машины превратились въ тысячерукаго рабочаго, который, изготовляя вещи въ большихъ количествахъ, выдѣлывалъ ихъ, хотя безъ знанія и искусства, но всегда безошибочно и цѣлесообразно, и могъ уступать ихъ по такой низкой цѣнѣ, что и маломущіе получили возможность окружить себя такими удобствами, которыя были для нихъ прежде недоступны. Въ той же мѣрѣ, какъ механика, развитію промышленности содѣйствовали во многихъ отношеніяхъ успѣхи сдѣланные химією, въ особенности послѣ работъ медика Георга Штиля (1660—1734) и химика Лавуазье (1734—1794).

Тѣмъ не менѣе ручная работа всё еще производилась съ большимъ

искусствомъ, особенно относительно обработки всякаго матеріала, но по мѣрѣ развитія машиннаго производства, сводилась всё болѣе и болѣе на ограниченный и постоянно уменьшавшійся кругъ издѣлій, удовлетворявшихъ не столько ежедневному обиходу, сколько потребностямъ роскоши и изящнаго вкуса. Столь знаменитые нѣкогда такими издѣліями нидерландскіе и нѣмецкіе города — Антверпенъ, Брюссель, Гентъ, Брюгге, Шюриберъ, Аугсбургъ и др. должны были уступить свое первенство въ этомъ отношеніи сначала Франціи, а съ половины столѣтія, уже вмѣстѣ съ Франціею, Англіи, фабрики которой всякого рода, при постоянно возрастающемъ спросѣ на нихъ, такъ быстро и постоянно распространялись, что по окончаніи французской революціи и главнымъ образомъ благодаря ей, Англія сдѣлалась единственнымъ поставщикомъ ихъ для всей Европы, а относительно многихъ вещей имъ и осталась.

Изъ отдѣльныхъ ремеслъ гончарное мастерство достигло небывалаго долготы развитія уже въ первые годы столѣтія, благодаря удавшимся наконецъ опытамъ надъ составленіемъ фарфоровой массы. Чего не могъ добиться трудившійся надъ этими опытами въ Дрезденѣ Чирнгаузенъ, то было достигнуто другимъ, но всё таки при содѣйствіи Чирнгаузена. Этотъ другой былъ аптекарскій ученикъ І. Ф. Бöttiger¹ (1685—1719). Живя въ Берлинѣ, гдѣ онъ выдавалъ себя за алхимика, онъ обратилъ на себя вниманіе короля, который захотѣлъ его заставить выдѣлывать для него золото. Испуганный этимъ, Бöttiger бѣжалъ въ Виттенбергъ въ Саксоніи. Пруссскій король потребовалъ выдачи бѣглеца, но Августъ саксонскій, болѣе чѣмъ кто либо нуждавшійся въ золотѣ, благодаря своей расточительности, отвѣчалъ на требованіе отказомъ. Бöttiger былъ привезенъ въ Дрезденъ, а такъ какъ онъ задумалъ бѣжать и оттуда — въ Вѣну, то его перевезли въ Кёнигштейнъ, устроили ему тамъ лабораторію и заставили принятыя за добываніе золота, окруживъ строгимъ присмотромъ. Чирнгаузенъ принялъ въ немъ участіе и, избавивъ его своимъ ходатайствомъ передъ Августомъ I отъ безплоднаго занятія пустымъ дѣломъ, предложилъ ему принятыя вмѣстѣ съ нимъ за составленіе фарфоровой массы. По опыты все еще давали окрашенные, въ лучшемъ случаѣ желтоватыя, составы, не выдерживавшіе сильнаго огня. А между тѣмъ то, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ опытовъ — бѣлая минеральная земля, каолинъ, была подъ рукою и притомъ въ изобиліи. Ее добывали въ Ауэ близъ Шнеберга и употребляли для выдѣлки пудры взамѣнъ пшеничной муки. Мѣшочекъ такой пудры, случайно попавшій въ руки алхимика, навелъ его на мысль сдѣлать пробу надъ каолиномъ. Опытъ удался какъ не надо лучше и загадка была разрѣшена.

Это случилось въ 1709 году; но уже раньше, въ 1708 г., Бöttiger составилъ массу, которая по огнеупорности приближалась къ фарфору. Сдѣлавъ изъ этой массы сосудъ, онъ, въ присутствіи короля, вынулъ его раскаленнымъ изъ печи и тотчасъ же погрузилъ въ холодную воду: сосудъ остался цѣлъ. Не

¹ C. A. Engelhardt. J. F. Böttiger, Erfinder des sächsischen Porzellans. Leipzig 1837; ср. Klemm. Die kön. sächs. Porzellansammlung. Dresden 1834; E. F. Vogel. Gesch. der denkwürdigsten Erfindungen. Lpzg. 1842. II, 193.

удавалось пока еще одно: придать найденной массѣ свойственную настоящему фарфору твердость и блестящую бѣлизну, поэтому всѣ вещи, которыя изъ нея выдѣлывались, напр. изразцы, посуда, окрашивались въ какой нибудь цвѣтъ, сначала въ темнокоричневый и черный, а затѣмъ обыкновенно въ темнокрасный, и не расписывались, а отдѣлывались рельефными украшеніями, иногда мѣстами посеребренными или позолоченными.

Вскорѣ послѣ открытія настоящаго фарфороваго состава были устроены въ Альбрехтсбургѣ, въ Мейссенѣ, гончарные заводы, управленіе которыми было поручено Бöttigerу. Каждый рабочій поступавшій на эти заводы обязывался клятвенно хранить тайну открытія; но Бöttigerъ самъ задумалъ продать еѣ Пруссіи и вошелъ съ послѣдней въ тайные переговоры объ этомъ. Дѣло открылось, было начато слѣдствіе и предстояло уже произнесеніе приговора, какъ Бöttigerъ умеръ.

Фарфоровые сосуды и посуда выдѣлывались сначала преимущественно по китайскимъ образцамъ, подражаніе которымъ было теперь доведено до совершенства. Но уже преемникъ Бöttigera въ управленіи Мейсенскою фабрикою, Горольдъ, при участіи въ дѣлѣ ваятеля Кандлера (съ 1731 г.), обратился къ современному формообразованію въ стилѣ рококо и сверхъ того началъ выдѣлывать изъ фарфора, кромѣ сосудовъ, и различныя вещи, пластическія украшенія: фигуры животныхъ, иныя даже въ натуральную величину, консоли расписанныя цвѣтами, бюсты, статуетки, жанровыя группы, цвѣты и т. п. частію безъ глазури и раскраски, частію глазурованныя и раскрашенныя. Издѣлія эти очень понравились и, благодаря содѣйствію отличныхъ живописцевъ и ваятелей, исполнялись съ замѣчательнымъ совершенствомъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи, уже въ 1756 году. Мало по малу однакожъ художественная ихъ сторона начала слабѣть, но тѣмъ не менѣе издѣлія Альбрехтсбургскихъ фабрикъ сдѣлали и впредь сохранить свою славу, несмотря на возникавшія и во многихъ другихъ мѣстахъ подобныя же фабрики.

Секретъ выдѣлки фарфора оставался недолго секретомъ и былъ выданъ самими же рабочими, хотя они и давали клятвенное обѣщаніе хранить его. Сначала его узнали въ Вѣнѣ и уже въ 1718 г. тамъ была устроена фарфоровая фабрика. Послѣ вѣнской, были устроены такія же фабрики въ Гохстѣ на Рейнѣ въ 1740 г., въ Фюрстенбергѣ, въ Брауншвейгѣ, въ 1750 г.; въ Нейденѣ, въ Баваріи, въ 1747 или 1754 г.; въ Берлинѣ одна въ 1750 г., и другая, совершенно подорвавшая первую, въ 1762 г. Эта фабрика была куплена въ 1763 г. Фридрихомъ II, и скорѣе совершенно сравнилась съ Мейсенскою.

Во Франціи фарфоровая глина была открыта около половины столѣтія, также случайно. Въ Стъ-Иріѣ, близъ Лиможа, жена одного цирюльника употребляла для чистки бѣлья находимую въ той мѣстности глину. Глина эта была изслѣдована и химикомъ Макэ признана за настоящій каолинъ. Первые же опыты съ нею оказались удачными и съ 1753 г. началась выдѣлка фарфора, который по своей твердости былъ названъ *porcelaine dure*, но далеко уступалъ нѣмецкому. Въ томъ же году, нѣкто Поль Ганногъ, родомъ изъ Страсбурга и владѣлецъ фабрики въ Гагенау, предложилъ купить у него секретъ выдѣлки нѣмецкаго фарфора. Дѣло однакожъ заты-

нулось и секретъ былъ пріобрѣтенъ уже отъ брата Поля, Антона, въ 1765 г., послѣ чего фарфоровая фабрика въ Севрѣ, устроенная Макё, быстро расширила свое производство и съ 1774 года стала считаться одною изъ значительнѣйшихъ. Севрскій фарфоръ окрашивался обыкновенно во всей массѣ, преимущественно въ свѣтлоголубой (*à la turquoise*), темно-голубой и сѣрый цвѣта. Въ исходѣ столѣтія тотъ же Антонъ Ганногъ завелъ въ Парижѣ собственную фарфоровую фабрику, которая однакожъ не могла конкурировать съ Севрской. Кромѣ фабрики въ Сень-Клу, которая продолжала выдѣлку *porcelaine tendre* (*pâtendre*), открылась такая же фабрика въ городкѣ Шантли. Хотя севрская фабрика наносила обѣимъ этимъ фабрикамъ не малый ущербъ, однакожъ спросъ на ихъ издѣлія былъ настолько значителенъ, что онѣ могли безъ убытка продолжать свои работы.

По примѣру Франціи и Германіи, и другія государства начали заводить у себя большія фарфоровыя фабрики, изъ которыхъ многія и до сихъ поръ продолжаютъ свою дѣятельность. Въ Испаніи первая фабрика была основана, въ дворцовомъ саду близъ Мадрида, королемъ Карломъ III, уже ранѣе того устроившимъ такую же фабрику въ Пеанолѣ: издѣлія этой послѣдней фабрики, извѣстныя подъ именемъ *Caro di Monte-porcellane*, цѣнились очень высоко. Въ Италіи открылись фабрики въ Ломбардіи, Тосканѣ, Венеціи (еще до 1730), Туринѣ (ок. 1770 г.); въ Швейцаріи — въ Цюрихѣ ок. 1750 г. и въ Цюнгѣ; въ Голландіи — въ Гаагѣ, Амстердамѣ и Турнѣ (въ 1750 г.); въ Англіи — сначала въ Боу (Bow), потомъ, ок. 1750 г., въ Челъзи, откуда, по закрытіи тамъ фабрики въ 1765 г., лучшіе работники перешли въ Дерби, гдѣ была открыта въ 1751 г. фабрика существующая и до сихъ поръ; въ Уорстерѣ, Стратфордѣ, Плимутѣ (ок. 1760 г.), Бристолѣ (ок. 1774); въ Даніи — въ Копенгагенѣ (ок. 1775 г.), и въ Россіи — въ Петербургѣ (ок. 1744 г.).

Въ самомъ началѣ столѣтія, еще прежде открытія настоящаго фарфора, въ Италіи были сдѣланы новыя попытки возстановить производство майоликъ и съ этою цѣлю была вторично устроена фабрика въ Савонѣ. Несмотря однакожъ на то, что она доставляла прекрасныя издѣлія, особенно между 1720 и 1730 гг. при содѣйствіи живописцевъ Агостино и Марко Компаньо, изъ которыхъ послѣдній копировалъ большею частію Рафаэля, — она имѣла мало успѣха. Такая же участь постигла фабрику заведенную въ 1757 г. въ Пезаро, и другую, возобновленную въ 1772 г. въ Урбино кардиналомъ Стоппани.

Напротивъ того, выдѣлка каменной посуды постоянно развивалась, особенно въ Англіи, гдѣ уже въ первой четверти столѣтія славились Астберійскіе фаянсы. Но лучшее и совершеннѣйшее въ этомъ родѣ было исполнено Джошуа Веджвудомъ (1730—1795) въ 60-хъ годахъ, когда современный вкусъ снова обратился къ классическимъ формамъ. Какъ ни удобенъ фарфоръ для обработки, онъ не только требуетъ особенно сильнаго жара для обжиганія, но сверхъ того, при обжиганіи сжимается по крайней мѣрѣ на шестую долю первоначальнаго своего объема и при этомъ большею частію коробится, а потому для воспроизведенія классическихъ формъ во всей ихъ чистотѣ оказывается совершенно непригоднымъ. Фаянсъ же обжигается при болѣе умѣренномъ жарѣ и безъ замѣтной потери объема,

а потому и вѣрнѣе удерживаетъ всякую данную ему форму. Руководствуясь этими соображеніями, Веджвудъ открылъ въ 1763 г. собственную фабрику, на которой сначала выдѣлывалъ, большею частью по классическимъ образцамъ, такъ назыв. королевинъ фаянсъ, желтовато-бѣлаго цвѣта; затѣмъ онъ изобрѣлъ нѣсколько смѣсей, различныхъ по составу и цвѣту и называвшихся: *basalt*, *bambou*, *jaspis*, *egyptian-earth* и т. д.¹ Вскорѣ производство достигло такихъ размѣровъ, что Веджвудъ въ 1770 г. основалъ въ своемъ имѣніи настоящую фабричную колонію названную имъ «Этруріей», въ которой находили себѣ работу до 40 тысячъ человѣкъ. Работы производились при участіи извѣстнаго скульптора Флаксмана (1755—1826) и заключались главнымъ образомъ въ воспроизведеніи всевозможныхъ греко-римскихъ формъ, отъ миниатюрнаго рѣзнаго камня до обширныхъ архитектурныхъ орнаментовъ. Большинство издѣлій составляли однакожъ сосуды и утвари всевозможныхъ формъ и назначеній. Всѣ эти вещи окрашивались въ одинъ какой нибудь цвѣтъ — голубой, зеленый, черный, сѣрый, темнокоричневый или подъ мраморъ, и раздѣлывались накладными орнаментами бѣлаго или молочнаго цвѣта, въ формѣ плоско-рельефныхъ изображеній изъ мифологій, древней исторіи и т. д., камеевъ, отчасти также фестоновъ, плодовъ, цвѣтовъ, трофеевъ и т. д. Обиходную посуду, темносѣраго или краснаго цвѣта, или оставляли вовсе безъ украшеній, или отдѣлывали медальонами цвѣта одинаковаго съ фономъ или молочнаго. Такъ наз. яшмовый фаянсъ (*Jaspis*) отдѣлывали иногда рельефными орнаментами на разноцвѣтномъ фонѣ. Камен, какъ слѣпки, исполнялись большею частью сѣрымъ или чернымъ по бѣлому.

Одновременно съ этою фабрикою началась въ Англіи выдѣлка такъ наз. «персидскаго» фаянса, близко подходившаго къ фарфору. Этотъ фаянсъ покрывался бѣлою блестящею глазурью и расписывался по бѣлому, голубому, зеленому или желтому фону цвѣтами, листьями и т. п. такъ искусно, что нарисованное представлялось слегка выпуклымъ. Между 1796 и 1802 гг. въ Парижѣ существовала фабрика Оливье, выдѣлывавшая изъ фаянса преимущественно печи и плиты для обкладки.

Не менѣе важное по своимъ послѣдствіямъ вліяніе, какъ и изобрѣтеніе фарфора, имѣло повсемѣстно усилившееся производство стеклянныхъ издѣлій и какъ слѣдствіе этого — ихъ постоянно возрастающая дешевизна. Цѣны на обиходныя стеклянныя вещи, какъ то: оконныя стекла и простую посуду, понизились на столько, что стали вѣсьмъ доступны. Стекольные заводы были заведены почти во вѣсѣхъ странахъ и соперничали другъ съ другомъ въ улучшеніяхъ и изобрѣтеніяхъ, отчего какъ формообразование сте-

¹ Чрезвычайное разнообразіе издѣлій этой фабрики видно изъ ихъ **росписей**. Ср. между прочимъ: „Catalogue de Camées, intaglios, Médailles, Bas-reliefs, Bustes et petites Statues; accompagné d'une Description générale de diverses Tablettes, Vases, Ecritoires et autres articles tant utiles que purement agréables; le tout fabriqué en Porcelaine et Terre cuite de différentes espèces, principalement d'après l'antique et aussi d'après quelques uns des plus beaux modèles des artistes modernes. Par Josias Wedgwood, Membre de la Société Royale et de celle des Antiquaires de Londres, Manufacturier de la Reine, etc. Dont la vente est perpétuellement ouverte en son Magasin dans Greek-Street, Soho, à Londres, et à sa Manufacture à Etrurie, dans le comté de Stafford. 1788.

кляннхъ издѣлій, такъ и составленіе цвѣтныхъ флюсовъ значительно выиграли. Что касается перваго пункта, то выдуваніе стекла было доведено до такого совершенства, которое не знало никакихъ трудностей; въ началѣ слѣдующаго столѣтія былъ открытъ новый способъ выдувать стекла въ складныхъ формахъ, слѣдов. выдѣлывать стеклянныя вещи со всевозможными рельефными украшеніями. Стекольные флюсы составлялись настолько искусно, что разнообразіемъ и чистотою тоновъ подражали почти всѣмъ драгоценнымъ камнямъ, нѣкоторымъ даже до обмана. Изобрѣтенное Кункелемъ рубиновокрасное стекло было усовершенствовано Крюгеромъ, смотрителемъ стекольнаго завода въ Потсдамѣ при Фридрихѣ Вильгельмѣ I, между тѣмъ какъ въ 1717 г. шюрбержець Гельмгакъ возстановилъ способъ приготовления стариннаго краснаго стекла, отличавшагося густотою цвѣта.

Шлифовка и граченіе стекла сдѣлали не меньшіе успѣхи, которымъ помогло изобрѣтеніе шлифовальной машины и усовершенствованіе способовъ вытравленія по стеклу. Уже въ 1708 году была устроена Вальтеромъ фонъ-Цирнгаузеномъ, взявшимъ небольшихъ ручныхъ шлифовальныхъ машинъ, большая о нѣсколькихъ колесахъ, которая приводилась въ движеніе водой и значительно ускорила работу. Гравированіе по стеклу посредствомъ вытравливанья, по смерти Георга Швацгардта производившееся весьма въ ограниченныхъ размѣрахъ, получило необыкновенное развитіе съ тѣхъ поръ какъ въ 1771 году химикомъ Шееле (1742—1786) была найдена въ плавиковомъ шпатѣ дкая кислота (плавиковая). Изъ гравиальщиковъ и гравировъ по стеклу особенно славилась своимъ мастерствомъ: Антоніо Карафа въ Венеціи ок. 1770 г.; Ф. Торторини въ Миланѣ, въ исходѣ столѣтія, и Торичелли во Флоренціи; П. Рекнагель въ Берлинѣ, отъ 1708 до 1712; Готфридъ Шнитлеръ въ Прагѣ; Файсъ въ Дессау и Аронъ Вольфъ въ Бранденбургѣ, оба въ половинѣ стол.; Артуръ Шуманнъ въ Дортрехтѣ, въ 40-хъ годахъ. Между 1764 и 1767 гг. русскимъ надворнымъ совѣтникомъ Рейфштейномъ былъ изобрѣтенъ фаянсъ необыкновенной твердости, который обрабатывался какъ алмазь. Рейфштейнъ получилъ отъ лондонскаго кор. общества наукъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ за свое изобрѣтеніе, съ условіемъ, что оно будетъ обнародовано только послѣ его смерти.

Фабрика литыхъ зеркальныхъ стеколъ, устроенная Тьюардомъ и Платріе въ Сентъ-Гобенѣ (выше стр. 337), по причинѣ дороговизны самого способа литья и частыхъ неудачъ съ нимъ сопряженныхъ, нашла въ вынужденномъ передъ самымъ началомъ столѣтія значительно ограничить свое производство и распустить часть своихъ рабочихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что многіе изъ уволенныхъ рабочихъ нашли себѣ работу за границей и секретъ отливки стекла сдѣлался черезъ нихъ извѣстнымъ въ Италіи, Голландіи и Англіи. Въ самой Франціи подобная же фабрика была открыта уже въ 1762 году; успѣшно работая подъ управленіемъ Антуана д'Азинкура, она кон. рировала съ Сентъ-Гобенскою и заставляла ее постоянно понижать цѣны ея издѣлій. Все это обратилось къ выгодѣ Венеціанъ, такъ какъ спросъ на ихъ болѣе дешевыя плющенные зеркала значительно усилился. Литыя зеркала выдѣлывались преимущественно въ Англіи, гдѣ этотъ способъ въ новѣйшее время доведенъ до высокаго совершенства; въ Германіи, напротивъ того, отдавали предпочтеніе другому способу, и первая фабрика была устроена тамъ въ

началъ 18 стол. въ Солнгофенъ въ Анебахъ. Съ половины столѣтія получили извѣстность издѣлія богемскихъ фабрикъ и фабрики «zum grünen Plan» близъ Брауншвейга.

По мѣрѣ распространенія сосудовъ и посуды изъ стекла, фарфора и фаянса, выдѣлка ихъ изъ благородныхъ металловъ, а также и оловяничное производство всё болѣе и болѣе сокращались.

Упадокъ золотыхъ и серебряныхъ-дѣлъ-мастерства всего замѣтнѣе обнаружился во Франціи, гдѣ онъ былъ однимъ изъ послѣдствій финансоваго разстройства, вызваннаго Людовикомъ XIV въ неходѣ 17 столѣтія. Чтобы замѣнить ту массу драгоценныхъ утварей, которая съ 1688 года были перечеканены въ монету, равными имъ по цѣнности — недоставало средствъ. Поэтому всѣ подобныя вещи, не исключая даже и церковной утвари, заказывались теперь по большей части изъ позолоченной или посеребренной мѣди, и золотыхъ-дѣлъ-мастера мало по малу нашлись вынужденными ограничиться одними только мелкими ювелирными работами. Исключеніе составляли немногіе мастера, которыхъ король держалъ при себѣ въ Луврѣ, для изготовленія различныхъ curiosités для него самого и для его подарковъ. Это были: Меленъ, Ротъё, де-Лонэ и Монтарси, и съ 1756 г. Луаръ и Болленъ-сынъ, занявшіе мѣсто первыхъ двухъ. Заказы на крупныя работы изъ золота или серебра поступали всё рѣже и рѣже. Даже и эпоха регенства съ ея роскошью не поправила положенія: производство драгоценныхъ вещей было въ такомъ упадкѣ, что шесть представителей цеха (gardes) подали правительству прошеніе о поддержкѣ, сочиненное для нихъ знаменитымъ тогда адвокатомъ Обри. Со вступленіемъ на престолъ Людовика XV начали, правда, поступать и крупныя заказы, какъ отъ самого короля и принцевъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, откупщиковъ и банкировъ, но заказы эти были слишкомъ одиночны, чтобы поднять всё производство, и притомъ же большинство ихъ состояло въ серебряныхъ, иногда вызолоченныхъ, столовыхъ платѣ, не массивныхъ, а чеканной работы. Несмотря однакожь на такое незавидное положеніе мастерства, оно не терпѣло недостатка въ чрезвычайно искусныхъ представителяхъ, работы которыхъ, впрочемъ, шли болѣе за границу, чѣмъ оставались въ отечествѣ. Искуснѣйшимъ золотыхъ-дѣлъ-мастеромъ считался Томъ Жермень (1675—1748). Онъ былъ сынъ знаменитаго рѣшника и чеканщика Пьера Жермень, и отправившись еще очень молодымъ въ Италію, послѣ 12-ти лѣтняго пребыванія въ Римѣ, возвратился въ Парижъ въ 1704 году. Въ Италіи онъ исполнилъ нѣсколько крупныхъ работъ для великаго герцога Тосканскаго и для іезуитской коллегии. Приобрѣтенная имъ европейская извѣстность доставила ему заказы отъ многихъ государей, въ томъ числѣ и отъ короля Португальскаго. Несмотря однакожь на это, онъ охотно бралъ работы и изъ одной мѣди. Съ одинаковымъ успѣхомъ занимался онъ архитектурой и скульптурой, и произведенія его долго оставались образцовыми. — Вообще упадокъ золотыхъ дѣлъ-мастерства заставилъ многихъ изъ искуснѣйшихъ мастеровъ обратиться къ другимъ искусствамъ, въ которыхъ большая часть изъ нихъ приобрѣли себѣ извѣстность; такъ напр. Алексисъ Луаръ и Никола де-Лонэ — въ гравированьи, Мейсонъ почти во всѣхъ искусствахъ, Дюсерё и Бернаръ Торо въ скульптурѣ и орнаментѣ. Послѣдніе двое и нѣкоторые другіе съ ними

занимались также составленіемъ и изданіемъ образцовъ, въ чемъ, однакожъ, ихъ скоро и далеко опередили нѣмецкіе рисовальщики, изъ которыхъ нѣкоторые даже переселились въ Парижъ и своими обширными изданіями всевозможныхъ, иногда очень страшныхъ, образцовъ наводили почти весь образованный міръ (см. ниже).

Всѣ что еще находило себѣ сбытъ изъ крупныхъ серебряныхъ вещей ограничивалось чеканными плато, такими же жирадолями и подсвѣчниками, и немногими сосудами. Зеркальная золотая рама, заказанная Людовикомъ XV для королевы Маріи Лещинской Шармо Рётъё по рисунку Бушэ, была отмѣчена какъ исключительный заказъ, но когда король позволилъ графинѣ Дюбари заказать себѣ такую же раму, то это возбудило всеобщее недовольство даже и при дворѣ. Въ такихъ условіяхъ и самымъ искуснѣйшимъ мастерамъ не оставалось ничего другого, какъ заняться почти исключительно выдѣлкою различныхъ мелкихъ вещей, которыя требовались современною модою, правда въ значительныхъ количествахъ, какъ-то: табатерокъ, бонбоньерокъ, флаконовъ для духовъ (*boites de senteur*), куряльницъ (*cassolettes*), пуговицъ, часовъ, пряжекъ и т. д. Всѣ эти вещи исполнялись ими необыкновенно изящно, по рисункамъ лучшихъ рисовальщиковъ, какъ Массонъ, Бабель и др.

Чѣмъ ограниченнѣе становилось производство, тѣмъ упорнѣе отстаивалъ цехъ золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ свои права. Онъ объявилъ себя противникомъ возвышеній въ 1777 г. министромъ Тюрго свободы ремесла и уничтоженія цеховъ, и усиленно ходатайствовалъ передъ королемъ объ отмѣнѣ предложенной мѣры, долженъ былъ однакожъ удовольствоваться тѣмъ, что преемникъ Тюрго отвелъ цеху золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ четвертое мѣсто, причисливъ къ нему золотобитовъ и волочильщиковъ золота, и предоставивъ право обдѣлывать драгоценныя камни также и продавцамъ послѣднихъ (*lapidaires*). Этотъ измѣненный порядокъ продержался однакожъ только до революціи (1789), которая разомъ уничтожила всѣ подобныя привилегіи.

Изъ прочихъ государствъ, только въ Италіи и Германіи производство золотыхъ и серебряныхъ вещей въ обширныхъ размѣрахъ продолжалось по крайней мѣрѣ еще до половины столѣтія. Въ Италіи, а также и въ Испаніи, оно поддерживалось, кромѣ заказовъ со стороны дворовъ и богатыхъ частныхъ лицъ, также и довольно еще частными заказами отъ церквей. Точно также дворъ и знатныя лица поддерживали его въ Нидерландахъ и въ Англіи, хотя въ послѣдней оно скоро нашлось вынужденнымъ обратиться къ выдѣлкѣ преимущественно галантерейныхъ издѣлій. — Въ Германіи, Аугсбургъ и Нюрнбергъ продолжали по прежнему занимать первое мѣсто въ производствѣ крупныхъ работъ. Тамъ все еще жило не мало искусныхъ мастеровъ, которые исполняли, по заказамъ государей, богатыхъ приходовъ и учреждений, большіе сосуды, различную домашнюю утварь, мебель и пр. изъ серебра, а иногда и изъ золота (въ особенности болѣе мелкія утвари). Въ Аугсбургѣ Михаэль Гекель (1721 г.) сдѣлалъ для Байрейтскаго двора большіе столы, стулья и пр., Юганнъ Бартерманъ (1715) для герцога Саксенъ-Вейсенфельсъ — серебряную кровать въ 1600 марокъ вѣсомъ; Генрихъ Манлихъ (до 1718) для церкви въ Дюссельдорфѣ — серебряный

алтарь съ фигурами въ натуральную величину, и еще болѣе извѣстный Дрепветъ (1694—1754), вмѣсто этого алтаря, который былъ перелить, другой въ 21 фут. вышины, попавшій однакожъ по обстоятельствамъ вмѣсто Дюссельдорфа въ Маггеймъ, въ курфюретскую капеллу. Такіе же заказы и не въ меньшемъ количествѣ получались и исполнялись нюрнбергскими мастерами, между тѣмъ какъ другіе города, какъ Мюнхенъ, Дрезденъ, Берлинъ, и даже Вѣна, значительно отстали въ этомъ отношеніи. Исключеніе составлялъ Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ въ числѣ другихъ славился своимъ искусствомъ и какъ эмальерный живописецъ Готлибъ Бой (1717—1780). Изъ многочисленныхъ рисовальщиковъ, помогавшихъ производству компоновкою образцовъ и издашемъ ихъ въ свѣтъ, лучшими считались Гертель и Энгельбрехтъ, Вюстъ и Ейслеръ въ Нюрнбергѣ, Прейслеры въ Дрезденѣ, Нильсонъ въ Аугсбургѣ и др.

Искусѣйшимъ мастеромъ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій считался (до 1717) Динглингеръ изъ Бибераха, работавшій съ 1702 до 1728 г. почти исключительно для Августа I Саксонскаго. Двое другихъ, тоже очень искусныхъ мастеровъ, прославившихся преимущественно изготовленіемъ табатерокъ, набалдашиниковъ и т. п., были — Лоренцъ Гаапъ (1669—1745) и Юганнъ Биллеръ (1692—1746) въ Аугсбургѣ. Тамъ же заслужила себѣ извѣстность Марія Рейнгардъ (ок. 1756) филиграновыми работами и оправкою драгоценныхъ камней. Но мѣрѣ того какъ заказы на крупныя работы становились рѣже, выдѣлка мелкихъ издѣлій все усиливалась, такъ что въ разныхъ мѣстахъ начали открываться особенныя фабрики золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Слѣдствіемъ этого было удешевленіе издѣлій и вмѣстѣ пониженіе ихъ художественнаго достоинства. Самыя обширныя фабрики были устроены въ Гмюндѣ (Швабскомъ), Гаанау и Пфорцгеймѣ, наводнившихъ своими издѣліями почти всю Европу. Такія же фабрики возникли въ Гейльброннѣ, Штутгартѣ, Карлсруѣ, Нюрнбергѣ и существуютъ еще до сихъ поръ, при чемъ на нюрнбергскихъ фабрикахъ поддерживается обычай, чтобы каждый рабочій выдѣлывалъ только одинъ какой нибудь сортъ вещей.

Возрастающее преобладаніе мелкихъ издѣлій надъ крупными, повело къ усовершенствованію граненія, полированія и обдѣлки драгоценныхъ камней: появилась оправка *à jour* и найдены были средства усиливать блескъ песовѣмъ чистыхъ камней подкладкою подъ нихъ фольги. Давно покинутое искусство выпуклой и углубленной рѣзбы на камняхъ было снова восстановлено, причемъ многіе утраченные приемы пришлось выработывать вновь. Съ особеннымъ успѣхомъ занимались имъ: Жакъ де Рива (Rivaz) въ Парижѣ, Торичелли во Флоренціи — въ самомъ началѣ столѣтія; Сирлето въ Римѣ (ум. въ 1739 г.), извѣстный своими подражаніями классическимъ образцамъ; семейство Доршъ въ Нюрнбергѣ, отъ 1712 до 1740 гг.; Кристофъ Бекеръ въ Вѣнѣ (до 1750), рѣзавшій преимущественно по ониксу и карнеолу; Барье въ Парижѣ (ум. 1745), Яковъ Балладоръ изъ Нюрнберга (ум. 1757) работавшій въ Амстердамѣ, Коштанци въ Римѣ (1750), Марія Фаби въ Венеціи, Руд. Оксъ изъ Берна, жившій въ Лондонѣ, также какъ и тирольцы Лоренцъ Паттеръ (ум. 1763) и Юзефъ Пихлеръ (ум. 1790), изъ которыхъ первый, особенно искусный въ вырѣзываніи гербовъ и портретовъ, работалъ много для Флоренціи, Санктпетербурга, а послѣдній

такъ искусно подражалъ античнымъ камнямъ, что его работы перѣдко принимались за настоящіе античныя.

Обработка низшихъ породъ камней понесла значительный ущербъ уже въ первыхъ годахъ столѣтія, вслѣдствіе распространенія стеклянной и фарфоровой посуды. Впрочемъ выдѣлка сосудовъ изъ горнаго хрусталя, оправленныхъ въ золото, находила себѣ нѣкоторую поддержку въ довольно распространенномъ между высокими лицами обыкновеніи, взаимно дарить другъ друга такими сосудами. Въ этомъ родѣ особенно славилась издѣлія Метелино въ Миланѣ, работавшаго главнымъ образомъ для Августа-Сильнаго кор. саксонскаго¹. Выдѣлка сосудовъ изъ мрамора и алебастра совершенно прекратилась и уступила мѣсто изготовленію изъ нихъ досокъ, которыя обыкновенно отдѣлывались мозаикой. Производство такихъ досокъ особенно процвѣтало во Флоренціи и Римѣ, въ послѣднемъ однакожъ преимущественно для мелкихъ вещей, для которыхъ была открыта тамъ въ началѣ столѣтія особая мастерская.

Выдѣлка мѣдной, желѣзной и оловянной утвари продолжала развиваться, благодаря возрастающему употребленію металлической кухонной посуды и разной хозяйственной и комнатной утвари. Что касается собственно посуды, мѣдной и желѣзной, то распространеніе ея обуславливалось главнымъ образомъ постепеннымъ улучшеніемъ луженія и муравленія. Луженіе хотя и было давно извѣстно, но настолько еще нуждалось въ усовершенствованіи, что опыты въ этомъ направленіи продолжались за половину столѣтія. Но даже и послѣ этого времени луженіе производилось вообще такъ небрежно, что въ Швеціи, напр., употребленіе мѣдной посуды въ войскахъ было запрещено съ 1757 г., а въ Брауншвейгѣ въ 1767 г. были изданы «распоряженія касательно луженія мѣди»². Въ первыхъ годахъ 19 столѣтія аптекаръ Биндгеймъ пробовалъ-было покрывать кухонную посуду вмѣсто позуды лакомъ, но безуспѣшно. Напротивъ того, муравленіе посуды, преимущественно чугушной, давало постоянно хорошіе результаты. Оно было изобрѣтено во Франціи въ 1740 году и уже въ слѣдующемъ же году нѣкто Лемери открылъ въ Парижѣ фабрику чугушной муравленой посуды. Въ 60-хъ годахъ такія же фабрики открылись въ Англіи, въ Швеціи и затѣмъ въ Германіи, гдѣ фабрика Реми и Баренсфельда въ Нейвидѣ особенно успѣшно занималась выдѣлкою муравленой металлической посуды и, кромѣ того, первая начала выдѣлывать посуду, части которой не спаивались мѣдью или оловомъ, а просто сбивались молоткомъ. Затѣмъ желѣзопередѣльный заводъ въ Лаухгаммерѣ въ Саксоніи сталъ выдѣлывать эмазированную кухонную посуду, между тѣмъ какъ бирмингемскія фабриканты пустили въ продажу чугунную посуду выложенную внутри фарфоромъ. Въ 1800 году фабрикантъ или техникъ Риманъ изобрѣлъ особую поливу или глазурь, которая не разрушалась никакими кислотами.

Производство жестяное развилось наиболѣе разносторонне, занявшись, при содѣйствіи искусныхъ рисовальщиковъ, даже выдѣлкою предметовъ ро-

¹ A. B. von Landsberg. Das Grüne Gewölbe in Dresden. — ² Journal für Fabrik, Manufactur, Handlung und Mode. Bd. X. S. 109.

скоши. До половины столѣтія перерабатывалась преимущественно только жѣль, красная и желтая, и весьма рѣдко желѣзо и то лишь на небольшія подѣлки ежедневнаго обихода. Такъ какъ изъ листоваго желѣза работали почти одни только кузнецы, слесари и т. д., то они первые и сдѣлали попытку воспользоваться имъ для выдѣлки различныхъ предметовъ утвари. Уже и раньше они выдѣлывали изъ него нѣкоторые сосуды, а также и ложки, но всегда при помощи огня. Въ 1710 г. двое рабочихъ въ Бейерсфельдѣ, въ Саксоніи, придумали выдѣлывать ложки изъ листоваго желѣза холоднымъ путемъ, т. е. вырѣзывая ихъ ножницами и затѣмъ выбивая молоткомъ. Выдумка эта оказалась настолько удачною, что изъ нея выросло цѣлое обширное мастерство—жестяничное. Первоначально, однакожь, новое мастерство должно было ограничиться выдѣлкою самой простой домашней утвари, такъ какъ по цеховымъ уставамъ оно могло перерабатывать только черную и бѣлую жечь, но не желтую. Лишь съ устраненіемъ всѣхъ цеховыхъ ограниченій оно получило возможность пользоваться всякимъ удобнымъ для него матеріаломъ безразлично, равно какъ и всѣми способами отдѣлки — напр. серебрениемъ черезъ огонь, или посредствомъ простаго обкладыванія тонкими серебряными листами. Развитію мастерства чрезвычайно много помогли, во первыхъ, изобрѣтенный въ 1810 г. въ Парижѣ способъ тисненія всякаго сорта жести на токарномъ станкѣ, и во вторыхъ, перенятое англичанами отъ японцевъ лакированіе жестяныхъ издѣлій. При помощи этихъ двухъ изобрѣтеній стало возможнымъ выдѣлывать скоро и въ большомъ количествѣ всякаго рода комнатную утварь, какъ-то: подсвѣчники, лампы, кофейники, подносы, корзинки и т. д. Первая большая фабрика этихъ издѣлій открылась въ Бирмингемѣ, а вслѣдъ за ней появились такія же фабрики въ Германіи и Франціи. Распространеніе жестяныхъ издѣлій, при уже повсемѣстномъ употребленіи стеклянной, фаянсовой и фарфоровой посуды, вытѣснило совершенно нѣкогда общеупотребительную оловянную посуду, отвѣдая, въ лучшемъ случаѣ, дѣдовскимъ кружкамъ и тарелкамъ мѣсто на кухонныхъ полкахъ.

Рѣзьба и точеніе изъ слоновой кости продолжали по прежнему оставаться любимымъ занятіемъ высокихъ особъ. Однимъ изъ государей, съ особеннымъ искусствомъ упражнявшихся въ точеніи, былъ Петръ I: двѣ табатерки его работы хранятся въ дрезденской Grüne Gewölbe. Изъ кости выдѣлывались всевозможныя вещи, отъ затѣйливыхъ игрушекъ въ родѣ заключенныхъ одинъ въ другомъ шариковъ, цѣпочекъ выточенныхъ изъ цѣльнаго куска и т. п. до чашъ, кружекъ, вазъ и т. д. даже столовъ, стульевъ, шкафиковъ и чисто скульптурныхъ работъ, круглыхъ фигуръ, отдѣльно и въ группахъ (причемъ драпировки вырѣзывались обыкновенно изъ алоеваго дерева), распятій, изображеній изъ священной исторіи и другихъ предметовъ церковнаго характера. Скульптурами изъ слоновой кости славилась въ Германіи, въ числѣ другихъ, особенно Люке въ Дрезденѣ и Симонъ Трогеръ въ Мюнхенѣ (до 1769). Большое распятіе съ рельефными изображеніями страстей Господнихъ, исполненное въ 1736 году, первымъ, и группа въ два слишкомъ локтя вышины, представляющая жертвоприношеніе Исаака, послѣдняго, находятся въ дрезденской Grüne Gewölbe.

Работами изъ янтаря отличалась въ особенности Пруссія, гдѣ все еще

по временамъ исполнялись изъ этого матеріала вещи значительныхъ размѣровъ, назначенныя преимущественно для царскихъ подарковъ. Такъ, между прочимъ, въ 1728 году Фридрихъ Вильгельмъ I подарилъ Августу I Саксонскому шкафикъ весь выложенный янтареиъ и наполненный различными мелкими вещами, тоже сдѣланными изъ янтара.

Перламутръ, кораллъ, черепаха, рогъ и кокосовый орѣхъ употреблялись по прежнему на подѣлку мелкихъ вещей и на украшения. Вслѣдствіе усиленнаго спроса на коралловые издѣлія, употребляли не только чорный кораллъ, но и подѣльный красный. Этотъ послѣдній начали выдѣлывать впервые шюрнбергскіе токари, добывая его частію изъ оленьяго или козлинаго рога, который мочили въ растворъ щелока и кишвары, частію изъ красного коралла, извлекая изъ него красильное начало, которымъ окрашивали подѣльные кораллы. Рогъ и черепаха шли на выдѣлку мелкихъ утварей, на обкладку мебели, сундучковъ, шкафовъ и т. д. на манеръ булевской работы, которая всё еще была и долго оставалась въ модѣ, несмотря на то, что настоящую черепаху въ ней всё чаще замѣняли или подкрашеннымъ рогомъ или лакировкой подъ цвѣтъ черепахи.

Столярное мастерство постоянно обогащалось новыми приѣмами, благодаря изобрѣтенію новыхъ инструментовъ и усовершенствованію прежнихъ. Столяры, занимавшіеся исключительно выдѣлкою изящной мебели, получили теперь названіе эбенистовъ и по рисункамъ искусныхъ рисовальщиковъ, изъ коихъ многіе вышли изъ ихъ же среды, исполняли всякаго рода художественныя мебельныя работы. Булевскій способъ ввелъ въ моду отдѣлку мебели металлическими накладками, причемъ всѣ металлическія части — наружныя замки, петли, ручки, выливались изъ бронзы и позолачивались. Эта мода продолжалась до начала слѣдующаго столѣтія, между тѣмъ какъ рѣзбу на гладкихъ поверхностяхъ уже съ 60-хъ годовъ стали замѣнять частію тоже металлическими литыми украшеніями, частію наборною работою изъ разноцвѣтнаго дерева. Вместе съ этимъ начала распространяться фанерная работа — обклейка сдѣланной изъ простаго дерева мебели тонкими пластинками кокосоваго, орѣховаго, кипарисоваго и преимущественно красного дерева. Для этого дерево распиливалось на пластинки въ одну или полторы линіи толщины, и мебель обклеивалась этими пластинками или сплошь или въ какой нибудь узоръ. Въ началѣ 80-хъ годовъ нѣкто Мижеронъ въ Парижѣ нашелъ средство размягчать дерево такъ, что оно принимало любую форму и затѣмъ, высушенное, обрабатывалось какъ обыкновенное дерево, не давая трещинъ и не коробясь. Немного поздиѣ, благодаря главнымъ образомъ изобрѣтенію различныхъ сортовъ лаковъ, начала распространяться мода на лакированную мебель, вслѣдствіе чего спросъ на фанерную работу уменьшился. Уже и прежде очень любима была мебель крытая бѣлымъ лакомъ и мѣстами позолоченая. Съ изобрѣтеніемъ разноцвѣтныхъ лаковъ появилась мебель красного и чорнаго цвѣта съ металлической отдѣлкой. Въ концѣ 90-хъ годовъ, когда фанерная работа стала снова требоваться, Джексонъ, эбенистъ въ Лондонѣ, открылъ средство давать дорогимъ сортамъ дерева, въ томъ числѣ и красному, прекрасный яркій цвѣтъ и предохранять его отъ выцвѣтанія.

Тканье ковровъ (гобеленовыхъ обоевъ) продолжало процвѣтать по

прежнему преимущественно въ Парижѣ, постоянно при этомъ совершенствуясь. Въ 1735 г. сдѣланъ былъ удачный опытъ, перенесъ рисунокъ на прозрачную бумагу, разрѣзывать последнюю, и отдѣльные куски прикрѣплять къ основѣ. Способъ этотъ былъ примѣненъ сначала къ отвѣсной основѣ, а съ 1749 года и къ горизонтальной. Въ 1758 г. Жакъ де-Вокассонъ усовершенствовалъ станъ съ горизонтальной основой въ томъ отношеніи, что ткачъ могъ провѣрять свою работу, не развертывая ея. Гобеленовыя фабрики были устроены также въ Берлинѣ, Вѣнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Гейдельбергѣ, гдѣ такая фабрика была открыта въ 1763 году въ тамошнемъ замкѣ.

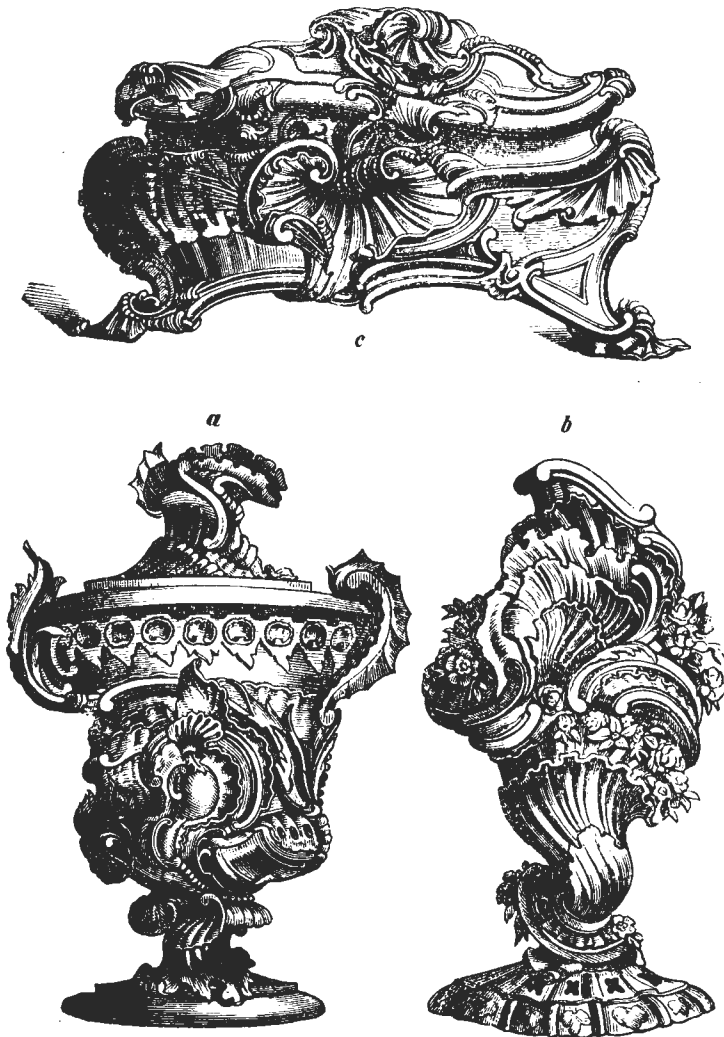
Выдѣлка тисненыхъ кожаныхъ обоевъ продолжалась, хотя и въ постоянно уменьшавшихся размѣрахъ. Лучшія тисненныя кожи выдѣлывались, кромѣ Венеціи и Нидерландовъ, въ Аугсбургѣ и Шюрбергѣ. Въ Аугсбургѣ еще въ 80-хъ годахъ славился ими переплетчикъ Петръ Эйберъ. Съ конца столѣтія начали распространяться, взамѣнъ всѣхъ доселѣ употреблявшихся обоевъ, бумажные, изобрѣтеніе которыхъ относится, впрочемъ, къ 17 вѣку и приписывается Жерому Ланье. Первоначальный способъ ихъ изготовленія состоялъ въ томъ, что на толстую бумагу наклеивали куски шолоковой, шерстяной или другой какой нибудь матеріи и по ней выводили узоры листовымъ золотомъ, толченой серебрястой слюдой и т. п. Вскорѣ однакожъ узоры на обояхъ начали печатать и уже въ 1760 году техникъ Жюардъ въ Гаагѣ выпустилъ печатные обои, которые казались протканными золотомъ и серебромъ. Затѣмъ Брейткопфъ въ Лейпцигѣ сталъ выдѣлывать обои подъ мраморъ, порфиръ и другія каменные породы, а Виндзоръ въ Парижѣ — обои разрисованные арабесками, сдѣлавшіеся самыми модными. Почти одновременно съ бумажными обоями началась выдѣлка обоевъ изъ клеевки посыпанной мелко истолченой шерстью. Изобрѣтателемъ такихъ обоевъ и основателемъ большой фабрики для ихъ выдѣлки былъ живописецъ Франсуа Одранъ.

Стѣнные и столовые часы сдѣлались настолько обыкновенны, что даже и небогатые люди обзаводились ими. Такому распространенію часовъ помогло главнымъ образомъ быстрое развитіе начатаго Симономъ Дильгеромъ и Христіаномъ Верле въ Шварцвальдѣ производства простыхъ деревянныхъ часовъ, которые уже съ 1727 года сдѣлались почти повсемѣстно извѣстными и требовались даже изъ далека. Часы съ колеснымъ механизмомъ также были значительно усовершенствованы: ¹ часовщикомъ Георгомъ Грагамомъ (1678—1751) былъ устроенъ рѣшетчатый маятникъ, а Джономъ Гаррисономъ въ 1764 г. изобрѣтенъ хронометръ, которымъ, такъ сказать, была разрѣшена высшая задача часового мастерства. — Зеркала и картины, а также и силуэты (названные такъ по имени ихъ изобрѣтателя—Etienne Silhouette) обдѣлывали въ красивыя рамы, большею частью съ

¹ Различныя механическія прибавки, которыми всё еще иногда снабжали часы, а также и устройство автоматовъ были доведены до совершенства, въ особенности последнее, Пьеръ-Жаномъ Дрозомъ (1721—1790) въ его „писецѣ“, сыномъ его Луи въ его усовершенствованномъ „писецѣ“, въ „играющемъ на клавесинѣ“ и др., Вокансономъ въ его „уткѣ“ и т. д.

рѣзбою и сплошь вызолоченныя. Съ 1750 года зеркальныя рамы стали дѣлать также фарфоровыя съ живописью, или составныя изъ кусковъ зеркальнаго стекла съ выгравированными на нихъ сзади фигурами. Въ 80 годахъ какъ зеркальныя, такъ и рамы для картинъ дѣлались чаще всего безъ всякой рѣзбы, а гладкія или карнизомъ несложнаго профиля, и не сплошь позолоченыя, а черныя съ вызолоченными валиками по внутреннему и наружному краю.

Фиг. 411.

Составъ различныхъ видовъ домашней утвари доведенъ былъ уже до такой полноты, что собственно новаго къ нему едва ли что могло прибавиться; напротивъ того, нѣкоторые предметы были изъ него исключены, какъ уже болѣе несоотвѣтствующіе современнымъ потребностямъ, какъ напр. большіе

рундуки или лари и сундуки, игравшіе до половины столѣтія роль дивановъ; но тѣмъ существеннѣе были измѣненія, которымъ подверглись форма отдѣльных утварей. Освободившись отъ зависимости отъ архитектурныхъ формъ, утварь выработала себѣ свой собственный стиль, который получилъ трудно объяснимое названіе госсос, а съ 80-хъ годовъ сталъ называться *style gossilleux*. Возникновеніе этого стиля относится ко времени регенства во Франціи, когда во французскомъ высшемъ обществѣ царилъ полный разгулъ чувственности, хотя и прикрытый условными формами. Эта необузданность отразилась и на вещественной обстановкѣ жизни, коснувшись сначала различныхъ мелочей, которыми знатные и богатые люди окружали себя по требованію моды, а затѣмъ постепенно распространившись и на остальную утварь. Характерическою чертою новаго стиля была замѣна всѣхъ твердыхъ и прямолинейныхъ очертаній убѣгающими изогнутыми линиями и сочетаніе только такихъ формъ въ неправильное и какъ бы совершенно произвольно составленное, но тѣмъ не менѣе связанное и законченное цѣлое. Все что еще оставалось въ утвари архитектурнаго было окончательно изъ нея изгнано. Всѣ прежніе орнаменты, примѣнявшіеся въ такомъ изобиліи, въ особенности скульптурные — фигуры, гирлянды, маски и т. п. отошли на второй планъ, уступивъ теперь мѣсто раковинамъ самыхъ причудливыхъ формъ и во всѣхъ возможныхъ сочетаніяхъ, завиткамъ, изогнутымъ штабикамъ съ округленными какъ у костей головками, и между ними, въ качествѣ только прикрасъ, нарисованныя, вѣзанные или слегка выпуклыя изображенія геніевъ, цвѣтовъ, ландшафтовъ, или цвѣты, гирлянды, рога изобилія, прялки, пастушьи посохи, луки, факелы и т. д. Все это, въ особенности раковины, завитки и выгнутые штабики, въ своихъ разнообразѣйшихъ и болѣею частію странныхъ комбинаціяхъ, производило впечатлѣніе чего-то волнующагося и ускоренно-подвижнаго (ср. фиг. 411).

Новый стиль нашелъ себѣ самое широкое примѣненіе въ формообразованіи сосудовъ, и это тѣмъ болѣе, что съ изобрѣтеніемъ фарфоровой глины получился для нихъ матеріалъ, который по своей пластичности какъ бы прямо былъ предназначенъ дать новому направленію вкуса возможность развернуться на просторѣ. Но мастерство сумѣло заставить принимать такія же формы и другіе, менѣе податливые матеріалы, напр. дерево, камень, металлъ, изъ которыхъ выдѣлывали такія же вещи какъ изъ фарфора и прочихъ глинъ (въ послѣдствіи, когда вошло въ моду подражаніе китайскому, ихъ покрывали лаковой краской, даже и металлическія, хотя бы онѣ были изъ чистаго серебра). Менѣе всего измѣнились формы хрусталя, но за то дорогіе хрустальные сосуды, за исключеніемъ развѣ бокаловъ, были надолго отодвинуты на задній планъ.

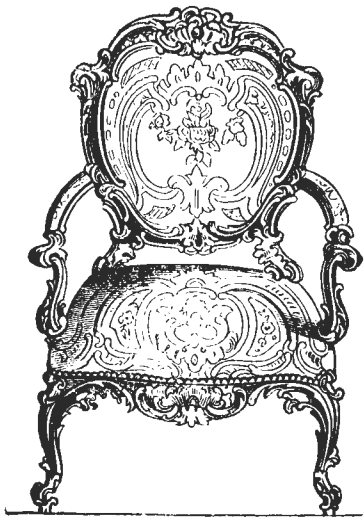
Несмотря на то что новый стиль не всегда строго сообразовался съ назначеніемъ вещи, а часто затемнялъ его такъ, что о немъ едва можно было догадаться по первому взгляду, онъ былъ перенесенъ на всю столовую утварь вообще, включая сюда и столовую посуду, формы которой прямо обуславливались ея назначеніемъ. Не только края блюдовъ и тарелокъ приняла извивистые контуры, но и самый профиль ихъ, въ особенности глубокихъ блюдовъ и чашъ, а еще болѣе профиль терринъ, мисокъ, соусни-

ковъ, солонокъ, очертился линією до того страшно изогнутою, что сами вещи представлялись какъ-бы искаженными, почти непригодными для употребленія. Но всего ярче выступала эта прихотливость, это своеволие стіля на столовыхъ платѣ, которые, какъ предметы служащіе единственно для украшенія, открывали полный просторъ фантазіи. Хотя первое время имъ все еще давали преимущественно форму вазы, но форма эта разнообразилась самымъ причудливымъ образомъ (ср. фиг. 411 а. b), давая приэтомъ подлѣ себя мѣсто множеству другихъ не менѣ странныхъ формъ и образованій, въ особенности изъ фарфора, съ окружающими ихъ фигурными группами. Столовые приборы, отъ разливальной ложки до ножей и вилокъ, получили тоже формы рококо и приэтомъ у ножей и вилокъ не только черенки, но иногда клинокъ и зубцы. Эти приборы, также какъ и другая мелкая столовая утварь, выдѣлывались еще и теперь большею частью по способу Пуальё, т. е. изъ эмальированной мѣди (см. выше стр. 343).

Новый стиль распространился также и на питейные сосуды, но почти не затронувъ ихъ формы (по крайшей мѣрѣ стеклянныхъ и хрустальныхъ), а измѣнивъ только ихъ орнаментацию. Напротивъ того, чайная посуда и кувшины измѣнились, подобно столовой посудѣ, и въ своихъ основныхъ формахъ и въ орнаментации.

Вліяніе рококо-стіля на формы мебели выразилось въ устраниеніи изъ нихъ по возможности всего архитектурнаго, которое однаковѣ обусловливается самымъ строеніемъ мебели, въ особенности такихъ, какъ столы,

Фиг. 412.

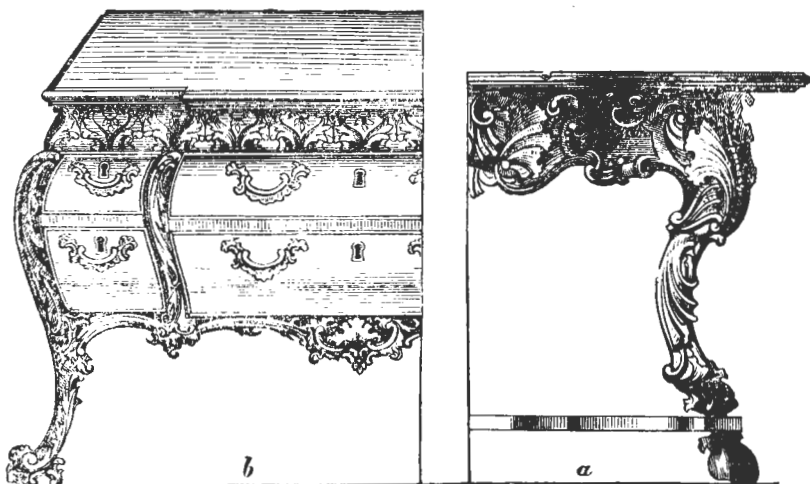

шкафы, коммоды. Вездѣ, гдѣ только представлялось возможнымъ, прямая линія была замѣнена изогнутою, какъ того требовалъ новый стиль. Поэтому онъ всего полнѣе развернулся на сидѣньяхъ всякаго рода — софахъ, диванахъ, стульяхъ, креслахъ, у которыхъ не только спинки, ручки и ножки, но самыя подушки въ своемъ плащѣ (т. е. рамы подушекъ) приняли изогнутыя очертанія, которымъ соответствовали даже и цвѣтныя разводы на матеріи, которою обивали мебель (фиг. 412; ср. фиг. 386. b), не говоря уже объ орнаментахъ. Криволинейность распространилась и на столы, шифоньерки, туалеты, коммоды, измѣнивъ прямыя линіи ихъ контуровъ и профилей изгибающимися (фиг. 413 а b). Всего менѣе допускали сѣ большіе шкафы, въ особенности платяные, двустворчатые и одностворчатые, поэтому они сохранили почти неприкосновенными свои прямолинейныя формы, но за то тѣмъ свободнѣе развернулся новый стиль въ ихъ орнаментации (ср. фиг. 415).

Съ половины столѣтія этотъ нарядный стиль началъ обнаруживать признаки разложенія. Онъ достигнулъ предѣла своего возможнаго развитія,

истощивши всё служившія ему силы и пресытивъ всё вкусы. Съ другой стороны, пробуждавшееся чувство естественности рѣшительно возставало противъ всего произвольнаго и условнаго. Уже маркиза де-Помпадуръ, при своихъ безчисленныхъ заказахъ различныхъ художественныхъ вещей¹, не-

Фиг. 413.

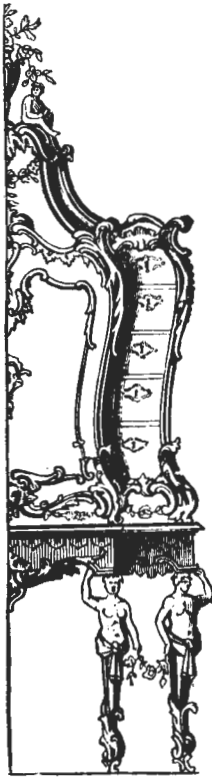

рѣдко требовала, чтобы художники въ исполненіи ихъ держались по возможности въ предѣлахъ естественности. Подобныя требованія множились. Между тѣмъ глазъ уже слишкомъ отвыкъ отъ всего естественнаго, чтобы тотчасъ же удовлетвориться имъ, а потому его нужно было сначала воспитать къ этому. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было признано возвращеніе къ формамъ классической древности. Формы эти не были совершенно забыты: онѣ еще жили, хотя и сильно искаженные, въ постройкахъ послѣдователей Бернини; онѣ сохранились также, и притомъ болѣе чистыми, въ произведеніяхъ Карла Фонтана (ум. въ 1714 г.) въ Италіи, Андрея Шлютера (ум. въ 1714 г.) въ Пруссіи, и Клода Перро (ум. въ 1688 г.) во Франціи. Изученіе классической древности также никогда совершенно не прекращалось; ему предавались хотя и не многіе, но съ особенной любовью. Такіе ревностные собиратели, какъ Бернаръ Монфоконъ (1655—1741) и графъ Клодъ де-Канлюсъ (1692—1765), своими изданіями рисунковъ и объясненіями ихъ, много содѣйствовали развитію къ нему вкуса, и подготовили возникавшему направиленію твердую почву. Въ 1748 г. были возобновлены, послѣ 30 лѣтъ совершеннаго забвенія, раскопки въ Помпеѣ и вызвали цѣлый рядъ сочиненій, болѣею частью съ рисунками, и вмѣстѣ пробудили желаніе ближе ознакомиться съ древностью и со стороны ея

¹ Cp. E. Campardon. *Mad. de Pompadour et la cour de Louis XV. Suivi du Catalogue des tableaux etc. vendus après la mort de Mad. de Pompadour.* Paris 1867. Аукціонъ ея имущества, доставшагося ей брату, продолжался болѣе года.

внутренняго содержанія. Въ 1763 г. выступилъ съ своими глубокими взглядами на искусство Винькельманъ (1717—1768), а немного лѣтъ спустя (въ 1766 г.) Эфраимъ Лессингъ (1729—1781) удивилъ художественный міръ своимъ «Лаокоономъ». Уже въ 1762 г. Никола́ Реветъ (1721—1804) началъ издавать остатки древнегреческихъ построекъ, имъ первымъ вмѣстѣ съ Стюартомъ измѣренныя, а затѣмъ, въ 1775 г., Вильямъ Гамильтонъ (1731—1803) издалъ въ рисункахъ собранныя имъ въ Неаполѣ этрусскія расписанныя вазы, и этимъ открылъ новое поле для изслѣдованій. Наконецъ, въ 1788 г., Бартеlemi напечаталъ свой тридцатилѣтній трудъ:

Фиг. 414.

«Путешествіе Анахарсиса» (*Voyage du jeune Anacharsis en Grèce*) — сочиненіе, благодаря своей занимательной и удобопонятной формѣ, оказавшее чрезвычайное вліяніе на распространеніе въ обществѣ вкуса къ классическому.

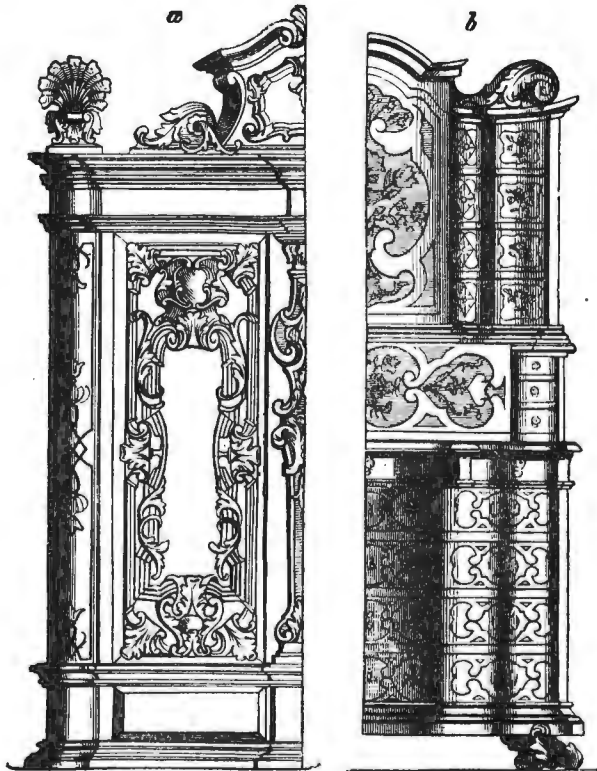
Вторичное возвращеніе къ классическимъ формамъ выразилось всего очевиднѣе въ архитектурѣ, и уже въ половинѣ столѣтія создало нѣсколько зданій въ чисто римскомъ вкусѣ — какъ, между прочимъ, построенная Венцеславомъ Кнобельдорфомъ въ Берлинѣ Опера ¹, — тѣмъ не менѣе оно было еще настолько шатко, что архитекторы довольно часто сбивались на привычный имъ «мебельный» или «комодный» стиль ². Еще большая шаткость господствовала въ формообразованіи утвари, теперь снова примкнувшемъ къ архитектурѣ. Чтобы найти выходъ изъ этого разлада, было призвано на помощь подражаніе китайскому стилю, первоначально только для сосудовъ, а съ половины столѣтія и для мебели. Оно вышло изъ Англіи, гдѣ, однакожъ, возстановленіе античнаго формообразованія шло наиболѣе успѣшно.

Веджвудъ (см. выше стр. 423) примѣнялъ къ своимъ издѣліямъ все уже извѣстныя и вновь открываемыя формы античныхъ сосудовъ. Но формы эти, — въ которыхъ яйцевидная, тыквою и форма вазы преобладали, — передавались пока еще не во всей своей классической чистотѣ, а съ прибавкою значительной доли новѣйшихъ образованій, каковы: ручки, ножки, крышки и нѣкоторые орнаменты, причемъ и раковина играла еще довольно видную роль. Въ 70-хъ годахъ все эти придатки были отброшены и въ сферѣ сосудоваго совершилось полное обра-

¹ Такъ какъ это зданіе, при возобновленіи его послѣ пожара въ 1843 году, подверглось различнымъ измѣненіямъ, отнюдь не послужившимъ къ его красотѣ, то замѣтимъ здѣсь, что проекты его, собственноручно изготовленные фонъ-Кнобельдорфомъ, хранятся въ королевскомъ кабинетѣ гравюръ въ Берлинѣ. — ² Какъ на образчикъ этого стиля укажемъ на зданіе корол. Библіотеки въ Берлинѣ.

щеніе къ античному, не только по отношенію къ основнымъ формамъ, но и по отношенію къ орнаменту. Несмотря однакожь на всё это, чисто-художественное значеніе античныхъ формъ понималось еще довольно поверхностно и влѣдствіе этого воспроизведеніе ихъ грѣшило отсутствіемъ должной мѣры. Болѣе внимательное изученіе античныхъ сосудовъ и болѣе точное подражаніе имъ устранили этотъ недостатокъ, помогли даже создать

Фиг. 415.

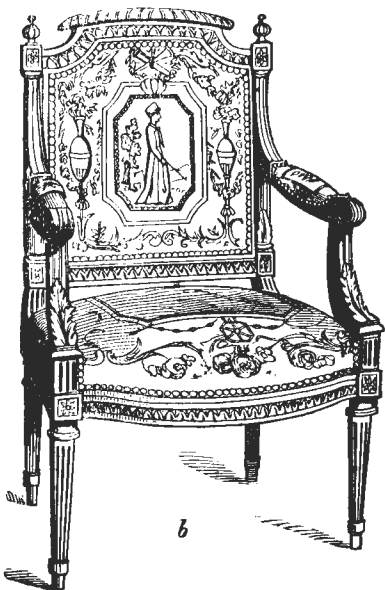

многое дѣйствительно изящное—напр. подставки для чашъ, въ видѣ треножниковъ, составленныхъ изъ каріатидъ, гирляндъ и т. д., — но научиться изобрѣтать хотя приблизительно въ античномъ духѣ удалось не ранѣе, какъ въ 80-хъ годахъ.

Античныхъ образцовъ для мебели почти вовсе не было; поэтому въ формообразованіи ея оставалось руководиться только архитектурными памятниками. Но какъ ни ясно выражался въ нихъ законъ античныхъ строительныхъ формъ, его все-таки нужно было сначала принаровить къ данной цѣли — формообразованію мебели, а это могло сдѣлаться только медленно, и тѣмъ медленнѣе, что законъ этотъ требовалъ твердыхъ прямолинейныхъ очертаній, діаметрально противоположныхъ колеблющимся изогнутымъ контурамъ. Вслѣдствіе этого именно для мебели и былъ такъ охотно принятъ китайскій стиль. Не допуская никакихъ завитковъ и никакой кудрева-

тости, онъ однакожъ не исключалъ совершенно, подобно античному, и кривой линіи, а поэтому и представлялъ переходную или посредствующую форму между античнымъ и рококо. Примѣненіе его началось въ Англіи и только для извѣстныхъ мебели: шкафиковъ, письменныхъ столиковъ (*china case*, *china shelves*) и т. п. и притомъ большею частию для ихъ завершеній, въ формѣ выгнутыхъ воронкообразныхъ крышекъ обвѣшанныхъ колокольчиками,

Фиг. 416.

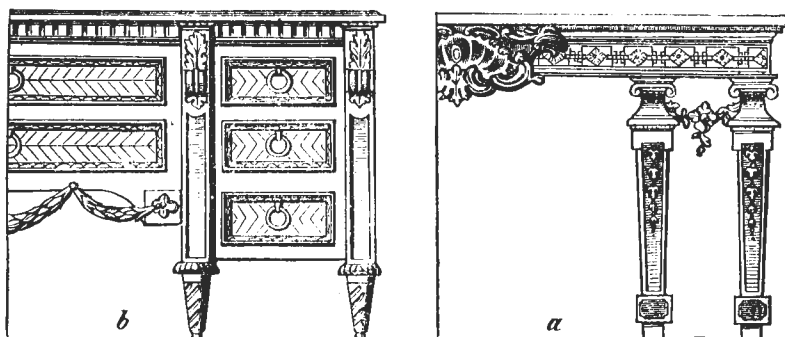
съ другой стороны, — для украшенія гладкихъ плоскостей живописью въ китайскомъ вкусѣ. Кромѣ того, въ Англіи же сдѣлана была попытка возродить готическую орнаментацию для отдѣлки мебели — преимущественно сидѣній; но попытка эта ни гдѣ въ Англіи не встрѣтила сочувствія, да и въ самой Англіи была скорѣй оставлена.

Вкусъ къ античному формообразованію между тѣмъ на столько утвердился, и прежде всего въ Англіи, что уже въ 50-хъ годахъ мебель рококо называлась тамъ французскою (*french*). Античный характеръ пока еще выражался въ нѣсколько натянутой прямолинейности и совершенно внѣшнемъ соединеніи отдѣльных античныхъ деталей, что, вмѣстѣ съ слишкомъ замѣтно преднамѣреннымъ исключеніемъ привычныхъ формъ, производило впечатлѣніе крайней сухости и оцѣпенѣлости. — Всего менѣе поддавалась античной прямолинейности мебель для сидѣнья: софы, диваны, кресла, упорно удерживая изогнутые контуры на локотникахъ и въ особенности на спинкахъ, которыя колебались между подковообразною, круглою и овальною формами, изъ которыхъ двѣ послѣднія остались и тогда, когда выгнутыя ножки замѣнились прямыми (фиг. 416). Въ коммодахъ, а еще болѣе въ столахъ и шкафахъ, прямая линія окончательно одержала верхъ надъ изогнутою, которая если еще въ нихъ и встрѣчалась, то лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ, преимущественно въ орнаментахъ (фиг. 417 а), но и въ нихъ скоро была замѣнена

прямою. Коммоды представляли изогнутую линію только въ профилѣ, рѣдко и всё рѣже въ планѣ; они дѣлались обыкновенно на прямыхъ, очень короткихъ ножкахъ (фиг. 417 б).

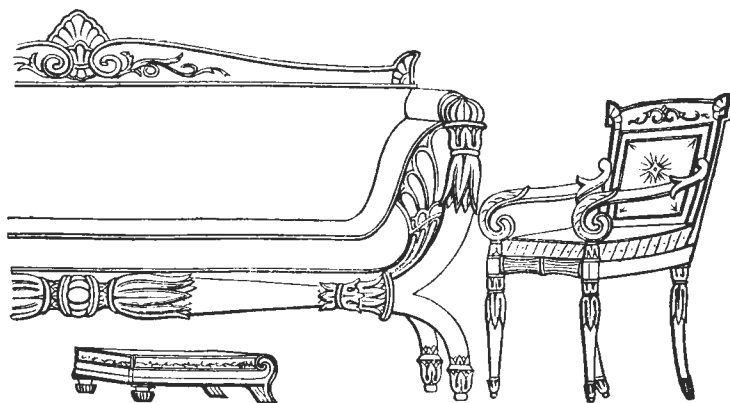
Такая смѣсь новѣйшихъ формъ съ античными не была однако лишена нѣкотораго своеобразнаго характера; отличительною чертою котораго была пріятная глазу нарядность. Къ тому же античныя формы воспроизводились всё тщательнѣе и примѣнялись съ большимъ пониманіемъ и въ постоянно усиливавшейся степени, все болѣе и болѣе вытѣсняя формы рококо, пока революція не истребила и послѣдніе слѣды этого стиля, замѣнивъ его, въ странномъ противорѣчій съ умственнымъ освобожденіемъ, почти рабскимъ подражаніемъ античному. Это подражаніе, не осмысленное вѣрнымъ пони-

Фиг. 417.

маніемъ античнаго духа, удовлетворялось произвольнымъ сочетаніемъ возможно вѣрно воспроизведенныхъ отдѣльныхъ античныхъ формъ, и нерѣдко достигало счастливыхъ результатовъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду произвести чисто декоративный эффектъ. Но такое вышнее подражаніе, ослабляя изобрѣтательность, притупило и вкусъ до такой степени, что и самое воспроизведеніе античнаго стало плоско, а примѣненіе его отзывалось крайнею сухостью.

Фиг. 418.

Это направленіе просуществовало во Франціи чрезъ всё консульство, до учрежденія имперіи, когда его смѣнилъ такъ называемый «стиль имперіи» —

сухой и бѣдный, низведшій античное формообразование до схематической безсодержательности, и затѣмъ быстро выродившійся въ безжизненную манерность. Возникнувъ во Франціи, онъ не замедлилъ распространиться и въ другихъ странахъ, видоизмѣняясь въ нихъ болѣе или менѣе — въ Англіи, подъ возрастающимъ вліяніемъ древне-греческихъ формъ; въ Италіи и Испаніи, примѣсью орнаментаціи давно оставленныхъ стилей, частью даже—барокко; въ Германіи, такую же примѣсью различныхъ деталей, которыя считались задуманными въ настоящемъ античномъ духѣ и болѣею частью были сухо выполнены.

Этимъ и закончилъ свое развитіе новый стиль. Уже нѣкоторые изъ наиболѣе даровитыхъ художниковъ во Франціи, утомившись его пустотою и прельщенные необыкновеннымъ богатствомъ и свѣжестью «ренессанса», начали склоняться къ дальнѣйшей разработкѣ этого послѣдняго стиля, между тѣмъ какъ съ другой стороны изученіе греческихъ древностей влекло ихъ къ подражанію античному (ср. фиг. 418). Главными выразителями этихъ направленій выступили въ архитектурѣ и сосудованіи — Шарль Персье (1764—1838) во Франціи, и Шинкель (1781—1841) въ Германіи. Какъ Персье, образовавшійся въ Италіи, возродилъ благородныя формы ренессанса и римской древности, такъ Шинкель вдохнулъ новую, жизнь въ древнегреческія формы, и оба вмѣстѣ, эти художники, въ своей разносторонней дѣятельности, разрѣшили тяготѣвшее надъ искусствомъ оцѣненіе и самотворчески указали пути, по которымъ оно и впредь продолжало идти.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ ПО ИХЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

16-е столѣтіе.

- Фиг. 205. Colleccion lithogr. de cuadros del Rey de Espana et Senor Don Fernando VII. Tomo segundo (Карлъ V по Тиціану).
- 206—208. V. Carderera. Iconografia Espanola; *a* Est. LXVII (Дона Марія де Геррея, герцогиня де Виллагермоза); *b* LXIX (Дона Менсія де Мендоза); *c* LXXXVII (Марія Португальская, супруга Филиппа II); LXXIV (Филиппъ II съ портр. въ библіотекѣ Эскуріала).
- 209. Cesare Vecellio. Habiti antichi e moderni.
- 210. V. Carderera. Icon. españ. Estad. LXXVII (Донъ-Карлосъ, сынъ Филиппа II).
- 211. De la Mesangère. Galerie française des femmes etc. № 40 (Елизавета, дочь Генриха II).
- 212. Францискъ I съ портр. Тиціана, грав. Муарô и Эрбё.
- 213. Генрихъ VIII. Съ картона Гольбейна по Woltmann, Holbein und seine Zeit. II. 277.
- 214. Генри Говардъ, по Гольбейну, въ Виндзорскомъ собраніи гравюръ.
- 215. Ch. Louandre. Les arts somptuaires. MS. (№ 7079 R. парижской библіотеки).
- 216—217. De la Mesangère. Galerie der femmes: *a* № 25 (Маргарита Валуа: 1492—1549); *b* № 23 (корол. Клавдія, супр. Франциска I); *c* № 24 (Елеонора австрійская, вторая супр. Франц. I, 1498—1558) *a*. № 26 (Маргарита, его третья супруга; *b*. № 27 (придворная дама).
- 218. По гравюрѣ Вертю (Vertue) съ Гольбейнова картона въ Гемптонкортъ: *a* Елисавета II, мать Генриха VIII; *b* Жанна Сеймуръ, супруга Генриха VIII.
- 219. J. Couché. Galerie du Palais Royal. (Генрихъ IV, съ портрета писаннаго Жанё (Janet).
- 220. Herbé. Costumes français (Генрихъ II).
- 221. *a* Оригин. гравюры Симона де-Нассъ („Lamoral Princesps de Gaver, comes a Egmont“); *b* (Филиппъ II).
- 222. *a* Magasin pittoresque. Paris. t. XXIII, p. 85 (Генрихъ III); *b* тамъ же p. 124 (Анна Жоайезъ).
- 223. *a* *b*. По гравюрѣ де-Гейна (Ghein) съ Гольціуса.
- 224. J. Couché. Galerie du Palais royal (Генрихъ IV, Porbus 1610 pinx.).
- 225. Оригин. рисунокъ Аммона, 1578 (принадл. автору).

- Фиг. 226. De la Mesangère. Galerie des femmes etc.: *a.* № 37 (Anne de Pisseleu, Duchesse d'Estampe 1509—1589); *b* № 38 (Катерина Медичи, 1519—89).
- 227. Тамъ же: *b.* № 42 (Луиза, супруга Генриха III, 1534—1601); *c.* № 41 (Марія Стюартъ, супр. Франциска II, 1542—87).
- 228. Тамъ же: № 43 (Маргарита, герцогиня Жуйезъ).
- 229. Тамъ же: *a.* № 48 (Маргарита французская, первая супр. Генриха IV 1552—1615); *b.* № 51 (придворная дама двора Генриха IV).
- 230. Тамъ же: *a.* № 49 (Габріэль д'Эстрé, ум. 1599); *b* № 52 (Маркиза де Вернейль, 1579—1610).
- 231. *a b.* По гравюрѣ Гейна съ Гольціуса
- 232. *a.* По гравюрѣ Гольціуса (Bartsch. p. 98 № 15); *b.* по грав. Сэнредама съ фонъ-Мандера.
- 233. *a b.* По грав. Гольціуса.
- 234. *a—d.* По гравюрѣ Дюрера, 1520 года.
- 235. *a.* Chr. de Mechel. Les oeuvres de J. Holbein. Pl. 6.
- 236. *a b.* Съ политипажа 1524 года.
- 237. Galerie altd Deutsch. Trachten *a.* II Heft, Taf. 22; *b.* II, Taf. 21 (изъ костюмника Матвѣя Шварца 1518—1519 гг.).
- 238. *a b.* По полит. Шейфелейна („Die Hochzeitstänzer“).
- 239. Ch. von Mechel. Lucas Cranach's Stammbuch: *a.* Taf III (Иоганнъ Фридр. Саксонскій 1543); *b.* Taf. IV (Эрнстъ, герцогъ Саксенъ-Кобургскій, 1546).
- 240—241. Тамъ же: Taf. IX (Georgius Spalatinus. 1543); Taf. X (Лука Кранахъ 1472—1553); Taf. VI (Фил. Меланхтонъ 1543).
- 242. *a b.* Chr. von Mechel. Les oeuvres de J. Holbein. Pl. 10, 7.
- 243. Съ политип. Ammon, въ его „Kunstabuch für anfähende Jungen“.
- 244. *a b c.* Съ гравюръ Альдегревера (Die kleinen Hochzeitstänzer, ок. 1553 г.).
- 246—247. Ammon, Kunstbuch etc.
- 248. H. Weigel. Trachtenbuch. Nürnberg: 1577 *a* („Tracht der erbarn Jungfraven, wann sie zur Hochzeit gehen in Leipzig“: дѣвушка въ свадебномъ костюмѣ въ Лейпцигѣ); *b* („Eine Fraw, wann sie zu Gast gehet“, женщина, одѣтая чтобы идти въ гости, тамъ же).
- 249. Ammon, Kunstbuch etc.
- 250. Его-же „Im Frawenzimmer wird vermeld“ etc.
- 251. *a.* Cesare Vecellio. Habiti ant. e mod. p. 71; *b* Giov. Rosini, Storia della pittura.
- 252—257. Cesare Vecellio. Habiti etc.
- 258. Georg Straub. Trachten oder Stammbuch etc. 1600 (Венеція).
- 259. Cesare Vecellio. Habiti etc. p. 99 (Венеція).
- 260. *a* тамъ же p. 347 („Polacho“); *b c* Braun. Städtebuch (франц. изд. Кельнъ 1618) T. VI. (Краковянинъ и Варшавянинъ).
- 261. *a b* тамъ же; *c* A. Przedziecki. Monum. du moyen âge dans l'ancienne Pologne. Livr. XVII et XVIII, pl. T. t.
- 262. Der Weis Kunig № 235.
- 263. Ces. Vecellio, Habiti etc. *a* („Vngaro, o Croate nobile“) p. 408; *b* („Croato“) p. 409.

- Фиг. 264. Стефанъ Баторій по грав. Аммопа 1576 года.
- 265. *a* Ces. Vecellio, p. 414 („Capo di Eusocchi“); *b* Der Weis Kunig № 49; *c* Braun, Städtebuch, Tom. VI.
- 266. *a* C. Vecellio, Habiti etc. p. 303 („Nobile ambasciadore Moscovita“: посолъ Московскій); тамъ же p. 283 („Magnus Moscoviae Dux“ Вел. Кн. Московскій).
- 267. *a b*. Der Weis Kunig № 219.
- 268. *a* Ces. Vecellio, p. 304 („Moscovita nobile“); *b* по гравюрѣ изъ „Zwölf Monate“ v. Vranck.
- 269. C. Niebuhr, Reisebeschreibung nach Arabien I, Taf. LXXI.
- 270. *a b*. (M. Lorch) Eigentliche Beschreibung von den Türken. S. 79, 149.
- 271. *a b c*. Тамъ же: §. 42—44 (Янычары).
- 272. *a b*. Тамъ же: S. 96 (поваръ султана), S. 99 (водонось).
- 273. *a*. Aloph: Galérie royale de Costumes. Cost. Algériens № 24; *b* его-же Cost. de l'empire ottoman № 8.
- 274. Nicolas de Nicolai. Les navigations, peregrinations et voyage fait en la Turquie (1568).
- 275. Aloph. Galérie royale, *a* Cost. persans № 2; *b* Cost. de l'empire ottoman № 9.
- 276. Тамъ же. Cost. persans № 4, 3, 8.
- 277. C. Niebuhr. Reise nach Arabien. I, Taf. LIX.
- 278. N. de Nicolai. Les navigations etc.
- 279. Aloph. Galérie royale. Costumes de l'empire ottoman. № 1, 10.
- 280. N. de Nicolai. Op. cit.
- 281. *a*. Aloph. Op. cit. № 6; *b* (M. Lorch) Eigentliche Beschreibung von den Türken. S. 117.
- 282. W. Lane. Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter. I. Taf. 18.
- 283. *a—p*. H. v. Meyer, Genrebilder aus dem Orient. Taf. XXIV.
- 284. *a* H. Weigel, Trachtenbuch. Nürnberg; 1577; *b c*. Joh. Bockssperger von Salzburg. Triumph vnd eigentliche Contrefactur etc. Prag. 1565.
- 285. Comte Bastard. Miniat. (Chronique de Jeon Dutidet, greffier du Parlement du Paris“; Францискъ I).
- 286. Mittheilungen d. k. k. oesterreich. Central-Commission II, 86.
- 286. G. Fincke. Abbildung und Beschreibung der Waffen des Llewelin Meyrick. Pl. LXX, 2; Pl. XXVIII, 3; Pl. XXIX 1, 2.
- 288. Asselineau, Meubles et armes du moyen âge, pl. 91.
- 289. Rockstuhl. Armes et armures anciens et orientaux pl. XLIX.
- 290. Chr. v. Mechel. Les oeuvres de J. Holbein. pl. 6.
- 291. Съ политипажа Луки Кранаха.
- 292. Съ политип. приписываемаго Дюреру.
- 293. *a—c*. G. Fincke. Abbild. und Beschr. der Waffen etc. Pl. XIX.
- 294. *a—c*. Catalogue illustré d'armes anciennes etc. sous la direction de M. H. le Roi. Bruxelles 1854. Pl. II. № 42, 46, 38.
- 295. *a*. R. Jacquemin. L'art et le costume. Livrais. 1; *b c*. E. v. Sacken, k. k. Ambrasersammlung I (заглавие).

- Фиг. 296, *a*. Rockstuhl. Armes et armures. Pl. XXV; *b*. G. Fincke. Abbild. und Beschr. der Waffen etc. pl. XXV.
- 297. *a b*. Asselineau. Meubles et armes du moyen-âge. № 23, 40.
- 298. *a*. Тамъ же, № 40; *b*. Rockstuhl. Armes et armures. Pl. XXI
- 299. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. III. Taf. 60.
- 300. *a b*. Asselineau. Meubles et armes du moyen-âge. № 92.
- 301. G. Fincke, Abbild. und Beschreib. der Waffen des Llewelin Meyrick (*a*. Pl. LXXXV, 10; *b*. Pl. LXXXV, 4; *c*. Pl. LXXXV, 8; *d*. Pl. LXXXVII, 62; *e f*. Pl. XC, 4, 3; *g*. Pl. XCI, 3; *h*. Pl. XCIII, 5; *i*. Pl. LXXXIV, 10; Pl. XCIII. 4).
- 302. *a b c*. A. Worsaae. Nordiske Oldsager (Kjöbenhavn 1859); p. 171. № 586, 588.
- 303. *a*. Тамъ же, p. 137. № 592; *b*. Fincke, Abbild. und Beschr. d. Waffen etc. Pl. CXVI, 1; *c*. G. Klemm. Werkzeuge und Waffen S. 351; *d*. Anzeiger für Kunde der deutsch. Vorzeit. 1868. № 8; *e f g*. Тамъ же, № 6.
- 304. J. de Bruyn. Equitum Descriptio. Fig. 23.
- 305. Rockstuhl. Musée d'armes anciennes et orientales. Pl. XVIII.
- 306. *a*. Alterthümer des Russ. Kaiserreiche (Древности российск. Государства) III. № 40; *b*. Тамъ же № 55; *c*. Rockstuhl Musée d'armes etc. Pl. CXXXI.
- 307. *a—i*. H. v. Meyer. Genrebilder aus dem Orient. Taf. XVIII. 2, 3, 4, 5, 24, 25, 29, 30, 31, 32, 40, 54.
- 308—311. W. Wierich. Trachten aller geistlichen Ständ und Orden. Taf. 3, 2, 1, 5.
- 312. *a*. Тамъ же Taf. 1; *b c*. B. Grassi. Dei veri ritratti degli abiti etc. № 2.
- 313. Тамъ же.
- 314. Ch. v. Mechel. Lucas Cranach's Stammbuch. Taf. V. (Лютеръ 1543).
- 315. F. W. Fairholt. Costume in England. p. 275, 274, 277.
- 316. F. Kugler, Geschichte der Baukunst, IV, 299, Fig. 133 (Ватиканскія Loggie).
- 317. W. Lübke. Grundriss der Kunstgeschichte (1860) S. 536 ванделабръ въ ц. св. Антонія въ Падуѣ).
- 318. J. Caveda. Gesch. der Baukunst in Spanien. S. 212 (двери въ залѣ капитула въ Толедскомъ соборѣ).
- 319. Тамъ же стр. 239 (Порталъ Ospedale Santa Cruz въ Толедо).
- 320. F. Kugler. Gesch. der Baukunst IV. S. 25. Fig. 3 (Винтовныя лѣстницы въ замкѣ Блуа).
- 321. Тамъ же. Fig. 148 (потолокъ).
- 322. Тамъ же. Fig. 141 (дверной молотокъ).
- 323. R. v. Rettberg. Nürnbergs Kunstleben. S. 149. Fig. 70 (гробница св. Себальда, работа Петра Фишера).
- 323. Тамъ же. S. 162. Fig. 80 (настоликъ Венцеля Ямницера).
- 325. (*a*). По рисунку Полидоро (?), въ кор. кабинетъ гравюръ въ Берлинѣ. (*b*). По гравюрѣ неизвѣстн. художника 16 вѣка, тамъ же.
- 326. *a—c*. Asselineau. Meubles et armures. № 35.
- 327. Joan. d'Huyvetter. Objets rares. Gand, 1849 (*a*. Pl. II, № III; *b*. Pl. IV. № III; *c*. Pl. III. № III),

- Фиг. 328. J. v. Hefner-Alteneck. *Kunstkammer des Fürsten Anton von Hohenzollern-Sigmaringen*. Taf. 22.
- 329. D van der Kellen. *Neerlands Oudheden* (II). Pl. 47.
- 330. *a.* По гравир. изданію собранія сосудовъ Флинта (P. Vlint); *b.* J. v. Hefner-Alteneck. *Geräthshaffen der christl. Mittelalters*, II. Taf. 60.
- 331. По гравюрѣ неизвѣстнаго монограммиста, обозначенной 1558 год., въ кабинетѣ гравюръ въ Берлинѣ.
- 332. Изъ собранія Флинта (P. Vlint).
- 333. *a—f.* Asselineau. *Le moyen-âge pittoresque*. № 114.
- 334. *a.* Asselineau. *Meubles et armures etc.* Nr. 13; *b.* W. B. Scott, *Antiquarian's Gleanings in the North of England*. pl. X.
- 335. Asselineau, *Le moyen âge pittoresque*. Nr. 12.
- 336. Его же *Meubles et armures etc.* Nr. 12.
- 237. W. B. Scott. *Antiquarian's gleanings etc.* pl. XX.
- 338. Asselineau. *Meubles et armures*. Nr. 85.
- 339. „ *Le moyen âge pittoresque*. Nr. 42.
- 340. „ *Meubles et armures*. Nr. 53.
- 341. J. Labarte. *Histoire des arts industriels etc.* IV. 671.
- 342. Asselineau. *Meubles et armures etc.* Nr. 54.
- 343—346. F. Kugler. *Gesch. der Baukunst*. IV, 250, Fig. 140; Fig. 146 (клиросн. сидѣнья въ ц. Сантъ-Мартино въ Палермо); Fig. 143 (клир. сидѣнья въ соборѣ въ Пузѣ); Fig. 147 (органъ въ Minerva въ Римѣ).
- 347. New Jagerbuch: Jacoben von Fouilloux etc. Strassburg 1560. p. 82.
- 348. По гравюрѣ А. Дюрера, 1518 года.

17-е столѣтіе.

- Фиг. 349. По грав. Іоанна Мюллера съ Рубенса 1615 г. (Албертъ, эрцгерцогъ австрійскій, герцогъ бургундскій, государь бельгійцевъ; — Изабелла испанская, государыня бельгійцевъ).
- 350. *a—c* съ картины Eugenio Saxes въ Мадридской галлерей.
- 351. *a b.* Pluvenel (школа верховой ѣзды), Fig. 42. port. 2; Fig. 43. port. 42.
- 352. *a b.* По гравюрамъ А. Bosse, *Le jardin de la Noblesse française*.
- 353. *a b* тоже: „*Le courtisan suivant le dernier Edit*“ (1632?).
- 354. *a* съ гравюры подписан.: „A. Bosse inven. Rousselet fecit; *b.* тоже: „A. Bosse inven. Le Blond excud“.
- 355. A. Bosse. *Le jardin de la Noblesse française*.
- 356—357. Съ гравюръ Jean Callot („*Costumes*“).
- 358. Съ гравюръ А. Bosse: *a.* „*La dame réformée*“; *b.* „*L'odorat*“.
- 359. *a b.* Съ гравюръ Wenzel Hollar „*Aula veneris*“ (1644).
- 360. *a* (Людвигъ XIV) съ гравюры Le Clerc.
- 361. Календарь 1667 года, Larmessin (ср. E. v. Eye und. J. Falke. *Kunst und Leben*).
- 362. *a* (Людвигъ XIV) съ гравюры, подписан.: „*Le Roy*“ — Dessiné et gravé par Masson“; *b* тоже, неизвѣстнаго художника.
- 363. *a* (герцогиня Бургундская) съ грав. „Müller sc. H. Rigaud p.“; *b.* R. Jacquemin. *L'art et le costume*, Livr. 1 (Клав-

дія Медичи, супруга имп. Леопольда, съ картины въ гал-
лерей Сампьері, въ Болоньѣ).

- Фиг. 364. *a—c.* Съ гравюръ Le Clerc.
— 365. J. de Ghein. Handlung von den Roren etc. 1607 (*a—Fig. 5*;
b—Fig. 33).
— 366—367. Съ гравюръ R. de Hooghe. Figures à la mode. № 7,
9, 10, 3.
— 368. *a.* По „Terburg p. H. Payne sc.“; *b—* „Terb. pinx.
Corneillon sc.“.
— 369—71. W. Hollar, Aula veneris.
— 372. *a* (Принцъ Вюртембергскій) „Touts les portraits de la cour
et autres chez H. Bonnard; *b* „Antonius Egon etc.
P. Schenk excud. Amstel.
— 373. Abraham a S. Clara. Neu eröffnete Weltgallerie. Nürnberg
1703 *a* (камерфрау имп. двора); *b* (Марія Анна, эрцгерц.
австр.).
— 374. *a—c.* Catalogue illustré d'armes anciennes européennes et
orientales. Bruxelles 1854. № 53—55.
— 375. (См. фиг. 350 *a c*).
— 376. „François de Vandosme, duc de Beaufort et pair de France.
Nocroît pinx. Nanteuil sculp.“.
— 377. *a b.* J. de Ghein. Handlg. von den Roren (1607). Fig. 27; 16.
— 378. Galerie française du Louvre: *a* „peint par Metz, gravé par.
Audouin *b—* „peint par Terburg, gravé par le même“.
— 379. *a b.* J. de Ghein. Handlg. von den Roren. Fig. 5; 33.
— 380. *a.* Die Drillkunst, das ist kriegsübliche Waffenhandlung.
Nürnberg 1664 (заглавіе); *b.* Speculum militare oder Neue
und kunstreiche Schauplatz. Im Hage 1680. Fig. 32.
— 381. L'art militaire français etc. 1697. Fig. III.
— 382. По грав., изображающей политич. аллегорію, „Romeyn de
Hooghe“.
— 383. *a* (Elias Vliet, пасторъ въ Ульмѣ, „J. Arnold delin., Ki-
lian sc.“); B. Picart. Diverses modes dessinées d'après na-
ture. Amsterdam 1728.
— 384. D. von der Kellen. Neerlands Oudheden II. *a—* pl. 52;
b— pl. 58.
— 385. E. Reiber. L'art pour tous. 8-e année (1869) № 1934.
— 386. *a.* Asselineau Meubles et armes etc. № 41; *b* E. Reiber
L'art pour tous. (1866) № 1473.
— 387. E. Reiber ibid. (1870) № 17.
— 388. Съ гравюры Romeyn de Hooghe.

Съ начала 18-го стол. до новѣйшаго времени:

- Фиг. 389. Съ грав. изданія костюмовъ „à Paris chez J. Mariette,
rue. St. Joques“.
— 390. *a.* „La danse ordinaire“. J. E. Nilson inv. sculp. et excud.;
b. „Gerhard inv. et delin. Bernardi Vogel sc. 1735“.
— 391. „Gottfried Liber Baro de Schnürbein“ G. Eichler pinx.
Ph. Kilian sc. 1750.
— 392. *a.* „Dame de qualité en robe de chambre“ (знатная дама въ
шлафрокѣ) G. Valck exc.; *b.* (Figures de costumes, à Paris
chez Mariette).

- Фиг. 393. *a.* „La danse ordinaire“ J. E. Nilson inv. sc.; *b.* B. Picard, Diverses modes. 1728 („Fille de qualité de Francfort:“ франк-фурская благородная дѣвица).
- 394—395. Figures d'habillement etc. à la mode etc. dessinées par Le Clerc, pl. T. 110; pl. U. 118; pl. U. 116; pl. R. 101; pl. U. 117.
- 396. H. Le Comte Costumes civils et militaires III. Nr. 260, 266.
- 397. Moreau le jeune. Monument du costume physique et moral etc. (1789).
398. *a.* „Figures d'habillement à la mode. Pl. T. 114; *b.* Moreau le jeune, Monument etc.
- 399. „Le directeur des toilettes“. Peint à guasse par Lauwerens et gravé par Voyer l'ainé.
- 400. *a.* Kalender-Modenbild von E. Riepenhausen; *b.* J. Bertuch. Journal des Luxus und der Mode 1791.
- 401. „Journal für Fabrik, Manufactur, Handlung und d. Mode XII, 392.
- 402. Bertuch. Journal des Luxus etc. (1791; 1798).
- 403. *a. b.* „Costume français. Paris, chez J. Chéreau;“ *c.* „Costume parisien“ (1804 Nr. 22).
- 404. H. Le Comte. Costumes civils et militaires III. Nr. 292, 295.
- 405. „Costume français“ chez Chéreau.
- 406. *a.* „Costume parisien“ (1804, Nr. 11); *b.* Картинки модъ изъ Гёттингенскаго карман. календаря (Taschenkalender) 1806, Nr. 5.
- 407. *a. b.* H. Vernet „Incroyable“. Gattine sc. Nr. 10; 14.
- 408. *a—d.* H. Vernet „Merveilleuse“. Gattine sc. Nr. 8, 17, 21, 2.
- 409. „Gottfried Liber Baro de Schnürbein“. Gottfr. Eichler pinx. 1750.
- 410. Riepenhausen—модныя картинки.
- 411. *a.* C. G. Eisler inv. et delin. Engelbrecht exc. A. V. Heft 3. Nr. 290; *b.* J. S. Hildt. Schöne und auf die neueste Façon inventirte Gefässe und Krüge. J. Wachsmuth sculp. A. V. 2. Nr. 114; *c.* то же Nr. 22, 113.
- 412. T. Chippendale inv. et delin. J. Tailor sc. Publ. according to the act of Parliament 1759.
- 413. *a.* J. Rump. Unterschiedliche neue sehr nützliche Tischler—oder Schreiner—Risse. Nr. 6, 2; *b.* T. Chippendale etc. Nr. LXV. „French Commode Table“ (франц. столъ-бюро).
- 414. Тамъ же, N. CXXII „Design for Cabinet“ (рисунокъ для шкафика).
- 415. J. Rump. Unterschiedliche etc. Tischler—Risse: *a*—Nr. 1; *b*—Nr. 4.
- 416. E. Reiber. L'art pour tous (1866): *a*—p. 618, Nr. 22; *b*—p. 730, Nr. 730.
- 417. *a.* T. Chippendale. Nr. LXI. („Sideboard-table“ — буфетъ); *b.* Boucher inv.; se vende chez J. Mr. Will à Augsbourg. 58. Theil. Nr. 2. „Commode à l'italienne“ — коммодъ итальянскій)
- 418. „Idee und Zeichnung von J. F. Mercker. 19. Zimmer“ (комната) Taf. II. 8; 10.

ПОПРАВКИ:

На листъ 19 въ заглавіи страницъ (290—304) вм. О т д. П, вн. с. 16 стол. должно
быть: О т д. П П, вн. б. 17 ст.
— стр. 294 строка 1 сверху: вм. „долженъ“ слѣдуетъ д о л ж н о.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

- Аванасьева. Народныя Русскія сказки. 4 части. Изд. 2. Цѣна 6 р.
— Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части. Цѣна 8 р.
Блэнки, Дж. Ст. Четыре фазиса нравственности. Цѣна 2 р.
Буассье, Гастонъ. Римская релігія, отъ Августа до Антониновъ. Пер. М. Корсака.
Цѣна 5 р.
Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 ч. Пер. Э. Циммермана. Ц. 7 р. 50 к.
Берга. Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части. Цѣна 2 р. 50 к.
— Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). Цѣна 7 р.
Вейса. Вѣнній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Т. I.
Т. II. Т. III. Ч. I. Пер. В. Чаева и И. Васильева. Цѣна 20 р.
Вольскаго. Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестья-
нами собственниками. Цѣна 2 р. 50 к.
Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ
2-хъ книгахъ. А. Козлова. Цѣна 4 р. 50 к.
Геттнера. Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка. Т. III, кн. I и II Ц. 4 р. 75 к.
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I и II Пер. Н. Г. Виноградова.
Цѣна 4 р.
Грановскаго. Сочиненія. 2 части. Цѣна 2 р.
Ешевскаго. Сочиненія. 3 части. Цѣна 6 р.
Забѣлина. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. 2 ч. Цѣна 4 р.
— Кунцево и древній стунскій станъ. Цѣна 2 р.
Игеринга. Борьба за право. Пер. П. Волкова. Цѣна 75 к.
Кавелина. Сочиненія. 4 части. Цѣна 5 р.
Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III,
IV и V. Пер. Е. Корша. Цѣна 20 р.
Ключевскаго. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ.
Цѣна 2 р.
Кольцова. Стихотворенія. Изд. 6. Цѣна 20 к.
Корсанъ, М. Первоначальные уроки грамматики, руководство для матерей и
выставницъ. Цѣна 60 к.
Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. Е. Корша. 2 ч. Цѣна 10 р.
— Руководство къ исторіи живописи. Пер. И. Васильева. Цѣна 7 р.
Курицусъ. Исторія Греціи. Т. I и II. Пер. А. Веселовскаго. Цѣна 8 р.
Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. Е. Корша. Цѣна 6 р. 50 к.
Любко. Исторія пластики. Пер. В. Чаева. Цѣна 6 р.
Моммсена. Римская исторія. Т. I. Перев. Н. Д. Ахшарумова. Цѣна 6 р.
Огарева. Стихотворенія. Изд. 3. Цѣна 50 к.
Попова. Россія и Сербія. 2 части. Цѣна 4 р.
Рихтера. Вліяніе цѣллулярной патологіи. Цѣна 1 р.
Рѣшетникова. Сочиненія. 2 части. Цѣна 5 р. 50 к.

- Сурикова. Стихотворенія. Изд. третье. Цѣна 1 р.
- Тацита. Лѣтопись. 2 тома. Перев. *К. Кронеберга*. Цѣна 1 р. 50 к.
- Трачевскаго. Польскос безкорольевье. Цѣна 3 р.
- Тэна. Чтеніе объ искусствѣ. Цѣна 2 р.
- Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. Цѣна 4 р.
- Фета. Стихотворенія. 2 части. Цѣна 2 р.
- Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. II. 4 р.
- Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I и II. Цѣна 2 р. 50 к.
- Фюстель-Нуланжъ. Гражданская община античнаго міра. Перев. *Е. Корша*. Цѣна 2 р. 50 к.
- Чичерина. Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2 и 3. Ц. за каждую 3 р.
- Нѣсколько современныхъ вопросовъ. Цѣна 1 р.
- О народномъ представительствѣ. Цѣна 3 р.
- Областные учрежденія. Цѣна 3 р.
- Опыты по исторіи русскаго права. Цѣна 1 р.
- Очерки Англіи и Франціи. Цѣна 1 р.
- Шекспира. Драматическія сочиненія. Перев. *Н. Катчера*. 7 частей. Ц. 7 р.
- Шилова. Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи *С. Соловьева*, съ 6-ю родословными таблицами. Цѣна 3 р.
- Шмидта, Марла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Томъ I и II. Цѣна 7 р. 50 к.